УНИВЕРСИТЕТ **ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА**

И. В. БРУЯКО

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ в ЕВРОПЕ

X–V вв. до Р.Х.

Кишинев **2005**

ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Игорь В. БРУЯКО

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ в ЕВРОПЕ

X–V ВВ. ДО Р. Х.

Олегу Левицкому
на добрую память об
почти что сорабчина в
раннегальштатских делах
15.12.06 г.

КИШИНЁВ
2005

CZU 902+94(4) «–09/–04»
Б89

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Бруяко Игорь Викторович
Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. Х.) / Игорь В. Бруяко; Высшая Антропологическая Школа. — Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005 (Tipogr. «Business-Elita»). — 358 с. — (Сер. «Археологические источники Восточной Европы»).
ISBN 978–9975–9904–1–7
500 ex.

902+94(4) «–09/–04»

Книга посвящена изучению раннего этапа истории кочевых сообществ Евразии. Фактическое рождение кочевого мира на рубеже эпох бронзы и железа и его «Великий поход» на запад в начале 1 тысячелетия до Р. Х. рассматриваются на фоне широкого историко-географического полотна. Панорама событий, о которых идет речь в монографии разворачивается на пространстве от Центральной Азии на востоке до Центральной Европы на западе. Основное внимание в работе сосредоточено на реконструкции отдельных этапов последовательного расселения (военной миграции) ранних кочевников, известных в исторических сочинениях древних авторов под именами «киммерийцы» и «скифы».

В этой исторической драме, кроме главных действующих лиц принимали участие также многие народы и цивилизации древности.

Ответственный редактор
академик *В. М. Массон*

Рецензенты
член-корреспондент РАН *А. И. Иванчик*
доктор исторических наук *Н. А. Гаврилюк*

Корректор
В. Н. Поливцев

Оригинал-макет, обложка
Д. А. Топал

ISBN 978–9975–9904–1–7

© И. В. Бруяко, 2005
© Д. А. Топал, оформление обложки, 2005
© Университет Высшая Антропологическая Школа, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НА СТЫКЕ ДВУХ ЭПОХ (предисловие ответственного редактора) 6

ОТ АВТОРА 8

ВВЕДЕНИЕ 10

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН «ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ» КЕРАМИКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НАЧАЛА I ТЫС. ДО Р. Х. 13

1.1. Возможности «геометрической» керамики как хронологического индикатора предскифского периода (на примере Северо-Западного Причерноморья) 13

1.2. Геометрическая керамика и начало раннескифской культуры 52

1.3. «Геометрический» мир Циркумпонтийской области 64

1.4. Вступление к киммерийской проблеме (население Северного Причерноморья предскифской эпохи) 74

ГЛАВА 2. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ 88

2.1. Проблема персонификации культуры ранних кочевников в Восточной Европе 88

2.2. Азиатские корни евразийской проблемы 114

2.3. Вместо заключения 147

ГЛАВА 3. ПОНТИЙСКО-КАРПАТСКИЕ ЗЕМЛИ В VII—V ВВ. ДО Р. Х. 148

3.1. Археологические источники 149

3.1.1. Скифы 149

3.1.2. Фракийцы 167

3.2. Реконструкция диалога культур 184

3.2.1. Общие замечания 184

3.2.2. Скифский фактор культурогенеза. «Иллирийский этюд» 188

3.2.3. Раннегетская культура 204

3.2.4. Фракийцы и античные колонии Северо-Западного Причерноморья 222

ГЛАВА 4. РАННИЕ КОЧЕВНИКИ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ 229

4.1. Скифы в Трансильвании и проблема раннескифской культуры в Восточной Европе 229

4.2. Скифские древности в Восточной Венгрии (группа Мезечат и культура Векерзуг) 257

4.3. Вместо заключения 287

ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМА СКИФСКИХ НАБЕГОВ В ЛУЖИЦКИЕ И ГАЛЬШТАТСКИЕ ЗЕМЛИ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ 293

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 307

SUMMARY 314

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 326

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 356

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НА СТЫКЕ ДВУХ ЭПОХ

(предисловие ответственного редактора)

Книга И. В. Бруяко, ее основные положения были защищены в Санкт-Петербурге в качестве докторской диссертации (Бруяко, 2004). Она посвящена эпохе, которая по археологической систематизации носит наименование раннего железного века. Этот этимологически не самый удачный термин определяет наступление и расцвет материальной культуры периода, носящего характер знакового рубежа. Для степной зоны он был определен М. П. Грязновым как эпоха ранних кочевников. Социологически достаточно содержательным можно считать понятие военной государственности (Массон, 2004).

В целом изменения в сфере социогенеза и культурогенеза для обширной зоны, условно именуемой евразийскими степями и протянувшейся от Молдовы до Монголии, достаточно выразительны. В конце III — первой трети II тыс. до н. э. активизация исторического процесса в зоне, называемой В. С. Бочкаревым южноуральским и средневолжским очагом культурогенеза, стимулировало качественные изменения во всей степной зоне.

Прогресс металлургии и широкое внедрение быстроконных колесных экипажей, мобильность которых обеспечивала специально выведенная порода коней, способствовали развитию военной составляющей в древних обществах. Формируется раннее комплексное общество с отчетливым свидетельством военно-аристократического пути политогенеза. Соответствующие проявления в культурной и социальной сфере становятся эталонами эпохи и воспринимаются едва ли не по всей зоне. Наряду с расселением носителей этих инноваций, бесспорно, имела место и стимулированная трансформация.

Общества этого ранга стали исходным пластом последующих кардинальных перемен, происходящих в первой трети I тыс. до н. э., когда по всей зоне формируется система обществ, характерной чертой

которых становится военная государственность. Военно-аристократический путь политогенеза теперь рождает плеяду лидеров и суперлидеров. Военная обеспеченность позволяет им играть заметную роль во всемирной истории. Формируется особый тип эпохальной культуры, который следует сложившейся традиции условно можно именовать скифским, хотя этот тип представлен у самых различных народов. Из их числа сами скифы были одной из составляющих величин.

В Центральной Азии региональным видом этого эпохального культурного типа был сакский региональный тип с целым рядом локальных подразделений, которые можно трактовать как отдельные культуры. Таким образом, формируется скифский эпохальный тип культуры еще до широкого появления на арене самих скифов. Для юго-восточной Европы это, скорее всего, было время киммерийцев и их предтечи. Распространение нового эпохального типа культуры с такими составляющими компонентами, как так называемая скифская триада и породы быстроаллюрных коней, носило, скорее всего, как и события бронзового века, сложный характер, сочетающий прямое расселение и адаптацию к новым эталонам эпохи, отвечающим велению времени.

Этой сложной эпохе формирования новых исторических рубежей и посвящена данная книга И. В. Бруяко. Для конкретной зоны гигантского макрорегиона автор концентрирует внимание на основном виде источников того времени — материалах археологии. Рассматривая их как базовую информационную составляющую, автор сосредотачивается на двух главных аспектах организации последних. Это, с одной стороны, выделение пространственных культурных общностей в археологии, обычно именуемых культурами, имея в виду именно археологическую терминологию, и, во-вторых, рассмотрение хронологических позиций. Это наиболее полный и обстоятельный анализ, который, вероятно, со временем будет усилен более детализированными типологическими построениями. Проведенная таким образом тщательная оценка имеющихся археологических материалов позволила автору предложить общую характеристику процесса культурогенеза, происходившего в Северном Причерноморье и прилегающих к нему с запада областях в X—V вв. до н. э. Здесь в основном имели место три составляющие, хотя значимость их была различной. Во-первых, это трансформация к новому состоянию местного населения постсрубного типа, практикующего компоненты степного образа жизни и скотоводческо-земледельческую экономику. Во-вторых, видимо, шла адаптация местного населения с оседлой доминантой скотоводческо-земледельческой экономики типа белозерской культуры. И, наконец, третья составляющая — бесспорное следование новым культурным эталонам раннекочевнической эпохи, как через посредство прямых заимствований новых стандартов, так и путем продвижения с востока групп населения, становившегося лидером процессов ассимиляции. Конкретные разработки, предлагаемые И. В. Бруяко по выделению комплексов и культурных ансамблей, вполне обоснованы. Разумеется, со временем по данной сложной тематике появятся новые труды и, возможно, даже серия книг, но в настоящее время концепция автора остается достаточно убедительной.

В. М. Массон

Профессор, доктор исторических наук, академик АН Туркменистана, Народной академии наук Кыргызстана, Королевской академии наук и литературы Дании, Член-корреспондент Германского Института археологии, Института Африки и Востока (Рим)

ОТ АВТОРА

Основу этой книги составляет рукопись работы, защищённой в качестве докторской диссертации в Институте истории материальной культуры (Санкт-Петербург) в мае 2004 г. Без ложной скромности, могу сказать, что монографический вариант рукописи довольно значительно отличается от текста диссертации. Последний, сохранялся в неизменном виде, после того как в феврале 2002 г. прошел окончательное обсуждение в Отделе истории античной культуры ИИМК РАН и был рекомендован к защите. Соответственно, все изменения, в том числе и с учетом вновь вышедших (или ставших мне известными) за эти два с лишним года работ, вносились только в тот рукописный вариант, который предназначался для публикации. Кроме того, сюда же был возвращен целый ряд текстовых блоков и сюжетов, которые по итогам обсуждений работы совершенно справедливо были признаны не вполне соответствующими академическому стилю диссертационных исследований.

Несмотря на то, что эта работа от начала и до конца была написана, в буквальном смысле слова в стенах Одесского археологического музея НАН Украины, свой нынешний, законченный вид она, по обстоятельствам «исторического» свойства могла приобрести только в стенах Института истории материальной культуры РАН. Здесь, на протяжении почти 10 лет эта работа проходила неизменно творческую процедуру апробации. Насколько удачно завершился этот процесс — судить моим коллегам по научному цеху. Я же, считаю своим долгом поблагодарить всех моих петербургских коллег и друзей за помощь, поддержку, дружеское участие, критику, понимание и терпение, которые в огромной мере способствовали завершению данного исследования.

Я бесконечно признателен заведующему Отделом истории античной культуры ИИМК К. К. Марченко за ту, почти отеческую заботу которую я постоянно ощущал

с его стороны. Самые теплые слова благодарности я адресую сотрудникам Отдела: Ю. А. Виноградову, чья строгая, но справедливая критика часто способствовала обретению почвы под ногами, М. Ю. Вахтиной, А. Н. Щеглову, В. И. Денисовой, В. А. Горончаровскому. К сожалению, я уже не смогу поблагодарить Е. Я. Рогова, безвременно ушедшего от нас, но успевшего ознакомиться с первоначальным вариантом работы и дать первый официальный отзыв на нее.

К числу наиболее принципиальных рецензентов первой («предскифской») части работы принадлежит В. С. Бочкарев. Одновременно, со свойственной ему щедростью, он постоянно делился своими соображениями по тому или иному вопросу, а также своим богатейшим фондом одному ему известных находок различных вещей на просторах Евразии.

Я благодарен коллегам из Государственного Эрмитажа, заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири А. Ю. Алексееву, а также Г. И. Смирновой, с которой обсуждались практически все основные положения работы.

Проф. В. М. Массону я обязан очень многим в своей научной жизни. Здесь, я лишь хочу выразить ему свою признательность за согласие взять на себя обязанности ответственного редактора этой книги. Особо хочу поблагодарить и своих рецензентов — А. И. Иванчика и Н. А. Гаврилюк.

На разных этапах подготовки данного исследования разнообразную помощь и поддержку мне оказывали В. Ю. Зуев, М. Т. Кашуба, А. А. Масленников, В. С. Ольховский, С. Р. Тохтасьев, И. В. Тункина. Особую признательность я хочу выразить М. Е. Ткачуку и в его лице всему научно-преподавательскому колективу Высшей Антропологической Школы.

Всем этим людям, я черезвычайно обязан и всегда буду помнить об этом.

Наконец, есть и довольно большая группа моих коллег, которым я по-своему признателен уже за то, что они, если и не оказывали прямо какого-либо содействия, то, по крайней мере, не мешали процессу научного творчества.

В результате стало возможным предложить вниманию всех заинтересованных лиц данную работу.

Игорь Бруяко

ноябрь 2004 г.
г. Одесса

ВВЕДЕНИЕ

> «Создам ли я нечто, стоящее труда... того твердо не знаю, да и знал бы, не решился бы сказать, ибо вижу затея эта и старая, и не необычная, коль скоро все новые писатели верят, что дано им либо в изложении событий приблизиться к истине, либо превзойти неискусную древность в умении писать»
>
> *Тит Ливий*

Наверное, немного найдется проблем в евразийской археологии, которые за последние два десятилетия вызывали бы столь бурные и острые дискуссии как проблема кочевников Евразии раннего железного века (киммерийско-скифская). Виной тому, как обычно, несколько причин, лежащих в плоскости объективной данности, и субъективного её восприятия.

Некогда, на рубеже бронзового и железного веков, в евразийских степях объективно существовал некий культурный феномен, процесс зарождения и начальная стадия трансформации которого, во многом остаются загадочными. Очевидно, что с этим феноменом связано и такое явление как всадничество, которое, на рубеже II — I тыс. до Р. Х. (или в самом начале I тыс.) практически мгновенно распространилось по всему евразийскому степному поясу.

К моментам субъективного «вмешательства» в проблематику ранних кочевников относится, прежде всего, само понятие «ранние кочевники», а также культурно-археологическое наполнение и хронология этого понятия. Принципиально новый социокультурный стандарт — номады, — появившись на исторической арене в начале I тыс. до Р. Х., в дальнейшем, трансформируясь по некоему замкнутому циклу, существует почти 3 тысячелетия, до Нового времени включительно. Не вдаваясь в полемику вокруг дефиниций («ранние», «поздние») отмечу, что к кочевым сообществам Евразии предскифского и раннескифского периодов, в любом случае, вполне применимо именно понятие «ранние кочевники». На протяжении практически всей первой половины I тыс. до Р. Х. в структурном (социально-экономическом и демографическом) отношении, эти сообщества изменялись мало. За счёт исключительной подвижности на этой стадии, элементы степной кочевнической культуры, как правило, вместе с её носителями, охватили собой обширнейшую территорию от Китая на востоке, до Средней Европы на западе,

и от Среднего Поволжья на севере, до Передней Азии на юге. Только в середине I тыс. до Р. Х., начиная с V века, маргинальные, в географическом отношении, раннекочевнические анклавы постепенно растворяются в местной этнокультурной среде, и номады как бы возвращаются в свою традиционную ландшафтно-географическую среду. Наиболее яркий пример — оформление политических границ Скифии в географических рамках степного Причерноморья. Это начало фазы стабильности, есть следствие, а быть может и причина, кардинальных изменений в социально-экономической и политической структуре кочевых сообществ, которые, судя по всему, означают наступление следующего, качественно иного этапа в их становлении.

Собственно, все эти соображения, по-видимому, вполне позволяют ограничить хронологические рамки настоящего исследования первой половиной I тыс. до Р. Х.

Географические рамки работы, в основном, охватывают крайние западные пределы евразийского степного пояса. Это Северное Причерноморье, и прилегающие к нему другие культурно-исторические и ландшафтно-географические области — зона украинской лесостепи с севера и район Карпатского бассейна с запада. Этот выбор был предопределён следующими соображениями. В наше время достаточно узких археологических специализаций, гигантская протяжённость евразийского степного пояса с его безусловной региональной этнокультурной мозаичностью, не позволяет подробно, в деталях заниматься какой-бы то ни было проблемой в глобальном, евразийском масштабе. Объём накопленного материала и его специфика таковы, что такие попытки, предпринятые одним конкретным исследователем, неизбежно приведут к появлению работ т.н. очеркового характера, весьма близких к научно-популярному жанру. Вероятно, именно поэтому, сейчас всю группу исследователей занимающихся раннекочевнической проблематикой условно можно разделить на две основные подгруппы, интересы которых концентрируются, главным образом, в азиатской и европейской частях Великой Степи. Столь же условной границей между ними, или вернее, зоной смежных научных интересов, можно считать Волго-Уральский регион. К западу от него резко падает активность исследователей «азиатской» подгруппы, а к востоку — «европейской».

Вариант решения проблемы ранних кочевников Евразии, в настоящей работе отрабатывается, главным образом, на европейских материалах. Предпочтение западной части евразийского пояса степей было отдано, в основном, по двум причинам. Во-первых, в силу объективных обстоятельств, я принадлежу к представителям «европейской» исследовательской подгруппы. Во-вторых, именно на западе Великой Степи, с выходом ранних кочевников к границам мира оседлых земледельцев Северных Балкан и Средней Европы фактически заканчивается тот самый мобильный, если угодно, «хаотичный» период становления кочевого мира Евразии. Практически, «мгновенно» заполнив весьма объёмное, но довольно однотонное в ландшафтном и демографическом отношении, пространство Великой Степи, кочевники в дальнейшем сталкиваются с принципиально иной в этом плане ситуацией. Энергия первичного импульса, которой хватило на то, чтобы буквально прорубить несколько «окон» в культурном монолите Средней Европы позднеурненфельдско-раннегальштатского времени, эта энергия в дальнейшем, к середине I тыс. до Р. Х. угасает. Тем самым, понимание процессов происходивших на завершающей стадии появления ранних кочевников в Европе, позволит получить более или менее законченное представление об этом, первом этапе становления кочевых сообществ, в целом. Правда, с одним условием. Необходимо, хотя бы в общих чертах отслеживать те тенденции, которые сейчас формируют проблему ранних кочевников на востоке Евразии. Иными словами, что происходило там в самом начале I тыс. до Р. Х., накануне «Великого скифского похода из Центральной Азии в Европу»

(Курочкин 1993: 24). Этим и было обусловлено появление в работе соответствующего раздела («Азиатские корни евразийской проблемы»). В нём совершенно отсутствуют претензии на сколько-нибудь исчерпывающее освещение более чем глобальной и самостоятельной проблемы становления номадизма[1] на востоке Евразии. С точки зрения исследователя, принадлежащего к «европейской» группе, была предпринята попытка, как-то сблизить эти два региона на основе общей, сквозной проблемы, которая пока что, повторяю, во многом в силу объективных обстоятельств, рассматривается в региональных аспектах.

Системообразующим фактором становления номадизма в евразийском степном поясе, я считаю миграцию. Поскольку, этот фактор, в полной мере проявился ещё до возникновения в Восточной Европе раннескифской культуры, то отсюда и необходимость анализа событий, последовательно происходивших в Понтийско-Карпатском регионе в предскифскую и раннескифскую эпохи. Не случайно, в литературе вполне устоялось такое слитное словоупотребление, как «киммерийско-скифская проблема». Это позволяет думать, что рассматривать обе культурные составляющие, лучше всего параллельно, или точнее — последовательно-параллельно. Причём, независимо от того, будем ли мы считать эти два культурных феномена тождественными (= синхронными), либо, в конечном счёте, признаем за ними известное своеобразие и культурно-хронологическую преемственность. Без освещения тех процессов, которые происходили в регионе в предскифскую эпоху, восприятие культурно-демографической ситуации в раннескифский период, будет выглядеть, вероятно, в определенной степени искажённым. Ведь, для этих двух эпох, состав участников культурного диалога можно считать достаточно стабильным. Конечно, каждой из них, была присуща определённая внутренняя динамика. Так, в раннескифскую эпоху из предшествующего, предскифского периода перешёл, хотя и значительно видоизмененный, но всё же вполне устойчивый в своей этнокультурной преемственности, фракийский фактор. Сохранилось оседло-земледельческое население украинской лесостепи. Присутствует и кочевой, фактор, в виде теперь уже второй волны восточного (иранского) населения. Впрочем, не обошлось и без появления новых действующих лиц. Прежде всего, это население раннегреческих апойкий северного побережья Понта.

Однако, начинаем мы всё-таки, с предскифской эпохи. Традиционно, в неё помещают хронологический отрезок ограниченный, с одной стороны финальной стадией развития степных культур позднего бронзового века, а с другой — появлением памятников раннескифской культуры. Если в этом отношении всё выглядит вполне привычно, то группа материала, выбранная в качестве исходной для освещения процессов культурогенеза в предскифскую эпоху, может показаться в этом отношении не совсем традиционной.

[1] Излишне, наверное, подчеркивать, что явление номадизма рассматривается в работе, главным образом, с военно-политической точки зрения, поскольку хозяйственно-экономический аспект — совершенно самостоятельная область исследования.

Глава 1.
ФЕНОМЕН «ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ» КЕРАМИКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НАЧАЛА I ТЫС. ДО Р. Х.

Приступая ко всякому рассуждению, следует, как мне кажется, за основу взять нечто бесспорное.

Диоген Аполлонийский

ВНАЧАЛЕ была идея. Суть её заключалась в том, чтобы попытаться расширить базу степных хронологических индикаторов предскифского периода раннего железного века. Поскольку же, для региона Северо-Западного Причерноморья этой эпохи, фонд таких источников оказался особенно скудным, то именно эта область и стала отправной точкой для всех последующих размышлений. Эти размышления, в конечном счёте, и привели меня от частной проблемы, связанной с поисками региональных хроноиндикаторов, к более общим вопросам, связанным уже с историко-археологической динамикой начала раннего железного века в Восточной Европе.

1.1. Возможности «геометрической» керамики как хронологического индикатора предскифского периода (на примере Северо-Западного Причерноморья)

СВЫШЕ 100 лет назад, после раскопок профессора Киевского университета Ф. Кнауэра в южной Бессарабии (нынешний Саратский район Одесской области) среди прочих стали известны и материалы, которые значительно позже были включены в группу памятников позднейшего предскифского (или киммерийского) периода в Северо-Западном Причерноморье. Тогда, Ф. Кнауэром были найдены несколько сосудов орнаментированных резными и штампованными узорами, которые были частью погребального инвентаря подкурганных захо-

ронений.[1] Начиная с 60-х гг. XX столетия и по сегодняшний день, число подобных памятников медленно, но неуклонно растёт. Их особенностью и одновременно, зачастую единственным культурно-хронологическим индикатором для данного региона является сравнительно тонкая столовая керамика довольно изящных форм, украшенная геометрическим орнаментом, выполненным в резной или штампованной технике. Прочий датирующий инвентарь попадается довольно редко.

До сих пор, относительная хронология этих степных захоронений определяется, в основном, по положению погребённого. Скорченные трупоположения считаются ранними, вытянутые — поздними. Поскольку для других районов Причерноморья, эта градация предложенная А. И. Тереножкиным, в ряде случаев подкреплялась абсолютными датами предметов вооружения и конской упряжи, то и погребения Северо-Западного Причерноморья автоматически приобрели эти абсолютные даты и стали делиться на черногоровские — скорченные (900—750 гг. до Р. Х.) и новочеркасские — вытянутые (750—650 гг.). Подобная методика, конечно же, была в какой-то степени вынужденной, поскольку инвентарь предскифских погребений в данном регионе, как правило, не имел ничего общего с классическими образцами черногоровско-новочеркасских древностей.[2] Строить же собственную линию привязок было не на чём. Анализ керамического комплекса если и проводился, то главным образом на уровне типологии самих форм. Орнаментальные композиции, в большинстве случаев в расчёт не принимались. К исключениям можно отнести работу А. И. Мелюковой которая проводила сопоставление орнаментации отдельных степных сосудов с позднечернолесскими (сахарна-солонченскими) и жаботинскими образцами (Мелюкова 1979: 65—69). Совершенно ясно, однако, что стратегический замысел её монографии не позволял излишне подробно останавливаться на этом вопросе. Примерно то же самое можно сказать и о работе А. И. Тереножкина, где керамике так же и, видимо, по тем же причинам было уделено не слишком много внимания (Тереножкин 1976: 167—170). А. И. Тереножкин, опираясь на наблюдения В. А. Ильинской за лесостепными керамическими стандартами, отнёс все степные сосуды с замкнутым резным поясом геометрического орнамента, к жаботинскому (= новочеркасскому) этапу. Развивая свою точку зрения, он привлёк северокавказские материалы, полагая, что происходящие из степных могил кубки (с замкнутым орнаментальным поясом) «...ничем существенно не отличаются от сосудов конца предскифского периода в области кобанской культуры на Северном Кавказе» (Тереножкин 1976: 96, 204). Н. А. Гаврилюк, в статье специально посвящённой столовой керамике предскифских степных погребений, сразу же разделила все известные к тому времени комплексы с «геометрической» керамикой на черногоровские и новочеркасские в полном соответствии со сводкой этих памятников в работе А. И. Тереножкина. Тем самым, в большинстве случаев керамика, как бы заранее, была продатирована по уже знакомому нам принципу. Оставалось только описать орнаментальные композиции, характерные для «черногоровской» и «новочеркасской» столовой керамики (Гаврилюк 1979: 20—40). В работе вышедшей ровно через 20 лет, Н. А. Гаврилюк по-прежнему предваря-

[1] Совсем недавно, по архивной документации В. П. Ванчугов достаточно подробно сумел восстановить археологический контекст предскифских погребений, раскопанных Ф. Кнауэром (Ванчугов 1998).

[2] Явным исключением выступает Суворовский курганный могильник, закладка которого во второй половине (конце) X в. до Р. Х. знаменует завершение эпохи поздней бронзы и начало собственно предскифского периода раннего железного века в Северо-Западном Причерноморье.

ет основную часть исследования почти априорным делением комплекса степной геометрической керамики на черногоровскую и новочеркасскую (Гаврилюк 1999: 86). Абсолютно верное замечание исследовательницы о том, что лощёная керамика предскифского времени может служить датирующим признаком, принимается с двумя уточнениями. Во-первых, речь идёт об относительной датировке. Во-вторых, коль скоро такая керамика может иметь статус хроноиндикатора, то он (этот статус) остаётся таковым независимо от того, были ли найдены в данном конкретном комплексе какие-то иные, некерамические хроноиндикаторы, или нет.

Со временем, уже после выхода книги А. И. Тереножкина, становилось всё более очевидным, что хронологическая градация предскифских погребений в основе которой находится положение скелета, нуждается в более детальной разработке, а быть может, и в пересмотре. Слишком уж часто сам обряд и погребальный инвентарь оказывались одинаковыми как при скорченных, так и при вытянутых костяках (Кубышев, Полин, Черняков 1985: 153).[3] Однако, лишь за последние несколько лет, благодаря целому ряду работ по киммерийской проблематике, идея хронологически-последовательного существования черногоровских и новочеркасских древностей, надо думать, окончательно потеряла актуальность. Сейчас, пожалуй, большинство исследователей склоняются к точке зрения о полном, либо частичном хронологическом поглощении одним этапом другого, а некоторые вообще призывают лишить какой-либо из них (чаще новочеркасский) статуса культурной группы (см. напр. [Дубовская 1997]). При таком подходе в значительной степени утрачивается хронологический смысл, вкладываемый обычно в эти два культурных явления, а методический принцип датирования предскифских погребений Причерноморья, о котором говорилось выше, — безнадёжно устаревает.

На сегодняшний день в интересующем нас сейчас регионе Северо-Западного Причерноморья имеется некий блок степных памятников предскифского периода (чуть больше 30 [Рис. 1]), который заполняет весьма внушительный хронологический диапазон — между финалом белозерской культуры позднего бронзового века (середина — вторая пол. X в. до Р. Х.) с одной стороны, и раннескифским горизонтом и появлением первых греческих колоний (середина — вторая пол. VII в.) — с другой. Надежды на скорое открытие представительной серии хронологических индикаторов (ХИ) для этой группы памятников, весьма призрачны. Именно поэтому, в настоящем разделе предложен вариант хронологии памятников Северо-Западного Причерноморья предскифской эпохи, основанный на анализе единственного массового элемента погребального инвентаря — геометрической керамики. Тем самым, предлагается ввести эту категорию материала в число хроноиндикаторов предскифской эпохи.

Вначале, несколько слов в защиту терминологии. Я вполне сознаю всю условность использования термина «геомет-

[3] Справедливости ради, надо сказать что это, по-видимому, было очевидно и для А. И. Тереножкина. Во всяком случае, он не исключал того, что «...обычай хоронить в скорченном положении не исчез ещё окончательно в новочеркасское время...» (Тереножкин 1976: 98). Любопытно, что иллюстрацией к данному тезису послужил комплекс из Вольно-Грушевки, где при скорченном скелете находился, по мнению А. И. Тереножкина, кубок жаботинского типа (Там же). Фактически, эту же мысль исследователь высказывает и чуть раньше по тексту монографии, когда рассматривает погребальный комплекс предскифского времени, из-под Саратова. Здесь, в парном захоронении один из погребённых находился в вытянутом, а другой — в скорченном положении. В связи с этим, А. И. Тереножкин пишет: «...к этому (черногоровскому — *И. Б.*) времени могут относиться и некоторые из вытянутых скелетов, зачисленных нами сплошь в новочеркасскую группу, но подтвердить это уверенно для тех или иных захоронений мы пока ещё не можем» (Тереножкин 1976: 93).

рическая керамика» применительно к орнаментированной столовой посуде раннего железного века Карпато-Причерноморского региона, особенно, учитывая устоявшееся, традиционное употребление этого понятия как в узком («керамическом»), так и в широком (культурно-хронологическом) смысле, по отношению к эпохе «Тёмных веков» в Эгейском бассейне. И тем не менее, я буду настаивать на правомерности употребления этого термина, которая станет достаточно очевидной, когда мы будем говорить об общем, Циркумпонтийском феномене «геометризма», проявившемся в первую очередь именно в керамической орнаментации на рубеже II/I и в самом начале I тыс. до Р. Х. Общей, в данном случае, является именно знаковость этой, более или менее синхронно возникшей системы, а не её стилистическое и технологическое (краска, резьба, штамп) оформление.

В дальнейшем, термин «геометрическая керамика» употребляется без кавычек. Под ним (кроме специально оговоренных случаев) будет подразумеваться столовая лепная керамика, украшенная элементами резного и штампованного орнамента, образующего разнообразные композиции в геометрическом стиле.

Геометрическая керамика, как культурный феномен, не принадлежит к числу устойчивых, исконных признаков характерных для древнего Причерноморья. Периодические проявления фактора «геометризации», скажем, на керамике катакомбной культуры, или культуры многоваликовой керамики, выглядят эпизодическими, не имеющими местной предыстории, и не создавшими преемственной линии развития. Так, в раннем железном веке, появление геометрической керамики в Причерноморье произошло достаточно неожиданно, без ярко выраженных прототипов в культурах позднего бронзового века. Поэтому, глубокая эволюционная ретроспектива, широко применяемая для объяснения любого явления в археологии, в данном случае вряд ли приведет к желаемому результату. В тоже время, к юго-западу и юго-востоку от причерноморских степей, в традиционных оседло-земледельческих ареалах Балканского полуострова и Кавказа истоки резной и крашеной «геометрии» имеют весьма глубокие корни. Вполне логично, что в поисках возможных прототипов для причерноморской «геометрии» раннего железного века, исследователи обращались в первую очередь, к этим двум культурным областям. Карпато-Подунавью, при этом, отдавалось явное предпочтение. Когда же, направление запад (юго-запад) — восток подавляющее большинство ученых вслед за А. И. Мелюковой и Г. И. Смирновой признало в качестве важнейшего вектора культурных импульсов в эпоху поздней бронзы и раннего железа, то среди прочего этим импульсам было приписано и распространение геометрической керамики.[4]

Отпечаток одного из первых таких веяний несёт на себе комплекс столовой керамики балтской группы памятников в междуречье Южного Бута и Днестра. Многочисленные прототипы орнаментальным композициям этого комплекса, В. П. Ванчугов видит в нижнедунайском горизонте прочерченной керамики типа Сихляну–Римничеле, Тэмэоань, Винэтори, считая при этом, что группа Римничеле явилась основным культурным компонентом в сложении памятников балтской группы (Ванчугов 1993: 36,38). Собственно говоря, именно анализ керамических форм и типов орнаментации как раз и позволил В. П. Ванчугову сделать вывод о синхронности балтского варианта белозерской культуры и памятников с прочерченной керамикой Нижнего Подунавья XI—X вв. до Р. Х. (Ванчугов 1990: 114—117).

[4] Подробнейшую историографию вопроса см. (Кашуба 1990; 2000: 246 и сл.; 352 и сл.)

О. Г. Левицкий, выделив горизонт памятников с прочерченной керамикой в лесостепной Молдавии (Голерканы–Ханск), фактически объединил балтскую группу вместе с группами Тэмэоань и Голерканы-Ханск в восточнокарпатский вариант более обширной области культур раннегальштатской прочерченной керамики. Помимо названных, в этот вариант входят ещё районы Нижнего Подунавья (Сихлянy–Римничеле) и Добруджи (Бабадаг–I). Горизонт Голерканы–Ханск, О. Г. Левицкий датирует концом XII—X вв. до Р. Х., синхронизируя при этом его финальную стадию с началом группы Сахарна–Солончены (Levițki 1994: 229—230, 232—233).

Влияние культур прочерченной керамики Нижнего Подунавья испытал на себе и комплекс столовой посуды белозерской культуры, памятники которой, концентрируясь в степном Причерноморье, в основном синхронны нижнедунайским, а также лесостепным группам Голерканы–Ханск и Балта (Мелюкова 1979: 10, 13, 16; Ванчугов 1990: 101, рис. 43).

Дальнейшая «геометризация» керамического комплекса в Северном Причерноморье связана уже с культурами раннего железного века, к которым, в частности, относится и предскифский пласт степных древностей.

Основное внимание уделено именно орнаментальным композициям.[5] При этом учитывалось, что типология самой керамики уже являлась предметом более или менее пристального изучения, которое выявило довольно слабую пространственно-временную изменчивость форм предскифского периода в пределах своих типов (корчаги, кубки, черпаки). Разбор орнаментальных композиций проводился на фоне аналогичных комплексов смежных территорий, которые, по сравнению со степной областью обладают гораздо более надёжной линией хронологических привязок. Так, были привлечены материалы сахарна-солончeнской и синхронной позднечернолесской культур, с учётом их общей эволюционной подосновы в лице групп «классической штампованной керамики» Карпато-Подунавья — Бабадаг, Козия, Инсула-Банулуй (Hänsel 1976: 210). Таким же образом задействована керамика жаботинской и синхронной шолдэнештской групп, с использованием материалов культуры Басараби, а также, по мере необходимости, её прямых и опосредованных предшественников.[6]

Довольно трудным в процессе работы был выбор критериев, которые позволили бы вначале хотя бы приблизительно разделить всю массу источников позднейшей предскифской эпохи на ранние и поздние. Относительная хронология геометрических мотивов и композиций, на начальном этапе исследования, строится

[5] В дальнейшем, говоря о геометрической орнаментации, используется простая и вместе с тем, на мой взгляд, вполне исчерпывающая, четырёхступенчатая терминологическая схема, предложенная В. С. Бочкаревым для описания прочерченного геометрического орнамента на сейминско-турбинских бронзах (Бочкарев 1986: 85):

1. **элемент орнамента** — простая законченная геометрическая фигура
2. **варианты орнамента** — исполнение этой фигуры, в т.ч. заполнение поля (к примеру, резьба или штамп)
3. **мотив орнамента** — группировки одного и того же элемента в ритмические ряды (к примеру, «шахматный» орнамент)
4. **композиция** — сочетание (комбинация) нескольких различных мотивов

[6] Определённый интерес в этом плане вызывает небольшая работа А. Ничика (Nicic 1999; см. также [Ничик, Аилинкэй 2003]), где в предварительной форме изложены результаты сравнительного анализа балкано-причерноморских орнаментальных композиций выполненных в стиле резной и штампованной «геометрии». Гораздо более серьёзным исследованием является статья Е. Зверева, в которой на основе анализа кермической орнаментики, рассматривается хронология культуры Басараби (Зверев 2001/2002)

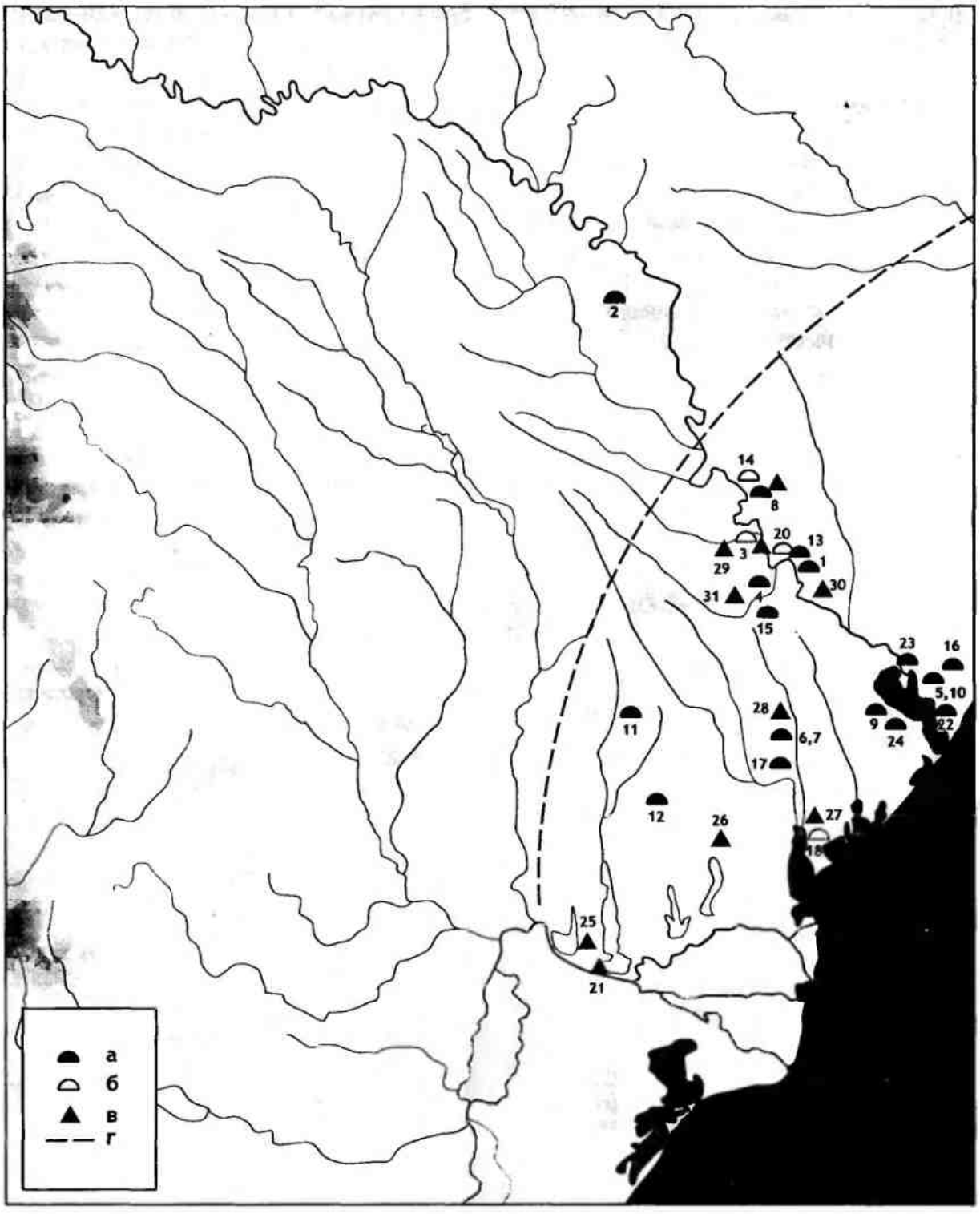


Рис.1. **Погребения предскифского времени из степной полосы Северо-Западного Причерноморья**
Graves of prescythian time from steppe belt of North-West Black Sea Region

а — погребения с «геометрической» керамикой; ***б*** — погребения с неорнаментированной керамикой ; ***в*** — погребения с некерамическими хроноиндикаторами (= в том числе); ***г*** — граница степи и лесостепи.

1 — Суклея; *2* — Котюжени; *3* — Гура-Быкулуй; *4* — Киркаешти; *5, 10* — Великодолинское; *6, 7* — Сарата (Мирнополье, кург. 3 погр. 1, 2); *8* — Красное; *9* — Семеновка; *11* — Конгаз; *12* — Огородное; *13* — Парканы (кург. 97); *14* — Буторы; *15* — Каушаны; *16* — Петродолинское; *17* — Сарата (кург. 10, погр. 13); *18* — Траповка (кург. 1, погр. 7); *19* — Рошкани; *20* — Парканы (курган 98б); *21* — Новосельское–II (раскоп II/1988, погр. 3); *22* — Дальник; *23* — Маяки; *24* — Пивденное; *25* — Новосельское–II (раскоп «Южный»/1989, погр. 4); *26* — Холмское; *27* — Траповка (кург. 1, погр. 9); *28* — Сарата (Мирнополье, кург. 1, погр. 1); *29* — Березки; *30* — Слободзея; *31* — Урсоая.

с учетом абсолютных дат тех археологических культур Карпато-Причерноморского региона, для которых такая керамика была характерна (Рис.14).[7] Следующий этап — поиск возможностей для более дробного деления орнаментальных композиций на столовой керамике внутри каждой из этих культур. Здесь возникают следующие проблемы.

Внутренняя периодизация памятников какой-то одной из таких культур — явление достаточно редкое, почти уникальное. К таким исключениям можно отнести монографию М. Т. Кашубы где весь массив сахарнянских памятников делится на относительно ранние и относительно поздние (Кашуба 2000: 307 и сл.; 340 и сл.). Весьма ценно, что в основе такой периодизации, помимо иных, некерамических хроноиндикаторов, лежат и наблюдения автора за динамикой развития геометрических орнаментальных композиций.

Гораздо более распространено выделение т. н. «переходных» памятников (слоёв). Обычно, это делается на основе смешанных комплексов с материалами непосредственно предшествующей или последующей культуры. Крайне важно при этом, что в Карпато-Днестровском регионе и лесостепном Поднепровье, такие культуры занимали довольно ограниченные ареалы, часто почти «накладываясь» друг на друга (Тэмэоань–Бабадаг, Бабадаг–Козия). То же самое относится и к памятникам чернолесско-жаботинского круга. Однако, в последнем случае, с сожалением приходится констатировать, что работа по выделению т.н. переходного (смешанного) горизонта практически не начиналась. В некоторых случаях можно лишь говорить о присутствии в «нижних слоях» жаботинских в основе памятников позднечернолесской керамики, и наоборот. Все эти случаи были учтены по доступным публикациям (Московская Гора, Жаботин (Тарасова Гора), Тясминское. Субботовское городища).

В плане относительной хронологии позднечернолесской и раннежаботинской геометрической керамики, важными являются соответствующие памятники (поселения) Среднего Поднестровья. Крайне малое, но всё же отмеченное, количество керамики жаботинского типа, при отчетливой позднечернолесско-сахарнянской атрибуции этих поселений (Смирнова 1984: 53; 1990: 20), позволяет зафиксировать некоторые «сквозные» орнаментальные композиции на переходе от позднего Чернолесья к Жаботину.

Применительно к этому же хронологическому срезу, исключительно ценными являются данные, полученные М. Т. Кашубой, которые послужили основой для внутренней периодизации памятников типа Сахарна (1 и 2 горизонты поселения Алчедар–III) и выделении на них в частности, смешанного, сахарнянско-басарабского (сахарнянско-шолдэнештского) горизонта (Глинжены, Алчедар–III и др. [Кашуба 2000: 314; 2000а: 140 и сл.]).

В итоге, совстречаемость мотивов и композиций на позднечернолесской и раннежаботинской керамике, или на сахарнянской и басарабской (шолдэнештской), при отсутствии их в более раннее, или более позднее время, соответствующим образом влияют на их относительную датировку.

Работу с орнаментальными композициями, до некоторой степени облегчает и наличие погребальных комплексов, в которых геометрическая керамика встречена с какими-то иными, некерамическими хроноиндикаторами. Причём, это касается как лесостепных, так и степных погре-

[7] Например нижнедунайский горизонт с прочерченной керамикой — XI в., культуры «классической штампованной керамики» (Бабадаг–II, Козия, Инсула-Банулуй) — X—IX вв., Чернолесье I и II — X—IX и IX—VIII вв. до Р. Х. и т. д.

бений. Правда, в основном, такие памятники не старше жаботинского этапа.

Определенную ясность при относительном датировании геометрических орнаментальных композиций на столовой керамике Северного Причерноморья, могут внести и мотивы керамического комплекса культуры Басараби VIII—VII вв. до Р. Х. Влияние басарабской керамической орнаментики на комплекс столовой посуды лесостепного Причерноморья отмечается исследователями уже давно. Это влияние сопровождалось, хотя и редким, но все же вполне очевидным появлением явно импортных басарабских сосудов в позднечернолесско-жаботинском и предскифском (степном) ареалах.

Отдельный вопрос — финальная дата горизонта геометрической керамики в Причерноморье. Он отрабатывается уже на более стабильном фоне, с привлечением в первую очередь, материалов ранней греческой апойкии на острове Березань, раннескифских комплексов, материалов кизил-кобинской культуры.

Результаты подобных, перекрестных сопоставлений различных орнаментальных композиций и мотивов, позволили предложить ряд критериев для их относительной датировки. Некоторые из них, правда, были замечены уже достаточно давно и успели приобрести некий аксиомный оттенок. Прежде всего, это касается более или менее густой клетчатой штриховки, заполняющей свободное пространство внутри орнаментальных зон и отдельных геометрических фигур. Этот вариант орнамента впервые и весьма широко стал применяться на столовой керамике культуры Басараби.[8] Тем самым, его появление на керамике Северного Причерноморья следует относить ко времени после 800 г. К началу жаботинского этапа, в основном исчезает зубчатый штамп (т.н. «ложношнуровой» орнамент), пик популярности которого в Карпато-Подунавье приходится на X—IX вв. до Р. Х. S-овидный штамп, в виде крупных несвязанных между собой оттисков просуществовал, по-видимому, дольше и вышел из употребления в раннежаботинское время.[9] Интересно, что на некоторых раннежаботинских фрагментах густая клетчатая штриховка и S-овидный штамп встречены вместе. Скорее всего, такое соседство может обозначать соответственно начальную и завершающую стадии употребления этих элементов орнамента.

Конечным результатом работы, проделанной с учётом всего сказанного выше, является таблица на рис. 2, в которой сгруппированы 22 орнаментальных мотива.

Если простые мотивы и варианты орнамента (Рис. 2/1—5, 10, 21), каждый в отдельности, могут образовывать законченные композиции, то сложные — довольно редко (Рис. 3/11). В последних случаях, обычно, композицию составляют несколько различных мотивов, иногда повторяющихся, или чередующихся с другими (Рис. 3/9), а иногда и совершенно разных (Рис. 3/13). Некоторые сочетания различных, сложных мотивов приведены в таблице на рис. 2. В текстовой части таблицы перечислены те памятники,

[8] В свою очередь, в Басараби такая штриховка возможно перешла из районов Южной Фракии где она известна ещё раньше (Цепина, Пшеничево).

[9] Этот элемент, обычно группирующийся в горизонтальные и вертикальные ряды, не следует путать с прерывистыми S-овидными и непрерывными волнообразными спиралями, гирляндами и полосами на столовой керамике Басараби. Этот мотив (т. н. стиль «*tremolo*») считается относительно более поздним в орнаментике этой культуры (Vasić 1996: 15; см. также Рис. 13). Кстати, оба эти мотива S-овидной орнаментации, в отличие от крупных отдельных оттисков, совершенно не привились в Причерноморье. Подавляющее большинство находок керамики с такой орнаментацией принадлежит явно импортным сосудам (Мелюкова 1979: 81—82).

в керамических комплексах которых, по соответствующей литературе были обнаружены те или иные мотивы. При этом, первым назван памятник, где зафиксирован конкретный геометрический мотив, изображенный на рисунке.

Одними из наиболее ранних резных геометрических мотивов являются типы 1-3[10] (Рис. 2).

Тип 1 — прерывистые и сплошные ломаные линии, вписанные друг в друга по вертикали и горизонтали — был отмечен уже на балтской керамике и столовой посуде горизонта Голерканы–Ханск, где он господствует почти безраздельно (Ванчугов 1983: рис. 3—4; Levitki 1994: 256, pl. 17). Наиболее завершённым мотивом этого типа орнамента являются треугольники, обращённые вершинами вниз, как бы свисающие с горизонтального прочерченного пояска, который в свою очередь может быть многорядным. Всё это, довольно бедное разнообразие 1 типа, помимо лесостепной области, хорошо фиксируется на лощёной керамике белозерской культуры (Ванчугов 1993: рис. 2).

Тип 2 — вписанные ломаные линии стыкуются друг с другом вершинами углов, образуя таким образом «чистые» поля ромбов. Как и в предыдущем случае, ломаные могут располагаться по вертикали и горизонтали (Рис. 2). Начиная с X в. до Р. Х., наряду с резным встречается уже и штампованные варианты типов 1 и 2 (Козия, Цахнауцы). В дальнейшем, они становятся элементами более сложных композиций, однако вплоть до завершающей фазы сахарна-солонченской и позднечернолесской культур употребляются и как самостоятельные орнаментальные мотивы (Днестровка, Лубенцы).

Весьма архаичен и тип 3. В Карпато-Подунавье абсолютные аналогии известны уже в эпоху бронзы (Витенберг, тип 3а [Рис. 2]). Позже — в группе прочерченной керамики («пре-Бабадаг» — Римничелу [также тип 3а]), а начиная с X в., этот мотив получает широкое распространение в группах Козия, Бабадаг–II, затем в Сахарне и позднем Чернолесье. Разновидностями этого типа является количество рядов заштрихованных и «чистых» ромбов (от 1 до 3—4), а также вариант орнамента — резьба и штамп. Тип 3 продолжает встречаться в басарабских, шолдэнештских и жаботинских комплексах. При этом, косая штриховка часто заменена клетчатой (Зимнича, Попешти–Новач, Глеваха). На черпаке из поселения Алчедар–III (2 горизонт) орнаментальный пояс 3-го типа, сверху ограничен рядом S-овидных штампов (Кашуба 2000: 455, рис. CIX/1).

Судя по всему, тип 3 доживает до финальной стадии геометрической керамики в Причерноморье. Глеваха, Синявка 100 и Трахтемировское городище дают наиболее поздние проявления этого типа. Предполагаю, что из трёх разновидностей 3 типа (Рис. 2) первые две — «а» и «б» (многорядные) — выходят из употребления несколько раньше, чем третья — «в». Возможно, это произошло ещё на позднечернолесском, или в самом начале жаботинского этапа. Среди басарабско-шолдэнештских экземпляров преобладает разновидность «в».

Разновидности 3 типа довольно популярны на геометрической керамике кобанской культуры (западный вариант). Трудности с хронологией этого конкретного типа — следствие трудностей с датировками кобанской «геометрии» в целом. Её нижний рубеж уходит куда-то вглубь II тыс. до Р. Х. Для типа 3 таким рубежом, возможно, будет ещё протокобанский период (Кобан Iб центрального варианта этой культуры) и комплексы типа погр. 9 Верхнекобанского могильника, а также ряд керамических форм западного вари-

[10] Под типами здесь и далее понимаются мотивы и композиции орнамента.

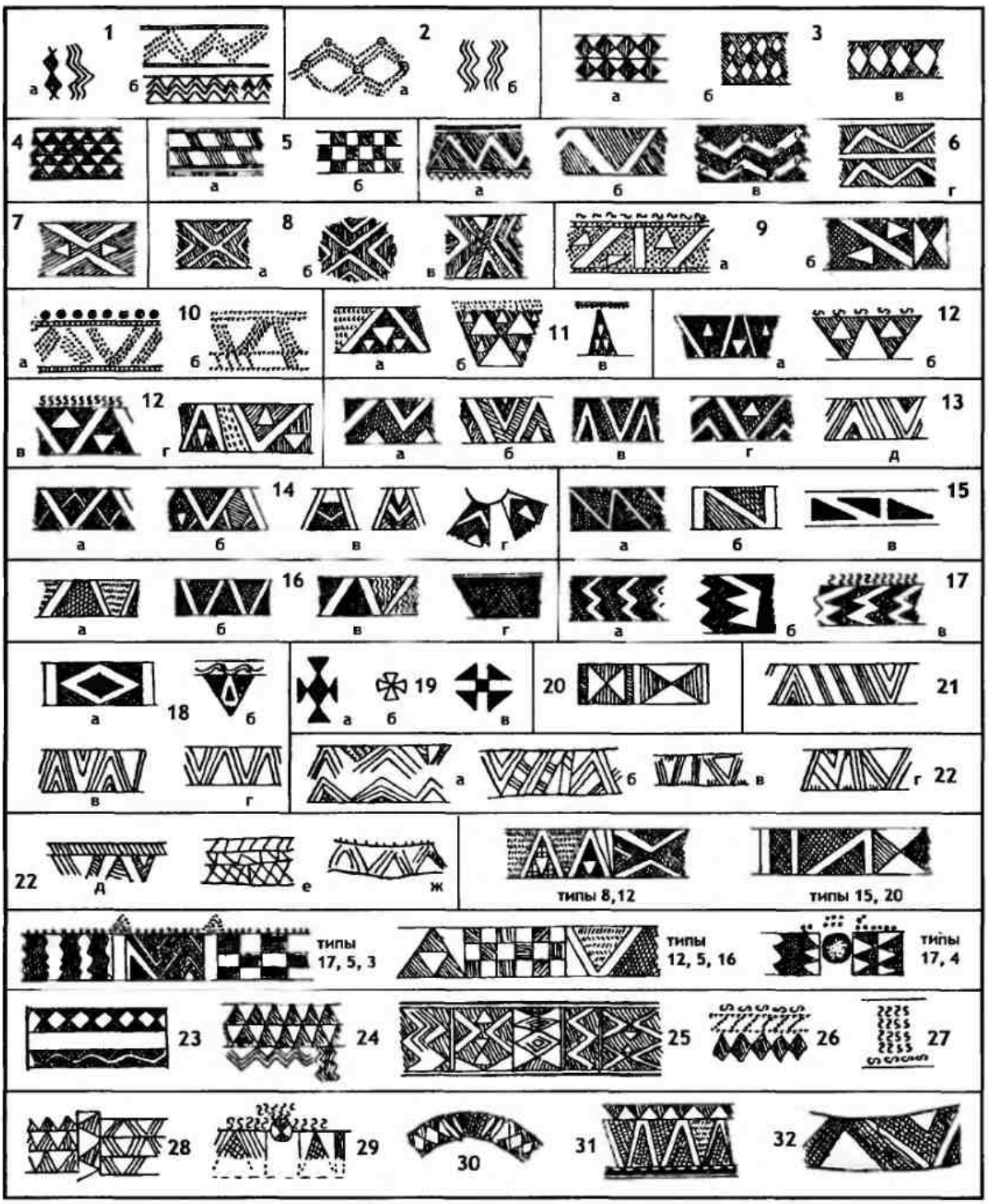


Рис.2. **Типы геометрической орнаментации на керамике предскифского времени из Северного Причерноморья**

Geometric ornamentation types on the pottery of prescythian time from the North Black Sea Region

(каждый рисунок соответствует памятнику, названному в перечне первым; р — резной; ш — штампованный)

Тип 1а — Цахнауцы, Сахарна, Бабадаг, Козия (р, ш).

Тип 1б — Солончены, Цахнауцы, Бабадаг, Козия, Днестровка, Алчедар–III (1[a] горизонт), Лубенцы, Глинжены, Солончены-Глиное, Матеуць-Ла башне, Мындрешты, Непоротово-I–II (р.), Сахарна-Маре, Андрусовское, Московская Гора.

Тип 2а — Цахнауцы, Днестровка (р.), Непоротово-I–II (р.)

Тип 2б — Бабадаг, Козия, Сахарна-Маре.

Тип 3а — Римничелу, Днестровка, Григоровское, Пшеничево, Матеуць-Ла башне, Глинжены (р.), Алчедар–III (2[a] горизонт).

Тип 3б — Солончены, Цахнауцы, Сахарна, Козия (р.ш.), Глинжены,Бельск, Алчедар–III (2[a] горизонт), Пшеничево, Матеуць-Ла башне.
Тип 3в — Синявка 100, Сахарна, Солончены, Трахтемировское, Глеваха, Шолдэнешти, Пшеничево.
Тип 4 — Днестровка, Григоровское, Козия (р.ш.), Цахнауцы, Жаботин, Матвеевка, Глинжены, Непоротово-I–II, Алчедар–III (1[a] горизонт).
Тип 5а — Сахарна, Солончены, Григоровское, Козия (р.ш.), Глинжены, Сахарна-Маре, Алчедар–III (2[a] горизонт), Непоротово-I–II, Матеуць-Ла башне, Субботовское, Московская Гора.
Тип 5б — Григоровское, Глинжены (р.), Жаботин, Тенетинка (111, 214, 219).
Тип 6а — Высокая Могила, Григоровское, Ленковцы, Глинжены, Солончены, Шолдэнешти, Матеуць-Ла башне, Алчедар–III (2[a] горизонт), Жаботин, Константиновка 376.
Тип 6б — Тенетинка 126, Глинжены.
Тип 6в — Жаботин.
Тип 6г — Жаботин, Глинжены.
Тип 7 — Григоровское, Глинжены (вертикальный, см. тип 25), Солончены-Глиное, Сахарна-Маре, Алчедар–III (2[a] горизонт), Бронница, Субботовское.
Тип 8а — Днестровка, Глинжены, Жаботин, Зеленки.
Тип 8б — Медвин, Глинжены.
Тип 8в — Сахарна.
Тип 9а — Тенетинка 113.
Тип 9б — Селище, Тенетинка 124.
Тип 10а — Тенетинка 158, Сахарна, Солончены (с S-овидным штампом), Алчедар–III (2[a] горизонт).
Тип 10б — Московская Гора, Сахарна, Алчедар–III (2[a] горизонт).
Тип 11а — Узеновка, Жаботин, Басараби, Вельск.
Тип 11б — Григоровское, Сахарна, Солончены, Глинжены, Шолдэнешти.
Тип 11в — Басараби (Пояна, Орловка).
Тип 12а — Жаботин, Басараби.
Тип 12б — Григоровское, Басараби (Орловка).
Тип 12в — Канев, Григоровское.
Тип 12г — Константиновка 375, Московская Гора.
Тип 13а — Тенетинка (215, 219, 220), Сахарна, Жаботин 524 (см . тип 32).
Тип 13б — Бельск, Днестровка, Григоровское, Сахарна, Глинжены, Матеуць-Ла башне, Алчедар–III (2[a] горизонт), Непоротово-I–II, Басараби (Орловка), Жаботин.
Тип 13в — Константиновка 247, Тенетинка 111.
Тип 13г — Тенетинка 111.
Тип 13д — Гуляй-Город 334, Ташлык 343.
Тип 14а — Бельск.
Тип 14б — Ромейковка.
Тип 14в — Макеевка 455, Берестняги 48.
Тип 14г — Гадомка 405.
Тип 15а — Теклино 346, Бельск, Басараби.
Тип 15б — Жаботин, Тенетинка (126, 139), Бобрица 90.
Тип 15в — Жаботин.
Тип 16а — Копани.
Тип 16б — из собрания Зноско-Боровского
Тип 16в — Тенетинка 126.
Тип 16г — Григоровское.
Тип 17а — Берестняги, Глинжены.
Тип 17б — Казаровка 26.
Тип 17в — Канев, Жаботин.
Тип 18а — Квитки, Жаботин, Врублевецкая-Дунайок, Алчедар–III (2[a] горизонт).
Тип 18б — Басараби (Орловка).
Тип19а — Макеевка 455, Трахтемировское, Тенетинка 219, Бельск, Басараби (Балта-Верде).
Тип 19б — Пидмет (урочище).
Тип 19в — Басараби.
Тип 20 — Грушевка 391, Тенетинка (126, 214), Григоровское.
Тип 21а — Макеевка 455.
Тип 21б — Тенетинка 219, Турия 509, Бобрица (86, 90, 94), Жаботин.
Тип 21в — Тенетинка 219, Жаботин, Капитановка.
Тип 22а — Тенетинка 213.
Тип 22б — Константиновна 15, Бельск.
Тип 22в — Макеевка 453.
Тип 22г — Тенетинка 183.
Тип 22д — Немировское.
Тип 22е — Медвин (кург. 3, гр. 1).
Тип 22ж — Константиновка 2.

Сочетания мотивов и композиций

Типы 8 и 12 — Жаботин.

Типы 15 и 20 — Тенетинка 126.
Типы 5, 17, 13 — Жаботин.
Типы 5, 12, 16 — Канев.
Типы 4 и 17 — Жаботин.
№23 — Басараби (Зимнича), типы 3, 6.
№24 — Романовка, типы 1, 4.
№25 — Глинжены, типы 1, 6, 7.
№26 — Врублевецкая-Дунайок.
№27— Чернолесское, Субботовское, Инсула-Банулуй.
№28 — Днестровка.
№29 — Жаботин.
№30 — Глеваха, Трахтемировское.
№31 — Медвин (кург. 4, гр. 1).
№32 — Жаботин 524.

Таблица на ***Рис. 2*** составлена по следующим публикациям: *Вязьмітіна, Покровська 1956; Гольцева, Кашуба 1995; Кашуба 2000, 2000а; Ильинская 1973, 1975; Ковпаненко 1981; Ковпаненко, Гупало 1984; Крушельницька 1985, 1998; Лапушнян 1979; Мелюкова 1958, 1979, 1981; Мурзін, Ролле 1995; Смирнова 1982, 1983; Степи европейской части СССР..., 1989; Тереножкин 1961, 1976; Шрамко 1987, 1996; Шовкопляс 1956; Осокин 1994; Vulpe 1965; Kossack 1980.*

анта (Былым [Рис. 12/13, 25]). Что касается позднейших проявлений типа 3, то некоторые комплексы, в частности Комаровского (центральный вариант) и Перкальского (западный вариант) могильников, вполне определённо свидетельствуют о том, что на Северном Кавказе этот тип используется значительно дольше, чем в Причерноморье — середина VII—VI вв. до Р. Х. (Рис. 12/42—44).

Тип 3 присутствует в очень сложной композиции на одном из сосудов Краснознаменской группы (кург. 3 [Рис. 10/1]). В ареале кизил-кобинской культуры он отмечен на сосудах из Симферопольского поселения (Рис. 12/56) и поселения Шпиль (Храпунов, Власов 1995: рис. 6/6). Этот тип, как мы увидим далее, едва ли не единственный, объединяющий собой причерноморско-балканскую и крымско-кавказскую «геометрии».

Основной период употребления **тип 4**, по всей видимости, приходится на период $НаВ_1$ — начало $НаВ_3$ (Козия, Цахнауцы, григоровско-днестровская группа позднего Чернолесья [Рис. 2]). Разновидности 4 типа представлены разным числом рядов заштрихованных треугольников (от 1 до 4) и техникой нанесения орнамента (резьба, штамп). Тип 4 в целом, не характерен для жаботинского этапа. Возможно, позднейшими находками следует считать фрагменты из наиболее ранних комплексов Жаботинского поселения (раскоп II).

Тип 5 — так называемый «шахматный» орнамент — представлен двумя разновидностями — с ромбовидными и прямоугольными полями (Рис. 2). Похоже, что мотив «а» относительно более ранний. Во всяком случае, в группе Козия, где этот тип вообще один из самых популярных, мотив «а» полностью преобладает. Как и в предыдущем случае, здесь тип 5 в целом, встречается как в резном, так и в штампованном исполнении. В Сахарне, Глинженах и Григоровке отмечены обе разновидности. Тем не менее, мотив «б» гораздо чаще встречается на керамике из жаботинских поселений и могильников (Жаботин, Турия, Тенетинка 111, 214, 219). Известны случаи сочетания типа 5а с такой же ранней разновидностью «а» типа 3 (Григоровское городище [Смирнова 1983: 63, рис. 2/4]).

Тип 6. Довольно простой, а потому весьма распространённый. Это мотив «чистой» ломаной полосы на фоне косой или клетчатой штриховки. Чистая полоса (а их может быть несколько — разновидность «г») чаще всего располагается по

горизонтали, реже по вертикали (Глинжены), или диагонали (Сахарна, Григоровка, Глинжены). Не считая абсолютных прототипов в культуре Витенберг, гораздо позже, уже в гальштатском Подунавье, этот мотив широчайшим образом представлен в керамике культуры Басараби (Hänsel 1976: 182), а в Причерноморье и Молдавии соответственно начиная с позднего Чернолесья и Сахарна-Солончен.

Без особой надежды на немедленное признание, попробую предложить критерий для относительно более раннего и позднего вариантов 6 типа. В первом случае, вершины углов ломаной линии полностью вписываются (иногда даже с запасом) в контуры орнаментального пояса (Рис. 2 [Григоровка, Жаботин (раскоп II), Константиновка 376, Высокая Могила]). Позднее, горизонтальные линии пояса как бы сужаются и срезают вначале внешние, а затем и внутренние вершины углов (Тенетинка 126). Подобная же тенденция характерна и для типов 12—13 и 16 (Рис. 2), широко распространённых на жаботинской керамике. После появления фоновой клетчатой штриховки для типа 6, она не вытесняет косую. Обе разновидности штриховки вполне уживаются, в том числе и на одном сосуде, как это видно на черпаке из Григоровского городища (Смирнова 1983: рис. 4/11; 1985: рис. 3/10). Также на одном сосуде отмечено сочетание типа 6а—6б с архаичным типом 5а (Глинжены [Гольцева, Кашуба 1995: табл. XIX/4]).

С исключительным постоянством тип 6 применялся кобанскими керамистами уже от конца II — нач. I тыс. до Р. Х. и до VI в. до Р. Х. (Нестеровский и Комаровский могильники) включительно (Рис. 12/А-В).

Диагональное и вертикальное расположение «чистой» ломаной полосы на заштрихованном фоне, кажется, было весьма характерным для ареала культуры Сахарна (Кашуба 2000: табл. LXXVII/10; LXXXIII/2,4; CVII/9; 2000а: рис. 4/15; Гольцева, Кашуба 1995: табл. XIX/4; XXXIV; XXXVIII).

Тип 7. Обе разновидности отличаются общей компоновкой сюжета — по горизонтали («а») и вертикали («б»). Вписанные в заштрихованные углы «чистые» треугольники обычно обращены вершинами в противоположные стороны (Рис. 2). Иногда, орнаментальный пояс сверху обрамлён рядом S-овидных штампов. Похоже на то, что период применения этой композиции достаточно ограничен. Впервые появившись на позднечернолесских (Субботово, Григоровка, Бронница) и сахарнянских (Глинжены) керамических формах, тип 7 совершенно отсутствует в жаботинских комплексах. На Среднем Днестре орнаментация 7-го типа зафиксирована на верхних частях столовых мисок, в позднейших слоях культуры Сахарна. На городище Большая Сахарна орнаментальный пояс по периметру ограничен линиями зубчатого штампа (Кашуба 2000: 455, рис. CIX/10; 2000а: 149, рис. 7/7). Применение зубчатого штампа в композиции 7 типа отмечено и на керамике чернолесского поселения Бакотинка (ур. «Балки») в Среднем Поднестровье (Осокин 1994: рис. 5/5).

Тип 7 довольно распространён на керамике из степных погребений. Любопытно, что он ни разу не встречен в сочетании с клетчатой штриховкой, зато на сосуде из Конгаза (Рис. 3/11), также как и на фрагменте из Большой Сахарны, тип 7 сопровождается штампованным орнаментом. Здесь (Рис. 3/11) горизонтальный пояс, который образует композиция 7 типа, ограничен сверху рядом вертикальных S-овидных штампов.

Пожалуй, что в случае с типом 7, мы имеем один из немногих примеров, когда орнаментальная композиция укладывается в довольно узкий хронологический диапазон, а отсутствие явных аналогий в

Карпато-Подунавье и на Северном Кавказе[11] позволяет думать, что тип 7 — результат самостоятельного творчества чернолесско-сахарнянских керамистов.

Тип 8, в целом достаточно однообразен, несмотря на предлагаемую трёхвариантную градацию. Она основана на несовпадении отдельных мелких деталей и вообщем, является достаточно субъективной. Сложение этой композиции следует отнести к тому же времени что и предыдущий тип. Однако, в отличие от него, тип 8 определённо бытует на протяжении большей части жаботинского этапа (Жаботин, Медвин). Имеются отдельные композиции с клетчатой штриховкой (Жаботин, Зеленки).

Тип 9 вполне наглядно демонстрирует сохранение орнаментальной композиции при изменившейся технике исполнения. Подобная синхронная лекальность отмечена на Балканах, в частности при сопоставлении отдельных образцов греческой протогеометрической (крашеной) и южноболгарской (штампованной) керамики (Hänsel 1976: 212, abb. 6). В нашем случае, разновидность «а» (Тенетинка 113), сочетающая резной вариант и два вида штампа, по-видимому, более ранняя, чем разновидность «б» где присутствует уже клетчатая штриховка и отсутствует штамп (Тенетинка 124, Селище).

По сравнению с предыдущим, более архаичным кажется тип 10, в особенности, разновидность «б» (Московская Гора, Сахарна). Достаточно насыщенные и полностью оформленные при помощи зубчатого штампа композиции пока неизвестны в жаботинских комплексах. Не исключено, что в своем чистом виде они вряд ли доживают и до самого конца позднего Чернолесья. Хотя, во 2 горизонте поселения Алчедар–III (поздняя Сахарна, или даже смешанный, сахарнянско-басарабский слой) тип 10 все же зафиксирован в комбинированном (штампованно-резном) исполнении (Кашуба 2000: 343, рис. XXXVII/Б; 2000а: 145, рис. 4, 13).

Тип 11 — перевернутая пирамида из «чистых» треугольников на заштрихованном фоне. В целом, он характерен для керамики Сахарны и позднего Чернолесья (Григоровка, Солончены), жаботинской (Узеновка, Жаботин) и шолдэнештской орнаментики. За пределами Причерноморья весьма частое употребление типа 11, как составного мотива в сложных композициях, характерно для стиля Басараби. Можно предположить таким образом, что период распространения типа 11 ограничивается рамками VIII — нач. VII вв. до Р. Х. Интересно в этом плане сочетание данного типа орнамента с типом 7, которое мы видим на поздней сахарнянской корчаге из Глинжен. Орнаментальный пояс выглядит черезвычайно пышно, Причём оба типа как бы вписаны друг в друга, образуя композицию (Гольцева, Кашуба 1995: табл. XXIII).[12]

Тип 12 в определенной мере можно считать разновидностью предыдущего. Совпадает в целом, и время их появления в Причерноморье и Подунавье — началь-

[11] См. гравировку на бронзовом топоре из погр. 52 Глийского могильника которое Б. В. Техов датирует XI в. до Р. Х. (Техов 1988: 54).

[12] Вообще, комплекс «ритуального скопления» 10, откуда происходит данная корчага, крайне интересен с точки зрения сравнительного изучения типологии самой керамики в сочетании с орнаментальными композициями. Кроме упомянутой, здесь были найдены ещё 2 археологически целые корчаги и 1 фрагментированная. Одна из двух целых корчаг несёт на себе пластический орнамент (каннелюры [Гольцева, Кашуба 1995: табл. XXIV]), а другая — замкнутый пояс штампованной композиции 1 типа (разновидность «б») причём, разделённый уже на 4 зоны (Там же, табл. XXV). Фрагментированная корчага, судя по описанию (рисунка нет) украшена орнаментальной композицией 5 типа. Таким образом, данный комплекс из Глинжен, скорее всего следует датировать второй половиной IX — первой пол. VIII вв. до Р. Х.

ная фаза культуры Басараби. О дунайских истоках сложения типа 12 может свидетельствовать его радиальное распространение вплоть до Каринтии (Фрог) и Западной Венгрии (Шопрон) на северо-запад (Eibner 1996: taf. 1/6; 5/3,8), до Причерноморья на северо-восток. Собственную линию развития имеют северокавказские (Ставропольский курган 1924 г.) и закавказско-переднеазиатские композиции. В Причерноморье ранние разновидности 12 типа («б»—«г») сочетаются с S-овидным штампом, косой и клетчатой штриховкой (Григоровка, Константиновка 375, Московская Гора). К поздним разновидностям можно отнести вариант «а». Основанием для подобной градации послужил тот же принцип относительного датирования, что и для типа 6 — сужение границ орнаментального пояса в результате чего, ломаная «чистая» полоса превращается в «чистые» углы со срезанной вершиной, а затем и в простые диагонально-вертикальные полосы. Повторяю, что речь идёт лишь о более или менее относительном хронологическом размещении вариантов, что, впрочем, видно из табл. I. Тип 12 — один из самых популярных в степном и лесостепном Причерноморье. Однако по насыщенности и разнообразию он уступает типу 13.

Тип 13. Впервые появляется на сахарнянской и позднечернолесской керамике (Сахарна, Днестровка, Григоровка). В Глинженах тип 13 встречен вместе с типами 3б и 8 на одном из сахарнянских кубков с зональной орнаментацией в комплексе IX-го (или даже начала IX [Гольцева, Кашуба 1995: 30, табл. XXVII]) века до Р. Х. В дальнейшем, бытует на протяжении практически всего жаботинского этапа (Тенетинка 215, 219, 220; Константиновка 247; Ташлык 344; Бельск; кург. 5 Перещепинского могильника и т.д.). По-видимому, позже остальных появилась разновидность «д» (Гуляй-Город 334, Ташлык 343, Бобрица 90). Она применялась в радиальных композициях на мелких черпаках, выполненных уже довольно небрежно (Макеевка 460). Мнение В. А. Ильинской о том, что радиально построенные композиции — явление относительно позднее (Ильинская 1975: 122—123), на мой взгляд, остаётся в силе и может служить ещё одним критерием относительной датировки.

Тип 13 имеет параллели на Северном Кавказе (Краснознаменские курганы, Николаевский могильник [Рис. 10/1; 12/А—Б]). В тоже время, его проявления в синхронных комплексах Подунавья — единичны (Попешти-Нучет, Басараби).

Орнаментальные композиции **14 типа** появляются не ранее жаботинского этапа. Причём, возможно, что и здесь этот тип не является самым ранним. Его разновидности отмечены как на Правобережье (Ромейковка — «б», Макеевка 455 и Берестняги 48 — «в» и Гадомка 405 — «г»), так и на левом берегу (Бельск — «а»).

Только для жаботинского этапа характерен и **тип 15**. Разновидность «а» очень часто украшает отогнутые края мисок и верхние части чернолощеных кубков и черпаков керамики Басараби. Может быть, это несколько более поздняя реплика типа 6 или 9. В тоже время, разновидности «а» и «в» нечасто встречаются в Причерноморье (Теклино 346, Жаботин, Бельск). А наиболее распространённой была разновидность «б» (Жаботин, Тенетинка (126, 139), Бобрица 90, Пожарная Балка), которая существует вплоть до финала причерноморской «геометрии».

Тип 16 весьма распространённый и довольно простой. Если критерий относительного датирования, предложенный выше для типов 6 и 12 кажется приемлемым, то 4 разновидности данного типа можно расположить в следующей последовательности — «г» (Григоровка), далее «б» и «в», а наиболее поздняя — «а» (Копани).

Тип 17. Судя по сочетанию S-овидного штампа и клетчатой штриховки, оформляется на рубеже позднего Чернолесья и Жаботина (разновидность «в»).

Тип 18 — композиция так называемого двойного фона для геометрической фигуры (ромба или треугольника). Так же как и предыдущий, встречается нечасто. В Причерноморье известен в Жаботине («а» и «б») и погребении у с. Квитки. На Среднем Днестре тип 18 зафиксирован на керамике 2-го горизонта поселения Алчедар–III. Стилистически близкой является композиция басарабского сосуда из Попешти-Нучет (Рис. 2). Судя по S-овидному оформлению верхней границы орнаментального пояса, наиболее ранней может быть разновидность «в» из Жаботина (ср. [Kossack 1980: abb. 3/1, 2, 17]).

Тип 19 — так называемый силуэт «мальтийского креста». Его происхождение М. Фекете связывает с ареалом болгарско-румынского Подунавья периода Басараби (Fekete 1986: 297), что не кажется бесспорным. Для керамистов Басараби, этот тип являлся одним из наиболее излюбленных мотивов (Тасић 1983: 129, рис. 82). Различные варианты этого типа встречаются в Причерноморье, начиная с позднечернолесского времени (урочище Пидмет) и заканчивая позднейшим Жаботином (Трахтемировское городище). Тип 19 известен в Подунавье и для комплексов периода НаС (Балта-Верде). На Кавказе реплики 19 типа выполненные на металле появляются значительно раньше, если судить по датировкам ряда кавказских дуговидных фибул, предложенных Б. В. Теховым, а также погр. 52 Тлийского могильника (Техов 1973: 143—144, рис.1/21; Панцхава 1987: 52, рис.3).

Тип 20 — так называемые «песочные часы» — не поддается сколько-нибудь узкой датировке. Этот достаточно простой элемент, в штампованном варианте встречается в Южной Фракии уже на рубеже II—I тыс. до Р. Х. (Пшеничево). Того же времени протогеометрические параллели в Греции. Здесь этот элемент сохраняется до раннеархаического периода включительно. В Причерноморье, появляясь на позднечернолесской керамике, тип 20 является сквозным для всего горизонта геометрической керамики. Излюбленным местом нанесения этого элемента орнамента на причерноморской керамике были ручки черпаков.

Тип 21, кажется, наиболее наглядно свидетельствует о том, что идея линейного хронологического эволюционирования орнаментальных композиций от простых к более сложным и снова к упрощённым, не всегда соответствует действительности. Простые и строгие геометрические разновидности этого типа характерны практически для всего жаботинского этапа. Именно показатель «строгой геометрии», с точки зрения относительной хронологии отличает разновидности 21 типа от таких же простых, но вместе с тем, крайне небрежно выполненных композиций 22 типа.

Тип 22 как раз и включает мотивы вырождения геометрического стиля. К ним относятся простые, небрежно выполненные, часто ассиметричные композиции (Константиновка 2, 15; Медвин кург. 3, гр. 1; Немировское городище), а также композиции с так называемой редуцированной штриховкой, или «щёточкой» (по В. А. Ильинской). Последний признак, появляющийся ещё на керамике позднего Чернолесья (Субботовское городище [Ильинская 1975: рис. 13/18]), в дальнейшем, продолжает использоваться вплоть до самой последней стадии развития причерноморской «геометрии» (Жаботин 524, Макеевка 453, Тенетинка 183). Зачастую при этом, сама композиция замкнутого орнаментального пояса производит впечатление незавершённой (Макеевка 453, Тенетинка 213).[13]

[13] Так называемая «щёточка», возможно, является сугубо причерноморской имитацией сплошной клетчатой штриховки. Точно выяснить так ли это на самом деле, пока не удаётся поскольку графическое воспроизведение орнаментации конкретных сосудов часто не позволяет отличить эти элементы друг от друга.

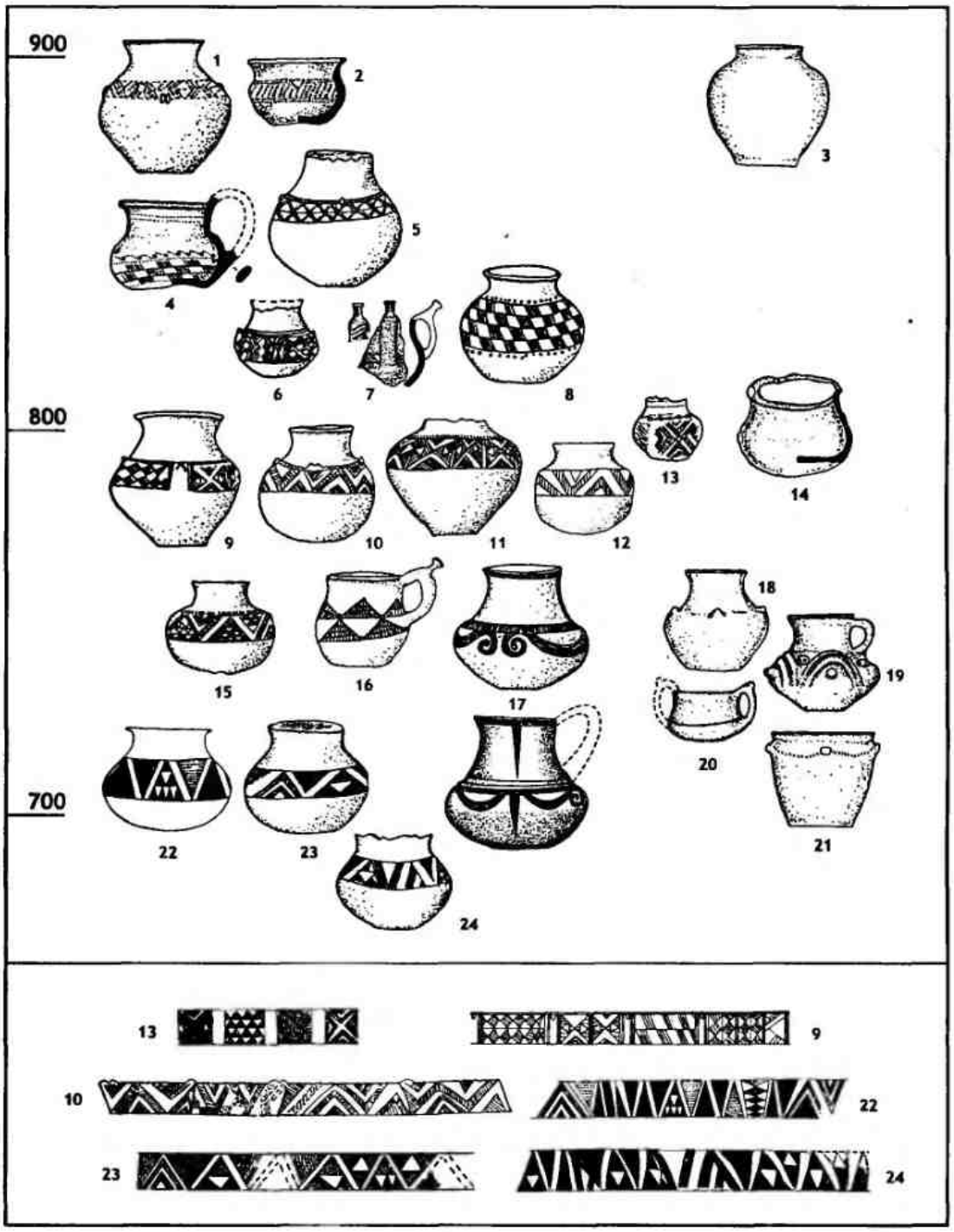


Рис. 3. Керамика из предскифских погребений степной Северо-Западного Причерноморья

Pottery from graves of the prescythian time from the North-West Black Sea Region (steppe zone)

1 — Суклея; *2* — Котюжени (лесостепь); *3* — Гура-Быкулуй; *3* — Киркаешти; *4* — Великодолинское (кург. 1, погр. 5); *6–7* — Сарата (Мирнополье кург. 3, погр. 1 и 2); *8* — Красное; *9* — Семеновка; *10* — Великодолинское (кург. 1, погр. 11); *11* — Конгаз; *12* — Огородное; *13* — Парканы (кург. 97); *14* — Буторы; *15* — Каушаны; *16* — Петродолинское; *17* — Сарата (кург. 10, погр. 13); *18* — Траповка (кург. 1, погр. 7); *19* — Рошкани; *20* — Парканы (кург. 98б); *21* — Новосельское–II (раскоп II/1988, погр. 3); *22* — Дальник; *23* — Маяки; *24* — Пивденное.

Номера на рисунке соответствуют номерам на ***Рис. 1*** (карта) и в ***табл. III*** текстовой части. Составлен по публикациям: *Субботин, Загинайло, Шмаглий 1970; Субботин, Черняков, Ядвичук 1976; Субботин, Охотников 1978; Черняков 1971; Черняков, Новицкий 1987; Ванчугов 1998; Ванчугов, Загинайло, Тощев 1976; Ванчугов, Островерхов 1984; Дергачев 1984; Дергачев, Борзияк, Манзура 1989; Бруяко, Гизер, Дзиговский 1997; Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989; Агульников 1992; Яровой, Кашуба 1994; Серова, Яровой 1987; Тереножкин 1976; Мелюкова 1979; Гаврилюк 1979; Brujako, Novitki 1997.*

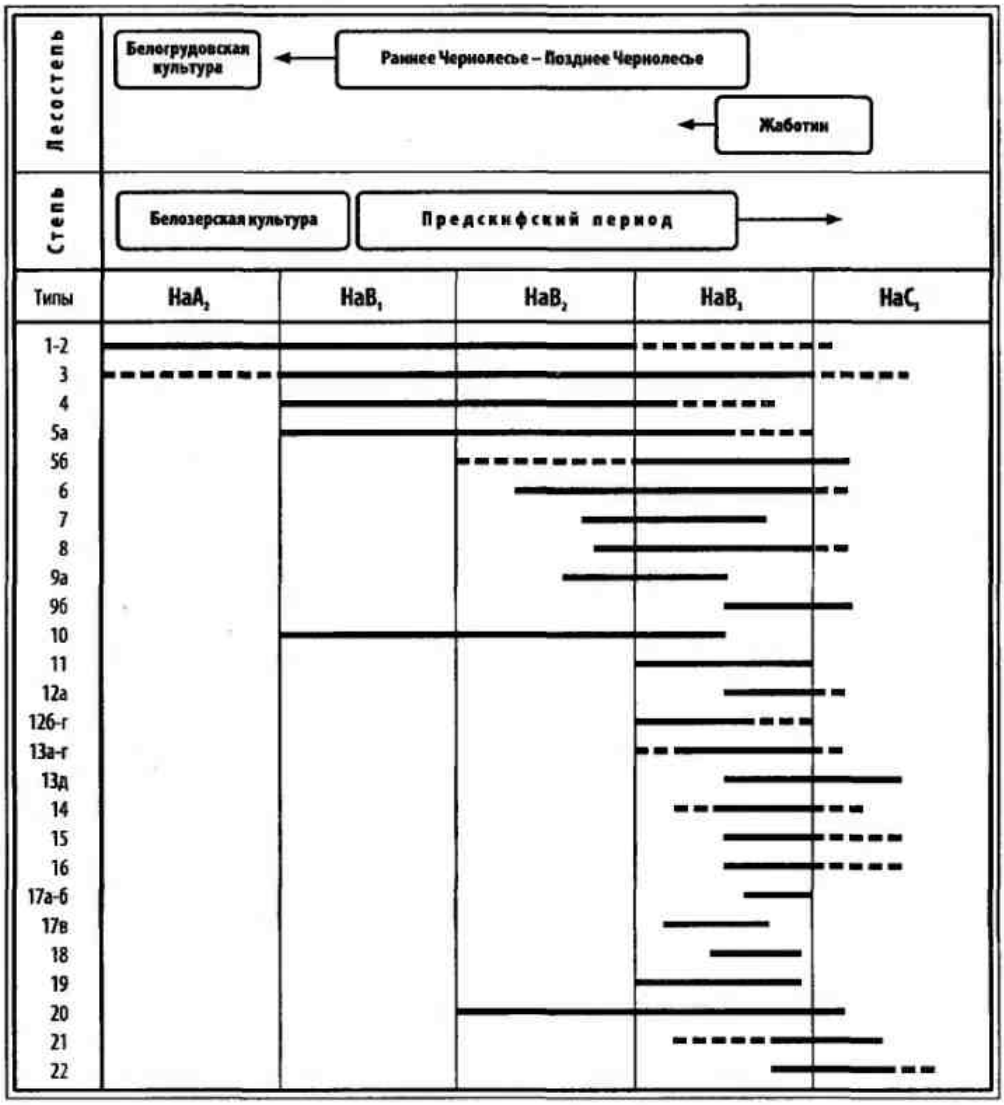


Табл. I. **Размещение орнаментальных мотивов и композиций причерноморско-балканской «геометрии» на хронологической шкале.**

К заявленным выше композициям-хроноиндикаторам можно добавить ещё несколько диагностирующих признаков. Во-первых, вертикальное деление орнаментального пояса на зоны (явление исключительно причерноморское, весьма слабо фиксируемое в других районах)[14] оформилось ещё на позднечернолесско-сахарнянском этапе, т.е. не позднее конца IX — нач. VIII вв. до Р. Х. Во-вторых, горизонтальное деление пояса на две равные части с зеркальным отображением геометрических мотивов, ещё более архаичный признак (Римничеле, Днестровка) который на раннежаботинской керамике может встречаться в виде исключения. В-третьих, по-моему, остаётся неизменной точка В. А. Ильинской на то, что радиальное расположение орнаментальной композиции, в основном характерно для

[14] Для Балкано-Подунавья см. (Nicic 1999: pl. 3). По наблюдениям М. Т. Кашубы, четырёхзональность орнаментального пояса — одна из особенностей столовой керамики типа Козия-Сахарна, отличающая её, от других культурных групп орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (Кашуба 2000: 311).

поздней жаботинской керамики (Ильинская 1975: 123), или точнее, для керамики второй половины жаботинского этапа.

Этим исчерпывается анализ основных элементов, мотивов и композиций геометрической орнаментики на керамике Северного Причерноморья. Вариант их размещения на хронологической шкале представлен в таблице I (Табл. I). Теперь попробуем выяснить практическую ценность этих выводов. Для этого вернемся к коллекции керамики из предскифских погребений Северо-Западного Причерноморья и посмотрим, каким образом, опираясь исключительно на геометрические композиции, эту серию сосудов можно расставить на хронологической шкале первой трети I тыс. до Р. Х.

Из 24 опубликованных к настоящему времени керамических форм — 6 неорнаментированы. Остальные распределены следующим образом (Рис. 3).

Наиболее ранними являются сосуды из Суклеи и Котюженей. Возможно, погребения, в которых они были найдены, относятся ещё к X в., или самому началу IX в. до Р. Х. Во всяком случае, весьма архаичная орнаментация суклейской корчажки является штампованным вариантом очень популярных резных прототипов горизонта «пре-Бабадаг» и, непосредственно — Бабадаг I. Абсолютные же аналогии мы без труда можем отыскать среди штампованной керамики группы Бабадаг II и Козия.[15]

Несколько более поздними, чем эти два сосуда, но не позднее IX в., я считаю черпак из Киркаешти (тип 5а) с окантовкой в виде концентрических окружностей и штампованных мелкозубчатых касательных к ним, а также сосуд из погр. 5 кург. 1 у с. Великодолинское (тип 2а, резной).

Далее идут два сосуда, которые, по-видимому, также не должны выходить за рамки IX века, тяготея, однако, ко второй половине или концу этого столетия. Это сосуд из Красного (тип 5а) и Сараты (тип 1—3 [Рис. 3/6]). О том, что комплекс из Красного относится к дожаботинскому времени, свидетельствуют и два костяных наконечника стрел чернолесско-сахарнянского типа (Рис. 4/4). Что касается кубка из Сараты (кург. 3 у с. Мирнополье), то здесь композиция состоит из 3 простых орнаментальных мотивов, каждый из которых в более раннее время мог образовывать самостоятельные композиции на отдельных сосудах (тип 1а, 2б, 3а). Одновременно, сосуд из Сараты, по-видимому, один из наиболее ранних экземпляров, где уже намечено зональное (по вертикали) деление орнаментального пояса.

Шесть сосудов в орнаментике которых ещё нет влияния басарабско-шолдэнештского стиля можно датировать в пределах конца IX — первой пол. VIII вв. до Р. Х. Это кубки из погр. 11 того же кургана 1 у с. Великодолинское и погр. 9 кург. 1 (могильник I) у с. Огородное (оба — тип 13б), корчаги из Семёновки (типы 3а и 7а) и Конгаза, кубковидный сосуд из Паркан. Орнаментальную схему последнего можно считать своего рода вершиной сложной дожаботинской «геометрии» — типы 7а, 4а, 6а и 8а (Рис. 3/13). Верхняя граница четырёхзонного орнаментального пояса дополнена штампованной композицией, полностью аналогичной той, которую мы видим на черпаке из Киркаешти (Рис. 3/4). Отметим, что на сосудах этой группы окончательно формируется зональный пояс (Семёновка, Парканы).[16]

[15] В. А. Ильинская, в своё время, отнесла корчажку из Суклеи к чернолесскому типу, что с точки зрения относительной хронологии кажется совершенно справедливым (Ильинская 1975: 137—138).

[16] Корчага из Семёновки типологически и, что довольно редкий случай, по компоновке мотивов и самой схеме орнаментальной композиции, имеет довольно точную аналогию в кургане у с. Ольшаны (Скорый 1999: 120, рис. 14/42).

Кубковидные столовые сосуды — самая распространённая в степных погребениях форма. В небольшом числе, но, этот же тип (Огородное, Великодолинское) известен и в ареале культуры Сахарна (Гольцева, Кашуба 1995: табл. XIX/4; XXVII; XXXI/5).

К наиболее ранним керамическим формам, уже испытавшим влияние балкано-дунайской орнаментики эпохи среднего гальштата, отнесены сосуды из Петродолины (тип 4 со штриховкой — «щёточкой», производной от сплошной клетчатой) и Каушан с мотивом пирамиды из перевернутых «чистых» треугольников (тип 11). Орнамент на каждом из этих сосудов заключает в себе одновременно архаичные (тип 4 из Петродолины и S-овидный штамп из Каушан) и новационные (клетчатая штриховка в Петродолине и тип 11 в Каушанах) мотивы. Вокруг абсолютной даты этих и им подобных сосудов следует помещать начало влияния басарабской орнаментики, которое она начинает оказывать на полностью сложившийся к этому времени комплекс причерноморской геометрической керамики.[17] Такой абсолютной датой может быть первая половина VIII в. до Р. Х., скорее всего, её заключительная часть, ближе к середине столетия. К этому же времени относится и появление в степной зоне явно импортной керамики Басараби (Сарата [Рис. 3/17]).[18]

Ко второй пол. VIII — началу VII вв. до Р. Х. можно отнести кубковидные сосуды из Дальника (типы 11, 16), Маяк (тип 13б—13г) и Пивденного (в основном тип 14). При этом, характер композиции на сосуде из Пивденного производит впечатление наиболее позднего. Здесь видна некоторая асимметричность, перекрывание или частичное поглощение одних фигур другими. Вместе с тем, отмечается и признак развитой жаботинской орнаментации — густая клетчатая штриховка.

Для полноты картины рассмотрим и комплексы, содержавшие неорнаментированную керамику. Она расставлена следующим образом (Рис. 3). Черпак с плоским дном (Буторы), скорее всего, позднечернолесского облика[19]. К шолдэнештской керамике, вслед за А.И.Мелюковой (1979: 68), можно отнести двуручный черпак из Паркан (курган 98[6]). Из этой же серии кувшин с довольно сложной пластической орнаментацией из кургана близ с. Рошкани. Судя по формально близким параллелям в группе Мезечат предскифского времени, не позднее VIII в. следует датировать сосуд из Траповки.

Кухонные горшки из Гура-Быкулуй и Новосельского, сами по себе, хроноиндикаторы весьма далекие от идеальных. Однако, в обоих погребениях были также найдены черешковые ножи с горбатой спинкой (бронзовый — Гура-Быкулуй, железный — Новосельское [Рис. 4/7—8]). Возможно поэтому, молдавский комплекс, кажется древнее (может быть даже значительно древнее) нижнедунайского. Кроме того, симметричный, округлобокий сосуд из Гура-Быкулуй весьма напоминает белозерские формы (Кринично, Кошница [Ванчугов 1990: рис. 25/20, фото 4/6]). Для железного ножа из Новосельского, помимо широко известных предскифских аналогий, отмечу типологически и территориально наиболее

[17] Типологические параллели петродолинского черпака в культуре Сахарна-Солончены весьма обстоятельно разобраны в публикации комплекса (Ванчугов, Островерхов 1984).

[18] Почти наверняка, этот сосуд попал к степнякам из Орловского поселения («Каменная Гора»), где среди весьма разнообразной керамики культуры Басараби есть сосуды, орнаментированные в такой же манере (Vančugov şi col. 1999: fig. 7/1).

[19] Аналогии см. поселение Дунайок в Среднем Поднестровье (Шовкопляс 1952: 9, табл. I/7).

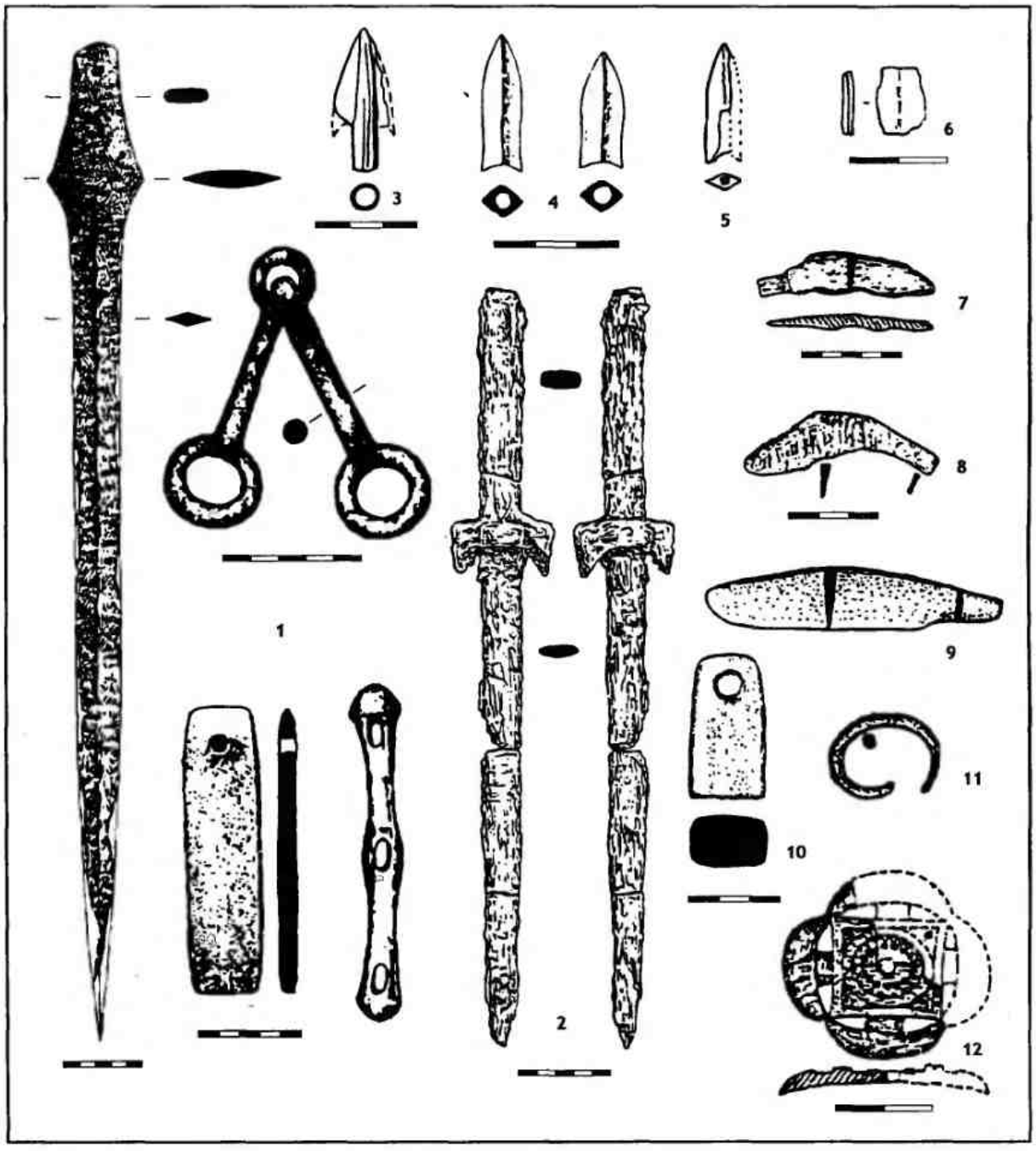


Рис. 4. **Основные некерамические хроноиндикаторы из погребений предскифского времени Северо-Западного Причерноморья**

General non-ceramic chronological indicatores from the graves of prescythian time of the North-West Black Sea Region

1 — Слободзея; *2* — Березки; *3* — Холмское; *4* — Красное; *5–7* — Новосельское-II (*5–6* — погр. 4, раскоп «Южный»/1989; *7* — погр.3, раскоп II/1988); *8–9* — Гура-Быкулуй; *10–11* — Сарата (с. Мирнополье, кург. 1, погр. 1); *12* — Урсоая *(1 — железо, бронза, камень, кость; 2,7 — железо; 3, 8, 10, 11 — бронза; 4, 5, 12 — кость; 6 — кремень; 9 — камень).*

Таблица составлена по следующим публикациям: *Яровой, Кашуба 1994; Яровой, Кашуба, Махортых 2002; Бруяко, Гизер, Дзиговский 1997; Серова, Яровой 1987; Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989; Дергачев 1984; Ванчугов 1998; Черняков, Станко, Гудкова 1986; Лапушнян 1979.*

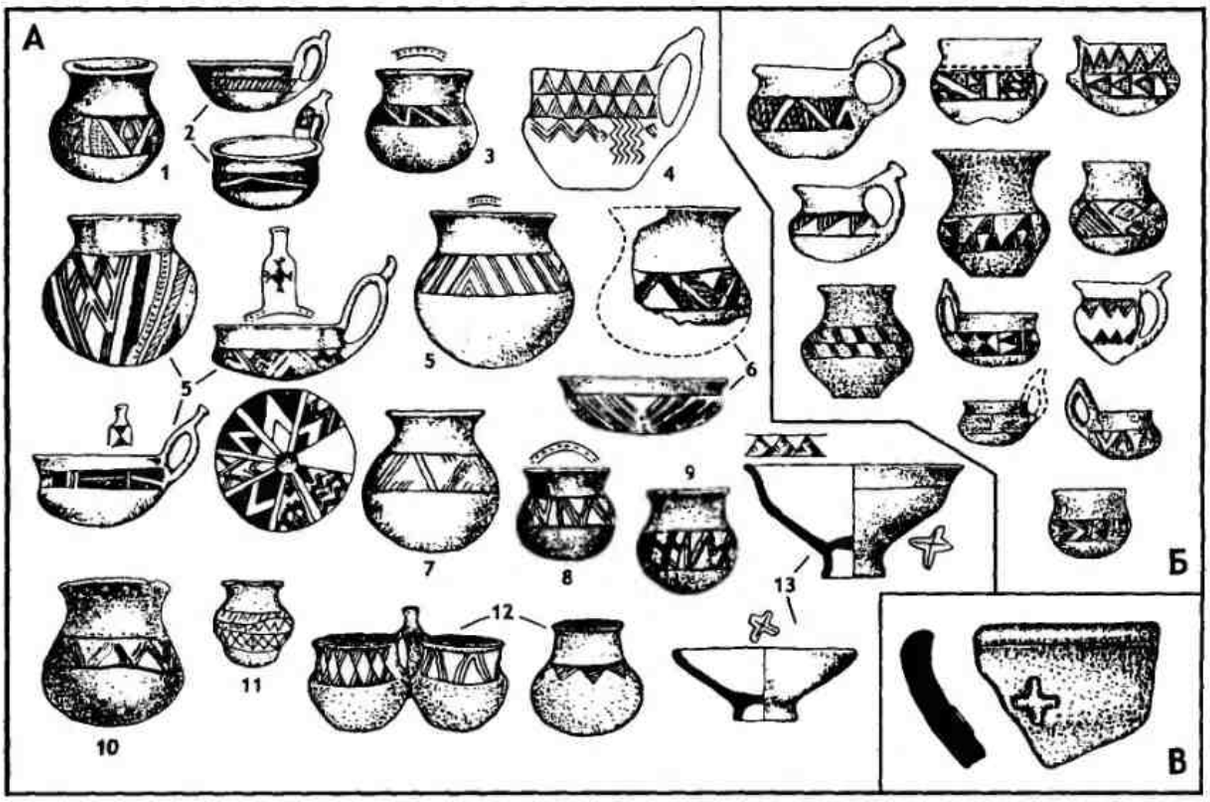


Рис. 5. А — Керамика с геометрическим орнаментом из погребений Правобережной лесостепи пред- и раннескифского времени.

Pottery with geometric ornamentations from the graves of Dnieper's Right-Bank Forest-Steppe (prescythian and early scythian times)

1 — Константиновка 375; *2* — Константиновка 376; *3* — Теклино 346; *4* — Романовка; *5* — Макеевка 455; *6* — Жаботин 524; *7* — Макеевка 453; *8* — Тенетинка 183; *9* — Константиновка 15; *10* — Константиновка 2; *11* — Медвин (кург. 3, гр. 1); *12* — Синявка 100; *13* — Журовка 406.

Б — Керамика из могильника Тютьки в Побужье.

В — Фрагмент миски с крестообразным налепом из городища Орловка (слой Басараби; из собрания ОАМ).

Таблица составлена по следующим публикациям: *Ильинская 1975; Ковпаненко 1977, 1981; Заец 1979.*

близкую — погр. 58 могильника Стойкани (Petrescu-Dîmboviţa, Dinu 1974: 90—91, fig. 6/6). Именно с этим культурно-хронологическим горизонтом, я связываю ряд комплексов Новосельского городища, среди которых и погр. 3, чей инвентарь здесь рассмотрен (Brujako, Noviţki 1997: p. 131).

Новые материалы, опубликованные уже после того, как табл. I приобрела законченный вид, как будто бы, довольно неплохо подтверждают вполне рабочее состояние нашей схемы. Имеется ввиду, прежде всего, монография М. Т. Кашубы, опубликованная в журнале STRATUM plus (Кашуба 2000). Здесь, введена в оборот новая и очень многочисленная группа столовой керамики типа Козия-Сахарна, орнаментированная в геометрическом стиле. Весьма отрадным, для меня, во всяком случае, было то, что каких-то новых композиций, принципиально отличных от тех которые содержатся в таблице на рис. 2, здесь нет (Кашуба 2000: 309—310, рис. XXII—XXIII).

Если мы сопоставим данные рис. 2 и 3 то увидим, что на керамике северо-запада причерноморской степи нет позднейших геометрических композиций.

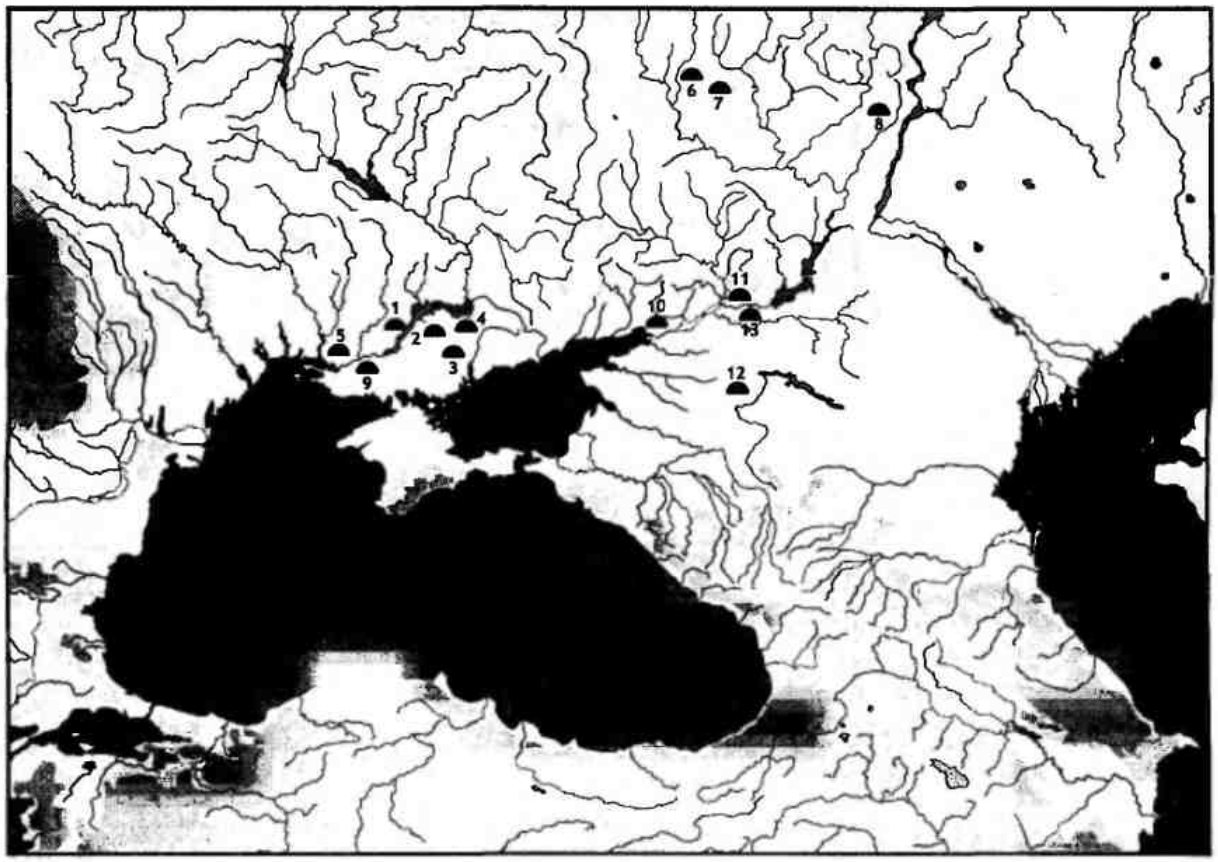


Рис. 6. Распространение керамики с элементами кобанской «геометрии» (предскифский период)

Map of the dissemination of pottery with elements of Koban geometric ornamentation (prescythian period)

***1–5, 9* — Степное Причерноморье:** *1* — Великая Александровка; *2* — Балки; *3* — Высокая Могила; *4* — Днепрорудное; *5* — Чернобаевка; *9* — Малая Цимбалка;

***6–7* — Лесостепное Подонье:** *6* — Подклетное; *7* — Губари.

***8, 10–13* — Нижний Дон и Волго-Донское междуречье:** *8* — Норка; *10* — Грушевка (кург. 11 погр. 3); *11* — Потайной-I (кург. 2, погр. 2); *12* — Красная Поляна, гр. Баранчук (кург. 3, погр. 6), *13* — Центральный-IV (кург. 11 погр. 4).

Кубок из Пивденного, который оказывается наиболее поздним, ещё несёт на себе признаки развитой жаботинской орнаментации. Нам не остаётся ничего другого как предположить, что позднейшая продукция жаботинского типа, по каким-то причинам уже не поступала в степь и, таким образом, горизонт геометрической керамики в степном Северо-Западном Причерноморье завершается несколько раньше чем в лесостепи. Возможно, это произошло уже в самом начале VII в. до Р. Х. Нет в степи и керамики с пластическим декором фракийских групп типа Бырсешти–Фериджиле, хотя бы в таком, почти уникальном виде как миска из Круглика в Среднем Поднестровье (Смирнова 1993: 108–110, рис. 3). Нет следов влияния и оригинального комплекса столовой керамики Немировского городища, который в свою очередь, испытал на себе воздействие со стороны упомянутых культурных групп Южного и Юго-Восточного Прикарпатья (Смирнова 1996: 196). Вероятно, показатель и без того слабой плотности населения степной полосы Северо-Западного Причерноморья раннего железного века, к середине VII в. до Р. Х. вплотную приблизился к нулевой отметке.

В продолжение разговора о геометрической керамике как о критерии отно-

Табл. III. **Погребения предскифского времени из Северо-Западного Причерноморья**

ПАМЯТНИК (название, комплекс, привязка; порядковый номер соответствует номеру на Рис. 1)	впускное	основное	яма			подбой	положение скелета		ориентировка	использование дерева, камня			
			в насыпи		в материке		скорченное	вытянутое		перекрытие ямы	облицовка стен	заклад	насыпь-вымостка
			прослежена	не прослежена									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Суклея (село, р-н Тирасполь), кург. 3	+				+?			+ парное	Ю				
2. Котюжени (село, р-н Шолдэнешти), кург. III, погр. 16	+				+		+ лб		СВ				
3. Гура-Быкулуй (село, р-н Анений Ной), кург. 5 погр. 1	+			+			+ лб		СВ				
4. Киркаешти (село, р-н Каушаны), кург. 2, погр. 6	+		+					+	В				
5. Великодолинское (село, р-н Овидиополь), кург. 1, погр. 5	+			+			+ лб		Ю				
6. Сарата (село Мирнополье, р-н Сарата), кург. 3, погр. 1	+			+									
7. *Там же*, кург. 3, погр. 2	+			+									
8. Красное (село, р-н Григориополь), кург. 5, погр. 3	+				+		+ лб		ЮЮВ				
9. Семеновка (село, р-н Белгород-Днестровский), кург. 2, погр. 1	+			+			+ лб		В				
10. Великодолинское, кург. 1, погр. 11	+			+			+ лб		Ю				
11. Конгаз (село, р-н Комрат), кург. №?	+							+					
12. Огородное (село, р-н Болград), мог-к I, кург. 1, погр. 9	+		+					+	ССЗ				
13. Парканы (село, р-н Тирасполь), кург. 97	+			+				+	З				
14. Буторы (село, р-н Григориополь), кург. 14, погр. 5	+				+	+	+ на спине		В				
15. Каушаны (пгт), кург. 1, погр. 2	+		+					+	З	+	+		
16. Петродолинское (село, р-н Овидиополь), кург. 2, погр. 1		+			+			+	ЮЗЗ				+
17. Сарата (пгт), кург. 10, погр. 17	+			+				+	З				
18. Траповка (село, р-н Татарбунары), кург. 1, погр. 7	+		+					+	ЮЗ				

19. Рошкани (село, р-н Анений Ной), кург. 3, погр. 4	+				+	+	+ лб		ЮВ				
20. Парканы, кург. 98[4]	+				+			+	З				
21. Новосельское (р-н Рени), погр. 3, раскоп II/1988 г.					+			+	Ю				
22. Дальник (село, р-н Овидиополь), кург. 1, погр. 1	+			+				+	СЗЗ				
23. Маяки (село, р-н Беляевка), кург. 5, погр. 1	+			+				+	ЮЗ				
24. Пивденное (село, р-н Белгород-Днестровский) кург. 1, погр. 1	+			+				+	З				
Погребения, не содержавшие геометрическую и простую керамику													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
25. Новосельское, погр. 4, раскоп «Южный»/1989 г.					+			+	ЮЮЗ				
26. Холмское (село, р-н Арциз) кург. 2, погр. 3	+				+			+	С	+		+	
27. Траповка, кург. 1, погр. 9	+				+		+		В				
28. Сарата (село Мирнополье, р-н Сарата), кург. 1, погр. 1	+			+					СВ-СЗ?				
29. Березки (село, р-н Анений Ной), кург.?	+?		+?		+?		+		З	+	+		
30. Слободзея (пгт), кург. №?		+			+			+	З	Деревянная шатровая конструкция			
31. Урсоая (село, р-н Каушаны), кург. 1, погр. 4	+		+					+	З	+			

сительного датирования, рассмотрим несколько хорошо известных и достаточно надёжно датируемых комплексов, где помимо прочего присутствует и интересующая нас керамика. Понятно, что продатированы эти комплексы были на основании этого «прочего». Керамика в расчёт обычно не принималась. Иными словами, есть возможность сопоставить два варианта независимых датировок и посмотреть, что из этого получится. Сразу же оговорюсь, что датировки по керамике не всегда соответствуют общеизвестным. Это, на мой взгляд, нельзя считать показателем ненадёжности предлагаемого здесь критерия, учитывая, что как раз по-поводу датировок этих опорных для раннего железного века комплексов имеются расхождения, иногда довольно существенные. В ситуациях подобного рода, к сожалению слишком велика вероятность подсознательного «сползания» к хронологическим рамкам общепринятых индикаторов и, как бы ни блистал красноречием и логикой тот или иной автор, стараясь убедить окружающих в своей абсолютной объективности и беспристрастности, скептики всё равно останутся и, видимо, будут совершенно правы. И всё же, я скажу, что попытался максимально дистанцироваться от всего остального инвентаря некоторых хорошо известных комплексов, сосредоточившись лишь на датировании столовой керамики с геометрическим орнаментом по принципам изложенным выше (Табл. II).

Датируя керамику из Константиновки 375 и 376 позднейшим чернолесским — раннежаботинским временем (Рис. 5/1—2), следует сказать, что сосуд из кургана 375 — относительно более ранний. В ти-

пично басарабской манере орнаментирован кубок из Теклино 346 (Рис. 5/3). Это, по-видимому, одно из ранних проявлений влияния стиля Басараби. Комплекс Тенетинка 183 включает сосуд, орнаментированный в стиле характерном для позднего Жаботина (Рис. 5/8). Композицию на этом кубке вряд ли можно датировать ранее VII в. до Р. Х. Тоже самое относится к сосудам из Константиновки 15 и, особенно, Константиновки 2 (Рис. 5/9,10). Орнамент на последнем, вообще производит впечатление очень позднего и может соответствовать финальной стадии причерноморской «геометрии». Сосуд из Макеевки 453 по орнаментике сопоставим с поздней, хотя и не самой поздней жаботинской керамикой (упрощённая композиция в сочетании с редуцированной штриховкой-«щёточкой» [Рис. 5/7]). Вряд ли ранее конца VIII — нач. VII вв. можно датировать керамический комплекс 524-го Жаботинского кургана (Рис. 5/6). Миски на высоком поддоне из Журовки 406, как уже отмечалось В. А. Ильинской, являются определённым вкладом культуры Басараби в типологию керамического комплекса лесостепного Причерноморья (Ильинская 1975: 139). Любопытно сочетание на одном из таких сосудов резного геометрического орнамента нанесённого по горизонтальной плоскости края и крестообразного налепа на внутренней поверхности миски (Рис. 5/13). Геометрическая композиция представляет собой явно поздний жаботинский вариант. Несмотря на то, что в ней можно усмотреть довольно-таки раннюю разновидность типа 4, однако она сопровождается редуцированной, очень редкой косой штриховкой, намеченной во взаимноперпендикулярных направлениях. Таким же поздним, но уже для культуры Басараби, является и применение пластического орнамента в виде крестообразных налепов. При этом характерно, что налепы всегда располагались на внутренней поверхности больших сосудов открытого типа (Рис. 5/В).

Если всё сказанное до сих пор, способно убедить в том, что геометрическая керамика, в самом деле, может быть независимым хроноиндикатором, то её использование будет особенно ценным для тех, весьма многочисленных комплексов, которые, обладая подчас довольно эффектной орнаментированной керамикой, в тоже время не имеют универсальных некерамических хроноиндикаторов. Одним из ярких примеров такого рода комплексов можно считать курган Макеевка 455 (Рис. 5/5). Керамика отсюда, на мой взгляд, сочетает в себе черты развитой и поздней жаботинской орнаментации, что позволяет датировать комплекс соответственно серединой — началом второй половины жаботинского этапа.

Крайне интересен керамический комплекс могильника Тютьки, расположенного в Побужье (Заец 1979 [Рис. 5/Б]). Судя по этому комплексу, могильник возник ещё в чернолесское время и продолжал функционировать на протяжении какой-то (очень незначительной) части жаботинского этапа.

Не так давно был опубликован комплекс кургана №15 могильника у с. Стеблев, датированный авторами VIII в. до Р. Х. (Клочко, Скорий 1993: 76, 81, рис. 5). Учитывая крайне пристальное внимание которым, почему-то, окружён данный комплекс, имеет смысл более детально остановиться на датировке кургана 15, который, сразу скажу, на мой взгляд, вряд ли старше середины VII в. до Р. Х. Ещё до выхода полной публикации комплекса, А. Ю. Алексеев, опираясь на краткое описание (Клочко, Скорый 1989), привёл ряд аргументов против чересчур низкой датировки кургана 15 Стеблевского могильника, посчитав возможным, тем не менее, датировать комплекс началом, или первой половиной VII в. до Р.Х (Алексеев 1992: 35; 1996: 22). Основным аргументом против низкой даты, А. Ю. Алексеев считал наличие в погребении остатков панциря. В новой своей монографии, А. Ю. Алексеев, ссылаясь на В. Р. Эрлиха, полагает, что этот аргумент может быть снят, поскольку брон-

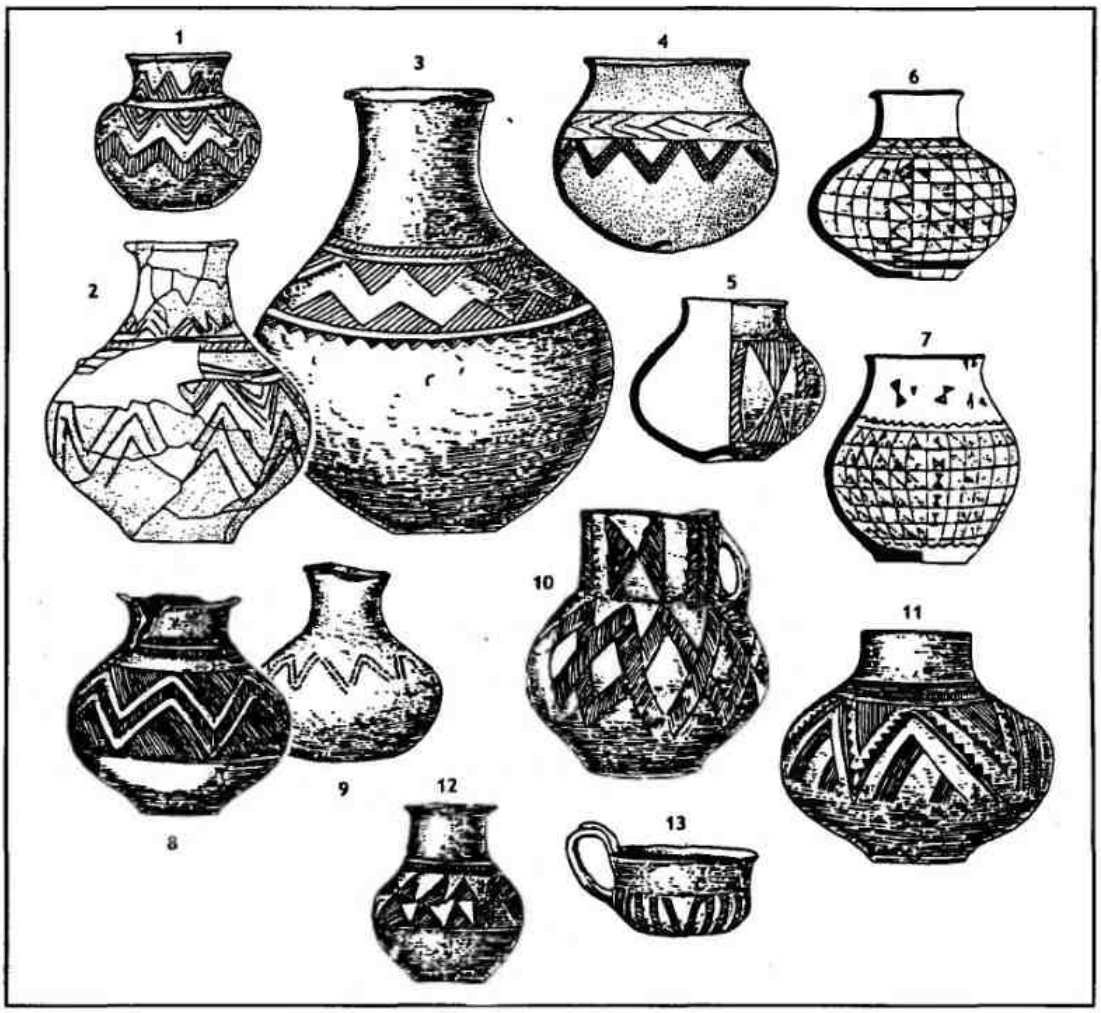


Рис. 7. Керамика с элементами кобанской «геометрии» (предскифский период)

Pottery with elements of Koban geometric ornamentation (prescythian period)

Степное Причерноморье: *1* — Великая Александровка; *2* — Балки ; *3* — Высокая Могила; *4* — Днепрорудное; *5* — Чернобаевка; *9* — Малая Цимбалка;

Лесостепное Подонье: *6* — Подклетное; *7* — Губари.

Нижний Дон и Волго-Донское междуречье: *8* — Норка; *10* — Грушевка (кург. 11, погр. 3); *11* — Потайной-I (кург. 2 погр. 2); *12* — Красная Поляна, гр. Баранчук (кург. 3, погр. 6); *13* — Центральный-IV (кург. 11, погр. 4).

Нумерация на рисунке соответствует нумерации на Рис. 6. Таблица составлена по следующим публикациям: *Степи европейской части СССР... 1989; Ляшко, Отрощенко 1988; Медведев 1999; Тереножкин 1976; Максименко 1983.*

зовые чешуйчатые панцири были известны на Северном Кавказе уже в VIII в. (Алексеев 2003: 60). Примерно также рассуждает А. И. Иванчик, который однако, развивает сюжет до конца и решительно идёт от частного к общему. А именно, от даты Стеблева (не позже VIII в.) к дате раннескифской культуры, начало которой, по мнению А. И. Иванчика, можно отнести «ещё к VIII в. до н.э.» (Иванчик 2001а: 115, 118).

Нельзя сказать, что исследователи не обратили внимания на уздечный набор типично келермесского облика, найденный в кургане 15. Однако, поскольку дата келермесского этапа (= начала раннескифской культуры) движется вниз вслед за датой кургана 15 (Иванчик 2001а: 118), то, по-видимому, появление такого типа упряжи следует относить ещё к VIII в. до Р. Х. Замечу, что за исключением этого

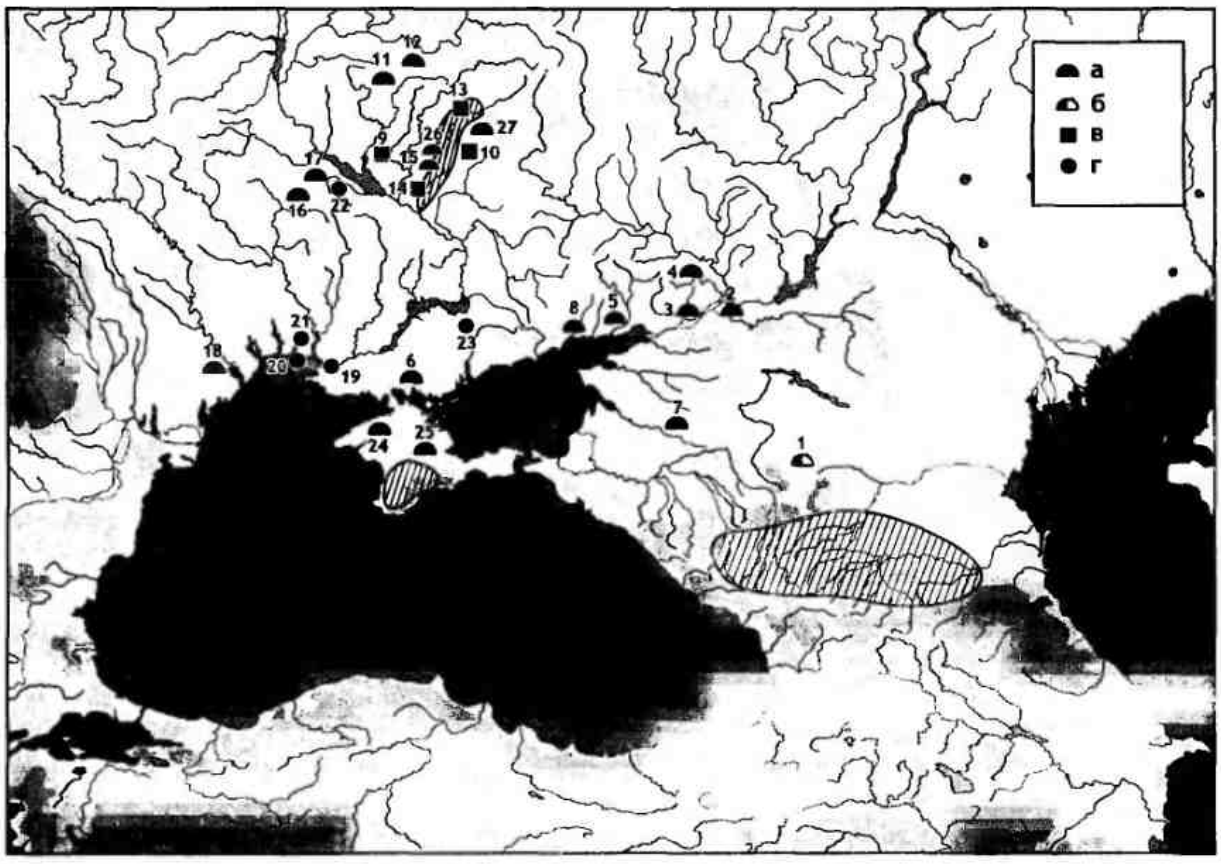


Рис. 8. Распространение керамики с геометрическим орнаментом в Причерноморье во второй пол. VII — VI вв. до Р. Х.

Map of the dissemination of pottery with geometric ornamentation in the North Black Sea Region

а *— погребения с «геометрической» керамикой второй пол. VII — VI вв. до Р. Х.;* ***б*** *— Краснознаменская группа;* ***в*** *— находки керамики с геометрическим орнаментом на поселениях и городищах Левобережной лесостепи (Люботин, Красная Горка);* ***г*** *— пункты находок кизил-кобинской керамики*

1 — Краснознаменская группа; *2* — могильник Донской; *3* — Камышевахский могильник; *4* — Дарьино-Ермаковка; *5* — Приморский-I; *10* — Первоконстантиновка; *7* — Новокорсунская; *8* — Камышеватое; *9* — ур. Красная Горка (Хорол); *10* — Люботинское городище; *11–12* — Волковцы, хут. Шумейко; *13* — Бельское городище; *14* — Пожарная Балка; *15* — Каргуси; *16* — Медвин; *17* — Синявка; *18* — Рэскэеций Ной (Новые Раскайцы); *19* — Ягорлыцкое поселение; *20* — Березань; *21* — Большая Черноморка; *22* — Мотронинское городище; *23* — Каменское городище; *24* — Березовка; *25* — Григорьевка; *26* — Тараноярский могильник (погр. XXXVII); *27* — Лихачевка (кург. 1).

Число подобных примеров-тестов можно умножать и дальше. Однако, мы на этом остановимся и попробуем ответить на вопрос который уже, по-видимому, давно назрел. А именно, какова верхняя дата горизонта геометрической керамики для Причерноморья в целом? Об этом разговор уже, по сути, начался тогда, когда мы, завершая разбор орнаментальных композиций, остановились на последнем из выделенных типов — 22.

Согласно относительной хронологосиллогизма, по существу далеко не бесспорного, объективных данных, которые подтверждали бы его, в настоящее время нет. Двулопастные наконечники стрел со скрытой втулкой и овальным силуэтом, как совершенно справедливо отмечено авторами публикации, имеют явно азиатские корни и появляются там довольно рано. Вместе с тем, эти наконечники входят в довольно представительную группу центральноазиатских хроноиндикаторов раннего железного века (однокольчатые

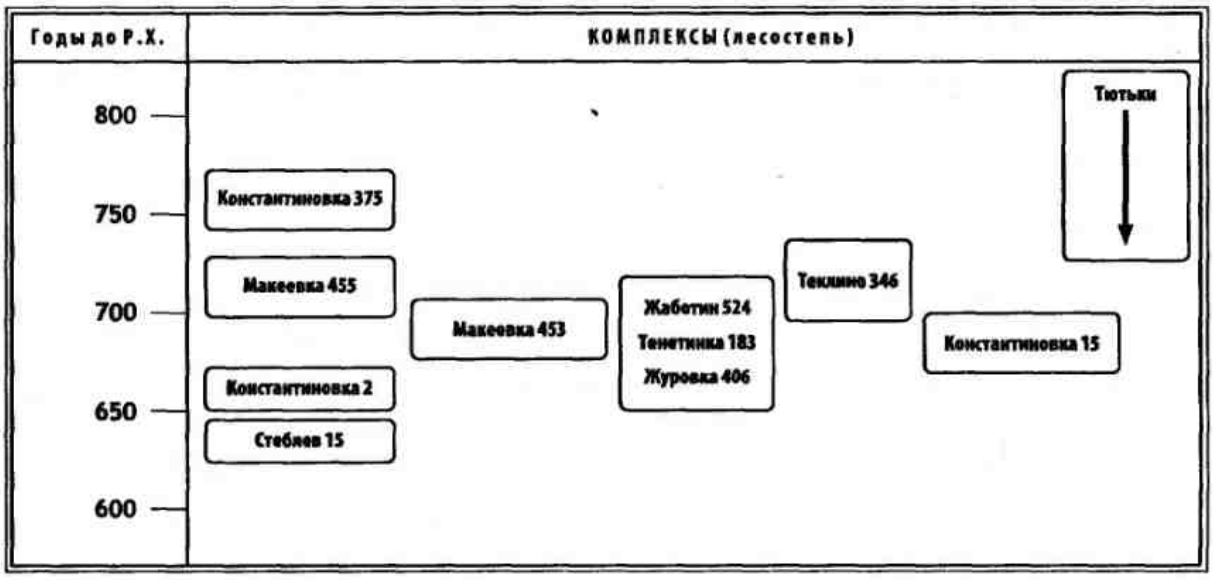


Табл.II. Датировка некоторых комплексов Правобережной лесостепи по столовой керамике с геометрическим орнаментом

удила, клевцы, зеркала с центральной ручкой), которые использовались весьма длительное время (см. гл. II). Такие наконечники найдены и среди инвентаря разрушенного кургана №2 Караванской группы на Харьковщине, который авторы публикации датируют последней четвертью VII в. до Р. Х. (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998: 150).[20] Данный комплекс можно датировать и несколько более ранним временем, которое, однако, совершенно исключает VIII-й и, вероятнее всего, первую половину VII в. до Р. Х. Что же касается деталей панциря, то, факт появления пластинчатого доспеха в Причерноморье ещё в конце VIII — начале VII вв. оспорить трудно, учитывая в частности, комплекс жаботинского кургана №524. Однако, такими ранними доспехами, похоже, были бронзовые (или комбинированные — бронза-железо), тогда как цельножелезный пластинчатый панцирь, в целом, — более позднее явление.

Как водится в таких спорах, на керамический «сервиз» из кургана 15, особого внимания не обращали. И, совершенно напрасно, ибо среди весьма представительного набора столовой посуды из этого комплекса, нет ни одного экземпляра с резным геометрическим орнаментом. Случайность, конечно, возможна, но маловероятна, по причине довольно большого количества разнообразных сосудов (2 миски, 2 черпака, корчажка и горшок) из которых 5 принадлежат к группе столовой керамики. Таким образом, керамика кургана 15 может быть датирована временем после завершения «геометрического» горизонта в Причерноморье, т.е. приблизительно после 650 г. до Р. Х. Этой датировке больше соответствует и типология самой керамики, в особенности — форма мисок в сочетании с внутренними, несквозными проколами по краю.

Из отдельных находок «геометрической» керамики в интересующем нас

[20] Помимо стрел, в комплекс вещей входит 2 предмета древневосточного происхождения — обломок серебрянного ритона в виде головки быка и бронзовое блюдо (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998: 147—150, рис. 4).

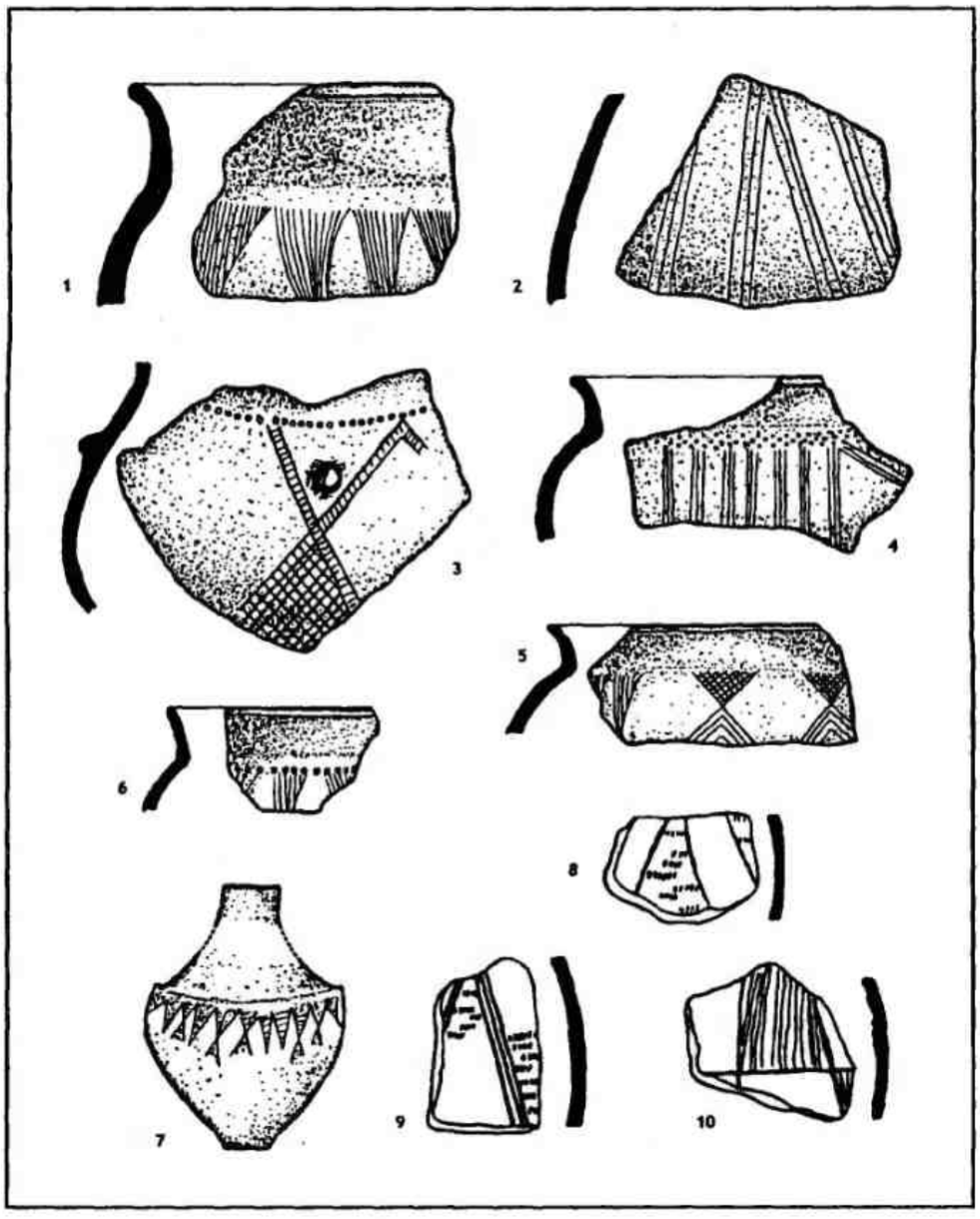


Рис. 9. **Кизил-кобинская керамика из внекрымской зоны Северного Причерноморья**

Kizil-Koba pottery from North Black Sea Region (non-Crimea area)

1–6 — Березань (из собрания ОАМ); *7* — Мотронинское городище (по [*Бессонова, Батуревич 1998*]); *8–10* — Каменское городище (по [*Гаврилюк 1999*]).

районе, можно упомянуть глубокий черпак из Романовки, орнаментированный в очень архаичной манере и без сомнения относящийся ещё к чернолесскому, причём не самому позднему, горизонту (Рис. 5/4). На Левобережье, как известно, керамика с геометрическим орнаментом концентрируется в основном в бассейне р. Ворскла. Её вполне репрезентативная выборка происходит из Бельского городища. Сочетание развитой и поздней жаботинской орнаментации на столовой керамике из зольника №4 Бельска (Шрамко 1996: табл. VI—XI) позволяет говорить о достаточно длительном периоде в течение которого происходило отложение материалов в комплексе — рубеж VIII/VII — первая пол. VII вв. до Р. Х.

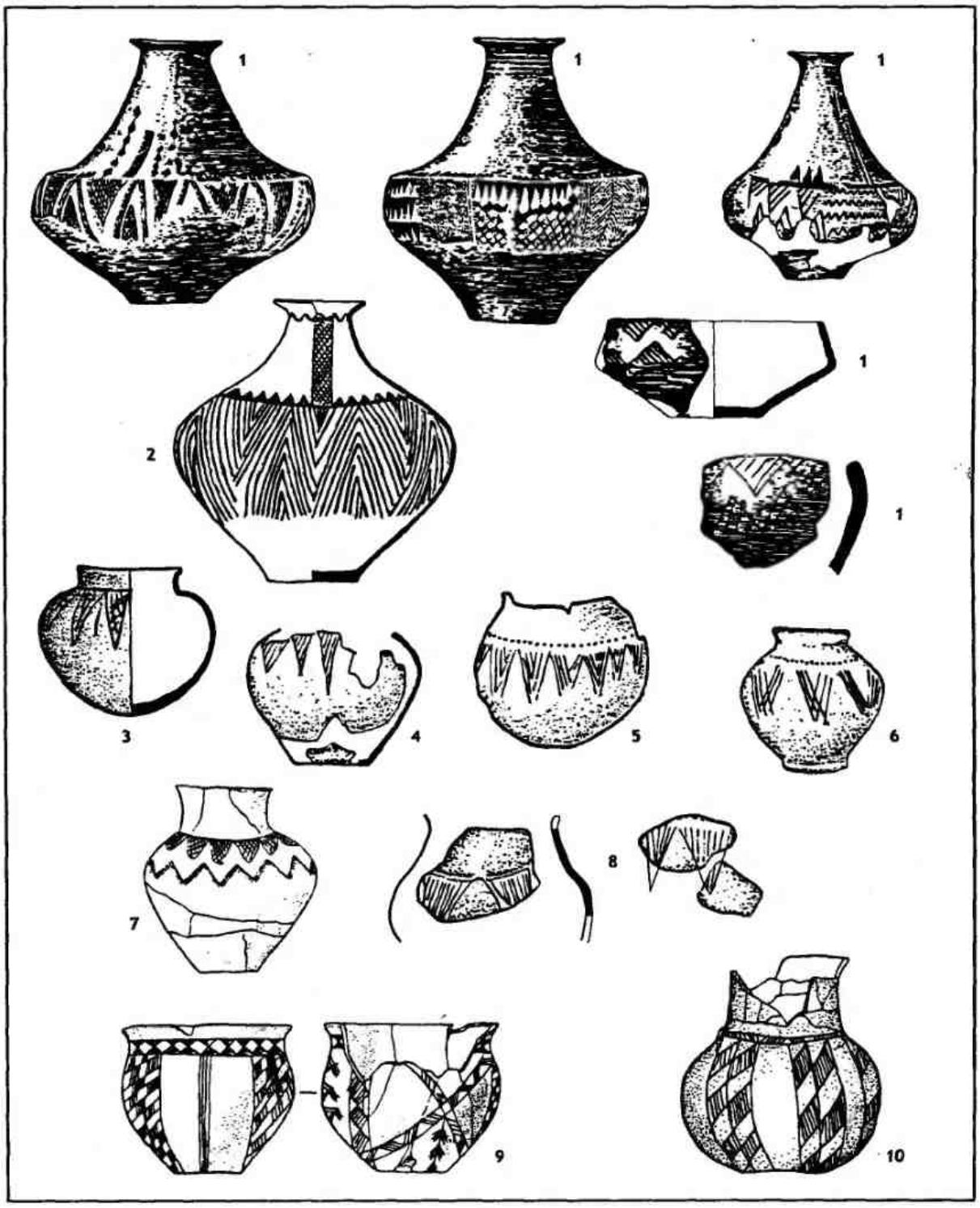


Рис. 10. **Керамика с геометрическим орнаментом из раннескифских погребений**

Pottery with geometric ornaments from early scythian burials

1–2 — Кобанская керамика Краснознаменских курганов (*1*) и могильника Донской (*2*).

3–8 — Приазовье и Нижний Дон: *3* — Камышевахский могильник; *4* — Дарьино-Ермаковка; *5* — Приморский-I; *6* — Первоконстантиновка; *7* — Новокорсунская; *8* — Камышеватое.

9–10 — степной Крым: *9* — Березовка; *10* — Григорьевка.

Таблица составлена по следующим публикациям: *Степи европейской части СССР..., 1989; Ильюков, Лукьяшко 1994; Дубовская 1997; Колотухин 2000.*

гии В. А. Ильинской, верхним рубежом геометрической керамики является поздний горизонт старшей журовской группы (Ильинская 1975: 59). По схеме И. Н. Медведской, это финал 2-го этапа РСК, что в абсолютных датах приходится приблизительно на середину VII в. до Р. Х. В целом, эту дату можно принять, заметив, что она отражает реальную ситуацию пока что лишь для Правобережной лесостепи. А каково положение дел в других областях Причерноморья и сопредельных районах?

В Подунавье геометрическая керамика в основном исчезает вместе с культурой Басараби, т.е. также около середины VII в. до Р. Х. Причём, орнаментация Басараби, по сути, уже не является строгой геометрией, а скорее своеобразным «геометрическим барокко», безусловно, наследующем традиции предшествующего горизонта культур «классической штампованной керамики» (по Б. Хенселю [Hänsel 1976: 210]). Отдельные элементы пластической орнаментики группы Фериджиле (после 650 г. до Р. Х.) в основном унаследовали как раз не геометрические, а криволинейные мотивы басарабской керамики (спирали, волюты, «бегущие волны» и пр.).

В Среднем Поднестровье керамика раннескифских памятников середины — второй пол. VII в. не сохранила и намёков на резную «геометрию»,[21] и вместе с тем, продолжает принимать какие-то юго-западные импульсы, отразившиеся, в том числе и на керамическом комплексе (Круглик). Однако, теперь уже эти импульсы несут в себе влияние группы Бырсешти-Фериджиле. Дальше к востоку, это влияние ощутимо и в керамическом комплексе Немировского городища (Смирнова 1996: 196; 1998: 114, 116; 1999: 243).

Наконец, ещё один весьма важный *t. a. quem* геометрической керамики предоставляет нам самая ранняя греческая апойкия, на острове Березань. Здесь при наличии представительной выборки материалов второй половины VII в. до Р. Х. образцы лесостепной геометрической керамики отсутствуют. Впрочем, столовая посуда с резным геометрическим орнаментом здесь всё же есть (Дзис-Райко 1959: табл. I; Марченко 1976 (типы I—III); 1988: рис. 19—21). Однако, при чуть более пристальном внимании к ней, очевидно, её сходство (вплоть до тождества) с крымскими материалами, а именно — столовой керамикой кизил-кобинской культуры (ср. Рис. 9 и Рис. 12). Здесь, геометрический орнамент на керамике появляется примерно в середине VII в. до Р. Х. (Колотухин 1996: 43).

Самое время высказаться в пользу исключительно крымского происхождения березанской геометрической керамики. Иногда, исследователи, отмечая этот, вроде бы бесспорный факт, тем не менее, делают своеобразный реверанс и в сторону постоянно находящейся на виду жаботинской «геометрии». По-моему, ни один из тех фрагментов керамики на который при этом ссылаются (см.напр.[Марченко 1988: 91]) не имеет ничего общего с композициями столовой посуды лесостепного Поднепровья. В Одесском археологическом музее, среди обширной коллекции материалов из раскопок на Березани, хранится и столовая лепная керамика с резным геометрическим орнаментом. Из просмотренных мною фрагментов, нет ни одного, который можно было бы отождествить с жаботинской посудой (Рис.9/1—

[21] Какую-то, весьма отдаленную реминисценцию, как довольно смутное воспоминание о геометрическом периоде, можно увидеть, пожалуй лишь на глубоком черпаке из кургана у с. Ленковцы (Мелюкова 1953: 61, рис. 30/3). «Чистые» и заштрихованные редкими линиями треугольники в незамкнутом поясе, нанесены без соблюдения всяких параметров причерноморского геометрического стиля.

6).[22] Учитывая совершенно «нетоварный» характер кизил-кобинской керамики и, вместе с тем, её отнюдь не единичные находки в архаических слоях Березани, за всем этим следует видеть *только физическое присутствие в низовьях Южного Буга населения этой культуры*. На это в своё время предельно ясно указывал А. М. Лесков отмечая, что такая керамика в Нижнем Побужье не может быть понята вне связи с таврской (кизил-кобинской — *И.Б.*) культурой (Лесков 1965: 161).

Таким образом, можно считать, что мы определились с верхней датой горизонта геометрической керамики в Причерноморье, да и в целом, в западной половине Циркумпонтийской области. Традиция, возникшая ещё в эпоху поздней бронзы, нарушается в середине VII в. до Р. Х. Эта дата — безусловный *t. a. quem* для геометрической керамики Правобережной Украины, включая и степную область. После этого термина, к западу от Днепра и на Балканах такая керамика почти неизвестна. Хотя, отдельные напоминания об этом явлении ещё периодически встречаются здесь на протяжении второй половины VII в. до Р. Х. В лесостепи к западу от Днепра, это погребения из Медвина (кург. 3, группа I) и Синявки 100 (Рис. 5/11—12; 8/16—17).[23] В степной зоне, на Нижнем Днестре отмечен едва ли не самый поздний на сегодня комплекс, содержавший керамику украшенную в геометрическом (скорее, «псевдо-геометрическом») стиле (Рис. 8/18; 38/5). Это ограбленное погребение из с. Рэскэеций Ной (Новые Раскайцы), которое судя по литой бронзовой бляхе в виде волка (?), свернувшегося в кольцо, по аналогии с Ковалевкой и курганом Кулаковского можно датировать концом VI в. до Р. Х.[24] Это, однако, исключения лишь подтверждающие правило.

[22] Впрочем, некоторые спорные фрагменты всё же имеются. Это обломок черпака с кнопочной ручкой и композицией-мотивом 20-го типа, рисунок которого приводят В. П. Ванчугов и А. С. Островерхов (1984: 60, рис. 4), а также 2—3 фрагмента керамики из публикации С. Л. Соловьёва (1995: рис. 2/6, 7, 26). В последнем случае, весьма интересен 1 фрагмент (рис. 2/7) на котором при желании, можно увидеть сочетание типично крымского мотива сильно вытянутых, редко заштрихованных треугольников и лесостепного мотива с т.н. двойным фоном (тип 18а).

[23] Вообще, надо признать, что комплекс Синявки 100 выглядит довольно странно. Геометрическая керамика отсюда, явно более архаичная по сравнению с прочим инвентарём. Интересна и сама форма сдвоенного сосуда, абсолютно нехарактерная для Причерноморья этого периода. Её появление здесь, могло быть в равной степени обусловлено как южными (закавказскими), так и западными (среднеевропейскими) импульсами.

[24] Датировка комплекса — вторая половина VII в., предложенная О. Г. Левицким и Т. И. Демченко, не кажется убедительной (Левицкий, Демченко 1995: 47—48). Она основана на достаточно сложных умозаключениях, в ходе которых авторы отдают предпочтение керамике с резной орнаментацией и одновременно, пытаются вывести распространение иконографии хищника семейства волчьих из среднескифской в раннескифскую культуру. Подробнее о том, почему это врядли возможно см. (Полидович 1991: 176—177; 1994: 68, 75, рис. 4).
К этому комплексу мы ещё вернемся, когда будем рассматривать раннескифские памятники Бессарабии. Пока же, замечу что такая внушительная хронологическая лакуна, отделяющая сосуд из Рэскаэций Ной от горизонта геометрической керамики в Причерноморье, не должна смущать по двум причинам. Во-первых, легко заметить, что стиль орнаментальной композиции имеет здесь лишь самые отдаленные аналогии в строгой балкано-причерноморской «геометрии», исключая собственно технику нанесения орнамента и наличие на одном из сосудов узкого замкнутого орнаментального пояса (Рис. 43/5). Таким образом, возможно перед нами продукт какого-то сиюминутного полёта фантазии керамиста. В связи с этим, можно отметить и несколько грубых лепных сосудов скифского типа из Никония V в. до Р. Х., украшенных прочерченным орнаментом (Бруяко 1993: 61, рис. 2/20, 25). Во-вторых, подобные, труднообъяснимые «пережитки» хорошо известны, в т.ч. и в отношении орнаментированной столовой керамики. Напри-

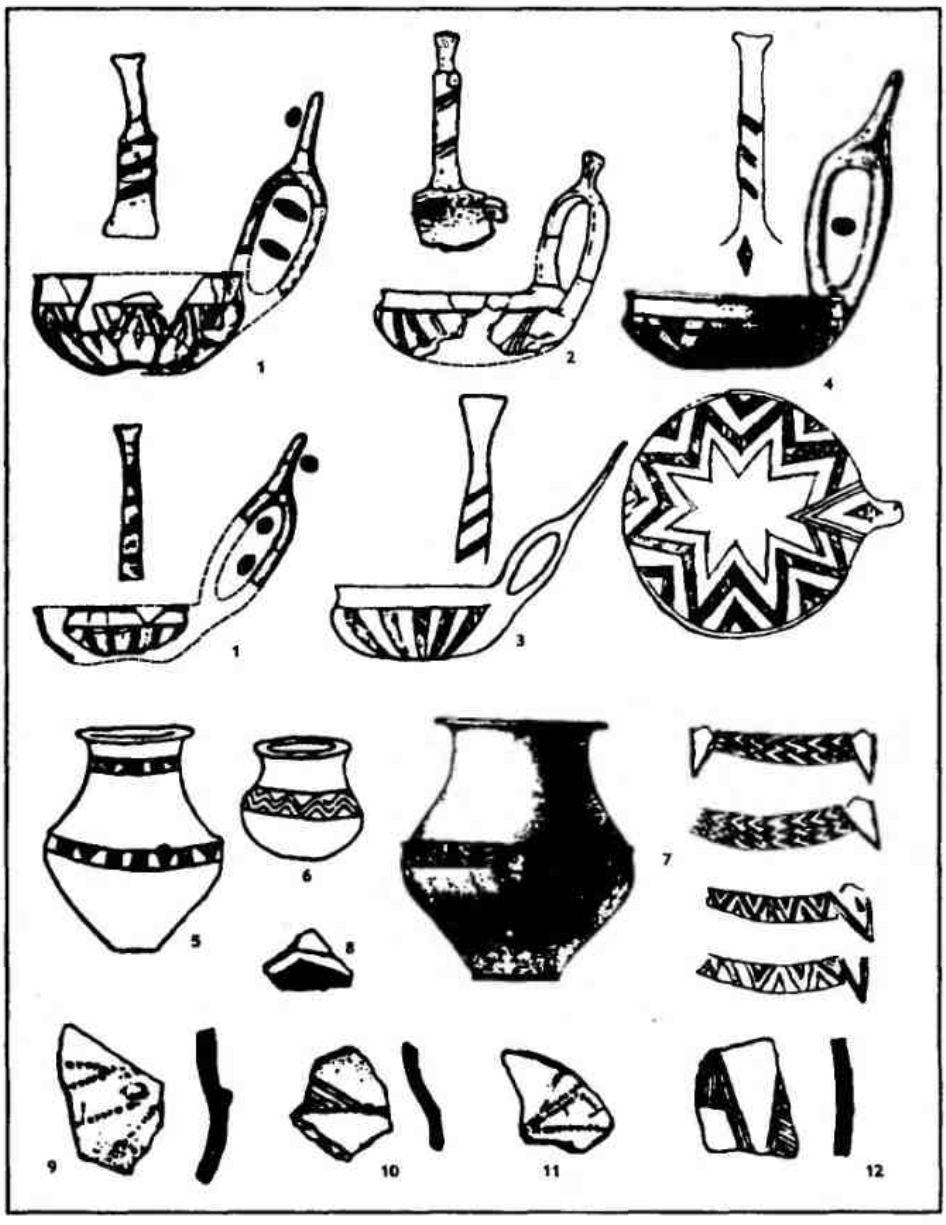


Рис. 11. Керамика с геометрическим орнаментом из Левобережной лесостепи

Pottery with geometric ornaments from Left bank of Dnieper's forest-steppe region

1–7 — вторая пол. VII — начало (первая пол.) VI вв. до Р. Х. (*1* — Карпуси; *2* — Тараноярский могильник (погр. XXXVII); *3* — Лихачевка (кург.1); *4, 7* — курган близ Бельского городища; *5* — Шумейко; *6* — Волковцы).

8–12 — датировка неясна (*8–11* — ур.Красная Горка (близ г. Хорол); *12* — Люботинское городище).

Таблица составлена по следующим публикациям: *Ильинская 1968; Рудинский 1949; Моруженко 1986; Гавриленко, Супруненко 1995; Шрамко 1998; Кулатова, Супруненко 2002*

Впрочем, как и всякий культурный феномен, геометрическая керамика не могла исчезнуть в одночасье (к примеру, около 650 г.), повсеместно и навсегда. Около середины VII в. распадается целый блок культур Циркумпонтийской облас-

ти, объединённых этим феноменом (ср. Рис. 14 и Рис. 8).[25] В тоже время, в некоторых провинциях этого, теперь уже бывшего блока, традиции «геометризма», утратив своё транскультурное качество, продолжают более или менее автономно существовать ещё какое-то время. Прежде всего, это касается северокавказского региона, где местная линия развития кобанской «геометрии» хронологически гораздо длиннее причерноморской.[26] Ещё более консервативной в этом отношении областью можно считать горный Крым. Геометрический орнамент на столовой посуде появляется здесь тогда, когда в Причерноморье он в основном исчезает — около середины VII в. (Колотухин 1996: 43, 80). Запомним это обстоятельство, ибо мы к нему ещё вернёмся. Причём, в Крыму резной геометрический орнамент продолжает использоваться вплоть до эпохи позднего эллинизма — II в. до Р. Х. (Колотухин 1996: 88).

Именно с этими двумя районами, кобанской и крымской «геометрии», можно связывать последние штрихи к истории геометрической керамики в Северном Причерноморье, которые явственно проступают на примере нескольких степных раннескифских комплексов (Рис. 10). Орнаментальные композиции на столовой посуде из этих погребений, на мой взгляд, не имеют отношения к причерноморско-балканской «геометрии». Это достаточно очевидно уже хотя бы исходя из беглого стиля, отсутствия замкнутого пояса и весьма характерного именно для кавказско-крымской «геометрии» (в т.ч. кубанско-донского ареала кобяковской культуры) мотива висящих (перевернутых) треугольников (Рис. 12). Показательна и география этих комплексов. Из 6 погребений упомянутых О. Р. Дубовской (Дубовская 1997: 201 и сл.), 5 рассредоточены вокруг Азовского моря (Подонье — 1; Присивашье — 1; Северное Приазовье — 2 и Восточное Приазовье — 1 [Рис. 8]). Несколько в стороне от этого ареала находится лишь комплекс из Дарьино-Ермаковки в Восточном Донбассе. Ближе всех к крымской «геометрии» стоят орнаментальные композиции на сосудах из Дарьино-Ермаковки, Приморского и Первоконстантиновки. Особенно характерными можно считать последние две композиции, на которых верхняя граница орнаментального пояса обозначена крупными точками (Рис. 10/5—6). Наоборот, орнамент на горшке из Новокорсунской больше подходит под стандарты кобанской «геометрии» (Рис. 10/7), чему вполне соответствует и локализация этого памятника в Восточном Приазовье (бассейн р. Бейсуг) — вероятном ареале кобяковской культуры. Судя по сопутствующему инвентарю из некоторых погребений этой группы (наконечники стрел, костяные грибовидные «столбики», колчанная застежка) они датируются ещё VII, или началом VI вв. до Р. Х. (Дубовская 1997: рис. 10).

мер, это знаменитая чашка, украшенная S-овидным штампом в технике типичной для X—IX вв. до Р. Х., которая, неизвестно как, оказалась в погребении начала V в. до Р. Х. могильника Равна (Hänsel 1976: 218—219). Столь же неожиданной следует считать и находку из могильника Майерш в Нижней Австрии. Здесь, в комплексе, относящемся ко II фазе могильника (HaC_2) был обнаружен фрагмент кубковидного сосуда орнаментированного двумя видами штампа — зубчатым (ложношнуровым) и крестовидным, вписанным в окружность (Stegmann-Rajtar 1992: 78, abb. 24/5). Обе разновидности штампа прекрасным образом сочетаются, однако опять-таки в ареале культур «классической штампованной керамики» Карпато-Подунавья, т.е. никак не позднее X—IX вв. до Р. Х.

[25] В настоящей работе под Циркумпонтийской областью в основном понимается ареал, очерченный в своё время Е. Н. Черныхом для металлургической провинции бронзового века (Черных 1978: 265—268, рис. 113—114), исключая Верхнее Поволжье и Южный Урал.

[26] Согласно В. И. Козенковой, только в V в. до Р. Х. геометрическая керамика в кобанской культуре постепенно исчезает и на этапе Кобан IVb (по схеме для центрального варианта), т. е. приблизительно с середины V в., её уже почти нет (Козенкова 1990: 84, табл.4).

Появление кизил-кобинской керамики в районах достаточно удаленных от её основного ареала, видимо, не должно вызывать особого беспокойства, если мы опять вспомним о находках этой посуды в архаических слоях Березани. Такая же керамика зафиксирована в Нижнем Побужье и на позднеархаическом поселении Большая Черноморка–2 (Гаврилюк, Отрешко 1982: рис. 5/1—11).[27] Типичная, орнаментированная кизил-кобинская корчага недавно была найдена и в лесостепной зоне, на Мотронинском городище (Рис. 8/22; 9/7 [Бессонова, Батуревич 1998: 6—7; Бессонова, Скорый 2001: рис. 34/1]). Единичные фрагменты резной керамики кизил-кобинского типа, которую Н.А.Гаврилюк считает «киммерийской» (Гаврилюк 1999: 247—248, рис.50/1—4), отмечены и на Каменском городище (Рис. 8/23; 9/8—10).[28]

Что касается находок керамики северокавказского облика в степной полосе Причерноморья, то они фиксируются здесь ещё в предскифский период. Причём, не только в ареале прямого влияния кобанской «геометрии» куда можно включить северокавказско-приазовскую степную область вплоть до низовьев Дона. Сосуды с орнаментацией в кобанском стиле попадают и непосредственно в Причерноморье (Рис. 6). Так, определённо кавказского происхождения считается узкогорлая орнаментированная корчага из Высокой Могилы (Рис. 7/3 [Бидзиля, Яковенко 1974: 158; Мелюкова 1979: 69; Kossack 1980: 127]), горшок из Великой Александровки (Рис. 7/1), Чернобаевки (Рис. 7/5 [Гаврилюк 1996: 120; 1999: 92]). Элементы северокавказской «геометрии» просматриваются и на округлодонном кубке из Днепрорудного (Рис. 7/4). Самыми северными пунктами находок керамики с орнаментальными композициями кобанского стиля, вероятно, являются погребения из лесостепного Подонья (Подклетное, Губари [Рис. 6/6—7; 7/6—7]).

Нижнее Подонье, можно считать своеобразным плацдармом северокавказской «геометрии», формирование которого связано с распространением здесь памятников кобяковской культуры (Рис. 14/7). Напомню, что согласно Э. С. Шарафутдиновой это произошло в результате перемещения из Закубанья на север населения, оставившего в исходной точке памятники типа Красногвардейское I и II (XII—X вв. до Р. Х. [Шарафутдинова 1991: 79—80, 90]). На Нижнем Дону, ему принадлежали памятники типа Ко-

[27] Наличие кизил-кобинской керамики только в архаических слоях поселений Нижнего Побужья, ждёт своего объяснения. Очевидно, в конце VI — нач. V вв. до Р. Х. произошел отток (или даже тотальный исход) крымских мигрантов, из Побужья на свою историческую родину. Быть может, это связано с началом фазы активной колонизации Юго-Западного (Херсонес) и Северо-Западного (Керкинитида) Крыма. И в частности, с включением последнего в сферу торгово-экономического влияния Березанско-Ольвийского полиса (см. [Золотарёв 1986: 8]). О возможном оттоке населения Березани в Крым (в частности, в Керкинитиду) в начале V в. пишет С. Л. Соловьёв (Соловьёв 1995: 38; 2000: 105; 2000а: 304).

[28] Введение такого понятия как «киммерийская» керамика, по-моему, вообще неправомерно. Во всяком случае, пока существует полный произвол в содержании, вкладываемом в это понятие различными исследователями. Что же касается фрагментов керамики из Каменского городища, то элементы орнамента на них вполне сопоставимы именно с крымской «геометрией» (см. [Колотухин 1996: рис. 46/12—15; 47/12—13]). Тогда, появление геометрической керамики в Каменке вполне объяснимо и с хронологической точки зрения, в то время как виртуальная «киммерийская» посуда заставляет искать подобное объяснение, поскольку, основание городища и исчезновение последних реминисценций причерноморской «геометрии» разделяет не менее чем 100—150 лет. Судя по рисункам приведенным в работе Н. А. Гаврилюк (1999: рис. 9/8—10), по крайней мере 2 фрагмента орнаментированы мелкозубчатой гребенкой — вариант наиболее характерный для 3-го этапа кизил-кобинской культуры, начало которого В. А. Колотухин помещает в пределах конца V в. до Р. Х. (Колотухин 1996: 59).

бяковского поселения — X — нач. VIII вв. (Шарафутдинова 1980: 70). Ареал памятников кобяковской культуры представляется Э. С. Шарафутдиновой либо в виде двух относительно изолированных очагов — Нижний Дон и Прикубанье, либо эти очаги следует объединить и тогда кобяковская культура займёт обширную область Восточного Приазовья. Однако, в любом случае, сегментация кобяковской культуры от северокавказского ствола очевидна так же, как и последующая миграция этого населения дальше на север (Шарафутдинова 1980: 69, 76).[29]

Сказанное только что, вполне объясняет и находки кобанской керамики в раннескифских погребениях Волго-Донской степной области. Так, например, присутствие в могильнике Донской (кург. 1, погр. 24) корчаги, орнаментальная композиция которой сходна с резной «геометрией» Краснознаменских сосудов — выглядит вполне ожидаемой (Рис. 10/2).[30]

Однако, помимо автономных очагов крымской и кавказской «геометрии» продукция которых периодически попадала в раннескифскую степь, в Причерноморье существовала и ещё одна область где традиции изготовления такой керамики сохранялись на протяжении второй пол. VII-го, а быть может, и в начале (первой половине) VI в. до Р. Х. Речь идёт о лесостепном Днепровском Левобережье. Эту область, безусловно, следует включать в ареал балкано-причерноморской геометрической керамики, где она занимала периферийную, северо-восточную зону. Вероятно поэтому, юго-западные импульсы, внёсшие свой вклад в формирование чернолесско-жаботинского комплекса столовой керамики Приднепровской Лесостепи, доходили сюда несколько позднее, чем скажем, на Правобережье.

Довольно распространена точка зрения, которая именно так объясняет фактор запаздывания при появлении к востоку от Днепра ряда керамических форм, в т. ч. и орнаментированных. Говоря о распространении геометрической керамики на Левобережье, отметим одно обстоятельство территориально-географического порядка, известное впрочем, уже давно. Подавляющее большинство памятников, на которых зафиксированы находки такой керамики, так или иначе тяготеют к бассейну р. Ворскла, тогда как в других группах, приуроченных к бассейнам Сулы, Псла, Сейма и Северского Донца, керамика с резным геометрическим орнаментом встречается черезвычайно редко (Рис. 8). Появление этой керамики на Ворскле, обычно объясняется переселением сюда обитателей Правобережной лесостепи (Ковпаненко 1957: 95 и сл.; Ильинская 1957: 15—17; Тереножкин 1961: 215; Ильинская, Тереножкин 1983: 346; Моруженко 1988: 50). О том, что геометрическая керамика действительно бытует на левом берегу Днепра дольше, чем на Правобережье, вполне определённо свидетельствуют её находки вместе с античным архаическим импортом. В кургане 1 (погр. 7) у с. Карпуси, западнее Полтавы (Рис. 8/15), мелкие жаботинские черпаки с элементами поздних геометрических композиций (Рис. 11/1) сопровождались фрагментами расписной амфоры, большей частью невыразительными (Супруненко, Золотницький, Ку-

[29] Это подтверждается сравнительной хронологией опорных памятников в этих двух районах. В Закубанье, Красногвардейское I—II датируется XII—X вв. до Р. Х., при этом верхний слой Красногвардейского II — IX—VIII вв. Дата Кобяковского поселения и культуры в целом, в Подонье определяется X — нач. VIII вв. до Р. Х. (Шарафутдинова 1991: 90).

[30] Авторы публикации датируют комплекс находок из этого погребения VI в. до Р. Х. (Ильюков, Лукьяшко 1994: 67). Вероятнее всего речь может идти о раннем VI в., а может быть, и конце VII века.

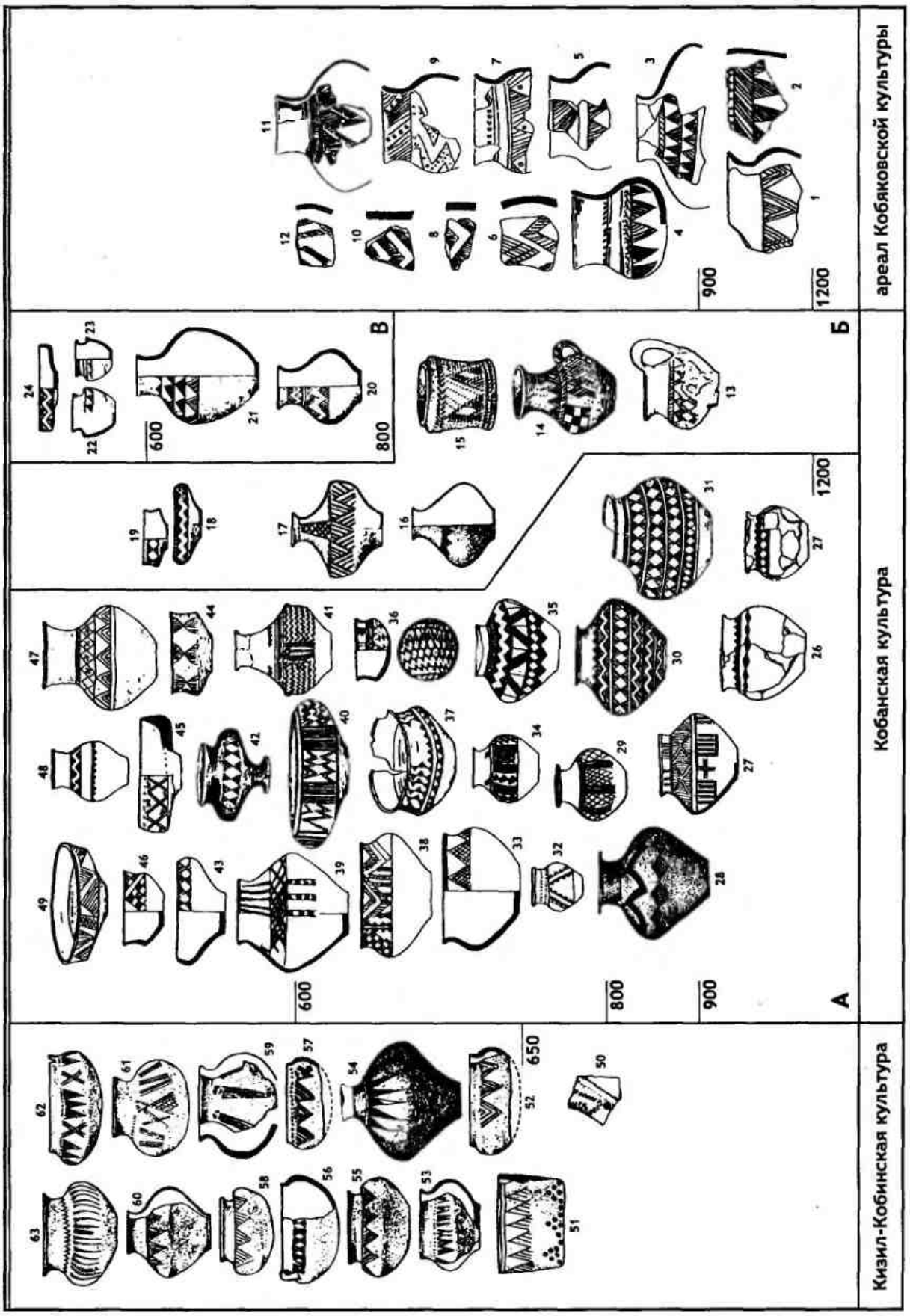

Кизил-Кобинская культура
Кобанская культура
ареал Кобяковской культуры
А
Б
В
600
800
900
1200
650

Рис. 12. Сравнительная таблица композиций геометрического орнамента столовой керамики крымско-кавказского ареала.

Comparative table of fine ware pottery with geometric ornament from the Crimea-Caucasian area

Ареал Кобяковской культуры: *1–2* — Красногвардейское-I; *3, 5, 7, 9* — Нижнегниловское; *4, 11* — Кобяково городище; *8* — Красногвардейское-II (нижний слой); *10, 12* — Красногвардейское-II (верхний слой).

Кобанская культура:

Б — Центральный вариант (*13* — Верхне-Кобанский могильник (погр.9); *14–15* — Кобань; *16* — Змейское посел.; *17–19* — Комаровский могильник).

В — Восточный вариант (*20-21* — Зандакский могильник; *22* — Алпатово (погр.); *23* — Шали (погр.); *24* — Нестеровский могильник).

А — Западный вариант (*25–26* — Былым; *27–28* — могильник Терезе; *29–30, 34, 40–41, 49* — Каменномостский могильник; *31* — Сосновогорский могильник; *32, 38* — Березовский 1[в] могильник; *33* — Кисловодск; *35* — Султаногорский 1[а] могильник; *36* — Мебельная фабрика; *37* — Кичмалкинский могильник; *39* — Исправненский могильник; *42* — Перкальский могильник; *43* — ст. Горячеводская; *44* — Провалское посел. (Пятигорск); *45* — Пятигорск (пункт «Н» 1929 г.); *46* — Пятигорск (погр); *47* — Султаногорский 3[в] могильник; *48* — Березовский 4[а] могильник).

Кизил-кобинская культура: *50–51* — Кизил-Коба; *52* — Уч-Баш; *53–54* — Сахарная Голова; *55* — Дружное 1; *56–58* — Симферопольское посел.; *59* — Таш-Джарган-1; *60* — Симферопольское водохр. (кург. 7); *61* — Симферопольское водохр. (кург. 14); *62* — Симферопольское водохр. (кург. 12); *63* — Дружное 2.

Таблица составлена по следующим публикациям: *Шарафутдинова 1980, 1991; Козенкова 1982, 1990, 1998; Колотухин 1990; Степи европейской части СССР.., 1989.*

латова 1996).[31] Близкий по форме и орнаментальной композиции мелкий черпак происходит из погр. XXXVII Тараноярского могильника близ Мачухи (Рис. 8/26; 11/2). Судя по находке в этом же погребении бочёнковидной бусины, оно также вряд ли старше второй пол. VII в. (Рудинський 1949: 65—66, рис. 10). В эту же, небольшую серию однотипных сосудов входят ещё два черпака. Один происходит из кургана 1 у с. Лихачёвка (Рис. 8/27; 11/3). Второй — из кургана в окрестностях Бельского городища, где кроме черпака была найдена и чернолощёная, орнаментированная корчага (Рис. 8/13; 11/4, 7). Все четыре упомянутых комплекса, в целом, можно считать синхронными, соответствующими «постгеометрическому» периоду в Причерноморье и датировать в пределах второй пол. VII в. до Р. Х. Вероятно, самым ранним в этой группе, если судить по колчанному набору, будет комплекс из Лихачёвки — около или сразу после середины VII в. (Моруженко 1986: 117, рис. 3). Курган под Бельском, авторы публикации датируют концом VII — нач. VI вв. до Р. Х. (Кулатова, Супруненко 2002: 170).

Вряд ли раньше VI в. датируются сосуды с геометрическим орнаментом из курганов у хут. Шумейко и Волковцы (курган 2/1897 [Рис. 11/5—6]). Композиция и набор её элементов на шумейковской корчаге, имеют мало общего с жаботинской «геометрией», исключая лишь технику нанесения орнамента и наличие замкнутого пояса. Зато, наблюдается определённое сходство между корчагами из-под Бельска и хут. Шумейко.[32] Ситуация с кубком из Волковцев запутанная. В. А. Ильинс-

[31] По описанию и рисункам, трудно сказать к какому типу сосуда (сосудов?) принадлежали эти обломки — тарному или столовому. Диаметр массивного кольцевого поддона (ок. 12 см) и толщина стенок вблизи него (ок. 1 см) позволяют предполагать что это могла быть тарная амфора, возможно хиосского производства (т. н. «коломакский» тип: Монахов 1999: 33 и сл.).

[32] Детальное сравнение затрудняет плохая прорисовка шумейковской корчаги. Тем не менее, вполне заметно типологическое сходство между корчагами. Кроме того, средние

кая полагала, что этот сосуд, возможно по ошибке приписан к комплексу находок из этого кургана (Ильинская 1968: табл. LVII). Прочий набор вещей может быть отнесён уже к среднескифской культуре и датирован концом VI — нач. V вв. до Р. Х. Сам кубок, как по форме, так и по орнаментальной композиции имеет едва ли не абсолютную аналогию в материалах зольника №1 поселения в урочище Лысая Гора (Тараща, Киевской обл. [Бессонова, Скорый, Романюк 1995: рис. 4/7]). Авторы раскопок полагают, что материалы зольника №1 несколько младше зольника №7, исследованного на этом же поселении. Зольник №7 датируется первой половиной VII в. до Р. Х. (Там же, с. 22).

Таким образом, локальный очаг геометрической керамики на Левобережье, как инерционная структура распавшегося Циркумпонтийского блока, переживает его, по меньшей мере, на полстолетия. Впрочем, нисходящий потенциал этого, вторичного очага очевиден. Его было уже явно недостаточно для выхода на сопредельные территории. Единичные проявления деятельности этого очага, слабо фиксируемые, быть может, в архаических слоях Березани (см. выше), — ситуации не меняют. Креативный период ареала причерноморской «геометрии» заканчивается около середины VII в. до Р. Х.

1.2. Геометрическая керамика и начало раннескифской культуры

СУММИРУЯ наши наблюдения за относительной хронологией орнаментальных мотивов и композиций, нетрудно заметить, что пик разнообразия, пышности и, если угодно, популярности геометрической орнаментики в Северном Причерноморье приходится на завершающую фазу чернолесско-сахарнянского и бóльшую часть жаботинского этапа. В абсолютных датах это будет соответствовать VIII в. до Р. Х. Если сравнить геометрическую керамику Причерноморья этого периода с аналогичной синхронной посудой Карпато-Подунавья,[33] то становится очевидным что несмотря на все отмеченные выше элементы сходства, орнаментальные композиции каждой из этих двух областей, в целом, уже значительно отличаются друг от друга. Пусть в меньшей степени, но эти отличия заметны и для более раннего времени, ещё до того как лесостепные районы Молдавии и Украины ощутили на себе влияние басарабской орнаментики. Мы уже разбирали ряд мотивов и сложных орнаментальных композиций позднечернолесско-сахарнянской керамики, не имеющих аналогий в Карпато-Подунавье ни в VIII, ни тем более в IX вв. до Р. Х. Объяснение этому я вижу в том, что на определённом этапе в причерноморской лесостепи складывается местная линия развития геометрического орнамента. Другими словами, появление сложной, насыщенной «геометрии» (начальная стадия «орнаментального взрыва»)[34] в Причерноморье не

орнаментальные пояса на обоих сосудах очень узкие. Небольшие конические налепы располагаются вдоль верхней границы орнаментального пояса. Различия, помимо количества орнаментальных поясов, касаются и самих орнаментальных композиций.

[33] Для VIII века это культура Басараби, не считая болгарских групп прибрежной зоны и южнофракийских памятников типа позднего Пшеничево.

[34] Эта, весьма образная характеристика принадлежит В. А. Ильинской (1975: 170).

зависело исключительно от внешних импульсов и могло протекать уже вполне самостоятельно. Познакомившись, а точнее — восприняв, на сахарнянско-чернолесском этапе определённый набор простых орнаментальных мотивов и законченных, но также довольно незатейливых геометрических композиций (типы 1—3), причерноморские керамисты в дальнейшем могли работать в этом направлении более или менее самостоятельно. Это довольно заметно на примере жаботинской керамики, где совершенно отчётливо видны подражания басарабской орнаментике, выполненные впрочем, в несколько иной манере, менее аккуратно и не так изящно. Это касается зубчатого штампа, S-овидных оттисков и, в особенности т. н. *tremolo*.[35]

О том, что в основе такого восприятия лежали причины гораздо более глубокие, чем простое нерефлектированное подражание, мы ещё поговорим. Пока же замечу, что воплощением независимого творчества причерноморских мастеров как раз и могли быть те, самые первые сложные геометрические композиции, давшие начало «орнаментальному взрыву». Вполне вероятно, что это произошло ещё в IX в. до Р. Х. В дальнейшем, орнаментальный набор мог пополняться отдельными новыми элементами и мотивами, как это было к примеру, с клетчатой штриховкой, или типами 11—12, заимствованными из керамической орнаментики культуры Басараби. Самобытность причерноморской «геометрии» хорошо прослеживается и на протяжении жаботинского этапа.

Если бы предложенная выше схема (Табл. I) оставалась схемой на уровне относительной хронологии, то бóльшую часть из сказанного ниже можно было бы опустить. Однако, сейчас когда динамика геометрического орнамента привязана к среднеевропейской хронологической шкале, этапность которой в Восточной Европе всё равно чаще всего проецируют на абсолютные даты, наша схема нуждается в известном запасе прочности, который позволил бы ей оставаться работоспособной в условиях того тотального понижения дат для раннего железного века, которое в последнее время начинает приобретать плохо контролируемый характер стихийного бедствия. Собственно говоря, те абсолютные даты, которые используются здесь, уже могут устроить не всех. К примеру, согласно последней (или одной из последних) корректировок раннескифского горизонта, поздние жаботинские курганы выведены за пределы VII в. до Р. Х. (Медведская 1992: 91—92). Вряд ли эта процедура будет способствовать достижению полной хронологической гармонии в рамках VIII века. Скорее, наоборот. Однако, процесс, что называется, пошёл. Жаботинский этап буквально втиснут в VIII в. до Р. Х., а желающим предоставляется право размышлять над тем, где же теперь нужно помещать точки соприкосновения позднего Чернолесья и раннего Жаботина. Если предполагать жёсткую последовательность этих двух этапов то, опираясь на схему И. Н. Медведской, видится два варианта решения вопроса. Первый — нижняя дата жаботинского этапа остаётся там же где она помещалась до сих пор, т. е. около 750 г. до Р. Х. В таком случае, относительная хронология В. А. Ильинской сжимается, а весь культурный ритм жаботинского этапа укладывается в полстолетия (750—700 гг.). Второй вариант. Раннежаботинские памятники отодвигаются далеко в VIII век, а фактически в самое его начало. При этом, сохраняется условная столетняя длительность ритма, однако финал позднего Чернолесья и, надо полагать Сахарна–Солончен, должен будет находиться где-то около 800 г. до Р. Х.

[35] Я весьма признателен М. Н. Дараган, которая показала мне керамический материал из поселения на Тарасовой Горе (Жаботин).

Для большей ясности при последующем изложении, здесь необходимо определиться с таким, весьма распространённым, и в то же время, совершенно неопределённым понятием как «раннежаботинский» этап (фаза, период и т.д.).

До настоящего времени смысл, вкладываемый в это понятие, остаётся в известной мере, индивидуальным для каждого исследователя. Ясно лишь, что почти всегда речь идёт об относительной хронологии в пределах предскифско-раннескифского пласта древностей. Разночтения в содержании этого термина вызваны, главным образом, отсутствием детальной классификации материалов как эпонимного памятника, так и других поселений жаботинского этапа. Поскольку, подобная работа вполне претендует на объёмное, самостоятельное исследование, то здесь я лишь ограничусь собственным, в какой-то степени, априорным, толкованием понятия «раннежаботинский» («жаботинский»).[36]

По моим представлениям, начало жаботинского этапа в лесостепном Поднепровье *предшествует* появлению здесь элементов раннескифской культуры (РСК). Тем самым, «жаботинский этап» и «раннескифская культура», с точки зрения хронологии — не совсем одно и то же. Жаботинский этап включает в себя, в том числе и РСК. Однако, определённый хронологический отрезок существования жаботинских древностей, в археологическом смысле нужно считать доскифским. Именно с этим, доскифским периодом, я и предлагаю соотносить понятие «раннежаботинский». В абсолютном хронологическом значении это может быть середина и бóльшая часть второй половины VIII в. до Р. Х., скажем, 50-е — 20-е годы.

Предположение о том, что появление и начальную фазу развития жаботинской керамики можно увести далеко в VIII век, высказал Г. Коссак. Он размышлял над некоторыми параллелями, которые проводил Б. Хенсель, сравнивая раннегеометрическую (или протогеометрическую) крашеную посуду афинского Керамика и синхронную керамику Южной Фракии, орнаментированную штампом. Идея Г. Коссака носила, впрочем, характер пожелания, поскольку он, во-первых, не уточнил насколько «далёким» будет в этом случае VIII век, а во-вторых, оговорил, что это будет возможным, если жаботинские и позднечернолесские комплексы не будет разделять слишком большой промежуток времени (Kossack 1980: 118, 120).

На основе анализа всё тех же элементов и мотивов геометрического орнамента, мне уже приходилось высказываться против «нового порядка» в хронологии VIII в. до Р. Х. (Бруяко 1996). Поскольку, реакции на это до сих пор не последовало то, наверное, имеет смысл вновь вернуться к этой проблеме.

Речь идёт о некоторых, достаточно интересных закономерностях применения штампованного орнамента (S-овидный, Ω-образный и др.) на причерноморской керамике. Орнаментальные композиции (мотивы), состоящие из таких штампованных вариаций, столь характерных для исходной области распространения различных штампов в районе Железных Ворот (группа Остров), Добрудже (Бабадаг–II) и Болгарии (Пшеничево [Morintz, Roman 1969: fig. 9, 12—14; Мелюкова 1979: рис. 3—4; Nicic 1999: pl. 3), в Причерноморье встречаются крайне редко (напр. Тенетинка 158 [Рис. 2/10а]). Можно назвать

[36] В своё время, примерно так же, и по тем же причинам, была вынуждена поступить и Г. И. Смирнова (1985а: 26—27). Сейчас, над коллекцией Жаботинского поселения весьма активно работает М. Н. Дараган. Предварительные итоги её работы сводятся к выделению трёх последовательных хронологических горизонтов в жизнедеятельности поселения (Жаботин I—III [Дараган 2003]).

также, единичные фрагменты раннежаботинской, или позднечернолесской керамики (Kossack 1980: abb. 2/20, 24). Столь же редкими являются и обломки сосудов, украшенные горизонтальными и вертикальными рядами крупных, не связанных между собой S-овидных штампов, найденные на голиградских городищах Кривче и Жванец в Среднем Поднестровье (Рис. 13/7—8 [Малеев 1987: 94—95, рис. 3/5, 11; Krušelnicka 1979: abb. IX/1]), а также в сахарнянском слое городища Глинжены (Гольцева, Кашуба 1995: табл. LVII). Разновидностью подобного штампа можно считать и оттиски в форме печатной греческой «омеги» (Мервинцы [Смирнова 1977: 97, рис. 3/2]).[37] Однако, этот элемент, необычайно популярный в группе Остров (Рис. 13/1—2), не получил широкого распространения в Причерноморье и, по всей видимости, все указанные фрагменты можно считать прямым импортом и датировать периодом «классической штампованной керамики» Подунавья, т. е. X—IX вв. до Р. Х. Этого нельзя сказать о более привычном S-овидном штампе, период применения которого, и это совершенно очевидно, охватывает ещё какой-то отрезок жаботинского этапа. Характерным для Причерноморья следует считать в основном упорядоченное расположение S-овидных штампов на поверхности столовых сосудов, и в основном — в качестве окантовки верхней горизонтали обычно резного орнаментального пояса (Рис. 2/9а, 12б—12в, 17в, 26; 3/11, 15; 13/9—12). Как уже отмечалось, S-овидная орнаментика культуры Басараби имеет принципиально иной вид (Тасић 1983: 128, сл. 81). Вместо отдельных крупных штампов, появляются мелкие оттиски образующие вначале не связанные звенья цепочек и гирлянд, а позднее, ещё более редуцированные, эти штампы превращаются в непрерывные линии «бегущих волн» (т. н. стиль *tremolo* [Рис. 13/13—21]).[38] Из таких линий составляются композиции в виде концентрических полуокружностей, густых горизонтальных и вертикальных лент и пр. Весьма часто «бегущие волны», подобно клетчатой штриховке, заполняют пространство внутри различных геометрических фигур. В Причерноморье популярной была именно ранняя разновидность крупного S-овидного штампа, тогда как басарабское *tremolo* встречается исключительно редко и, по-видимому, только на импортных сосудах (Мелюкова 1979: рис. 28; Смирнова 1985: рис. 3; Дараган 2003: рис. 2/23).

Таким образом, время выхода из употребления крупного S-овидного штампа можно считать финалом штампованной (штампованно-резной) геометрической керамики в Причерноморье. Когда это произошло? Судя по материалам Правобережной лесостепи — в начале жаботинского этапа. До недавнего времени в абсолютных датах это бы соответствовало примерно третьей четверти VIII в. до Р. Х. В последнее время, наметилась однако тенденция к ещё большему удревнению сахарнянских, а вместе с ними и позднечернолесских древностей, по-видимому для того чтобы полностью совместить хронологические рамки этих памятников с горизонтом «классической штампованной керамики» Карпато-Подунавья.

Вообще говоря, стремление достичь полной лекальности при сопоставлении родственных культурных групп, занимавших разные, подчас довольно удалённые друг от друга области или в соответствии

[37] Г. И. Смирнова упоминает ещё ряд неопубликованных материалов — Лубенецкое городище и могильник Сахарна II (Гульбока [Смирнова 1977: 100—101, сн. 23]).

[38] Стиль *tremolo* — относительно позднее явление в керамике культуры Басараби, нынешняя хронология которой позволяет думать, что этот стиль в основном характерен уже для VII в. до Р. Х.

Рис. 13. Применение S-овидного штампа на «геометрической керамике причерноморско-балканского ареала (X—VII вв. до Р. Х.)

The used of S-formed stamp on the «geometric» pottery of Black Sea-Balkan Region

А. Образцы «классической штампованной керамики»:
1–6 — Инсула-Банулуй (группа Остров)
7–8 — городище Кривче

Б. «Классический» S-овидный штамп на причерноморской керамике:
9, 11 — Врублевецкая-Дунайок
10, 12 — Жаботин

В. S-овидный штамп ранней Басараби: «*tremolo*»:
19 — Островул-Маре
20 — Орловка
21 — Груйя (ЮЗ Олтения, р-н Железных Ворот)

Таблица составлена по следующим публикациям: *А — Morintz, Roman 1969; Малеев 1987; Б — Kossack 1980; В–Г — Craciunescu 1996; Pădureanu 1990.*

с вульгарной диалектикой провести резкую грань между ранней и поздней группами одной и той же области, всё это может быть не всегда оправданным. В нашем случае, такое стремление к абсолютной синхронизации Сахарны и позднего Чернолесья с культурами «классической штампованной керамики» приведёт к тому, что жаботинский этап займет весь VIII век (что вообщем-то, следует из схемы И. Н. Медведской), а керамика со штампованными оттисками — его первую половину, или даже самое начало, поскольку в комплексах периода РСК–I (вторая пол. VIII в.) её уже нет. Но тогда, необходимо объяснить каким образом такая керамика попала на памятники Левобережья — Бельское городище с нижней датой около 700 г. до Р. Х. и поселение Пожарная Балка (раскоп 11 времени Келермесса [Шрамко 1987: рис. 52/д5; Андриенко 1992а: рис. 7/4, 5]). Количество находок подобной керамики полностью исключает любые формы рокового стечения обстоятельств. Даже учитывая расхожее мнение о том, что отдельные типы столовой керамики могли попадать на левый берег лесостепного Поднепровья с некоторым опозданием, в чём мы уже могли убедиться, получается что S-овидный штамп бытует в лесостепи как минимум до середины VII в. до Р. Х., но почему-то, с перерывом в полстолетия, который приходится на период РСК–I.

Объяснить это, исходя из новейшей хронологии, я не могу. Если продолжать настаивать на ней, то левобережные памятники со штампованной керамикой нужно вывести как минимум во вторую половину VIII в. до Р. Х., если не дальше. Придерживаясь же «умеренной» хронологии, при которой ограниченный период сосуществования позднечернолесско-жаботинских древностей помещается в пределах середины-третьей четверти VIII в., разрыв между левобережной и правобережной штампованной керамикой можно свести к минимуму полагая всё же, что левобережные образцы не моложе конца VIII — нач. VII вв. до Р. Х.

Означает ли это автоматическое понижение дат местонахождений левого берега Днепра, где была найдена такая керамика? По-видимому, да, так как эти находки не единичны и связаны с основными периодами жизнедеятельности поселений.

Для Бельского городища, в частности Западного укрепления, начальной датой которого принято считать период около 700 г., такая процедура была бы наименее безболезненной — в пределах четверти столетия.[39] С поселением Пожарная Балка,

[39] Тем более, что на территории городища время от времени попадаются довольно ранние вещи, VIII-го (железный трёхпетельчатый псалий новочеркасского типа [Гавриш 1995:

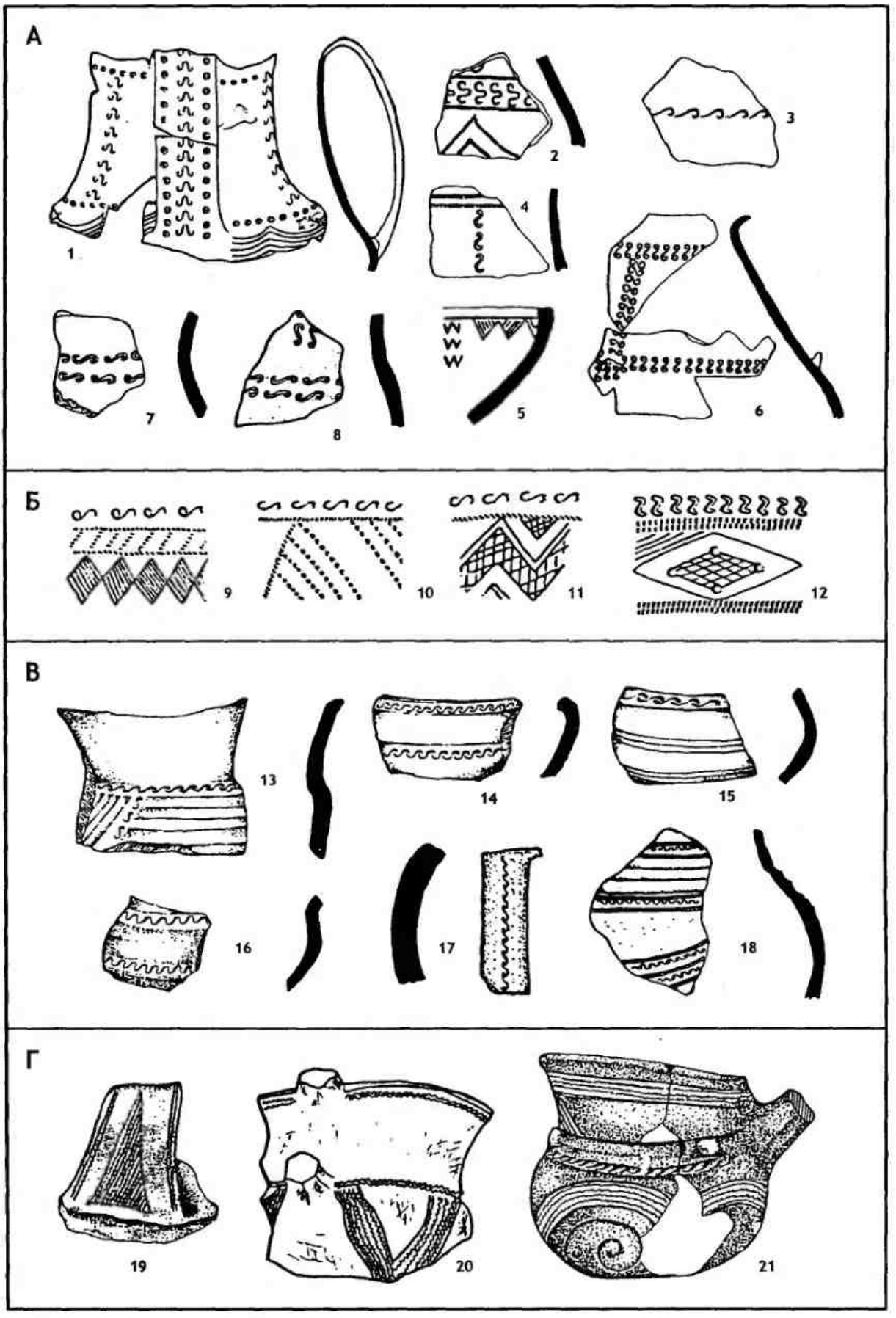

А
1
2
3
4
5
6
7
8
Б
9
10
11
12
В
13
14
15
16
17
18
Г
19
20
21

Рис. 14. **Распространение «геометрической» керамики Циркумпонтийской области в X—VIII вв. до Р. Х.**

«Geometric» pottery distribution of the Circumpontic area in the X—VIII cent.B.C.

а — основные ареалы; ***б*** — область культур «КШК» («классической штампованной керамики»); ***в*** — основной ареал керамики культуры Басараби; ***г*** — степной ареал «геометрической» керамики: I — балкано-причерноморская; II — кавказско- (крымская для VII — V вв.)

1 — Инсула-Банулуй (группа Остров); *2* — Пшеничево; *3* — Бабадаг-II; *4* — Козия; *5* — Сахарна-Солончены; *6* — Черный Лес — Жаботин; *7* — кубанско-донской ареал (Кобяковская культура, памятники типа Красногвардейское); *8* — Кобанская культура.

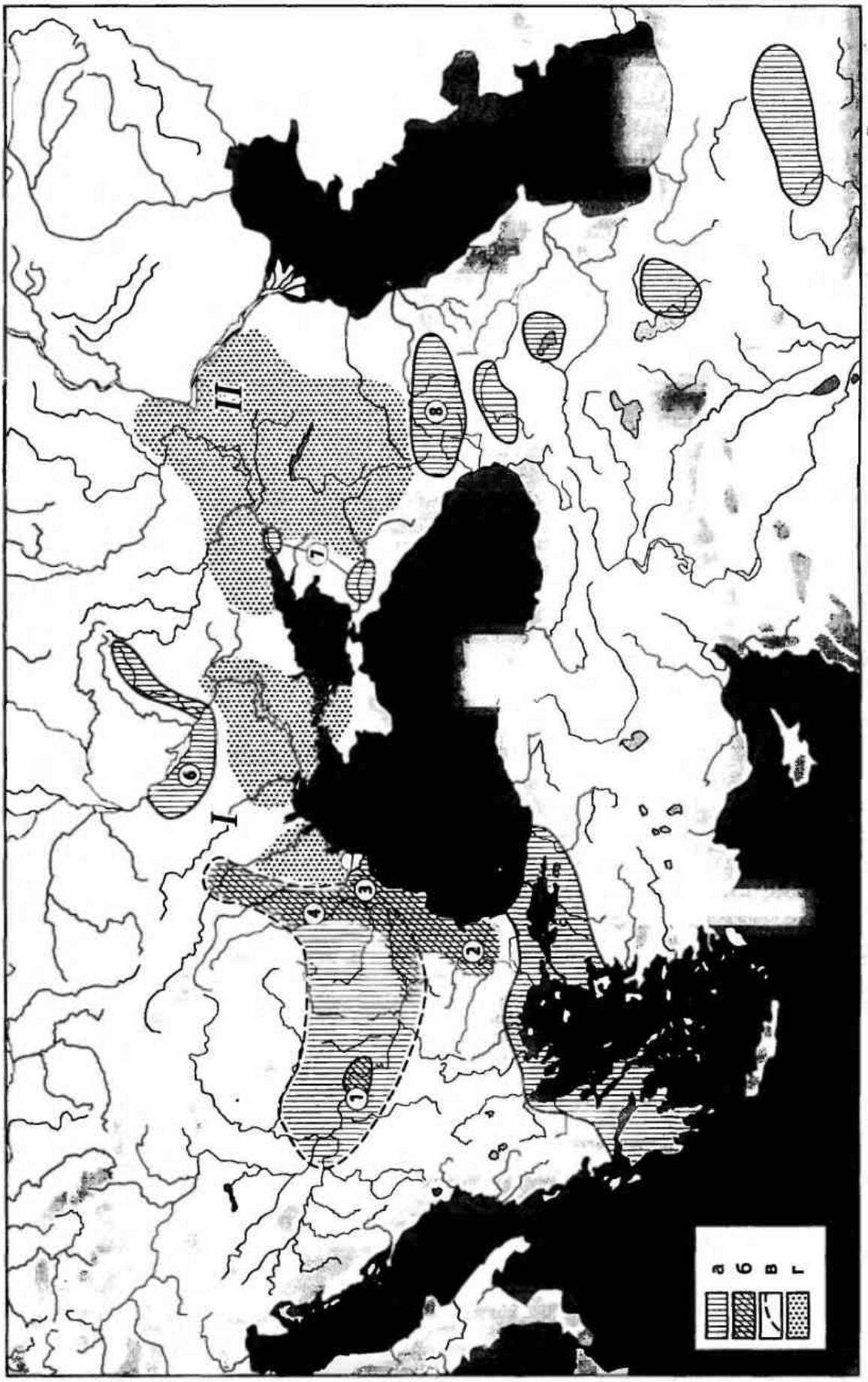
где также найдена керамика со штампованным орнаментом, дело обстоит сложнее и прежде чем решиться на столь ответственную хронологическую ревизию нужно знать, располагает ли автор раскопок какими-либо аргументами в её пользу. Судя по имеющимся данным, которые со времени выхода работы И. И. Ляпушкина (1961), к сожалению чаще представлены в тезисном варианте, на поселении методом горизонтальной стратиграфии обозначены 4 хронологические группы материала, соответствующие определённым периодам его жизнедеятельности (Андриенко 1992: 8—9; 1993, с. 3—4). Наиболее ранняя группа, в западной части поселения, определённо относится к доскифскому времени (Андриенко 1989: 8-9). В таком случае, никоим образом не ставя под сомнение датировку основного слоя упоминавшегося уже раскопа 11 келермесским временем (по В. П. Андриенко, это 2 хронологическая группа [Андриенко 1992а: 85]), можно предположить, что более ранние материалы попали сюда с других участков поселения, заселённых ещё в предскифский период (1 хронологическая группа). Тем более, что кроме керамики, в Пожарной Балке есть и другие хроноиндикаторы, которые при прочих равных условиях могут охватывать и какую-то часть VIII в. до Р. Х. (Андриенко 1992а: 85—86).[40]

Размышляя таким образом, не забудем, что существует достаточно надежный (пока, во всяком случае) *t. p. quem* для некоторых элементов орнаментальных композиций, широкое внедрение которых характерно для жаботинской столовой керамики. Этот термин даёт нам культура Басараби, датировать которую ранее VIII в. до Р. Х. пока нет достаточных оснований.[41] Именно наличие некоторого количества басарабско-шолдэнештской керамики на поселениях культуры Сахарна-Солончены и позднечернолесских городищах Среднего Днестра, определяет верхнюю дату этих памятников (Гольцева, Кашуба 1994: 166; 1995: 30,32). Тогда, если принять новую хронологию Жаботина, то для сторонников идеи хронологически последовательного существования сахарна-солонченских и жаботинских древностей, на хронологической шкале VIII века остаётся отрезок времени, совершенно неуловимый археологически — самое начало столетия.

мал. 3) и даже IX-го вв. до Р. Х. (бронзовый меч среднеевропейского типа [Ковпаненко 1973]).

[40] В одной из последних публикаций по Пожарной Балке (опять-таки, тезисной!), В. П. Андриенко согласился с необходимостью удревнения даты основания поселения и предложил в качестве таковой — начало жаботинского этапа (Андриенко 2000: 100-101).

[41] Предпринятая А. Вульпе, попытка вывести культуру Басараби в IX в. до Р. Х. (Dumitrescu, Vulpe 1988: 90; Vulpe 1990: 106 и сл.), поспешно, но довольно осторожно поддержанная некоторыми другими исследователями (Teržan 1990: 73—74; Jevtič 1994: 140), вызвала довольно решительную и, на мой взгляд, вполне обоснованную критику со стороны М. Гумэ (Gumă 1993: 234-235).


I
II
1
2
3
4
5
6
7
8
а
б
в
г

Гораздо более продуктивна, на мой взгляд, иная точка зрения — о последовательно-параллельном развитии древностей типа Сахарна–Чёрный Лес и Жаботин, на фоне начального этапа существования общности Басараби–Шолдэнешти (Смирнова 1985: 40). В основе этой идеи лежит:

1) Наличие на жаботинских, в своей основе памятниках позднечернолесской керамики, и наоборот;

2) Наличие басарабской керамики одновременно на сахарна-солончeнских и жаботинских памятниках (Жаботин, Днестровка, Ленковцы, Григоровское, Рудковецкое и Немировское городища, Лука-Врублевецкая, Журовка 406 и др. [Мелюкова 1979: 82; Смирнова 1985: 40]);

3) Компактные могильники с непрерывным, позднечернолесско-жаботинским периодом функционирования (Тенетинка, Гуляй-Город);

4) Сочетание на конкретных керамических формах, заведомо относительно ранних (S-овидный штамп) и относительно поздних (клетчатая штриховка) элементов и мотивов.

Вполне закономерен вопрос, насколько длительным мог быть период такого сосуществования в рамках VIII в. до Р. Х.? Здесь, дело за малым. Нужно определиться с нижней границей шолдэнештской группы, как северо-восточной периферии свободного орнаментального стиля культуры Басараби. Насколько мне известно, до недавнего времени этот вопрос оставался без ответа. Нижний рубеж памятников типа Шолдэнешти устанавливался (или вернее, подразумевался) почти механически, исходя из статуса этой группы как локального варианта общности Басараби, т.е. после 800 г. до Р. Х. Однако, такая зависимость предполагает по-видимому, наличие некоего импульса из Западной Валахии (район Железных Ворот) который должен был достичь Среднего Поднестровья спустя какое-то время (Рис. 14). Очень похожее событие, которое привело к сложению в Молдавии группы Сахарна-Солончены, дочерней по отношению к памятникам типа Бабадаг–II, Инсула-Банулуй в Подунавье и группе Козия в запрутской Молдове, судя по схеме Г. И. Смирновой, заняло несколько десятилетий (Смирнова 1985: 43, рис. 4).[42] Если аналогии в данном случае сколько-нибудь уместны, то тогда влияние культуры Басараби на Среднем Днестре могли стать ощутимыми ближе к середине VIII в. до Р. Х. Именно к этой дате склоняется и М. Т. Кашуба. Анализ смешанных сахарнянско-шолдэнештских

[42] С другой стороны, таких же нескольких десятилетий оказалось недостаточно для того, чтобы элементы припрутско-нижнедунайской «геометрии» (Бабадаг–II, Козия), ощутимо отразились на белозерской столовой керамике. Г. И. Смирнова, правда, предлагает повысить нижнюю дату Бабадага–II (до середины X в. до Р. Х.) с тем чтобы период потенциального сосуществования этой группы и памятников заключительного этапа белозерской культуры свести к минимуму.
Вообще, тема совмещения нижней границы Сахарна–Солончен с нижней датой горизонта культур «классической штампованной керамики» Подунавья через новые датировки Трои VI и VII — особая. Хотелось бы, в связи с этим обратить внимание лишь на два момента. Первый находится исключительно в компетенции специалистов по позднему бронзовому веку и заключается в следующем. Общее повышение датировок для Трои VII ведет и к более высоким датам первых двух ступеней Бабадага. Поскольку же, в слое Троя $VIIb_2$ ещё отмечается наличие дунайских материалов эпохи поздней бронзы (Кослоджени, Черковна [Hänsel 1976: 231, 235), то значит ли это что по новым датировкам Трои $VIIb_1$—b_2 верхняя дата таких групп как Черковна или культура Кослоджени помещается в конце XI-го, или даже в начале X вв. до Р. Х.?
Второй момент связан с неправильным, как мне кажется, толкованием понятия «поколение». Когда говорится о том, что поселение Троя $VIIb_1$ существовало в течении 1 поколения (1 генерации), то наверное имеется ввиду не средняя продолжительность жизни человека, причём современного — 60 лет, а скорее, условная граница между двумя бли-

комплексов на ряде памятников молдавского Поднестровья, в сочетании с найденными на них металлическими и костяными хроноиндикаторами, позволил ей прийти к выводу о том, что переход от Сахарны к древностям типа Басараби-Шолдэнешти произошел здесь около середины VIII в. до Р. Х. Причём, переход этот носил вполне мирный характер (Кашуба 2000а: 145). Таким образом, вокруг середины VIII века, условно в пределах 2й—3й четверти столетия и видится период сосуществования чернолесско-сахарнянских и жаботинских древностей.[43] Соответственно, появление новой среднегальштатской орнаментики, постепенно вытеснявшей старые элементы культур «классической штампованной керамики», на днепровском Правобережье могло происходить чуть позже, чем на Среднем Днестре. А тогда, последние отголоски наследия культур штампованной керамики в виде S-овидных штампов на левом берегу Днепра, вполне могли доживать и до, уже упоминавшегося нами, рубежа VIII/VII вв. до Р. Х.

В поисках косвенной аргументации положения о некотором запаздывании культурных импульсов, при условии их концентрического распространения от центра к периферии, можно прокомментировать ещё один, западный вектор влияния культуры Басараби. Речь идёт о распространении басарабской керамики от Железных Ворот вверх по Дунаю. Очевидный басарабский импорт в Западной Венгрии и Восточной Австрии, расстояние до которых от Железных Ворот ненамного превышает расстояние до Среднего Поднестровья, впервые фиксируется по материалам городищ Шопрон (Трансданубия) и Фрог (Каринтия [Vulpe 1965: 126, abb. 9/3—6]), а также могильника Кляйн-Кляйн (Нижняя Австрия). Для последнего, это в основном фаза I_2—I_3, которая в абсолютных датах соответствуют второй половине—концу VIII — нач. VII вв. до Р. Х. (Stegmann-Rajtar 1992: 87—92). Второй половиной VIII в. датируется появление керамики Басараби и в Словении (*фаза Подземели 1 по С. Габровецу* [Chochorowski 1993: 227]). Между этими областями и Железными Воротами, в югославском (сербском) Подунавье, несколько ранее — около середины VIII в. — горизонт Калакача Va на поселении Гомолава (область Срем на левом берегу р. Сава) сменяется горизонтом Vb материалы которого уже содержат керамику Басараби.[44] Приблизительно этим же временем датируются массовые захоронения людей, погибших в Гомолаве. Учитывая всё это, Я. Хохоровски предполагает, что продвижение носителей Басараби вверх по Дунаю и его притокам, носило характер военной экспансии, которая, в конечном счете, и привела к исчезновению группы Калакача (горизонт Va [Chochorowski 1993: 160, 226—227, 229]).[45]

жайшими поколениями, в качестве которой принят интервал в 30 лет. То, что Н. Сэндерс и Б. Хенсель имели ввиду именно это значение, следует из тех абсолютных дат, которые они отводят для Трои $VIIb_1$ — после падения Трои VIIa («...ungefähr um das Jahr. 1185 v. Chr...») и до начала Трои $VIIb_2$ («...in die Periode nach 1155 v. Chr.» [Hänsel 1976: 234]). Таким образом, ничего более не меняя в системе доводов Г. И. Смирновой, заменив цифру 60 на 30, увидим, что по части дунайских датировок её схема не особо будет отличаться от схемы Б. Хенселя. Бабадаг-I займёт бóльшую часть XI в., а начало Бабадага-II будет находиться где-то посередине между 1000 и 950 гг. до Р. Х.

[43] Это подтверждается материалами городища Глинжены на Среднем Днестре. Здесь, сахарнянский горизонт доведен авторами вплоть до середины VIII в. до Р. Х., а серединой — второй половиной столетия датируются смешанные, басарабско- (шолдэнештско-) сахарнянские комплексы (ямы №№39, 126 [Гольцева, Кашуба 1995: 12, 30]).

[44] Н. Тасич, опираясь на старые, высокие даты для культуры Басараби, относит появление её элементов в Градине на р. Босут (Восточная Славония) к концу VIII в. до Р. Х. (Тасић 1983: 116, 124—125).

[45] В своё время, А. Вульпе отрицал западную экспансию культуры Басараби (Vulpe 1965: 126).

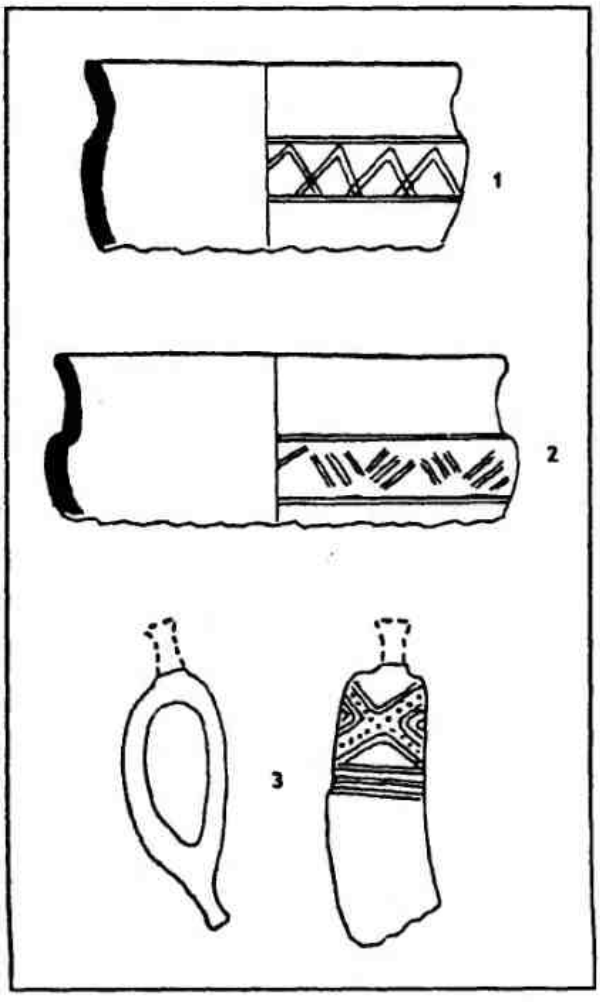


Рис. 15. Фрагменты столовой керамики из поселения Кременчуг на Южном Буге (собрание ОАМ)

Fragments of fine ware pottery from settlement Kremenchug on the South Bug river (from collection OAM)

Таким образом, распространение элементов культуры Басараби к западу и северо-западу от Железных Ворот и югославско-румынского Баната, с точки зрения хронологии выглядит вполне последовательным. Если предположить, что подобное концентрическое распространение басарабской керамики (вместе с её обладателями) от центра к периферии происходило более или менее синхронно, то тогда появление такой керамики в Восточной Австрии (Штирия, Каринтия, Нижняя Австрия) и Западной Венгрии (Трансданубия), на среднеевропейских памятниках периода поздней Урненфельд и раннего Гальштата с одной стороны, и аналогичное явление на памятниках Среднего Поднестровья и правобережной лесостепной Украины — с другой, вряд ли будет разделять слишком большой промежуток времени.

Позволю себе привести ещё одну любопытную параллель. Плоские, орнаментированные глинобитные жертвенники, которые недавно были предметом специального исследования С. С. Бессоновой, появляются в украинской лесостепи, по-видимому, уже в начале жаботинского этапа (Тарасова Гора, Мотронино, Трахтемировское и Бельское (Западное укрепление) городища). В качестве проводника этой традиции культовой архитектуры, С. С. Бессонова предлагает считать культурную общность Басараби. Это кажется весьма вероятным, учитывая несомненное стилистическое сходство в орнаментальном оформлении жертвенников и столовой керамики Басараби (Бессонова 1996: 35—36). Загадочным остаётся, пожалуй, лишь то, что на поселениях Карпато-Подунавья эпохи среднего гальштата, такие жертвенники совершенно неизвестны. Ближайшие параллели здесь имеются лишь в культурах средней бронзы (Отомани, Витенберг). Как известно, между орнаментальными мотивами именно этих культур и культуры Басараби существует очень большое сходство, которое, учитывая громадный хронологический разрыв между ними, пока труднообъяснимо с точки зрения непосредственных культурных заимствований.

Подведем предварительные итоги. Те закономерности, которые выявлены в пространственно-хронологической динамике некоторых орнаментальных элементов для предскифского Причерноморья, не позволяют говорить о том что в хронологии VIII в. до Р. Х. сложились предпосылки к «революционной ситуации». Пока начало культуры Басараби в Карпато-Дунайском бассейне удерживается вблизи 800 г., жаботинскую керами-

ку, испытавшую влияние орнаментального стиля этой культуры, невозможно оторвать от условной даты 750 г. до Р. Х. и отправить в почти неконтролируемое путешествие по просторам первой половины VIII в. А там уже, как знать, не замаячат ли перед ней перспективы освоения следующего, IX-го столетия?

По законам развития ритма ядра и его оболочки (периферии), коллапс в центре ареала отнюдь не означает синхронный развал структуры и на периферии. Исчезновение очага носителей «классической штампованной керамики» на рубеже IX/VIII вв. до Р. Х., в полной мере отразилось на молдавско-украинской лесостепной периферии не менее, чем через полстолетия. Пока обитатели Поднестровья и Поднепровья разбирались в том, что произошло, они вольно или невольно продолжали культивировать традиции, транслированные в своё время дунайской метрополией. Однако там, уже в начале VIII в. до Р. Х. складывается новый культурный очаг, креативный потенциал которого оказался настолько мощным, что захлестнул своей энергией огромную территорию от Среднего Подунавья до Среднего Поднепровья.[46] Пусть на уровне формальных признаков, но видимо, правы те исследователи, которые предлагают называть феномен Басараби — цивилизацией. Импульсы именно этой цивилизации, которые наверняка сопровождались миграцией её носителей (группа Шолдэнешти), ближе к середине VIII в. до Р. Х. начинает принимать население Причерноморья. Только после этого, вначале в Поднестровье, а затем и на правобережье Днепра угасают последние традиции культур «классической штампованной керамики» в виде S-овидных штампов. Однако, на Левобережье эти штампы продолжают применяться ещё какое-то время, окончательно исчезая на рубеже VIII—VII вв. до Р. Х. Постепенное угасание традиции штампованной орнаментики сопровождается такой же постепенной заменой сахарнянских и позднечернолесских древностей, раннежаботинскими и шолдэнештскими. И пока, на мой взгляд, нет оснований для того чтобы эти качественные культурные преобразования датировать ранее середины — третьей четверти VIII в. до Р. Х.

[46] Частный, но весьма показательный случай. Явный басарабский керамический импорт с орнаментацией «развитого» облика зафиксирован в одном из предскифских комплексов на Нижнем Дону (Беспалый, Парусимов 1991; Лукьяшко 1999: рис. 49/1).

1.3. «Геометрический» мир Циркумпонтийской области

ВПЕРВЫЕ с эпохи нео-энеолита, когда на Древнем Востоке и Балканах синхронно и последовательно существуют очаги резной и крашеной «геометрии», периодически распространявшие своё влияние и на периферийные области, в конце II — нач. I тыс. до Р. Х. феномен столовой геометрической керамики приобрел паневразийский характер. Им были охвачены обширнейшие области от Казахстана и Южной Сибири на востоке, до Средней Европы на западе, и от восточноевропейской лесостепи на севере, до Греции и Передней Азии на юге (Пиотровский, Иессен 1940: 40—43; Грязнов 1966: 31—34). Если рассматривать эту огромную территорию по отдельно взятым культурным провинциям, то оказывается, что для некоторых из них истоки геометризма глубоко уходят своими корнями в эпоху палеометалла. Применительно к теме настоящего исследования представляют интерес, прежде всего, две такие провинции — Кавказ (включая Закавказье) и Балканы (центральная и восточная части), как непосредственно примыкающие к Северному Причерноморью.

В Закавказье в эпоху палеометалла, начиная с V—IV тыс. до Р. Х. существуют последовательно сменяющие друг друга, а иногда и синхронные, комплексы крашеной и резной «геометрии». «Выход» геометрической керамики к северу, за пределы Кавказского хребта, связан уже с кобанской (протокобанской) культурой, по-видимому, ещё периода Кобан Ib (конец XIII — нач. XII вв. до Р. Х. [Козенкова 1990: 72]). Позже, такая продукция появляется в области протомеотских памятников Прикубанья (Николаевский могильник), и далее к северу в ареале предсавроматских древностей Волго-Донского междуречья. Для кобанской культуры характерной является концентрация геометрической керамики в основном на памятниках западного варианта (Рис. 12/А).

Черезвычайно интересен вопрос о возможных истоках кобанской геометрической керамики в закавказско-иранском ареале крашеной и резной «геометрии». В частности, речь идёт о Куро-Аракском междуречье (долина р. Гянджачай) где во второй пол. II тыс. до Р. Х. на памятниках эпохи поздней бронзы достаточно внезапно появляется белоинкрустированная геометрическая керамика (Погребова 2002: 241 и сл.). М. А. Гусейнова — автор наиболее обстоятельной работы по керамике Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы-раннего железа — вполне определённо пишет о влиянии, оказанном на керамический комплекс Северного Кавказа, закавказской «геометрической» традицией. Правда, в этой связи упоминаются лишь материалы Моздокского могильника (Гусейнова 1989: 71—73), хотя довольно много общего имеется между закавказскими орнаментальными композициями и орнаментальными схемами кобанской керамики в целом (в основном, это касается керамики западного варианта). Ввиду практически абсолютного сходства между зооморфными изображениями на кобанской керамике и на керамике азербайджанских памятников (Гусейнова 1989: табл. IV/1—3, VI/1, VII/6—8), возьму на себя лишь смелость предполагать, что относительно редкие (даже робкие) проявления зооморфной орнаментики на северокавказской керамике — результат прямого влияния устойчивой и разнообразной традиции зоо– и орнитоморфных мотивов в керамической орнаментации

Восточного Закавказья второй половины II тыс.до Р. Х.

Геометрические традиции в керамической орнаментике присущи и балканским культурам. Одним из наиболее ярких представителей т.н. «строгой геометрии», следует считать культуру Витенберг середины II тыс. до Р. Х. Позднее, в культурах инкрустированной керамики позднего бронзового века (Тей, Гырла-Маре, Вербичиоарэ) наряду с геометрическим, отчетливо проявляется и свободный, т. н. псевдо-растительный стиль. По мнению ряда исследователей, в нём можно усматривать результат микенских влияний, транзит которых осуществлялся через территорию нынешней Болгарии, в общем направлении на северо-запад, в район Железных Ворот. Именно здесь раскопаны 2 крупных могильника позднебронзового века (Кърна и Орсоя) анализ керамического комплекса которых, позволил А.Боневу выявить элементы сходства с минойско-микенской орнаментальной схемой (Бонев 1988: 71; Bonev 2000: 288-289).[47] Однако, к концу II тыс. до Р. Х. ареал этого орнаментального барокко сужается. Севернее Дуная и в Добрудже преобладают строгие и простые геометрические мотивы. Элементы свободного, пышного декора, наследующего традиции культур инкрустированной керамики, в этот период сохраняются, по-видимому, в ареале южнофракийских групп, таких, к примеру, как Пшеничево. Для Подунавья такая непрерывная преемственность не столь очевидна. В связи с этим, существует проблема генезиса комплекса Басараби, под которым обычно понимают керамику с характерной орнаментальной стилистикой.

Давно замечено, что мотивы басарабской керамики имеют много общих, порой доходящих до тождества черт, объединяющих её с культурами бронзового века, которые отделены от Басараби не менее чем тремя столетиями. Существующая в теории, идея скрытого аккумулирования культурных традиций с последующей, иногда спустя столетия, их актуализацией, зачастую, в одном и том же регионе, на практике мало кого удовлетворяет.[48] Поэтому, Б. Хенсель, нисколько не отрицая южнофракийских влияний, использовал едва ли не единственную возможность предложив связать свободный стиль керамистов Басараби и культур инкрустированной керамики Подунавья посредством группы Остров (Инсула-Банулуй; X—IX вв. до Р. Х. [Hänsel 1976: 152—153, 164]). Однако, и в этом случае в пределах XI века остаётся некоторая хронологическая лакуна которую Б. Хенсель закрывает группой Черковна (Северная Болгария), финальная стадия которой как раз и датируется XI в. до Р. Х. Тем самым, традиции инкрустированной керамики Подунавья продлеваются до раннего железного века.

Последовательно отстаивая и развивая идею преемственности керамической орнаментики, Б. Хенсель выделил для Северной Болгарии группу памятников типа Тлачина которая, по его мнению, занимает промежуточное положение между горизонтом культур «классической штампованной керамики» (X—IX вв. до Р. Х.) и общностью Басараби (Hänsel 1976: 190, 210). Собственно, в этих памятниках немецкий исследователь и видит начальный период становления культуры Басараби, который в Северной Болгарии при-

[47] Оба некрополя относятся к периоду BrB/C—BrC/D по Райнеке. Однако, верхнюю дату А. Бонев помещает около рубежа XII—XI вв. до Р. Х. (Бонев 1988: 53). В частности, Орсоя датируется поздним XV в. — около 1100 г.до Р. Х. (Bonev 2000: 289)

[48] За исключением пожалуй, ряда румынских исследователей которые объединяют культуры средней-поздней бронзы (Витенберг, Тей, Гырла-Марэ) и культуру Басараби в некую единую прафракийскую общность со стадиальным циклом развития, уходящим корнями в седую древность (см. напр. [Vulpe 1965: 129)

ходится уже на IX в. до Р. Х. (Hänsel 1976: 184).[49]

В результате небольшого экскурса предпринятого только что, может сложиться впечатление того, что кавказская линия развития геометрической керамики позднебронзового-раннежелезного века древнее и продолжительнее балканской. Во всяком случае, это относится к строгой геометрии без примеси свободного стиля. Использование для обоих районов одних и тех же хронологических привязок центральноевропейской и эгейской схем убеждает в том, что так оно и было на самом деле. А потому, учитывая известное сходство орнаментальных мотивов очень трудно удержаться от выводов причинно-следственного характера.

В своё время не избежал такого искушения А. Вульпе, который предположил, что сложение ряда орнаментальных мотивов культуры Басараби происходило под влиянием восточных, кавказских импульсов (Vulpe 1965: 130—131).[50] В таком случае, эти же импульсы почти наверняка должны были как-то отразиться и на керамическом комплексе культур Причерноморья. Действительно, выше уже был рассмотрен ряд орнаментальных композиций, общих для северной половины Циркумпонтийской области, в том числе, для Причерноморья и Кавказа. Однако, гораздо более впечатляющим является сходство в орнаментике между причерноморской и балканской группами столовой керамики раннего железного века. Кроме того, в целом ряде случаев очевидно и сходство самих керамических форм, не говоря уже о наличии в Северном Причерноморье явно импортных сосудов юго-западного происхождения. По этим признакам северокавказский ареал уступает балканскому, хотя и его продукция попадала в южнорусские степи (Рис. 6). Помимо прочего, нетрудно заметить, что общие приемы оформления композиций, скажем, на кобанских сосудах, отличаются от северопричерноморских ещё больше, чем сами композиции и мотивы. Это вполне объяснимо, если считать Северный Кавказ областью развития оригинального геометрического стиля. Так, например, для Причерноморья характерно размещение орнамента в пределах чётко очерченного горизонтального пояса.[51] В кобанской керамике пояс часто бывает незамкнутым снизу, а сама композиция располагается довольно свободно на поверхности сосуда, занимая иногда больше половины её площади. В этом плане, на кобанскую керамику похожа столо-

[49] Надо сказать, что Б. Хенсель вообще стремиться решать проблемы культурогенеза позднего бронзового — раннего железного века Подунавья за счет местных ресурсов, не особо полагаясь на фактор миграций.
Что касается группы Тлачина, которой отводилась роль связующего звена, то с сожалением можно констатировать, что почти за 30 лет прошедших с момента выхода книги Б. Хенселя, изучение этого культурного явления практически никак не продвинулось. Большая работа проделана по орнаментированной керамике Болгарии раннего железного века (Gotzev 1994). Разобраны все варианты, типы и даже выделено 8 зон на сосудах с указанием на какие из них наносился тот или иной тип, или вариант орнамента. Однако, на этой аналитической части исследование и завершается.

[50] Диаметрально противоположного взгляда придерживался Д. Газдапустаи, который предполагал что северокавказская «геометрия» возникла в результате влияния западных импульсов (Gazdapusztai 1967: 325). Влияние эгейской орнаментики на центральнобалканский регион, некоторые исследователи продолжают усматривать и для VIII в. до Р. Х., в частности, для керамики типа Басараби (Fekete 1986: 297).

[51] Не без исключений, конечно: Глинжены (Гольцева, Кашуба 1995: табл. XIX/4), Сахарна, Гуляй-Город, Медвин (Степи европейской части...1989: табл. 6/2; 8/3, 34—35). Отдельное явление представляет серия мелких позднежаботинских черпаков с радиальными композициями по внешней поверхности дна.

вая посуда кизил-кобинской культуры.[52] Таким же образом разнится и столовая керамика синхронных балканских групп. Так, Б. Хенсель отметил, что по сравнению с узкой горизонтальной компоновкой геометрических мотивов на керамике Подунавья (Бабадаг), экземпляры южнобалканской и троянской серий, так же как и кавказской, зачастую имеют едва ли не сплошь орнаментированную поверхность (Hänsel 1976: 232). То же самое относится и к резной геометрической керамике Восточного Закавказья конца II — нач. I тыс. до Р. Х. (Гусейнова 1989: 64—65). Впрочем, как уже отмечалось, размещение композиции в пределах горизонтального пояса, в общей массе типично именно для причерноморской керамики, поскольку и карпато-дунайские керамисты не особо стремились к тому, чтобы втиснуть орнаментальную композицию в более или менее узкие рамки. Это становится особенно заметным, если сравнить позднейшие чернолесско-сахарнянские и жаботинские экземпляры с синхронной керамической продукцией культуры Басараби.

Таким образом, здесь мы официально оформляем уже звучавшее ранее в рабочем порядке, деление геометрического ареала «северного полушария» Циркумпонтийской области на две самостоятельные ветви — балкано-причерноморскую и кавказско-крымскую.

Появление геометрической керамики в горном Крыму в середине VII в. до Р. Х. выглядит довольно неожиданным и, вроде бы, абсолютно «несвоевременным». Как мы уже знаем, середина VII в., это *t. a. quem* балкано-причерноморской геометрической керамики. Однако, нам известно и о том, что в ареале кобанской культуры традиции такой керамики продолжают культивироваться и в VI и даже в V вв. до Р. Х. Глядя на эти два одиноких, инерционных очага бывшего Циркумпонтийского блока культур геометрической керамики (Рис. 14 и Рис. 8), поневоле приходиться считаться с возможностью появления крымской «геометрии» под влиянием, исходившим от северокавказского ареала. Причём, это влияние отнюдь не будет исчерпываться геометрической керамикой.

Дело в том, что по мнению ряда исследователей (Крис 1981: 12), начиная с середины VII в., относительная культурная изоляция, в которой пребывало население горного Крыма нарушается, а появление некоторых новшеств в материальной культуре (в т. ч. и в керамическом комплексе) связывается как раз с районами Северного Кавказа (Лесков 1965: 147 и сл.). Недавно, я предложил добавить в перечень таких инноваций кавказского происхождения, раковины-каури распространение которых в горном Крыму

[52] В тоже время, крымский и балкано-причерноморский наборы геометрической керамики имеют между собой крайне мало общего. Помимо отдельных мотивов (тип 3, например), в Крыму отмечены, также единичные фрагменты, сопоставимые с балкано-причерноморскими образцами. Один из них, орнаментированный в технике типичной для культур «классической штампованной керамики» Карпато-Подунавья, был найден на эпонимном памятнике — поселении Кизил-Коба (Рис. 12/50). В.А.Колотухин считает этот фрагмент бесспорным импортом (Колотухін 1990: 83). Обломок крайне мал, однако похоже что при орнаментации сосуда которому он принадлежал, наряду со штампом (зубчатым и кольчатым) применялась и техника пластического орнамента (гладкие валики). Последнее, будучи характерным для керамики, в том числе и столовой, кизил-кобинской культуры (Колотухин 1996: 43, рис. 25), совершенно нехарактерно для лощёной посуды Карпато-Подунавья. Тем самым, возможно, что в данном случае перед нами своеобразный симбиоз или смешение стилей — балканского и местного, крымского.
Любопытно, что ещё один образец из этого же поселения — глиняная пиксида (Рис. 12/51) — также сочетает в себе эти же синкретические черты. Неместными следует считать саму форму сосуда, а также треугольники обозначенные кольчатыми оттисками. С другой стороны, верхний пояс в виде резных, незамкнутых треугольников — типично крымская манера орнаментации.

отмечается не ранее середины — второй пол. VII в. до Р. Х. (Бруяко 1999). Теперь вероятно, сюда же следует включить и геометрическую керамику кизил-кобинской культуры, на стилевое сходство которой с кобанской керамикой уже давно обращал внимание Е. И. Крупнов (Крупнов 1960: 148 и сл.). Причём, в погребениях степного Крыма присутствует и явно импортная кобанская керамика (Рис. 10/9—10). Недавняя публикация этих комплексов В. А. Колотухиным, оказалась весьма кстати (Колотухин 2000). Сосуды из погребений в курганах у сс. Березовка и Григорьевка, В. А. Колотухин считает кизил-кобинскими, предлагая датировать их V и даже первой пол. IV вв. до Р. Х. (Колотухин 2000: 18—19, 39). И если для типично степного, по форме, кубка из Григорьевки (Рис. 10/10) V век (не весь, а только его начало) ещё можно принять в качестве предельно допустимой верхней даты, то для сосуда из Березовки (Рис. 10/9) — конец V — первая пол. IV вв. — дата невероятно высокая. Этот сосуд, на мой взгляд, вообще является типично кобанским, Причём как по форме, так и по орнаментальной композиции. Вероятно, оба комплекса вряд ли моложе VI в. до Р. Х.

Что касается горного Крыма, то он в этот период не только открывается для приема внешних импульсов, но и сам способен транслировать собственные. В этой связи ещё раз вспомним о появлении кизил-кобинской керамики в Нижнем Побужье на памятниках второй пол. VII—VI вв. до Р. Х. (Рис. 8).

Можно заметить, что обсуждение проблемы формирования Циркумпонтийского блока культур с геометрической керамикой идёт в традиционном русле. Это — выявление первичных и вторичных очагов, а также кто, когда и на кого оказывал влияние. В связи с этим хочу сказать, что оригинальность геометрической керамики в первичных её очагах (Кавказ и Балканы), базирующаяся на глубоких истоках геометрического стиля, вообще заставляет с большим сомнением относится, к каким-бы то ни было формам «взаимного обогащения» между этими двумя ареалами на уровне одних лишь формальных заимствований. Подобный, сугубо археологический подход, в большей мере оправдан в отношении вторичных очагов «геометрии» (Поднепровье, Крым). Однако, и здесь речь может идти лишь о неких первичных, причём неформальных, импульсах с последующим собственным переосмыслением «геометрической» идеи.[53]

[53] С учетом все этих особенностей станут невозможными такие, немного авантюрные процедуры с хронологией некоторых «геометрических» культур, которые с присущей ему виртуозностью проделывает Г. Коссак. Смешав в кучу всю причерноморско-крымско-кавказскую «геометрию», он не мог не заметить совершенно очевидную вещь. Оказывается, датировка кизил-кобинской геометрической керамики слишком завышена относительно кавказских материалов. Факт действительно достаточно явный и в его основе лежит внутренняя хронология крымских древностей, разработанная во взаимосвязи с хронологией синхронных сопредельных культур позднего бронзового и раннего железного века. Однако, этим вполне можно пренебречь, поскольку в керамическом комплексе кизил-кобинской культуры есть геометрические мотивы, которые действительно имеют формальное, хотя и довольно отдалённое сходство с северокавказской «геометрией». Поскольку, последняя привязана к младшей фазе чернолесской культуры, хронология которой уже была пересмотрена Г. Коссаком в сторону удревнения, то дальнейшая судьба кизил-кобинской «геометрии» сомнений у немецкого исследователя не вызывает. Она должна быть синхронизирована с геометрической керамикой периода позднего Чернолесья (Kossack 1980: 130). Видимо, об этом что-то слышал С. Н. Сенаторов, поскольку, он также предлагает датировать появление резного орнамента на кизил-кобинской керамике ещё VIII в. до Р. Х. Однако, в отличие от Г. Коссака, процедурный момент у С. Н. Сенаторова предельно упрощён. Он полагает, что такая дата будет находиться в полном соответствии с общим удревнением раннескифских памятников (Сенаторов 2000: 162). Объяснить, каким образом, эти два явления взаимосвязаны, С. Н. Сенаторов, видимо, посчитал излишним.

Если отвлечься от археологической конкретики, то можно задаться вопросом, а насколько вообще реально механическое заимствование керамической орнаментики одной культурной общности у другой, если не видеть в ней продукт исключительно декоративно-художественного творчества? По-видимому, это может иметь место только тогда, когда смысловая нагрузка орнаментальной символики не является для любой из этих условных групп населения «вещью в себе». То, что геометрические композиции, в том виде, в каком мы их здесь рассматриваем, являются уже достаточно высокой степенью абстракции — очевидно. Осознание причинно-следственной связи между отдельными процессами и явлениями произошло уже, по-видимому, в неолите (История древнего мира 1983: 78—79; Дьяконов 1990: 59—60). Тогда, место реалистичных рисунков древне- и среднекаменного века занял абстрактный орнамент который, однако, по-прежнему был призван особым образом нести информацию об окружающем мире. С изобретением керамики в неолите, такие геометрические абстракции получили идеальную форму (фон) для своего проецирования.[54] Искусство керамики создавало также возможность зафиксировать в условных образах мысль, ибо даже самый абстрактный узор нес в себе информацию, поддерживаемую устной традицией (История древнего мира 1983: 79). Теперь, только во взаимосвязи с самой вещью (в данном случае, керамической формой) и следует рассматривать нанесенный на ней орнамент (Антонова 1981: 7).

Совершенно правы те исследователи, которые говорят о том, что показателем механического заимствования является практически лекальное отображение орнаментальной композиции в целом, а не её отдельных мотивов.[55] С этой точки зрения, всё сказанное выше, похоже, позволяет предполагать вполне осмысленный, творческий характер заимствований у населения раннего железного века лесостепной Украины. По мнению Б. И. Маршака, в том случае если использовалась вещь с заведомо инокультурным декором, то она подвергалась при этом своеобразному «переосмыслению» (цит. по [Раевский 1985: 221]). Этим положениям, на мой взгляд, вполне соответствует дополненная и переработанная (= осмысленная поиному) линия развития причерноморской «геометрии».

Итак, основы геометризма как знаковой системы культурных ареалов Циркумпонтийской области должны лежать значительно глубже нерефлективного изобразительного творчества. Ретроспективные поиски истоков геометрической системы на уровне одних лишь формальных аналогий ни к чему не приведут, если рассматривать её как универсальную систему мировоззрения, своего рода «геометрическую мифологию», присущую уже самым ранним фазам становления оседлоземледельческих цивилизаций.[56] Предельно ясным станет лишь то, что именно в исконных ареалах непрерывного развития этих обществ, геометрический орнамент является вполне устойчивым, традиционным явлением. Отсюда и конвергентный характер геометрической керамики, отмечаемый многими исследователями (Пиотровский, Иессен 1940: 40—43; Грязнов 1966: 31—34). Признание конвергентности геометрического стиля, по сути, является и признанием его универсальности на космологическом уров-

[54] Богатейшая «геометрия» на Балканах характерна уже для керамики неолитической культуры Боян.

[55] См. также: «Сложные же орнаменты в силу их индивидуальности являются наиболее вероятной сферой восприятия случайных заимствований; предельно простые могут самостоятельно возникать в различных культурах именно в силу их простоты» (Деопик, Митяв 1981: 149).

не; универсальности, которая, во-первых, не может быть жёстко ограничена в пространстве и во времени, а во-вторых, также не может быть обусловлена исключительно внешними воздействиями. Различия в технике исполнения (краска, резьба, штамп), которые иногда приводят как доказательство чуть ли не абсолютной несовместимости различных «геометрических» культур, вряд ли можно считать существенными. Эти различия, скорее всего, будут отражать лишь различный технологический уровень в работе с керамикой той или иной культурной общности на различных этапах своего становления. Так, ещё И. И. Мещанинов рассматривал резную геометрическую керамику Азербайджана конца II тыс. до Р. Х. (памятники долины р. Гянджачай) как вариант крашеной (Мещанинов 1929: 10). А, кроме того, известно параллельное использование резьбы и краски в керамическом комплексе одной археологической культуры (гальштатские группы Средней Европы, в частности культура Календерберг [Siegfried-Weiss 1979]). В принципе, этот параллелизм можно усматривать и в керамике интересующей нас области, поскольку здесь прочерченный и штампованный орнамент часто оттенялся белой пастой.[57]

О том, что в основе мировоззрения древнейших обществ могли лежать и элементы геометризма, свидетельствует стилистический анализ гомеровского эпоса. Здесь геометрический стиль превосходно сочетается с плоскостным восприятием пространства. При этом, как отмечал А. Ф. Лосев, геометрическая символика для древних (в данном случае для Гомера) является, конечно же, не символикой, а, «...вполне естественным и безотчетным восприятием жизни.» (Лосев 1960: 131—132). В тоже время, для нас понятие символа, в данном случае, как синтезирующего понятия сущности и явления (Лосев 1991: 178), отчетливо выступает лишь во второй своей ипостаси. Геометризм (композиционная симметрия) гомеровского эпоса — предмет довольно многочисленных историко-филологических исследований (см. напр. [Гордезиани 1978: 38 и сл., 102; Гиндин, Цымбурский 1996: 25, с литературой]). Фактически, эта эпическая симметрия — аналог геометрическому стилю с его повторяющимися (ритмическими) композиционными рядами, в частности в керамической орнаментике. В этом случае, почти очевидно, что становление геометрического стиля в греческом искусстве и формирование композиционной структуры гомеровского эпоса — явления синхронные.

Семантический анализ керамической орнаментики, в том числе и геометрической — совершенно особая область исследований. Так, например, орнаментацию сосуда в сочетании с его формой рассматривают в качестве модели мироздания. В основе этого лежит, по-видимому, субстанционально-атрибутивное единство вещи в архаических обществах — «быть чем-то» и «значить что-то» (Фрейденберг 1978: 62—73). Более прикладной характер имеет так называемый «календарный» аспект. Весьма впечатляет своей предельной конкретикой, исследование Л. И. Акимовой, посвященное семантике

[56] К примеру, слишком усердные поиски аналогий одному из наиболее характерных басарабских мотивов — «мальтийскому кресту» (тип 19) могут привести нас в энеолитическую Месопотамию (Самарра, Халаф). Сходство при этом, будет практически абсолютным (Археология зарубежной Азии 1986: 49, рис. 9; 54, рис. 10).

[57] Впрочем, по авторитетному заключению В. Ф. Петруня, «белая паста» на сосудах из предскифских погребений Причерноморья иногда могла появляться и в результате естественной инфильтрации и отложения на керамике почвенных солей (Петрунь 2000: 476—477). Вряд ли, однако, это заключение следует распространять на всю «инкрустированную» керамику.

шахматного орнамента в геометрической Греции (Акимова 1988). Однако, некий предел для достоверности и полноты всех этих дешифровок все же видимо существует. В подтверждение можно привести слова В. Я. Проппа который писал что: «Нельзя понять резьбу и орнаменты многих народов, не зная их легенд и „сказок"» (Пропп 2000: 310).

Так ли уж буквальна расшифровка геометрического кода или перед нами, по выражению Й. Хейзинги — внепонятийное содержание всеединства (Хейзинга 1988: 248), только, наверное, без персонифицированного, раннехристианского абсолюта — вопрос не к нам, или, по крайней мере, не сейчас. Хотя, и последний тезис вряд ли стоит отметать с порога, если согласиться с Т. Буркхардтом в том, что для выражения Единства во множественности, или множественности в Единстве «...нет лучшего символа, чем ряд правильных геометрических фигур, заключенных внутри круга» (Буркхардт 1999: 130—131). Круг, или Единство, в нашем случае может обозначать орнаментированная окружность отдельно взятого сосуда.

На археологическом уровне реальным и перспективным кажется лишь поиск тех причин, вследствие которых геометрическая керамика время от времени приобретает статус транскультурного явления на какой-то, как правило, довольно ограниченный период времени. То есть тогда, когда этот феномен выходит за пределы своей исконной, обычно оседло-земледельческой культурной провинции, охватывая и те области, для которых его археологическое воплощение не было характерным.[58]

Именно такой всплеск и произошел в конце II — нач. I тыс. до Р. Х. когда мощные миграционные подвижки в широтном и меридиональном направлениях, изрядно перекроили этнокультурную карту евразийской ойкумены. Геометрический код, как субстанциональное, а не атрибутивное явление, на какое-то время получил материальное воплощение в

Табл. IV. **Распределение инвентаря из предскифских погребений Северо-Западного Причерноморья (по комплексам)**

ИНВЕНТАРЬ	Кол-во единиц	Кол-во комплексов	№№ комплексов см. Табл. III и Рис. 1
1. Геометрическая керамика	18	18	1–2, 4–13, 15–17, 22–24
2. Прочая столовая керамика	4	4	14, 18–20
3. Кухонная керамика	2	2	3, 21
4. Ножи			
бронзовые	2	2	3, 28
железные	1	1	21
5. Деревянная посуда (в т.ч. бронзовые оковки)	2	2	3, 19
6. Наконечники стрел			
костяные	3	2	8 (2 экз.), 25
бронзовые	1	1	26
7. Мелкие металлические изделия (пуговицы, бляшки, пластинки, обоймы и пр.)	-	6	6, 8–9, 24, 28, 30
8. Бусы (пронизи бронзовые)	-	1	15
9. Мечи железные	3	3	29–31
10. Топор железный	1	1	15
11. Упряжь			30 (8 костяных псалиев + 4 пары бронзовых удил)
12. Оселки	2	2	3, 3
13. Кремневые пластины (орудия?)	3	3	3, 9, 25
14. Костяная бляха	1	1	31
15. Кости животных (напутственная пища)	-	4	3, 8, 14, 19

[58] Причем, здесь влияния и заимствования могут верифицироваться буквально на уровне апостольско-миссионерской деятельности отдельных «просветителей».

Табл. V. **Основные признаки погребального обряда лесостепной и степной зон Северного Причерноморья в предскифский период**

ЛЕСОСТЕПЬ*	СТЕПЬ
1. Погребения в насыпи (яма не прослежена)	есть
2. Тоже самое в насыпях ранних курганов	есть
3. Трупосожжения в насыпи (яма не прослежена)	нет
4. Погребения в насыпи (яма прослежена)	есть
5. Ямы в материке с деревянным перекрытием	есть
6. Ямы с деревянными склепами (аналог — могилы с обшитым деревом стенками и деревянным перекрытием)	есть
7. Деревянная шатровая конструкция на грунте (или слегка заглубленная)	нет
8. Тоже самое, сожженная	есть
9. Основные + повторные (впускные) захоронения в одном кургане	есть
10. Групповые (парные) захоронения	есть
11. Каменно-земляные насыпи	нет
12. Каменные вымостки	есть
13. Каменные ящики	нет
14. Подбои (нет)	есть

** Признаки по В.А.Ильинской (1975)*

обширнейшем культурном ареале. При этом, его вряд ли следует считать единственным способом передачи тех или иных представлений, а скорее одним из таких «кодов» или «уровней» (быть может, в данном случае лишь наиболее ярким), в которых объективируется мифологическое мышление (Фрейденберг 1936: 122; Мелетинский 1976: 233; Раевский 1985: 25). Чем более многоступенчато опосредована ассоциативная связь между знаком-символом и тем, что он означает, тем более пластична и открыта для восприятия иноэтничной, инокультурной группой и вся знаковая система. В таком случае, весьма высока вероятность того, что любое отдельное звено (или несколько последовательных звеньев) в этой ассоциативной цепочке, может быть переосмыслено заимствующей стороной и оформлено уже по-своему, в виде отдельного знака-символа. В этом, по мнению Д. С. Раевского, причина почти исключительной зооморфности скифского искусства. Зооморфные мотивы мифологической иконографии по сравнению с антропоморфными «...лучше обеспечивают цели, ради которых вообще может быть предпринято заимствование элементов изобразительного языка из иной культурной традиции, и соответственно... легче поддаются такому заимствованию» (Раевский 1985: 103). Геометризм, и это, по-видимому, только подтверждает его универсальность для многих культурных провинций, кажется в этом смысле ещё более пластичной знаковой системой.

В северной половине Циркумпонтийской области, традиции геометризма, прервавшись в VII в. до Р. Х. заставляют нас искать иные источники в которых объективированы космологические представления древних. Вначале, «звериный стиль», а уже совсем скоро целая плеяда античных авторов — до некоторой степени смогут облегчить эту задачу. Однако в Европе существует ряд областей, на примере которых мы можем проследить дальнейшую трансформацию геометризма, как знаковой системы.

В Средней Европе (восточногальштатский регион) развитие «геометрии» как резной, так и крашеной, на каком-то этапе, как-будто бы, позволяет увидеть постепенную десакрализацию геометрического кода проявившуюся в переходе к реалистическим изображениям.[59] И если судить, к примеру, по работам А. Эйбнер

[59] В Средней Европе геометрический стиль на керамике появляется, в целом позднее, чем в Восточной и Юго-Восточной. Истоки его формирования в гальштатской среде — отдельный вопрос. Дань традиции прошлого — видеть источник более или менее ярких инноваций в центре Европы в микенско-дорийской Греции — до сих пор распространяется и на керамику с геометрическим орнаментом. Этот тезис, восходящий к работам фон

(Eibner 1996; 1997 и др.), то такая трансформация достаточно очевидна. А. Эйбнер указывает, что отдельные зоо- и антропоморфные изображения появляются на керамике восточногальштатской области в VIII в. (Eibner 1997: 129) Далее, исследовательница весьма убедительно демонстрирует процесс трансформации одной из разновидностей геометрических композиций VIII века («Schachbrettdreiecke») в реалистическую — «Frau mit erhobenen Armen» — периода HaC_2—HaD_1 (Eibner 1997: 129—131, Abb. 47—48).[60] Период «расшифровки» символов занял, таким образом, примерно 150—200 лет. Однако, реализм, возобладавший в орнаментике на этапе HaC_2—HaD_1, судя по всему, отнюдь не вытеснил геометризм. Обе схемы существуют параллельно.

Подобная же, знаково-реалистическая трансформация, как будто бы, характерна и для Греции на переходе от геометрического к позднегеометрическому, и далее к раннеархаическому стилю (IX — первая пол. VII вв. до Р. Х.). Блестящую, сущностно-образную характеристику этого перехода находим у О. Шпенглера. За геометрическим стилем дипилонских ваз, он видит чувство формы пробуждающейся культуры («новую душу»), суть которой не в подражательной, а в символической тенденции. Только к такому искусству, — полагает О. Шпенглер, — и применимо понятие стиля. И вот, этот стиль угасает как раз в тот момент, когда культура превращается в цивилизацию, а душа — в интеллект (Шпенглер 1998: 283).

В прочих упомянутых областях Восточной и Юго-Восточной Европы, геометризм остановился на сугубо символическом (для нас) уровне и, в основном в VII веке исчез практически бесследно.[61] Что стоит за всеми этими явлениями, пока неясно. Очевидно лишь, что если мы считаем геометрическую керамику раннего железного века Восточной Европы текстом, то за столь резким отказом от него стоят какие-то достаточно глобальные изменения мировоззренческого плана.[62] И наоборот, в трансформации (расшифровке) геометрического кода можно видеть сохранение традиций и относительно стабильную обстановку этнокультурного континуитета, которые нам и демонстрируют гомеровско-гесиодовская Греция и Средняя Европа периода поздней Урненфельд — раннего Гальштата.

Мерхарта и Яна Филипа периодически корректируется за счет признания также и внутреннего взаимодействия между различными культурами восточноальпийского региона, Силезии и Моравии, которое привело, в том числе и к сложению достаточно самобытной крашено-резной центральноевропейской геометрической керамики (Siegfried-Weiss 1979: 271). Учитывая нынешнюю хронологию культур балканской «геометрии», быть может, имеет смысл вести поиск источника гальштатской геометрической керамики и в этом направлении?

[60] Нетрудно заметить, что «Schachbrettdreiecke» А. Эйбнер, это ни что иное, как типы 11—12 из набора геометрических мотивов карпато-причерноморского ареала (Рис. 2).

[61] Некий симбиоз геометризма и зооморфного реализма фиксируется, пожалуй, ещё на керамике кобанской культуры (Иессен 1931; Козенкова 1998: табл. XLI; Маслов, Петренко 1998: 216—217, рис. 8). Недавно, единичные фрагменты стилистически подобной керамики, были выделены и в ареале культуры Козия–Сахарна (Кашуба 2000: 336, рис.XXXIV/3, 10, 13).

[62] Весьма примечательна ещё одна, параллельно происходившая типо-археологическая трансформация. Внезапная (без каких-либо «переходных» типов) замена неантропоморфных (аниконичных) киммерийских стел антропоморфной (иконичной) раннескифской скульптурой, по мнению В. С. Ольховского, свидетельствует об определенной инверсии идеологических, мировоззренческих представлений, или даже, как пишет автор — «...об идеологическом (а также социально-экономическом и демографическом?) кризисе...» (Ольховский 2000: 225). Соглашаясь с этой точкой зрения, в свою очередь замечу, что учи-

1.4. Вступление к киммерийской проблеме (население Северного Причерноморья предскифской эпохи).

ВЕРНЕМСЯ в Восточную Европу начала I тыс. до Р. Х. и попробуем ответить на вопрос (а заодно выяснить, правомерна ли его постановка вообще), чья же собственно керамика с геометрическим орнаментом попадала к обитателям степного Причерноморья и в частности, его северо-западной части? Похоже, что сейчас мало кто сомневается в том, что эта продукция действительно попадала сюда откуда-то извне.[63] Это кажется достаточно очевидным по двум причинам. Во-первых, довольно сложная технология изготовления столовой посуды требовала наличия целого комплекса условий для производственного процесса. Во-вторых, население, производившее такую посуду, должно было обладать довольно высокими профессиональными навыками и традициями в работе с керамикой вообще, и лощёной, украшенной геометрическим орнаментом, в частности.

Всем этим условиям менее всего соответствовала степная полоса Северного Причерноморья, где в позднейший предскифский период, практически напрочь, отсутствуют какие-либо очаги оседлости. В тоже время, области лесостепного Причерноморья, а также фракийские земли лежавшие к западу, наоборот, отвечали этим же условиям в полной мере. Впрочем, прямой экспорт керамики именно из фракийских районов Добруджи и Запрутской Молдовы в степь, за редчайшими исключениями вряд ли имел место. Скорее всего, поставщиком геометрической керамики выступало население лесостепных районов Молдавии и Правобережной Украины. Причём, говорить о приоритете какого-либо из этих районов, по-видимому не имеет смысла, если считать доказанными общие, юго-западные (фракийские) истоки формирования причерноморской «геометрии».

Мощный фракийский импульс, удачно принятый и дополненный местной культурной традицией, привел к такой трансформации керамического комплекса и его орнаментики, что на памятниках Среднего Поднестровья в зоне прямого контакта фракийского и чернолесского населения, довольно трудно отличить типично фракийские элементы от их местной переработки. Это в полной мере относится к керамическому комплексу памятников Григоровской группы позднего Чернолесья (Смирнова, Кашуба 1988). Вполне вероятно, что на этапе существования памятников этой группы в Среднем Поднестровье, именно отсюда в степь могла поступать какая-то часть столовой керамики. Параллельно, в её распространении на юг принимало участие и население культуры Сахарна-Солонче-

тывая вероятную типо-хронологическую связь между оленными камнями и киммерийскими стелами с одной стороны, и последними с раннескифской скульптурой — с другой, все эти изменения в системе идеологических ценностей, вполне допускают появление на юге Восточной Европы на рубеже VIII/VII вв. до Р. Х. новой волны восточных номадов. У этих последних, к тому времени, при «сохранении ядра древнего семантического архетипа» (Ольховский 2000: 223—224), уже произошла десимволизация неантропоморфных стел, или смена морфолого-иконографического канона.

[63] Даже если согласиться с Н. А. Гаврилюк в том, что касается выделения группы собственно «киммерийских» сосудов (надо думать, степного происхождения), то их доля в общей массе степной керамики крайне невелика (Гаврилюк 1999: 91—92).

ны. Соответственно, из этих же районов молдавско-украинской лесостепи такая же керамика проникала в степь и в жаботинско-шолдэнештское время. Таким образом, если лесостепь можно считать вторичной областью распространения геометрической керамики, то степную часть Северного Причерноморья — явной периферией, куда такая продукция лишь поступала в готовом виде откуда-то (а теперь мы догадываемся, откуда) извне.

На очереди проблема «персонификации» этой категории материала, решить которую можно, если ответить на следующий вопрос. А кто, собственно, оставил погребения с геометрической керамикой в степях Северо-Западного Причерноморья? Я думаю, что если бы население обитавшее здесь не оставило после себя никаких других следов кроме керамики с геометрическим орнаментом, то мы могли бы с полным правом расширить сахарнянско-шолдэнештский ареал на юг вплоть до морского побережья, а степи к востоку от Днестра включить в ареал древностей типа Черный Лес — Жаботин. Доказательством этого положения мы сейчас и займемся.

Геометрическая керамика в степной полосе присутствует не сама по себе, а в археологических комплексах. Поскольку, эти комплексы являются исключительно погребальными, не считая кладов и случайных находок, то они должны обладать набором качественных признаков, присущих такого рода объектам. Кроме того, в некоторых случаях в составе погребального инвентаря помимо керамики присутствовали и другие, хронологически более или менее выразительные вещи. Согласно опубликованным к настоящему времени данным, перечень предскифских комплексов Северо-Западного Причерноморья состоит из следующих памятников (Табл. III—IV; Рис. 1).

Добавим сюда и ещё несколько общих признаков, которые с завидным постоянством присутствуют во всех этих комплексах. Все впускные погребения в курганах (26 из 31)[64] находились очень близко к центру насыпи, часто прямо под условным репером. Максимально удалено от центра кургана погребение №11 кургана 1 у с. Великодолинское — 8 м. В погребениях, где была найдена керамика (24 комплекса, в том числе 18 с геометрической керамикой) сосуды располагались вокруг головы погребённого в секторе 180º.

Таблица IV даёт возможность судить и о степени военнизированности населения Северо-Западного Причерноморья в предскифскую эпоху. По сути, к памятникам т.н кочевой аристократии можно отнести лишь погребение у пгт Слободзея (Яровой, Кашуба 1994; Яровой, Кашуба, Махортых 2002). Правда, здесь у нас не должно возникать никаких сомнений. Некоторый налёт воинского аристократизма, при желании, можно усмотреть и в разрушенном, плохо документированном погребении у с. Березки (Лапушнян 1977), а также погребении у с. Урсоая (Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989: 105—106; Бруяко, Гизер, Дзиговский 1997: 47). Любопытно, что в этих трёх комплексах отсутствует керамика.

Большинство оставшихся погребений, как по составу инвентаря, так и по основным элементам погребального обряда, по большому счёту, мало чем отличаются от аналогичных памятников лесостепи этого же периода. За редкими исключениями (деревянная посуда, подбойные захоронения) все или почти все признаки, отмеченные в табл. III и IV имеют соответствия в обрядах фракийской и чернолесско-жа-

[64] Из оставшихся пяти — 2 основные (Петродолинское и Слободзея), 2 — грунтовые обнаруженные на территории фракийского городища Новосельское-II, 1 — (Котюжани) лежит, строго говоря, за пределами степной зоны, непосредственно во фракийских землях молдавской лесостепи (Рис. 1/2).

ботинской лесостепи. Последние правда, являются качественно более разнообразными (см. Табл. V).

И всё же, между этими двумя областями имеется одно весьма существенное отличие. С одной стороны — перед нами большие и компактные стационарные кладбища лесостепи, в которых преобладают основные (в насыпи и в материке), часто групповые (с синхронными впускными) погребения. С другой стороны — как правило, впускные, одиночные захоронения в древних курганах, рассеянные по всему степному Причерноморью. При общем сходстве погребального обряда и инвентаря, остаётся объяснить это, по сути, единственное существенное отличие.

Я не нахожу иного объяснения кроме как различия в образе жизни, в частности, различия в способах хозяйственной деятельности, которое существовало между населением степи и лесостепи в предскифскую эпоху. Тем самым, это отличие скорее социально-экономического, нежели этнокультурного порядка и оно не противоречит отстаиваемому здесь единству материальной культуры населения обеих областей.

Известно, что стабильных очагов оседлости в степи в этот период нет. А если таковые и существовали в виде сезонных стойбищ, зимников и т.п., то характер накопления культурного слоя, его мощность на памятниках такого типа в условиях нынешнего антропогенного ландшафта (механизированная распашка, затопление речных пойм и пр.) практически полностью исключают вероятность того, что такие местонахождения можно обнаружить в настоящее время.[65]

Вместе с тем, есть любопытные закономерности в концентрации предскифских степных погребальных памятников. Во-первых, отметим редкие, но всё же зафиксированные случаи повторного использования одной и той же курганной насыпи (Великодолинское, Слободзея),[66] а также наличие парного захоронения (Суклея). Во-вторых, для Северо-Западного Причерноморья районом преимущественной концентрации предскифских погребений являются степные территории, прилегающие к бассейну Днестра и Днестровского лимана. Здесь сосредоточено 2/3 всех памятников (Рис. 1). Это позволяет думать, что маршруты перемещений степного населения Северо-Западного Причерноморья были в этот период достаточно стабильными, приуроченными к руслу Днестра. Последнее кажется важным, и вот почему.

Мы уже выяснили, что лесостепь Среднего Поднестровья в раннем железном веке была зоной весьма оживленного культурного диалога между Карпато-Дунайской провинцией с одной стороны, и обитателями украинской лесостепи — с другой. Особенно тесное переплетение в этой контактной зоне фракийских и чернолесских традиций привело в том числе, и к формированию оригинального комплекса столовой керамики с геометрическим орнаментом, область распространения которой охватывала и степи Северо-Западного Причерноморья.[67] Всего сказанного, по-моему вполне достаточно для того чтобы говорить о *едином* куль-

[65] Возможно, одним из таких местонахождений является «зимник» у с. Сергеевка (Херсонская обл) в Присиваше (Черненко, Махортых 1994; Махортых 1994: 69).

[66] Может быть, сюда же следует отнести и курган под Петродолиной, где помимо основного погребения, в насыпи найдены фрагменты кубковидного сосуда с геометрическим орнаментом (Ванчугов, Островерхов 1984: 60, 63, рис. 6).

[67] Совершенно аналогичным образом, на юг в степи Поднепровья и Побужья попадала чернолесско-жаботинская керамика из лесостепного Приднепровья.

турном ареале, охватывавшем степную и лесостепную зоны, а его своеобразной гравитационной осью — было русло Днестра. Во всяком случае, видимых серьезных препятствий для подобной констатации, я не вижу. То, что родственные группы населения занимали подчас различные ландшафтные пояса, может свидетельствовать лишь о различных способах ведения хозяйства, что вполне допустимо в пределах одного и того же культурного ареала.[68]

Можно ли считать это культурное родство показателем абсолютной тождественности населения степи и лесостепи, либо за первым из них следует признать право на известную индивидуальность и самобытность в этнокультурном отношении? Другими словами, кем могло быть население предскифского периода, обитавшее в степях между Днепром и Дунаем? Поскольку, попытка решения этнического аспекта проблемы заведомо безнадёжна, остановлюсь на культурном.

Предлагается три варианта его решения. Население степей Северо-Западного Причерноморья IX—VIII вв. до Р. Х. могло быть:

а) Прямыми потомками населения эпохи поздней бронзы (белозерская культура);

б) Совершенно новым населением восточного или западного происхождения;

в) Фактически лесостепным, родственным ему населением с иным хозяйственным укладом;

Поскольку, гетерогенность практически любой культурной группы (или культуры) почти всегда очевидна, по крайней мере, теоретически, то очевидно также и то, что остановиться на каком-либо одном из предложенных вариантов, не принимая во внимание два оставшихся — невозможно.

Население белозерской культуры или то, что от него осталось к началу I тыс. до Р. Х., в ходе нарастающего ухудшения природно-климатических условий, достигших, в конце концов, катастрофических значений (Бруяко 1999а: 29 и сл.), было вынуждено покинуть пределы степи и отправиться частью на север, в лесостепь, частью на запад, за Дунай. Какие-то группы вполне могли обосноваться и в Крыму, где с IX в. до Р. Х. начинается отсчёт хронологии кизил-кобинской культуры.[69] Готовящиеся возражения по-поводу отсутствия каких-либо археологических следов этих перемещений не принимаются, поскольку степное население появилось (или, во всяком случае, могло появиться) в указанных районах тогда, когда эпоха социокультурного взлета, стимулирующая поиски разного рода приключений, для этого населения давно миновала. Последние представи-

[68] Возможно, нечто подобное уже имело место в этом же регионе, правда, ещё в позднем энеолите — ранней бронзе. Тогда произошло довольно неожиданное появление в степной области позднетрипольского населения (усатовская культура), которое являлось частью, находившегося на стадии «обскурации» блока карпато-причерноморских энеолитических культур. Такая сегментация, с учетом общей генетической подосновы, привела, по мнению В. Г. Петренко, к образованию достаточно самобытного культурного явления к которому приобщались и аборигены степного Причерноморья (Патокова и др. 1989: 84). О самобытности в данном случае можно говорить гораздо увереннее поскольку фонд источников, по сравнению с предскифским периодом неизмеримо богаче и разнообразнее. Здесь и наличие достаточно крупных центров оседлости (поселения Усатово и Маяки), и гораздо более высокая плотность исключительно курганных погребальных комплексов. Весьма информативны в этом плане карты пространственного распределения памятников культуры Кукутень–Триполье представленные в работе И. В. Манзуры (Манзура 2000: рис. 20—23).

[69] Интересно, что эта, в высшей степени гипотетическая реконструкция удивительно напоминает события, последовавшие за распадом Великой Скифии в III в. до Р. Х.

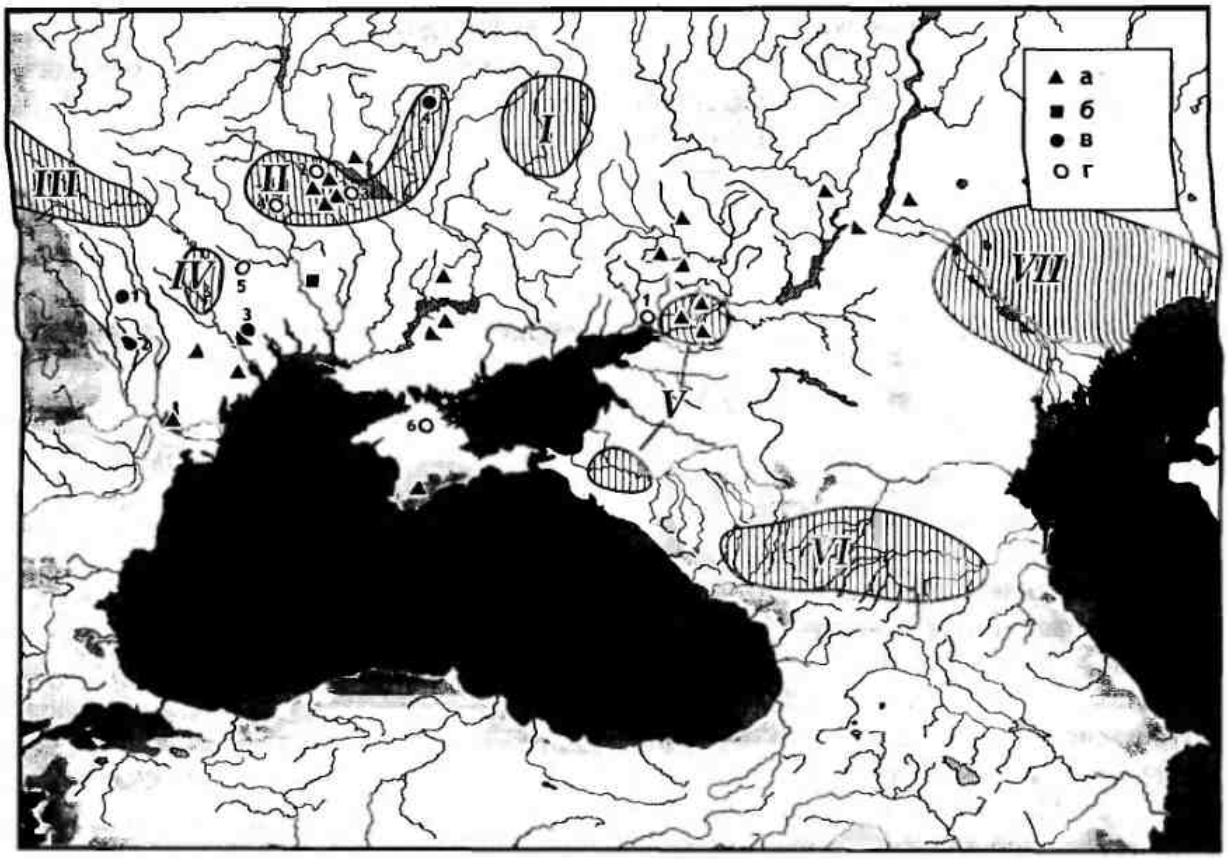


Рис. 16. **Северное Причерноморье-Приазовье в конце X — VIII вв. до Р. Х.**

North Black Sea and Azov Region (end X—VIII century B.C.)

а — «всадниче́ские» комплексы черногоровско-новочеркасского горизонта

б — поселение Кременчуг

в — находки карасукских кинжалов и мечей (*1* — Таганрог (Таганрогский музей), *2* — Среднее Поднепровье (?), *3* — Субботовское городище; *4* — Медвин; *5* — Гербино; *6* — Целинное (изображение на стеле))

г — находки мечей центральноевропейских типов (*1* — Валя-Русулуй, *2* — Ниспорены; *3* — Слободзея, *4* — Бельское городище)

I — ареал Бондарихинской культуры

II — ареал чернолесско-жаботинских древностей

III — ареал голиградско-позднечернолесских древностей

IV — ареал группы Шолдэнешти

V — ареал Кобяковской культуры

VI — ареал Кобанской культуры

VII — ареал Нурской группы

тели культур степной бронзы, их общество, находились в этот период вблизи т.н. точки бифуркации, когда сверхустойчивая культурная традиция теряет пластичность как раз именно за счет этой самой устойчивости, предельной унификации своих норм, стандартов и пр. В этот период имеются все предпосылки для культурной трансформации, т.е. образования новой культуры (Ковалевская 1990: 51—52; Ткачук 1995; 1996: 89 и сл.). В таких условиях, археологическая культура максимально открыта для воздействия извне, но сама вряд ли способна нести какое-либо креативное (творческое) начало.

Для тех, кто всё же будет настаивать на предъявлении археологических следов указанных локальных миграций, отметим, что, при желании, с этой точки зрения, можно интерпретировать находки белозерской керамики на многослойном поселении Бабадаг в Северо-Восточной Добрудже (Morintz 1987: fig. 9/3; 10/6; 13/7). Керамика белозерского типа фиксируется ещё на ряде раннегальштатских поселений Добруджи и юга Запрутской Молдовы (Хыршова, Никулицел «Корнет», Тэмэоань, Вынэтори [Levițki 2002: 21—22; Левицкий 2002: 194—195]). Чертами белозерской обрядности обладают и некоторые погребальные комплексы из этих же областей (Хыршова [Levițki 2002: 23; Левицкий 2002: 194—195]). Не исключено, что это же направление миграции остатков степного населения позднебронзового века, уже на волне первых восточных импульсов, обозначает и Суворовский могильник, расположенный в Нижнем Подунавье. Отметим и достаточно внезапное появление серии костяных псалиев восточных форм на памятниках культуры Бабадаг в Северо-Восточной Добрудже (Boroffka 1998).

На северное направление «исхода» и оседание какой-то части степняков-белозерцев в лесостепи, возможно, указывают данные антропологии. Отмечается, в частности, типологическое сходство «средиземноморских», узколицых форм белозерских степных могильников с краниологической серией из погребений раннескифской лесостепи (Ефимова 2000: 43).

В процессе культурной трансформации раннего железного века степного Причерноморья есть место и для второго варианта из трёх, предложенных выше. Его археологическим воплощением можно считать яркую кочевническую атрибутику немногочисленных (а для Северо-Западного Причерноморья и просто уникальных) погребальных комплексов, наслоившихся на местный субстрат. Этот субстрат, в лице небольших, подвижных групп населения, занимался пастушеским скотоводством в степи, будучи при этом, теснейшим образом связан с зонами оседлости в лесостепи. Степные памятники кочевой аристократии — поверхностное явление, своего рода культурная амальгама, придавшая, однако, довольно тусклому археологическому спектру предскифского периода степной полосы, яркий новационный колорит в основном восточных, но также и западных импульсов. Впрочем, подробнее об этом речь ещё впереди.

Похоже, что на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа причерноморская (да и не только причерноморская) степь оказалась далеко не самым оптимальным местом для жизнедеятельности вообще, и почти непригодной для более или менее оседлого образа жизни, в частности. Однако, имеющиеся в нашем распоряжении археологические памятники этого периода убеждают в том, что какой-то компромисс между природой и человеком всё же был найден. На мой взгляд, такой компромисс воплотился в длительных отгонных скотоводческих циклах, основные маршруты которых проходили вдоль бассейнов крупных причерноморских рек (Днестр, Южный Буг, Днепр) и их многочисленных притоков. Помимо таких сезонных перекочёвок, вероятно, имели место и какие-то локальные перемещения к югу оседлого лесостепного населения. Во всяком случае, если лощёную керамику поселения Кременчуг на Южном Буге считать позднечернолесской (Рис. 15), то это тем более интересно, поскольку данный памятник расположен уже непосредственно в степной зоне (район современной Южноукраинской АЭС [Рис. 16]).

Распространяя действие этой концепции культурной трансформации раннего железного века на всё степное Причерноморье, следует лишь учитывать, что состав участников этого диалогового процесса в каждом отдельно взятом ареале мог отличаться таким образом, что даже

синхронные памятники степной области в целом, при детальном рассмотрении не кажутся однородными. Так, О. Р. Дубовская, проанализировав древнейшую, по её мнению, группу черногоровских погребений в степях между Волгой и Дунаем, наметила четыре локальные зоны, памятники которых отличаются друг от друга по составу инвентаря и особенностям погребального обряда (Дубовская 1993: рис. 72; 1994: 15 и сл.). Кажется, что для такого обширного региона подобную дифференциацию можно считать вполне ожидаемой, учитывая известную мозаичность культурных стандартов в предшествующую, позднебронзовую эпоху и различное оседло-земледельческое окружение степи в начале раннего железного века.

В высшей степени примечательно, удивительно точное совпадение степного ареала причерноморско-балканской геометрической керамики предскифского времени (Рис. 14/I), с ареалом белозерской культуры позднего бронзового века.[70] Это обстоятельство, наряду с прочими данными, говорящими о довольно тесных связях Правобережной степи и лесостепи в эпоху поздней бронзы, позволяет думать, что рядовые погребения предскифской эпохи, которые составляют в степной полосе безусловное большинство, представляют собой некий субстратный элемент, выживший благодаря межрегиональным взаимодействиям, примерная модель которых была обрисована выше. Стабилизирующее воздействие чернолесско-раннежаботинской лесостепи распространялось, таким образом, и на левый берег Днепра — Орельско-Самарское междуречье, Надпорожье, Северную Таврию.

Далее к востоку, вплоть до Поволжья, картина культурно-хронологической преемственности между эпохой бронзы и ранним железным веком выглядит, по одним данным не столь отчетливо, а по другим — и вовсе неясно. Здесь актуальна проблема археологического заполнения позднесрубного (=белозерского) этапа.

Н. К. Качалова полагает, что восточнее Днепра, в настоящее время нет полноценного археологического фона эпохи поздней бронзы, который был бы синхронен памятникам белозерской культуры западной части степного Причерноморья—Приазовья. В Волго-Днепровском степном ареале известны лишь отдельные (позднесрубные?) памятники «...ещё не объединённые в археологические культуры...» (Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993: 66). Впрочем, это лишь одна точка зрения.

Донецкие археологи достаточно уверенно (так кажется, во всяком случае) заполняют этот позднесрубный вакуум перечнем стационарных местонахождений. Так, для Приазовско-Донецкого района предпринимаются попытки выстроить последовательно-преемственную колонку древностей от позднебронзовой, до предскифской эпохи включительно. Причём, в данном случае, речь идёт даже о поселенческих структурах позднесрубно-черногоровского времени (Горбов 1996: 13—14; Горбов, Подобед 1996: 96—99).

В.В.Отрощенко, используя новые данные по погребальным комплексам, теперь предлагает значительно расширить (ранее им же установленную) восточную границу белозерской культуры. По его представлениям, эта граница должна быть передвинута за р.Дон, причём, не только в восточном, но и в юго-восточном направлениях (Отрощенко 2001: 186 и сл.).

В. В. Потапов, говоря о погребальных памятниках финальной бронзы нижнего течения Дона, отказывает им как в позднe-

[70] Восточная граница белозерской культуры проводится по линии Молочный лиман — Надпорожье — р. Самара — левый берег Днепра (Отрощенко, Шевченко 1987: 139—140).

срубной, так и в белозерской атрибуции, и полагает, что эта группа представляет собой какое-то, достаточно оригинальное и самобытное культурное явление (Потапов 1998: 62—63; 2003: 162)

Однако, даже если опустить все спорные моменты, связанные с культурно-хронологической атрибуцией подобных местонахождений, то, очевидно, что по сравнению с ареалом «классической» белозерской культуры, перечень синхронных погребальных и поселенческих комплексов к востоку от Днепра выглядит пока что весьма ограниченным. Полная, преемственная колонка археологических культур позднего бронзового и раннего железного веков, отчётливо просматривается между Дунаем и бассейном Днепра, включая левобережье последнего. Затем, она совершенно теряет эту отчетливость далее к востоку, и вновь вырисовывается только в Поволжье.

Для Нижнего Поволжья хронологический отрезок на рубеже эпох бронзы и железа заполняют памятники нурского типа. Эта культурная группа, в отличие от синхронных предскифских памятников Причерноморья-Приазовья, включает в себя помимо подкурганных (впускных) захоронений, ещё и целый ряд поселений, то есть, в археологическом отношении является абсолютно «полноценной», двухкомпонентной. Справедливости ради, нужно сказать, что эта особенность нурской группы очевидна при одном условии. А именно, если вслед за Н. К. Качаловой, объединять в понятии «нурская группа» собственно нурские поселения и погребальные комплексы т.н. переходного (предсавроматского) типа (Качалова 1989: 43).[71]

Проблема генезиса нурской группы памятников лежит, строго говоря, за пределами моей компетенции. Тем более, что сама Н. К. Качалова, фактически обозначившая эту группу, признает, что истоки её сложения в Поволжье — не ясны (Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993: 70). Если всё же принять точку зрения Н. К. Качаловой, то в этом культурном феномене, мне представляются крайне важными следующие моменты. Во-первых, само существование нурской группы в тех хронологических рамках, которые предлагает Н.К.Качалова — IX—VIII вв. до Р. Х. Во-вторых, полуоседлый (точнее наверное, земледельческо-скотоводческий) статус этой группы, который в сочетании с географическим положением, делает её едва ли не уникальным хозяйственно-культурным явлением в степях Восточной Европы на рубеже эпох бронзы и железа. Вокруг этого, по-моему, очевидного культурно-хронологического стержня, можно группировать и некоторые другие весьма важные, хотя быть может и не столь глобальные факты и явления. К примеру, керамический комплекс нурской группы не имеет аналогов к западу от Волги, но вполне сопоставим с синхронными памятниками Центрального и Восточного Казахстана (Качалова 1989: 43—45; Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993: 59). С другой стороны, отмечается определённое влияние этого же, нурского комплекса на керамику Волго-Донского ареала предскифского времени (Дубовская 1997: 191), а быть может, и на степные области к западу от Дона.[72]

[71] Как раз такое единство и вызывает сейчас возражения. В. В. Потапов полагает, что нурские стоянки и погребальные комплексы Нижнего Поволжья необходимо развести во времени. При этом погребения остаются на переходном (предсавроматском) этапе, а датировка поселений переносится в финальную часть позднего бронзового века (Потапов 2002: 215; 2003а: 121-122).

[72] На раннечерногоровском (по О. Р. Дубовской) этапе, в степном Причерноморье впервые появляются баночные сосуды со сливом, которые являются характерным типом керамики из погребений т.н. переходного типа в Поволжье. Эти погребения Н. К. Качалова предлагает отождествлять с нурской группой памятников (Качалова 1989: 43). На позднечерного-

На переходе от эпохи бронзы к раннему железному веку какие-то очаги оседлости фиксируются и в зауральско-казахстанских степях. В это время, кое-где на заброшенных поселениях эпохи поздней бронзы Центрального и Северного Казахстана отмечены следы обитания в виде строительных (жилых?) комплексов, прорезающих культурный слой предшествующего периода. И хотя, эта жизнедеятельность, по-видимому, была не слишком интенсивной, однако, вполне выразительная керамика из таких комплексов, позволяет выделить культуру местного населения переходного времени. Это памятники донгальского типа в Центральном Казахстане, и кеноткельского — в Северном. Обозначенный, донгальско-кеноткельский горизонт, М. К. Хабдулина синхронизирует с нурской группой в Поволжье (Хабдулина 1994: 67, 76).

Будет ли достигнута полная синхронность при реконструкции культурно-демографической ритмики заключительного этапа позднего бронзового века на западе и на востоке причерноморско-приазовских степей — покажет будущее. Пока что, даже при самых оптимистических оценках демографического потенциала в восточном ареале, похоже, что здесь интенсивность процесса культурогенеза на заключительной стадии позднего бронзового века, явно уступала западным районам. Возможно, это было связано с тем, что фактор демографического запустения в степях к востоку от Днепра проявился несколько раньше. А это, в свою очередь, могло быть вызвано более континентальными климатическими условиями и, как следствие, более ранним наступлением аридизации, которая в этот период для степной полосы носила глобальный, евразийский характер. То есть, подоплёка культурогенетических процессов в Волго-Днепровском степном ареала, по-видимому, та же что и для степных районов, лежавших к западу. Это резкая смена хозяйственного уклада под влиянием природно-климатического фактора. Насколько очевидным было при этом сохранение местного культурного компонента, и как велик был его удельный вес при формировании хозяственно-культурных типов (далее — ХКТ) предскифского периода, пока неясно. Модель взаимодействия «степь-лесостепь», достаточно очевидная, по-моему, для Днепровско-Дунайского ареала и игравшая здесь превалирующую роль, похоже, не столь явно прослеживается для степных районов между Днепром и Волгой. Впрочем, этому есть и совершенно прозаическое объяснение. Даже сама ландшафтная граница, разделяющая степную и лесостепную зоны, здесь резко устремляется к северу. Роль оседло-земледельческого «стабилизатора», которую для Днепро-Дунайского региона играло население чернолесско-раннежаботинской и фракийской лесостепи, по мере удаления от Днепра переходит к другим культурным феноменам, среди которых выделяются кобанская, кобяковская, бондарихинская культуры, а также, вероятно, нурская группа.

Возможно следующий вопрос, который необходимо рассмотреть, следовало бы поставить несколько выше по тексту, быть может, уже в конце первого параграфа данной главы. Однако, кажется, что сейчас его решение стало достаточно очевидным уже без специальной аргумента-

ровском (по О. Р. Дубовской) этапе количество погребальных комплексов, содержавших сосуды упомянутого типа, существенно увеличивается (Дубовская 1997: 191). Причём, этот тип керамики распространяется в это время вплоть до низовьев Дуная, присутствуя здесь уже в совершенно чуждом, фракийском археологическом контексте. Об этом определённо свидетельствуют материалы из гальштатского (не точнее) слоя городища «Каменная Гора», у с. Орловка на левом берегу Нижнего Дуная (не изданы; хранятся в фондах ОАМ [инв. №№81569, 81832]).

ции *pro et contra*, поскольку всё, или почти всё, было сказано раньше. Сопоставив результаты аналитической части этой работы, данные таблиц III—IV, а также выводы целого ряда других исследований, посвящённых киммерийской проблеме, можно утверждать следующее.

1. Хронологическое сосуществование (полное либо частичное) эталонных индикаторов черногоровской и новочеркасской групп, сомнений не вызывает (Клочко, Мурзин 1987: 73—75; 1989: 68—69; Дубовская 1989: 63—68; 1997: 211—212; Махортых 1994: 48—49; Полін 1996: 117; Дударев 1998а: 101 и сл.; Алексеев 2003: 133; и др.);

2. Независимо от этого, на примере Северо-Западного Причерноморья, где эти индикаторы едва ли не уникальны, мы выяснили, что разделение всего массива степных погребений на две хронологические группы по принципу положения костяка, скорченные (черногоровские) — ранние, и вытянутые (новочеркасские) — поздние, утратило, по-видимому, всякий смысл и более того, может считаться ошибочным;

Из этих двух посылок со всей очевидностью вытекает следующая:

3. Понятие «черногоровский» и «новочеркасский» этапы (ступени), каждое в отдельности не может быть понятием хронологического порядка; они лишь объединяют эталонные наборы хроноиндикаторов соответствующих культурных групп (импульсов) позднейшего предскифского периода в целом.

Впрочем, на самом деле, не так уже всё и очевидно. Методика датирования предскифских погребений по принципу положения костяка оказалась весьма живучей и до сих пор используется (да, и, наверное, ещё будет использоваться) отчасти в силу привычки, а отчасти вполне сознательно. Правда, в последнем случае, подобная методика отрабатывается уже на сильно видоизменённом археологическом фоне. Так, О. Р. Дубовская полагает, что в степи статус культурной группы предскифского периода, следует оставить только за черногоровскими древностями. Новочеркасский горизонт — надкультурный феномен, распространение которого нужно связывать с территорией Северного Кавказа, а точнее, с ареалом кобанской культуры. Тем самым, его датировка, теперь уже без привязки к конкретной группе памятников, может вполне свободно перемещаться в рамках всего предскифского периода. Что же касается «скорченно-вытянутой» хронологии, то она, как считает О. Р. Дубовская, по-прежнему актуальна. Только теперь вместо черногоровско-новочеркасского соответствия, эта хронология будет обозначать такую же последовательность ранне– и позднечерногоровских памятников (= погребений [Дубовская 1997: 211—212]).

Сопоставляя данные табл. III и рис. 3, мы можем лишний раз убедиться в том, что такой подход, скорее всего, ошибочен. В данном случае, неважно будет ли выдерживаться «скорченно-вытянутая» хронология применительно к черногоровской и новочеркасской группам вместе, либо к какой-либо из них по отдельности. Можно ли придавать абсолютное, в конечном итоге, хронологическое значение положению погребённых в степной зоне, если более или менее синхронные памятники лесостепи показывают параллельную встречаемость вытянутых и скорченных захоронений до VII в. до Р. Х. включительно? При этом и те, и другие встречены в групповых захоронениях одного и того же комплекса, в одной и той же могильной яме! (Гуляй-Город, кург. 4 [Ильинская 1975: 88]). Синхронность вытянутых и скорченных погребений отмечена и для фрако-киммерийского горизонта в Алфёльде (Венгерская равнина), что также надо признать аргументом не в пользу принципа датирования по положению костяка, если видеть в населении группы Мезёчат пришельцев с востока. Скорченные и вытянутые захоронения совершенно непротиворечиво соседствуют и на могильниках протомеотского пе-

риода в Закубанье.

По-моему, самое время задуматься над тем, а надо ли вообще пользоваться такими понятиями как «черногоровская» и «новочеркасская» ступень, группа, этап и т.п. или, во всяком случае, вкладывать в них дифференцированный хронологический смысл. Здесь, пожалуй, можно понять обеспокоенность наших западных коллег по поводу придания этим двум понятиям статуса хронологических. Это ещё больше усложняет и без того запутанную процедуру перевода восточноевропейской хронологической схемы в центральноевропейскую, и наоборот. Датировка фрако-киммерийского горизонта в Средней Европе основывается на центральноевропейской схеме. Основой для абсолютных хронологических привязок памятников предскифской эпохи Причерноморья и Северного Кавказа, в подавляющем большинстве случаев, является эта же схема. Наверное, следующим, вполне логичным шагом выглядела бы терминологическая привязка к центральноевропейской шкале памятников Восточной Европы, соответствующих её абсолютным хронологическим значениям.

На мой взгляд, совершенно прав Я. Хохоровски, когда отмечает, что параллельное с центральноевропейской использование восточноевропейской (локальной) периодизации, в которой черногоровская и новочеркасская ступени имеют свои абсолютные значения, создает только излишнюю путаницу.

Впрочем, европейские исследователи также не безгрешны в этом плане, пытаясь иногда «внести ясность» относительно восточных древностей на фоне среднеевропейских, периода поздней Урненфельд. Так, в последнее время все энергичнее звучат призывы отказаться от использования такого, вполне устоявшегося со времени Т. Сулимирского понятия как «фрако-киммерийский горизонт». Так ли уж это необходимо? На этнокультурные дефиниции этого понятия, особенно в таком слитном словоупотреблении, по-моему, уже давно никто не обращает внимания. А, учитывая то, что это понятие выглядит вполне устойчиво на фоне среднеевропейской хронологической шкалы и его содержание абсолютно понятно, вряд ли целесообразно от него отказываться только лишь в угоду «прогрессивным» тенденциям обновления всего и вся. К чему это может привести, наглядно демонстрируют две недавно вышедшие работы Т. Кеменцеи, где он подверг кардинальному пересмотру датировки целого ряда венгерских комплексов периода младшей Урненфельд (Kemenczei 1994; 1996). В основу этой ревизии был положен новочеркасский комплекс южнорусских степей с его канонической датой — 750—650 гг. до Р. Х. В итоге, все венгерские комплексы «фрако-киммерийского горизонта» содержавшие вещи аналогичные (по мнению венгерского исследователя) новочеркасскому кругу древностей, были попросту синхронизированы с ним. Во второй пол. VIII — нач. VII вв. до Р. Х. оказались клад из Прюдь, погр. 169 могильника Брно-Оржаны, погребение в Печ-Якабхедь и ещё ряд комплексов которые раньше датировались второй пол. IX — первой пол. VIII вв. до Р. Х. (Kemenczei 1994: 591 и сл.; 1996: 255).[73]

[73] В отношении клада Прюдь, независимо к такому же мнению пришел В. Р. Эрлих, не согласившийся с прежней датировкой клада (конец IX в.), предложенной тем же Т. Кеменцеи в 1981 году (Эрлих 1994: 62—63). В другой работе, пересмотр даты Прюдь основывается на традиционной и не всегда верной точке зрения на причину тезаврации кладов, которой придерживается и Т. Кеменцеи — вражеское нашествие (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 41). Впрочем, если обратиться к другим параллелям (Chochorowski 1993: 187 и сл.), то станет очевидным, что помимо Прюдь в Средней Европе существует ещё достаточное количество комплексов, состав которых указывает на появление здесь восточных элементов по меньшей мере во второй половине IX в. до Р. Х.

В завершение, Т. Кеменцеи внёс совершенно несвоевременный вклад и в терминологическую палитру раннего железного века. Он отказался от понятия «фрако-киммерийский горизонт» применительно к соответствующим венгерским памятникам и предложил, составляющие этот горизонт вещи называть «металлическими предметами Восточно-Карпатского типа» (Kemenczei 1994: 591). Излишне говорить, что такие неуклюжие, громоздкие новшества отнюдь не добавляют ясности в существующую и без того терминологическую «кашу». Не говоря уже о том, что их внедрение часто связано (как и в данном случае) с периодической реставрацией неистребимой идеи автохтонизма.

Если говорить конкретно о предскифских комплексах Северо-Западного Причерноморья, то, ещё раз хочу подчеркнуть, что они едва ли не полностью лишены эталонных хроноиндикаторов, составляющих черногоровско-новочеркасский комплекс. На сегодняшний день, единственным массовым культурно-хронологическим индикатором памятников этой области является керамика. Типы этой керамики, а в особенности орнамент, лучше всего соответствуют наборам столовой посуды Карпато-Подунавья, молдавской и украинской лесостепи начала I тыс. до Р. Х. Если же помнить о том, что очаг лесостепной причерноморской «геометрии» вторичен, а его формирование шло по пути активного приёма и переработки юго-западных импульсов, то тем больше оснований для того, чтобы соотносить степные погребения с геометрической керамикой, со среднеевропейской хронологической схемой, где уже давно отведены соответствующие места для орнаментированных керамических наборов Карпато-Подунавья конца II — нач. I тыс. до Р. Х.

Здесь, пожалуй, самое время вспомнить о тех изменениях в относительной и абсолютной хронологии гальштатской схемы, на которую обычно проецируют древности предскифского периода юга Восточной Европы.[74] Модернизированная схема Г. Мюллера-Карпе теперь выглядит следующим образом (Pare 1996; 1999).

HaB_1	1050/1020 — 950/920 BC
HaB_2/B_3	950/920 — 778±5 BC
HaC_1/«frühe»	778±5 — 730/720 BC
HaC_1/«späte»	после 730/720 BC

Применительно к нашей теме наиболее серьёзной поправкой следует считать выход этапа HaB_2 во вторую половину X в. до Р. Х. Это означает, что так отныне могут датироваться первые восточные импульсы в Центральной Европе, содержавшие элементы материальной культуры ранних кочевников. Произошедшая, на первый взгляд, «катастрофа» в рамках VIII в., на самом деле больше напоминает перемену декораций. Объединение этапов HaB_2 и HaB_3 высвободило значительную часть VIII в. Место полноценного, столетнего, этапа HaB_3 теперь занимает этап HaC_1/«frühe», образующий раннюю подфазу прежде единой ступени HaC_1. Причём, археологическое содержание этой подфазы остаётся не вполне ясным (Pare 1996: 111). Что же касается HaC_1, то хотя бы и с индексом «späte», эта ступень по-прежнему включает в себя и VII в. до Р. Х.

Говоря о перспективах немедленного использования этой схемы в восточноевропейском регионе, нужно иметь в виду одно, весьма важное обстоятельство. Работоспособность новой хронологической версии гальштатской эпохи проверена лишь в ареале памятников т.н. «классической» Урненфельд, преимущественно

в альпийской области. Здесь эта схема откорректирована исключительно на основе большого числа погребальных комплексов, обладающих разнообразным металлическим инвентарём. По сравнению с этим регионом, в Карпато-Дунайской области начала I тыс. до Р. Х. остро ощущается недостаток не только таких, богатых погребальных комплексов, но и могильников вообще. В результате, по мере продвижения к востоку от «дунайской вертикали», количество вполне надёжных, для альпийской зоны хроноиндикаторов начинает стремительно сокращаться. А, сторонники новой хронологии предлагают использовать здесь другие категории археологического материала — фибулы и, даже, керамику (Pare 1999: 413). Именно поэтому, абсолютные даты многих опорных памятников и культур Карпато-Дунайского региона либо не изменились вовсе (культура Басараби — после 800 г. до Р. Х.), либо подверглись незначительному удревнению (клад из Фюгёд — ок. 720 г. [Pare 1999: 422]). В итоге, пока остаётся неясным, как повлияет (и повлияет ли вообще) на абсолютную хронологию памятников Карпато-Понтийской области замена индексов относительной хронологии гальштатской схемы.

Для изложенного в настоящей главе, я предлагаю следующее, быть может и довольно обширное резюме.

Столовая керамика с геометрическим орнаментом из погребений предскифского времени Северного Причерноморья, по-видимому, может являться хроноиндикатором независимым от иных, общепризнанных эталонов черногоровско-новочеркасского горизонта древностей.

Эта керамика, наряду с иными элементами северопричерноморского происхождения (прочая неорнаментированная посуда, ножи, оселки, костяные наконечники стрел, кремневые отщепы и пр.) принадлежала местному населению, которое в культурном, да и, скорее всего в этническом отношении было родственным обитателям чернолесско-жаботинской лесостепи.

Предскифский период — инерционная фаза существования древностей эпохи позднего бронзового века, Причём культурная преемственность в данном случае будет наиболее очевидной для лесостепной зоны (Белогрудовка–Чёрный Лес–Жаботин). Степное население белозерской культуры, плотность которого в крайне неблагоприятных климатических условиях позднесуббореального периода (Бруяко 1999а: 29 и сл.) неуклонно сокращалась, в конце концов «растворилось» в оседло-земледельческом окружении.

Распад крупных, вполне самодостаточных сообществ степной поздней бронзы постепенно вёл к тому, что сильно поредевшие и рассеянные остатки их населения, в условиях отсутствия глобальной военной угрозы, теоретически должны были либо, оставаясь в своей исконной ландшафтной зоне (степи), постоянно балансировать на грани гибели, либо искать оптимальные области для дальнейшего существования, пускай даже, с утратой этнокультурной самобытности, включая и хозяйственную специфику. На практике, на рубеже эпох бронзы и железа, оба эти варианта, по-видимому, дополняли друг друга. Необходимо лишь учитывать культурно-географический фактор, который имел свои особенности как для степного ареала к западу, так и к востоку от Днепра.

В «смутные» для Степи времена, в ландшафтно-климатических зонах, расположенных по соседству, практически везде и всегда имелись достаточно стабильные области обитания оседло-земледельческого населения, которое могло принять, или каким-то образом поддержать, находившихся на грани отчаяния степняков. Такая поддержка могла выражаться в прямом переселении последних, благо, на таком кризисном этапе их было уже не так много. Может быть, это была частичная инкорпорация степняков, при ко-

торой они, сохраняя за собой основной ареал жизнедеятельности — степь, вынужденно приобретали какие-то новые черты в хозяйственной специфике, приносившие, впрочем, обоюдную пользу, как им самим, так и обитателям лесостепи. Возможно, именно распространение в предскифский период длительных оттонных циклов при ведении скотоводческого хозяйства по линии лесостепь-степь, как раз и было тем самым взаимовыгодным, компромиссным вариантом сосуществования. Вероятность такого развития событий была тем более высока, если на предыдущих этапах истории взаимоотношений, обитателей степи и лесостепи связывали тесные хозяйственно-экономические контакты, а возможно, и родство на этническом уровне.

События довольно неспешно развивались своим чередом. Однако, процесс культурных преобразований в Причерноморье, механизм которых изначально складывался практически полностью на местной основе, по-видимому, уже во второй половине — конце X в. до Р. Х. начинает принимать всё более и более требовательные к своему усвоению трансляции восточного происхождения. Отпечаток одного из первых таких импульсов несёт на себе комплекс Суворовского курганного могильника в Нижнем Подунавье.[75]

В дальнейшем, уже непосредственно в предскифский период, бесспорные миграции каких-то восточных групп населения материализуются во всадническо-воинских комплексах, достаточно равномерно рассеянных по всему Причерноморью. Именно этих, ярких и легко узнаваемых признаков как раз и не хватало для того, чтобы идея номадизма, предпосылки к которой складываются в это время вполне самостоятельно в различных районах евразийского пояса степей, получила законченное, «официальное» оформление, в том числе и в Северном Причерноморье. Здесь местная линия «прото-номадизации» воплощалась в пастушеском населении степной полосы, куда входит и горизонт погребений с геометрической керамикой.

Наконец, последнее. Отказавшись от понимания черногоровских и новочеркасских древностей как двух хронологически последовательных культурных групп, я предлагаю их объединить и, учитывая наличие в каждой из них ярких, оригинальных элементов материальной культуры, древности предскифского периода в целом, в дальнейшем называть черногоровско-новочеркасским горизонтом.

[75] Хотя, население оставившее его, по-видимому, принадлежало ещё к белозерской культуре. Во всяком случае, более чем к какой-бы то ни было другой.

Глава 2.
КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ

> Невозможно понять, на что похожа мышь, если каждую её клетку в отдельности тщательно изучать под электронным микроскопом.
>
> *Ганс Селье*

2.1. Проблема персонификации культуры ранних кочевников в Восточной Европе

Итак, мы пришли к выводу о том, что население степного Причерноморья первой трети I тыс. до Р. Х. включало в себя местный субстрат в виде рядовых подкурганных захоронений (в т.ч. горизонт погребений с геометрической керамикой) и наслоившиеся на него комплексы с элементами присущими военнизированной кочевой аристократии, вероятно, восточного происхождения. Что же мешает назвать это население киммерийцами Геродота?

Разобраться в этом вопросе сегодня стало намного труднее, чем 20—25 лет назад. Предпринятая в последние годы «мозговая атака» на киммерийскую проблему, дала результат совершенно противоположный ожидаемому. «Киммерийский мрак» вплотную приблизился к качественно новому состоянию — хаосу. Остается надеяться, что это пойдет на пользу и радикальный принцип наведения порядка из хаоса в данном случае восторжествует.

Как же выглядит сейчас концептуальное решение киммерийской проблемы? Старая гипотеза об автохтонности киммерийцев в Северном Причерноморье как исторического народа, изгнанного отсюда впоследствие скифами, перестала удовлетворять широкие слои научной общественности. Напомню, что в основе этой, в общем-то довольно логичной и стройной концепции лежало два основных положения:

1) Археологические реалии черноголовско-новочеркасского типа, которые хронологически следовали за древностями эпохи поздней бронзы и предшество-

вали памятникам раннескифской культуры;

2) Античная письменная традиция (главным образом, в лице Геродота), согласно которой, народ киммерийцев обитал в Причерноморье непосредственно перед вторжением туда скифов;

Автохтонность киммерийцев, видимо для пущей убедительности, часто доказывалась ещё и через глубокую преемственность черногоровско-новочеркасских древностей от культур степной бронзы, вплоть до катакомбной.

Последний тезис, независимо от того справедлив он или нет, не кажется принципиальным, поскольку, как совершенно верно заметил А. Ю. Алексеев, в любом случае киммерийцы будут выступать в качестве населения хронологически предшествовавшего скифам (Алексеев 1992: 76; 2003: 136). Разумеется, не это является основным контрдоводом. Почему же неверна старая концепция? Она неверна потому что:

1) Киммерийцы и скифы в одно и тоже время находились в Передней Азии; это зафиксировано древневосточными письменными источниками (ассирийскими и вавилонскими) в абсолютных хронологических значениях;

2) Все известные к югу от Кавказского хребта археологические комплексы и случайные находки, которые можно сопоставить с раннекочевническими древностями, не имеют ничего общего с предметами-индикаторами черногоровско-новочеркасского горизонта, которые, согласно старой гипотезе, считались археологическим воплощением киммерийцев; наоборот, все эти комплексы и находки в Передней и Малой Азии абсолютно тождественны древностям раннескифской культуры лесостепного Причерноморья и Северного Кавказа;

3) Следовательно, материальная культура киммерийцев и скифов к VII в. до Р. Х. (начало закавказских походов) была единой;

4) Раз так, то она была единой (не одной и той же постоянно) всегда, и необходимо оставить всякие попытки найти где-бы то ни было и, в первую очередь, в Причерноморье, какие-то оригинальные доскифские памятники, которые можно было бы приписать историческим киммерийцам;

5) В основе информации Геродота о киммерийцах Северного Причерноморья лежат: а) реальные события, связанные с пребыванием киммерийцев в Малой Азии; б) сведения, почерпнутые из эпических источников, которые он (Геродот) вольно или невольно наполнил ретроспективным историко-географическим смыслом, не без помощи «...грекоязычных базарных переводчиков» (Дьяконов 1994: 116).

Очевидно, что эта система доказательства «contra» включает два аспекта — археологический и филологический.[1] Рассмотрим первый.

Тезис №1 — бесспорен.

Тезис №2. Отсутствие в Малой Азии вещей черногоровско-новочеркасского типа фактически может означать лишь то, что к концу VIII — нач. VII вв. до Р. Х. они попросту уже вышли из употребления и тогда вступает в силу тезис №3, восходящий по сути ещё к В. А. Городцову: «Древние греки, ассирийцы и персы, близко знавшие киммерийцев или, не различали их от скифов, или смешивали с ними. Так как, этот факт указывает на отсутствие резкой разницы и в бытовой

[1] Прочая аргументация, включающая ещё и исторический аспект, разворачивается уже на фоне событий в Малой Азии и Закавказье. По мере необходимости, некоторые положения будут рассмотрены ниже.

обстановке этих народов, то нужно полагать, что киммерийские памятники, если только они имеются в наших собраниях, скрываются в одной массе со скифскими» (Городцов 1910: 344).

И действительно, судя по совместным находкам новочеркасских и раннескифских вещей, процесс смены одних форм другими начавшись во второй пол. VIII в., в основном завершился к VII в. до Р. Х. (Медведская 1992). Кроме того, вряд ли кто-нибудь будет настаивать на том, что последняя четверть VIII в. (722—715/714 гг.) — прямой «*t. p. quem*» массового распространения упряжи и вооружения номадов в Закавказье и Малой Азии.[2] Вполне понятное желание подкрепить непродолжительное в целом, пребывание номадов в указанных районах множеством оставленных ими погребений и обилием отдельных находок, заведомо неосуществимо. Никто ведь не требует, скажем, от археологов, занимающихся эпохой Великого переселения народов, предъявить могильники гуннов в качестве доказательства их пребывания (также довольно непродолжительного) в степях Северного Причерноморья.

Конечно, в нашем случае в Закавказье и Малой Азии существовал яркий, мощный фон в виде разного рода государственных образований (царств), в том числе и обладавших письменной традицией. На этом фоне должны были с разной степенью отчётливости отражаться любые новационные штрихи. Собственно, это и произошло. Может быть, не настолько явно как того хотелось бы.[3]

Как-бы то ни было, но черногоровско-новочеркасских вещей в Передней Азии действительно нет, или, по другим данным, почти нет (Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993: 81; Иванчик 1995; Махортых 1998: 102—103). Однако, с другой стороны, в предскифских комплексах Северного Причерноморья есть вещи определённо древневосточного происхождения (Квитки, Высокая Могила). Как-будто бы, есть такие предметы и среди старых, депаспортизированных находок из лесостепного Поднепровья. Это бронзовые восьмилепестковые бляшки-розетки, аналогии которым С. В. Махортых и О. О. Колесник находят на ассирийских рельефах и художественной кости времени Саргона II (Махортых, Колесник 1998: 139 и сл.; 1999: 163 и сл.). В эту же серию М. Т. Кашуба включила аналогичный, только серебрянный экземпляр, найденный на гальштатском поселении Алчедар в южной зоне Среднего Поднестровья (Кашуба 2001: 16—17).[4]

Исходя из тезиса №3, провозглашающего единство материальной культуры

[2] С.Р.Тохтасьев оказывается в явном меньшинстве, полагая что «...количество подобных находок должно быть весьма значительным» (Тохтасьев 1993: 90). Наиболее полная сводка находок вещей раннекочевнического облика в Передней и Малой Азии, содержится в работах А. И. Иванчика (Иванчик 1994; 1995; 2001; Ivantchik 2001).

[3] Опять-таки, обращаясь к параллелям поздней античности и раннего средневековья, вспомним, много ли мы знаем о готских или гуннских древностях в пределах Западной и Восточной Римской империи периода Алариха и Аттилы? Что осталось на долю археологов от королевства остготов в Италии, кроме мавзолея Теодориха Великого? Такой же, но более близкий по времени нашему периоду археологический фантом — царство кельтов в Тиле. Исторически абсолютно достоверный поход Брена на Дельфы в 279 г. до Р. Х., документирует одинокий латенский браслет, найденный на Истмийском перешейке близ Коринфа при, Бог знает, каком удачном стечении обстоятельств (Щукин 1994: 50). Перечень можно продолжать до бесконечности.

[4] Кроме предметов непосредственного импорта, в предскифских комплексах Причерноморья отмечены ещё некоторые группы изделий, появление которых здесь, связывается с влияниями, шедшими из Закавказья и Передней Азии. Одну из таких групп составляют удила типа «Енджа-Константиновка», в которых заимствованным считается жёсткий способ крепления удил и псалиев, характерный для переднеазиатских уздечных наборов. По подсчётам В. Р. Эрлиха, эти находки территориально распределяются следующим образом: Северный Кавказ — 4, Болга-

киммерийцев и скифов, и тезиса №2, согласно которому предметы, составляющие черногоровско-новочеркасский горизонт, к началу киммерийско-скифских походов уже вышли из употребления, нам не остается ничего другого, как *утверждать* в таком случае, что и Квитки и Высокая Могила, судя по составу своего (явно доскифского) инвентаря, наверняка предшествуют историческим азиатским походам номадов.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что предметы азиатской торевтики из раннескифских погребений Северного Кавказа и Причерноморья (Келермес, Красное Знамя, Мельгуновский курган, курганы близ Люботина и на р. Калитва) можно считать доказательством пребывания их владельцев на Древнем Востоке, а такие же по происхождению вещи из Квитки, Высокой Могилы, Носачево — всего лишь результатом «межрегиональных контактов» или просто «контактов иного типа» (Алексеев 1992: 81—83).[5] Почему? Только лишь потому, что для раннескифской эпохи история милостиво позволяет нам так думать, ограничив рамки такого «вольнодумства» 714 годом до Р. Х.?

В качестве иллюстрации для дальнейших рассуждений на эту тему возьмём хорошо всем известные сложносоставные бронзовые бляхи из Носачёвского кургана. Возможно, я ошибаюсь, но, кажется, что при обсуждении вопроса о происхождении этих блях нарушаются принципы причинно-следственной закономерности. А вопрос заключается в том, считать ли эти вещи ассирийскими (переднеазиатскими), или «киммерийскими» (новочеркасскими, если угодно) по происхождению.

Сейчас, похоже, эти изделия в одинаковой мере служат аргументами, как сторонников, так и противников «допоходных» рейдов номадов.

Сторонников устраивают оба варианта. В первом случае, эти бляхи попали в Причерноморье вместе с хозяином упряжи, вернувшимся из-за Кавказского хребта. Во втором случае, они послужили прототипами для ассирийских ваятелей и художников.

Противники отрицают, по-моему, совершенно справедливо, их причерноморское (новочеркасское) происхождение. С. Р. Тохтасьев (со ссылкой на Г. Коссака)

рия — 1, Причерноморье — 3 (Эрлих 1994: 85). Из числа последних, конечно же следует исключить удила персидского типа из Кировоградского музея. Ещё одну группу образуют предметы колесничной упряжи. В. Р. Эрлих, который индентифицировал эти детали и картографировал комплексы Кавказа и Причерноморья, где они были найдены, считает их свидетельством непосредственного знакомства номадов с боевыми колесницами ассирийской армии (Эрлих 1994: 86).

Полностью разделяя эту точку зрения, я не согласен с В. Р. Эрлихом в том, что такое знакомство могло произойти опять-таки только после 714 г. до Р. Х. (подробнее см. [Яровой, Бруяко 2000]).

[5] Подобные многозначительные формулировки освобождают от необходимости дальнейшего толкования явления, поскольку, в данном случае доказывается обратное. С другой стороны, обороты такого типа должны вносить некоторое смятение в ряды оппонентов, так как существует нечто, что опровергнуть нельзя, поскольку оно не может быть четко сформулировано, или его формулировка ни к чему не обязывает (напр. «контакты иного типа»?!).

К этому, «универсальному» понятию, которое будет сопровождать нас буквально повсюду, мы ещё вернемся. А пока, отмечу лишь, что этими же всеобъемлющими контактами объясняют в частности и другие находки южного происхождения в Предкавказье (бронзовые шлемы, пекторали, панцири), которые А. И. Иванчик считает не имеющими никакого отношения к киммерийским походам (Иванчик 1999: 93; Ivantchik 2001: 336). То есть, речь идёт о тех же самых предметах, которые другие исследователи напрямую связывают с этими же, киммерийско-скифскими походами (Дударев 1991: 51—52; 1992: 28—29; 1998: 79—80; Белинский 1990: 190; Махортых 1998: 96; Махортых, Черненко 1995: 26).

Рис. 17. Мечи и кинжалы предскифского периода в Восточной Европе (карасукские клинки и их производные)

Swords and daggers of prescythian period in the Eastern Europa (Karasuk blades and their derivatives)

1–9 — металлические экземпляры (*1* — бывш. Киевский уезд; *2* — Гербино; *3* — Обуховка (Днепропетровский музей); *4* — Клин-Яр; *5* — Субботовское городище; *6* — Медвин; *7* — Субботовское городище; *8* — Таганрогский музей; *9* — Среднее Поднепровье (?)

А–Г — изображения на киммерийских стелах (*А* — хут. Зубовский; *Б* — Джанкой (Целинное); *В* — Кыз-Бурун; *Г* — Ольвия)

Таблица составлена по следующим публикациям: *Тереножкин 1976; 1978; Дударев 1991; Черненко, Недопако 1992; Савинов, Членова 1980; Ольховский 1990; Корпусова 1984; рисунки из собрания В.С.Бочкарёва (1—3, 7)*

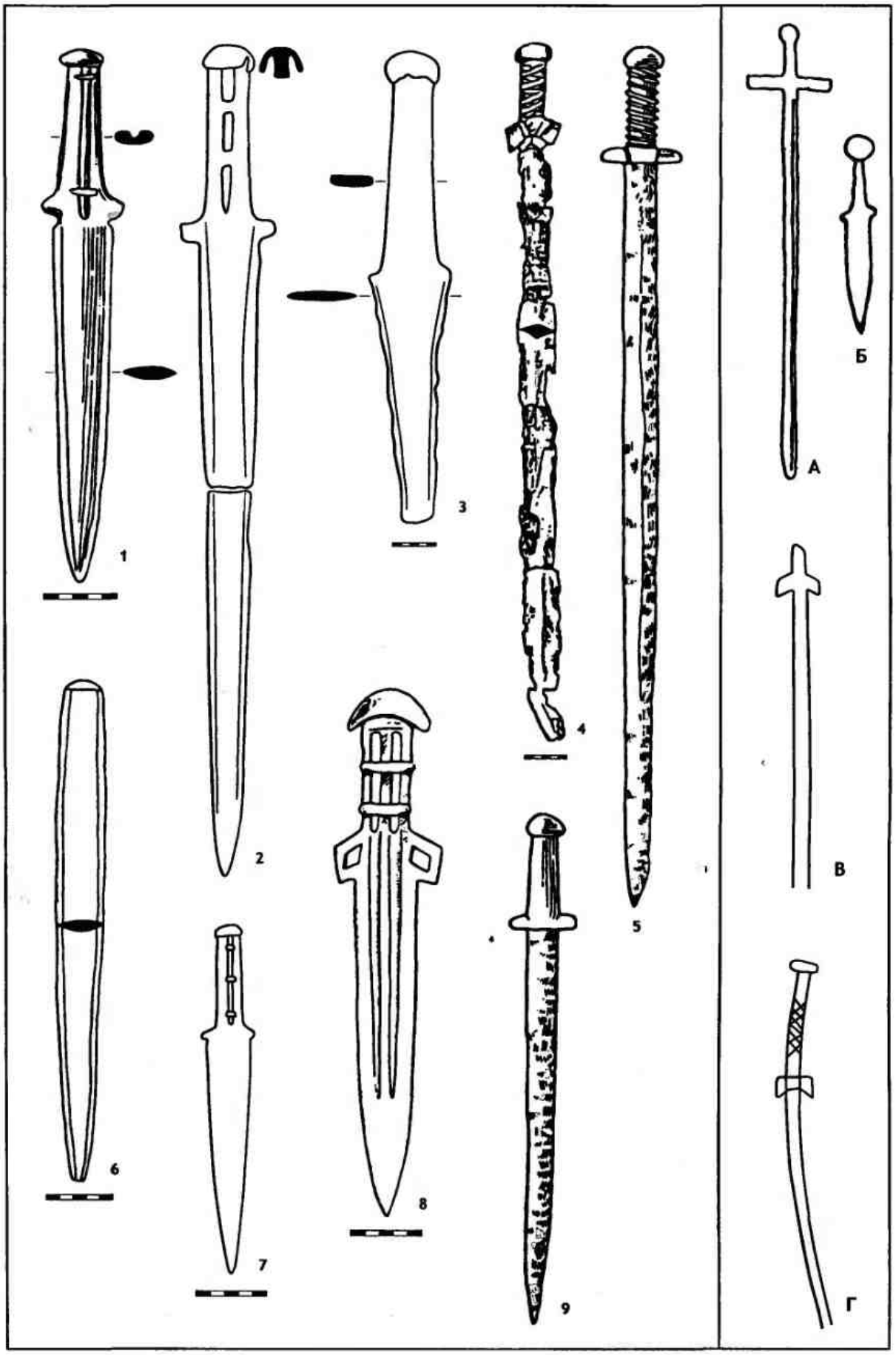
ограничивается при этом указанием на то, что такие бляхи были в ходу в Ассирии уже при Тиглатпаласаре III (744—727 гг. до Р. Х. [Тохтасьев 1993: 90]). Вероятно, по мнению С. Р. Тохтасьева, это своего рода *reductio ad absurdum*, поскольку в таком случае, дата возможных киммерийских прототипов в Причерноморье (а с ней, и гипотетические походы номадов в Переднюю Азию, во время которых эти бляхи могли видеть ассирийцы) отодвигается по крайней мере в середину, или даже в первую пол. VIII в. до Р. Х.[6] Как известно, дворцовых рельефов в период между правлением Ашшурнацирапала (883—859 гг.) и Тиглатпаласара III (744—727 гг.) нет.

А. Ю. Алексеев предлагает для носачёвских блях формально и функционально близкий общеевразийский прототип в виде желобчатых наременных бляшек, наиболее ранними из которых являются находки в Аржане (Алексеев 1992: 81). И хотя, такие же бляшки известны в доскифских комплексах Северного Причерноморья и Предкавказья, тем не менее, появились некоторые основания думать, что такие изделия проникли в Переднюю Азию из какой-то другой, географически обособленной от Северного Причерноморья области. Если формальные прототипы носачёвских блях видеть в желобчатых «застёжках» восточноевразийского (аржанского) типа, то их первичный ареал достаточно очевиден. Это Центральная Азия.

Предложенная А. Ю. Алексеевым аналогия требует некоторых оговорок. Во-первых, все указанные евразийские экземпляры, аналоги носачевским, сделаны из камня и кости (рога). Во-вторых, быть может это главное, все эти находки не производят впечатления составных элементов какой-то одной сложной детали (уздечной бляхи, например). По отдельности найденные, такие предметы вполне могли быть и колчанными застёжками, о чём свидетельствует находка такого каменного (алебастрового) экземпляра в погребении 5 Высокой Могилы среди скопления наконечников стрел (Бидзиля, Яковенко 1974: 154).[7] Н. Л. Членова

[6] В. И. Клочко и В. Ю. Мурзин, впрочем, не видят в этом ничего сверхъестественного, поскольку «...ассирийские аналогии указывают лишь на время появления подобных украшений конской узды на Ближнем Востоке (что является ярким свидетельством участия населения Северного Причерноморья в походах легендарных киммерийцев), а не время появления блях этого типа в Восточной Европе». *Т. р. дает для* блях носачевского типа является дата начала новочеркасского этапа, установленная авторами в пределах X—IX вв. до Р. Х. (Клочко, Мурзин 1989: 68).

[7] Примерно в таком же контексте аналогичная каменная застёжка была найдена в одном из погребений VIII—VII вв. до Р. Х. могильника Берлик в Северном Казахстане (Хабдулина 1994: 68, рис. 13/5). О том, что прототипами раннескифских колчанных застёжек могли быть именно трёхжелобчатые бляшки черногоровского типа, неоднократно писала О. Р. Дубовская (1993: 144; 1997: 208—209, рис. 14).


1
2
3
4
5
6
7
8
9
А
Б
В
Г

обратила внимание на то, что навершие одного из аржанских кинжалов оформлено в виде искомой трёхжелобчатой «застёжки». По её данным, в раннетагарских комплексах известно ещё 5 кинжалов с подобными навершиями (Членова 1997: 16, 61, рис. 15/6—10)

Иными словами, желобчатые застёжки, или бляшки могли быть составным элементом различных изделий, из которых носачёвские бляхи, пожалуй, самые оригинальные, поскольку, за исключением кургана у с. Квитки такие предметы конской упряжи, по-моему, больше нигде неизвестны. Таким образом, мы имеем исходную форму в виде простого, завершённого изделия из камня или кости (трёхжелобчатая бляшка), и довольно сложную бронзовую вещь, составной частью которой является эта же бляшка. А, между тем, ассирийские рельефы, настенная роспись и конкретные находки VIII в. до Р. Х., вполне позволяют проследить типологическую трансформацию трёхжелобчатых бляшек, их постепенное «вживание в образ» упряжной гарнитуры. На рельефах Саргона II и фресках из Тил Барсипа видно, что, занимающие нас предметы входят в состав наборных кожано-бронзовых конских нагрудников. Учитывая, что найденные в Сиалке В (знаменитое погр.15) идентичные бронзовые бляшки имели петлю на обороте, не остаётся никаких сомнений в том, что именно такие бляшки изображены на рельефах и фресках середины — второй пол. VIII в. до Р. Х. Тогда, ничего не мешает предположить, что в Передней Азии *не позднее середины VIII в.* степные евразийские экземпляры из камня и кости, приобретя бронзовую оболочку, стали атрибутом конской упряжи. Их использование в различных сочетаниях и комбинациях привело, в частности и к появлению уздечных блях типа Носачёво–Квитки.[8] Таким образом, отмеченные ассирийские источники VIII в. определяют *t. p. quem* для обоих северопричерноморских комплексов и *t. a. quem* распространения простых трёхжелобчатых застёжек-бляшек в восточноевразийских степях.

Продукция переднеазиатской торевтики из Квитки и Высокой Могилы (погр. 2), даты которых определяются в пределах второй пол. VIII в. до Р. Х., также как и носачёвский комплекс, вполне могли принадлежать лицам, которые какой-то период времени находились поблизости от центров производства таких вещей.[9] То же самое относится и к ещё одному предскифскому комплексу, в котором наряду с прочим инвентарём был найден прекрасный образец переднеазиатской ювелирной школы. Имеется ввиду курган у с. Белоградец в Северо-Восточной Болгарии. Независимо от того, оставлено ли это впускное погребение причерноморскими киммерийцами на пути в Малую Азию, либо сооружено вернувшейся оттуда союзной ордой киммерийцев и треров, об-

[8] Весьма серьёзным аргументом нужно считать тот факт, что металл носачёвских блях легирован свинцом. Рецепты легированные свинцом и мышьяком, по мнению Т. Б. Барцевой — показатель передне- и центральноазиатского производственных центров (Барцева 1989: 115).

[9] Любопытно, что в погребении у с. Квитки золотая бляха, выполненная в технике перегородчатой инкрустации, встречена вместе с двукольчатыми удилами, в которых дополнительные звенья для поводьев оканчиваются желобчатыми бляшками носачёвского типа. Такой же, только костяной предмет был найден в погр. 2 всё той же Высокой Могилы вместе с известной золотой бляхой — признанным образцом переднеазиатской ювелирной школы. Ещё одну переднеазиатскую параллель в погребении из с. Квитки, С. А. Скорый усматривает в бронзовых прорезных бубенцах, которые в это время действительно совершенно нетипичны для Восточной Европы (Скорий 1991: 24). Традиционно против — А. И. Иванчик (2001а: 227).

Как-то, уж слишком тесно эта небольшая группа погребений (Квитки, Носачево, Высокая Могила 2 и 5), оказывается связанной с закавказско-переднеазиатским ареалом.

завестись таким престижным предметом «хозяин» погребения мог, скорее всего, находясь непосредственно в странах Передней или Малой Азии. В первом случае, он, видимо, был участником одного из транскавказских рейдов, во втором — находился в составе орды, переправившейся через Босфор и оперировавшей в Малой Азии. Несомненно, лишь то, что и в том и в другом случаях владелец ножен (даже, если этот предмет и не был в личном владении конкретного индивидуума, захороненного под Белоградцем, а был поднесён ему в качестве последнего дара) возвращался из этих походов.

Для того чтобы внести ясность в позиции сторон по данному вопросу, нужно, по-видимому, условиться, что рассматриваемые предметы мы будем считать свидетельством не просто одностороннего проникновения киммерийцев в Переднюю Азию, а *пребывания и возвращения* какой-то группы причерноморских номадов из районов расположенных к югу от Кавказского хребта.

В нашем распоряжении есть ещё один, любопытный сюжет, который может связать предскифские древности юга Восточной Европы с закавказско-анатолийским регионом. Разбирая состав изображений на «киммерийских» стелах, В. С. Ольховский отметил ряд конкретных предметов и орнаментальных мотивов, появление которых на этой скульптуре могло быть связано с влиянием из ареала древневосточных государств Передней и Малой Азии. Это изображения т.н. «щитов» и желобчатых боевых поясов, а также ряд композиций геометрического и зооморфного стиля (Ольховский 2001: 18—19, 21—22).[10] Если это так, то тогда напрашивается следующий вывод. Центральноазиатская традиция оленных камней, перенесённая в Европу, на каком-то этапе должна была обогатиться влияниями древневосточных культур. Вполне естественен и закономерен вопрос о хронологии и географии этого загадочного этапа. Оставляя, в принципе, открытым вопрос о закаспийско-иранском пути трансляции в Европу идеи оленных камней, остановлюсь на другом варианте, согласно которому, такое обогащение произошло уже, после того как «киммерийские» стелы появились в Европе. По поводу датировки этих изваяний мнения исследователей расходяться — от X—IX до VIII—VII вв. до Р. Х. Одни из наиболее авторитетных специалистов по этому вопросу — Д. Г. Савинов и В. С. Ольховский — независимо друг от друга полагают, что наиболее ранние европейские предскифские стелы следует датировать временем не ранее сер. VIII в. до Р. Х. (Савинов 1994: 114, 164; Ольховский 2001: 24). Эта дата не кажется бесспорной (см. напр. [Ковалев 2000: 161]).[11] Однако, сейчас речь не об этом. Поскольку среди самых ранних европейских стел (т. е. вторая пол. VIII в.) есть и такие, которые несут на себе элементы «переднеазиатского» репертуара, то отнюдь не исключено, что эти камни (джанкойская, зубовская, белоградецкая стелы) могли быть установлены, опять-таки ранее приснопамятного 714 г. до Р. Х.

[10] Изображения «щитов» на стелах европейского ареала отличаются от известных центральноазиатских аналогов (см.напр. [Новгородова 1989: 197]) и одновременно, близки реальным щитам из арсенала урартской и ассирийской армий (Ольховский 2001: 18).

[11] В целом, на период существования на юге Восточной Европы традиции «киммерийских» стел, исследователи отводят не более ста лет. Однако, такая узкая датировка для всей группы «киммерийских» стел, кажется спорной. В частности, она заставляет предполагать, что какие-то изображения на эти стелы наносились «по памяти». Так, весьма сомнительно, чтобы во второй пол. VIII в. до Р. Х. в Причерноморье и на Северном Кавказе одновременно могли быть в употреблении карасукский кинжал с джанкойской стелы и длинный меч с крестообразной рукояткой — с зубовской.

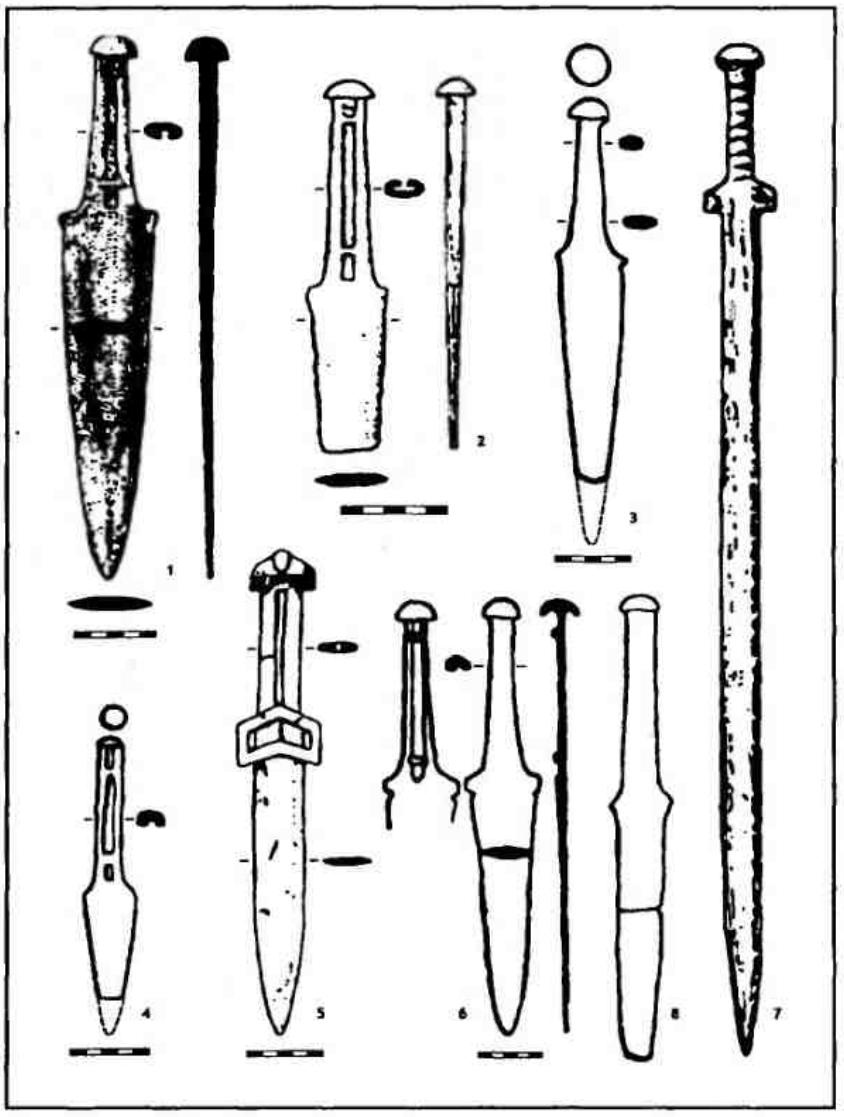


Рис. 18. Карасукские клинки: кинжалы из южноуральско-североказахстанской степной зоны (1—6, 8), меч из Андреевского озера в Тюменском Притоболье (7) (см. карту на Рис. 20)

Karasuk blades: daggers from South Ural and North Kazakhstan steppes (1—6, 8), sword from Andreevskoe Lake in Tumen'-Tobol region (see the map on the fig. 20)

1 — Новопокровка; *2* — Белокучевка; *3* — Сулейменово; *4* — Ильчигулово; *5* — Петропавловское Приишимье; *6* — Подстепное; *8* — Таналыкский прииск (Орский уезд)

Таблица составлена по следующим публикациям: *Хабдулина 1994; Хабдулина, Рубе 1984; Арсланова 1980; Чернецов 1953; Vinogradov, Epimakhov 2000; рисунки из собрания В. С. Бочкарёва (3, 4, 8).*

Как же всё-таки можно объяснить почти полное отсутствие кочевнических древностей «допоходного» периода в Передней Азии и одновременно, наличие отдельных предметов древневосточного происхождения в черногоровско-новочеркасских комплексах?

Можно было бы конечно, вслед за С. В. Полиным, датировать начало РСК–2 тридцатыми годами VIII в. до Р. Х. (Полін 1996: 120) и тем самым, снять все вопросы, ничего не объясняя.

Можно поступить наоборот — повысить дату новочеркасского комплекса, например до конца VIII — первой пол. VII вв., как это сделал В. Р. Эрлих (1994: 90) и тогда, 714 г. до Р. Х. даёт «*t. p. quem*» для всех погребений и кладов к северу от Кав-

каза, в составе которых имелись либо явно импортные вещи, либо изделия, которые несут на себе следы каких-то технологических, стилистических приёмов, характерных для древневосточных мастерских (напр. колесничные комплексы).[12]

Но наиболее приемлемое, на мой взгляд, положительное объяснение, на сегодняшний день принадлежит Д. С. Раевскому. Оно заключается в типологическом (сущностном) отличии ранних, «допоходных» рейдов VIII века «...от тех, что имели место несколько десятилетий спустя и засвидетельствованы...памятниками скифского облика в Закавказье и Передней Азии» (Раевский 1993: 81). Первые, по-видимому, носили характер кратковременных, может быть сезонных набегов, участники которых каждый раз возвращались на исходные позиции. В ходе таких рекогносцировочных рейдов номады получили представление о политической ситуации в регионе, его ландшафтно-климатических особенностях, потенциальных объектах грабежа, организации и боевых качествах древневосточных армий и т.п. Вряд ли всё это носило характер тщательно спланированной акции из учебников по истории оперативно-тактического искусства. Однако и считать дальнейший ход последовательно разворачивавшихся событий простым стечением обстоятельств, также, по-видимому, не стоит.

Завкавказские походы VII в. до Р. Х. представляли собой одну из крупнейших военных акций древности, зафиксированных письменными источниками. Это предприятие выразилось в длительной, автономной жизнедеятельности крупных кочевых объединений (орд) в совершенно инородной этнокультурной и социально-экономической среде. При этом важно, что, по крайней мере, одно из двух объединений номадов, действовавших в Передней Азии (скифы), по-видимому, поддерживало более или менее постоянную связь с исходным плацдармом своего похода — Северным Кавказом — куда оно, в конце концов, и возвратилось. В тоже время, многолетние «скитания» киммерийцев по просторам Малой Азии в итоге закончились тем, что они, или вернее то, что от них осталось, измотанные бесконечными сражениями и походами, так и не обрели своей ландшафтно-культурной ниши и полностью растворились в местной среде.[13] Если дать волю эмоциям, то порой, кажется, что эти «скитания» несли в себе какую-то печать обречённости. Быть может, как раз оттого, что для этого народа (киммерийцев) обратного пути на родину (Причерноморье и Предкавказье) не было.

По сути, походы VII в. до Р. Х. при определённом стечении обстоятельств могли привести, а быть может отчасти, и привели, к образованию некоего прообраза будущих кочевых «империй», многочисленные аналоги которым известны в более позднее время.

Мы продолжаем находиться в режиме анализа археологических контрдоводов. Насколько логичен тезис №4? Значит ли это, что раннекочевнический горизонт IX—VIII вв. до Р. Х. в Северном Причерно-

[12] Точку зрения В. Р. Эрлиха фактически разделяет С. Л. Дударев, который полагает, что классическая новочеркасская упряжь распространилась в Причерноморье между 705 и 679/8 гг. до Р. Х., когда киммерийцы не упоминаются в древневосточных текстах. Следовательно, считает С. Л. Дударев, в этот период киммерийцы на время могли покинуть пределы Азии и вернуться в южнорусские степи (Дударев 1994: 14).

[13] Попытка обрести какую-то стабильность, возможно, всё-таки была. Об этом нам говорят сведения, сообщаемые Геродотом (Herod.IV., 12; 32) и пс. Скимном, об оседании киммерийцев, или во всяком случае какой-то их части, в Северной Анатолии вблизи Синопы (см. в связи с этим, полемику вокруг первичности и вторичности основания этого города [Максимова 1956: 37 и сл; Алексеев 1992: 26—27; Иванчик 2001: 147 и сл.; Hind 1988: 207 и сл; Slattery 1987: 1 и сл.])

морье фактически означает слитное присутствие здесь киммерийцев и скифов?

Чуть раньше, мы выяснили, что население этого региона в предскифский период не было однородным, по крайней мере, в археологическом отношении. Отчетливо видны две, культурно отличные, составляющие предскифский горизонт. Местную, теснейшим образом связанную с лесостепью линию развития с сильным западным (фракийским) колоритом, представляет группа рядовых степных погребений. Восточные (миграционные) импульсы оставили, в конечном счёте, немногочисленные и хорошо известные захоронения конных воинов, клады конской упряжи и прочую воинско-кочевническую атрибутику. Оба этих культурных компонента, территориально перекрывая друг друга, безусловно, должны были находиться в состоянии какого-то взаимодействия. О местной линии культурной трансформации, речь уже шла выше. Попробуем теперь проследить этапность восточной (миграционной) волны, буквально ворвавшейся в довольно устойчивую и ровную структуру межкультурного диалога позднебронзового века в Восточной Европе.

Впервые заявив о себе на рубеже эпох бронзы и железа, в частности на фоне белозерского субстрата Суворовского могильника, в дальнейшем эти импульсы восточноевразийского (центральноазиатского) очага продолжались с определённой периодичностью. Но, именно первый из них, «карасукско-аржанский» (или «аржано-черногоровский» по М. П. Грязнову [Грязнов 1980: 61]) в X—IX вв. до Р. Х. привёл в конечном итоге к образованию черногоровско-новочеркасского горизонта древностей в Восточной Европе.

Сейчас, в этой доскифской стадии трансляций восточных импульсов в Причерноморье, Н. А. Боковенко различает уже 2 фазы — собственно аржанскую (VIII в. до Р. Х.) и до- или пред-аржанскую (X—IX вв. [Bokovenko 1996: 121; Боковенко 1989: 80]). Безусловно, с этой последней, пока ещё трудноуловимой начальной фазой деятельности центральноазиатского очага культурогенеза нужно связывать во-первых, появление в Причерноморье небольшой серии бронзовых кинжалов и мечей карасукского типа (Рис. 16—17), на основе которых вырабатывается чуть более поздний тип биметаллических мечей с крестообразной рукояткой (Тереножкин 1976: 109), а, во-вторых, распространение металлических двусоставных удил (стремявидных и гладких однокольчатых). С этого момента идея всадничества в Восточной Европе получает совершенно законченное внешнее оформление, а значит и широкие возможности для последующего, многовекового совершенствования своих атрибутов. Даже, если согласиться с тем, что другая важная деталь конской амуниции — псалии, и не менее важная принадлежность номада — стрелковый набор, формировались главным образом на основе местных европейских прототипов эпохи бронзы, то без привнесённых с востока металлических удил и длинного клинкового оружия (меча), конный пастух Восточной Европы никогда бы не перевоплотился в качественно новое явление — воина-всадника.

Вероятно, уже в IX в. в бассейне Тясмина возникает сеть чернолесских городищ, образование которой А. И. Тереножкин объяснял военными вторжениями степных киммерийцев (Тереножкин 1976: 202). Судя по серии калиброванных дат, самая поздняя линия обороны на Субботовском городище (вал на т.н. Малом Городке) была сооружена в последней трети IX в. до Р. Х. (Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер 1998: 97).

Оперируя подобными датами необходимо учитывать, что в начале ступени HaB_2/B_3 (по новой хронологической схеме) раннекочевнические древности оказались уже на территории Венгерской равнины (Алфёльд), в Трансильвании и даже Нижней Австрии (Физешу-Герлии, Чипэу, Ветиш, Прюдь, Хаслау-Регельсбрунн

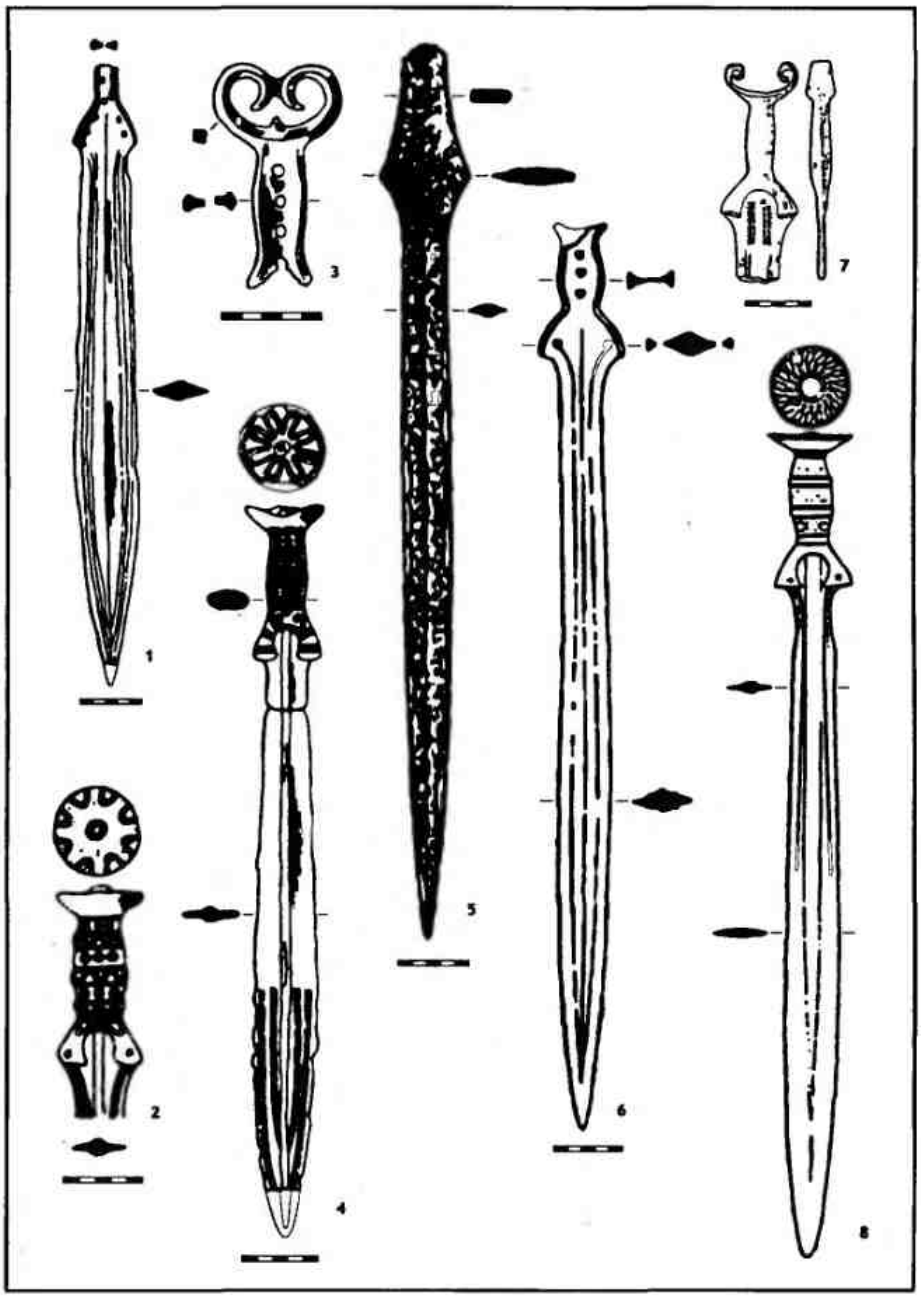


Рис. 19. **Центральноевропейские мечи предскифского периода в Восточной Европе**

Swords of the Central European types in the Eastern Europa of prescythian period

1–4 — бронзовые мечи из карпатских районов Украины (коллекция Ивано-Франковского краеведческого музея; по: *Малєєв, Томенчук 1990*); *5* — Слободзея (по: *Яровой, Кашуба, Махортых 2002*); *6* — Бельское городище (по: *Ковпаненко 1973*); *7* — Валя-Русулуй, *8* — Ниспорены (оба по: *Лапушнян 1979*)

и др. [Chochorowski 1993: 187]). Это означает, что в южнорусских степях и предгорьях Северного Кавказа идея всадничества должна была обрести воплощение ещё раньше. Здесь эта, принципиально новая с военной точки зрения, восточная идея конного воина попала на весьма благодатную почву, где уже зрели собственные, независимые от азиатского ареала, социально-экономические предпосылки для её творческого восприятия и дальнейшей трансформации уже на местной осно-

ве. Таким образом, вторичный центробежный очаг этой идеи формируется на Северном Кавказе. Происходит «поглощение» местной кобанской средой пришлых с аржано-черногоровской волной элементов (Козенкова 1998: 110—111).

Однако, это поглощение не было заурядным подражанием. Собственная мощная сырьевая база в сочетании с оригинальными традициями металлургического производства в северокавказском ареале, позволяли воспринимать и творчески перерабатывать практически любые новационные элементы, которые с лёгкостью воплощались в уже совершенно оригинальные вещи, на которые с полным основанием можно было бы ставить марку «сделано в Предкавказье».[14] По образному выражению С. Л. Дударева, Центральное и Западное Предкавказье стало в этот период своего рода «лабораторией», вырабатывавшей большое количество различных типов и вариантов упряжи (Дударев 1991: 58).[15]

Этот период — период поиска наиболее оптимальной схемы управления лошадью, которая позволила бы всаднику предельно жёстко контролировать поведение коня, что совершенно необходимо в боевых условиях. Пожалуй, ни одна из последующих эпох в истории ранних кочевников не даёт такого разнообразия типов и вариантов уздечных принадлежностей, как позднейший предскифский период. Иногда, даже, кажется, что многие из них так и остались на уровне малосерийных, или вообще опытных образцов.[16]

Творческая переработка восточноевразийских трансляций на Северном Кавказе в эпоху раннего железа, не ограничивалась всадниче ской атрибутикой. Появление в Восточной Европе, и на Северном Кавказе в частности, «фалломорфных» (по В. С. Ольховскому) киммерийских стел уже давно и вполне обоснованно связывается с генезисом центральноазиатских оленных камней и последующим распространением этого культурного феномена в начале I тыс. до Р. Х. из Центральной Азии на запад вплоть до Балкан и Средней Европы. По мнению Д. Г. Савинова, можно говорить о двух центрах формирования оленных камней — центральноазиатском и кавказском. Причём, стилистические особенности изваяний указывают на несомненную взаимосвязь между этими двумя, весьма отдалёнными регионами (Савинов 1994: 124). Из четырёх вариантов, предложенных Д. Г. Савиновым для решения вопроса об исторической обусловленности этой взаимосвязи, наиболее приемлемым кажется первый, согласно которому из Центральной Азии на запад, вместе с носителями приходит и сама традиция установки оленных

[14] Эта лёгкость сродни лёгкости и непринужденности опытного мэтра, с которой он использует вскользь брошенную собеседником, на первый взгляд, мало что значащую фразу, но которой как раз недоставало для завершенности и придания блеска той идее, которая уже давно в «разобранном» виде бродила в его голове.

[15] Результатом деятельности этой «лаборатории», возможно, является необычайно широкое распространение на Северном Кавказе однокольчатых удил т.н. «строгого» варианта (с нарезками, шипами, витым грызлом), которые можно считать усовершенствованным типом гладких однокольчатых удил центральноазиатского происхождения.

[16] Вёрхом творческой эклектики можно считать экземпляр удил из могильника Пшиш (Сазонов 1996: рис.2/10). Здесь воплотились в единое целое сразу три типологические линии: центральноазиатская (стремявидное окончание с дополнительным отверстием), северокавказская (двукольчатое звено) и среднеевропейская (D-образная внешняя петля). Ещё одной, весьма красноречивой и не требующей особых комментариев иллюстрацией к деятельности «кавказской лаборатории», является таблица в статье А. В. Пьянкова и В. А. Тарабанова, с изображениями бронзовых удил из разрушенных погребений могильника Казазово (Пьянков, Тарабанов 1997: 63, рис.1).

камней (Савинов 1994: 125). Их концентрация в северокавказском регионе, плюс наибольшее, среди всех европейских стел сходство с камнями восточного ареала, — вполне соответствует идее локализации на Северном Кавказе некой локационной зоны приёма и ретрансляции «карасукско-аржанского» («аржано-черногоровского») культурного импульса.

Возвращаясь к оригинальным всадническим атрибутам начала I тыс. до Р. Х., отмечу следующее. Помимо максимального подчинения лошади всаднику, ярким воплощением идеи конного воина (в данном случае, уже не просто конного стрелка из лука, которым по Геродоту был практически каждый (Herod. IV, 46), а воина, способного вести бой в одиночку, заведомо превосходя любого своего визави), было появление в предскифский период длинных рубящих мечей. Прекрасными экземплярами этого нового типа клинкового оружия можно считать биметаллические мечи из Субботовского городища (длина более 1 м) и могильника Клин-Яр–III (длина — 95 см [Рис. 16/7, 12]).[17] Оба эти экземпляра конструктивно и технологически весьма похожи друг на друга (Терехова 1996: 146). Притом, что почти очевидна типологическая связь между этими восточноевропейскими мечами и клинками из Сибири, Алтая, Тувы (Рис. 18/7). Именно для последней группы характерны такие признаки, как прямое (крестовидное) перекрестие, грибовидное навершие, рифлёная поверхность рукоятки. В тоже время, центральноевропейские клинки, также известные в северопричерноморском регионе, представлены явно импортными экземплярами (Рис. 19).

Максимальная эффективность такого оружия раскрывается именно тогда, когда владелец применял его, находясь верхом на лошади.[18] В пешем бою, длинные (около 1 м) мечи, скорее всего, были больше помехой владельцу, существенно ограничивая его маневренность. Вместе с тем, малое число находок длинных мечей по сравнению с более короткими, а также кинжалами, вероятно, свидетельствует о том, что в большинстве случаев боевые столкновения велись в пешем порядке. Впрочем, для кочевников, как известно, встречный бой вообще был не самой излюбленной тактикой. Конь, в этом смысле, давал возможность выбора, являясь превосходным средством для маневрирования больших групп воинов, обеспечивая при необходимости быстрый отход, либо столь же быстрое преследование. И уже совершенным исключением для древности вообще, являлось лобовое столкновение двух конных групп.[19]

[17] Сюда же можно было бы включить и беспаспортный биметаллический меч, найденный где-то в южной части бывшей Киевской губернии (Рис. 17/9), если принять во внимание те его размеры, которые были указаны в публикации 1952 года — длина клинка — 73 см (Тереножкин 1952: 103, рис. 11). Тогда, с учетом рукоятки общая длина экземпляра достигнет 85—90 см. Однако, в монографии 1976 года, А. И. Тереножкин дает другую цифру длины клинка — 45,4 см, а меча в целом — 58 см (Тереножкин 1976: 108). Последние значения считаются точными (Савинов, Членова 1980: 7, сн.16). От 80 до 90 см длины имеют раннескифские мечи VII в. до Р. Х. из Кармир-Блура и Имирлера.

[18] Если, при некоторой доле воображения, развить действие сюжета запечатленного на фризе знаменитого клазоменского саркофага, то такая эффективность станет достаточно наглядной.

[19] Полагая, что всё дело в психологическом факторе, Ф. Энгельс, по-видимому, справедливо отмечал, что встречный бой двух кавалерийских частей вообще крайне редок (т. 14, с. 318). Правда, нужно признать, что эта мысль вряд ли принадлежит самому Ф. Энгельсу. Классики марксизма часто имели скверную привычку не указывать первоисточник своих «откровений». После знакомства с книгой А. К. Нефедкина, у меня практически не осталось сомнений в том, что примеры из области военной психологии были заимствованы Ф. Энгельсом из книги британского офицера-кавалериста Л. Нолана (см.[Нефедкин 2001: 82]).

В итоге, можно думать, что длинный меч был призван, лишний раз подчеркнуть высокий воинский («всаднический») статус его владельца. В основе этого символа лежало действительно большое индивидуальное превосходство всадника вооружённого таким мечом в очном поединке с конным, а тем более, пешим противником.[20]

В арсенале всадников предскифского периода были и длинные мечи центральноевропейского происхождения. Их основной ареал на востоке включал районы молдавской лесостепи и украинского Прикарпатья (Рис. 16 [Малеєв, Томенчук 1990; Малеев 1992]). Образцовым «фрако-киммерийским» комплексом в данном случае, является погребение на Нижнем Днестре у пгт. Слободзея с железным мечом типа «Griffzungenschwerter» (Рис. 19/5). Самой восточной находкой, по-видимому, является бронзовый меч с территории Бельского городища (Рис. 19/6).

Нетрудно заметить, что перечень длинных клинков предскифского периода весьма ограничен. Его можно пополнить за счёт мечей, изображённых на «киммерийских» стелах. Так, реальный прототип меча с крестообразной рукояткой, изображённого на зубовской стеле (Рис. 17/А), по расчётам Д. Г. Савинова и Н. Л. Членовой, мог иметь длину 111,4 см (Савинов, Членова 1980: 7). В таком случае, по своим параметрам он почти соответствует биметаллическому мечу с Субботовского городища.[21] Если подобная методика расчёта длины клинка приемлема, то тогда и меч с кызбурунской стелы (Рис. 17/В) в реальности вряд ли был намного короче описанных выше экземпляров (Савинов, Членова 1980: 7). Этот клинок с крестовидной рукояткой (концы перекрестия чуть согнуты) имеет довольно близкие аналогии среди алтайских (Тишкин, Папин 1998: рис.1) и восточноказахстанских (Степная полоса...1992: табл. 56/1) находок. Ещё один меч, судя по изображению, не столь внушительных размеров, изображён на ольвийской стеле (Рис. 17/Г). Причём, и в этом случае гравировка имеет вполне реальный, железный прототип из погребения у с. Берёзки (Рис. 4/2). Оба меча снабжены довольно длинной (пожалуй, даже непропорционально длинной) рукояткой и перекрестием в форме треугольников с опущенными вниз вершинами.

Анализ предметного репертуара на «киммерийских» стелах, позволяет выделить ещё одну группу оружия рубяще-ударного действия. Речь идёт о боевых топорах (секирах, чеканах, клевцах).[22] В том случае, если такие проушные топоры были снабжены длинными деревянными рукоятками, их применение воинами-всадниками также должно было быть весьма эффективным. Находки таких предметов, выполненных в металле, столь же редки, как и находки длинных клинков. Кроме того, плохая сохранность дерева практически не оставляет нам шансов для реконструкции длины рукоятки. Мне известен лишь один предскифский комплекс, условия находки и фиксации в котором позволяют определить общую длину боевого топора. Экземпляр из погребения у пгт Каушаны (Молдавия), по мнению авторов раскопок, имел длину 0,7 м (Чеботаренко, Яровой, Тельнов

[20] В это же время, длинные мечи распространяются и на Древнем Востоке, в частности в Урарту и Ассирии, что связывается с развитием в этот период конницы как рода войск (Погребова 1984: 48 и сл.). Э. А. Новгородова полагает, что закавказские мечи, вряд ли древнее сибирских и, таким образом, появление этого вида оружия в обоих регионах произошло примерно в одно и тоже время (Новгородова 1970: 117).

[21] Типологически, меч изображённый на зубовской стеле можно включить в группу центрально-европейских клинков восточного происхождения типа Лейбниц-Пэнаде.

[22] О конструктивных отличиях см. [Савинов 1994: 103].

1989: 73). Опираясь на эту, единственную в своём роде реалию, можно думать, что прототипы боевых топоров, изображённых на «киммерийских» стелах, имели размеры весьма близкие к ней.[23]

По данным В. С. Ольховского, изображения боевых топоров и молотков зафиксированы на 8 стелах европейского ареала, мечей — на 7, кинжалов — на 5 (Ольховский 2001: 18).

Как уже отмечалось, в IX в. до Р. Х. инерция первой волны донесла раннекочевнические древности до районов Средней Европы. Примечательно, что в это, как впрочем, и во всё последующее вплоть до раннескифского периода время, процесс культурного взаимодействия по линии восток-запад протекал на встречных курсах (Махортих 1996: 18). Восточные влияния не растворились бесследно на ярком археологическом фоне оседлых групп европейской поздней бронзы (период младшей Урненфельд) и культур гальштатского круга Карпато-Подунавья. Подвергнувшись здесь определённой переработке, они затем иногда возвращались в южнорусские степи, часто в сопровождении оригинальных изделий центральноевропейского происхождения.

Говоря о конкретных примерах такого культурного взаимообогащения, прежде всего, нужно иметь в виду опять-таки предметы конской упряжи. Так, о вероятном западном происхождении псалиев типа Камышеваха, в своё время писал А. А. Иессен (1953: 105). Это предположение, основанное на сравнительных типолого-хронологических наблюдениях, в последнее время получило поддержку и по результатам спектроаналитических исследований. В частности, для псалиев камышевахского типа и наконечника копья из погр. 56 могильника Сержень-Юрт, Т. Б. Барцевой получены данные, свидетельствующие о том, что эти вещи изготовлены из сырья западных (карпатских) источников (Барцева 1985: 47).

Весьма популярными в Средней Европе были и бронзовые удила с D-образными внешними кольцами (тип IV; удила с обратностремечковидными окончаниями [по А. А. Иессену]). Такие удила (Ростовский курган 1939 г., могильник Пшиш [Эрлих 1994: 56—57]) А. А. Иессен также считал западными по происхождению (Иессен 1953: 90). Эта точка зрения сейчас, похоже, разделяется многими исследователями (Chochorowski 1993: 49; Дударев 1991: 60). Хотя, здесь нужно отметить один, в высшей степени любопытный, факт. Как-то, не слишком замеченной осталась статья В. В. Варфоломеева, посвящённая материалам поселения Кент в Центральном Казахстане. Дело в том, что здесь были найдены 2 звена от удил с D-образными внешними петлями, которые совершенно очевидно, представляют собой литейный брак (Рис. 28/3 [Варфоломеев 1987: 65, рис. 6/5—6]). В связи с этим, Н. А. Боковенко, совершенно справедливо пишет о наличии на поселении Кент мастерской по производству таких удил (Bokovenko 1996: 119). Но, самое примечательное, это та датировка, которую В. В. Варфоломеев предлагает для горизонта поселения, содержавшего интересующие нас находки — X—IX вв. до Р. Х. (Варфоломеев 1987: 62, 66).

Ещё один тип упряжи — двухчастные однокольчатые бронзовые удила с дополнительными звеньями, оканчивающимися круглой шляпкой — который в Сред-

[23] Цилиндрический бронзовый молоток — эксклюзивный аналог многочисленным каменным молоткам предскифского периода — был найден в погребении у с. Калиновка в Побужье (Гребенников, Елисеев, Клюшинцев 1984: 40, рис. 3/16). Здесь, среди довольно разнообразного инвентаря вполне «степного» облика, зафиксирована чернолощёная гальштатская корчага, периода HaB_2/B_3.

ней Европе представлен очень большим числом находок. Одних вариантов этого типа Я. Хохоровски различает здесь пять: Бихаругра, Дунакёмлед, Ветиш, Прюдь, Фрог. Напротив, в Восточной Европе находки таких удил единичны (Майкоп [Иессен 1953: 72, 74, рис. 15]). Учитывая это обстоятельство и полагая, что независимое появление таких удил в Восточной и Центральной Европе маловероятно, Я. Хохоровски вполне логично предлагает считать их западным вкладом в формирование уздечного набора восточноевропейских кочевников (Chochorowski 1993: 51—52).[24]

Помимо предметов конской упряжи, такими же рефлектированными импульсами восток-запад-восток, возможно, являются бронзовые зооморфные скипетры из Кисловодска (погр. 14 Кисловодской мебельной фабрики, могильник 1 [Дударев 1991: 51]), могильника Фарс и погр. 3 могильника Султан-Гора–I (Козенкова 1995: 76—77). К явным центральноевропейским импортам в Причерноморье относятся бронзовые и железные мечи — с язычковой рукояткой (Бельск, Слободзея), чашевидным (Ниспорены) и антенообразным (Валя-Русулуй) навершиями.[25]

Тем временем, второй импульс центральноазиатского очага, к концу VIII в. до Р. Х. привёл к образованию в Восточной Европе уже раннескифской культуры (РСК–1—2). Материальное воплощение этой второй волны, наслоившейся на родственную, но переработанную и видоизменённую подоснову первой, выглядит уже не столь эффектно. Трудно разобраться, какие же из вновь появившихся вещей непосредственно связаны с внешними воздействиями, а какие — результат местной типологической трансформации. К первым относятся дисковидные, бронзовые зеркала, шлемы «кубанского» типа, биметаллические клевцы, возможно, какие-то новые типы наконечников в колчанном наборе. Наверняка, результатом местного технологического творчества было практически полное вытеснение бронзы железом в упряжном наборе к этапу РСК–2, при сохранившихся отчасти типологических характеристиках. То же самое, относится и к разновидностям клинкового оружия, правда здесь, типологическая преемственность как будто бы, не столь очевидна. Практически в это

[24] Такая деталь, как дополнительные звенья для повода с окончаниями в виде грибовидного отростка-шляпки, возможно, всё-таки, изобретение причерноморских мастеров, чья деятельность, правда, приходилась ещё на эпоху поздней бронзы (т.н. псалии ингульского типа: Черняков 1983: 44, рис. 2/1—2; 3/1—2). Однако, даже если это и так, то, учитывая слишком большой хронологический разрыв между ингульскими псалиями XIII в. и рассматриваемыми здесь образцами IX—VIII вв. до Р. Х., прямую преемственность в данном случае усматривать трудно.

[25] Клад бронзовых предметов из Валя-Русулуй, равно как и меч из Ниспорен, рассматривались О. Г. Левицким в культурно-хронологическом контексте памятников типа Кишинёв–Корлэтени (группа канеллированного гальштата XI—X вв. до Р. Х.). Судя по тем параллелям, которые приводит О. Г. Левицкий, детальнейшим образом анализируя практически каждый предмет из этого клада, он (клад) несколько выпадает из общепринятых для Кишинёв–Корлэтени датировок. Обломок меча и некоторые кельты (в частности, т.н. асимметричный кельт) можно отнести уже к HaB_2, на что собственно указывает и сам автор (Levițki 1994a: 122—123, 133, 148). Таким образом, весьма вероятно, что состав клада сформировался уже по завершении горизонта канеллированного гальштата в лесостепной Молдавии и фактически относится уже к следующему хронологическому периоду — т. е., горизонту древностей типа Козия–Сахарна. Если конечно, исключать вероятность того, что группа Кишинёв–Корлэтени могла существовать и какой-то период IX в. до Р. Х. Датировку клада из Валя-Русулуй IX веком фактически поддержал Т. Кеменцеи, указывая при этом на асимметричный кельт и на развитую форму (цельную антеновидную рукоятку) мечей с антеновидным навершием, хотя производство такого типа мечей началось ещё в HaB_1 (Kemenczei 1996: 251, 269).

В настоящее время, в Днестро-Сиретском междуречье с культурой Козия-Сахарна синхронизирован Бырладский клад (HaB_2), а также несколько случайных находок бронзовых кельтов (Матеуцы, Требужены [Кашуба 2000: 327]).

Рис. 20. **Распространение карасукских ножей и кинжалов (мечей) в Восточной Европе и урало-североказахстанском регионе**
Map of the dessimination Karasuk knives and daggers (swords) in the Eastern Europa and Ural-Kazakhstan region

***а* — основной ареал;**

***б* — кинжалы и мечи:** *1–4* — Сулейменово, Ильчигулово, Мулдашево, Рысаево; *5* — Таганрог (фонды музея); *6* — Гербино; *7–9* — Субботово, Медвин, бывш. Киевский уезд; *10* — Подстепное; *11* — Белокучевка; *12* — Новопокровка; *13* — Обуховка; *14* — Петропавловск; *15* — Таналыкский прииск;

***в* — ножи:** *1* — Ныресь; *2* — с. Нижнее (г. Курган); *3* — 2[я] Перейминский могильник (Тюмень); *4* — Омск; *5* — Божиган; *6–8* — Попов хут., Веселовский зерносовхоз, Криволиманский хут.; *9* — Воронеж; *10* — Еруслан; *11* — Херсонес (фонды музея); *12* — Красная Деревня; *13* — Монастырщина; *14* — Шидерты.

же время, аналогичные процессы происходят и в Средней Европе, где железные экземпляры раннегальштатских типов упряжи вытесняют бронзовые. Это — конец «фрако-киммерийского» горизонта древностей, приходящийся на рубеж VIII — VII вв. до Р. Х.

К концу VIII в. Карпато-Подунавье приблизительно на полстолетия прекращает принимать восточные импульсы. В Среднем Подунавье ещё в первой половине (начале) VIII в. до Р. Х. перестают функционировать могильники периода поздней Урненфельд, в погребениях которых встречалась киммерийская (черногоровская) упряжь. Вместо них, в HaC_1 появляются новые кладбища, где уже отмечены типично гальштатские уздечные принадлежности (напр. трензеля с Ω-образными кольцами). Процесс подобной трансформации в статике хорошо демонстрирует клад из Фюгед на севере Венгерской равнины (в пределах последней четверти VIII в. до Р. Х.), который, по мнению Я. Хохоровского, можно интерпретировать как «...наиболее ранний случай появления гальштатских элементов в контексте ещё классических форм киммерийского горизонта»(Chochorowski 1993: 183).

Лишь после середины VII в. в Карпатскую котловину проникает следующая волна восточных инноваций, связанных уже с раннескифской культурой этапа РСК–3 (группа Чумбруд, ранние комплексы культуры Векерзуг). Однако теперь, распространение кочевнических древностей носит более концентрированный, не столь дисперсный характер. Отныне эти древности образуют довольно плотные, компактные группы памятников. Можно лишь предполагать, с чем это было связано. Вероятно, своеобразным заслоном на пути глубокой скифской экспансии на запад стал сформировавшийся к концу VIII в. паневропейский блок гальштатских культур (по образному выражению К. Кромера — предтеча (прообраз) всеевропейского единства), сменивший свиту культур центральноевропейского позднебронзового века (Урненфельд). При этом, если для «фрако-киммерийского» периода мы отмечали свободное прохождение импульсов на запад и обратно, то для периода синхронного РСК процесс культурного влияния носил видимый односторонний характер — восток-запад.

Существовал ещё и третий импульс, который привёл к образованию раннескифской культуры (ССК) и, по всей видимости, также обозначал появление из центральноазиатских областей новых кочевых групп (Алексеев 1992: 111—112). Вновь существенно меняется типология предметов конской упряжи (двудырчатые псалии), появляются функционально новые детали (наносники, нащёчники). Иной облик приобретает колчанный набор. Основательной ревизии подверглась иконография, да и состав персонажей в целом, скифского бестиария и т.д. (Алексеев 1992: 108).

Что дает предпринятый только что, обширный экскурс для решения киммерийской проблемы в Северном Причерноморье?

Если положение о двух потоках,[26] как системообразующих факторах культурной трансформации в Северном Причерноморье (да и, в Восточной Европе в целом) в эпоху раннего железного века, приемлемо, то тогда это может означать следующее. По логике вещей, и вторая волна, и первая, ведут к появлению в каждом конкретном случае какой-то группы населения обладавшей определённым набором вещей, отличавших материальную культуру одного потока от другого.

[26] Идея В. И. Клочко и В. Ю. Мурзина, в несколько отличном от моего, понимании (Клочко, Мурзин 1987; 1989).

То, что черногоровско-новочеркасские древности IX—VIII вв. до Р. Х. отличаются от раннескифских VII в., похоже, никто не отрицает. «Первая волна РСК возникшая в Центральной Азии в досаргоновское время, — пишет И. Н. Медведская, — постепенно достигла Северного Кавказа» (Медведская 1994: 124). Значит, до того, как во второй половине — конце VIII в. на Северном Кавказе и, добавим, в Причерноморье начало ощущаться влияние второго потока, который, в конечном счете, привёл к сложению РСК, здесь уже существовала *иная*, хотя и формально близкая (скорее всего, родственная и по населению) раннекочевническая культура, т.е. культура черногоровско-новочеркасского горизонта (= киммерийская).

Здесь, нам необходимо определиться с тезисом о «единой скифо-киммерийской материальной культуре», с чем согласны все, или почти все участники дискуссии 90-х гг. XX века. Во-первых, речь шла о единстве периода азиатских походов, т.е. в основном VII в. до Р. Х. Во-вторых, своё понимание такого единства предложила только И. Н. Медведская, согласно которой, это лишь единство предметов вооружения и конской упряжи (Медведская 1994: 129).

Внесём некоторую ясность в постановку вопроса. По-видимому, следует различать *функционально* единые предметы материальной культуры (в данном случае, упряжь и вооружение), как понятие общего порядка, и конкретное *функционально-типологическое* единство этих же самых предметов. В первом случае, это понятие с некоторыми оговорками, может объединить всех кочевников Евразии I тыс. до Р. Х. Во втором случае, объединение черногоровско-новочеркасских древностей с раннескифскими, даже по тому критерию, который предложила И. Н. Медведская, совершенно очевидно не состоится. Это первое.

Второе. Процесс адаптации двух обозначенных групп восточных кочевников в Северном Причерноморье протекал по разному сценарию и в разном культурно-демографическом контексте. В степном Причерноморье предскифский пласт древностей составляли, как минимум, два компонента. Один из них — горизонт рядовых подкурганных погребений (в т.ч. с геометрической керамикой) — не имеет никакого отношения к восточным импульсам раннего железного века, которые как раз и формируют на сегодняшний день проблему ранних кочевников Восточной Европы. Второй — всаднический (черногоровско-новочеркасский) — как раз и образован одним из таких импульсов («карасукско-аржанским»). Ещё одним, на этот раз общим для степи и лесостепи, участником культурного диалога являлось чернолесско-жаботинское население украинской лесостепи, которую, на мой взгляд, можно считать своеобразной метрополией для пастушеского населения степного Причерноморья.

Все перечисленные культурные компоненты должны были находиться в состоянии взаимодействия, определяя тем самым «текущий момент» в процессе культурной трансформации. Трудно конечно, определить конкретные формы (проявления) такого взаимодействия. Вряд ли скажем, оно носило исключительно мирный характер, также впрочем, как и, наверное, нельзя считать его цепью непрерывных военных конфликтов номадов с местным степным и лесостепным населением (Скорый 1994: 173-175).

Так или иначе, первая волна восточных номадов взаимодействует с местным этнокультурным субстратом, тесно связанным, отчасти, быть может, даже родственными на этническом уровне, узами с фракийским (фракийско-иллирийским?) миром Карпато-Подунавья конца II — I тыс. до Р. Х. Сложившаяся к этому времени устойчивая система кросскультурного диалога между оседло-земледельческими провинциями Карпато-Подунавья и лесостепного Причерноморья, в предскифский период, в целом сохранялась.

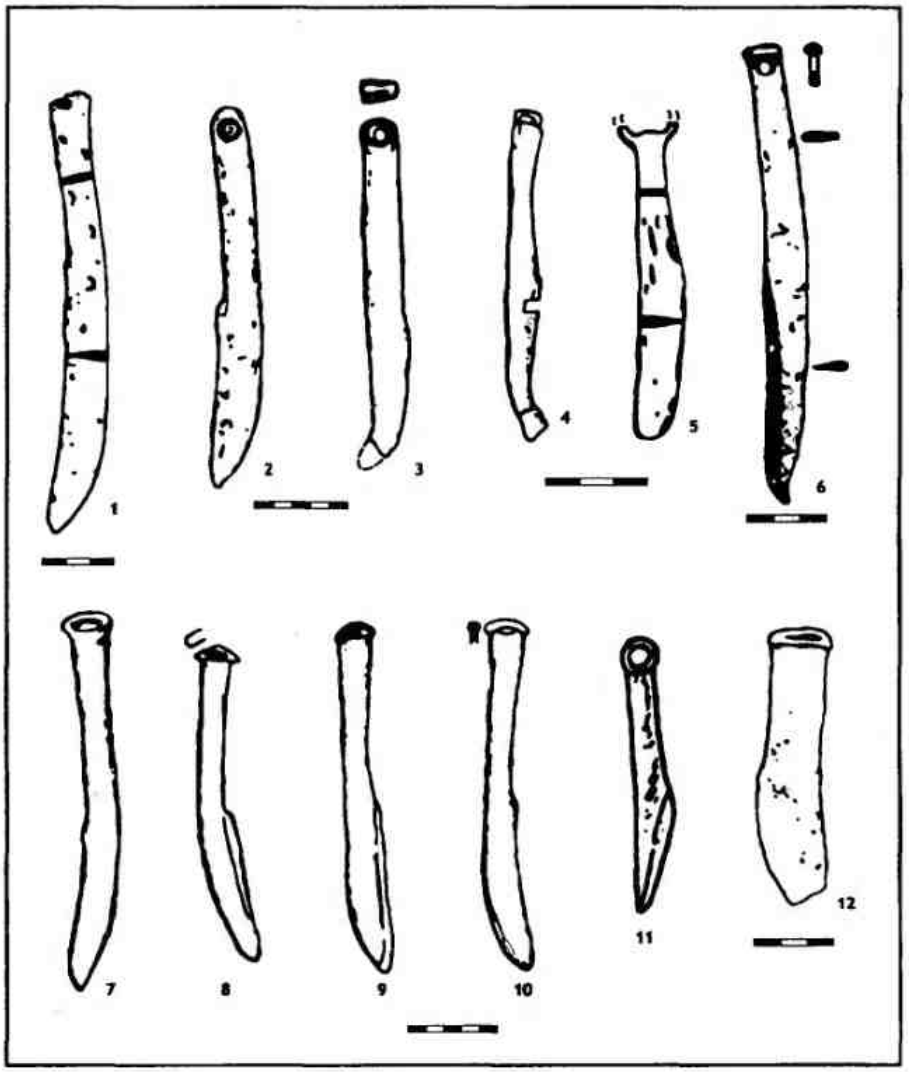


Рис. 21. Карасукские ножи из Восточной Европы и Приуралья (см. карту на Рис. 20)

Karasuk knives from Eastern Europe and Ural region (see the map on the fig. 20)

1 — Красная Деревня; *2* — Веселовский зерносовхоз; *3* — Криволиманский хут.; *4* — Попов хут.; *5* — Воронеж; *6* — Монастырщина; *7* — Нырсы; *8* — 2[й] Перейминский могильник; *9* — Омск; *10* — с. Нижнее (г. Курган); *11* — Божиган; *12* — Шидерты

Таблица составлена по следующим публикациям: *Лукашов 1984; Лукьяшко 1999; Березуцкий 2002; Пересветов, Куропятникова 2002; Членова 1973; 1981*

Судя по свободному перемещению культурных импульсов восток-запад-восток, новый участник диалога вполне вписался со всеми своими особенностями в культурный контекст, несмотря на, совершенно очевидно имевшие место «отдельные недоразумения» между ним и местным населением. Вероятно, первая «номадизация» населения лесостепи прошла поверх основного слоя, затронув лишь верхушку чернолесских племен.

Несколько по-иному протекал этот процесс в степной полосе. Так, для Северо-Западного Причерноморья мы уже выяснили, что финал горизонта степных погребений с геометрической керамикой практически совпадает с исчезновением черногоровско-новочеркасских древностей по всему Северному Причерноморью. Если представителей первого считать пастушеским населением, то весьма вероятно, что оно могло быть включено,

или вошло в состав кочевых групп восточных номадов.[27] Тогда, родственники-иранцы 2-го эшелона (РСК), появившись в Причерноморье около 700 г. до Р. Х., столкнулись уже с несколько иной культурно-демографической ситуацией. Скифы, а это были они («по праву времени и места», как блестяще выразился в своё время Б. Н. Граков [1971: 25]), напрочь игнорируя степные области к западу от Днепра и следуя главным образом по лесостепным районам, к середине VII в. добрались уже до Среднего Поднестровья. Дальнейшее их продвижение, это бросок основной массы через Восточные Карпаты в Трансильванию и, какой-то части, из Среднего Поднестровья на юг вдоль Прута. К середине того же столетия, или чуть позже, похоже, исчезает и население гальштатских групп лесостепной Молдавии (могильник Селиште), служившее своего рода культуртрегером между Карпато-Подунавьем и Северным Причерноморьем. Раннескифский «Вызов» в Карпатском бассейне, остался без «Ответа» и придав на какое-то время местной археологической палитре колорит культуры восточных кочевников, вскоре (в основном уже в V в. до Р. Х.) растворился во фракийской среде.

На самом деле, теория двух волн, так или иначе, признаётся всеми, кто согласен с тем, что черногоровско-новочеркасские древности отличаются от раннескифских.

Далее. Решение вопроса о сходстве и отличии скифов и киммерийцев на основе данных письменных источников, возможно не ранее чем для VII в. до Р. Х. Есть правда, сведения Геродота, который в отличие от канцелярского творчества ассирийских бюрократов сообщает кое-какую информацию об истории этих народов ещё до того, как они оказались на Древнем Востоке. Однако, Геродот слишком уж последователен в своём изложении хода событий, происходивших за несколько столетий до него. Поэтому, (в который уже раз (!), а впервые почти при жизни, «с легкой руки» Фукидида) он не может считаться надёжным информатором. Вынести его фольклорные экскурсы решительно невозможно![28] Вот, древневосточные тексты, составлявшиеся очевидцами, или, по крайней мере, современниками событий — другое дело. Однако, все эти «погодные» записи и отчёты обычно составлялись чиновниками, т.е. людьми, которым любознательность в силу их профессии была противопоказана во все времена. Историография скифо-киммерийских отношений, судя по всему, их совершенно не интересовала. Мало того, десятилетиями соседствуя с этими кочевниками, вербуя среди них наёмников, заключая (или, во всяком случае, пытаясь это сделать) с их предводителями династические браки, наконец, зная их по именам, никто не проявил ни малейшего интереса к тому, как же всё-таки называли себя эти люди из «подвижного конного» («передового конного», или что-нибудь в этом роде) отряда.[29]

---

[27] Как показывает дальнейшая история древности и раннего средневековья, ядро такого объединения обладало мощными центростремительными способностями, и обычно давало этникон для всей орды. Возможно, это и есть наглядное действие модели «доминирования элиты», предложенной К. Ренфрю для геолингвистики. Ю. М. Лотман отмечает, что при столкновении двух систем часто происходит не подавление одной из них другой, а образование некоего третьего, принципиально нового. Причём, это новое явление очень часто присваивает себе наименование одной из столкнувшихся структур (Лотман 1992: 105)

[28] Парадоксально, но факт. Мы с таким рвением, иногда с заведомо безнадежным отчаянием, стремимся к тому, чтобы всякий раз отыскать археологическое соответствие той или иной народности, упоминаемой античными авторами (вплоть, до явно мифических), что к более или менее ясно и последовательно изложенным процессам смены населения, перемещений и локализации отдельных народов и племён, относимся уже заведомо настороженно.

[29] Подобный скепсис в отношении древневосточных текстов, конечно же, справедлив только в том случае, если придерживаться этимологии И. М. Дьяконова, или, во всяком случае, не счи-

Древневосточные тексты, в первую очередь были призваны (в нашем случае, разумеется) к этнокультурной дифференциации собирательных «умман-манда» на искомых «гимирри» и «ишкуза». Единство скифо-киммерийской материальной культуры VII в. до Р. Х. сводит информативность этих текстов к нулю. В самом деле, получается, что с точки зрения раннекочевнической археологии южнорусских степей, абсолютно неважно, кому, киммерийцам или скифам принадлежали захоронения номадов в Восточной Анатолии, коль скоро культура этих двух народов была к тому времени неразличима. Важно другое. Если эти тексты (=реальные современники) всё же отличали оба народа, то тогда действительно не остаётся ничего другого как, вслед за А. И. Иванчиком (2001: 18), считать этноним «киммерийцы», равно как и «скифы» — самоназванием.

Что касается «допоходного» периода, то здесь в нашем распоряжении имеются только археологические источники, которые пока не вполне годятся для решения проблем этнической идентификации. Однако, эти же источники предельно ясно говорят о том, что раннекочевнические древности черногоровско-новочеркасского горизонта появляются в Восточной Европе в конце X — IX вв. до Р. Х., а начиная от конца VIII века, уступают место раннескифским.

Очевидно, и то, что сложение этих культур всякий раз сопровождается появлением к западу от Волги комплекса конкретных вещей восточного (центральноазиатского) происхождения — более эффектного и менее репрезентативного в первом случае, и уже, быть может не столь яркого, но более представительного во втором.

Что же в таком случае, мешает нам предположить, что носителями этих двух, археологически близких (но не тождественных!) групп были два различных племенных объединения центральноазиатских кочевников, одно из которых («передовой конный отряд») проникло в восточноевропейские степи на 150—200 лет раньше другого. Следующий шаг, персонифицирующий каждое из этих объединений, вероятно уже очевиден и напрашивается сам собой.

Киммерийско-скифской эпохе в истории ранних кочевников Евразии, одновременно и повезло и нет. Везение, вроде бы, должно заключаться в том, что эта эпоха попала в поле зрения цивилизаций с устоявшейся письменной традицией. Однако, освещённым письменными источниками оказался лишь заключительный акт этой исторической драмы, когда оба народа действительно предстали как некая монолитная, или слабо различимая, масса. Процесс её образования оказался погребённым в бесписьменном мраке двух предыдущих столетий. Фактически мы балансируем на грани письменного и дописьменного периодов. В такой ситуации одна историческая дата (715/714 гг.) может оказаться и в ряду среднестатистических случайностей. И если мы на время забудем о ней, то увидим, что для IX-го и большей части VIII вв. мы располагаем одной (хотя бы и разнообразной) культурой ранних кочевников «черногоровско-новочеркасского» горизонта, а с VII в. до Р. Х. на обширном евразийском пространстве, включая и Переднюю Азию, перед нами предстаёт иная культура, которую мы уверенно называем «скифской». «Застрявшие» на пороге VIII—VII вв. киммерийцы наделяются этой второй культурой (VII в.), поскольку их уже знают письменные источники. Одновременно,

тать термин «киммерийцы» — самоназванием. Положительные и отрицательные особенности древневосточных текстов в этом отношении, довольно обстоятельно и взвешенно, как мне кажется, проанализированы С. Р. Тохтасьевым (Тохтасьев 1993: 92-95).

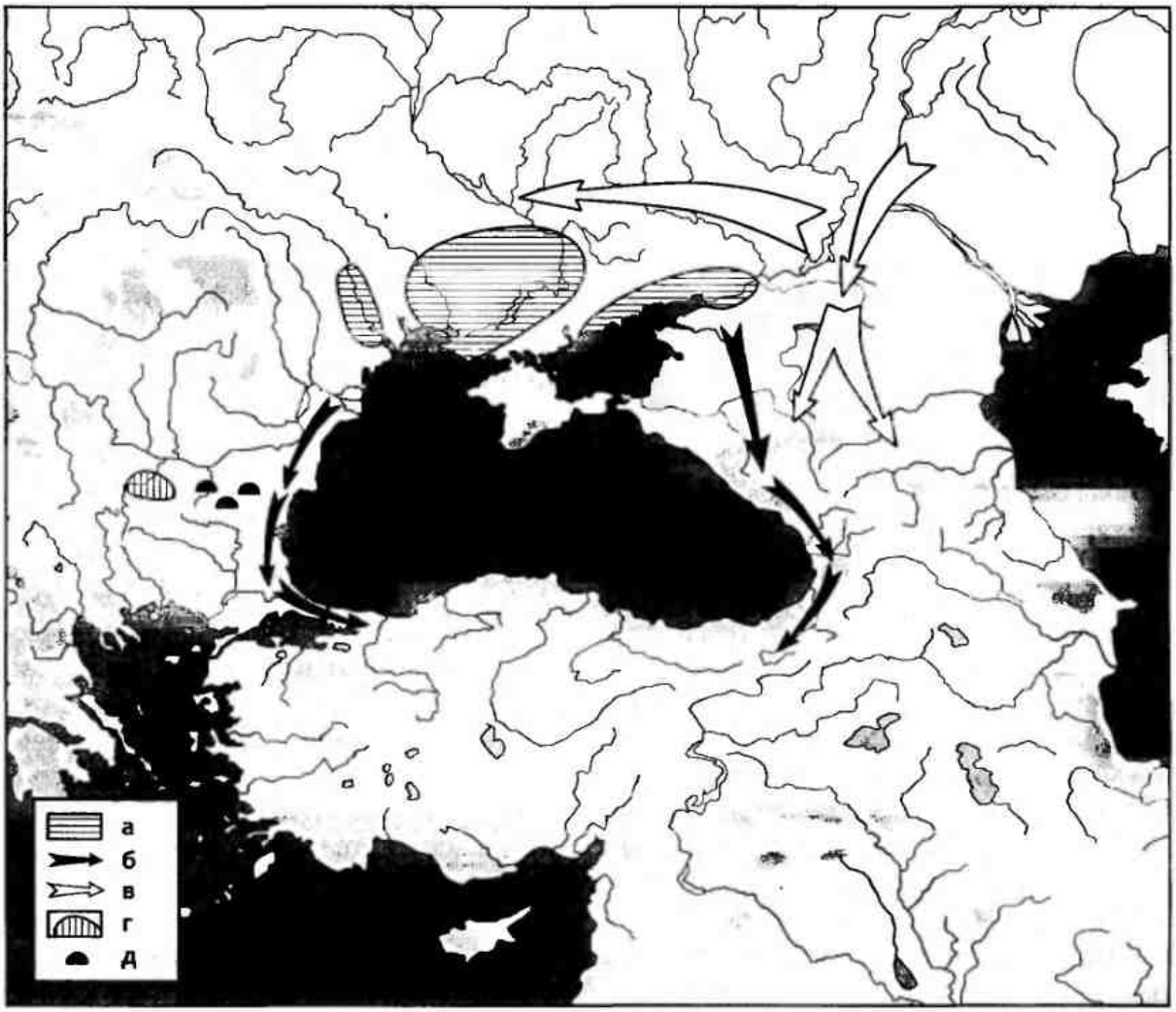


Рис. 22. **«Исход» киммерийцев из Северного Причерноморья (конец VIII — начало (первая пол.) VII вв. до Р. Х.)**
Migration routes of cimmerians from North Black Sea Region (end VIII- begin.(first half) VII cent.B.C.)

а — ареалы предскифских памятников (*Дубовская 1997*)
б — киммерийцы
в — скифы
г — область обитания треров в V в. до Р. Х. (по Фукидиду)
д — Енджа, Белоградец, Полско Косово

им отказано в принадлежности к первой культуре, поскольку те же источники безмолвствуют. И, наверное нет никакой надежды на то, что они когда-нибудь заговорят. Но, ведь из того, что некий феномен зафиксирован однажды, вовсе не следует, что он был таким всегда?

Неразрешимый, на сегодняшний день, историко-археологический дуализм киммерийско-скифской проблемы, оформился главным образом, в результате переноса сведений, содержащихся в аккадских текстах VII в. до Р. Х. на предшествующий культурно-хронологический горизонт, формирование которого к тому же, происходило далеко за пределами границ государств Древнего Востока. Как могла бы решаться эта проблема, не дойди до наших дней, ни один клинописный документ, содержащий сведения о *ранних кочевниках на Древнем Востоке?* Понятно, что в этом случае, мы вынужде-

ны были бы пользоваться данными археологии и более поздней античной традиции. Тогда:

1) Археологическая культура черногоровско-новочеркасского горизонта IX—VIII вв. (киммерийская) отличается от культуры ранних кочевников VII в. (раннескифской);

2) С представителями последней и были знакомы ассирийцы, урарты и пр.;

3) Как раз памятники этой культуры VII в. известны в настоящее время на Древнем Востоке.

Отсюда совершенно не следует, что анализ клинописных документов, упоминающих киммерийцев в VII в. до Р. Х., может решить проблему их археологической культуры IX—VIII вв., и уж тем более, как пишет А. И. Иванчик, установить район её достоверной локализации (Иванчик 1996: 15). Всё это может лишь означать, что на позднем этапе своего развития археологическая культура ранних кочевников черногоровско-новочеркасского горизонта (киммерийцев) трансформировалась, главным образом под воздействием внешнего фактора, в культуру ранних кочевников, которую принято называть раннескифской. При этом этноны на межплеменном уровне, внутри абсорбированной в некое целое орды номадов, сохранились.[30] Всё это и было, более или менее добросовестно отражено древневосточными канцеляриями. А историография проблемы, как уже отмечалось, чиновников этих департаментов, в отличие, кстати, от античных историков и географов, совершенно не интересовала.[31] Все эти документы отражают хотя и яркий, но достаточно краткий, и что самое главное — поздний эпизод в истории кочевников евразийских степей X—VII вв. до Р. Х.[32]

В этом отношении, любопытна своеобразная уступка (как я это понимаю), которую сделал А. И. Иванчик в адрес ревнителей идеи археологичности киммерийцев. Одним из выводов в его монографии 1996 г. является локализация исторических («переднеазиатских») киммерийцев в Табале, Киликии и Манне. Здесь, по мысли автора, и необходимо искать соответствующие археологические памятники. В перспективе, их можно будет сопоставить с предскифским горизонтом древностей Северного Причерноморья и Кавказа на предмет сходства, или отличия (Иванчик 1996: 161-163). Однако, в действительности это та же самая надежда на открытие предскифских (для Причерноморья) археологических памятников в Передней Азии. Надежда, с которой постепенно расстаются всё больше исследователей. Надежда, заведомо утопичная, поскольку такие памятники (буде они найдены) скорее всего будут соответствовать всё той же раннескифской культуре, а никак не черногоровско-новочеркасским древностям IX—VIII вв. до Р. Х. Между тем, как последние уже давно найдены и локализованы.

[30] Пока ещё никто не смог предложить четкой дифференциации археологической культуры ранних сарматов Северного Причерноморья по племенным наименованиям, которыми буквально пестрит античная традиция (аорсы, сираки, роксоланы, языги и пр.).

В раннесредневековой Англии по археологическим материалам также невозможно чётко разграничить области, которые в V—VI вв. занимали завоеватели-германцы (англы, юты и саксы). Причём, источники (Беда Достопочтенный) вполне уверенно локализуют место обитания каждой из этих трёх этнических групп.

[31] Об особенностях составления и содержания аккадских текстов см. [Иванчик 2001: 19]

[32] М. Н. Погребова, также считает, что киммерийцы в разное время обладали разной материальной культурой. Судя по отсылке в её статье, о чём-то подобном пишет и С. Л. Дударев, в своей, практически недоступной для прочтения монографии (Погребова 2001: 322)

Полстолетия назад А. А. Иессен писал: «В моём представлении киммерийцы *возглавляли* (курсив мой — *И.Б.*) первое крупное объединение племён, первый крупный союз на юге нашей страны после перехода ряда племён степных районов к кочевому хозяйству, а затем они, очевидно около рубежа VIII—VII вв. до н.э., частично были вытеснены из Северного Причерноморья пришельцами с востока, после чего и сложилось у нас на юге скифское объединение» (Иессен 1954: 130). Эта цитата вполне может служить эпиграфом к данному разделу, если мы примем одно существенное уточнение. *Пришельцами с востока были как скифы, так и киммерийцы.* Тогда совершенно ясно, что киммерийцы, появившиеся в южнорусских степях ещё в IX в., или даже в конце X в. до Р. Х., для греков, познакомившихся с этим регионом спустя 200 лет, конечно же, были автохтонным населением. Хотя, прямой контакт между ними действительно скорее всего мог произойти только в Малой Азии, поскольку мы уже выяснили, что кочевнические древности IX—VIII вв., а с ними и горизонт погребений с геометрической керамикой, исчезают в начале (первой половине) VII в. до Р. Х. И здесь, я совершенно согласен с С. Р. Тохтасьевым, который пишет: «Говоря о фиктивности античной традиции о киммерийцах в Северном Причерноморье, мы имеем ввиду лишь то, что она недостоверна в той мере, в которой представляет их здесь автохтонами» (Тохтасьев 1999: 17 [разрядка моя — *И.Б.*]).

Смею думать, что археологические источники позволяют проследить буквально последние годы причерноморского периода киммерийской истории. Оказалось, что эти источники в состоянии объяснить такое, казалось бы, неразрешимое, противоречие в рассказе Геродота, когда он пишет о киммерийцах, убегающих от скифов навстречу им же. Дело в том, что для позднейшей фазы черногоровско-новочеркасского (позднечерногоровского — по О. Р. Дубовской) горизонта, более или менее отчетливо, но определённо наблюдается концентрация степных памятников в двух областях Северного Причерноморья — северо-восточной и северо-западной (Дубовская 1997: 184, рис. 1; 201).

Первая, территориально ограничена с запада р. Молочной и включает в себя Северо-Восточное Приазовье и Нижний Дон. Вторая, которая, строго говоря, сама состоит из двух микроареалов (Рис. 22) — это степные области между Днепром и Южным Бугом, а также Нижнее Поднестровье.

«Навстречу» скифам, а фактически на юг от них, уходит население северо-восточной области. «Бегущие от скифов» киммерийцы северо-запада, действительно уходят в противоположную от направления вторжения сторону — на запад за Дунай и далее на Балканы (Рис. 22).[33] При таком развитии событий, киммерийцы Приазовья действительно могли иметь непосредственный контакт со скифами. Тогда как западные, покинули места оби-

[33] К двум, давно известным киммерийским комплексам Северо-Восточной Болгарии (Енджа и Белоградец), возможно, следует добавить ещё один, расположенный несколько западнее (Рис. 22). Совсем недавно в низовьях р. Янтра у с. Полско Косово было открыто интереснейшее подкурганное захоронение, которое, на мой взгляд, вряд ли стоит считать (вслед за автором публикации) бесспорным раннескифским комплексом (Stantchev 2000). Впрочем, видеть в нём столь же бесспорное погребение предскифского периода мешает находка здесь довольно длинного (62,5 см) биметаллического меча с рамочной рукояткой и перекрестием, форму которого по рисунку можно определить как «псевдо-» или «посткрестовидную» (Stantchev 2000: pl. I/1). Возможно, погребение у с. Полско Косово следует поместить в группу т. н. «переходных» или «смешанных» комплексов периода РСК–I, известных для Северного Кавказа. Несомненно, однако, что хронологически это захоронение вполне сопоставимо с памятниками Енджа и Белоградец.

тания ввиду лишь потенциальной угрозы со стороны новой волны восточных номадов. Причем, о степени этой угрозы, её формах, они, вероятно, также имели представление.

Реконструируя дальнейшую судьбу западных киммерийцев, можно предположить, что именно они, двигаясь по восточной части Балканского полуострова, могли где-то по дороге поднять с насиженных мест и увлечь за собой треров — пожалуй, самый загадочный персонаж западномалоазийской эпопеи VII в. до Р. Х. Как бы скептически ни относится к этой гипотезе (Тохтасьев 1993: 90), однако, появление фракийских племен, к которым принадлежали треры, в Малой Азии очевидно также, как и то, что проникли они сюда из районов лежавших по ту сторону Боспора Фракийского, т.е. из Фракии.[34] Необходимо лишь выяснить, чем была вызвана эта кратковременная вспышка воинственности у народа, о котором мы ничего не знаем до VII века, и почти ничего (Thuk.II., 96) после.

2.2. Азиатские корни евразийской проблемы

ВЕРОЯТНО, многие из проблем становления культуры ранних кочевников в Восточной Европе, непосредственно связаны с похожими проблемами, существующими в ареале соответствующих памятников первичного (азиатского) очага номадизма. Одной из основных таких проблем нужно считать неудовлетворительное состояние хроноиндикаторов материальной культуры ранних кочевников Центральной Азии. До тех пор, пока не будет создана независимая система фиксации («привязок») этих хроноиндикаторов, определённый произвол при датировании наиболее раннего горизонта соответствующих восточноевропейских памятников, неизбежен. Все имеющиеся в нашем распоряжении хронологические схемы, которыми мы пользуемся на сегодняшний день (древневосточная, центральноевропейская, античная) всегда будут фиксировать лишь *t. a. quem* наиболее раннего периода становления евразийского номадизма.[35]

Сейчас, хронология европейских памятников, бесспорно, древнее типологически близких комплексов Алтая, Тувы, Казахстана и Средней Азии, за исключением, пожалуй, Аржана. Но и он уже оказывается младше тех, даже среднеевропейских комплексов, которые содержат вещи, генетически восходящие к нему же! Совершенно ненормальным надо признать положение, при котором комплекс, имеющий три очень «кучно» лежащие вокруг 800 г. до Р. Х. даты по C^{14}, которые определяют для сложения этого комплекса всего лишь *t. a. quem*, настойчиво продолжают помещать в VIII, или даже VII вв. до Р. Х. Наиболее яркие примеры этой странной «методической» установки содержатся в многочисленных работах Н. Л. Членовой, в которых хронология раннекочевнических памятников Центральной Азии представлена в предельно коротком, с позволения сказать — почти «библейском»

[34] Согласно Л. А. Гиндину и В. Л. Цымбурскому, переселение треров — предпоследняя волна фракийской экспансии с Балкан на территорию Малой Азии (Гиндин, Цымбурский 1996: 187).

[35] Это неизбежно даже в том случае, если мы согласимся, что это становление в Восточной Европе происходило исключительно на местной основе, без какого-бы то ни было структурообразующего воздействия извне.

виде (см.напр. [Членова 1997: 4, 23]).[36]

Удревнение ступени HaB_2—HaB_3 гальштатской хронологической схемы, а, вместе с ней и раннекочевнических древностей присутствующих в ареале культуры Урненфельд, при сохранении даты памятников аржанского круга, с точки зрения сугубых логиков западноевропейской школы фактически разворачивает вектор миграции в эпоху ранних кочевников на 180º (см.главу 4).

С другой стороны, попытки значительного понижения даты Аржана на основе калиброванных радиоуглеродных значений до начала IX-го или даже конца X в. до Р. Х. (Chochorowski 1993: 202; Клочко, Ковалюх, Мотзенбекер 1998: 97), обозначили, просто-таки катастрофическое положение дел в хронологии казахстанских и среднеазиатских памятников. К примеру, пока раннесакские могильники Приаралья (Уйгарак и Южный Тагискен), содержащие, в том числе и материалы IX—VIII вв. (Рис.24) будут датироваться VII—VI вв. до Р. Х. на основании экстраполированных дат центрально- и восточноевропейских комплексов, решение целого круга вопросов, в том числе и о роли автохтонного и миграционного факторов в сложении культуры ранних кочевников Восточной Европы, будет во многом зависеть от априорных умозаключений.[37]

В сложившейся ситуации возникают проблемы при построении хронологически-последовательной цепочки, которой часто пользуются для локализации первичного (первичных) ареалов какого-либо типа вещей, поскольку, более «длинная» европейская схема будет иметь заведомый приоритет перед азиатской. В качестве небольшой иллюстрации к сказанному, приведу случай, который произошел со стержневидными трёхпетельчатыми бронзовыми псалиями.

Возьмём три области находок таких вещей, достаточно равномерно удаленных друг от друга: Уйгарак (кург. 66) в Приаралье, Клин-Яр–III на Северном Кавказе и Чакберень, Бихаругра в Средней Европе. Я. Хохоровски, опираясь на среднеевропейскую хронологическую схему, датирует эти псалии концом IX—VIII вв. до Р. Х. (Chochorowski 1993: 66—67). В. Р. Эрлих, при датировке своей I хронологической группы уздечных наборов из Закубанья, в которую включены такие псалии, также использует европейскую схему, в данном случае клад из Прюдь.[38] На этом основании датировку I группы, а с ней и отмеченных псалиев, он предлагает углубить в IX век (Эрлих 1991: 39).

Согласно общепринятым датировкам раннесакских памятников низовьев Сыр-Дарьи, курган №66 из Уйгарака в этой це-

[36] В одной из работ Я. А. Шер дал краткую, но, по-моему, весьма точную оценку фактического содержания обширного литературного наследия Н. Л. Членовой по данной проблеме (Шер 2002).

Фактическим единомышленником Н. Л. Членовой, но уже в европейском ареале раннескифских памятников выступает Т. М. Кузнецова (см. напр. [Кузнецова 1994: 7]). Её мнение, высказанное в последней, фундаментальной работе о том, что раннескифская археологическая культура: «...пока не доказана» (sic!) способно вызывать смешанную гамму эмоций (Кузнецова 2002: 62).

[37] Столь же удручающим выглядит и разброс мнений по поводу датировок некоторых других азиатских комплексов интересующего нас периода: клад из Биже в Семиречье — вторая пол. VIII — нач. VII вв. (Акишев, Акишев 1978: 58—59), или не ранее середины VII вв. (Шульга 1998: 33); могильник Измайловка в Прииртышье — IX—VII вв. (Ермолаева 1987: 94), вторая пол.VIII —VII вв. (Горбунова 2001: 192-193) или только VII в. (Марсадолов 1998: 14, рис. 1); алтайские комплексы Курту и Усть-Куюм — IX—VIII (Сорокин 1966: 47) и VIII—VII вв. до Р. Х. (Шульга 1998: 49) и т.д.

[38] Впоследствие, как мы уже знаем, этот же клад был передатирован В. Р. Эрлихом и помещен в конец VIII в. до Р. Х. (см.выше).

почке оказывается самым поздним. Возможно поэтому, объясняя присутствие здесь такого, весьма архаичного псалия С. В. Махортых приходит к выводу о том, что распространение этого типа упряжи (а заодно и ещё некоторых типов вещей) шло из Восточной или даже Средней Европы в области к востоку от Каспийского моря, в частности, в Приаралье (Махортых 1994а: 124).[39]

Конечно, коль скоро выше уже шла речь о взаимных контактах населения Средней и Восточной Европы в предскифское время, и довольно свободном прохождении культурных импульсов с востока на запад и обратно, то такую возможность, совершенно исключать нельзя. Однако давайте будем логичными в подобных построениях до конца, и если раннекочевнические древности северокавказских и причерноморских степей можно удревнять на основе экстраполированных датировок среднеевропейских комплексов, то почему бы к этой процедуре не подключить и азиатские области?[40] Может быть, какую-то роль в этом играет некая подсознательная боязнь того, что какие-нибудь из доскифских хроноиндикаторов азиатского происхождения могут выйти за рамки привычного I тыс. до Р. Х.?

Проблему, однако, необходимо решать, тем более, что в одной из недавних своих работ С. В. Махортых приводит уже перечень типов вещей восточноевропейского, по его мнению, происхождения, которые оказались в скифо-сакских комплексах к востоку и северо-востоку от Каспия. Это двукольчатые удила, крестовидные обоймы (бляхи), новочеркасские наконечники стрел (Гумарово) и упоминавшиеся уже стержневидные псалии (Махортых 1994: 68).[41]

Образцово-запутанным, прежде всего, с точки зрения формальной логики, представляется ход рассуждений в одной из недавних работ, посвящённых главным образом генезису и типо-хронологии ременных восьмёркообразных костяных и бронзовых бляшек предскифского периода (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996). Авторы считают областью формирования раннечерногоровских памятников — Волго-Донецкий регион.[42] Они полагают, что именно отсюда: «...уже в это время (раннечерногоровское — *И.Б.*) началось распространение черногоровской культуры на юг (северокавказские памятники), на запад (бляшки лесостепных поселений и центральноевропейский комплекс), а несколько позднее, и на восток (Аржан)» (Вальчак и др. 1996: 42). Парадокс в том,

[39] Этот частный случай имеет массу параллелей. Так, весьма показательным можно считать то недоумение, которое в своё время высказывал Е. И. Крупнов по поводу начала широкого распространения литых котлов минусинского типа в Западной Сибири — сер. I тыс.до Р. Х. Хотя, комплекс со склона горы Бештау, содержавший такой котел, уже тогда казался не моложе VIII—VII вв. до Р. Х. (Крупнов 1960: 348-349).

[40] В. Ю. Мурзин уже обращал внимание на обратный, или «отражённый» принцип датирования раннекочевнических древностей Восточной Евразии, в результате чего, завышаются датировки памятников аржанского круга (Мурзин 1990: 25). О том, что памятники скифской культуры в Причерноморье могут определять «*terminus ante quem*» для восточных древностей этого же круга, пишет и А. Ю. Алексеев (Алексеев 2000: 353).

[41] Аналогии крестообразным трубочкам (пронизям, бляхам) для перекрестия ремней, при желании, можно увидеть среди китайских древностей эпохи Шань-Инь и Западнго Чжоу, в частности, в Аньяне (Членова 1972: 132, табл. 60 (нижняя половина/26). В этой связи, ещё раз позволю себе критику в адрес упоминавшейся уже работы Т. Кеменцеи, в которой он неоправданно завышает датировку Мошанецкого клада из Прикарпатья, на основании наличия в его составе подобной крестообразной пронизи (Kemenczei 1996: 267, 269). Другие вещи клада прекрасным образом укладываются в рамки существования черногоровских и позднечернолесских древностей (Смирнова, Войнаровский 1994: 140).

[42] В этом они солидарны с В. В. Отрощенко (Отрощенко 1994: 114).

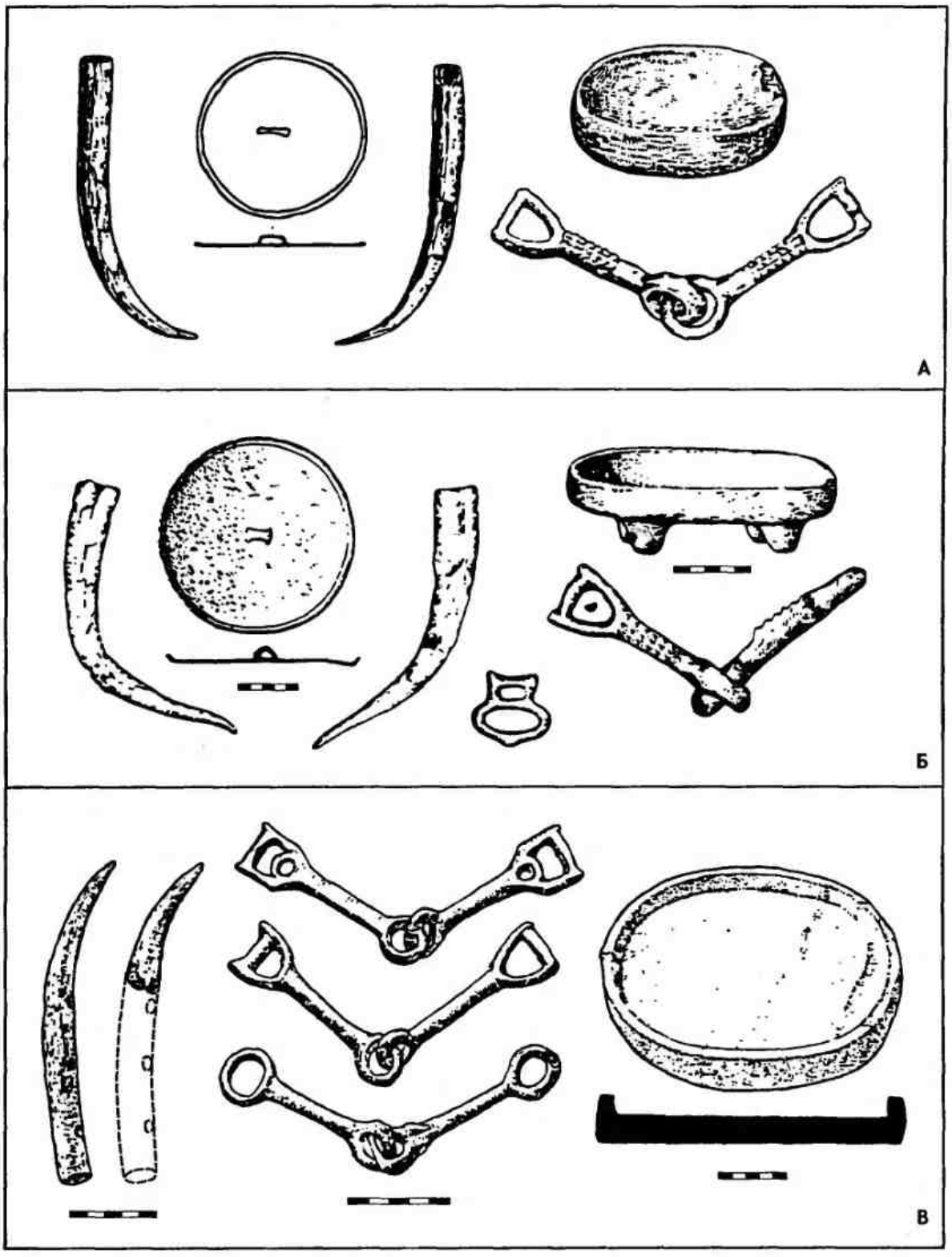


Рис. 23. **Раннекочевнические комплексы Казахстана и Средней Азии**

Early nomadic complexes from Kazakhstan and Middle Asia

А — Южный Тагискен (кург. 45)

Б — Уйгарак (кург. 47)

В — Тасмола V (кург. 2)

Таблица составлена по следующим публикациям: *Итина, Яблонский 1997; Вишневская 1973; Маргулан. и др., 1966.*

что костяные бляшки аржанского типа (камера 26б), по мнению авторов: «...являются прототипами бронзовых экземпляров развитого (классического) черногоровского этапа» (Вальчак и др. 1996: 32). Но, тогда спрашивается, к какой же из фаз черногоровской культуры следует относить Аржан, если указанные костяные бляшки попали в Туву несколько позднее раннечерногоровской ступени и одновременно послужили прототипами для бронзовых реплик второй (классической) черногоровской ступени евразийских степей?[43]

В Китае давно известны вещи, которые имеют более или менее точные соответствия в комплексах раннескифской культуры. С одной стороны, этот факт, наверное, не стоит абсолютизировать и рассматривать как показатель первичности появления этих вещей именно в Северо-Восточном Китае. Но, с другой — учитывая датировку целого ряда китайских комплексов периодом Западного Чжоу или даже иньским временем, вряд ли кто-то будет настаивать на том, что к распространению таких предметов в «Поднебесной» причастно именно население восточноевропейских степей периода РСК. Абсурдность такой, виртуальной гипотезы, неплохо иллюстрирует ряд погребений из района Внутренней Монголии и Северного Синьцзяна (могильники Наньшаньгэнь, Кээрмуци). В этих захоронениях, среди прочего были найдены бронзовые дисковидные зеркала с центральной ручкой. Сами же погребения относятся к завершающей фазе периода Западного Чжоу и рубежу Западного Чжоу/Чуньцю, что в абсолютных датах приходится на вторую пол. IX — первую пол. VIII вв. до Р. Х. (Варенов 1999: 30).

Принцип «обратной» или «ретроградной» хронологии, способен вызвать некоторые недоумения и при попытке выстроить последовательную, с востока на запад, линию распространения оленных камей. Публикуя «киммерийскую» стелу из Целинного, В. Н. Корпусова и В. П. Белозор, с учётом кинжала карасукского типа с кольцевидным навершием, изображённого на стеле, предложили датировали скульптуру IX в. до Р. Х. (Корпусова, Белозор 1980: 241). Д. Г. Савинов полагает, что все оленные камни западного ареала должны датироваться временем не ранее середины или даже конца VIII в. до Р. Х. (Савинов 1994: 114, 164). При этом, говоря о самом кинжале с джанкойской стелы, он отмечает, что его реальные прототипы известны не только в карасукское, но и в переходное, карасук-тагарское время (Савинов 1994: 112). Тем самым, подразумевается, что датировать стелу из Целинного по изображённому на ней кинжалу можно и VIII в. (в т.ч. второй его половиной) и даже VII в. до Р. Х. Хотя, Д. Г. Савинов согласен с тем, что данное изваяние — наиболее раннее в ряду стел западного ареала (Савинов 1994: 164). Вполне осознавая расплывчатость абсолютных дат для карасукских, тагарских и синхронных им древностей, всё же замечу, что сейчас активно обсуждается перенос нижней даты тагарской культуры в начало VIII в. Соответственно вниз, по хронологической шкале могут быть сдвинуты и смешанные, карасук-тагарские древности. И даже, если эти корректировки пока и не являются общепринятыми, всё равно непонятно, почему на стеле из Целинного непременно должен был быть изображён один из самых поздних кинжалов подобного типа (Рис. 17/Б).

Положение осложняется ещё и тем, что какие-то из общеевразийских хроноиндикаторов культуры ранних кочевни-

[43] А вообще, после публикации материалов кургана 17 могильника Баданка–IV (Боковенко 1995: 89, рис. 4), таблица европейских «позднебронзовых прототипов» костяным бляшкам предскифского времени которую мы находим в работе указанных авторов (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: рис. 6), выглядит совершенно неубедительно.

ков, в азиатских районах находились в употреблении значительно дольше, чем в Европе (например, бронзовые однокольчатые удила, чеканы-клевцы, дисковидные зеркала с центральной ручкой и др. [Новгородова 1989: 190; Кубарев 1991: табл. XI, LXIV, LXVIII; Пшеницына 1997: 33—37]). Но, вместе с тем, те из них, чьё азиатское происхождение считается практически доказанным, при прочих равных условиях могут определять и более низкую, по сравнению с европейскими, дату здешних комплексов.[44]

Пока что, исходя лишь из этой посылки, мы можем говорить об общем понижении датировки, в данном случае раннесакского горизонта. Об этом, впрочем, речь идёт уже достаточно давно и, надо полагать, сейчас VIII век в качестве нижней даты этого горизонта вызывает всё меньше сомнений (Кадырбаев 1966: 81; Акишев, Акишев 1978: 62; Грязнов 1980: 61; 1983: 16; Курочкин 1993: 24).[45]

Между тем, ни Аржан, являясь, безусловно, одним из наиболее ярких опорных памятников начального этапа истории ранних кочевников Евразии, ни упомянутые раннесакские курганы Приаралья, в этом своём качестве в азиатских степях отнюдь не одиноки. Так, уже давно стал достоянием науки комплекс конского захоронения могильника Курту–II с роговыми псалиями «черногоровского» типа (Рис. 27/1—2). Его датировка IX—VIII вв. до Р. Х., предложенная С.С.Сорокиным в 60-е гг. (Сорокин 1966: 47) и выглядевшая тогда скорее экстравагантно, нежели обоснованно, сейчас кажется абсолютно приемлемой. Л. С. Марсадолов, датируя Аржан 808 г. до Р. Х., полагает, что псалии из Курту–II близки по времени (Марсадолов 1998: 5, 7).

Элементы такой же, доскифской (в европейском понимании) упряжи найдены в конском захоронении могильника Куюм (Усть-Куюм), а также в могильнике Семисарт–I (Рис. 27/3—5). Все эти алтайские памятники фактически уже были синхронизированы М. П. Грязновым с аржанским этапом (Грязнов 1980: 61). Однако, сейчас речь идёт уже о доаржанском (IX в. или даже X—IX вв. до Р. Х.) пласте раннекочевнических древностей Саяно-Алтая и Казахстана (Боковенко 1992: 137; 1995: 85-90; Bokovenko 1996: 107-108; Кирюшин, Тишкин 1997: 21, 112).

В свою очередь, для наиболее ранних кочевнических комплексов Восточного Казахстана (зевакинско-чиликтинский этап) на основе синхронных памятников Алтая типа Курту–II, в качестве нижней даты предложен VIII в. до Р. Х. (Арсланова 1974: 60; Грязнов 1978: 17). Сейчас не исключается возможность удревнения этой даты до IX в. (Боковенко, Заднепровский 1992: 142). Второй половиной — концом VIII в. предлагает датировать V Чиликтинский курган Р. Б. Исмагилов. В данном случае, весьма примечательно мнение Р. Б. Исмагилова по-поводу относительной даты Чиликты V. Он полагает, что Чиликту и Аржан вряд ли раз-

[44] Так, к примеру, среди причерноморских древностей довольно необычно выглядел бы комплекс кургана №45 Тагискенского могильника. Здесь вместе с дисковидным бронзовым зеркалом и каменным блюдом-жертвенником, характерными для РСК–2—3, были найдены бронзовые стремявидные удила и роговые трехдырчатые псалии (Рис. 23/А). Практически аналогичное сочетание отмечено и в кургане №47 могильника Уйгарак (Рис. 23/Б). Три типа бронзовых удил (однокольчатые, стремявидные и стремявидные с дополнительными отверстиями) найдены в кургане 2 Тасмола V (Центральный Казахстан) вместе с роговыми псалиями и каменным блюдом (Рис. 23/В).

[45] Г. Коссак, особо подчеркивая аржанские прототипы удил с двойными внешними отверстиями, предложил датировать начало сооружения курганов в Уйгараке и Тагискене рубежом IX/VIII вв. до Р. Х. (Kossack 1987: 67). На сегодняшний день, даже учитывая некалиброванные датировки Аржана, это кажется достаточно вероятным.

Рис. 24. Хроноиндикаторы IX — VIII вв. до Р. Х. из раннесакских комплексов Приаралья

Chronological indicatores of IX—VIII cent.B.C. from early Saka's graves in the Aral-Sea Region

1, 4–5 — Уйгарак (кург.33); *2–3* — Уйгарак (кург.66); *6* — Уйгарак (кург.70); *7* — Уйгарак (кург.83); *12* — Уйгарак (кург. 39); *8–9* — Тагискен (кург. 40); *10–11* — Тагискен (кург. 55).

Таблица составлена по следующим публикациям: *Вишневская 1973; Итина, Яблонский 1977.*

деляет слишком большой промежуток времени (Исмагилов 1988: 43).[46]

Ещё в середине 60-х гг. М. К. Кадырбаев, предлагая понизить начальную дату раннесакского горизонта (в частности, Карамурун и Уйгарак) до середины VIII в. до Р. Х., имел ввиду хронологическую лакуну между памятниками бегазы-дандыбаевского этапа поздней бронзы (предсакский период) и раннесакским горизонтом в Казахстане. Последний, имея в качестве хронологического репера Чиликту V, датировался в то время рубежом VII/VI вв. и таким образом, существовал необъяснимый хронологический разрыв примерно в 100 лет (Кадырбаев 1966: 81).

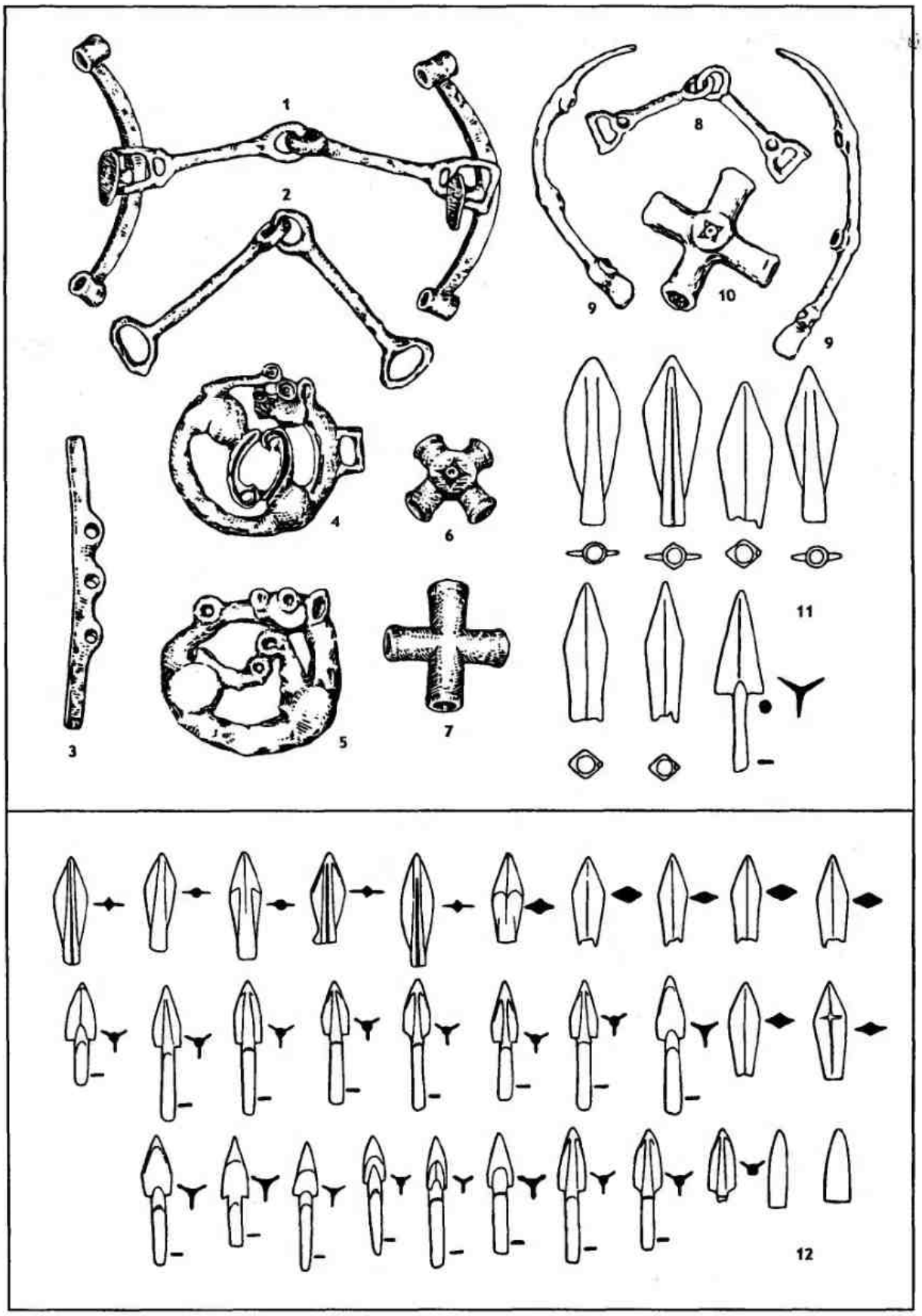
В Центральном Казахстане VIII—VII вв. датируется I этап тасмолинской культуры, равно как и её североказахстанский, улубаевско-тасмолинский вариант (Хабдулина 1994: 79).

Далее к югу, можно назвать такие, давно известные кочевнические комплексы Памира как кург. 10 могильника Памирская (Тамды) и кург. 4 могильника Айдынкуль. Они вряд ли датируются позднее VIII в. до Р. Х.

В первом из них был найден довольно разнообразный инвентарь, среди которого отметим вещи, определяющие нижнюю и верхнюю хронологические рамки комплекса. *T. a. quem* дают, по-видимому, два железных акинака, тогда как *t. p. quem* — бронзовые стремявидные удила с дополнительными отверстиями, близкие одному из экземпляров аржанской коллекции, а также пара бронзовых трёхпетельчатых псалиев с фигурнолитыми, прямыми стержнями (Рис. 25/16—17). Последние, можно считать типологически близкими, хотя и не тождественными, упоминавшимся уже стержневидным трёхпетельчатым (Уйгарак 66 и др.). В образовавшемся интервале помещается бронзовое уздечное кольцо с прорезной обоймой (иначе — подпружная бляха [Рис. 25/15]). Аналогии этим предметам, несомненно, азиатского происхождения, весьма многочисленные в раннесакских курганах Приаралья (Уйгарак №№12, 16, 26, 38, 60, 70; Тагискен №№23, 36, 44, 65 [Вишневская 1973: табл. I/4—5, II/8, V/10—11, VIII/8—9, XVII/5—6, XVIII/35—36; Итина, Яблонский 1997: рис. 6/1—2, 17/11—12, 27/1,3, 62/7—8]), синхронных памятниках Алтая (Грязнов 1947: 11, рис.4/6, 9; Руденко 1960: 12, табл. XIX/7—8), Семиречья (Максимова 1960: 61, рис. 11/13—14), Восточного и Центрального Казахстана (Вишневская 1973: табл. 52/62—64; Боковенко, Заднепровский 1992: табл. 56/13). Есть такие вещи и в предскифских комплексах Северного Кавказа — Бештау, Хаджох (Козенкова 1995: табл. XXVIII/22; Сазонов 1997: рис. 14/13).

Колчанные наборы обоих памирских комплексов считаются в целом синхрон-

[46] О хронологической близости (или даже синхронности) Аржана и Чиликтинского кургана V говорит и Н. Л. Членова (1997: 32). Однако, для неё это служит аргументом для омоложения Аржана, а не для удревнения Чиликты. Исследовательница, похоже, окончательно запуталась в своих хронологических построениях. Иначе трудно объяснить каким образом, согласно Н. Л. Членовой, можно одновременно датировать тагарские комплексы через памятники Северного Причерноморья, а предскифские комплексы Причерноморья — через Аржан. В последнем случае, речь идёт о киммерийской стеле из Целинного–Джанкоя (Членова 1997: 23, 33-34).


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

ными, хотя и отличаются типологически (Рис. 25/1—12; 26/II). Черешковые двух- и трёхлопастные наконечники Памирской I имеют аналогии в ранних комплексах Уйгарака (кург. 84). И. Н. Медведская, фактически синхронизировала все три упомянутые только что памятника, добавив к ним ещё колчанные наборы курганов №39 в Уйгараке и №32 в Тагискене. При этом, она полагала, что комплекс Айдын-куль в этой группе наиболее ранний.[47] VIII—VII вв. до Р. Х. — такова в целом, предложенная И. Н. Медведской датировка этих памятников (Медведская 1972: 89). Точно также датировал десятый курган Памирской I и М. П. Грязнов, синхронизировавший этот комплекс с выделенной им аржано-черногоровской фазой (Грязнов 1983: 8).

В колчанном наборе из Памирской I, обращают на себя внимание 2 довольно архаичных втульчатых наконечника стрел с двумя заострёнными лопастями (Рис. 25/11—12). Хрононесущим признаком таких наконечников в азиатских комплексах, согласно И. Н. Медведской, является втулка (нервюра), идущая через всё перо (Медведская 1972: 84). Этот тип стрел, фактически восходит ещё к эпохе бронзы, а к VII в. постепенно сменяется наконечниками с утяжелённой головкой (Медведская 1972: 89).

Более точные сведения о нижней границе бытования двухлопастных наконечников со втулкой через всё перо, можно получить через такие стратифицированные среднеазиатские комплексы как например Яз-депе (горизонт Яз–I). В верхних слоях этого горизонта были обнаружены ранние двухлопастные наконечники со сплошной втулкой-нервюрой и лавролистной головкой (Массон 1959: 200, табл. XXXIII/5, 9—10). В 1959 г. В. М. Массон предложил датировать Яз–I — 900—650 гг. до Р. Х., оговорив при этом, возможность его удревнения до самого конца II тысячелетия (Массон 1959: 49, 120; 1966: 182).[48] Следовательно, примерный *t. p. quem* рассматриваемых наконечников — рубеж II/I тыс. до Р. Х. (Медведская 1972: 84) — фактически, остается в силе. Однако, верхние слои Яз–I, это видимо всё же, не ранее VIII в. до Р. Х.[49] Наконечники типа Памирской I представляют собой несколько более архаичный тип, по сравнению с ранними втульчатыми наконечниками типа Яз–I, именно за счёт заострённых лопастей.

Не углубляясь в обсуждение вопроса об истоках европейской линии развития таких наконечников, отмечу лишь, что в восточноевропейских степях этот тип встречается не часто и исключительно в доскифских комплексах. Наиболее близкие аналогии встречены в погребении у с. Холмское в южной части Бессарабии, и в могильнике Анапский I в Прикубанье (Рис. 29). Оба погребения, авторы публикаций относят к новочеркасскому этапу (в полном соответствии с вытянутым положением костяка и его западной ориентировкой), а наконечники стрел — к черногоровским по типологии А.И.Тереножкина (Черняков, Новицкий 1987: 156—157; Шарафутдинова, Дубовская 1987: 29—30).[50] Несколько отличается

[47] В Айдын-куле наконечники стрел присутствовали в составе инвентаря в несколько необычном качестве. Они были составными частями сложного амулета-подвески («брелока» [Литвинский 1972: 93, табл. 33]), что в принципе, может быть показателем их более длительного употребления по сравнению с аналогичными, боевыми экземплярами.

[48] Что сейчас, судя по последним данным, и происходит (см. напр. [Francfort 2001: 221]).

[49] Хотя, опять-таки, если пользоваться новыми калиброванными датами, то получается, что Яз–I вообще находится только в пределах II тыс. и не выходит в I тыс.до Р. Х. (Baratov 2001: 165–166, 177).

[50] Впрочем, В. И. Клочко считает наконечник из Холмского, а с ним вероятно, и весь комплекс, принадлежащим сабатиновской культуре (Klochko 1993: 42). Точка зрения авторов раскопок,

от описанных бронзовый наконечник из кургана у хут. Верхнеподпольный (левобережье Дона, вблизи впадения р. Маныч). Втулка-нервюра у этого экземпляра немного не доходит до острия наконечника. Донской комплекс содержал также вытянутое захоронение с юго-западной ориентировкой. Помимо бронзового наконечника, тут находился ещё один, железный (не сохранился), деревянный сосуд и каменный ладьевидный топор (Тереножкин 1976: 37—38, рис. 10/11—13). Похож на перечисленные, наконечник с несколько более архаичными, подтреугольными лопастями из Муштского клада конца II тыс. до Р. Х. (Рис. 29). Этот экземпляр В. И. Козенкова синхронизировала с белозерским этапом степной бронзы (Козенкова 1995: 10).

Завершая выборочный обзор наиболее ранних кочевнических древностей в азиатской горно-степной зоне, стоит упомянуть колчанный набор из кургана 5ж могильника Карамурун, а также весьма архаичный и репрезентативный комплекс из кургана 2 могильника Тасмола V в Центральном Казахстане (Маргулан и др. 1966: 322—326, 377, рис. 14/1; 15/5—7; 19/1—4; 58). Типы наконечников из Карамуруна во многом сходны с рассмотренными выше (Рис. 26/I). И. Н. Медведская, однако, полагает, что этот комплекс, быть может, самый поздний в группе раннекочевнических древностей Казахстана, Памира и Приаралья (Медведская 1972: 86).Черешковым наконечникам из кургана 5ж могильника Карамурун недавно было найдено весьма точное соответствие в подкурганном захоронении у пос. Шидерты (Экибастузский р-н), где помимо стрел (Рис. 26/III) был найден бронзовый нож т. н. карасук-тагарского типа (с «аркой на кронштейне»; Рис. 21/12). Авторы публикации полагают, что данный комплекс можно отнести к ранней фазе тасмолинской культуры (периоду её формирования) и датируют его VIII—VII вв. (Пересветов, Куропятникова 2002: 130). Хронологически, к этой же группе древностей следует отнести и коллекцию наконечников стрел из поселения Куюсай–2 в Северной Туркмении (Левобережный Хорезм [Вайнберг 1979: табл. XII]). Являясь, по сути, подъёмным материалом, эта коллекция в типологическом отношении находит соответствия в колчанном наборе из кургана №39 могильника Уйгарак (Рис. 24/12). О хронологической позиции последнего, мы говорили несколько ранее.

Наверное, данный перечень можно было бы продолжить за счёт памятников Майэмирской степи (курганы, раскопанные А. В. Адриановым), Северного Казахстана (Грязнов 1947, 1956; Руденко 1960: 10—12), Семиречья (кург. 12 могильника Джувантобе, клад из Биже [Максимова 1960; Акишев, Акишев 1978]),[51] Центрального Казахстана (могильник Ак–Мустафар [Курманкулов 1989]), Киргизии (могильник Кичи-Ача [Табалдиев 1996]). Проблема, однако, заключается в другом — в надежной увязке «плавающего» пока что, блока азиатских раннекочевничес-

предложивших для данного погребения позднейшую предскифскую позицию в колонке причерноморских древностей, кажется более правдоподобной.

Любопытна следующая деталь, объединяющая бессарабский и прикубанский комплексы. В обоих случаях, похоже, что наконечники стрел оказались в составе инвентаря непреднамеренно. В Анапском I стрела застряла в бедренной кости левой ноги погребённого, а в Холмском — находилась в области грудной клетки, послужив, быть может, причиной смерти.

[51] Клад из Биже, К. А. и А. К. Акишевы датировали второй пол.VIII — нач. VII вв. до Р. Х. По их мнению, он связывает памятники раннесакского времени, имеющие признаки карасукской культуры (Уйгарак, Тагискен) с культурой саков Семиречья (Акишев, Акишев 1978: 38 и сл.). Впрочем, как уже отмечалось, по поводу датировки этого клада существуют значительные расхождения.

ких древностей с абсолютной хронологической шкалой. При этом, по-прежнему актуальна посылка Г. Коссака, высказанная им полвека назад. Вещи раннекочевнического облика в среднеевропейском археологическом контексте *не могут* датироваться временем более ранним, чем их эталонные наборы в южнорусских степях, добавлю, а тем более, на востоке евразийского пояса степей.[52] И, даже, если вслед за М. П. Грязновым полагать, что культура ранних кочевников сложилась в евразийских степях практически одновременно или, что кажется более точным — типологически близкие раннекочевнические комплексы к востоку и к западу от Каспия вряд ли разделяет слишком большой промежуток времени, — то в Средней Европе элементы этой культуры появились наверняка позднее. А это означает, что время появления их там — вторая пол. IX в. до Р. Х. — будет определять *t. a. quem* становления аржано-черногоровской фазы в тех самых 10 горно-степных провинциях Евразии, которые были в своё время обозначены М. П. Грязновым благодаря исключительной археологической наглядности найденных в них комплексов культуры ранних кочевников: *1.* Северное Причерноморье. *2.* Северный Кавказ и Предкавказье. *3.* Приаралье. *4.* Центральный и часть Северного Казахстана. *5.* степные области к западу и северу от Алтая. *6.* Алтай. *7.* Минусинская котловина. *8.* Тува. *9.* Монголия. *10.* возможно, Ордос (Грязнов 1983: 3 и сл.).[53]

Вариантов построения независимой хронологической схемы для азиатских памятников может быть, как минимум два. Один из них — через хронологию древних цивилизаций Востока, обладавших письменной традицией, в первую очередь древнекитайскую периода Западного Чжоу (1027—771 гг. до Р. Х.). О том, можно ли это осуществить в принципе, и какова будет разрешающая способность построенной таким образом схемы, я не могу судить. Поскольку, этого не произошло до сих пор, то вероятно, на этом пути существуют слишком большие проблемы, которые, по-видимому, связаны со спецификой письменной традиции. Хотя, если судить по некоторым работам Д. Г. Савинова, может быть, эти проблемы и не столь уж неразрешимы. Так, Д. Г. Савинов полагает, что появление раннескифской культуры в Центральной Азии (Алтай и Тува) и падение династии Западное Чжоу — события взаимосвязанные. Известно, что эта династия пала око-

[52] Недавно, С. Б. Вальчак., В. И. Мамонтов и А. А. Сазонов., попытались доказать порочность этой посылки Г. Коссака, поскольку она явно подрывает основы их собственной концепции — формирования культуры ранних кочевников в южнорусских степях. Авторы «...обосновали (как им кажется — *И.Б.*) возможность попадания в Центральную Европу только костяных и деревянных прототипов элементов узды...». На основе этих прототипов, в Средней Европе изготавливались оригинальные металлические псалии, которые затем возвращались в восточноевропейские степи, где, в свою очередь, уже были предметом для подражания у местных мастеров (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 38, 41). Деревянные псалии, которых никто никогда не видел, неоднократно выступали как « бестелесные фигуранты» по вопросу о времени освоения верхового коня и появления конного пастушества в эпоху палеометалла. Теперь, как мы видим, они призваны разрешить и некоторые спорные моменты археологии раннего железного века. Проблемы возникают и с костяными репликами. Если деревянных экземпляров просто нет ни в Восточной ни в Средней Европе, то при очевидном обилии костяных псалиев в восточноевропейских, и шире — евразийских степях, в Средней Европе в предскифскую эпоху, их очень мало. Таким образом, авторы упомянутой работы, по сути, заняты поисками «чёрной кошки в темной комнате». Как известно, бессмысленность этих поисков заключается в том, что искомой кошки в этой самой комнате, изначально нет.

Сходная, с описанной только что, ситуация складывается и в ходе дискуссии по-поводу появления стремян у евразийских номадов в эпоху раннего средневековья (Никонюров 2002: 294).

[53] Сейчас вероятно, этот перечень можно расширить, включив в него Восточный Туркестан (область Синьцзян в Северо-Западном Китае [Ковалёв 1996; Kovalev 1998])

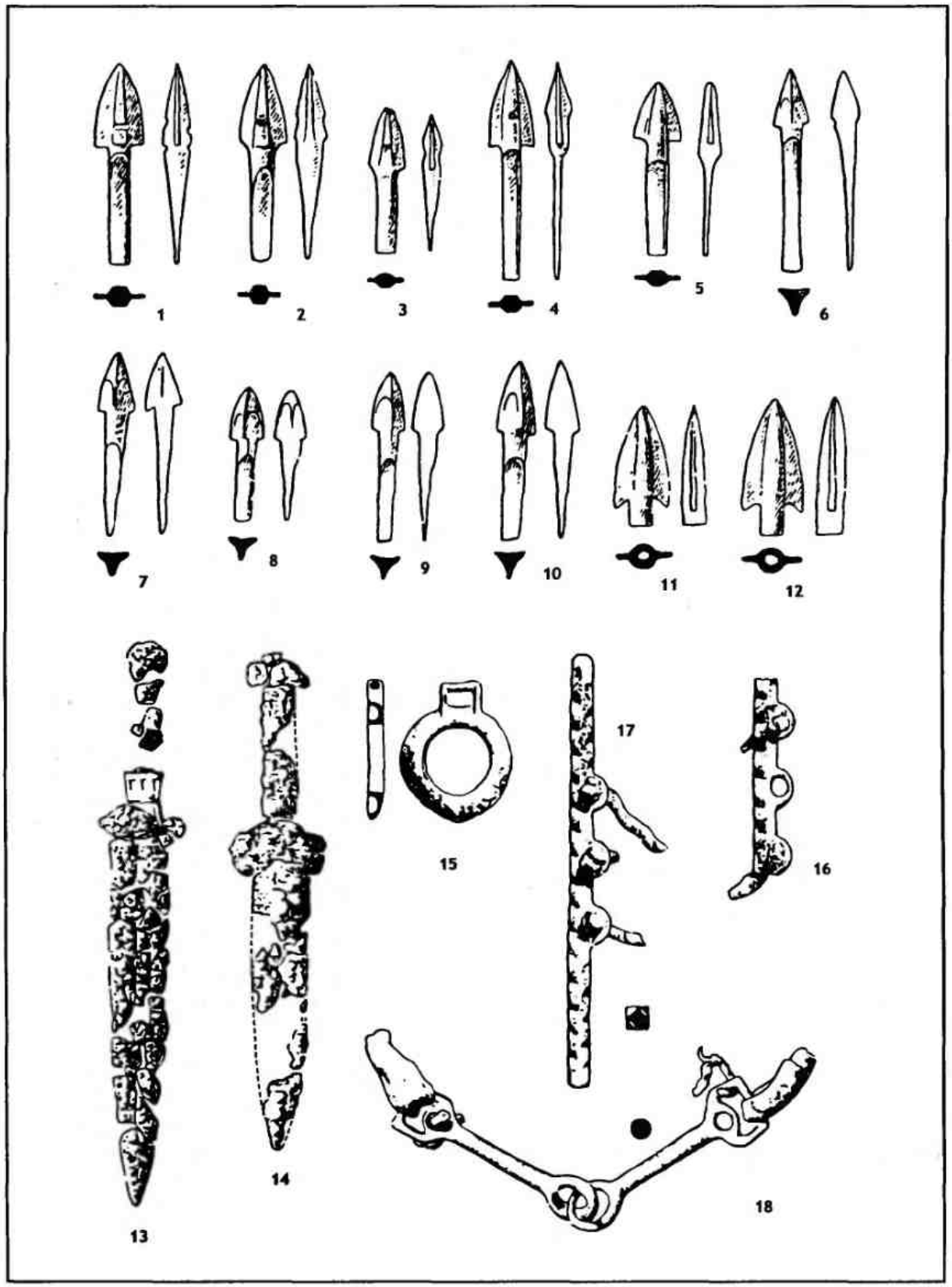


Рис. 25. **Хроноиндикаторы кургана 10 могильника Памирская I (Тамды)**

Chronological indicatores from the burial hill 10 of the cemetery Pamirskaya (Tamdi)

1–12, 15–18 — бронза; *13–14* — железо (по [*Бернштам 1952; Литвинский 1972*])

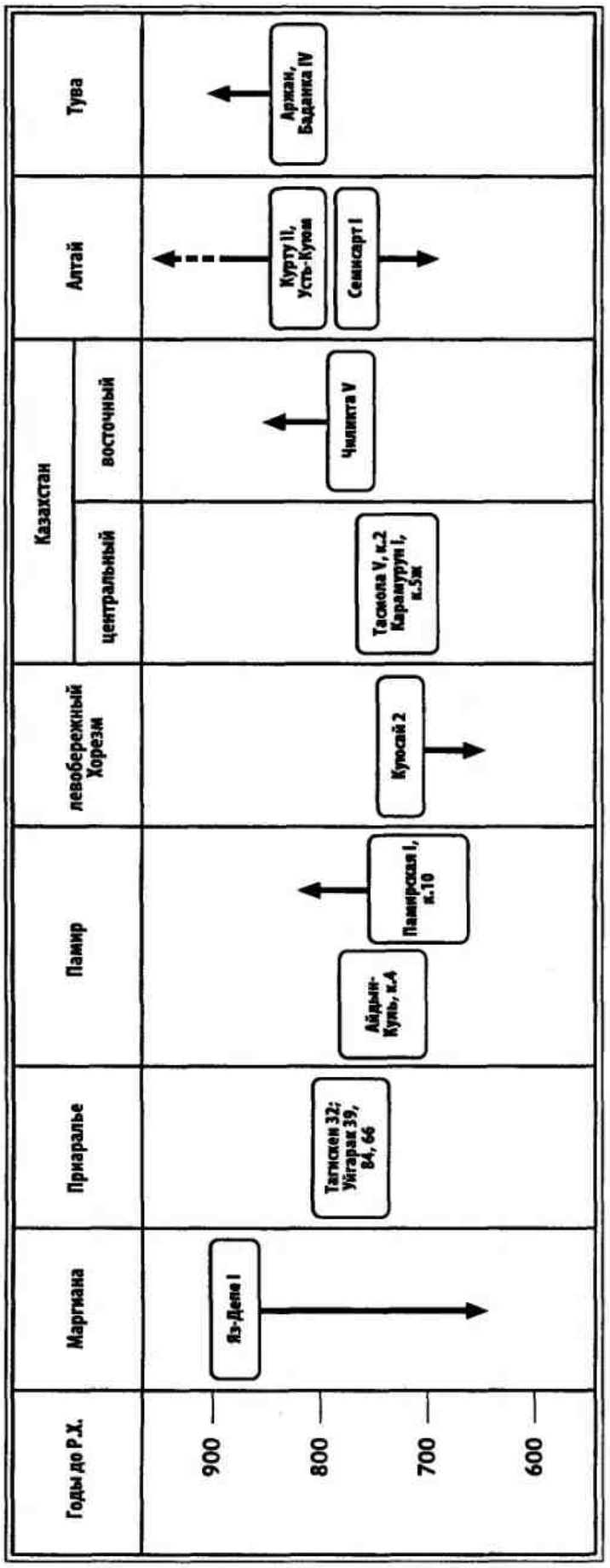


Табл.VI. **Синхронистическая таблица некоторых азиатских памятников раннего железного века**

ло 770 г. до Р. Х. под ударами кочевников, пришедших с севера (Савинов 1991: 94—95; 1992: 112; 1994: 161).

Весьма привлекательным, прежде всего своей безусловной календарностью, кажется второй путь — превращение «плавающей» дендрохронологической шкалы Саяно-Алтая в абсолютную. Об обнадеживающих перспективах на этом пути, впрочем, равно как и о проблемах, подробно говорится в целом ряде работ (Марсадолов 1988; Марсадолов и др. 1996; Зайцева и др.1996; Hall 1997; и т.д.).

Пока же, принимая последнюю четверть (или конец) IX в. до Р. Х. в качестве *t. a. quem* для Аржана, можно предложить следующую таблицу (Табл. VI)

Считая ареал памятников аржанского этапа одним из наиболее ранних очагов культуры ранних кочевников IX—VIII вв. до Р. Х., заметим, что и в Туве и на Алтае памятники этой культуры предстают перед нами в сложившемся, завершённом виде. Но тогда, по-видимому, существовали какие-то области, где протекал сам процесс формирования этой культуры, который, надо думать, предшествовал её последующему распространению. Какие конкретно это могли быть области, пока неясно. Очевидно, лишь то, что их следует искать в Центральной Азии. Может быть, как это предполагает А. А. Ковалёв, в Синьцзяне (Ковалёв 1996; Kovalev 1998),

в Северо-Западной Монголии и смежных с Алтаем районах Китая (Кирюшин, Тишкин 1997: 111—112) или, по версии Е. Е. Кузьминой, — в Семиречье (Кузьмина 1999: 174—175). Поиски этого одного, а может быть, и нескольких очагов культурогенеза продолжаются. Однако, реконструируя процесс последующего распространения культуры ранних кочевников Евразии, необходимо постоянно иметь в виду один, более или менее очевидный факт. В IX в. до Р. Х. на востоке Евразии, *в сформировавшемся* виде существует культура ранних кочевников. В это же время, появление отдельных материальных составляющих этой культуры зафиксировано далеко на западе — в Центральной Европе.

Подобное, столь стремительное распространение элементов материальной культуры, в данном случае — ранних кочевников, на мой взгляд, должно подразумевать столь же стремительные перемещения её носителей. Необходима была лишь некая, «континентальная» идея, подчиняясь которой население евразийских степей рубежа II—I тыс. до Р. Х. внесло невиданную до сих пор динамику в сравнительно размеренный и неспешный образ жизни обитателей степи эпохи бронзы. Такой идеей, вероятно, и была идея всадничества. Этот феномен рубежа тысячелетий (Кузьмина 1986: 183, сн. 14) объединил в себе конного стрелка и конного воина, явив тогдашнему миру принципиально иное качество, отличное от конного пастушества, захоронения представителей которого в евразийских степях второй пол. II тыс. до Р. Х. — отнюдь не редкость (Смирнов 1957; Кузьмина 1986: 183).

Впрочем, процесс зарождения всадничества в таком виде как непосредственная трансформация «конный пастух» — «конный воин», видится далеко не всем. Некоторые исследователи (В. С. Бочкарёв, А. И. Иванчик) полагают, что столь же непосредственным феноменом, предшествовавшим появлению воина-всадника, был воин-колесничий. То есть, в определённый момент, где-то на рубеже II—I тыс. до Р. Х., владельцы боевых колесниц пересели на верховых коней.[54]

Не отрицая в принципе, возможность подобного перевоплощения, хотелось бы отметить следующее. Необходимым (но, не достаточным) условием, в данном случае, должна быть археологически прослеживаемая, непрерывная линия развития колесниц в том или ином районе Евразии, где зародилась, и откуда впоследствие распространилась идея всадничества. При этом, археологическая наглядность не обязательно должна выражаться в хронологически непрерывной серии находок самих колесниц, учитывая, что такие находки почти всегда могут присутствовать лишь в погребальных комплексах. Это могут быть и отдельные детали повозок, или колесничной сбруи, но при условии бесспорности подобной атрибуции этих элементов.[55] Кроме того, речь должна идти не о повозках вообще (к примеру, транспортных), а именно о боевых колесницах, высокий социальный статус владельцев которых неоднократно подчеркивается многими исследователями, говорящими, в том числе, и о нали-

[54] Отсутствие конкретных работ этих исследователей, заставляет меня использовать такую, не совсем строгую научную отсылку, как указание на устные сообщения, высказанные В. С. Бочкарёвым и А. И. Иванчиком в частных беседах. В «печатном» виде подобную же точку зрения высказал А. К. Нефедкин (2000: 124; 2001: 108).

[55] К примеру, некоторые из деталей, атрибутируемые В. Р. Эрлихом как элементы исключительно колесничной упряжи, таковыми могли и не быть (Яровой, Бруяко 2000: 161, 167—168; Ivantchik 2001: 332, 336).

чии в эпоху степной бронзы особого сословия — колесничих.

С учётом всех этих условий, евразийский степной ареал вряд ли подойдёт на роль первичного очага для той модели трансформации, которую мы сейчас обсуждаем. Для последней трети (четверти) II тыс. до Р. Х., у нас практически нет данных, указывающих на сколько-нибудь заметное распространение здесь боевых колесниц.[56] Иное дело — Древний Восток, где колесницы постоянно присутствуют в армиях различных государств, как традиционный вид боевой техники на протяжении II—I тыс. до Р. Х. Пожалуй, здесь древний воин мог непосредственно «пересесть» с колесницы на верхового коня. Однако, вряд ли подобная трансформация могла происходить так уж буквально. Скорее всего, это произошло под влиянием извне. Фактор наглядности, в данном случае, был более действенным, нежели теоретическое переосмысление идеи «колесница» — «всадник». Тем более, как мы знаем, одно отнюдь не вытеснило другое. Кавалерия и колесницы, как рода войск были довольно неплохо сбалансированы в армиях древневосточных государств на протяжении I тыс. до Р. Х.

Таким образом, появление на исторической арене воина-всадника видится мне следующим образом. Первоначально, этот своеобразный символ номадизма, возник там, где его появление выглядит вполне ожидаемым и логичным, прежде всего, с ландшафтно-географической и хозяйственно-экономической точки зрения. Это были евразийские, а точнее азиатские степи в центральной части Азии. При этом, хронологически предшествующим феноменом был не военно-социальный (воин-колесничий), а социально-экономический (конный пастух). Именно последний, с появлением жёстких (металлических) удил, длинного клинкового и ударного оружия, усовершенствованного колчанного набора, — трансформировался в конного воина (воина-всадника). Его появление, примерно в IX в. до Р. Х. в районах к югу и юго-западу от Каспийского моря, должно было продемонстрировать очевидные военно-тактические преимущества мобильных конных групп, и, по-видимому, способствовало образованию на Древнем Востоке принципиально иного рода войск — кавалерии. Подобный вариант развития событий вполне может создать впечатление того, что на каком-то этапе военная мысль в странах Древнего Востока самостоятельно дошла до идеи создания конных соединений, «пересадив» воинов-колесничих на верховых коней.

Если миграция ранних кочевников по евразийскому степному поясу на запад, в историографии в целом, является вполне устоявшейся точкой зрения, то постулированное только что, практически синхронное, появление ранних кочевников в районах к югу от Каспия, воспринимается не столь однозначно. Теоретически, эта мысль озвучивается довольно часто. Однако, на практике, отсутствие выразительных археологических реалий, её подтверждающих, заставляет относиться к ней с изрядной долей скепсиса. Между тем, представляется, что и «европейский», и «азиатский» маршруты миграции кочевников начала I тыс. до Р. Х. — суть один и тот же, более или менее синхронно протекавший процесс.

Фактически, речь идёт о последнем («историческом») этапе расселения иранских племён, в реконструкции которого параллельно с археологами принимают активнейшее участие и филологи-лингвисты. Э. А. Грантовский фактически объединяет миграционную и автохтонную теории происхождения скифов, когда пишет, с одной стороны — об ираноязычных элементах в Северном Причерноморье ещё в общеиранский период (т.е., как минимум, с начала II тыс. до Р. Х.), а с другой — о том, что продвижение скифов с востока в VIII веке «...следует считать историческим фактом» (Грантовский 1970: 355—356, 358). Где-то между этими двумя датами, в самом конце II тыс. до

Р. Х. (XII—X вв.) предки западноиранских племён Передней Азии начали своё продвижение из Европы (Северное Причерноморье) через Кавказ на юг. Однако, пишет Э. А. Грантовский: «...нет никаких оснований предполагать, что все иранские племена покинули эти территории и вновь появились там с начала скифской эпохи» (Грантовский 1970: 355, 358, 364). Что же касается скифов, то, по мнению Э. А. Грантовского, они, как позднее аланы, были носителями восточноиранских диалектов, область сложения которых может быть локализована где-то между Средним Поволжьем на северо-западе и Северным Приаральем на юго-востоке. Подобная ситуация сложилась, по-видимому, в первой половине II тыс. до Р. Х. (Грантовский 1970: 356—358).

Вообще, хронология событий, по сравнению с географией, вызывает как будто бы, меньше разногласий. Так, И. М. Оранский полагает, что *t. a. quem* распада индоиранской языковой общности на индоарийскую и иранскую, — середина II тыс. до Р. Х., и, таким образом, сам распад относится к первой пол. II тыс. или даже к рубежу III/II тыс. до Р. Х. (Оранский 1979: 28). Что касается локализации носителей иранских языков, то здесь, в противоположность Э. А. Грантовскому, И. М. Оранский считает, что: «В период обособления, выделения иранских диалектов из индоарийской языковой общности иранские диалекты локализуются на территории Средней Азии и прилегающих областей» (Оранский 1979: 35).

Говоря об археологическом аспекте проблемы, Э. А. Грантовский отмечает, что на памятниках Западного Ирана, характеризующих культуру западноиранских племён первых веков I тыс. до Р. Х., нет следов влияния из районов Средней Азии, и в тоже время, они обладают чертами, связывающими их с культурами Закавказья. И далее: «...если в настоящее время искать археологические свидетельства происхождения западных иранцев, то следует, прежде всего, исследовать связи памятников Закавказья и соседних с ним районов с западноиранскими. Вместе с тем, комплексы Восточного Закавказья поздней бронзы и раннего железа имеют бесспорные связи с северокавказскими, а также со степными культурами эпохи бронзы». По мысли Э. А. Грантовского, степные культуры средней-поздней бронзы (определённо связанные с иранцами или целиком иранские), продвигаются на Северный Кавказ, и далее вплоть до районов Восточного Закавказья, где они взаимодействуют с местными племенами (Грантовский 1970: 369—370). Это фактически, и обозначает кавказский («европейский») путь проникновения иранских племён на свою будущую, историческую родину. Именно здесь, на пограничных с Ассирией рубежах, источники IX в. до Р. Х. впервые фиксируют иранскую ономастику. Дальше на восток её нет, или, вернее, её не знают ассирийские источники. По сути, это краеугольный камень в идее Э. А. Грантовского о транскавказском пути расселения иранцев.[57]

[56] Исключая довольно значительную серию центральноазиатских петроглифов, изображающих различные типы колесниц. Здесь, впрочем, существуют большие проблемы с датировкой конкретных рисунков.

[57] Я не в состоянии полемизировать о лингвистической стороне проблемы, поэтому выскажу лишь одно соображение общеисторического, или, вернее, историко-географического характера. Ранние ассирийские источники по вполне понятным (объективным) причинам геополитического положения Ассирии, лучше и раньше всего были знакомы именно с пограничными (западными по Э. А. Грантовскому) областями. И лишь постепенно, со временем они расширяли свой географический и этнографический кругозор к востоку. Иначе говоря, не определяется ли удельный вес иранской ономастики в тех или иных районах, степенью знакомства с ними ассирийцев в конкретный период времени?

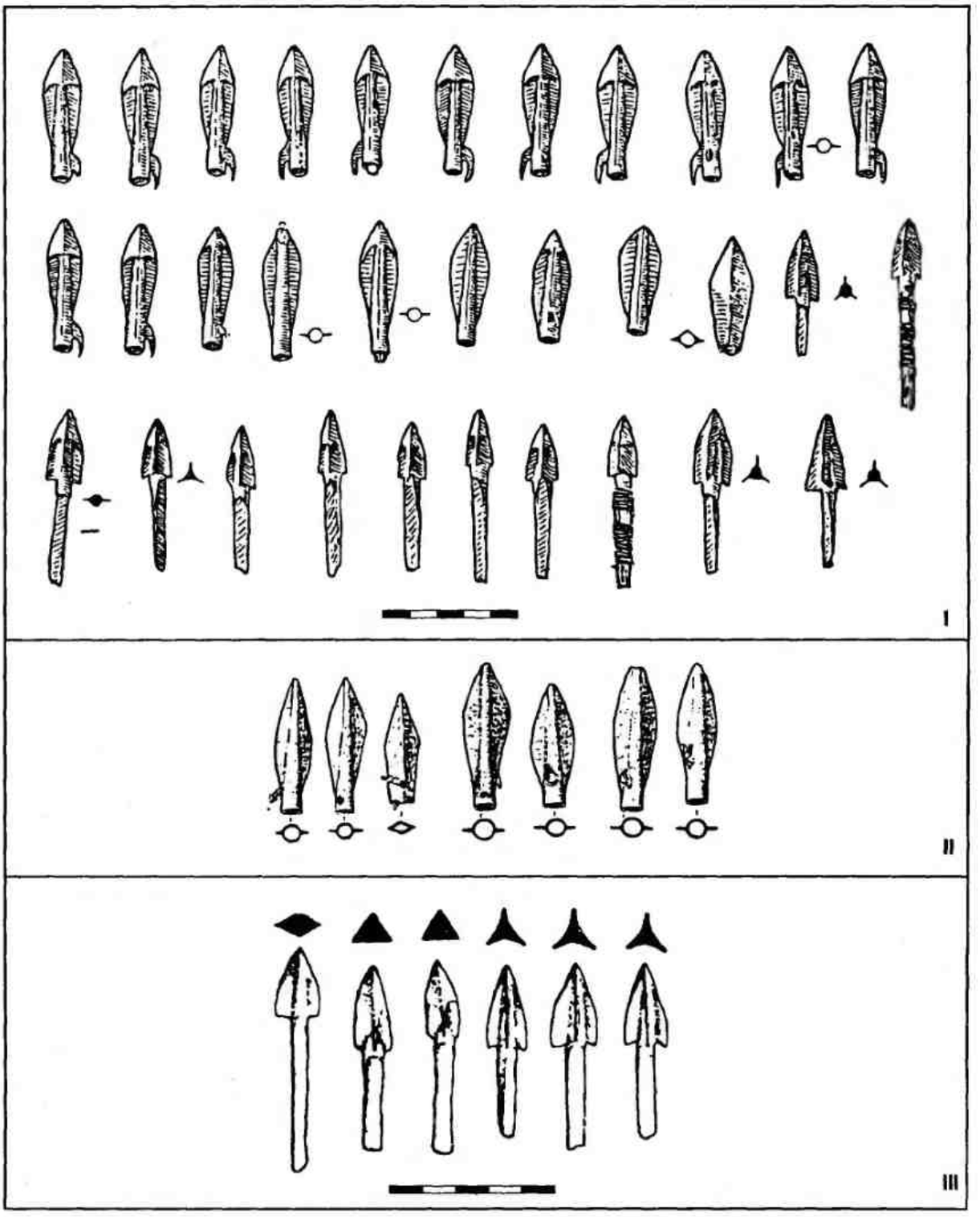


Рис. 26. **Стрелковые наборы:**

Arrowheads assemblages

I — из могильника Карамурун–1 (кург.5ж)

II — из могильника Айдын-куль–1 (кург.4)

III — из кургана у пос.Шидерты

(по [*Маргулан и др.,1966; Литвинский 1972; Пересветов, Куропятникова 2002*]).

В своей последней монографии, Э. А. Грантовский по-прежнему считает, что Западный и Северо-Западный Иран, и даже Армянское нагорье уже в IX—VIII вв. были заселены ираноязычным населением, местами, составлявшим большинство, Причём «...находиться в пределах этих районов иранцы должны были уже в XI—X вв.» (Грантовский 1998: 24—25, 298—299). Не изменил исследователь и своего мнения относительно маршрута передвижения иранских племен на рубеже II/I тыс. до н.э. Хотя, иногда кажется, что в последней монографии Э. А. Грантовский говорит об этом не столь убеждённо. «Клинописные (ассирийские) источники не содержат никаких материалов, которые противоречили бы мнению о кавказском пути предков западноиранских народов. Ономастические и топонимические материалы этих текстов, *если и не доказывают*, то, во всяком случае, заставляют предпочесть его среднеазиатской теории происхождения иранских племён, распространившихся в начале I тыс. до н.э. по территориям Западного Ирана и соседних стран Передней Азии» (Грантовский 1998: 228—229 [курсив мой — *И.Б.*])

Конечно же, существует и диаметрально противоположная точка зрения. Так, И. М. Дьяконов полагал, что население Северо-Западного Ирана вплоть до середины VIII в. до Р. Х. оставалось по языку не иранским и только гораздо восточнее, район Центрального Ирана (Тегеран, Исфахан) был уже «...полностью охвачен иранским языковым элементом, занесенным коневодческими племенами из Средней Азии» (Дьяконов 1956: 151, 203). И. М. Дьяконов считал, что во время похода Тиглатпаласара III в 737 г. ассирийская армия могла проникнуть далеко на восток, возможно, в район современного Тегерана. Тексты периода правления именно этого царя, среди топонимики дают ряд названий, которые имеют вероятную иранскую этимологию (Дьяконов 1956: 200—201, 203).

Здесь, позволю себе два небольших комментария к европейскому и азиатскому вариантам расселения иранских племён на рубеже II/I тыс. до Р. Х. Во-первых, признавая появление иранцев из-за Большого Кавказского хребта, где-нибудь в X—IX вв. мы, на самом деле, фактически признаём существование «допоходных рейдов». В этом контексте неплохо должен смотреться, хорошо известный рельеф из Нимруда первой пол. IX в. до Р. Х. Как уже отмечалось, ряд исследователей вслед за Э. А. Грантовским считают изображённых на нём всадников — безымянными иранскими кочевниками Юго-Восточной Европы (Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993: 80). Следующий вопрос, по-моему, совершенно очевиден. Что за кочевники могли обитать в Юго-Восточной Европе в X—IX вв. до Р.Х ? Если принять всё (или почти всё) сказанное в этой работе до сих пор, то ответить на этот вопрос, не составит труда.

Во-вторых, когда сторонники европейского маршрута расселения иранцев ссылаются на отсутствие археологических следов влияния на Западный Иран и Восточное Закавказье со стороны Средней Азии, — то этот факт не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд. Хотя, конечно, яркость и археологическая отчётливость таких следов, возможно, и оставляет желать лучшего.

В качестве одной из таких, дефицитных археологических реалий, которая может обозначить «азиатский» путь миграции ранних кочевников, я недавно предложил рассматривать однокольчатые, двусоставные металлические удила, распространившиеся в Евразии в самом начале I тыс. до Р. Х. (Яровой, Бруяко 2000). Известно и то, что эти удила в это же время (конец IX — VIII вв.) в довольно большом количестве и, что самое важное, без каких-либо прототипов, появляются в Иране. При этом не только Иран, но и Древний Восток в целом, не может претендовать на роль первичного ареала появления такого типа упряжи. Раз так, то

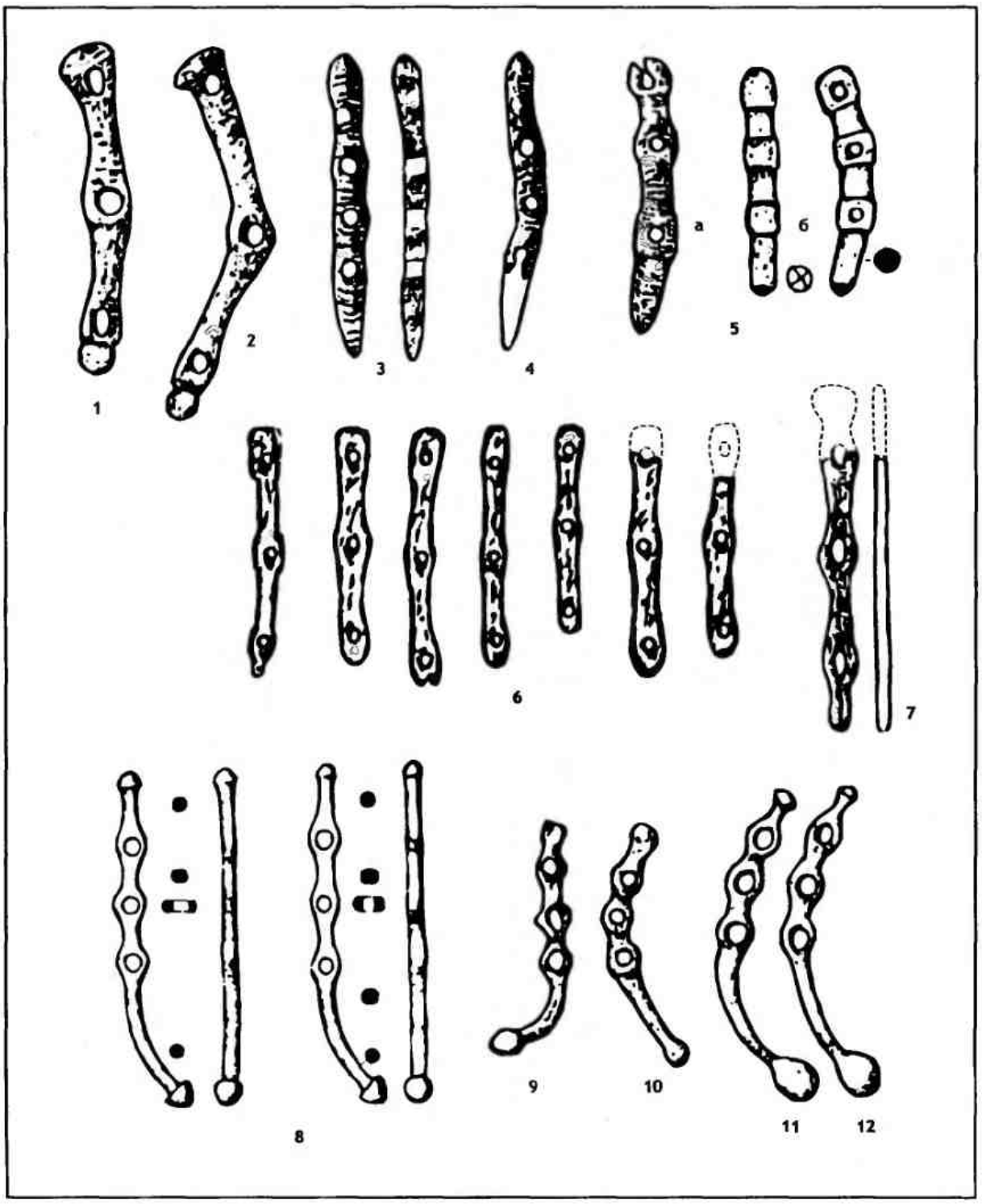


Рис. 27. **Псалии из районов Центральной Азии**

Cheek-pieces from Central Asia regions

1–2 — Курту-II; *3, 4* — Усть-Куюм (кург. 9); *5* — Семисарт-I (*5а* — по [*Кирюшин, Тишкин 1997*] *5б* — по [*Марсадолов 1981*]); *6* — Аржан (камера 37); *7* — Тимаргарха; *8* — обл. Талыш (Иран); *9* — Белокуриха (сл. нах.); *10* — Карбан-I (кург. 5); *11–12* — Черный Ануй-I; (*1–6* — кость; *7* — железо; остальное — бронза).

Таблица составлена по следующим публикациям: *Кирюшин, Тишкин 1997; Марсадолов 1981; Грязнов 1980; Dietz 1995; Dani и.а. 1983*

с чем, или вернее с кем, можно связывать распространение этого нового типа удил, в частности, на Иранском нагорье?

Почти наверняка, это было население, для которого освоение верхового коня было уже делом даже не вчерашнего, а позавчерашнего дня, у которого коневодство существовало как особая, специализированная отрасль животноводства с соответствующей атрибутикой, специфической терминологией, навыками тренинга и т.п. Особо хотелось бы подчеркнуть, что речь идёт о специфике разведения и эксплуатации именно верховой лошади, отличной от упряжной («колесничной»), появление которой в Передней Азии во II тыс. до Р. Х. связывается с индоариями (Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 169—170).

Наиболее вероятными обладателями всех этих, перечисленных выше признаков, связанных с разведением верховых лошадей, могли быть иранские племена, которые появились на территории нынешнего Ирана (а точнее, в северо-западной его части), по крайней мере, уже в X—IX вв. до Р. Х. (Грантовский 1970: 339; Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 178). При этом, они могли принести с собой именно бронзовые однокольчатые удила, распространённые в этот период уже довольно широко. Впоследствие, на основании бронзовых прототипов, здесь же в Иране, могли появиться и железные реплики таких удил (Яровой, Бруяко 2000). При почти абсолютном типологическом тождестве, разница в металле, это лишь вопрос источников сырья и технологии.[58]

М. Н. Погребова связывает появление конских захоронений в Иране, в том числе и известное погребение с упряжью из Хасанлу, с продвижением сюда из Нижнего Поволжья, где серия конских погребений зафиксирована среди позднесрубных памятников конца II тыс. (Смирнов 1957: 209 и сл.), — одной из иранских групп (Погребова 1977: 140). Тем самым, М. Н. Погребова солидаризируется с «европейским» маршрутом. Такое продвижение, по её мнению, носило характер медленной, занявшей несколько веков, инфильтрации культурных элементов (конец II — нач. I тыс. до Р. Х. [Погребова 1977: 135]).

В пользу «европейского» варианта фактически высказывается Н. Сэндерс, когда пишет о том, что и в Сиалк «В» и в Европу, однокольчатые железные удила могли попасть из одних и тех же кавказских мастерских. Самих же кочевников (всадников Сиалка) и европейских номадов VIII в. до Р. Х., она предлагает считать мидийцами, которые, возможно, были родственны киммерийцам (Sandars 1971: 874—875).

Г. Коссак строит свои соображения на этот счёт следующим образом. Указав на феномен более или менее массовых (точнее, групповых) захоронений взнузданных лошадей, который возникает в евразийских степях на рубеже II—I тыс. до Р. Х. и, упомянув, как и положено, в этой связи Аржан, он далее вполне резонно

[58] Возможно, появление этого типа упряжи на Иранском плато связано персонально с теми неизвестными кочевниками, по-видимому, все же иранского происхождения, изображение которых нанесено на упоминавшемся уже, дворцовом рельефе из Нимруда времени Ашшурнацир-апала II (885/4—859/8 гг.). В этих номадах видят: ранних киммерийцев (Ильинская 1982: 46—47), столь же ранних скифов (Sulimirski 1954: 290), просто киммерийцев (Ковалевская 1977: 84), безымянных, но определённо иранских конных лучников, «...происходивших, очевидно, из Юго-Восточной Европы» (Грантовский 1970: 371—372). Последнее принято А. Ю. Алексеевым, Н. К. Качаловой, С. Р. Тохтасьевым (1993: 80) и беспощадно раскритиковано А. И. Иванчиком в специальной работе (Иванчик 2002). Понятно, что нимрудский рельеф — *terminus ante quem* появления этих кочевников в районах, соседних с Ассирией. Т. Сулимирски отметил характерную, по его мнению, для степных номадов одежду и оружие (лук) этих всадников (Sulimirski 1954: 293).

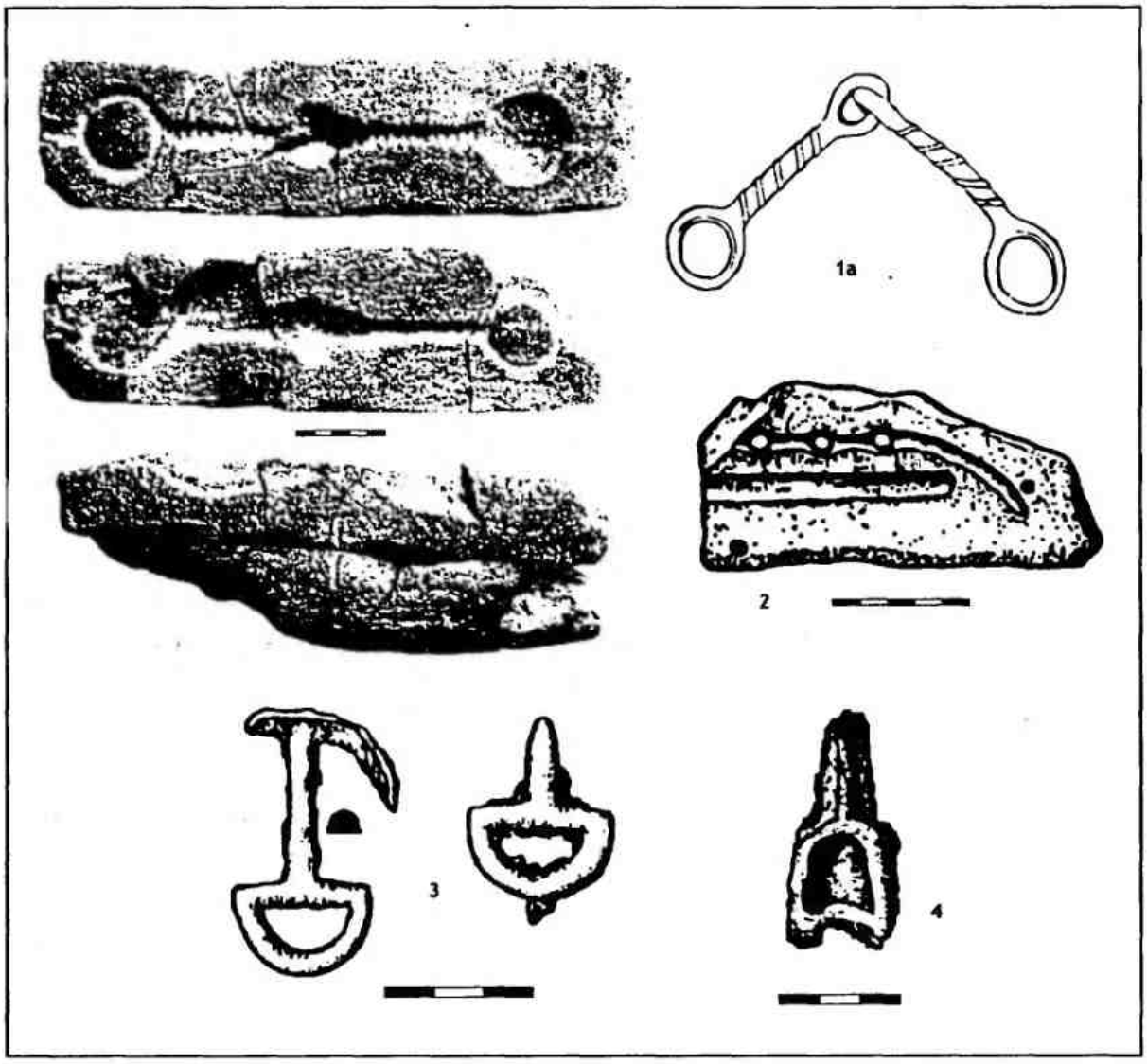


Рис. 28. **Индикаторы производства бронзовых предметов конской упряжи из районов Средней Азии**

Indices production of horse-gear bronze objects from the Central Asia area

1–1а — Литейная форма и реконструкция удил (Хорезм); *2* — Дальверзин; *3* — Кент; *4* — Куюсай

Таблица составлена по следующим публикациям: *Сабурова, Ягодин 1964; Варфоломеев 1987; Рузанова 1999 (Кузьмина 1966); Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992*

говорит о том, что хотя этот памятник и даёт наиболее ранний образец такого обряда, однако, он, по-видимому, всё же не древнее иранских памятников, таких как Хасанлу и Марлик или Мингечаур в Азербайджане. Этот обычай, считает Г. Коссак, нельзя относить на счёт местной традиции, а следует связывать с вторжением иранских племен. Исходная область его распространения — среднеазиатские степи (Kossack 1987: 50, 71).

Сильно омоложенный «азиатский» вариант фактически отстаивает И. В. Куклина. При этом, литературных (исторических) киммерийцев и скифов, она направляет в обход Каспийского моря с юга, а с севера в Восточную Европу проникли, по её мнению, другие, родственные иранские племена савроматского круга. «Движение сакских племен с востока в Северное Причерноморье происходило по-видимому, двумя путями: племена

савроматского круга проникали в Северное Причерноморье через территорию Северного Казахстана, Южного Приуралья, Поволжья и задонских степей, тогда как племена киммерийцев и скифов (царских) прошли ... через территорию среднеазиатского междуречья, переправились через р. Аракс (Аму-Дарью), затем через Иран и Закавказье прошли в Малую Азию» (Куклина 1985: 113).

Теорию двух потоков (азиатского и европейского), правда, лишь в рамках конца VIII — первой пол. VII вв. до Р. Х., разделяет В. Р. Эрлих. Именно первый из них донёс до Северного Кавказа некоторые типы вещей азиатского происхождения. Это удила с квадратными внешними петлями, стремявидные удила с дополнительными отверстиями, биметаллические клевцы, подпружные пряжки раннесакского типа (Эрлих 1994: 94). В результате взаимодействия этих двух потоков в Передней Азии, сформировались, по мнению В. Р. Эрлиха, синкретические комплексы типа Норшун-тепе и Имирлер (Эрлих 1994: 69).

Г. Н. Курочкин, полагая, что основная экспансия из центральноазиатских районов в западном направлении шла все же через евразийские степи, сделал весьма примечательную ремарку. Указав на сходство китайских реплик хищника свернувшегося в кольцо с находками из Зивие и северного Луристана, он писал буквально следующее: «...какой-то передовой отряд скифов пришёл на Древний Восток непосредственно из «глубин Азии», минуя Восточную Европу, сокращенным «южным» маршрутом» (Курочкин 1993а: 97—98).

В 60-е гг. XX в. про южный путь движения казахстано-алтайских степных племён в Переднюю Азию через Среднюю говорили С. С. Черников и поддержавший его в этом М. К. Кадырбаев (Кадырбаев 1966: 80). В последние годы эту же идею развивают Н. А. Боковенко и А. А. Ковалёв (Боковенко 1989; Bokovenko 1996; Ковалёв 1996).

Итак, мы видим, что тема «южного» (азиатского) пути миграций ранних кочевников, озвучена в работах различных исследователей вполне отчетливо.[59] Однако, как уже отмечалось, археологические иллюстрации, которые подтверждали бы подобный маршрут, крайне скупы.

В качестве таковых, я и предлагаю рассматривать, помимо прочего, появление в Передней Азии бронзовых прототипов железных однокольчатых удил. Быть может, таким же образом сюда попали и желобчатые застёжки аржанского типа, трансформировавшиеся впоследствие в уздечные бляхи (Носачёво).[60] Не исключено, что тем же, «азиатским» путём в Иране могли оказаться и прототипы дуговидных металлических псалиев т.н. «сиалковского» типа. Это кажется вполне вероятным, учитывая, что в центральноазиатских районах, и в частности, на Алтае этот тип трёхдырчатых псалиев с утолщениями в районе отверстий проходит вполне зри-

[59] Похоже, кое-что об этом было известно и античным авторам. О походах саков до Каппадокии пишет Страбон (Strabo.XI., VIII, 4). Правда, из контекста вроде бы следует, что эти походы имели место уже в эпоху персидского господства в Азии. К примеру, знаменитый поход Кира Великого на среднеазиатских саков рассматривается и как вероятная реакция на набеги последних в пределы Персидского царства (Щеглов 1998: 117—118). М. Н. Погребова и Д. С. Раевский, видят в зверином стиле приаральских саков мотивы, заимствованные из репертуара луристанских бронз. Способ заимствования — военные походы приаральских саков на юг, в Иран (Погребова, Раевский 2001: 51—52). Время походов, судя по всему, должно определяться хронологией соответствующих раннесакских могильников.

[60] Если отвлечься от «библейской» хронологии Н. Л. Членовой, то можно согласиться с ней в том, что форма трёхжелобчатых «застёжек» является достаточно своеобразной «...чтобы возникнуть в Ассирии и на пространствах евразийских степей независимо друг от друга» (Членова 1997: 36).

мую типологическую и технологическую (кость-бронза) эволюцию (Рис. 27). Причём, на поселении Дальверзин в Ферганской долине уже давно известна находка литейной формы с негативом трёхдырчатого, стержневидного, изогнутого псалия (Рис. 28/2). Эта находка, наряду с прочими, определяет верхнюю дату раннего (дальверзинского) этапа чустской культуры — конец IX — первая пол.VIII вв. до Р. Х. (Рузанова 1999: 34—35).[61]

Даже, не особенно углубляясь в историографию последнего времени, можно найти ещё одну группу находок, появление которой в Передней Азии достаточно уверенно связывается с районами Центральной Азии. Это боевые топоры (клевцы, чеканы). Г. Н. Курочкин и А. В. Субботин отмечают бóльшую архаичность тагарских и тувинских чеканов, главным образом, за счёт наличия значительного числа цельнобронзовых экземпляров, и полагают, что биметаллические среднеазиатские (Уйгарак) и анатолийские (Имирлер) определяют *t. a. quem* для центральноазиатских образцов (Курочкин, Субботин 1993: 59 и сл.; Иванчик 2001: 48—49).[62] Опираясь на эту же категорию вещей, С. Л. Дударев полагает, что клевцы вместе с их владельцами попали в Переднюю Азию непосредственно из Центральной минуя Восточную Европу и Кавказ (Дударев 1998: 89, 90).

Свидетельством посещения ранними кочевниками центральноазиатского региона стран Древнего Востока можно считать и находки в Аржане остатков тканей переднеазиатского (иранского?) происхождения (Марсадолов 1996: 61—62).

Существует и ещё одна, весьма любопытная параллель, которую можно назвать археозоологической. Судя по письменным источникам, в IX в. до Р. Х. ассирийцы познакомились с верблюдом-бактрианом, биотоп которого в древности охватывал полупустынные и пустынные области Средней Азии. На эту параллель, в своё время указал И. М. Дьяконов, который считал, что бактриан мог попасть в Переднюю Азию вместе с иранскими племенами (Дьяконов 1956: 192, сн. 1).

Помимо высокомобильных, в транскультурном смысле, элементов конской упряжи, о каких-то перемещениях по азиатскому маршруту может свидетельствовать и такая, сугубо «оседлая» группа материала, как керамика. Речь идёт о довольно любопытных параллелях резной геометрической керамики Восточного Закавказья (Куро–Аракское междуречье, долина р. Гянджачай), которые М. Н. Погребова находит в керамическом комплексе Северного Тагискена (X—VIII вв. до Р. Х.) в Восточном Приаралье. Поскольку же «геометрия» Тагискена определённо наследует андроновские черты, то М. Н. Погребова реконструирует события следующим образом. Во II тыс. до Р. Х. группа населения близкая культуре Тагискена проникает на Иранское плато, а оттуда в Восточное Закавказье.[63] Здесь, в конце II — нач. I тыс. белоинкрустирован-

[61] Металлическая (железная) реплика одного из костяных псалиев аржанского типа (камера 37 [Рис. 27/6]) была найдена в одном из могильников культуры Свата в Северном Пакистане (Тимаргарха [Рис. 27/7]). Впрочем, узко датировать пакистанский экземпляр невозможно ни в рамках функционирования могильника, ни даже культуры в целом (XV/XIV вв. — после середины I тыс. до Р. Х.). И хотя для железных изделий нижняя дата, по мнению авторов публикации, может быть более или менее ограничена, она всё-таки остается достаточно «размытой» — первая — вторая чтв. I тыс. до Р. Х. (Dani u.a. 1983: 76).

[62] В отличие от Г. Н. Курочкина и А. В. Субботина, А. И. Иванчик считает, что находки чеканов в евразийском ареале обозначают путь продвижения киммерийцев (sic!) из Центральной Азии через Кавказ, где также известны находки биметаллических чеканов, в Переднюю Азию (Иванчик 2001: 49).

[63] Может быть, в связи с этим событием находится и достаточно внезапное распространение в Восточном Закавказье на рубеже II—I тыс. захоронений лошадей с упряжью и без неё. Обряд,

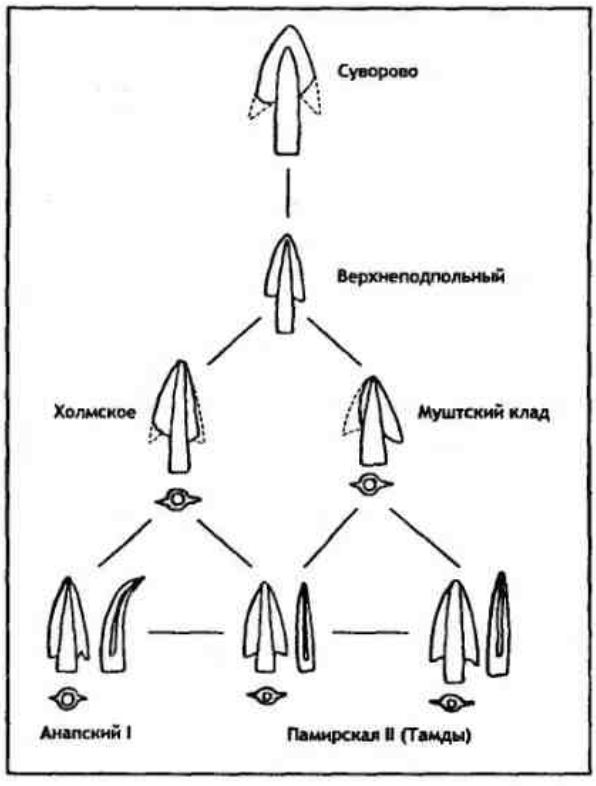


Рис. 29. **Схема эволюции наконечников стрел с двумя заостренными лопастями позднебронзового — раннежелезного века**

The evolution plane of arrowheads in the Late Bronze-Early Iron Age

ная керамика объединяет в себе черты тагискенской резной и иранской крашеной (Погребова 1977: 111). Эта же система параллелей, однако, так сказать, в «разобранном» состоянии, была фактически приведена М. П. Грязновым. Говоря о керамике Северного Тагискена, М. П. Грязнов, с одной стороны, отмечал в ней наличие типично андроновских (фёдоровских), бегазы-дандыбаевских и карасукских черт, а с другой — указывал на сходство чернолощёной керамики Тагискена с кавказской (кобанской и ходжалы-кедабекской [Грязнов 1966а: 237]). В настоящее время, М. Н. Погребова как будто бы отказалась от этой точки зрения. Во всяком случае, в одной из последних работ она пишет, что «...вряд ли можно предполагать заимствование орнаментации белоинкрустированной керамики в законченном виде откуда-то вне Закавказья...». Впрочем, здесь же М. Н. Погребова замечает, что концентрация этой геометрической керамики лишь в одном районе Восточного Закавказья (долина р. Гянджачай) оставляет право думать, что носители данной традиции пришли сюда откуда-то извне (Погребова 2002: 244—245).

Справедливости ради нужно сказать, что между общепринятыми на сегодняшний день датировками Северного Тагискена (X/IX—VIII вв.) и памятников с геометрической керамикой Восточного Закавказья, на которые ссылается М. Н. Погребова, существуют неувязки хронологического плана. Нижняя дата последних, довольно глубоко уходит во II тыс. до Р. Х. Впрочем, тенденция к понижению дат раннесакских памятников Приаралья, даёт возможность, по крайней мере, для частичного устранения этих неувязок. Если понижение дат Южного Тагискена и Уйгарака вглубь VIII в. до Р. Х. будет в конце концов принято, то тогда, этот раннесакский горизонт частично «поглощает» период функционирования мавзолеев Северного Тагискена. Для того, чтобы сохранить отведённый последнему промежуток времени в три столетия, его нижнюю дату можно передвинуть в самый конец II тыс. Это практически совпадает с предложенным в своё время М. П. Грязновым, но не поддержанным большинством исследователей,[64] удревнением Северного Тагискена на основе синхронизации его с памятниками бегазы-дандыбаевского типа и карасукской культуры (Грязнов 1966а: 237; 1970: 42).[65]

который сама М. Н. Погребова предпочитает связывать с миграцией сюда какой-то группы пастушеского населения из поволжских степей в конце II тыс.до Р. Х. (Погребова 1977: 133).

[64] Исключение см. [Кадырбаев 1968: 34].

[65] Комплексом, объединяющим в себе черты материальной культуры позднебронзовой эпохи и раннесакских памятников, с весьма существенным понижением хронологии последних,

Решительное сопротивление удревнительным тенденциям в отношении приаральских памятников оказано в двух новейших монографиях М. А. Итиной и Л. Т. Яблонского, вышедших одна за другой (Итина, Яблонский 1997; 2001). Категорически выступив против удревнения раннесакского горизонта в Приаралье (Итина, Яблонский 1997: 71), авторы, фактически уже в этой книге обозначили своё отношение к хронологии Северного Тагискена. Поэтому, в монографии 2001 г. никаких неожиданностей в этом плане ожидать не стоило. Ярко и убедительно продемонстрированный культурный синкретизм Северного Тагискена, плюс «формационная эпохальность» этого памятника, связывающего культуры степной бронзы с раннесакским горизонтом раннего железного века, — все эти бесспорные характеристики покоятся на явно завышенном хронологическом фундаменте. Являясь убеждёнными сторонниками «генетической связи» (=хронологической последовательности) между комплексами Северного и Южного Тагискена, авторы полагают, что разрыв между ними во времени, если и был, то весьма незначительный (Итина, Яблонский 2001: 100). Нетрудно заметить, как при такой сопряжённости повлияет на датировку Северного Тагискена перенос даты раннесакского горизонта вглубь VIII в. до Р. Х., о чём, как отмечалось, речь идёт уже давно и в последнее время — всё настойчивее. Это, вероятно, учли авторы упомянутой монографии. Несмотря на постоянно декларируемую датировку Северного Тагискена — IX—VIII вв. до Р. Х. — непоследовательность (или точнее, неуверенность) авторов в этом вопросе довольно заметна. Иначе, трудно объяснить эволюцию взглядов М. А. Итиной и Л. Т. Яблонского между страницами 100 и 107. Вначале, определяя верхнюю дату могильника авторы указывают на VIII век — «...может быть конец этого столетия». Здесь же следует весьма важная оговорка относительно того, что мавзолеи Северного Тагискена вряд ли функционировали более одного столетия (Итина, Яблонский 2001: 100). Однако затем, мы узнаём, что нижняя дата памятника — IX в. до Р. Х., при том что *для наиболее поздних комплексов не исключается датировка VIII веком* (Итина, Яблонский 2001: 107 [курсив мой — *И.Б.*]).

Проблема хроноиндикаторов среднеазиатского позднего бронзового века от меня довольно далека, но всё же, позволю себе заметить следующее. При том, что лавролистный бронзовый кинжал с кольцевым упором (ограда 4-ж), судя по всему, является одним из важнейших хронологических реперов для Северного Тагискена, его датировка представляется явно завышенной. Датируя кинжал, авторы предпочитают работать с довольно устаревшей литературой, до В. А. Городцова включительно. Удивление, к приме-

мог бы стать курган №15 могильника Уйгарак. Напомню, что этот т.н. «синхронно-диахронный» комплекс, наряду с типично андроновской керамикой, аналогичной мавзолеям Северного Тагискена, включал и такие хроноиндикаторы европейской РСК–2—3, как бронзовое зеркало и каменное блюдо-жертвенник (Толстов, Итина 1966: 157—158, рис. 5; Вишневская 1973: 136, табл. IV). Однако, стратиграфически данный комплекс далеко не безупречен. В итоге, мнения исследователей разделились. С. П. Толстов и М. А. Итина считали, что 3 андроновских горшка относятся к инвентарю погребения кург. 15, а О. А. Вишневская настаивала на том, что яма, в которой они были найдены, не связана с раннесакским комплексом и являлась результатом какой-то хозяйственной деятельности на этой возвышенности ещё в эпоху бронзы. Интресно, что С. П. Толстов и М. А. Итина обосновывали свою точку зрения, разбирая стратиграфию объекта. О. А. Вишневская же, наряду с этим, в основном всё-таки учитывала планиграфический момент, в частности, наличие фрагментов аналогичной керамики в насыпи кургана №15 и соседнего с ним кургана №14, в яме, перекрытой слоем песка. Дополнительным аргументом в пользу первой из высказанных точек зрения, может являться находка в том же кургане 15 бронзового браслета, синхронного андроновским горшкам (Вишневская 1973: 80).

ру, вызывает определение этого кинжала как «киммерийского». В результате, появился некий евразийский гибрид в виде виртуального «киммерийского» кинжала и реального лавролистного клинка с кольцевым упором позднего бронзового века. Что хотели этим сказать авторы — непонятно. Однако, такая комбинация позволила М. А. Итиной и Л. Т. Яблонскому уверенно переместить тагискенский кинжал в начало I тыс. до Р. Х. (Итина, Яблонский 2001: 97), хотя, его датировка концом II тыс. или рубежом II/I тыс. до Р. Х. кажется более предпочтительной.

Датировка прочих, некерамических хроноиндикаторов Северного Тагискена обычно предполагает наличие некоего временно́го диапазона в 100, 200 или даже 300 лет. Разбирая датировку таких вещей, абсолютно в каждом случае, авторы слишком явно отдают предпочтение верхней границе такого диапазона (Итина, Яблонский 2001: 97—99). Подобная методическая установка особенно заметна при определении хронологии серебряной булавки с фигурным навершием из мавзолея 4-б. Указав на полную аналогию из комплекса XII—IX вв. в Киргизии, М. А. Итина и Л. Т. Яблонский считают, тем не менее, что для тагискенского экземпляра эту дату можно «сузить» до IX-го, или даже IX—VIII (?!) вв. до Р. Х. Основным доводом в пользу такого «сужения», а фактически — пересмотра датировки, служит тот факт, что в мавзолее 4-б, где была найдена булавка, зафиксирован керамический комплекс IX—VIII вв. (Итина, Яблонский 2001: 97—98). Можно лишь позавидовать датирующим возможностям среднеазиатской керамики позднего бронзового века и выразить недоумение по поводу того, что, располагая столь надёжным и массовым хроноиндикатором, при абсолютном датировании Северного Тагискена авторы всё-таки предпочитают использовать единичные металлические находки, транскультурный характер которых достаточно очевиден.

И, тем не менее, даже оставляя в силе все основные выводы М. А. Итиной и Л. Т. Яблонского, из текста монографии посвящённой Северному Тагискену, совершенно ненасильственно можно соорудить следующую культурно-хронологическую цепочку:

1) Мавзолеи Северного Тагискена функционировали около столетия (с. 100)

2) Нижняя дата некрополя — IX в. до Р. Х. (с. 107)

3) Самые поздние комплексы *могут* (!) датироваться и VIII в. до Р. Х. (с. 107)

4) Между завершением периода функционирования мавзолеев Северного Тагискена и началом сооружения курганов Южного, если и был какой-то хронологический разрыв «...то он был не слишком велик» (с. 100)

Если не придираться к не совсем строгой хронологической дефиниции последнего тезиса — «не слишком велик», — то сконструированный выше вариант *summary*, абсолютно не противоречит тому, что нижняя дата раннесакского горизонта в Приаралье может быть установлена, как минимум, в середине VIII в. до Р. Х.

Впрочем, отмеченные только что наблюдения и замечания, это всего лишь «взгляд со стороны». Решение проблемы хронологического соотношения позднебронзовых и раннесакских древностей Средней Азии лежит всецело в сфере компетенции моих коллег, специально занимающихся ею.

И всё-таки, как бы ни понижать датировку Северного Тагискена очевидно, что даже его синхронизация с самыми ранними комплексами гянджачайской геометрической керамики (не говоря уже, о более ранней дате), практически невероятна, поскольку 1 (ранний) этап развития этого феномена в Восточном Закавказье датируется XIV—XIII вв. до Р. Х. (Гусейнова 1989: 10). Интересно, впрочем, другое. Среди огромного разнообразия керамики с резным геометрическим орнаментом Гянджачайской, Карабахской и Кедабек-

ской зон действительно хорошо заметны элементы, абсолютно тождественные азиатским комплексам такой же керамики (северотагискенская, карасукская, бегазы-дандыбаевская [Гусейнова 1989: табл. VI, XII, XVII, XIX]). Причём, особенно много сходных мотивов и композиций на керамике 3 (позднего) хронологического этапа, которая: а). не связана с предшествующей традицией; б). датируется X—IX вв. до Р. Х. (Гусейнова 1989: 71).

Резюмировать тему «геометрического родства» среднеазиатских и закавказских памятников позднего бронзового века, можно следующим образом. Учитывая паневразийский феномен геометрической керамики, о чём уже неоднократно говорилось, её появление в Восточном Закавказье, может быть, и не стоит связывать только лишь с миграцией из какого-то внешнего очага (в данном случае — Приаралья). Хотя, и этот вариант нельзя исключать совершенно, особенно если считать, что группа памятников с геометрической керамикой в бассейне р. Гянджачай — явление достаточно изолированное для своего времени. В любом случае, проявления феномена геометрической керамики южнокаспийско-среднеазиатской области нуждаются в проверке на вероятную хронологическую сопряжённость.

Мы же вернёмся к более общей проблеме — последнему («историческому») этапу расселения иранских племён. И здесь, мне лишь остаётся, вслед за М. Н. Погребовой, которая фактически объединила «европейский» и «азиатский» варианты расселения ранних кочевников-иранцев, М. А. Итиной (Итина 1970: 49 и сл.; 1977: 234—235), Е. Е. Кузьминой (Кузьмина 1986: 203—204, 207) и другими исследователями, полагать, что за начальной стадией этого расселения стояло медленное перемещение населения степной бронзы к югу и юго-востоку, по-видимому, всё же, по обе стороны Каспийского моря, т.е., через Кавказ и Среднюю Азию. При этом, на азиатский поток, который кажется всё-таки основным и более ранним (Мандельштам 1972: 19—20), вероятно оказывал давление карасукский импульс.[66]

Так, Е. Е. Кузьмина в частности, считает, что движение андроновского населения на юг в Среднюю Азию могло быть обусловлено миграцией племён карасукской культуры в XIII—X вв. до Р. Х. из Центральной Азии и Южной Сибири на запад (Кузьмина 1976: 201; см.также [Черных 1984: 254]). Вполне вероятно, что те карасукские вещи (главным образом, клинковое оружие), которые распространяются на рубеже тысячелетий вплоть до Восточной Европы, возможно, как раз и были материализованным воплощением этого толчка. Нельзя совершенно игнорировать тот факт, что целая серия клинков из Причерноморья оказывается в одной геохимической группе восточных (центральноазиатских) бронз Тувы, Алтая, Казахстана (Гербино, Высокая Могила,

[66] Примечательно в этой связи формирование комплекса Яз-I в Маргиане около 900 г. до Р. Х., которое происходило в том числе и при участии северо-восточных мигрантов из казахстано-сибирского региона (Сагдуллаев 1989: 56). В. М. Массон допускал заимствование в крашеной «геометрии» Яз-I элементов из репертуара резной «геометрии» степной бронзы (Массон 1956: 313; против — Черных 1984: 252). Е. Е. Кузьмина полагает, что генезис культур крашеной керамики Средней Азии, в т. ч. и Яз-I, был связан с воздействием культур Синьцзяна (Кузьмина 1999: 175). Против этого высказывается А.-П.Франкфорт (Francfort 2001: 229), рассматривая процессы культурогенеза южных областей Средней Азии в начале железного века в основном как результат медленной масштабной трансформации цивилизаций эпохи бронзы (Francfort 2001: 221 и сл.). Обратное влияние земледельческих цивилизаций юга Средней Азии (Намазга–VI, Яз–I и II) прослеживается, в частности, на примере керамического комплекса культур поздней бронзы и раннесакского времени в Приаралье (Тагискен, Уйгарак, Сакар–Чага, Куюсай [Итина, Яблонский 2001: 93, 110]).

Рис. 30. **Распространение киммерийских стел в Евразии. Основной ареал оленных камней III-го типа (по Э.А.Новгородовой) и их отдельные находки**

Map of the dessimination cimmerian stelaes in Eurasien. Basic area reindeer stelae of Illth type (after E.Novgorodova) and their separate finds

1 — Зубовский хутор; *2* — ст. Усть-Лабинская; *3* — Гумарово; *4* — Кызбурун; *5* — Армавир; *6* — Центральная Грузия; *7* — Целинное; *8* — р-н Днепрогэса; *9* — Царская могила; *10* — Пески; *11* — Парутино; *12* — Гарвэн (Диногеция); *13* — Белоградец; *14* — Зеехаузен; *15* — Центральный Казахстан (р. Кенгир); *16* — ст. Новопокровская; *17* — Новоалександровка-I; *18* — Нижний Куркужин; *19* — Новомордово.

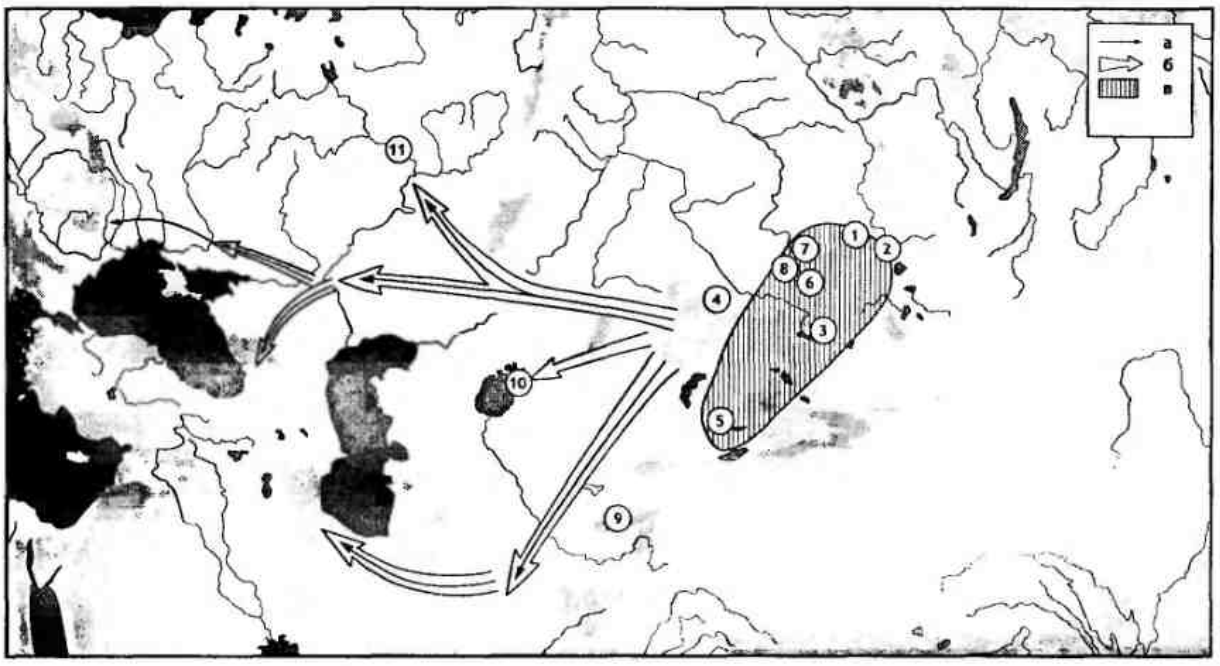


Рис. 31. «Деятельность» центральноазиатского очага культурогенеза (X—VIII вв. до Р. Х.)

«Activities» of the Central Asia hearth of cultural-genesis (X—VIII cent.B.C.)

а — карасукско-аржанский (киммерийский) импульс; X—IX вв.

б — постаржанский (скифский) импульс; VIII в.

в — область формирования культуры ранних кочевников («очаг инноваций»); конец II — нач. I тыс. до Р. Х.

1 — Минусинская котловина; *2* — Тува (Аржан, Баданка и др.); *3–4* — Восточный Казахстан (*3* — Чиликта; *4* — Тасмола, Карамурун); *5* — Семиречье (Биже, Джуван-тобе); *6–8* — Алтай (*6* — курганы Майэмирской степи, Курту, *7* — Усть-Куюм, *8* — Семисарт); *9* — Памирская (Тамды); *10* — Восточное Приаралье (Тагискен, Уйгарак); *11* — Ахмылово.

Головятино, экземпляры из Киевского исторического музея и из Среднего Поднепровья (не точнее), Николаевского могильника (погр. 83 [Барцева 1988: 27—28]). Так же, впрочем, как и то, что открытие мастерской по производству удил с D-образными внешними петлями на поселении Кент в Центральном Казахстане (X—IX вв. до Р. Х.), возможно, позволит пересмотреть точку зрения об их центральноевропейском происхождении.

Вообще, территории к востоку от Каспия в рассматриваемую эпоху обладают одной любопытнейшей особенностью. Именно здесь, в среднеазиатском регионе сосредоточены практически все известные на сегодняшний день следы металлургического производства предметов конской упряжи предскифского типа (Рис. 28). Причём, в каждом случае, мы имеем дело с оригинальной вещью. В этот перечень входят упомянутые только что бракованные удила с D-образными внешними кольцами из поселения Кент, литейная форма для дуговидных, трёхдырчатых псалиев из Дальверзина, бракованное звено стремявидных удил из поселения Куюсай 2 (Рис. 28/4), полная (двусторонняя) форма для отливки однокольчатых удил с витым грызлом, с территории древнего Хорезма (Рис. 28/1—1а).

Что касается предметов т.н. «сибирско-казахстанского» круга оказавшихся в Восточной Европе в предскифскую эпоху, то их перечень, при желании можно расширить. К сожалению, я не располагаю данными о том, насколько со времени публикации Н. Л. Членовой (1973) увеличилось количество находок орудий труда (кельтов) и мелкой карасукской «фурнитуры» (напр. лапчатые подвески) в Восточной Европе. Однако, фонд нахо-

док карасукских ножей и кинжалов явно пополнился (Рис. 17/3, 6; 21/1—3, 5, 6). Не исключено, что к древностям каменноложского (карасук-тагарского) типа относится бронзовое зеркало из раннескифского погребения у с. Чобручи на Нижнем Днестре (Рис. 36/В).[67]

Завершая перечень азиатских элементов, оказавших влияние на формирование киммерийской культуры в южнорусских степях, А. И. Тереножкин упомянул и серию предскифских каменных стел, распространение которых с трудом мыслится вне миграции населения, приверженного этому, в высшей степени, знаковому элементу материальной культуры (Рис. 30). Поэтому, А. И. Тереножкин совершенно резонно писал о том, что именно эти стелы «...определеннее всего могут свидетельствовать не только о сильном восточном влиянии и его особой роли в формировании позднейшей предскифской культуры в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе, в Волго-Камье, но, и *о вероятности проникновения с востока из областей карасукской, или родственных ей культур, сибирских племен на запад еще в конце бронзового или в самом начале железного века*» (Тереножкин 1976: 119 [курсив мой — *И.Б.*]).[68] По мнению Л. Р. Кызласова, распространение «ранних оленных камней» далеко на запад, связано с миграцией в предскифское время из Южной Сибири или Северо-Западной Монголии какой-то этнической группы, которая вероятнее всего была носителем карасукских традиций (Кызласов 1978: 25). В. В. Волков полагает, что ни на одном из видов археологических памятников переплетение карасукских традиций с инновациями скифо-сибирского звериного стиля, не выступает с такой отчетливостью как на оленных камнях (Волков 2001: 339).

Вообще, с тем, что традиция этой монументальной степной скульптуры была принесена в Европу населением, мигрировавшим из районов Центральной Азии, согласно абсолютное большинство исследователей (Тереножкин 1976: 119; Кызласов 1979: 25; Корпусова, Белозор 1980: 244; Савинов 1994: 25—26 [с литературой], 111, 114; Ольховский 2001: 24). В.С.Ольховский считает, что на протяжении VIII — первой пол. VII вв. можно говорить о параллельном развитии центральноазиатской традиции оленных камней и их западного (европейского) варианта. Однако, если линия развития центральноазиатских стел, уходящая корнями куда-то в эпоху бронзы, без каких-либо разрывов длится до середины I тыс. до Р. Х. (Савинов 1994: 111), то традиция «киммерийских» стел в Европе, прекращается внезапно (Ольховский 2001: 23—24). В таком случае, можно думать, что население, принёсшее эту традицию из центральноазиатского региона, обитало в Европе относительно недолго и «растворилось» в окружающих культурных мирах практически бесследно. Любопытно и то, что по сравнению с оленными камнями Центральной Азии,

[67] Зеркало осталось, по-видимому, неизвестным Т. М. Кузнецовой, поскольку не вошло в составленный ею свод (Кузнецова 2002). А, между тем, этот экземпляр способен внести две существенные поправки в типологию зеркал степной Скифии, предложенную упомянутым автором. Во-первых, диск данного зеркала вогнутый и, что особенно важно — не имеет бортика. Именно последний признак, не встречающийся, по мнению Т. М. Кузнецовой, на раннескифских зеркалах (II вид I отдела), на мой взгляд, сближает экземпляр из Поднестровья с южносибирскими зеркалами. Во-вторых, ручка экземпляра из Чобручей имеет вид петельки-сегмента (1 вариант), который, опять-таки согласно Т. М. Кузнецовой до сих пор не был известен в степных скифских памятниках Северного Причерноморья (Кузнецова 2002: 33).

[68] Чуть позже, эту же мысль А. И. Тереножкин высказывал уже вполне уверенно: «...проникновение карасукских культурных элементов на юг Восточной Европы приходится на конец белозерской ступени срубной культуры или на начало черногоровского времени...» (Тереножкін 1978: 20).

для европейских («киммерийских») стел характерна гораздо более явная связь с погребальным культом. «Киммерийские» стелы — памятники надгробные, устанавливаемые на вершине курганной насыпи, что не свойственно основной массе «классических» оленных камней» (Ольховский 2001: 23). Возможно, этого требовала ситуация, при которой такую связь («стела-погребение»), вполне очевидную на родине мигрантов в глубинах Центральной Азии, необходимо было как-то акцентировать в инокультурной среде?

Стоит ли за всеми этими событиями непосредственное перемещение именно карасукского населения в столь неблизкие районы?[69] Говорить об этом сейчас довольно трудно. Впрочем, 20—30 лет назад сама мысль об этом должна была казаться почти еретической. Сегодня поразмышлять на эту тему можно и вслух.

Антропологами уже давно установлено, что серия черепов (всего 4) из двух степных погребений, атрибутируемых как «новочеркасские» (хут. Попов (городище Саркел) на Дону и с. Васильевка на Нижнем Днепре) резко выделяются на фоне прочей краниологической серии предскифского периода и, по целому ряду признаков, практически, тождественны центральноазиатским (карасукским) сериям. В. П. Алексеев полагал, что череп из погр. 4 кург. 58/26 у хут. Попов, вообще не отличается от карасукских. С учётом находки в этом же погребении типичного карасукского ножа (т.н. тип «с аркой на кронштейне»), антропологическое заключение становится особенно впечатляющим.[70] Вряд ли покажется излишне прямолинейным вывод Н. Л. Членовой о том, что в данном случае перед нами захоронение в низовьях Дона выходца из сибирско-казахстанского региона (Членова 1973: 202).

Недавно были получены новые данные, которые позволяют вывести отмеченное антропологическое сходство из ряда среднестатистических случайностей и распространить его на другие «новочеркасские» черепа. По мнению С. И. Круц, для «новочеркасской» серии характерна необычная для южнорусской и причерноморской степной бронзы широколицесть и мезобрахикрания — признаки, по которым эти черепа разительно (sic!) отличаются даже от практически синхронных черногоровских, и, наоборот, близки карасукским, а также черепам из могильника Сиалк и из таврских погребений Крыма (Круц 2002; 2002а).[71] Малые антропологические серии предскифского периода заставляют весьма осторожно

[69] Говоря о карасукском импульсе в Восточной Европе на рубеже II—I тыс. до Р. Х., я отнюдь не настаиваю на том, чтобы видеть в нём влияния непременно эпонимной культуры Минусинской котловины (т. н. «классический карасук»). С точки зрения абсолютной хронологии это, скорее всего, просто невозможно (см. напр. [Parzinger 2001: 73—74, 77—78]). Однако, учитывая, что появление более поздних культурных образований в данном регионе (памятники каменноложского этапа = лутавская культура), вероятно, есть результат дальнейшего, более или менее органичного развития (культурной трансформации?) именно карасукских древностей (Поляков 2002: 213), то использование таких понятий как «карасукское влияние», «карасукский (карасукско-аржанский) импульс» и др., применительно к районам Восточной Европы не кажется столь уж безответственным.

[70] Три прорисовки этого ножа из трёх разных публикаций (Тереножкин 1976: 55, рис. 25/2; Членова 1973: рис. 2/2; Лукьяшко 1999: рис. 101/1) настолько отличаются друг от друга, что впору говорить о трёх разных предметах. Сличение с фотографией оригинала из первой публикации (Иессен 1954 (3): рис. 35/1) показывает, что точным является только рисунок из монографии С. И. Лукьяшко.

[71] Если эти данные будут подтверждаться и в дальнейшем, то тогда «надкультурный» статус новочеркасских древностей, на котором настаивает О. Р. Дубовская (см. выше), может оказаться под большим вопросом, так же, впрочем, как и исходный ареал этого феномена — область расселения племён кобанской культуры.

оперировать полученными результатами, о чём говорят и сами антропологи. Однако, пока мы имеем то, что имеем, и этот багаж позволяет нам остановиться, во всяком случае, на следующей формулировке.

Проникновение карасукских вещей далеко на запад от основного ареала (Рис. 20) можно считать результатом резко возросшей мобильности карасукского населения (переход к полукочевому, или даже кочевому образу жизни [Новгородова 1989: 126]), что в свою очередь, влечёт за собой снятие тех ограничений в межкультурных контактах, которые прежде в значительной мере определялись оседло-земледельческими стандартами. По сути, это можно считать начальной фазой первого (карасукско-аржанского) этапа культуры ранних кочевников.[72] С началом этого этапа связано необычайно широкое и стремительное распространение целой свиты предметов кочевнической атрибутики, и на этот раз, уже определённо вместе с какими-то группами населения. Всё это и привело в итоге уже в IX веке к формированию паневразийского блока культур «аржано-черногоровской» (по М. П. Грязнову) фазы и черногоровско-новочеркасского горизонта, как составляющего этот культурный блок.

Немаловажную роль в процессе культурогенеза Центральной и Средней Азии конца II — нач. I тыс. до Р. Х. играла, по-видимому, область Приаралья, где намечена культурно-хронологическая преемственность от мавзолеев Северного Тагискена уже через раннесакские комплексы Южного и курганы Уйгарака. Примечательно, что саков Приаралья считают, таким образом, своеобразным связующим звеном между общностями поздней бронзы и раннего железа сибирско-казахстанского (в частности, карасукского) круга и Передней Азии (Итина 1992: 46). Напомню, что монголоидные черты в краниологической серии раннесакских могильников Приаралья относят именно на счёт центральноазиатского (карасукского) влияния (Гинзбург, Трофимова 1972: 112).[73]

Если, к настоящему времени сложилось представление, что в вопросах культурогенеза, автор данной работы стоит на позициях ультра-миграционизма, то это не совсем так. Исключительное внимание к роли восточных импульсов в процессах, происходивших в степях Евразии на рубеже эпох бронзы и железа, объясняется тем, что эти импульсы, составлявшие евразийский поток широтной направленности, явились мощным катализатором тех региональных хозяйственно-экономи-

[72] В моём понимании «караскуско-аржанский» этап — абсолютно тождественен синонимическим понятиям «киммерийско-карасукская общность» или «культуры карасукско-киммерийского круга», которые использует Н. Л. Членова (1997: 18, 38). Излишне, наверное, подчёркивать, что хронология этих понятий в данное тождество не входит.

[73] Л. Т. Яблонский, исследовавший краниологическую серию из могильников Сарыкамышской дельты, выделил две группы, синхронно появившиеся в этом районе (Jablonskij 1994: 362—363). Одна из групп, краниологический тип населения которой близок сериям срубной культуры, по мнению Л. Т. Яблонского могла появиться из Поволжско-Уральских степей. Другая, в которой весьма сильна монголоидная примесь, что сближает её с краниологической серией Уйгарака, — из ареала карасукской культуры, в частности, Южной Сибири (Jablonskij 1994: 362—363; со ссылкой на работу В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой). Примечательно, что на раннесакских черепах из Южного Приаралья (могильники Сакар-Чага и Тумек-Кичиджик в Присарыкамышье) монголоидные признаки выражены слабее, чем в аналогичных сериях из Юго-Восточного Приаралья (Южный Тагискен и Уйгарак [Итина, Яблонский 1997: 80—81]). Вообще, тема участия карасукского антропологического типа в формировании раннесакских популяций Приаралья озвучивается Л. Т. Яблонским довольно часто, правда, с разной степенью убеждённости автора в своей правоте. Так, совершенно неожиданным выглядит его заявление в одной из работ о том, что с точки зрения археологии, нет достаточных оснований, говорить о непосредственном участии карасукского населения в сложении сакской культуры Приаралья (Яблонский 1996: 50)

ческих и социальных изменений, предпосылки к которым вполне самостоятельно, но довольно медленно складывались в заволжских, казахстанских, северокавказских, южнорусских (причерноморских) степях. В каждом из этих регионов происходит постепенное обособление мобильных групп с полукочевым укладом хозяйства. Начинаются и транслокальные перемещения этих групп, которые происходили преимущественно в меридиональных направлениях, как, например, в Причерноморье — степь-лесостепь-степь. На рубеже тысячелетий, эти процессы отмечаются в казахстанско-среднеазиатских степях (Итина 1977: 235; Итина, Яблонский 2001: 107), Поволжье и на Северном Кавказе (Погребова 1977: 133—134; Грантовский 1970: 359—360), Северном Причерноморье. В полном соответствии с такой резко возросшей мобильностью степных пастушеских сообществ рубежа II—I тыс. до Р. Х. находится очевидный факт достаточно широкого распространения в Восточной Европе костяных псалиев т.н. позднебелозерского (предчерногоровского) времени. Отдельные находки таких псалиев и погребальные комплексы с ними, известны для этого времени на Северном Кавказе и Нижнем Дону, Нижнем и Среднем Поволжье, Причерноморье и Приазовье.[74]

Примечательно, что перемещения отдельных групп населения через ландшафтно-климатические зоны (т. е. в меридиональном направлении), фактически совпали с начавшимся в конце II тыс. до Р. Х. процессом смещения этих самых зон к северу (Бруяко 1999: 33 [с литературой]).[75] Это смещение, в свою очередь, было вызвано отрицательными климатическими изменениями континентального характера, на которые совершенно определённо указано в специальной литературе (Раунер 1981; Иванов 1983; Золотун и др. 1984; Иванов, Ковалева 1984; Александровский 1989; Бруяко, Карпов, Петренко 1991; Демкин и др. 2001; Демкин, Демкина 2003; и др.) и с чем согласны многие археологи (Махортых, Иевлев 1991: 20; Махортых 1994: 3, 50, 56, 74; Хабдулина 1994: 74—77; Бессонова 1999: 153; Медведев 1999: 15—16, 28; Бруяко 1999: 29 и сл.).

Как раз именно эти явления «протономадизации» региональных масштабов и были перекрыты волной кочевого (всаднического) населения противоположной, широтной направленности (восток-запад). Вероятными исходными ареалами в данном случае, могли быть горно-степные области Алтая, Тувы, Восточного Казахстана, Синьцзяна (Рис. 31). Этот поток, по мере своего продвижения на запад, втягивавший в себя различные группы населения (т.н. кооперированная миграция [Клейн 1999: 59, 67, рис. 9]), благодаря своей изначальной археологической (вещевой) наглядности в сочетании с предельной динамичностью, в конечном счёте, и явил нам культуру ранних кочевников степей Евразии. Это был тот самый толчок, которому нет места в законах формальной логики и при котором одно (текучее) состояние переходит в ка-

[74] Могильники Майртуп и Дагбаш на Северном Кавказе, Подгорное, Маклашеевка, Полянский могильник — в Поволжье, Усатово и Дереивка в Причерноморье и т. д. Едва ли не исчерпывающей статистикой подобных находок обладает В. С. Бочкарёв, который любезно поделился со мной этими данными.

[75] Взаимную обусловленность этих процессов нельзя понимать слишком буквально — раз ландшафтные зоны смещались к северу, то и население перемещалось исключительно вслед за ними. В каждом конкретном регионе существовали свои ландшафтно-климатические особенности (хозяйственно-экологические ниши), в соответствии с которыми, перемещение пастушеских групп могло происходить по-разному (Раевский 1995: 87 и сл.). Так, например, для Южного Приуралья и Северного Казахстана движение племен степной бронзы происходило в южном направлении, к оазисам Приаралья и предгорьям Копет-дага (Итина 1977: 235—237; Грантовский 1970: 368).

чественно иное так, что конец первого и начало второго неразличимы (Лосев 1988: 80). Появление такого фактора почти запрограммировано исторически, и неизбежно с точки зрения социокультурной динамики.

2.3. Вместо заключения

ЗАВЕРШАЯ эту часть работы, хотелось бы провести весьма любопытную, на мой взгляд, историческую параллель. Она, хотя и отделена от занимающего нас периода толщей веков, однако кажется достаточно знаковой, способной придать большую уверенность в правомерности предложенной выше реконструкции культурно-миграционных процессов в евразийском ареале на рубеже II—I тыс. до Р. Х.

Векторы культурных перемещений в евразийской степи киммерийско-скифского времени, во многом совпадают с теми, что сопровождают монгольскую экспансию первой пол. XIII в., которая, как совершенно верно замечает В. М. Массон, фактически исчерпала потенциальные возможности эволюции кочевого мира (Массон 2002: 55). Совпадают пути передвижений, во многом схожи их последствия для соседних культур (государств), одним словом, вся цепь событий вызванных системообразующим толчком в эпицентре очередной фазы культурогенеза.

Элита Хорезма, составлявшего северо-восточную провинцию Халифата, после разгрома 1220 г. уходя от язычников-монголов, во главе с Джелал-ад Дином прорвалась через Иран в Переднюю Азию, «...не имея ни крепостей, ни тыловых баз, вероятно в чем-то воспроизводя атмосферу раннего периода переселения в Европе» (фон Грюнебаум 1986: 178—179). Почти 10 лет, вплоть до 1230 г., хорезмийцы и примкнувший к ним отовсюду разношерстный люд, вымещают злобу на населении Среднего Востока и Передней Азии, пока, наконец, сельджуки Рума не положили конец их безобразиям. Вслед за ними, спустя 35 лет после захвата Хорезма, по этому же маршруту проследовали монголы во главе с Хулагу. Итог — разорение Передней Азии и захват в 1258 г. столицы Халифата, Багдада. Однако, между этими событиями было и ещё одно, а точнее два, весьма примечательных своей последовательностью и географией. После разгрома Хорезма, орда Джебе и Субудая обошла с юга Каспий, перевалила через Кавказ и вышла в половецкие степи. Итог — битва на р. Калке в 1223 г., что в Приазовье, чуть севернее современного Мариуполя. А ещё через десять с небольшим лет монголы из Средней Азии подходят к берегам Волги. Что было дальше — знают все.

Но не кажется ли, что пусть с меньшей отчётливостью, некоторыми отклонениями, быть может, с несколько иными вариациями, но всё это уже происходило в начале I тыс. до Р. Х.? Детали, конечно, могут и не совпадать, слишком уж очевидна разница в количестве и репрезентативности источников, в первую очередь письменных. Налицо концептуальное сходство. И, ведь, самое удивительное, но вместе с тем, как-будто бы вполне ожидаемое, заключается в том, что отмеченные параллели объединяют первый и последний «взрывы» центральноазиатского очага культурогенеза, энергия которого была растрачена за две с небольшим тысячи лет.

Глава 3.
ПОНТИЙСКО-КАРПАТСКИЕ ЗЕМЛИ В VII—V ВВ. ДО Р. Х.

Интеллект только тогда может иметь дело с вещами, когда они обладают сходством с чем-то уже испытанным в прошлом, в то время как интуиция способна схватить присущие каждому новому времени уникальность и новизну.

Анри Бергсон

Окинув взглядом безбрежные степные просторы Евразии начала I тыс. до Р. Х., мы вновь возвращаемся на их западную окраину, с которой оказывается очень удобным наблюдать за дальнейшим ходом стремительно разворачивавшихся событий. Здесь, в предгорьях Восточных Карпат, раннекочевническая волна центральноазиатского очага, заполнив культурно-демографический резервуар евразийского степного пояса, подошла к его естественной западной границе и оказалась перед лицом качественно иной, центральноевропейской цивилизации, находившейся на рубеже эпох бронзы и железа. И если до сих пор, в пределах привычного для номадов культурно-географического ландшафта Евразии, становление раннекочевнических образований следовало одной концептуальной модели (с многочисленными локальными вариациями), то отныне кочевники должны были каким-то образом трансформировать эту модель, вступая в диалог с традиционно устойчивым оседло-земледельческим миром Балкан и Средней Европы.

Пограничной (контактной) областью двух миров выступает Понтийско-Карпатский (у́же — Днестровско-Карпатский) регион, на котором мы теперь и сосредоточим внимание.

Несколько слов по поводу периодизации скифской культуры, используемой в настоящей работе. Она не претендует на сугубую оригинальность и представляет собой схему, синтезирующую относительную хронологию ступеней скифской культуры, предложенную в разное время А. А. Спицыным, А. И. Мелюковой, В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным. В эту схему внесены поправки на абсолютные датировки, заимствованные из восьмиступенчатой периодизации

А. Ю. Алексеева (Алексеев 1996: табл. I; 2003: 23, табл. I)., **Раннескифская культура (РСК)** таким образом, соответствует первым трём и ранней фазе 4-й ступени по периодизации А. Ю. Алексеева (конец VIII — первая пол. VI вв.). **Среднескифская культура (ССК)** займёт оставшуюся часть 4-й, а также всю пятую и шестую ступени (середина VI — конец V вв.). **Позднескифская культура**, которую, на мой взгляд, лучше назвать «классической скифской культурой», — охватывает 7 и 8 ступени (конец V — IV (начало III) вв. до Р. Х.).

3.1. Археологические источники

3.1.1. Скифы

Наш обзор источников мы начнем с того момента, когда скифы, в своем продвижении на запад ,достигли берегов Днестра в среднем его течении. По современным представлениям это произошло около 650 г. до Р. Х. Основанием для такой даты является серия памятников раннескифского типа на Среднем Днестре (Круглик, Ленковцы [Смирнова 1993: 101 и сл.]). В Бессарабии вокруг этой даты помещается верхний рубеж памятников типа Шолдэнешти. Период существования этой группы определяется главным образом на основе хронологии культуры Басараби, локальным вариантом которой она является. Для построения самостоятельной, региональной линии хронологических привязок, имеющихся материалов шолдэнештской группы пока, по-видимому, недостаточно. Во всяком случае, специальных работ, посвящённых хронологии этой группы, пока нет. Исключение составляет пожалуй, лишь раздел в монографии В. Л. Лапушняна, где он датировал древности шолдэнештского типа VIII—VI вв. до Р. Х. (Лапушнян 1979: 18).[1]

Учитывая эти обстоятельства, сейчас трудно говорить о том, что появление на Среднем Днестре скифов и финал группы Шолдэнешти, основной, и надо сказать, весьма компактный ареал памятников, которой находился чуть южнее (Рис. 16), — это события взаимосвязанные. Судя по состоянию источников, больше похоже на то, что шолдэнештская группа, или во всяком случае, отдельные её памятники, доживают практически до конца VII в. до Р. Х. Наличие в могильнике Селиште (где, как считают, присутствуют позднейшие погребения этой группы) железных однокольчатых удил «кавказско-келермесского» типа[2] и лепной керамики, сопоставимой с лесостепными формами раннескифского (старшежуровского и за-

[1] Начальной фазе развития группы Шолдэнешти и её хронологическому соотношению с финалом Сахарны, посвящена статья М. Т. Кашубы (Кашуба 2000а: 145), о которой мы уже говорили в I-й главе.

[2] Определение «кавказско-келермесский» тип в отношении железных однокольчатых удил с запутыми внешними петлями, предложено здесь, кажется впервые. Оно кажется достаточно правомерным, поскольку большое количество удил этого типа обнаружено именно на территории Северного Кавказа, в ареале памятников кобанской культуры и погребениях Келермесского могильника. Районом довольно широкого распространения таких удил является и Приднепровская лесостепь (памятники периода РСК–3). Наконец, географически наиболее близкой к Селиште аналогией, является находка из кургана в Ленковцах (Мелюкова 1953: рис. 28/4), который сейчас датируется временем около сер. VII в. до Р. Х. (Смирнова 1993: 105 и сл.).

падноподольского) облика, вполне соответствуют дате второй пол. VII в. до Р. Х.[3] Вместе с тем, суммарная характеристика погребального инвентаря (Рис. 32) позволяет думать, что могильник (раскопано 32 (33?) погребения) функционировал достаточно длительное время. Судя по некоторым находкам (железные фибулы типа «Sanduhrförmiger», фрагмент двукольчатых бронзовых удил, керамика с развитой басарабской орнаментацией), здесь присутствует и более ранняя группа захоронений, вероятно первой пол. VII, или даже конца VIII вв. до Р. Х.

Ещё один аспект взаимоотношений пришлого кочевого населения с туземным, оседло-земледельческим, касается территориально-хронологического соотношения памятников западноподольской группы и собственно скифских. Считая оседлое население первым, в своей основе местным (доскифским), необходимо отметить следующее. Судя по всему, ареал, который обычно отводили памятникам этой группы ещё 15—20 лет назад (районы Черновицкой, Хмельницкой и Тернопольской областей) сегодня уже значительно расширяется в южном и юго-западном направлениях.[4] По всей видимости, южная часть западноподольского ареала должна включать северные районы Молдавии (Молдавское плато) и запрутской Молдовы (плато Сучава и Молдавская равнина, уезд Ботошани [Рис. 33]). Соответствующий материал в Молдавии был отмечен ещё разведками 60-х гг. XX в. (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 8, рис. 1; 27, рис. 6). Недавно начатые здесь стационарные исследования многослойного поселения Тринка (Единецкий район) позволили О. Г. Левицкому выделить горизонт с керамикой западноподольского облика, а по инвентарю и погребальному обряду могильника, относящегося к этому же поселению, включить его в группу памятников западноподольского типа (Levițki 1998: 45). Сюда же О. Г. Левицкий отнес ещё несколько комплексов из Северной Молдавии (Коржеуць, р-н Бричень и Бурлэнешти, р-н Единец [Levițki 1996: 174; 1998: 39]). Наверное, можно говорить о наличии слоя с керамикой западноподольского типа и на городище Глинжены (Гольцева, Кашуба 1995: 40, 64). Причём, здесь лепная керамика с проколами под венчиком встречается уже в слоях предшествующего, шолдэнештского горизонта обитания (Гольцева, Кашуба 1995: табл. LXVII—LXVIII).

Нечто подобное мы наблюдаем и на правом берегу Прута. В своё время, А. И. Мелюкова уже обращала внимание на то, что ряд комплексов запрутской Молдовы имеют очевидное сходство с западноподольской группой (Мелюкова 1979: 103). Речь идёт, в частности, о так называемых «позднегальштатских» курганах в Сату-Маре и Воловэць (уезд Сучава).

М. Игнат, также отмечая близость этих памятников западноподольской группе, в особенности по его мнению, это касается керамики (кург. 7 у с. Воловэць [Ignat 1978: fig. 13/10]), считал однако эти памятники и район в целом — крайней

[3] К этой же дате склоняется и О. Г. Левицкий. Он полагает, что инвентарь погребений №№3 и 31 могильника Селиште определённо свидетельствует о контактах позднешолдэнештского населения Бессарабии со скифами (Levițki 1998: 45; Kaşuba, Haheu, Levițki 2000: 102)

[4] Понятие «западноподольская» группа применительно к территории Среднего Поднестровья, с географической точки зрения кажется не вполне точным, поскольку указанная область расположена на юге, или точнее — юго-западе Подольской возвышенности. Уместно вспомнить в этой связи название послевоенной экспедиции М. И. Артамонова, работавшей в эти местах — Юго-Подольская. Впрочем, я не призываю к подобного рода инверсии названий, учитывая что во-первых, она вряд ли будет принята, а во-вторых то, что это повлекло бы путаницу во всех смежных культурно-географических зонах и имеющейся на сегодняшний день научной литературе.

северо-восточной областью распространения фракийского влияния. Датировка, предложенная автором — конец VI — нач. V вв. — кажется сильно завышенной, тем более что сам М. Игнат объединяет курган №7 с материалами старых (конца XIX в.) раскопок в Сату-Маре (Ignat 1976: 106, fig. 3/6—7) и выделяет их в отдельную группу, имеющую многочисленные параллели в Западной Подолии (Ignat 1978: 124). Наконец, совсем недавно М. Игнат опубликовал результаты новых исследований, согласно которым в румынской Буковине, северо-западнее г. Сучава совершенно определённо вырисовывается целая группа памятников, которая, едва ли не по всем основным признакам сопоставима с западноподольскими (Ignat, 2000).[5] Однако, М. Игнат настойчиво ищет в этих памятниках известное своеобразие в виде местных, гальштатских элементов, которые позволили бы отличать эти румынские памятники от собственно западноподольских. Он предлагает выделить курганы в Кашвана-Кодру, Воловэць, Сату-Маре, Виковул-де-Сус в отдельную группу, назвав её вначале подольско-буковинской (Ignat 1995: 17), а позже — подольско-молдавской (Ignat 2000: 331).

Некий позднегальштатский субстрат в памятниках этого типа на севере запрутской Молдовы видит и А. Ласло. Он полагает, что население группы Грэничешти (локальный вариант гавско-голиградской культурной общности) доживает на Сучавском плато вплоть до начала западноподольского горизонта (середина-вторая пол. VII в. до Р. Х.), образуя на этом этапе некий позднеголиградско-западноподольский симбиоз (Laszlo 1994: 196-197). Отметив, что для определения конечной даты группы Грэничешти данных крайне мало, А. Ласло далее указывает ещё на 2 района, где наблюдается столь же длительное развитие древностей гава-голиградского типа (т. н. фаза Гава–III). Это во-первых, Северная Буковина, где согласно Г. И. Смирновой, позднеголиградский компонент в составе ленковецкой группы памятников доживает вплоть до появления в Подолии скифов (Смирнова 1989: 30), а во-вторых — район Семиградья в Трансильвании, где позднегавское население обитает на ряде памятников во второй половине, или даже в конце VII в. до Р. Х. (Vasiliev 1980: 126; Chochorowski 1987: 162; 1989, p. 95).[6]

Продолжая обсуждать тему ареала памятников западноподольской группы, необходимо остановиться на некоторых материалах из раскопок многослойного поселения Кукорэни (уезд Ботошани [Рис. 33/2]), опубликованных С. Теодор в 1975 г. (Teodor 1975: fig. 25—26). Особый интерес для нас здесь представляют отнюдь не единичные фрагменты керамики, которые совершенно определённо можно сопоставить с лесостепной керамикой раннескифского времени, в т.ч. и с западноподольской (Рис. 34/Б). Эта керамика обнаружена в жилищах №№1 и 13, где она теряется в общей массе фрагментов, характерных для лепных сосудов поянешти-лукашевского типа. К этой культуре и отнесены оба комплекса. Очевидно, что лепная керамика с проколами никак не связана с керамическим комплексом II—I вв. до Р. Х. Вероятнее всего, на поселении Кукорэни существовал более ранний горизонт обитания, сопоставимый с древностями западноподольского облика. В таком случае, наиболее вероятной датой этого горизонта поселения Кукорэни будет вторая половина (конец) VII — VI вв.

[5] 11 курганов раскопано в Кашвана-Кодру, что составляет десятую часть всего могильника. Материалы раскопок близ с. Виковул-де-Сус не опубликованы (Ignat 2000: 331—332)

[6] Всё это кажется вполне вероятным ещё и потому, что давно замечено — по сравнению с классическим, традиционным ареалом культуры Гава, на его периферии, в частности на востоке (голиградский вариант) древности этого типа существуют дольше.

до Р. Х., поскольку лепная керамика со сквозными и несквозными проколами под венчиком не может далеко заходить в V век.[7] Не исключено, что где-то вблизи верхней даты этого же горизонта обитания поселения следует помещать и цельнолитое, гладкое бронзовое зеркало с боковой рукояткой (Рис. 34/Б). Любопытно, что зеркало также происходит из закрытого комплекса (жилище №10). Этот тип зеркал появляется в архаическом некрополе Ольвии около 500 г. до Р. Х. (Скуднова 1988: 123, кат. 188).[8]

Таким образом, есть все основания полагать, что отмеченные северные области запрутской Молдовы (Южная Буковина) и Молдавии во второй пол. VII — VI вв. до Р. Х. входили в южный ареал памятников западноподольской группы. Что же касается отдельных элементов материальной культуры раннескифской лесостепи, то они (опять-таки, главным образом это керамика) в этот период проникают далеко на юг Бессарабии и Молдовы, практически до приморской зоны, включая и Северо-Восточную Добруджу. Так, единичные находки лепной керамики с проколами отмечены в Бырсештах (Рис. 35/9), Селиште (погр. №62), на многослойном фракийском памятнике у с. Орловка (городище Картал [Рис. 34/А]). Наконец, такая же керамика есть и на поселении Чилик-Дере в Добрудже (Рис. 35/8), где она, согласно не вполне понятному изложению автора публикации, как-будто бы происходит из слоя перекрывающего горизонт Бабадаг–III, т.е., опять-таки после середины VII в. до Р. Х. (Simion 1992: 37).[9]

Вернёмся однако, к скифам, время появления которых на Среднем Днестре, как уже отмечалось, приходится на середину VII в. до Р. Х. Похоже на то, что их памятники здесь заполняют всю вторую половину столетия, а также начало, или как полагает Г. И. Смирнова, — первую половину VI в. до Р. Х. (Смирнова 1993: 116). Тогда же, во второй половине VII века, скифские памятники редкой цепочкой, но все же вполне очевидно перемещаются к югу по междуречью Днестра и Прута и далее к низовьям Дуная (Рис. 33). В это же время, достаточно внезапно возникает обширный скифский анклав в Трансильвании.

Если появление скифских памятников в Трансильвании во второй пол. VII в. — факт общеизвестный, то их распространение к югу от Среднего Днестра, до недавнего времени было вовсе не очевидным. Бесспорные памятники скифской архаики в Бессарабии исчерпывались двумя погребениями. Это Старые Куконешты (Куконештий Векь) на севере Молдавии, середины-второй пол. VII в., и чуть более позднее (конец VII — нач. VI вв.) погребение у с. Огородное (Городнее) в Южном Буджаке (Рис. 36/А,Г). При этом, было заметно, что оба памятника разделяла внушительная географическая лакуна, которая не вполне соответствовала идее меридионального перемещения номадов во второй пол. VII в. из Среднего Поднестровья на юг в Буджакскую степь. Однако, после публикации О. Г. Левицкого и Т. И. Демченко (Левицкий, Де-

[7] В целом, эта дата подтверждается по материалам лесостепного Причерноморья. Кроме того, самым началом V в. ограничивают дату этой керамики комплексы Березани и Ольвии (Марченко 1988: 108, рис. 36). Примерно, та же ситуация наблюдается и в Никонии, возникшей, как известно, во второй пол. VI в. до Р. Х. Здесь, лепная керамика с проколами составляет менее 1% всей коллекции (Бруяко 1993: 60, рис. 1).

[8] Фрагменты лепной керамики с проколами под венчиком обнаружены на поселении Брэдичешти (Ясский уезд). Автор публикации, впрочем, видит в этих фрагментах пережитки традиций культуры Ноа в гальштатском (группа Козия) контексте (Iconomu 1997: 120, fig. 1/5, 7).

[9] Судя по рисунку, фрагмент кухонного горшка с валиком и проколами под венчиком найден и на поселении Никулицел-«Корнет», расположенном также в Северо-Восточной Добрудже, неподалеку от Чилик-Дере. Гальштатский слой поселения представлен материалами типа Бабадаг–II–III (Jugănaru, Topoleanu 1994: pl. VI).

мченко 1995), эта лакуна практически исчезла и сейчас, мы располагаем уже серией скифских погребений в Бессарабии середины-второй пол. VII в. до Р. Х., география которых достаточно красноречиво, на мой взгляд, указывает на маршрут передвижения скифов в данном районе (Рис. 33).[10] Жирной точкой (а может быть, и восклицательным знаком) в обозначенной цепочке раннескифских погребений, является захоронение у с. Сабанжия в Северо-Восточной Добрудже, практически уже на морском побережье (Рис. 33/5; 36/Д), которое можно датировать второй пол. —концом VII в. до Р. Х.

По-видимому, несколько более поздним временем, чем перечисленная только что серия памятников, датируется курганный комплекс у с. Чулница в центре Бэрэганской равнины (Marinescu-Bîlcu, Renţa, Matei 2000). К нему, мы ещё вернёмся, а пока отметим два обстоятельства, связанных с этим комплексом. Во-первых, это его датировка, которая, в основном определяется самосской (?) амфорой (Рис. 49). Сосуд принадлежит одному из ранних типов тары этого центра, скорее всего, первой пол. VI в. до Р. Х. (Cook, Dupont 1997: 165—167, fig. 23.6). Во-вторых, для той географической области, в которой обнаружен этот комплекс (Восточная Валахия [Рис. 61/21]), он является совершенно уникальным как по хронологии, так и по особенностям погребального обряда.

Исчерпав, таким образом, очевидные комплексы ранних скифов, а с ними и бесспорную датировку их появления в Бессарабии в VII в. до Р. Х., обратимся теперь к другой группе источников, так называемым «случайным находкам». Недостатки этой группы в методическом отношении хорошо известны. Это внекомплексность и единичность предметов её составляющих, а значит, и малопривлекательные, широкие даты. Неясен до конца и способ попадания конкретной вещи в тот или иной район. И, тем не менее, репрезентативная выборка однотипных вещей, пусть даже на относительно большой территории, какой в данном случае является область между Днестром и Карпатами, всё же позволяет нам рассматривать её, как своего рода мегакомплекс и, с большей или меньшей степенью достоверности, решать те самые две задачи — этнокультурная принадлежность и хронология — для которых обычно привлекаются закрытые, «классические» комплексы.

Большая часть случайных находок интересующего нас периода сосредоточена на территории запрутской Молдовы. Здесь, в отличие от Бессарабии, памятники периода РСК на сегодняшний день, пока не зафиксированы. Однако, отсюда происходит более трех десятков находок акинаков, которые румынские исследователи почему-то называют «кинжалами позднегальштатского типа».[11] Суммарная

[10] Помимо погребений у сс. Страшены и Чобручи, раннескифская атрибуция которых сомнений не вызывает, авторы предлагают включить в эту же группу и погребение у с. Новые Раскайцы (Рэскаций Ной [Рис. 36/6]). В первой главе, я уже приводил аргументы против такой, заниженной датировки этого комплекса. Недавняя работа С. Г. Колтухова, по-видимому, окончательно проясняет ситуацию с хронологией этого погребения. Оно должно быть датировано периодом среднескифской культуры, во всяком случае, не ранее второй пол. VI в. до Р. Х. (Колтухов 1998). Примерно так же датирует этот комплекс и А. Ю. Алексеев — конец VI — начало V вв. до Р. Х. (Алексеев 2003: 205)

[11] Большинство румынских коллег упорно отказывается видеть в распространении погребений и отдельных вещей скифского облика в запрутской Молдове, Трансильвании и других областях Румынии — свидетельство физического присутствия здесь скифов. Чрезвычайно популярно, к примеру, такое определение скифских акинаков, как «кинжалы позднегальштатского типа», а в отношении захоронений — «погребения позднегальштатского облика» (Buzdugan 1976; Buzdugan, Coman 1977). Определение «скифский», употребляется в кавычках (Mihailescu-Bîrliba, Untaru 1971; Marinescu 1984: 70). Характерно, что при анализе всей суммы данных, идея скифской экспансии вольно или невольно, но постоянно присутствует в ходе изложения (по

датировка этой группы находок — VI—V вв. до Р. Х. Мечи, как известно, не самый чёткий хроноиндикатор, поэтому трудно сказать, есть ли в этой группе определённо более ранние экземпляры, которые можно было бы датировать только VII веком.[12] Не исключено, что в том числе и VII в. до Р. Х. датируется серия из 6, практически однотипных клинков (Рис. 37/17, 19—23). Это короткие кинжалы с лезвием в форме сильно вытянутого треугольника, Т-образной рамочной рукояткой и чётко выделенной нервюрой по середине клинка. А. Гавлик добавляет к этой серии ещё одну, которая насчитывает 7 экземпляров (Быку, Гэнешти, Ибэнешти, Думешти, Агапия, Бэлэбенешти, Мошна [Рис. 37/3—7]) и датирует все 13 мечей второй пол. VII — VI вв. до Р. Х. (Gawlik 1998: 57, 59). А. Вульпе помещает все эти мечи в свою II-ю группу («тип Сусени-Мэчишени») и датирует их в основном первой пол. VI в., хотя не исключает и VII в. до Р. Х. (Vulpe 1990: 41). Таким образом, весьма велика вероятность того, что какие-то из вышеперечисленных экземпляров могли попасть на территорию между Прутом и Карпатами ещё в VII в. до Р. Х.[13]

К этим находкам из запрутской Молдовы нужно добавить, в целом синхронную, небольшую серию раннескифских акинаков из центральной части Бессарабии (Унгены, Требужены, Лукашевка [Рис. 37/8, 11, 13]). Завершают группу случайных находок акинаков этого периода 2 экземпляра, обнаруженные несколько восточнее Днестра (Котовск, Дачное [Рис. 37/14,18]). При этом, кинжал из-под Одессы типологически входит в упомянутую выше, серию коротких акинаков из запрутской Молдовы, являясь едва ли не абсолютной копией экземпляра из Комарна. Меч из Котовска, по-видимому, наиболее поздний из всей группы и вряд ли может быть датирован ранее V в. до Р. Х. (Охотников 1984: 112-113).

В Северо-Восточной Добрудже и на юге запрутской Молдовы известны находки трёхдырчатых костяных псалиев. Три из них (Истрия, Чилик-Дере, Куртени) имеют зооморфные окончания, один (Тариверде) — гладкий (Рис. 38/8—11). Период распространения зооморфных костяных псалиев в Приднепровской лесостепи И. Н. Медведская ограничивает второй половиной VII в. до Р. Х. (Медведская 1992: 92—93), что не кажется вполне очевидным. Г. И. Смирнова указывает на то, что до сих пор костяные псалии с зооморфными окончаниями не обнаружены на территории западноподольской группы. А поскольку здешний раннескифский горизонт может быть в целом несколько моложе правобережного лесостепного,

вполне понятным, объективным причинам). И тем не менее, интерпретационные разделы работ такого рода находятся обычно в явном противоречии с аналитической частью, когда роль скифов в процессе культурогенеза в Карпато-Подунавье VII—V вв. до Р. Х. определяется как незначительная, либо отрицается вовсе. Вместо этого, читателю предлагаются крайне неубедительные рассуждения о некоем местном субстрате с наслоившимися на него «скифскими» элементами, которые (узда, мечи и пр.) непременно производились на месте (Vulpe 1970: 162, 166).

[12] Мечи из Дэнешти и Мирчешти (Рис. 37/1—2) А. Гавлик относит к типу Пошмуш (по А.Вульпе) и уверенно датирует VII — нач. VI вв. до Р. Х. (Gawlik 1998: 56—57). Хотя, сам А. Вульпе ограничивает нижнюю дату мечей этого типа серединой VII в., а верхнюю продлевает на первую пол. VI в. до Р. Х. (Vulpe 1990: 27-28).

[13] Концентрация скифских акинаков VI—V вв. до Р. Х. в районах Румынии к северу от Дуная, в т. ч. и в Молдове, была отмечена А. И. Мелюковой. Остаётся в силе её наблюдение относительно того, что в IV в. акинаки из этих районов исчезают и распространяются теперь уже к югу от Дуная, вплоть до Центральной Болгарии (Мелюкова 1979: 139). Хотя, на территории Болгарии теперь уже известны находки архаических скифских акинаков. Один из таких мечей был случайно найден в округе г. Силистра (Георгиева, Бъчваров 1994: табл. LIII/1).

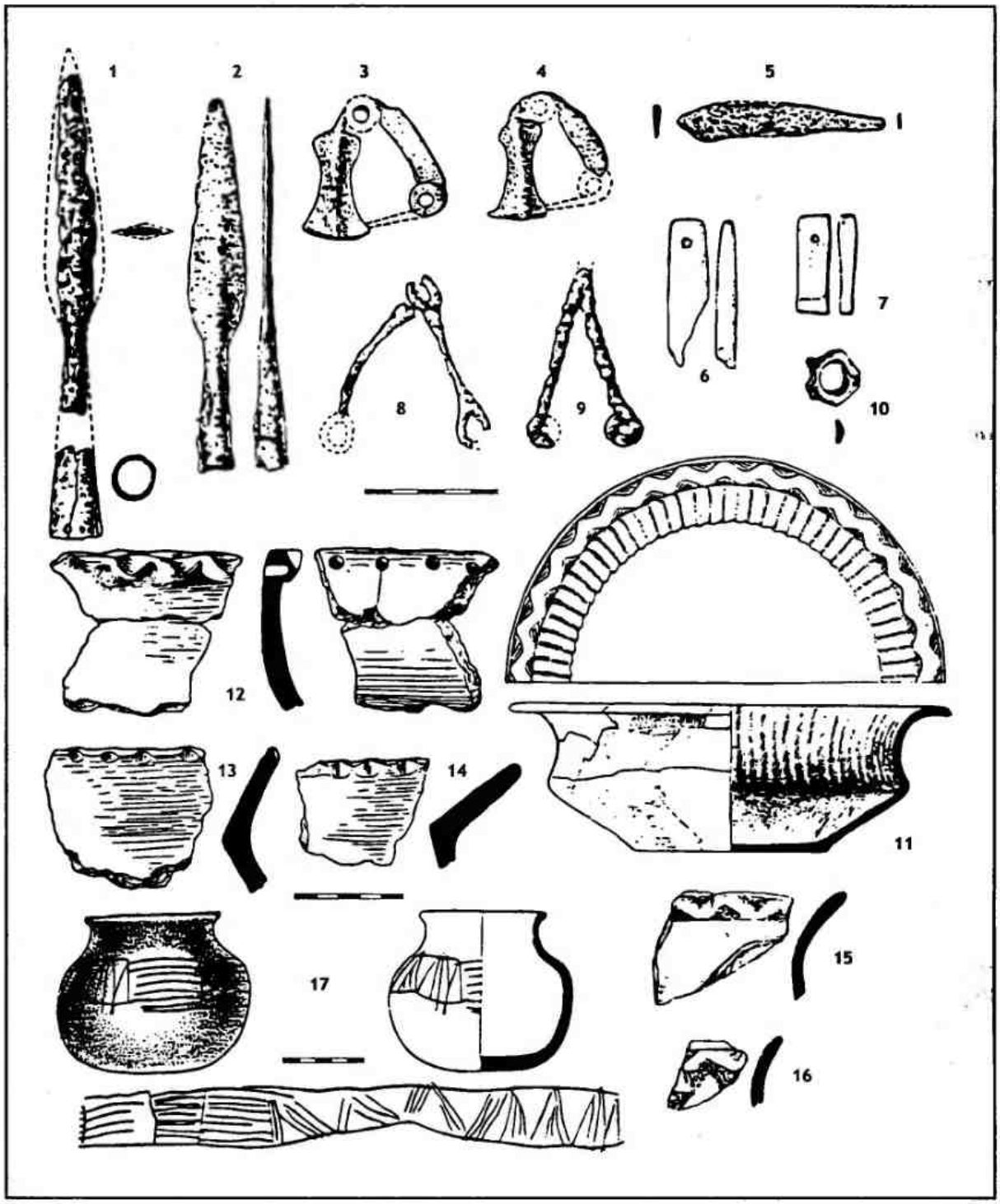


Рис. 32. **Культурно-хронологические индикаторы могильника Селиште**

Cultural-chronological indicatores from cemetery Selište

1–2 — наконечники копий (железо); *3–4* — фибулы (железо); *5* — нож (железо); *6–7* — оселки (камень); *8–9* — удила (железо); *10* — звено двукольчатых удил (бронза); *11, 15–16* — керамика культуры Басараби; *12–14* — лепная керамика западноподольского типа; *17* — лепной кубок с геометрическим орнаментом.

Таблица составлена по [*Лапушнян 1973; 1979*].

то Г. И. Смирнова фактически поддерживает И. Н. Медведскую в том, что касается верхней даты бытования костяных псалиев с зооморфными окончаниями в пределах второй пол. VII в. до Р. Х. (Смирнова 1993: 117). Однако, на левом берегу Днепра в Посулье, такие псалии продолжают использоваться и в VI в. до Р. Х. На это указывает Д. С. Раевский, используя в качестве примера набор весьма разнообразных костяных псалиев из кургана Шумейко (Раевский 1993: 80). С. В. Полин, привычно выступая вообще против высоких дат для скифской культуры эпохи архаики, помещает этот курган в VII век и предельно категорично заявляет о том, что «...не приходится даже допускать (разрядка моя — *И.Б.*) возможность существования архаических костяных псалиев в среднескифский период» (Полин 1998: 60).

В полемике относительно того, были ли известны костяные псалии к западу и юго-западу от лесостепного Приднепровья в период РСК–3, или нет, трудно понять делаются ли различия между просто костяными псалиями, и костяными псалиями с зооморфными окончаниями. Очень часто определение «зооморфные» выпадает в изложении того или иного автора. Поэтому, если говорить об отсутствии костяных псалиев вообще в материалах памятников западноподольской группы периода РСК–3, то это неверно, учитывая находку трёхдырчатого псалия с обломанными окончаниями из кургана №3 могильника Перебыковцы (Смирнова 1979: рис. 12/6). Мало того, давно известный костяной псалий из поселения Иване-Пусте, также с обломанной верхней частью, в нижней оформлен в виде копыта (Ганіна 1965: рис. 2/6). Это обстоятельство с большой долей уверенности позволяет думать, что утраченная верхняя часть псалия имела зооморфное окончание. Ещё один трёхдырчатый костяной псалий с обломанной верхней частью происходит из укрепленного поселения Лагодов на Волыни западнее Луцка (Крушельницька 1976: 82, рис. 39/2; Бандрівський та ін. 1993: рис. 109/14), которое является одним из двух эпонимных памятников черепинско-лагодовской группы раннескифского времени. Псалий из Лагодова весьма напоминает экземпляр из Тариверде. Трёхдырчатый костяной псалий с очень схематичным зооморфным окончанием происходит из раскопок Мотронинского городища на Черкасщине. Возникновение скифского поселения на этом городище датируется концом VII в., а период наиболее интенсивной жизнедеятельности определяется концом VI — началом V вв. до Р. Х. (Бессонова, Скорый 2000: 120, 123, рис. 2/1).[14]

Все 4 румынские находки, так или иначе, обеспечены сопутствующим археологическим материалом тех поселений, откуда они происходят. Именно эти материалы позволяют всё же допускать, что в пограничных с Северным Причерноморьем юго-западных областях, костяные псалии, в том числе и с зооморфными окончаниями, использовались едва ли не на всём протяжении VI в. до Р. Х. В Истрии, псалий стратиграфически датирован серединой VI в. (Berciu 1963: 192). Для экземпляра из Тариверде наиболее вероятная дата — вторая половина этого же столетия. Обломок какого-то гигантского, судя по рисунку (Рис. 38/11), псалия из Чилик-Дере, в соответствии с общей да-

[14] По сообщению К. К. Марченко, трёхдырчатый костяной псалий недавно был найден на Березани вместе с материалами первой пол. VI в. до Р. Х. Наконец, не стоит забывать и о серии находок костяных трёхдырчатых псалиев скифского облика и в Средней Европе (например, Шагхедь, Матраселе, Бычи-скала [Parducz 1965: 156–157, fig. 6; Fettich 1934: pl. XII/38; Bukowski 1978: rys. 4/11]). При этом, для экземпляра из Бычи-скала нельзя исключать и датировку периодом HaD.

той раннего горизонта поселения, также вряд ли старше VI века. Пожалуй, лишь орнаментация псалия из Куртени позволяет, на мой взгляд, считать его самым ранним в этой небольшой группе. Не исключено, что он может быть датирован ещё VII в. до Р. Х.[15]

На севере Молдовы, также случайно были найдены 2 бронзовых скифских котла ранних типов (Рис. 38/2—3). Особенно архаично выглядит полусферический котёл на высоком поддоне с четырьмя ручками в виде диких козлов из Якобени-Дынгени (Rață 1966: 352, fig. 1). Основные признаки этого котла соответствуют 2 типу скифских бронзовых котлов по типологии Н. А. Боковенко. Значительная часть комплексов, в которых они были найдены, датируются концом VII — нач. VI вв. до Р. Х. Вместе с тем, боковые горизонтальные ручки на экземпляре из Якобени являются характерными уже для 3-й и в некоторых случаях — 4-й групп, которые относятся к более позднему периоду — V—IV вв. до Р. Х. (Боковенко 1990: 170—171). Ещё один котёл, из Добруджи (район Кастелу, Меджидие [Рис. 38/1]) автор публикации датирует V в. до Р. Х. (Aricescu 1965: 569—570). А.И.Мелюкова отводит для этого же экземпляра более широкие хронологические рамки — VI—IV вв. (Мелюкова 1979: 113).[16]

В сводке М. Петреску-Дымбовицы, составленной ещё перед Второй мировой войной, содержатся данные о находках в низовьях Прута и Сирета скифских наконечников стрел архаических типов (Petrescu-Dîmbovița 1941: 441, abb. 8/1—3, 6, 7). Впечатление неслучайности таких «случайных» находок в Днестровско-Карпатских землях ещё больше усилится, если сюда же добавить аналогичные типы наконечников с территории Молдавии. Данные об этих находках собраны в уже упомянутой работе О. Г. Левицкого и Т. И. Демченко (1995).

Говоря об акинаках и псалиях, мы фактически перешли к обзору новой группы памятников скифского типа в Восточном Прикарпатье. Её начало датируется временем не ранее середины — второй пол. VI в. до Р. Х. и, согласно современным представлениям, эта группа относится уже к среднескифской культуре (ССК).

Для этого периода плотность археологических памятников в регионе, попрежнему невысока, хотя по сравнению с предыдущим всё-таки отличается в сторону увеличения. Скифские погребения теперь, хотя и в неконцентрированном виде, но всё же присутствуют в степном Причерноморье практически повсеместно. Вероятно, в этот период начинаются перемещения номадов и в широтном направлении. Однако, сохраняются и какие-то меридиональные связи между лесостепной и степной зонами. Во всяком случае, лепная керамика Данченского могильника, расположенного на пограничье степи и лесостепи, показывает с одной

[15] Правда, по-моему, других бесспорных материалов VII в. на поселении Куртени нет. Формальные аналогии псалию из Тариверде находим в Басовке (кург. Б, VI в. до Р. Х. [Галанина 1977: табл. 27/4]). Реплика из Чилик-Дере имеет несколько более реалистичные аналогии в кургане у хут. Шумейко (Древности Поднепровья 1900: табл. I №530). Там же можно найти и тип псалиев, похожий на экземпляр из Куртени.

[16] Случайные, вне комплексов, находки бронзовых котлов, видимо, также можно считать характерным явлением для ранней фазы становления кочевых обществ, когда мобильность их представителей оставалась ещё весьма высокой. Вероятно, одной из наиболее ярких иллюстраций этому может служит феномен гуннских литых котлов IV—V от Р. Х., находки которых рассредоточены на огромной территории, маркируя перемещения основных масс этих кочевников. Любопытны историко-этнографические данные, касающиеся использования подобных изделий причерноморскими и крымскими татарами во время их набегов на южные рубежи Речи Посполитой и Московии. В данном случае, котёл являлся непременным атрибутом походной амуниции и был рассчитан на десятерых всадников (Яворницкий 1990: 323).

Рис. 33. **Днестровско-Карпатские земли в середине — второй пол. VII в. до Р. Х.**

The Lands between Carpathian and Dniester in the middle — second half VII cent. B.C.

а — ареал Западноподольской группы памятников

б — погребальные комплексы западноподольского типа (*1* — Тринка; *2* — Воловэць; *3* — Сату Маре; *4* — Кашвана; *5* — Виковул-де-Сус)

в — раннескифские погребения (*1* — Старые Куконешты; *2* — Страшены; *3* — Чобручи; *4* — Огородное; *5* — Сабанжия)

г — погребальные комплексы группы Трестиана (*1* — Чимбала; *2* — Трестиана; *3* — Джурджулешти)

д — могильник Селиште

е — пункты находок керамики западноподольского типа (*1* — Тринка; *2* — Кукорэнь; *3* — Бырсешти; *4* — Орловка; *5* — Чилик-Дере)

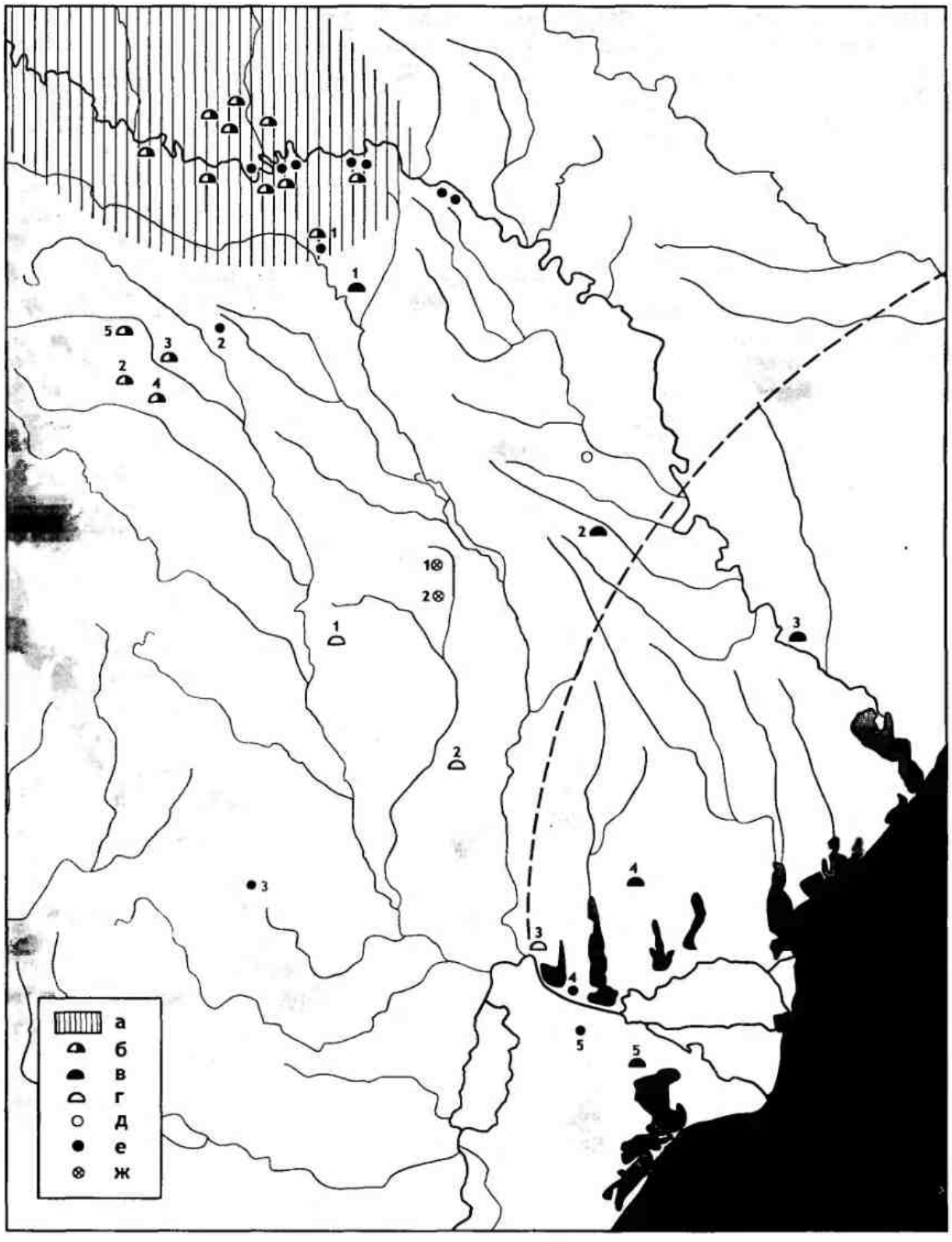
ж — случайные находки мечей скифского типа (*1* — Мирчешти; *2* — Дэнешти)

стороны, наличие здесь отдельных форм т. н. «скифоидной» посуды, явно тяготеющей к классической лепной керамике степного комплекса, который в основном складывается к концу V в. до Р. Х., а с другой — некоторые экземпляры несут столь же явные архаичные черты лесостепного комплекса периода РСК. Всё это более или менее согласуется с хронологическими рамками, которые В. Л. Лапушнян предложил для могильника Данчены — вторая пол. (конец) VI—V (нач. IV) вв. до Р. Х. (Лапушнян 1979: 18, 20, 23). Вероятно, сохраняются какие-то контакты между лесостепью и приморской степной зоной. Во всяком случае, об этом говорят соответствующие формы лепной керамики из Никония — первой античной колонии в низовьях Тираса — на ранней стадии его существования (вторая пол. VI в.). В свою очередь, на поселениях Среднего Поднестровья (Иване-Пусте, Залесье) зафиксирован античный керамический импорт позднеархаического облика.

Что касается непосредственно погребений кочевников, то их вторая, гораздо более представительная по численности группа, появляется, как уже отмечалось, не ранее середины VI в. до Р. Х. Это одинаково справедливо как для Бессарабии в целом, так и для районов запрутской Молдовы.

Погребения второй пол. VI — V вв. в типологическом отношении довольно разнообразны. Их объединяет, пожалуй, лишь то, что они по-прежнему не образуют сколько-нибудь компактных могильников. Лишь для уезда Васлуй (Молдова) можно говорить об относительной концентрации погребений общим числом не менее 5 на довольно ограниченной территории.[17] В целом же, по состоянию на сегодняшний день в запрутской Молдове известно около 10 погребений второй пол. VI — V вв. до Р. Х (Рис. 41). Причём, погребения в г.Хушь (уезд Васлуй) и у с. Милешти-де-Сус (уезд Бакэу), судя по условиям их находки, вероятнее всего являлись частью могильников, скорее всего, бескурганных. Так, 2 погребения 1973 года, открытые при строительных работах в г. Хушь, располагались неподалеку друг от друга. Одно из них вполне надёжно датируется концом VI — нач. V вв. до Р. Х.

[17] При характеристике памятников запрутской Молдовы, приблизительные оценки и всевозможные оговорки неизбежны, поскольку в большинстве случаев эти комплексы были открыты случайно, некоторые довольно давно. Их описания в различных публикациях часто противоречивы. Так, к примеру, нельзя исключать, что какие-то из акинаков, рассмотренные выше в группе случайных находок, на самом деле являлись частью инвентаря разрушенных погребений (Комарна, Козия, Хилишеу-Хория). На это уже обращал внимание А. Вульпе. Причём, он заметил, что поскольку поверхность этих акинаков не носит никаких следов воздействия огня, то, возможно, они принадлежали захоронениям, совершённым по обряду ингумации (Vulpe 1970: 159).



(Рис. 40/2). Из инвентаря другого сохранилось лишь железное копье. В 10-ти метрах от первого погребения найден обломок амфоры, один целый и два фрагментированных кинжала (Buzdugan 1980: 54). Возможно, это остатки инвентаря ещё одного, или даже нескольких погребений. Погребение 1928 г. было обнаружено в другой части города. Тем не менее, похоже, что и в этом случае речь

может идти о нескольких погребениях, разрушенных строительными работами (Buzdugan 1980: 53). Одно из них было опубликовано в малодоступном издании, практически сразу же после обнаружения (Vasiliu 1933/1934).[18] Судя по колчанному набору, погребение «Хушь/1928» может быть датировано так же, как и погребение «Хушь/1973» (Рис. 40/2, 5). Наконечникам стрел хронологически не противоречит пропеллерообразное навершие-пронизь и проволочные браслеты (Рис. 40/5). Рисунок нижней части амфоры, происходящей из погребения 1928 г., к сожалению, абсолютно неинформативен (см. [Arnăut 2003: 361, pl. 39/B]).[19]

В Милешти-де-Сус (Mitrea 1983; 1983a) оба погребения отстояли друг от друга на расстоянии 2—3 м, что позволяет считать их в целом синхронными (вторая пол. VI — нач. V вв.), хотя и здесь инвентарь одного из погребений (раковины-каури), лишь весьма условно соответствуют этой дате (Рис. 40/1—1a).

В целом, для погребений ССК в Пруто-Карпатской области характерным является: бескурганный обряд погребения, наличие среди инвентаря меча, наконечников стрел, иногда керамики.

В Бессарабии к периоду ССК также можно отнести около 10 погребений (Рис. 41). Все они расположены в степной зоне, или на пограничье степи и лесостепи. В отличие от румынской серии, они типологически более разнообразны и по целому ряду характерных признаков могут быть разделены на 3 группы. Первую, условно называемую «воинской», составляют 5 комплексов, которые по составу погребального инвентаря весьма напоминают группу захоронений из запрутской Молдовы. Правда, практически все они находились под курганными насыпями. Два погребения (Суручены и Кубей [Рис. 43/1—2]) можно датировать второй пол. VI — нач. V вв. до Р. Х. Дату погребения из-под с. Маяки — первая половина V в. — определяет красноглиняная амфора «с раздутым горлом», которой совершенно не противоречит найденный здесь же колчанный набор (Рис. 43/3).[20] Комплекс из Помазан — наиболее поздний и может быть датирован второй пол. V в. по тем наконечникам стрел, которые были найдены в погр. №3 (Рис. 43/4). В ограбленном погр. №2 датирующих вещей практически не сохранилось, однако оно может быть абсолютно точно синхронизировано с предыдущим, поскольку оба погребения являлись основными для кургана №2 (Тощев, Редина 1991: 98, 101). За исключением погребения из Суручен, все остальные обнаружены в курганных насыпях, и что весьма примечательно — являются в них основными.

Вторую группу древностей ССК образуют 4 типологически весьма близких комплекса: Арциз, Червоный Яр, Никольское (кург. 9, погр. 1) и Николаевка-II (курган №8). Отличительной особенностью этой группы (Рис. 41), которую, также условно, можно назвать «всаднической» является раздельное захоронение коня и его «хозяина» (впускные — Арциз, Николаевка, основные — Червоный Яр, Никольское) под одной насыпью. Помимо типологического сходства, все четыре комплекса практически синхронны (Рис. 44). Следуя периодизации предложенной А. Ю. Алексеевым для скифских памятников V в. до Р. Х., Николаевку, Ни-

[18] О том, что комплекс 1928 г. из Хушь был опубликован, я узнал из монографии Т.Арнэута, откуда заимствовал рисунок и прочие сведения об этом погребении (Arnăut 2003).

[19] Хотя, А.Вульпе абсолютно уверен в том, что это нижняя часть хиосской амфоры конца V в. (Vulpe 1970: 159).

[20] Судя по датировкам, которые предлагаются сейчас для амфор такого типа (Монахов 1999б: 129-134), указанное погребение можно датировать и более узко — вторая четверть V в. до Р. Х.

кольское и Червоный Яр можно отнести ко II хронологической группе, а Арциз, по мнению самого автора периодизации, является позднейшим комплексом I группы (Алексеев 1991: 50).[21] Датировка этих погребений ограничивается второй-третьей чтв. V в. до Р. Х. Следует отметить, что появление подобных комплексов присуще не только рассматриваемому региону. Устройство отдельных конских могил зафиксировано по всему степному Причерноморью, причём именно в V в. до Р. Х. (Ольховский 1991: 77).

Третью группу памятников составляют подкурганные захоронения, совершенные по обряду кремации непосредственно в могильной яме (Коржово; Чауш, кург. 6), или на уровне древнего горизонта (Дубоссары). Комплексы из Дубоссар и Коржово датируются греческими амфорами в пределах второй пол. VI — нач. V вв. (Рис. 45/1—2).[22] Возможно, несколько моложе курган №6 могильника Чауш в Нижнем Подунавье (Рис. 41/3; 45/3). Указанный тип погребальных сооружений вряд ли можно ставить в прямую зависимость от распространённой в архаической лесостепи практики сжигания деревянных гробниц, хотя этот элемент обряда существует в степи и в V в. до Р. Х. (Ольховский 1991: 66). Близким аналогом кажется обряд кремации на уровне древнего горизонта, или помещение кремированных останков в яму, распространенный в лесостепи в период РСК и ССК.

Хотелось бы обратить внимание ещё на одну особенность двух погребений этой группы. В Дубоссарах и Чауше среди погребального инвентаря найдены железные пластины от наборных панцирей (Рис. 45/2). Причём, в погребении у Дубоссар, судя по количеству пластин (свыше 300), этот элемент паноплии, возможно, присутствовал целиком.[23] Количество панцирных пластинок из Чауша, среди которых отмечено и несколько бронзовых, превышает 200 шт. (Суничук 1985: 42). Большое количество панцирных

[21] Совсем недавно скифские комплексы из-под Арциза были, наконец-то, опубликованы. Авторы предлагают датировать их второй пол. — концом V в. до Р. Х. (Алексеева, Охотников, Редина 1997: 53). Думается, что эта дата несколько завышена. Находки бронзовых наконечников стрел с зауженными посередине гранями и чуть выступающей втулкой, действительно характерны для второй половины, или даже конца V в. Однако, в данном случае, они явно теряются в основной массе базисных, опорновтульчатых наконечников и, вероятно, их появление в колчанном наборе из Арциза фиксирует ранний период их бытования (Рис. 44/1). Откликнувшись на публикацию арцизских комплексов, А. Ю. Алексеев теперь уже сомневается относительно включения этого кургана в I группу (хотя, по-прежнему, это допускает) и предлагает датировать его серединой — третьей четвертью V в. до Р. Х. Вместе с тем, он указывает на то, что некоторые предметы упряжной фурнитуры и колчанный набор в целом, указывают на вторую-третью четверть этого столетия (Алексеев 2003: 201).

[22] Красноглиняная амфора из Коржово (Рис. 45/1), судя по рисунку, может быть отнесена к типу амфор с коническими ножками. По В. В. Рубану это тип II, который он относит ко времени около 500 г., либо к самому началу V века (Рубан 1990: 16—17). У А. П. Абрамова подобные амфоры обозначены как «тип Патрей» и датированы второй чтв. V в. (Абрамов 1993: 32). С. Ю. Монахов предлагает не усложнять ситуацию и вернуться к давно известному наименованию этих амфор — «тип Надлиманский» (Монахов 1999: 91—92). Фактически, это разновидность амфор с т.н. «стаканообразным» дном, которые П. Дюпон считает продукцией Лесбоса, выпускавшейся здесь наряду с каноническими сероглиняными сосудами. Параметры амфоры из Коржово практически полностью подходят под некий стандарт таких амфор, датируемых П. Дюпоном концом VI — первой чтв. V вв. до Р. Х. (Cook, Dupont 1998: 161).

Самосская амфора из Дубоссар (Рис. 44/2), судя по общему эволюционному ряду этого типа (Завойкин 1992: 40 и сл; Абрамов, Сазонов 1992: 147 и сл.), совершенно справедливо датирована авторами публикации второй половиной VI — нач. V вв. (Кетрару, Серова 1992: 169). П. Дюпон, сомневаясь в самосском происхождении такого типа сосудов, в целом датирует подобный вариант примерно так же (Cook, Dupont 1998: 178 и сл.).

[23] Остатки бронзового наборного панциря из кургана №524 у Жаботина, насчитывали примерно такое же количество пластин — 300 шт. (Ильинская 1975: 107).

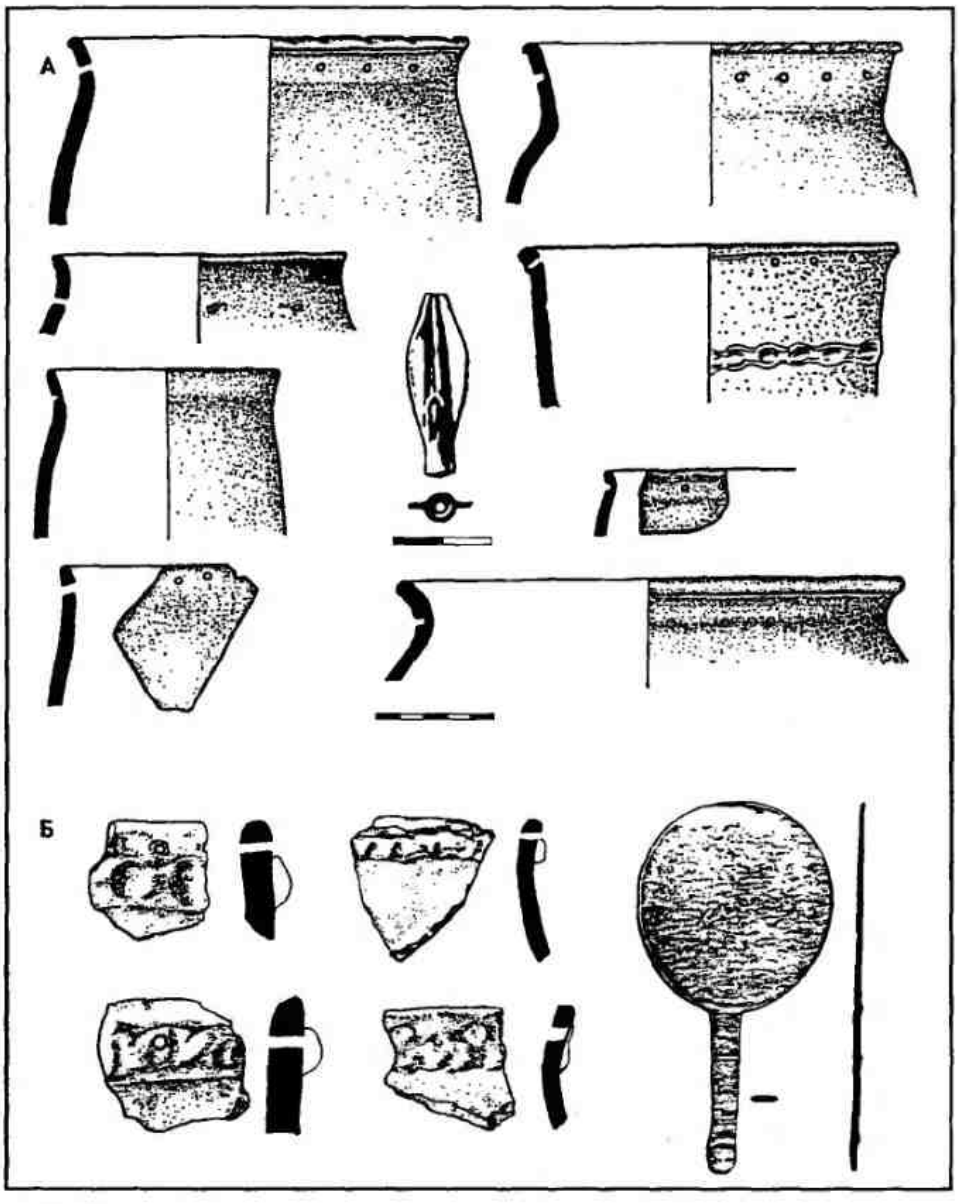


Рис. 34. **Лепная керамика лесостепного (западноподольского) типа и бронзовые хроноиндикаторы:**

Hand-made pottery forest-steppe (West-Podolian) type and bronze chronological indicatores:

А — городище Картал (Орловка)

Б — поселение Кукорэни (по [*Teodor 1975*])

чешуек было найдено и в погребении у с.Николаевка (Алексеева, Булатович 1990: 39), а также двух других погребениях этой же («всаднической») группы — Червоном Яре (Мелюкова 1979: 145) и Арцизе (Алексеева, Охотников, Редина 1997: 50).

Отдельную группу древностей Бессарабии VI—V вв. до Р. Х. составляют памятники типа Пыржолтены–Данчены–Олонешты (Рис. 41; 39; 45/4; 46). Их однозначная этнокультурная атрибуция совершенно невозможна в силу исходного культурного синкретизма, присущего памятникам этого горизонта (Бруяко, Ткачук 1994: 28). Так, на могильнике Данчены зафиксировано сочетание подбойных погребений с трупоположениями и трупосожжениями, а в могилах представле-

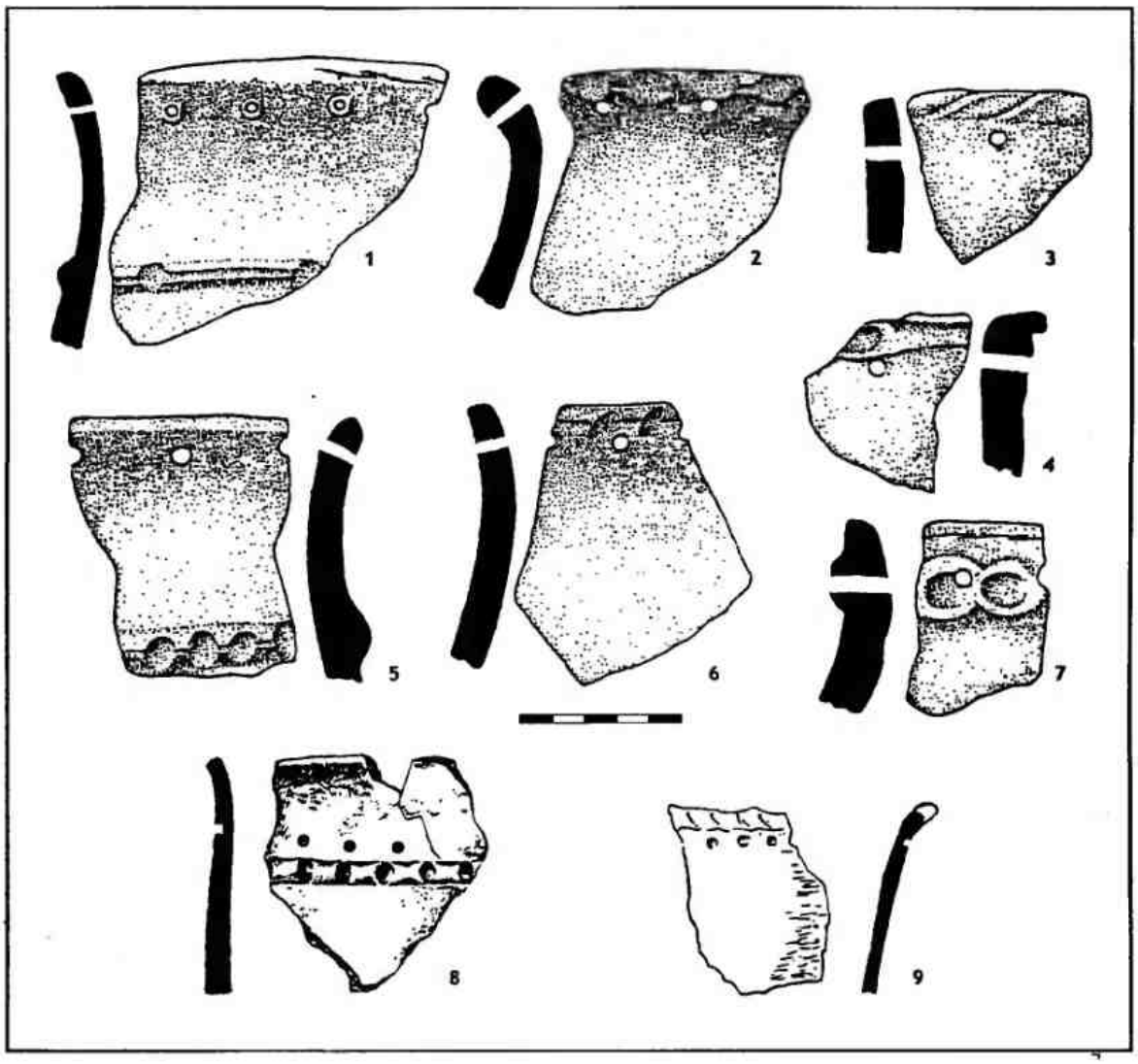


Рис. 35. Лепная керамика лесостепного (западноподольского) типа

Hand-made pottery forest-steppe type

1–7 — Глинжены (по [*Гольцева, Кашуба 1995*]); *8* — Чилик-Дере (по [*Simion 1997*]); *9* — Бырсешти (по [*Мелюкова 1979*])

на как фракийская лепная керамика, так и посуда «скифоидного» типа. Предметы скифской «триады», фракийская керамика в сочетании с обрядом кремации отмечены в погребениях первой пол. V в. у сёл Пыржолтены и Олонешты.[24]

Об этнокультурной трактовке этого горизонта мы поговорим в соответствующем разделе. Сейчас важно определиться с хронологией этих памятников, которые столь удачно заполняют очевидную лакуну в культурно-хронологической колонке

[24] Случайно найденный комплекс вещей из Олонешт трудно безоговорочно причислить к погребальному инвентарю (Рис. 45/4). В тоже время, почти невероятно, чтобы такой набор вещей составлял клад. Указанные Г. П. Сергеевым следы огня на всех без исключения предметах (Сергеев 1960: 262), всё же, скорее говорят о том, что перед нами инвентарь погребения (погребений) совершенного по обряду кремации. В таком случае, комплекс из Олонешт по набору инвентаря сближается с трупосожжением из Пыржолтен. Весьма похожи акинаки обоих ком-

Бессарабии VI—V вв., а также — с элементами погребального обряда, которые представляют собой явный скифо-фракийский симбиоз, а потому могут быть использованы для характеристики как скифских, так и фракийских древностей этого периода.

Совсем недавно было опубликовано еще одно скифское погребение из Центральной Бессарабии, которое, с одной стороны, можно отнести к указанному хронологическому периоду, а с другой — невозможно причислить ни к одной из трех выделяемых групп. Это погребение в кургане у с. Мерены (Рис. 41), которое представляет собой совершенно оригинальный тип погребального сооружения (Дергачев, Савва 2001/2002: 534—538). На основании находки в погребении бронзового зеркала и бронзовой уплощенно-сферической чаши я предлагаю датировать данный комплекс концом VI — нач. V вв. до Р. Х. Бронзовое зеркало с боковой, приклепанной к диску ручкой, оканчивающейся круглым «медальоном» с изображением Медузы Горгоны, находит соответствие в типологической схеме Т. М. Кузнецовой с одной оговоркой. Зеркало из кургана 3 могильника Стайкин Верх (Кузнецова 2002: табл. 32) — цельнолитое, тогда как экземпляр из Мерен — составной, двухчастный. Прочий, более или менее надежно датируемый инвентарь из данного погребения — остатки деревянной чаши с бронзовыми оковками, наконечник стрелы со сводчатой головкой и чуть выступающей втулкой, железный нож с изогнутой утолщенной спинкой (Рис. 43/6) — не противоречит указанной датировке, во всяком случае.[25]

От районов Бессарабии и запрутской Молдовы перейдём к области Северо-Восточной Добруджи. Здесь, много неясного в проблеме скифского присутствия на этих землях в VI—V до Р. Х. Её положительное решение, предложенное недавно К. К. Марченко, основывается главным образом на соображениях общеисторического плана и нуждается в археологическом обосновании (Марченко 1993: 43 и сл.).

Помимо уже упомянутых некоторых случайных находок, идее о существовании в Добрудже какого-то скифского анклава вполне соответствуют 3 монументальные скульптуры из этого района (Сибиоарэ, Ступин и 1 стела, место находки которой точно не известно [Рис. 38/4—6; 42/2—3]). Все они датируются VI в. до Р. Х. Ещё одно изваяние, второй пол. VI — нач. V вв.,

плексов (экземпляр из Пыржолтен имеет более «рогатое» навершие). Наконечник копья из Олонешт напоминает экземпляры из Фериджиле. Из этого же района Олтении происходит несколько однолезвийных мечей с подобными олонештскому серпообразными навершиями (Рис. 76/5, 9). Они датируются в основном VI (началом V) вв. до Р. Х. Все это позволяет думать, что погребение (?) из Олонешт вряд ли датируется позднее первой пол. V в. до Р. Х.

[25] Курган №1 у с. Мерены может оказаться весьма интересным с точки зрения относительной хронологии вещевых наборов скифских древностей V—IV вв. до Р. Х. Рядом с погребением №7 было раскопано еще одно скифское погребение (№3). Его инвентарь (пара наконечников копий, нож с костяной рукояткой, а главное — стрелковый набор) вполне типичен для скифских погребений конца V—IV в. до Р. Х. Между тем, особенности планиграфии обоих погребений в системе курганной насыпи, кажутся в высшей степени любопытными и, как будто бы противоречащими столь большому хронологическому промежутку, разделявшему совершение этих двух захоронений. Расстояние между погребениями, впущенными в насыпь, составляло чуть более 2 м. При этом, костяки были ориентированы в диаметрально противоположных направлениях, а материковые выбросы из ям аккуратно «разнесены» в противоположные друг от друга стороны. Не исключено, что с одним из этих погребений (а, возможно, и с обоими) связаны остатки «тризны» и последняя досыпка насыпи кургана. Наконец, необычные конструкции погребальных сооружений весьма похожи. Иными словами, создается впечатление что очевидно более позднее погр. №3 было совершено ненамного позднее погр. №7. Скорее всего, речь может идти о нескольких (в пределах одного десятилетия) годах.

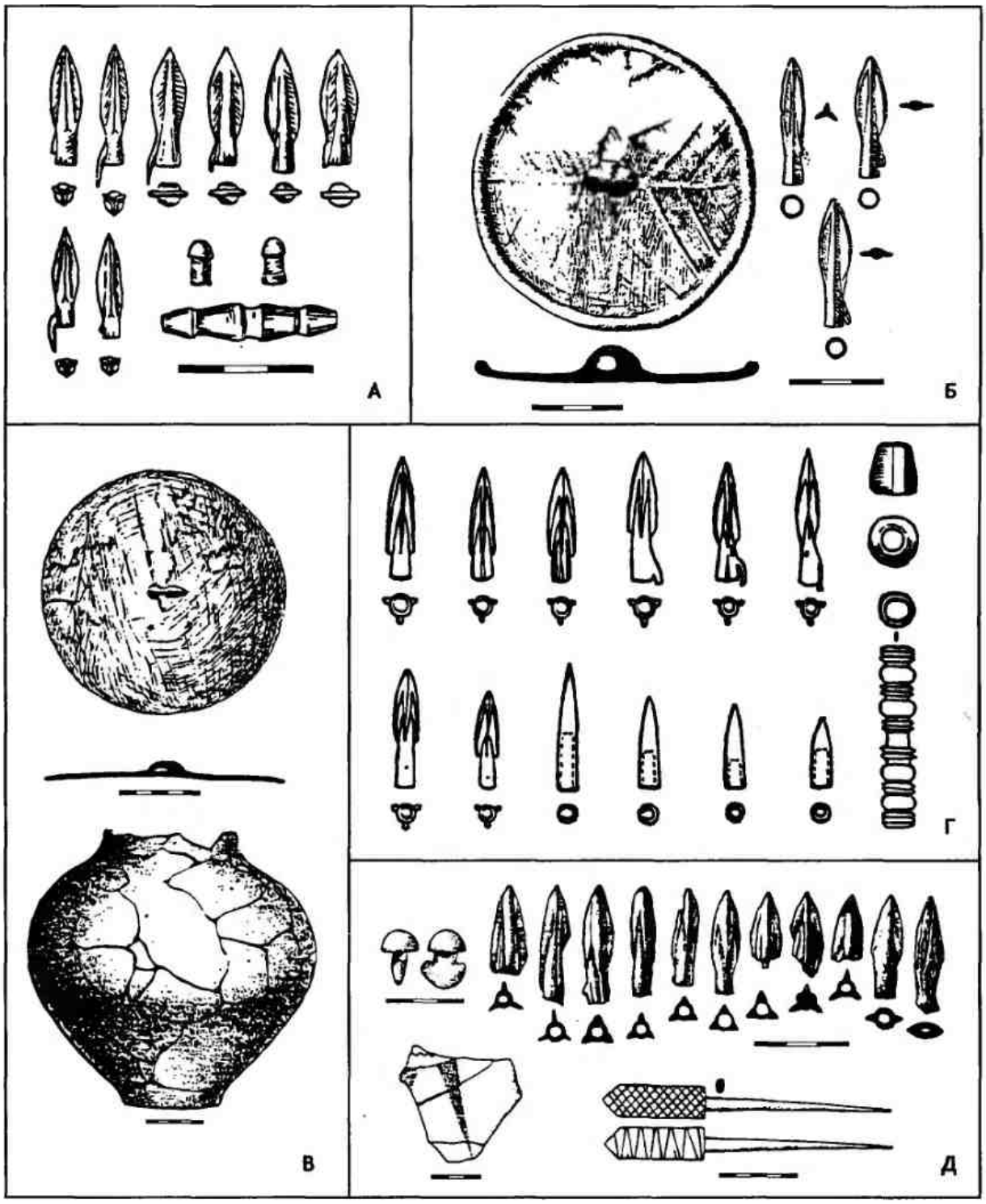


Рис. 36. **Инвентарь раннескифских погребений Пруто-Днестро-Дунайской области**

Grave-goods from early scythian burials in the Pruth-Dnestr-Danube area

А — Старые Куконешты (Куконештий Векь [*Дергачев 1979*]);

Б — Страшены (Стрэшень [*Левицкий, Демченко 1995*])

В — Чобручи (*Левицкий, Демченко 1995*)

Г — Огородное (Городнее [*Субботин, Загинайло, Шмаглий 1971*])

Д — Сабанжия (*Simion 1992*)

относительно недавно было открыто на левом берегу Дуная вблизи г. Болград (Рис. 38/7 [Субботин и др., 1992; Ольховский, Евдокимов 1994: 16—17]).

Кроме этого, в Северо-Восточной Добрудже существует памятник, который является ключевым (по крайней мере на сегодня) для решения вопросов, связанных в том числе и с вероятным присутствием в регионе северопричерноморских кочевников периода РСК—ССК. Речь идёт о поселении и могильнике Чилик-Дере (Рис. 42/2). Г. Симион, исследующий этот памятник, полагает, что его обитатели представляли собой две группы носителей различных культурных традиций. Фракийский компонент здесь совершенно очевиден. В его основе керамический комплекс поселения, наследующий традиции среднегальштатского горизонта Бабадаг–III. Истоки другого («северопонтийского») компонента, Г. Симион усматривает в культуре населения Приднепровской лесостепи раннескифского, или даже предскифского (Жаботин) времени. Датировка I фазы существования поселения — VI (возможно, конец VII) — первая пол. (середина) V вв. до Р. Х. (Simion 1997: 234—235). В качестве полноценного источника этот, бесспорно неординарный памятник выступит лишь после полной публикации его материалов.[26] Пока же, какие-либо окончательные выводы вряд ли оправданы. Можно лишь отметить наиболее яркие и необычные в своем культурном ареале, особенности этого памятника. Сразу же скажу, что сходство типов жилищ Чилик-Дере и жаботинских землянок, на которое указывает Г. Симион, при желании можно распространить и на другие области украинской и молдавской лесостепи, в том числе, кстати, и на западноподольскую группу. Тоже самое, касается и тюльпановидных лепных горшков с горизонтальным валиком и проколами под венчиком, фрагменты которых найдены в Чилик-Дере (Рис. 35/8). Те наконечники стрел, которые известны по публикациям (Simion 1992: fig. 8), относятся к типам характерным для скифской культуры раннего и среднего этапов. Упомянутые автором, вытянутые и скорченные трупоположения на могильнике, к тому же без иллюстраций соответствующего погребального инвентаря, также нельзя связывать только лишь с памятниками жаботинского этапа. Подобный смешанный обряд характерен и для могильников западноподольской группы, а применение камня в некрополе Чилик-Дере, с одной стороны, отличает его от погребальных памятников жаботинского этапа, а с другой — сближает опять-таки с западноподольскими.

И, тем не менее, датировка памятника, в целом может быть принята. Не вызывает сомнений и наличие здесь «северопонтийских» элементов, наслоившихся на фракийскую основу. Что же касается вероятной исходной области их появления, то, на мой взгляд, это всё тот же ареал памятников периода РСК на Среднем Днестре. Географически он наиболее близок к Нижнему Подунавью. К тому же сейчас граница этого ареала существенно смещается в южном направлении. А об отдельных находках

[26] Сами публикации материалов Чилик-Дере, подготовленные Г. Симионом, имеют ряд специфических особенностей, характерных для румынской археологической литературы вообще. По своей структуре, они несколько сумбурны, изложение зачастую путано и противоречиво, абсолютно неясен принцип отбора материала для публикации, довольно нелогичны, а иногда и просто противоречат публикуемым материалам, выводы и т. д. В результате, статьи, посвящённые раскопкам Чилик-Дере, вполне могут изучаться сами по себе как исторический источник с соблюдением всех соответствующих процедур критического метода. О том, какие трудности может вызвать работа с этими публикациями, свидетельствует статья А. И. Мелюковой, где была предпринята попытка анализа и систематизации всех имеющихся на сегодняшний день, опубликованных данных по Чилик-Дере (Мелюкова 2001)

типичных образцов лесостепной керамики на памятниках оседлого населения в запрутской Молдове и Бессарабии периода HaC—D, речь уже шла выше.

3.1.2. Фракийцы

Линия развития фракийских древностей в Днестровско-Карпатском регионе VII—V вв. до Р. Х. обеспечена источниками крайне неравномерно. Для Бессарабии трудности возникают уже после середины-второй пол.VII века, когда исчезают памятники типа Шолдэнешти. Ещё раз подчеркну, что верхняя дата этой группы определяется главным образом через хронологию памятников культуры Басараби, исчезновение которых, некоторые румынские исследователи жёстко связывают с появлением в середине-второй пол.VII в. группы Фериджиле-Бырсешти. Могли ли традиции культуры Басараби сохраняться ещё какое-то время на её северо-восточной периферии в ареале группы Шолдэнешти, или нет, пока до конца неясно.[27] Тем не менее, в нашем распоряжении есть данные, которые позволяют предварительно наметить культурно-хронологическую колонку фракийских древностей Бессарабии эпохи HaC—D.

В самом начале этого раздела уже отмечалось, что некоторые материалы из могильника Селиште допускают повышение верхней даты шолдэнештской группы вплоть до конца VII в. до Р. Х. К таким, довольно поздним материалам, помимо железных удил, относятся и фрагменты лепных сосудов, которые типологически вполне сравнимы с некоторыми формами лесостепных памятников раннескифской эпохи VII—VI вв. до Р. Х. Причём, некоторые фрагменты (Рис. 32/13—14) выглядели бы совершенно обычными и среди лепной керамики «классической» скифской степной культуры IV в. до Р. Х. Г. И. Смирнова полагает, что Селиште — самое восточное (северо-восточное) местонахождение группы Фериджиле (Смирнова 1999: 243). Хотя подобная культурная интерпретация этого памятника нуждается в серьёзном обосновании, важно, что Г. И. Смирнова считает возможным синхронизировать его с южнокарпатской группой позднего гальштата, а это в абсолютных датах будет соответствовать времени не ранее второй пол. VII в.

Для большей части VI в. до Р. Х. археологический пейзаж Бессарабии, за исключением её самых северных районов (Молдавское плато), выглядит весьма пустынно. И только на пограничье степи и лесостепи существует поистине спасительный «оазис», который не позволяет нам окончательно утратить веру в непрерывность процессов культурной трансформации.

[27] Ряд румынских исследователей, не являясь, по-видимому, убеждёнными сторонниками идеи жёсткой, механической смены культур или культурных групп, вполне допускают определенные периоды сосуществования инерционной (нисходящей) фазы предшествующей, и начальной (восходящей) фазы последующей культурных групп. Мне кажется, что это оптимальный подход при изучении процессов культурной трансформации в Карпато-Дунайском регионе на рубеже эпох среднего и позднего гальштата. В таком случае, возможно финал культуры Басараби не ограничивается только серединой VII в. до Р. Х., в чём уверен А. Вульпе (Vulpe 1977: 91). Существование отдельных очагов этой культуры в каких-то областях, вероятно, может быть продлено и на вторую половину столетия, что, по мнению М. Гумэ вполне подтверждается материалами румынского Баната (Gumă 1993: 234—235). Тогда, в принципе ничего не имея против мнения А. Вульпе по поводу начала группы Фериджиле уже в середине VII в. до Р. Х., я считаю сосуществование этих двух культур в пределах второй его половины вполне допустимым.

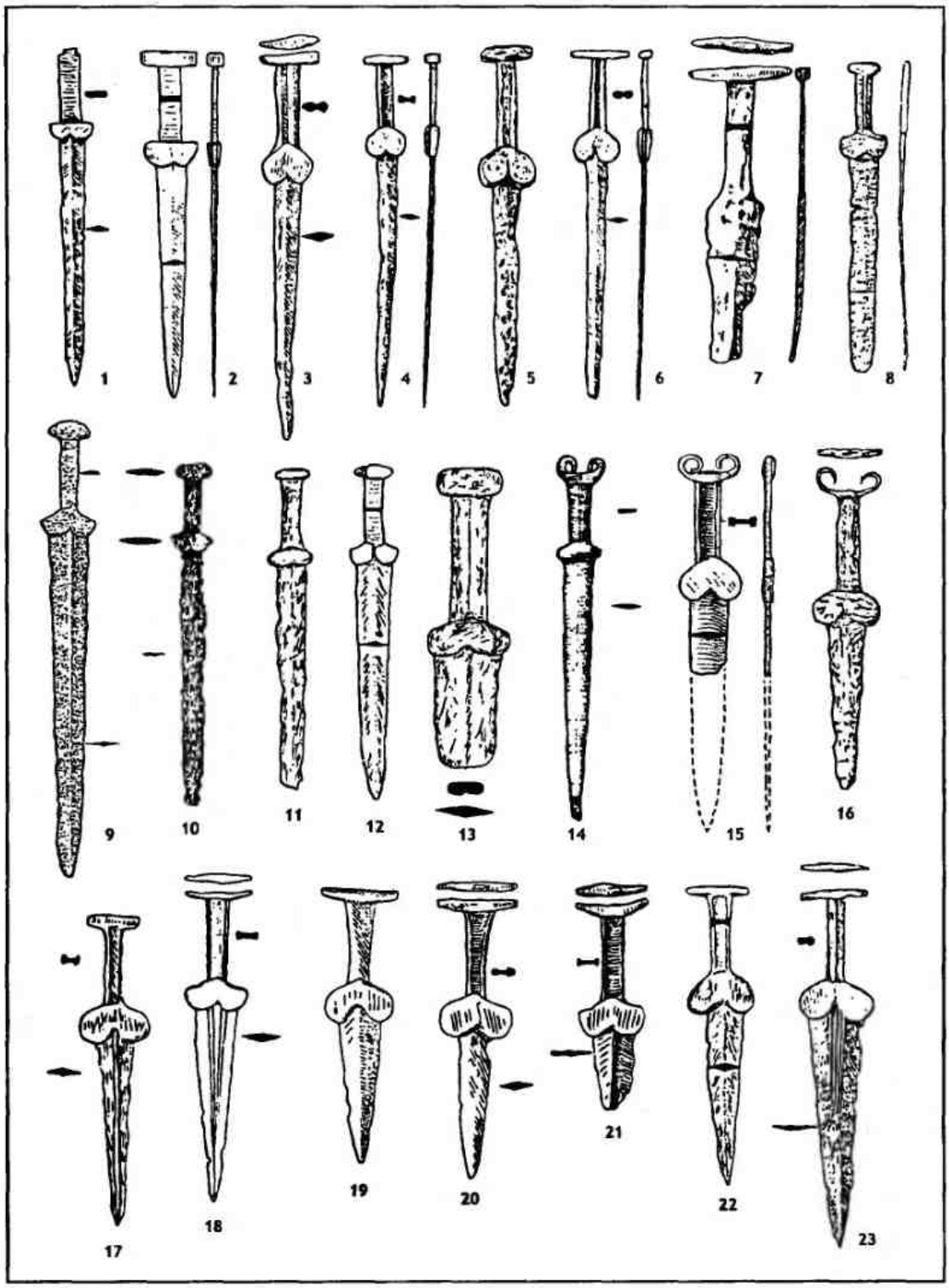


Рис. 37. **Случайные и плохо документированные находки мечей скифского типа из Днестровско-Карпатского региона** (вторая пол.VII — первая пол.V вв. до Р. Х.)

Stray finds of swords scythian type from the Carpathian-Dnestr area (second half VII — first half V cent.B.C.)

1 — Мирчешти; *2* — Дэнешти; *3* — Быку; *4* — Гэнешти; *5* — Думешти; *6* — Бэлэбэнешти; *7* — Агапия; *8* — Унгены; *9* — Козия; *10* — Личитишени; *11* — Лукашевка; *12* — Зэйчешти; *13* — Требужены; *14* — Котовск; *15* — Мирослэвешти; *16* — Нэнешти; *17* — Чиндэоань; *18* — Дачное; *19* — Боурени; *20* — Сусени; *21* — Комарна; *22* — Мэчишени; *23* — Вэратек.

Таблица составлена по следующим публикациям: *Лапушнян 1979; Диамант, Черненко 1971; Охотников 1984; Buzdugan 1976; Buzdugan, Coman 1977; Haheu, Bikbaev 1998; Antonescu-Iovița 1982; Gawlik 1998.*

Мы возвращаемся к феномену могильника Данчены, скифо-фракийский облик которого, как и было отмечено выше, позволяет использовать его материалы для параллельной характеристики линии развития как скифских, так и фракийских древностей. Особенность хронологического аспекта Данчен состоит в том, что это едва ли не единственный, полноценный археологический памятник для большей части Бессарабии с репрезентативным фракийским материалом, который, согласно его датировке, заполняет значительную часть лакуны между группой Шолдэнешти и древностями гетов (Рис. 39). Хронологический стык могильника с последними, сомнений не вызывает, тогда как совмещение нижней даты Данчен с верхней памятников типа Шолдэнешти — совсем не очевидно.

В. Л. Лапушнян определил Данчены как памятник раннегетской культуры. При этом, начало этой культуры он отнёс к середине VI в., а закладку самого могильника — к концу столетия. Далее, отведя для шолдэнештских древностей целиком VIII и VI вв., он полагает, что материалы Данченского могильника и погребения у с. Пыржолтены «...позволили сомкнуть культуру фракийского гальштата и гетскую IV—III вв. до н.э...» (Лапушнян 1979: 18). Полностью решить вопрос о хронологическом соотношении Данчен с поздними памятниками шолдэнештской группы, в настоящее время вряд ли возможно. Имеющиеся в нашем распоряжении данные рисуют следующую, в высшей степени схематичную картину. С одной стороны, решительно нет никаких оснований, вслед за В. Л. Лапушняном, датировать финал шолдэнештской группы VI в., и уж во всяком случае, второй половиной-концом этого столетия. С другой стороны, единичные находки из могильника Данчены (фрагменты каннелированных мисок из разрушенных погребений [Рис. 39/1]) и, такие же единичные, находки из могильника Селиште (фрагменты горшков лесостепного, западноподольского облика [Рис. 32/12]), не исключают того, что на каком-то этапе (по-видимому, в пределах первой пол. VI в. до Р. Х.) хронологический разрыв между этими двумя, в целом разновременными памятниками, может быть сведён к минимуму. Это довольно ответственное предположение покоится, как мы видим, на весьма шаткой основе — единичных находках в не вполне ясном контексте.[28] Однако, оно всё же имеет право на существование и должно быть принято к сведению.

С 1993 г. на левом берегу нижнего течения р. Днестр у с. Чобручи, исследуется комплекс памятников, который может стать опорным при решении целого ряда вопросов, связанных с историко-археологической ситуацией в регионе, в том числе, и на переходе от эпохи среднего гальштата к позднему и далее к классической гетской культуре. Уже ставшее навязчивым утверждение о предварительном характере выводов по тому или иному памятнику, к сожалению, справедливо и здесь. Сколько-нибудь развёрнутые публикации материалов этого поселения отсутствуют. Поэтому, практически всё ска-

[28] Подобная ситуация, когда на поселениях группы Кишинёв-Корлэтень (Лукашевка, Трушешть, Прэжень) были встречены единичные фрагменты штампованной керамики типа Козия, позволила А.Ласло повысить дату горизонта каннелированного гальштата в Молдове до IX-го и даже VIII вв. до Р. Х. (Laszlo 1994: 129, 204). В. Васильев, обосновывая высокие датировки культуры Басараби, указывает на находку архаического античного импорта на одном из поселений этой культуры (Vasiliev 1997: 90). Перечень можно продолжить. Существуют и такие совершенно феноменальные находки, которые в основном культурно-хронологическом контексте того или иного памятника вообще не поддаются вразумительному объяснению. Известный (уже упоминавшийся) пример — чашка с орнаментом в стиле культур «классической штампованной керамики» X—IX вв., найденная в погребении могильника Равна, датируемом греческой ойнохоей V (!) в. до Р. Х. (Hänsel 1976: 218-219).

занное ниже основано на моем личном знакомстве с материалами из Чобручей, которое стало возможным благодаря любезности автора раскопок Т. А. Щербаковой.[29]

Материалы поселения (или нескольких поселений, т. н. «куста» памятников) охватывают период с VI по II вв. до Р. Х. Стратиграфия, в основном горизонтальная. Интересующий нас отрезок VI—V вв. представлен лепной керамикой фракийского типа и, что особенно важно — соответствующим керамическим импортом позднеархаического облика, который укладывается в рамки второй половины (скорее всего, последней четверти) VI — нач. V вв. (амфоры Хиоса, Клазомен). Таким образом, против наличия здесь слоя конца VI — нач. V вв. возражать не приходится. Однако, особый колорит поселению придает комплекс лепной керамики. При визуальном знакомстве с ним, создается впечатление, что перед нами выстраивается некий эволюционный ряд, сочетающий в себе, с одной стороны черты гальштатской керамики, по крайней мере VII в. (Шолдэнешти, Фериджиле), а с другой — формы известные по Данченскому могильнику и далее уже среди древностей гетов IV в. до Р. Х. Насколько этот ряд непрерывен, покажет детальная хронология поселения. Пока что, мы вправе надеяться на то, что период культурной изоляции могильника Данчены подходит к концу, а понятие «раннегетская культура» утрачивает оттенок условности, который был слишком явным до сего дня.

Анализируя процесс трансформации культур в запрутской Молдове, мы остановились на финале группы Грэничешти и, практически совпадающей с ним начальной фазе развития древностей западноподольского типа. Здесь впрочем, необходимо учесть один нюанс культурно-географического плана. Ареал памятников типа Грэничешти, это не вся северная часть запрутской Молдовы, а лишь её западная, предгорная зона (Сучавское плато). В восточной половине (Молдавская равнина) финал группы Кишинёв-Корлэтень (X, а может быть какая-то часть IX вв.) и горизонт памятников, синхронизируемый с западноподольскими древностями (от середины VII в.) разделяет внушительная лакуна, заполнить которую в настоящее время, при всём желании, невозможно. Несмотря на все попытки А. Ласло выстроить непрерывную линию развития фракийских древностей эпохи каннелированного гальштата в северной части Молдовы через периоды HaA — HaC, убедительной связки не получается (Laszlo 1994: 93—94, 195—196). Для западной половины этого региона (Сучавское плато) можно согласиться с длительным, вплоть до VII в. до Р. Х. существованием группы Грэничешти, да и то, лишь потому что какие-то элементы этой группы проявляются в надёжно датируемом западноподольском горизонте (Воловэць, Сату-Маре). В тоже время, независимых данных в пользу существования Грэничешти в VIII—VII вв. пока нет.[30] Что же касается восточной половины севера запрут-

[29] До недавнего времени, вся информация по данному памятнику содержалась в кратких сообщениях и тезисах докладов. Две таблицы иллюстративного материала приведены в работах Т. А. Щербаковой (Щербакова 1997а, 1997б). Ещё две — в заметках нового авторского коллектива, продолжающего раскопки памятника (Никулицэ, Фидельский 2002; 2002а)

[30] Помимо указаний на два региона, где памятники фазы Гава–III (Семиградье) и позднеголиградские (Северная Буковина) доживают до VII в., А.Ласло в поисках косвенной аргументации приводит тот, достаточно очевидный факт, что в отличие от южной части Молдовы, в северной нет поселений культуры Басараби (Laszlo 1994: 94–95). Этот более чем косвенный аргумент, по мысли румынского исследователя, должен свидетельствовать о том, что здесь вероятно, всё ещё находились памятники типа Грэничешти, население которых не позволило «людям Басараби» расширить свой ареал в этом направлении.

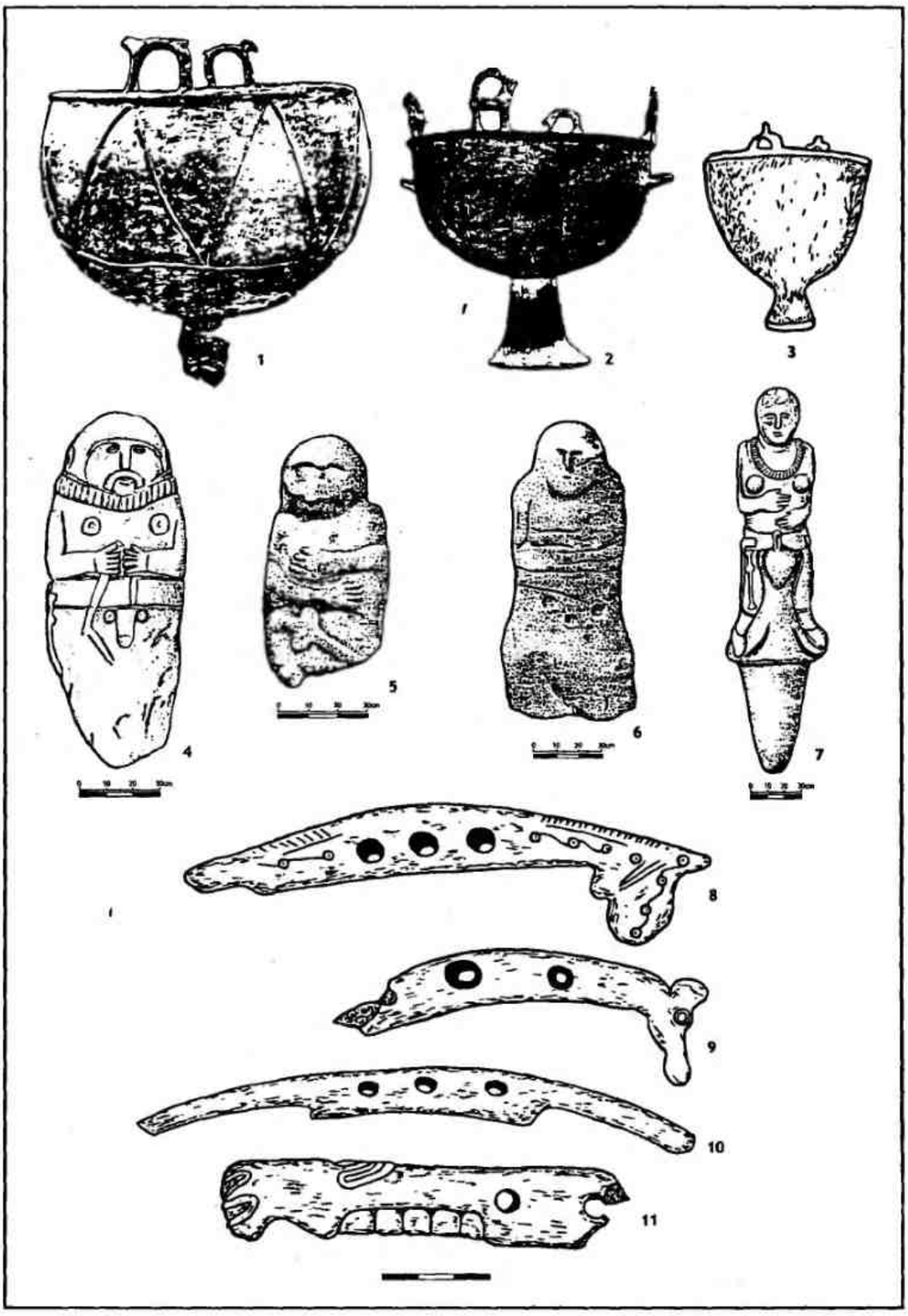


Рис. 38. **Находки вещей скифского типа из запрутской Молдовы и Северо-Восточной Добруджи (VI — V вв. до Р. Х.).**

Finds of scythian type from Romanian Moldova and North-East Dobrouga (VI—V cent.B.C.)

1 — Меджидие; *2* — Якобени (Дынгени); *3* — Аврэмени ; *4* — Сибиоарэ (оз.Ташаул); *5* — Ступини; *6* — Северо-Восточная Добруджа (не точнее); *7* — Виноградовка (Болград); *8* -Куртени; *9* — Истрия; *10* — Тариверде; *11* — Чилик-Дере

Таблица составлена по следующим публикациям: *Ольховский, Евдокимов 1994 (Субботин и др., 1992); Aricescu 1965; Rață 1966; Niţu 1953; Iconomu 1979; Berciu 1963; Simion 1997.*

ской Молдовы (Молдавская равнина), то для существования здесь памятников Кишинёв–Корлэтень максимально возможной верхней датой является IX в. до Р. Х., да и то, с учётом того, что так *могут* датироваться те немногочисленные фрагменты штампованной инкрустированной керамики в основных слоях с материалами типа Кишинёв–Корлэтень (Laszlo 1994: 129—130, 203—204).[31]

И всё же, самостоятельная линия развития фракийских древностей в северной части Молдовы (Сучавское плато) завершается в основном к середине VII в. до Р. Х., после чего памятники западноподольской группы, вобравшие в себя достаточно очевидные элементы фракийского наследия, существуют здесь, по всей вероятности на протяжении всего VI-го, а быть может и какой-то части V в. до Р. Х., в соответствии с хронологией памятников основного ареала.

Сколь бы шатким не выглядело подобное убеждение, оно всё же позволяет нам оставить на время северную часть Молдовы и обратиться к её южной половине. Здесь период VI в. до Р. Х., судя по состоянию источников, также внушает опасения за стройный и последовательный облик культурно-хронологической колонки.

Итак, в предгорьях Вранчи в VI в. существует (а может быть, продолжает существовать) могильник Бырсешти. Несколько разрозненных комплексов этого же типа открыты восточнее Сирета, практически в центре плато Бырлад (Реча, Бэрбоаса [Рис. 41/1—3; 48]).[32] Совершенно особое явление представляет собой т.н. группа Трестиана — ещё один памятник, материалы которого могут быть датированы в том числе и VI в. до Р. Х. (Рис. 47). Определение «группа памятников» применительно к Трестиана, вплоть до недавнего времени было весьма условным, если иметь ввиду привычное, обыденное понимание этого археологического термина. Речь шла фактически о трёх погребениях открытых в окрестностях одного населенного пункта, инвентарь которых впрочем, вполне позволял объединить их в единый горизонт. Его весьма слабая археологическая насыщенность стала гораздо нагляднее в 90-е гг., когда исследованиями молдавских археологов О. Левицкого и В. Хахеу в окрестностях с. Джурджулешти, вблизи слияния Прута и Дуная был открыт грунтовой могильник, насчитывавший 5 погребений (Levițki, Haheu 1999).

Едва ли не все характеристики погребального обряда и категории инвентаря этого могильника имеют аналогии в погребениях из Трестиана и Чимбала (Рис. 47). Бескурганные захоронения были совершены по обряду ингумации. Положение костяков вытянутое, ориентировка — ЮЮВ–ЮЮЗ. Всё это было отмечено авторами публикации, которые, датируя могильник второй пол. VII — VI вв., совершенно справедливо считают его синхронным группе Трестиана (Levițki, Haheu 1999: 128). Пожалуй, лишь верхняя

[31] Замечу впрочем, что эти же фрагменты могут датироваться и X в. до Р. Х. в соответствии с общепринятой хронологией культур «классической штампованной керамики» в Карпато-Подунавье — X—IX вв. Определённую уверенность при некотором повышении даты Кишинёв-Корлэтень придает клад из Валя-Русулуй в Молдавии, датировка которого охватывает и какую-то часть IX в. Однако, ранее мы уже предположили, что этот клад возможно относится к следующему за каннелированным гальштатом, культурно-хронологическому горизонту. Против повышения даты Кишинёв–Корлэтень до IX века, решительно выступает О. Г. Левицкий, детально рассмотрев аргументы А. Ласло (Levițki 1994a: 146—147).

[32] Принадлежность двух сосудов из трупосожжения в Реча, и фрагментов керамики из Бэрбоаса, условия находки которых, до конца неясны, к керамическому комплексу типа Бырсешти-Фериджиле второй пол. VII — VI вв., по-моему, достаточно очевидна (Рис. 48).

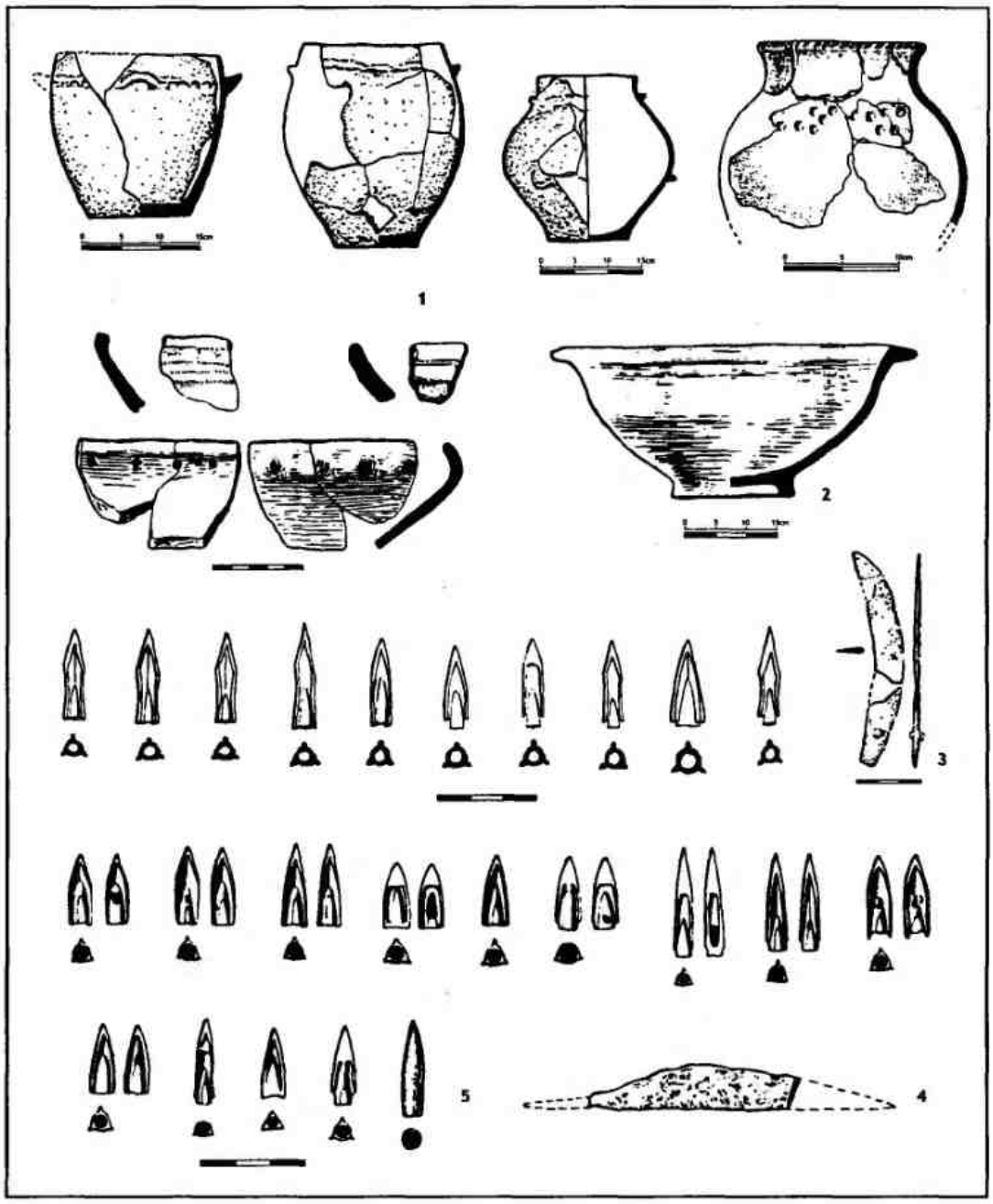


Рис. 39. **Основные типы инвентаря из могильника Данчены (по [Лапушнян 1979])**

Grave goods basic types from the cemetery Dančeni

1 — лепная керамика; *2* — гончарная желтоглиняная миска; *3–4* — железные ножи; *5* — костяной наконечник стрелы (?)

дата кажется чрезмерно «растянутой».[33] Среди инвентаря главным хроноиндикатором являются фибулы типа Глазинац с приемником в форме беотийского щита. А. Ласло, указав на максимально допустимую верхнюю дату бытования таких

[33] О. Левицкий и В. Хахеу совершенно справедливо включают в этот же горизонт и погребение №3/1988 г. с территории городища Новосельское–II (Brujako, Novitki 1997: 130–131; Бруяко, Ярошевич 2001: 59–60, рис. 17/1–3).

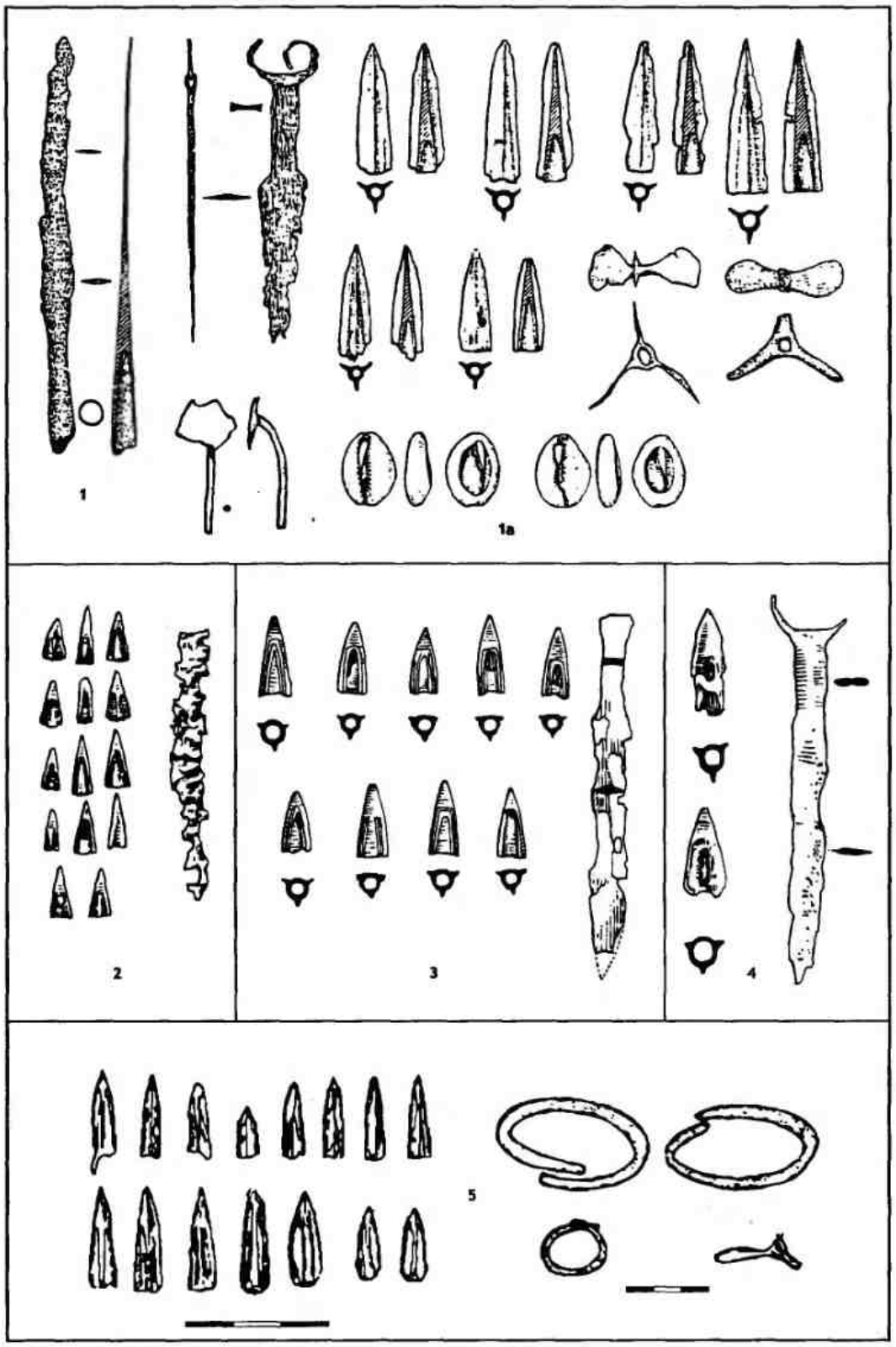


Рис. 40. **Инвентарь скифских погребений из запрутской Молдовы (вторая пол. VI — начало V вв. до Р. Х.)**

Grave goods of scythian burials from Romanian Moldova (second half VI- begin.V cent.B.C.)

1 — Милешти-де-Сус (*1* — погр.1; *1а* — погр.2); *2* — Хушь (1973 г.); *3* — Редиу («Капул Редиу»); *4* — Мынжетешти; *5* — Хушь (1928 г.)

Таблица составлена по следующим публикациям: *Mitrea 1983; Buzdugan, Coman 1977; Palade 1976; Palade, Ciuca 1972; Vasiliu 1933/1934 (Arnăut 2003)*

фибул (первая пол. VI в. до Р. Х.), полагает тем не менее, что группа Трестиана не выходит за рамки VII в. и в его графической схеме, она лишь продлевает культурно-хронологическую колонку периода среднего гальштата в Молдове на вторую пол. VII в. до Р. Х. (Laszlo 1989: 127—128). Одно время в группу Трестиана включали и одиночное погребение у с. Чимбала (уезд Бакэу [Рис. 33/1]). А. Вульпе полагал, что этот комплекс по обряду и инвентарю вполне сопоставим с группой Чумбруд в бассене Муреша (Vulpe 1970: 161). Может быть, теперь, после открытия некрополя у с. Джурджулешти, следует вернуться к первоначальной трактовке погребения Чимбала и вновь включить его в группу памятников типа Трестиана.[34]

Феномен группы Трестиана до конца не ясен. Пока очевидно лишь то, что для её датировки вторая пол. VII в. кажется наиболее предпочтительной, несмотря на фибулы, которые сами по себе хотя и датируются довольно широко, однако имеют весьма точные аналогии в фазе Ferigile-Nord («Inventartyp 3» — конец VII — нач. VI вв., или «Inventartyp 3—4» — конец VII — VI вв. до Р. Х. [Vulpe 1967: pl. XXIII/8, 9; 1977: 91; 1990: 126]) и Гогошу–I (вторая пол. VII в. [Vulpe 1977: 91]). В тоже время, поднимая датировку фибул из Трестиана и Джурджулешти до VI века, в рамках допустимых для хронологии такого типа фибул, появляется вполне реальная перспектива максимального сближения верхней даты группы Трестиана с нижней датой поселения Куртени на Нижнем Пруте — ещё одного светлого пятна в море хронологического мрака VI в. до Р. Х (Рис. 41). В плане вразумительной трактовки этнокультурных процессов происходивших в регионе, это нам ничего не даёт. Однако, возможная ликвидация очередной хронологической лакуны позволяет обрести некоторую уверенность в дальнейших размышлениях.

Поселение Куртени, К. Иконому датирует концом VII — нач. V вв. до Р. Х. Находки архаического импорта, приведенные в публикации, надёжно заполняют лишь вторую половину VI в. Более низкие даты, предложенные автором для некоторых фрагментов (ионийская чашка второй чтв. VI в., нижняя часть амфоры сер. VI в. (Рис. 50/3 [Iconomu 1979: 82, fig. 4/1—2])), могут быть приняты к сведению учитывая, что данная группа ионийской керамики, в целом, датируется довольно широко. Всё же, судя по фрагменту представленному на Рис. 50/3 (слева), этот обломок ионийской чашки может быть датирован первой пол. VI в. до Р. Х. (Cook, Dupont 1998: 129-131). Что касается нижней части пифоидной амфоры, то, опять-таки судя по изображению (Рис. 50/3; справа), вполне вероятно, что она принадлежала какому-то из ранних типов тары производства Клазомен, «круга Самоса» или Милета (Монахов 1999: табл.4; 6). Впрочем, совсем необязательно, чтобы импорт фиксировал самую раннюю фазу жизнедеятельности поселения.

В Куртени присутствует ещё две достаточно представительные группы материала — комплексы лепной и сероглиняной гончарной керамики. Обе они, конечно же, не способны убедить скептиков в том, что поселение могло возникнуть в VII в. Однако, первую половину VI-го, как нижнюю дату Куртени, не исключают ни лепная, ни сероглиняная гончарная керамика, Так, например, сероглиняные черпаки с высоко поднятой ручкой, на низком поддоне, серия которых происходит из Куртени (Рис. 50/2), в Истрии, где,

[34] Откровенно говоря, если бы не внушительное расстояние и горный массив Восточных Карпат, разделяющие группы Трестиана и Чумбруд, то, наверное, обе группы можно было бы объединить в одну.

Рис. 41. **Днестровско-Карпатские земли в VI — середине V вв. до Р. Х. (археологические памятники)**

The Lands between Carpathian and Dniester in the VI — middle V cent.B.C. (archaeological sites)

а — ареал Западноподольской группы памятников

б — погребальные комплексы раннескифского (лесостепного) типа (*1* — Тринка; *2* — Чулница)

в — скифские, «воинские» погребения (*1* — Суручены; *2* — Маяки; *3* — Кубей; *4* — Помазаны; *5* — Чилик-Дере; *6* — Хушь; *7* — Васлуй; *8* — Мынжетешти; *9* — Милешти-де-Сус)

г — скифские, «всаднические» погребения (*1* — Николаевка; *2* — Арциз; *3* — Червоный Яр; *4* — Никольское)

д — скифские погребения с обрядом кремации (*1* — Дубоссары; *2* — Коржово; *3* — Чауш)

е — памятники горизонта Пыржолтены–Данчены–Олонешти (*1* — Пыржолтены; *2* — Данчены; *3* — Олонешти)

ж — погребения у сс. Мерены (*1*) и Новые Раскайцы (*2*)

з — памятники типа Фериджиле-Бырсешти (*1* — Бырсешти; *2* — Реча; *3* — Бэрбоаса)

и — поселение Куртени

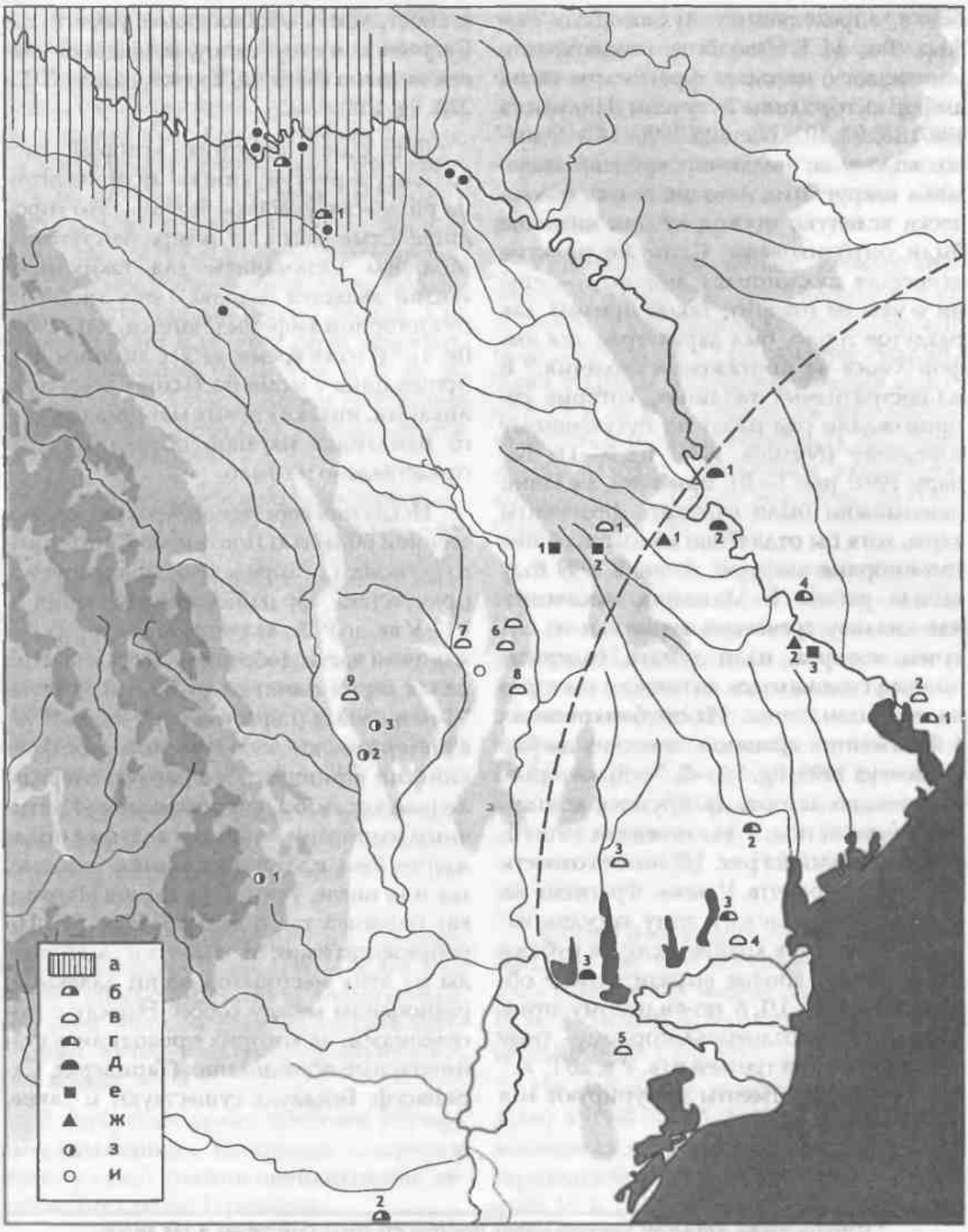
по-видимому, было налажено их производство, датируются в основном VI в. до Р. Х.[35] Достаточно архаичный, позднегальштатский облик имеет комплекс лепной керамики. В особенности это заметно на примере черпака с резким, ломаным профилем и невысокой миски с загнутым внутрь краем и небольшой вертикальной ручкой-упором со сквозным отверстием (Рис. 50/1).

По поводу верхней даты поселения Куртени, ничего более определённого, чем начало V в., предложенное К. Иконому, сказать невозможно. Хотя, наверное, правильнее было бы говорить о том, что верхняя дата теряется где-то в V в. до Р. Х.

Завершая обзор памятников Днестровско-Карпатского региона периода позднего гальштата, необходимо сказать ещё вот о чём. Время от времени, в научной литературе ставится вопрос о так называемых раннегетских поселениях в Бессарабии и запрутской Молдове. Фактически, речь идёт о том, что на некоторых местонахождениях, основной период жизнедеятельности которых связан с классической гетской культурой IV в. до Р. Х., в разное время были найдены единичные материалы, которые дают основание ряду исследователей говорить о наличии на этих поселениях (городищах) более ранних горизонтов обитания, в частности, второй пол. (конца) VI — нач.V вв. до Р. Х. Тем самым, мы по сути уже касаемся следующего хронологического пласта, который в Днестровско-Карпатском регионе заполняют памятники IV—III вв. до Р. Х. Однако, поскольку может оказаться, что некоторые из них содержат материалы V-го, или даже VI вв., то это обстоятельство требует соответствующего анализа именно в данном разделе.

Сразу же отмечу, что попытка обозначить группу таких памятников, по-моему, вызвана изначально заданным (априорным) стремлением доказать непрерывность развития фракийских древностей в Днестровско-Карпатском регионе от эпохи гальштата к классической гетской культуре. По мысли приверженцев этого направления, для доказательства подобного этнокультурного континуитета необходима серия фракийских памятников, на которых бы характерная фракийская керамика сопровождалась надежными хроноиндикаторами. Традиционно таковыми должны быть находки греческого импорта, поскольку типология фракий-

[35] Наиболее ранний экземпляр, согласно П. Александреску, весьма точно датирован 580—570 гг. до Р. Х. (Alexandrescu 1977: 130; 114, fig. 1; 131, fig. 15).



ской лепной посуды, и прежде всего это касается кухонной керамики, весьма консервативна для того, чтобы можно было бы уверенно разграничить формы характерные для VI—V вв. и IV—III вв. до Р. Х. Речь в данном случае, может идти лишь об общей тенденции в изменении отдельных признаков и пропорций.

Что же касается греческого импорта, то в роли хроноиндикаторов конца VI — нач. V вв. чаще всего выступает амфорная тара Хиоса, в виде практически безоши-

бочно определяемых пухлогорлых амфор. Так, И. Т. Никулицэ неоднократно упоминает о находках фрагментов таких амфор на городище Бутучены (Никулицэ 1987: 15, 92, 102; Niculiță 1996: 143). Однако, вплоть до недавнего времени полемика вокруг этих находок велась фактически вслепую, поскольку они нигде не были опубликованы. Само же понятие «хиосская пухлогорлая амфора» — ещё ни о чем не говорит. Такой признак как раздутое горло, был характерен для амфор Хиоса на протяжении столетия.[36] В иллюстративных таблицах, которые сопровождали ряд работ по Бутученскому городищу (Niculiță 1996: fig. 9—11; Банару 1997: рис. I—II), при всем желании невозможно было отыскать фрагменты тары, хотя бы отдалённо напоминающие пухлогорлые амфоры. Лишь в 1999 году вышла работа Н. Матеевич, посвященная анализу греческой керамики из Бутучен, которая, надо думать, содержит полный свод находок античного импорта на этом памятнике. Из опубликованных 4 фрагментов «ранних» хиосских амфор (Mateevici 1999: fig. 1/1—2, 7—8), которые, по мнению автора, датируются концом VI — первой пол. V вв., пожалуй лишь 1, изображенный на рис. 1/2 можно отнести ещё ко второй чтв. V века. Фрагмент на рис. 1/7 принадлежит типу сосудов начала IV-го, или в крайнем случае рубежа V—IV вв. Не вполне выразительные обломки на рис. 1/1, 8 по-видимому относятся к т.н. «позднепухлогорлому» типу хиосских амфор третьей чтв. V в. до Р. Х.[37] Все эти же фрагменты фигурируют и в иллюстрациях обобщающей работы по Бутученскому городищу, вышедшей совсем недавно (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: 228, fig. 102).

Ещё один памятник, который часто фигурирует в списке претендентов на роль «связующего» звена — это городище Стынчешти на севере запрутской Молдовы. Основанием для таких претензий является находка здесь хиосской пухлогорлой амфоры (Florescu, Rață 1969: fig. 1).[38] В тоже время, за 30 с лишним лет, прошедших с момента выхода этой публикации, никаких новых материалов этого памятника научной общественности представлено не было.

Исключая собственно Фракию, единственной областью Понтийско-Карпатского региона, где определённо фиксируется присутствие фракийского населения в VI—V вв. до Р. Х., является территория румынской части Добруджи. Здесь известна целая серия памятников большей части VI-го и начала (первой пол.) V вв. до Р. Х., в материальной культуре которых фракийский компонент, и в первую очередь, лепная керамика, сопровождаемая античным импортом, занимает ведущее положение. Речь идёт о поселениях, которые, так или иначе, тяготеют к округе Истрии, как ближней так и дальней (Рис. 51). По репрезентативности выборки материалы из этих местонахождений далеко не равноценны между собой. Наряду с поселениями, на которых проводились стационарные исследования (Тариверде, Саринасуф, Бейдауд), существуют и такие,

[36] Известно также, что кроме хиосских амфор, припухлость горла свойственна и для амфор, которые выпускались в V в. до Р.Х каким-то неизвестным центром Северной Эгеиды (т. н. тип амфор с «раздутым горлом»).

[37] По-видимому, к амфоре этого же типа принадлежит фрагмент венчика с частью ручки, найденный на городище Хыртопул Маре, расположенном в 20 км к ССВ от современного Кишинёва (Cebotarenko 1997: pl. 11/5; Чеботаренко, Субботин 2000: рис. 3/13).

[38] Практически вся верхняя часть амфоры догипсована, в том числе и горло, в основе реконструкции которого, если судить по фотографии, — лишь несколько небольших фрагментов керамики. Впрочем, пропорции сохранившейся части сосуда вполне соответствуют ранним амфорам хиосского производства , в т. ч. и пухлогорлым.

материалы из которых получены либо в результате сборов подъемного материала, либо в ходе небольших, зондажных раскопок (шурфовок). Судя по типам амфор, найденным в этих пунктах (рисунки в публикациях чаще всего отсутствуют), их датировка действительно может указывать на вторую пол. VI — первую пол. V вв. до Р. Х. Среди центров производства тары упоминаются: Хиос, Лесбос, Самос. Отсутствуют: Фасос, Менда, Синопа, Гераклея и прочие типы характерные для большей части V-го и IV вв. до Р. Х. (Sîrbu 1983; Alexandrescu 1976; Irimia 1975; Bucovală, Irimia 1971; Simion, Lăzurca 1977/1978; и др.).

Представить себе культурно-хронологический ритм развития поселений Северо-Восточной Добруджи, можно исходя из трёх, в той или иной степени априорных положений:

• все эти поселения входили в округу (дальнюю или ближнюю) Истрии позднеархаического времени, образуя, таким образом, единую структурную единицу — хорион (Бруяко 1999а: 92—93);

• в основе ритма развития этой структуры лежала общая хозяйственно-экономическая тенденция, политическая и демографическая ситуации;

• приняв предыдущие два положения, на примере нескольких, более или менее сносно изученных памятников, можно в общих чертах обозначить заявленный выше культурно-хронологический аспект.

В настоящее время наиболее изученным памятником, материалы которого в значительной степени опубликованы, является поселение Тариверде.

Памятник раскапывался ещё в 50-е гг. XX в., и его хронология время от времени корректировалась. Сейчас в качестве нижней даты поселения Тариверде принята вторая чтв. VI в., а верхней — рубеж VI—V вв., либо самое начало V в. до Р. Х. (Alexandrescu 1988: 284, 288). Примечательно, что в коллекции лепной керамики при явном преобладании фракоидных форм, отмечены и типично «скифские» сосуды (Condurachi şi col. 1957: 81, fig. 60; Мелюкова 1979: 107, рис.3 5). Подобная же керамика представлена и в ранних слоях Истрии, начиная с VI в. (Dimitriu 1966: pl. 6—7; Coja 1970: fig.1).

Ещё одним поселением, которое возникло, по-видимому, уже в первой пол.VI в., является местонахождение Долошман (Кап Долошман) в 2 км севернее Истрии. Здесь открыты остатки укреплений и зданий VI в. до Р. Х. Отдельные фрагменты импортной керамики отсюда П. Александреску находит возможным датировать концом VII — первой пол. VI вв. до Р. Х. (Alexandrescu 1988: 285).

В 10 и 12 км от Истрии расположены поселения, соответственно, Нунташ–I и II. Оба памятника открыты относительно недавно. П.Александреску полагает, что по своей структуре поселения приближались к типу городских. Они основаны в VI в., не точнее (Alexandrescu 1988: 284). К. Домэнянцу, по нескольким фрагментам ионийской керамики, датирует основание поселения Нунташ–I концом VII — началом VI вв. до Р. Х. (Domăneanţu 1993: 59).

Ещё на одном поселении — Истрия-Под, в 4 км юго-западнее Истрии, наряду с основной массой материала V—IV вв., отмечена и керамика VI в. до Р. Х. (Alexandrescu 1988: 284).

На побережье залива Фундя (оз. Разелм) в 1964—1970 гг. П. Александреску исследовал поселение Саринасуф. Предварительная дата его основания — середина VI в. (Alexandrescu 1988: 285; Irimia 1975: 102).

Из местонахождения Вишина в 10 км западнее Кап Долошман, происходит серия лесбосских амфор (3 сосуда [Sîrbu 1983: fig. 3/4—5]) т.н. «стандартного типа» конца VI — первой чтв. V вв. до Р. Х. (Cook, Dupont 1998: 161).

Рис. 42. **Днестровско-Карпатские земли в VI — середине V вв. до Р. Х. (отдельные находки)**

The Lands between Carpathian and Dniester in the VI — middle V cent.B.C. (separate finds)

а — ареал Западноподольской группы памятников

б — случайные находки скифских акинаков (*1* — Агапия; *2* — Вэратек; *3* — Мэчишени; *4* — Сусени; *5* — Нэнешти; *6* — Боурени; *7* — Комарна; *8* — Чиндэоань; *9* — Унгены; *10* — Лукашевка; *11* — Требужены; *12* — Котовск; *13* — Дачное; *14* — Быку; *15* — Гэнешти; *16* — Думешти; *17* — Бэлэбэнешти; *18* — Козия и Мошна; *19* — Личитишени; *20* — Зэйчешти; *21* — Мирослэвешти; *22* — Быкумени)

в — случайные находки бронзовых котлов (*1* — Якобени (Дынгени); *2* — Аврэмени; *3* — Меджидия)

г — пункты находок костяных псалиев (*1* — Куртени; *2* — Чилик-Дере; *3* — Истрия; *4* — Тариверде)

д — находки скифских изваяний (*1* — Виноградовка (Болград); *2* — оз. Ташаул; *3* — Ступини)

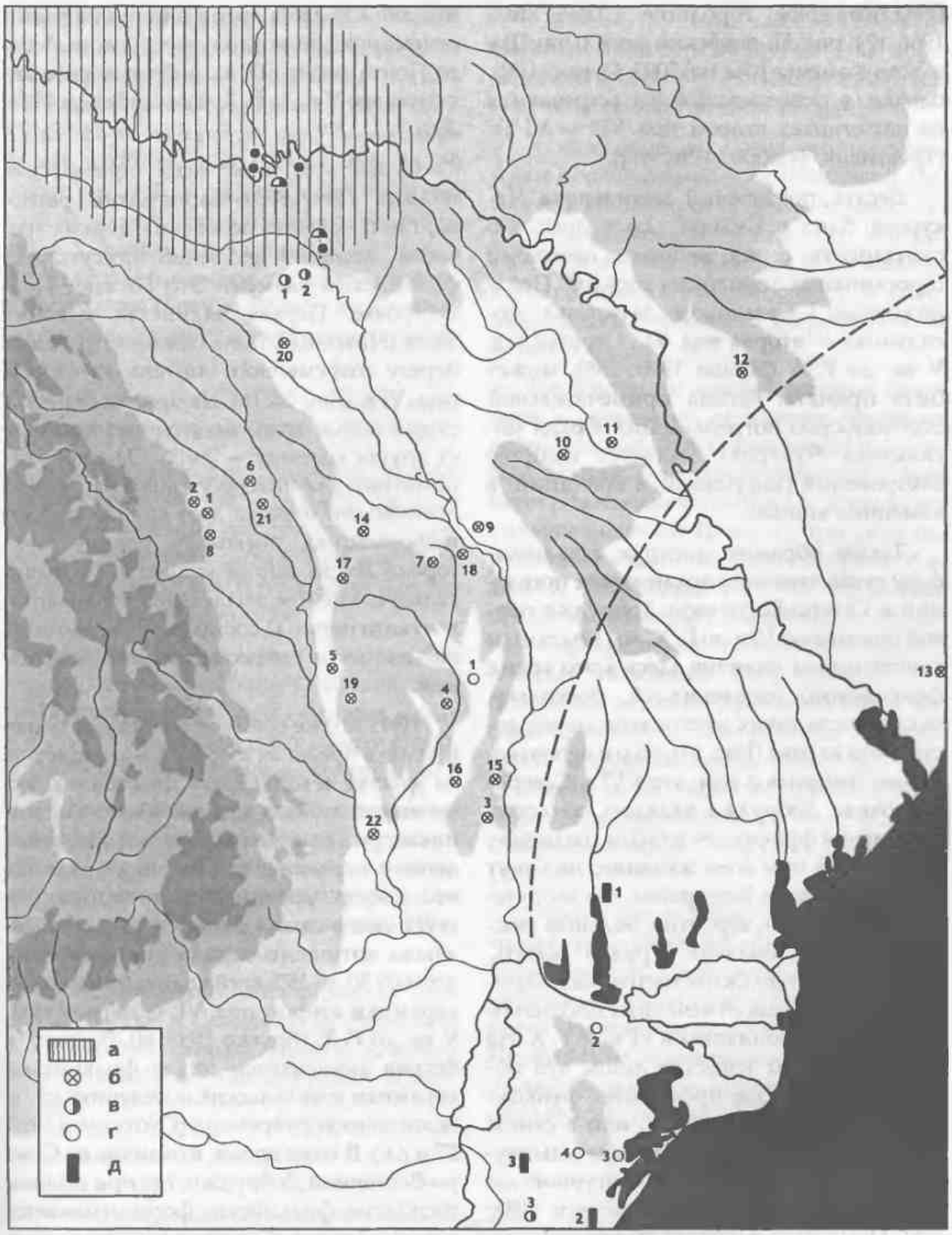
Фрагменты хиосских пухлогорлых амфор (в т. ч. целый сосуд) позднеархаического типа обнаружены на многослойном городище Бейдауд северо-западнее Истрии (Simion, Lăzurca 1977/1978: 44, pl. IV/9). Здесь же найдены обломки амфор других центров — Самоса и Клазомен. Достаточно представительной выглядит и серия чернолаковой (в т. ч. расписной, чернофигурной) керамики, обнаруженной на этом же городище (Simion, Lăzurca 2003: fig. 10/6–10; 12).

Другую группу фракийских древностей этого периода составляют погребальные памятники. Это два разрушенных погребения в уезде Тулча (Махмудие и Пятра Фрикацей), небольшие могильники у г. Чернавода, с. Чукурова близ Бабадага, а также некрополь Корбу де Жос к югу от Истрии (Рис. 51). Сосуды из трупосожжения близ Махмудие («Кайракул Маре») автор публикации считает близкими керамике группы Бырсешти (Oberlander-Tărnoveanu 1977/1978: 58–59, pl. 3/5).[39] Некрополь в Корбу де Жос (всего около 10 погребений) даёт на удивление большое количество импортной посуды и, вместе с тем, весьма мало местной, лепной. Наиболее вероятная датировка памятника — вторая пол. (последняя чтв.) VI — нач. V вв. до Р. Х. (Bucovală, Irimia 1971: 100; Alexandrescu 1976: 120–123).

Могильник Чернавода представлен всего четырьмя погребениями, давшими, однако, довольно интересный инвентарь (Рис. 52). Что касается лепной посуды, то она имеет очевидные аналогии в керамике могильников Равна и Бырсешти, с одной стороны, и классической гетской — с другой. Д. Берчу предложил датировать могильник Чернавода первой половиной V в. до Р. Х. (Berciu 1957: 306, 308). Мне кажется, что его основные хроноиндикаторы указывают на предыдущее столетие. Во-первых, этому как нельзя лучше соответствует найденное в Чернавода бронзовое зеркало с боковой железной рукояткой, оканчивающейся волютами (Рис. 52/8).[40] Во-вторых, корчага вытянутых пропорций, с горлом, приближаю-

[39] Относительно комплекса из Пятра Фрикацей, имеется лишь упоминание о найденных здесь двух мисках с широким отогнутым краем. На одной из них, этот край по внутренней поверхности украшен каннелюрами. А. Вульпе считает возможным соотнести данный комплекс с группой Фериджиле–Бырсешти (Вульпе 1960: 197). Из двух сосудов в Махмудие, опубликован лишь один.

[40] Очень близкую аналогию мы находим в могильнике Тапиоселе (культура Векерзуг), где впрочем, подобное зеркало числится как случайная находка на территории могильника (Рис. 74/1). Однако, учитывая хронологию этого венгерского некрополя в целом, и принятые для него в последнее время более низкие даты (вплоть до начала VI в. до Р. Х.; подробнее см.ниже), VI век для датировки зеркала из Чернавода, не должен вызывать сомнений.



щимся к цилиндрическому (Рис. 52/2), имеет аналогии с одной стороны на памятниках группы Фериджиле, а с другой – в некрополях Северо-Восточной Болгарии VII—VI вв. до Р. Х. (Добрина, Равна). В-третьих, пропеллерообразные бронзовые пронизи-подвески (навершия? [Рис. 52/9]), хотя и бытуют довольно длительное время, вплоть до V-го (Милешти де Сус [Рис. 40/1]) или даже IV вв.до Р.Х

(Надлиманское городище [Дзис-Райко 1966: 174, рис. 5], скифский могильник III у с. Усть-Каменка [Фіалко 2003: 41, рис. 1/3]), однако, в основном всё же встречаются на памятниках второй пол. VII — VI вв. (Трестиана, Чумбруд [Рис. 47]).[41]

Десять погребений могильника Чукурова близ с. Бабадаг, дают довольно стандартную серию лепных и несколько сероглиняных гончарных сосудов. Предложенная Г. Симионом датировка могильника — вторая пол. VI — третья чтв. V вв. до Р. Х. (Simion 1995: 156), может быть принята. Весьма примечательной особенностью погребального обряда могильника Чукурова, является наличие захоронений (ингумаций и кремаций) в каменных ящиках.

Таким образом, датируя начальную фазу существования архаических поселений в Северо-Восточной Добрудже первой половиной VI в. до Р. Х., мы тем самым констатируем наличие здесь в это время фракийского населения. А, поскольку, численность таких местонахождений достаточно велика (Рис. 51), то мы вероятно, вправе говорить о том, что в VI в. Северо-Восточная Добруджа являлась областью расселения фракийцев в таком масштабе, на который при всем желании, не могут претендовать ни Бессарабия, ни запрутская Молдова, ни, вероятно, бóльшая (восточная) часть Валахии. Трудно сказать, насколько продолжительным был период существования отмеченных поселений в Добрудже, возникших в VI в. до Р. Х. На данный момент известно лишь, что поселение Тариверде прекращает функционировать на рубеже VI/V, или в самом начале V в. до Р. Х., о чём свидетельствуют находки поздней чернофигурной керамики 500—490 гг. (Alexandrescu 1988: 288). Примерно в это же время какое-то достаточно крупное разрушение переживает Истрия. П. Александреску связывает эти данные археологии с последствиями скифского рейда вдоль побережья Левого Понта около 500 г., либо в первое десятилетие V в. до Р. Х. (Alexandrescu 1988: 289).

Существует ещё одна приморская область Понтийско-Карпатского региона, где с момента основания первых греческих колоний явственно присутствует фракийский элемент. Это Нижнее Поднестровье. Первая эллинская колония здесь (Никоний), была основана на левом берегу современного лимана во второй пол. VI в. (Рис. 56/16). На правом берегу, в самом конце этого же столетия возникает другая колония — Тира. Однако, этот памятник для интересующего нас хронологического отрезка дает крайне скупую информацию, поскольку ранние слои города до сих пор не открыты. Незначительную в целом, коллекцию позднеархаического периода составляют материалы, найденные в переотложенном состоянии.

Чуть позже времени основания Никония, но в пределах того же VI-го столетия, на участке левого берега Днестра и Днестровского лимана длиной 60—65 км, возникает ряд сельских поселений. Изучение лепной керамики из Никония показало, что посуда фракийского типа присутствует уже в самых ранних слоях и комплексах античного города, составляя при этом от 30 до 35% всей коллекции лепной керамики второй пол. VI — первой пол. V вв. до Р. Х. (Бруяко 1993: 60, 70, рис. 1). Весьма выразителен состав фракийской керамики и на сельских поселениях позднеархаического времени (Охотников 1990: 27 и сл.). В тоже время, в отличие от Северо-Восточной Добруджи, где при полном господстве фракийских форм отмечается всё же определённый процент северопонтийской, т. н. «скифской», лепной керамики, в Нижнем Поднестровье, напро-

[41] О вариантах функционального назначеия этих предметов см. статью Е. Е. Фиалко (Фіалко 2003)

тив, последняя составляет бóльшую часть коллекции. Я продолжаю настаивать на том, что определение «скифская» применительно к лепной керамике соответствующих форм из памятников Нижнего Побужья и Поднестровья VI-го, и большей части V в. до Р. Х., является весьма условным и должно использоваться не иначе как в кавычках. Причины такого подхода, изложенные в своё время достаточно пространнно (Бруяко 1993: 59 и сл.), можно сформулировать в виде нескольких тезисов:

• эталонного комплекса лепной керамики ранних кочевников не существует;

• погребения предскифского и раннескифского этапов содержат лепную керамику тех оседлых групп, в ареалах которых обитали номады в то или иное время (кобанская культура, чернолесско-жаботинская, фракийская);

• формирование комплекса лепной керамики «классической» скифской степной культуры завершается ближе к концу V в. до Р. Х. и соответствует началу широкомасштабного «оседания» кочевников;

• представление о так называемом «скифском» комплексе лепной керамики VII —VI вв. до Р. Х. оформилось в результате экстраполяции основных её форм из степных погребений (памятников) IV в. на более ранний период;

• непрерывная линия развития лепной керамики в Северном Причерноморье первой половины I тыс.до Р. Х. может быть прослежена лишь для районов лесостепи;

• именно на основе лесостепного комплекса лепной керамики VII—V вв. впоследствие формируется набор скифской (уже без кавычек) лепной посуды;

• очевидные аналогии лепной керамики позднеархаических поселений Побужья и Поднестровья на памятниках лесостепи, позволяют думать, что именно выходцы из этих областей и составляли основу варварского компонента в колонизационных анклавах второй пол. VI — нач. V вв. до Р. Х.[42]

На основании данных, которые получены в результате детального изучения нескольких сельских поселений Нижнего Поднестровья позднеархаического времени (Надлиманское–III и VI, в меньшей степени Беляевка–I), их верхняя дата ограничивается концом первой трети V в. до Р. Х. (Охотников 1990: 70). Поскольку эта дата полностью совпадает со временем прекращения жизнедеятельности сельских поселений Нижнего Побужья (Марченко 1991: 16, 23), то многими исследователями вполне резонно высказывается мнение о некоем общем факторе, повлиявшем на упадок сельской округи в Побужье и Поднестровье, а возможно, и в Северо-Восточной Добрудже (Марченко 1991: 23).

Обзор источников, предпринятый только что, позволяет прийти к следующим выводам. Раннескифские памятники появляются на севере Карпато-Днестровского региона в середине VII в. до Р. Х. Практически одновременно начинается отсчёт хронологии древностей западноподольской группы. Теперь уже доста-

[42] Довольно оригинальное суждение недавно высказала А. С. Русяева. Она полагает, что лепная посуда лесостепного облика попадала к эллинам Нижнего Побужья в результате торговли или, в крайнем случае, обмена. Причина повышенного интереса греков к этой малоэстетичной категории керамики лежит на поверхности. Дело в том, что в лепных горшках весьма удобно готовить пищу на очаге (Русяева 1999: 91). При этом, как-то сразу вспоминаются кучи кухонной гончарной керамики (котлы, «кастрюли»), скапливающиеся вокруг полевой камералки любого античного центра в конце каждого полевого сезона. Причём, морфологические особенности этой керамики — ручки, округлое дно — на мой взгляд, гораздо лучше соответствуют той технологии приготовления пищи, о которой пишет А. С. Русяева.

точно очевидно, что её ареал охватывал не только украинское Среднее Поднестровье, но и северные районы Молдавии и румынской Молдовы, т. е. фактически всю Буковину и Молдавское плато. Картографирование раннескифских памятников Бессарабии и Северо-Восточной Добруджи показывает их постепенное смещение от Среднего Поднестровья на юг таким образом, что к концу VII века они фиксируются уже в низовьях Дуная (Рис. 33). Фракийские древности этого периода в Бессарабии и Молдове представлены какими-то реликтовыми очагами эпохи среднего гальштата, которые возможно доживают до конца VII в. Однако, в Северо-Восточной Добрудже, по-видимому, сохраняется некоторый оседлый массив фракийского населения. Во всяком случае, сельские поселения в округе Истрии, возникшие уже в первой пол. VI в. до Р. Х., да и материальные остатки в самом городе, обладают вполне определённым набором фракийских элементов.

Многообещающее появление скифов во второй пол. VII в. так и осталось подающим надежды, ибо в следующий раз они заявили о себе лишь спустя примерно полстолетия — в середине — второй пол. VI в. Правда, теперь скифская «тема» будет постоянно звучать в регионе в качестве одной из основных, вплоть до III в. до Р. Х.

Бессарабия в VI—V вв. остаётся областью с довольно пустынным археологическим ландшафтом. Зато фракийский очаг в Добрудже, вписавшийся со всеми своими особенностями в античную политико-экономическую структуру, укрепляется вместе с ней достаточно быстрыми темпами. Его демографический потенциал, как оказалось, вполне позволял уже в VI в. принимать участие в освоении новых районов понтийского побережья лежавших к северо-востоку от Истрии (Нижнее Поднестровье и Побужье).

Обо всех эти процессах мы подробнее поговорим в следующем разделе.

3.2. Реконструкция диалога культур

3.2.1. Общие замечания

ВТОРАЯ волна восточных номадов появилась на пороге центральноевропейского дома именно в тот период, когда его обитатели в очередной раз были заняты сменой интерьера и вывески на фасаде, причиной чему стало своего рода переосмысление внутреннего содержания этой цивилизации. На протяжении предыдущего тысячелетия, европейцы были погружены в самосозерцание бесконечных перетеканий одного периода в другой, одной субстратной культуры в другую («Hügelgräberkultur» — «Urnenfelderkultur» — «Hallstattkultur»). Некоторое оживление в эти процессы вносили лишь периодические импульсы из эгейско-средиземноморского региона, которые впрочем, стали уже вполне прогнозируемыми примерно так же, как наступление високосного года.

Очередная основа европейского единства, на этот раз в облике гальштатского блока культур, сменяет предыдущую (Урненфельд) на рубеже этапов HaB/C центральноевропейской хронологической схемы. Именно в этот период, в восточных районах этого блока, населённых «провинциалами» — фракийцами, заявившими своей материальной культурой об относительной самобытности и автономности, появляются представители евразийской цивилизации ранних

кочевников. Эти монолитные, мобильные группы, понятия не имевшие о «зонах оседлости», к этому времени уже в значительной степени растратили свой энергетический потенциал, прежде всего, на саму консолидацию и выход начального импульса за пределы центральноазиатского региона. Массу сил забрала и закавказско-малоазийская эпопея. Какая-то часть разбрелась по территории вновь обретённой северопричерноморской родины. И всё же, группировка, очутившаяся на последнем, перед вступлением в центральноевропейский дом, среднеднестровском плацдарме, обладала ещё весьма солидным потенциалом для того, чтобы уверенно перешагнуть порог этого дома. *Эффект от появления второй волны номадов* в Карпатском бассейне, возможно, и не был бы столь ярким, если бы это событие происходило за одно-два столетия до того, в иной культурно-исторической ситуации. Тогда, в IX—VIII вв. до Р. Х., представители первой волны (киммерийцы) сумели лишь просочиться сквозь плотную массу фракийских культур Карпато-Днестровского региона. Погашенный таким образом импульс, всё-таки достиг центральноевропейского ареала, правда, уже в весьма рассеянном, неконцентрированном виде, оставив лишь один компактный анклав — памятники типа Мезечат на Венгерской равнине, а также множество ярких включений в археологическую палитру центральноевропейского региона вплоть до Австрии и Северной Италии.[43]

К VII в. до Р. Х. ситуация уже выглядела совершенно по-другому. Ядро европейского единства в Австрии, трансдунайской Венгрии, Словении, Банате, в целом успело трансформироваться, и из единства периода Урненфельд предстало теперь как единство эпохи Гальштата. Однако, провинциальные, фракийские области этого блока, в полном соответствии с законами развития ядра структуры и его оболочки, задержались с этим процессом, и скифы застали в Днестровско-Карпатских землях «дымящиеся развалины» предыдущей структуры, которые только-только собирались явить миру своё новое, самоорганизовавшееся естество. Развал фракийского блока, таким образом, вряд ли произошёл под непосредственным воздействием новой волны кочевников. Скорее всего, активная фаза этого распада предшествовала вторжению, а скифы, застав в Восточном Прикарпатье отдельные очаги инерционного существования фракийских групп (Шолдэнешти в Бессарабии, Грэничешти на севере запрутской Молдовы), наверняка могли усугубить процесс их дезинтеграции.

В Среднем Поднестровье (Северная Буковина, Западное Подолье), проникшая сюда скифская орда распалась на несколько групп, дальнейшая судьба которых видится следующим образом. Прежде всего, какая-то часть номадов осталась в этих краях, о чём говорит хронология памятников западноподольской группы — вторая пол. VII — нач. V вв. — разделяемая ныне большинством исследователей.[44] Другая часть, избрав в качестве своего дальнейшего маршрута южное направление, в конечном итоге оказалась

[43] В тоже время, если согласиться с тем, что именно появление восточных кочевников на Венгерской равнине и в Потисье вызвало резкий отток населения культуры Гава с равнин в предгорья и, как следствие, возникновение здесь целой сети городищ, то нужно признать, что поведение группы номадов, оставивших в частности памятники типа Мезечат, отличалось достаточной агрессивностью (Chochorowski 1989: 91, 95).

[44] Проблема верхней даты памятников западноподольской группы в основном ареале, специально не рассматривалась. Подразумевается, что эти древности прекращают своё существование уже в V в. до Р. Х., вероятно, в самом начале столетия. В тоже время, отдельные поселения могли быть заброшены и значительно раньше. Так, Г. И. Смирнова, по-видимому,

в низовьях Дуная, перейдя на его правый берег, в Северо-Восточную Добруджу. Эта группа, судя по всему, передвигалась по междуречью Днестра и Прута. Наконец, ещё одна часть скифов примерно в середине VII века, либо даже чуть раньше, появляется в Трансильвании, где в Семиградье застает ещё один инерционный очаг предыдущей эпохи в виде позднегавских городищ (Телеак, Чинку-Корабя, Субчетатя и др.). Поведение пришельцев по отношению к аборигенам, в данном случае, по-видимому, было не вполне лояльным. По крайней мере, гибель некоторых городищ в это время (Телеак) может быть напрямую связана со скифским вторжением. (Vasiliev, Aldea, Ciugudeanu 1991: 120 и сл.; Chochorowski 1989a: 544).[45]

За появлением скифов в Трансильвании кроется вопрос, которым обычно редко задаются. Каким образом и где скифы преодолели Карпаты? Первая часть вопроса может показаться риторической, ибо в способности кочевников совершать переходы через горные хребты никто не сомневается. А тут ещё, чуть ли не в деталях задокументированный кавказский рейд.

Появление скифов в Трансильвании производит впечатление практически мгновенного события. Нет никаких промежуточных пунктов, позволяющих хотя бы приблизительно наметить путь их следования.[46] Мы лишь располагаем очевидным компактным ареалом раннескифских памятников в конечной точке этого, пока ещё во многом загадочного маршрута (группа Чумбруд). На карте (Рис. 53) графически представлено два возможных маршрута, которые в принципе не исключают друг друга и, мало того, могли быть использованы примерно в одно и то же время разными группами номадов. В основе этих реконструкций лежит одно соображение, имеющее некоторый аксиомный оттенок. Энергетические затраты при переходе через горы большой группы людей (в нашем случае, конной), существенно снижаются, если при этом пользоваться прирусловыми участками горных рек, которые, как известно, имеют обыкновение стекать по склонам хребтов на равнины. Максимальное сближение истоков реки внешнего склона (в данном случае восточного склона Восточных Карпат с выходом на Молдавскую равнину) с истоками реки внутреннего склона (в данном случае, западного склона тех же Восточных Карпат с выходом в Трансильванию) ещё больше увеличивает шансы на успешное преодоление горного хребта.

Может быть, именно этими соображениями руководствовались румынские исследователи В. Михайлеску-Бырлиба и И. Унтару, предлагая реконструкцию маршрута скифского перехода из Молдовы в Трансильванию на участке Восточ-

совершенно справедливо сомневается в том, что верхней датой для поселения Долиняны может быть рубеж VI—V вв. (Смирнова 1998а: 45). К её аргументам в пользу понижения этой даты можно добавить ещё один. Несмотря на то, что поселение исследовано чуть ли не полностью, находки античного импорта на нем — уникальны. В тоже время, чуть выше по Днестру, на противоположном, левом берегу, поселения Иване-Пусте и Залесье дают достаточно разнообразный набор античной керамики, в том числе, и расписной, которая вполне надёжно датируется второй пол. VI в. до Р. Х. (Ганіна 1965; 1984).

[45] В. Васильев, впрочем, продолжает настаивать на более поздней дате появления скифов в Трансильвании — начало VI в. до Р. Х. (Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: 122,125; Vasiliev 1995: 154—155).

[46] Может быть, лишь какие-то экземпляры из многочисленной серии случайных находок акинаков в Молдове, котёл из Якобени, да погребение в Чимбала (последнее впрочем, довольно проблематично) являются, в высшей степени пунктирным, его обозначением. Однако, все эти пункты расположены на равнине. В горной местности Восточных Карпат, в районах довольно многочисленных перевалов, пока никаких следов передвижения номадов не выявлено.

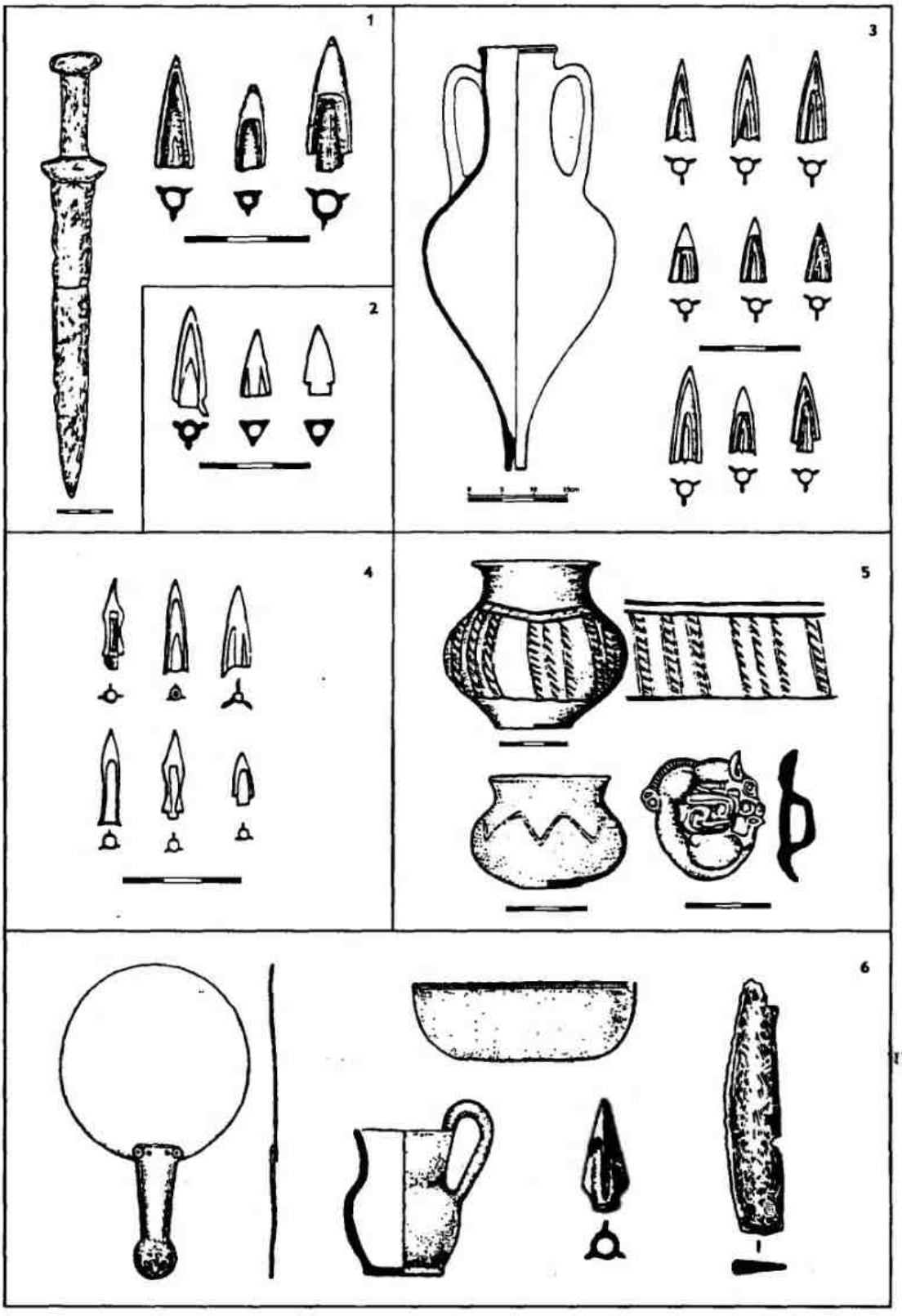


Рис. 43. **Инвентарь скифских погребений Бессарабии VI—V вв. до Р. Х.**

Findings from the scythian graves of the VI—V cent.B.C. in Bessarabia

1 — Суручены; *2* — Кубей; *3* — Маяки; *4* — Помазаны; *5* — Новые Раскайцы; *6* — Мерены

Таблица составлена по следующим публикациям: *Сергеев 1961; Субботин и др., 1992; Тощев, Редина 1991; Левицкий, Демченко 1995; Дергачев, Савва 2001—2002.*

ных Карпат между южной оконечностью хребта Быстрица и северной оконечностью хребта Тарнэу (Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971: fig. 4). Здесь правые притоки р. Быстрица, которая в свою очередь является правым притоком Сирета, предельно близко подходят к верховьям Муреша, вниз по течению которого и располагается большинство памятников группы Чумбруд. Это первый вариант маршрута движения скифской орды в Трансильванию (Рис. 53/2).

Вполне вероятным представляется другой вариант, который предусматривает использование перевалов южной оконечности Украинских (или Лесистых) Карпат. Чаще всего, именно он подразумевается, когда речь идёт о пути следования восточных кочевников, проникавших на Венгерскую равнину в разные исторические эпохи. Здесь привлекает внимание небольшой участок на современной румынско-украинской границе между северными отрогами хребта Обчина-Фередеул и южными склонами Украинских Карпат (юго-западный угол нынешней Черновицкой области [Рис. 53/1]). Тут, в районе перевала Семенчук и местечка Сарата (Украина), в радиусе 10—15 км находятся истоки таких рек как Белый и Черный Черемош (притоки Прута), Сучава (приток Сирета), Жубэу (приток Быстрицы), Числа, Вишеу, Васер (притоки Тисы). То есть, исключая Днестр, мы имеем полный набор всех более или менее крупных рек Днестровско-Карпатского региона. Оказавшись в этом районе (исходным плацдармом продвижения скифов в этом случае будет Северная Буковина), скифы затем, двигаясь на юг, попадали в Трансильванию, а избрав западное направление, оказывались, в конечном счете, на Венгерской равнине и в Потисье.[47] Археологически, момент перехода скифов через Карпаты не подтверждается ни в первом, ни во втором случаях, что вообщем-то вполне объяснимо учитывая «мгновенный» характер этого события.

3.2.2. Скифский фактор культурогенеза. «Иллирийский этюд»

Скифскую группу «южного» направления мы оставили на пути её продвижения в сторону черноморского побережья, который вполне надёжно маркирует серия погребений этапа РСК–3 в Бессарабии, а завершает погребение у с.Сабанжия уже непосредственно на берегу моря в Северо-Восточной Добрудже. Такой маршрут похоже, означает, что при переходе из Южной Бессарабии на правый берег Дуная, скифы должны были воспользоваться местом древней переправы вблизи сс. Орловка–Новосельское.

О том, что этот район является единственным местом пригодным для форсирования Дуная в его нижнем течении, в литературе сказано уже достаточно (Бруяко, Ярошевич 2001: 19 и сл.). События, связанные с переходом номадов через Дунай, вероятно, представляли собой какой-то весьма динамичный сюжет, учитывая, что при этом скифы непременно должны были вступить в контакт с обитателями двух фракийских городищ, контролировавших подходы к месту переправы — Орловка («Каменная Гора») и

[47] Вероятное использование, как первого, так и второго маршрутов скифами, подтверждается миграциями номадов более близких к нам исторических эпох — монголы, венгры, печенеги, авары. Любопытно, однако, и в этом известное своеобразие скифской истории, что ни один из этих народов не связал свою дальнейшую судьбу с районом Трансильвании.

Новосельское–II (Рис.33). Однако, воспроизведение этого сюжета в деталях пока невозможно из-за нынешнего состояния изученности обоих поселений.[48]

С походом скифов к низовьям Дуная можно связывать появление в этих районах лепной керамики лесостепного облика. Её проникновение так далеко на юг, причём именно в этот период, объясняется, на мой взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, с распадом фракийского блока периода среднего гальштата в Карпато-Днестровских землях и вторжением скифов в культурный ареал Среднего Поднестровья, нарушилось устойчивое равновесие, которое веками складывалось между оседло-земледельческим населением этих областей, свидетельством чего, явились совершенно оригинальные фракийско-чернолесские памятники на пограничье этих ареалов в среднем течении Днестра (ленковецкая, григоровская группы, памятники типа Непоротово). Дальнейшее дробление структуры приводит к рассеиванию её элементов, при котором становятся возможными немыслимые в прежних условиях комбинации, в частности, появления каких-то осколков этой структуры в самых неожиданных местах.

Вторым обстоятельством является наличие мобильного транслятора таких отдельных элементов, в т. ч. и материальной культуры. В роли такого транслятора как раз и выступили скифы-кочевники. А поскольку под такими элементами в данном конкретном случае подразумевается лепная керамика, распространение которой трудно представить в отрыве от соответствующего расселения какой-то части носителей этой традиции, то вероятно, скифская группа «южного» направления в своем продвижении могла увлечь за собой и какую-то часть оседлого населения западноподольской группы Среднего Поднестровья. Результатом всех этих процессов, по-видимому, и являются находки лепной керамики лесостепного типа в Нижнем Подунавье (Чилик-Дере, Орловка) и предгорьях Врачни (Бырсешти), а кроме того, и те новшества в погребальном обряде и домостроительстве, истоки которых на Чилик-Дере, Г. Симион видит в Приднепровской лесостепи на памятниках жаботинского этапа (см.выше).

Недавно было получено новое, довольно весомое подтверждение прямой миграции раннескифского населения лесостепи на юг, вплоть до низовьев Дуная. Речь идёт об упоминавшемся уже комплексе у с. Чулница (Рис. 49; 54). Здесь курганная насыпь была возведена над деревянной шатровой конструкцией, сожжённой на древнем горизонте. Этому предшествовало совершение двух захоронений. Одно из них, впоследствие ограбленное, находилось в яме. В заполнении ямы найдено несколько трёхгранных бронзовых наконечников стрел со скрытой, либо чуть выступающей втулкой. Второе погребение (детское), к которому относится самосская амфора, располагалось на древнем горизонте рядом с первым (Marinescu-Bîlcu, Renţa, Matei 2000: 149 и сл.).

Археологические реалии раннескифской культуры в Северо-Восточной Добрудже, привнесённые скифами «южного направления», породили дискуссию о т.н. «Древней» («Старой», или «исконной») Скифии, которая, инициаторами этой дискуссии, помещается в низовьях Дуная

[48] Мы ещё не можем обозначить здесь горизонт обитания второй пол. VII — VI вв. до Р. Х. Среди материалов Новосельского, нет пока четких хроноиндикаторов этого периода. Результаты многолетних раскопок Р. Д. Бондарь в Орловке, по-прежнему, неопубликованы. Лишь начавшиеся здесь недавно работы международной экспедиции уже сейчас позволяют говорить о том, что на поселении определённо есть материалы интересующего нас периода (Рис. 34/А)

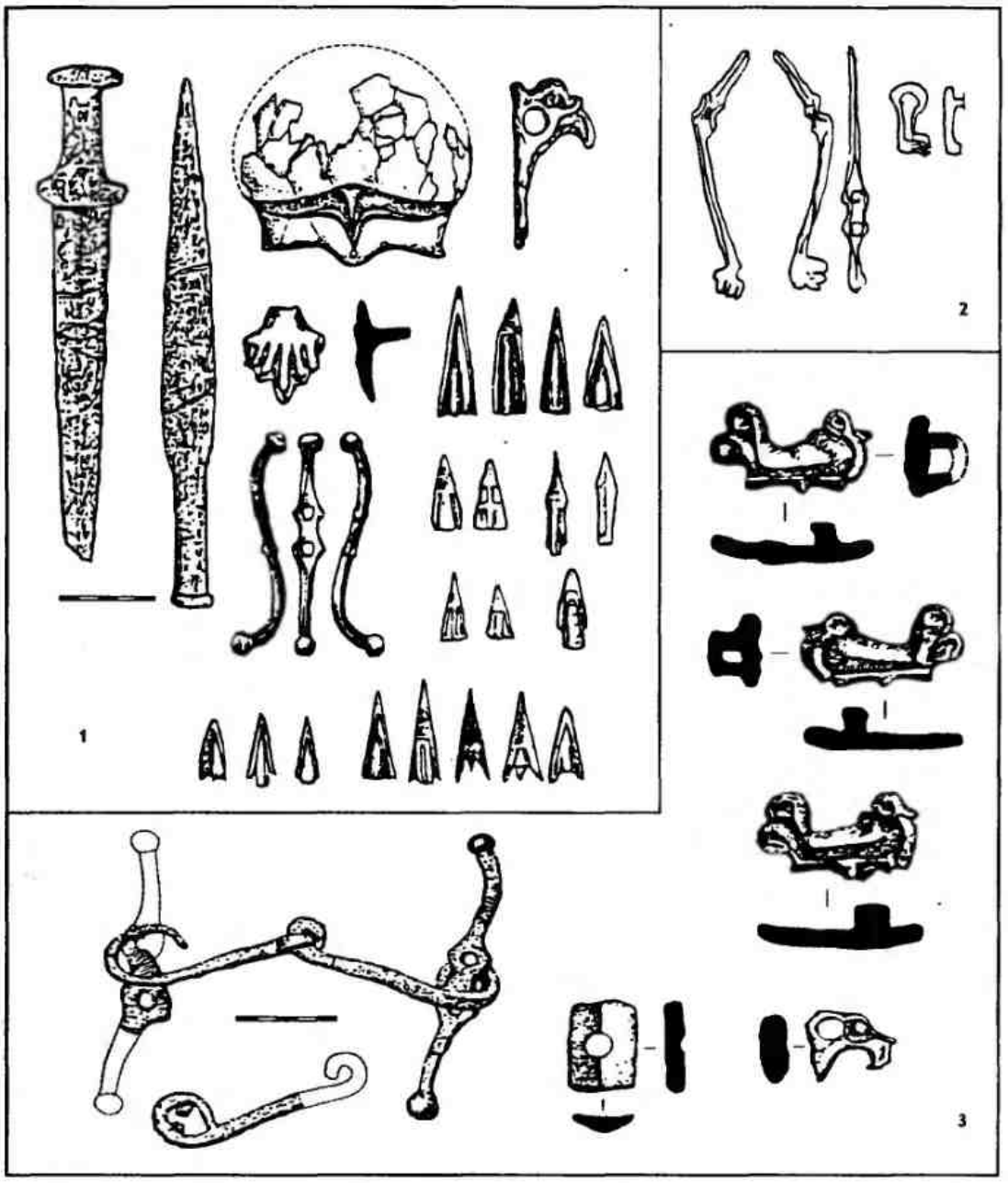


Рис. 44. Инвентарь скифских погребений Бессарабии VI—V вв. до Р. Х. («всадническая» группа)

Findings from the scythian graves of the VI—V cent.B.C. in Bessarabia («horseman» group)

1 — Арциз (меч, копье — железо, остальное — бронза); *2* — Николаевка (бронза); *3* — Никольское

Таблица составлена по следующим публикациям: *Алексеева, Охотников, Редина 1997; Алексеева, Булатович 1989; Агульников, Бубулич 2000.*

между его правым берегом и побережьем Понта.

К. К. Марченко, наиболее активно отстаивающий подобную локализацию (Марченко 1993: 45; 1999: 157; Марченко, Вахтина 1997: 179 и сл.), оперирует при этом обоими видами источников. В основе археологических, помимо ярких включений культуры степных номадов в греко-фракийском субстрате Добруджи, лежит упоминавшийся уже, без сомнения исключительно важный памятник — Чилик-Дере. Именно его хронологические рамки и определяют, по мнению

К. К. Марченко, период существования «Древней Скифии» в Добрудже — вторая пол. (конец) VII — первая пол. (начало) V вв. до Р. Х.

Из письменной традиции привлекается следующий фрагмент из Геродота: «Фракия дальше Скифии выдается вперед к морю. Скифия же начинается за Фракией в том месте, где море образует залив и где Истр впадает в море (устье Истра обращено на юго-восток). Я сейчас опишу прибрежную полосу собственно Скифии, начиная от Истра, для определения её длины. Это — исконная Скифия, она начинается от устья Истра (разрядка моя — *И.Б.*), обращена к югу и простирается до города, называемого Каркинитидой.» (Herod. IV., 99).

Приводя этот фрагмент в качестве основного аргумента для локализации «Древней Скифии» в Северо-Восточной Добрудже, К. К. Марченко фактически повторяет ту же ошибку, которая присутствует в монографии И. В. Куклиной (Куклина 1985: 58—59), и на которую уже обращали внимание М. Н. Погребова и Д. С. Раевский, справедливо полагая, что такая трактовка фрагмента IV. 99 — непредвзятое искажение источника (Погребова, Раевский 1992: 15—16).[49]

Действительно, в основе подобной локализации «Древней Скифии» может лежать лишь половина фразы: «Это — исконная Скифия, она начинается от устья Истра, обращена к югу...». Здесь как-будто бы всё достаточно ясно, поскольку к югу от Истра действительно расположена Северо-Восточная Добруджа. Однако, есть и другая часть фразы: «...и простирается до города, называемого Каркинитидой». Излишне, наверное, напоминать о том, что города с таким названием на западнопонтийском побережье нет, и речь в данном случае идёт о побережье Каламитского залива в Западном Крыму. Похоже, что в этом отрывке Геродот, пытаясь обозначить географические границы Скифии, совместил крайнюю западную (долготную) точку, с крайней южной (широтной). Причём, по современным представлениям обе они расположены приблизительно на одной и той же широте.

И ещё одно замечание. В контексте IV книги, фрагменту 99, в котором обозначена западная граница Скифии, предшествует описание похода Дария через Фракию к переправе через Дунай, за которой собственно и начиналась Скифия. Весьма подробное изложение Геродотом событий, происходивших вокруг переправы, только подчеркивает пограничный статус нижнего течения реки.

Анализируя ситуацию в целом, я полагаю, что раннескифский анклав в Добрудже вряд ли существовал в виде некой цельной этнокультурной структуры на протяжении полутораста лет — с середины VII-го по рубеж VI/V вв. до Р. Х. Не следует забывать о том, что содержание понятия «Скифия» в VI веке претерпевает заметную трансформацию. В её основе были реальные и весьма существенные изменения в материальной культуре, приведшие к образованию во второй половине этого столетия комплекса раннескифской культуры (Алексеев 1992: 103 и сл.). В районах к северу и северо-востоку от низовьев Дуная, этой ступени соответствует целая группа разнообразных погребальных комплексов, о которых уже шла речь выше. Надо думать, что какие-то «маркёры» ССК должны присутствовать и в Добрудже,[50] поскольку трудно

[49] Примерно в том же духе высказалась и С. И. Андрух (1995: 11). Против гипотезы К. К. Марченко и М. Ю. Вахтиной выступила и А. И. Мелюкова (2001: 27 и сл.)

[50] Тогда возникают проблемы взаимоотношений «исконных» скифов с пришельцами. Модель культурно-хронологического взаимоотношения РСК и ССК практически не разработана. В

представить себе, чтобы скифский анклав здесь был изолирован до такой степени, что сохранил основные индикаторы РСК вплоть до V в. до Р. Х. Ни первое, ни второе положения в настоящее время нерешаемы, ибо материалы Чилик-Дере — этого опорного памятника для раннескифской проблематики Добруджи — в более или менее связном, цельном виде практически не опубликованы, а рассеянные по памятникам VI-го века вкрапления скифской материальной культуры не позволяют составить более или менее четкое представление о хронологическом соотношении древностей номадов этого периода.[51]

Замечу лишь, что для конца VI в. до Р. Х. имеется достаточно ясная информация того же Геродота, согласно которой он, похоже ничего не знал о скифах обитавших в Добрудже, поскольку: «Не доходя ещё до Истра, Дарий сперва покорил гетов...» (Herod. IV., 93). Если же полагать, что Геродот не говорит о скифах по той причине, что они в это время уже фактически слились с фракийским населением Добруджи, то это на деле означает утрату скифским анклавом своей обособленности, а с ней и ярко выраженных отличий в культурном облике, а быть может и в этнической индивидуальности. Хотя последнее представляется весьма спорным, учитывая_ что на подобный «отказ»от оппозиции «мы — они» отводился бы крайне незначительный период времени — 50 —100 лет, или два-три поколения.

Приблизительно за полстолетия до появления скифов в Восточном Прикарпатье, в другой части внешнего периметра Карпатской дуги, в районе Железных Ворот и Юго-Западной Олтении, происходят какие-то весьма динамичные события, которые, судя по всему, отрицательно сказались на стабильности и целостности фракийского ареала в Олтении, да и Валахии в целом.

В конце VIII — начале VII в. до Р. Х. в западной части Олтении возникает довольно своеобразный культурный горизонт в виде могильников типа Басараби (Балта-Верде, а чуть позднее — Гогошу). Важные черты погребального обряда этих памятников (трупоположения, специфические типы оружия и принадлежностей костюма, в первую очередь фибулы) определённо тяготеют к западнобалканскому (иллирийскому) миру.

В. Думитреску, который своими раскопками у с. Басараби в 1943 году фактически открыл этот горизонт памятников, а также В. Пырван, полагали что в данном случае можно говорить о некоем иллирийском анклаве в Юго-Западной Олтении (Dumitrescu 1968: 257 и сл.; 1971: 859—860), который располагался на относительно небольшой территории от Железных Ворот до Калафата.

Д. Берчу и А.Вульпе склонялись в пользу смешанного иллиро-фракийского облика этих памятников. Последний при этом, указывал на параллели в Боснии (Глазинац) и Сербии (см. [Petrescu-Dîmboviţa 1972/1973: 83]). Типологически близкие комплексы в Северо-Западной Болгарии (Софрониево [Николов 1965: 166—169]) свидетельствуют о том, что проникновение иллирийцев к востоку от Железных Ворот шло по обе стороны течения Дуная.

Причерноморье всё решает лакуна в первой половине VI в., после которой и появляются памятники ССК. Для Трансильвании, где разрыв между РСК и ССК до сих пор не прослеживается (хотя «чистые» памятники и того и другого этапов присутствуют), проблема трансформации скифских памятников, вроде бы, вообще не поднималась.

[51] К примеру, на поселении Тариверде (середина — вторая пол.VI в.) найден бронзовый наконечник стрелы VII в. до Р. Х. (Berciu, Preda 1961: fig. 5/2), а в Истрии в слое середины VI в. — упоминавшийся уже костяной трёхдырчатый псалий.

Трупоположения некрополя Басараби имеют ярко выраженный воинский облик. Большое количество оружия, среди которого явно выделяется серия типично иллирийских («североадриатических») однолезвийных мечей с Т-образной рукояткой VIII—VII вв. до Р. Х., а также деталей костюма, сопровождается местной фракийской керамикой. Согласимся, что такое сочетание элементов обряда и

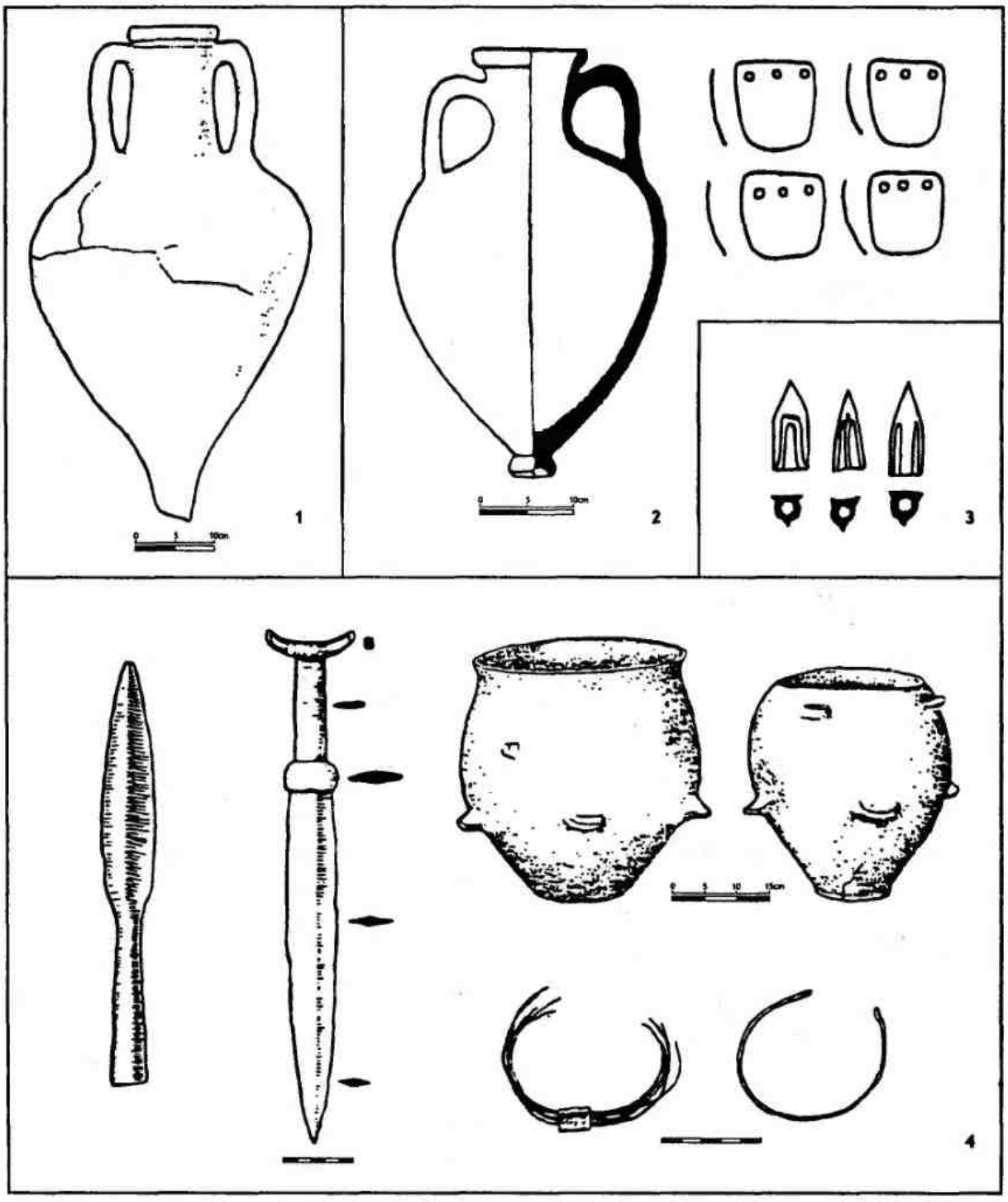


Рис. 45. **Инвентарь погребальных комплексов Бессарабии и Приднестровья VI—V вв. до Р. Х.**

Grave goods from the burials of the VI—V cent.B.C. in Bessarabia and Left Bank Dnestr's region

1 — Коржово (по [*Борзияк, Манзура, Левицкий 1983*]); *2* — Дубоссары (по [*Кетрару, Серова 1992*]); *3* — Чауш (кург. 6; по [*Суничук 1985*]); *4* — Опонешти (по [*Сергеев 1960; Лапушнян 1979*])

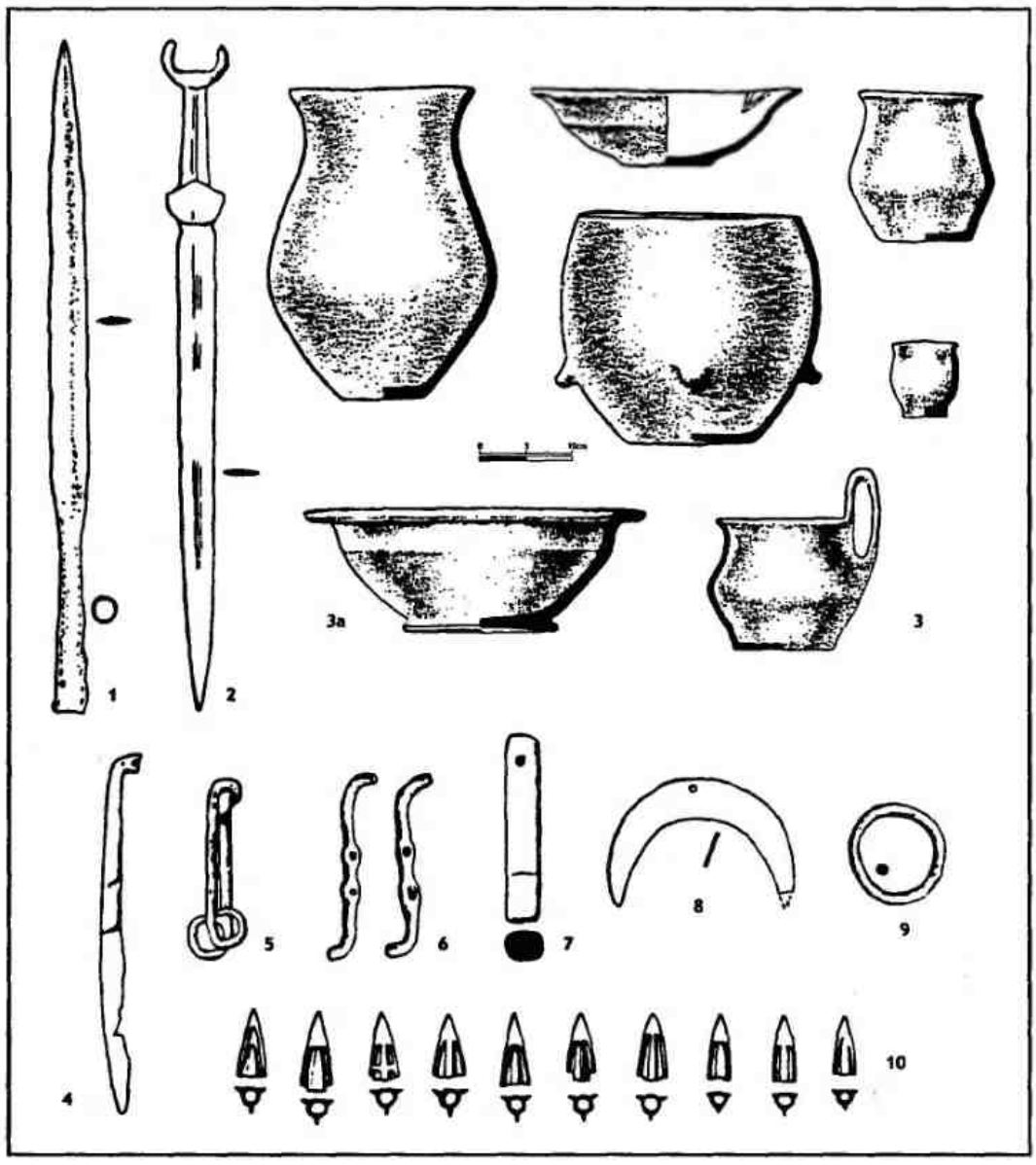


Рис. 46. **Инвентарь погребения у с. Пыржолтены (по [Лапушнян 1979]).**

Findings from the grave near the village Pirzholteni

1–2, 4–6, 9 — железо; *3* — керамика; *8,10* — бронза; *7* — камень.

инвентаря весьма напоминает интерьер раннекочевнических погребений украинской лесостепи предскифского и раннескифского периодов.

Нижняя граница памятников этого иллиро-фракийского горизонта — конец VIII — первая пол. VII в. (Басараби, Балта-Верде) — позволяет думать, что прорыв какой-то группы иллирийцев в Западную Валахию (Олтению) произошел несколько раньше, чем появление скифов в Восточном Прикарпатье.[52] Резкое сокра-

[52] Я разделяю точку зрения В. Думитреску и считаю, что речь должна идти именно о проникновении во фракийский ареал Олтении инокультурной группы населения, в данном случае — иллирийского. Такое плотное сосредоточение иллирийских элементов во фракийской

щение числа поселений в Валахии и Молдове, а также концентрация оставшихся в предгорьях во второй пол. VII в., позволяет предположить, что уход фракийского населения с равнины, в результате чего, по сути, и образовались памятники типа Фериджиле-Бырсешти, мог быть реакцией на появление в этих районах инокультурных воинских групп — скифов в Молдове и иллирийцев в Валахии (Олтении).[53] Если учесть, что иллирийцы появились в «своём» регионе раньше, чем скифы в «своём», то не этим ли обстоятельством можно объяснить тот факт, что могильник Фериджиле в Олтении был заложен несколько раньше, чем другой эпонимный памятник этой группы — могильник Бырсешти в Молдове?

Вторая половина VII в. до Р. Х. знаменует собой новый иллирийский импульс (могильник Гогошу), инерция которого вполне возможно достигла центральной части Молдовы и Юго-Западной Бессарабии, свидетельством чего могут быть трупоположения с западнобалканскими фибулами из Трестиана и Джурджулешт. Нельзя конечно, исключать того, что иллирийский компонент этой группы — наследие ещё первой волны, синхронной могильникам Басараби и Балта-Верде, т. е. первой пол. VII века. Так же как, к примеру, железная фибула из Шолдэнешти, которую М. Петреску-Дымбовица считает иллирийской наряду с фибулами из Стойкани и Трестиана, отмечая при этом, что среднеднестровский экземпляр — самая северо-восточная находка подобных фибул (Petrescu-Dîmboviţa 1972/1973: 84, 89). Во всяком случае, датировка фибул типа Глазинац из Трестиана настолько широка, что вполне допускает и такую трактовку.[54] Фибула из Шолдэнешти относится к типу AI_2-β по классификации Д. Герговой. В целом, этот тип дуговидных фибул (mit rhombischem Bügelquerschnitt) датируется концом IX — началом VI вв. до Р. Х. (Gergova 1987: 22; taf. 1/8—13). Железные фибулы с приёмником в форме песочных часов найдены в погребениях могильника Селиште (Рис. 32/3—4). И уже совершенно феноменальной является находка бронзовой фибулы с «фигурно вырезанным приемником» на Березани в слоях VI в. (Марченко 1988: 114).[55]

Нетрудно заметить, что предполагаемая вторая волна иллирийской экспансии на восток совпадает с продвижением скифов из Подолии на юг. Вырисовывается некоторая перспектива для постановки, в высшей степени гипотетической, но весьма заманчивой проблемы иллиро-скифского противостояния. Не могло ли скифское продвижение на юг, в Добруджу, хотя бы отчасти быть скорректирова-

среде, какое мы наблюдаем в могильниках типа Басараби, плюс совершенно нехарактерный для фракийцев этого района обряд ингумации, всё это вряд ли можно объяснить простым заимствованием или вялотекущим распространением элементов материальной культуры.

[53] О том, что фракийское население Бэрэганской равнины (Восточная Валахия) могло быть вытеснено в предгорья именно скифами, в своё время уже писал А. Вульпе (Vulpe 1970: 175). М. Гумэ лишь констатировал удивительный с его точки зрения факт — отсутствие памятников культуры Басараби в подкарпатской зоне Олтении и Мунтении, т. е. именно в тех районах, где чуть позже наблюдается концентрация памятников группы Фериджиле (Gumă 1993: 211).

[54] Хотя в новейшей работе Р.Васича нижняя дата фибул с приёмником в форме «беотийского щита» (zweischleifige Bogenfibeln mit Schieldfuß) ограничена серединой — второй пол. VII в. до Р. Х. (Vasić 1999: 65).

[55] Насколько мне известно, эта фибула нигде не опубликована. В ранней своей работе Р. Васич пишет о фибуле с о-ва Березань с приёмником в форме беотийского щитка. Он относил её к младшему варианту такого типа фибул и датировал второй пол. VII в. (Васић 1974: 45, 49, прил. 2).

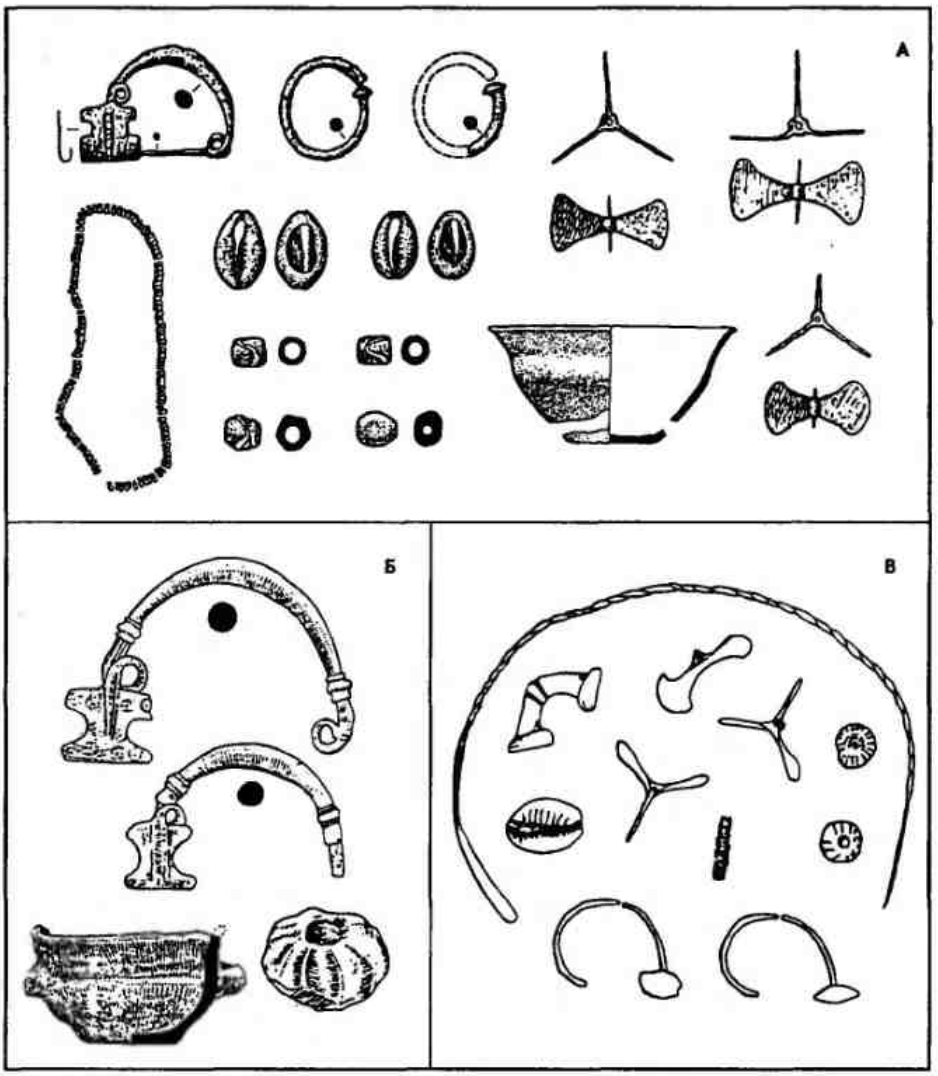


Рис. 47. **Инвентарь погребений группы Трестиана**

Grave goods from the Trestiana-groupe burials

А — могильник Джурджулешти (по [*Levițki, Haheu 1999*])

Б — могильник Трестиана (по [*Popușoi 1969*])

В — погребение Чимбала (по [*Vulpe 1970*])

но тем обстоятельством, что Бэрэганская степь — почти идеальное место для кочевий — уже входила в зону потенциальной активности иллирийских племен? (Рис.54).[56]

Здесь, кажется, будет уместным вернуться к феномену группы Трестиана и вот почему. Ряд румынских исследователей полагает, что Трестиана — локальная гальштатская (позднегальштатская?)

[56] Кстати, ведь иллирийцы не впервые прорывались через Железные Ворота на просторы Бэрэганской равнины. Причём, их экспансия в конце II тыс. до Р. Х. достигла северных районов Молдовы и Бессарабии. Это, совершенно очевидно следует из той модели культурогенеза группы Кишинёв–Корлэтень, которую предложила Г. И. Смирнова (Смирнова 1990: 20 и сл.; Smirnova 1993: 91 ff., abb. 1) и которую приняли и отстаивают исследователи, активно занимающиеся этой проблемой (Левицкий 1990: 21—22; Levițki 1994a: 152—156; Кашуба 1999: 383).

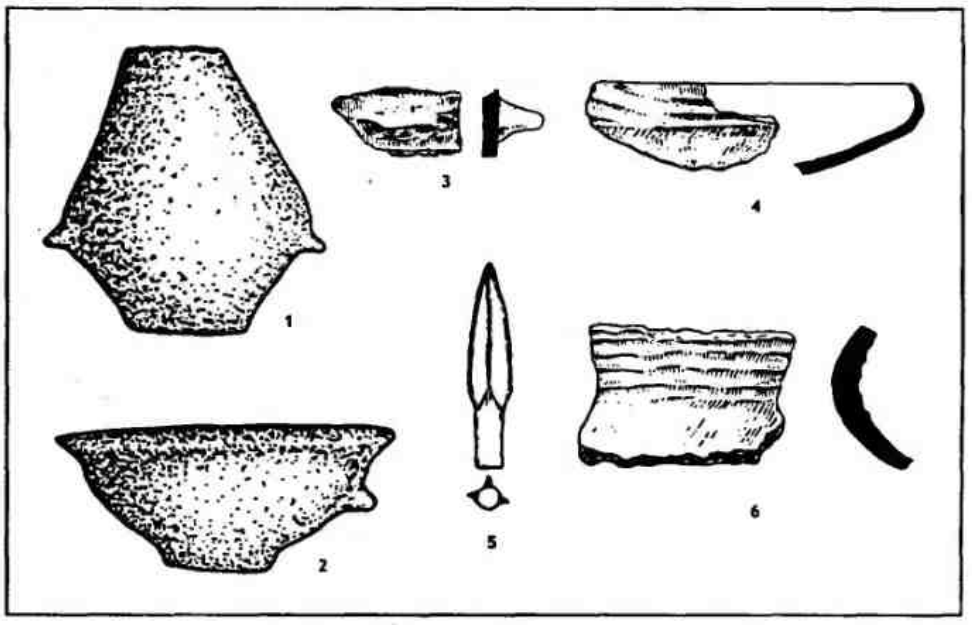


Рис. 48. **Комплексы типа Фериджиле–Бырсешти из запрутской Молдовы**

Finds of the Ferigile–Birsesti type from the Romanian Moldova

1–2 — Речa (по [*Buzdugan 1968*]); *3–6* — Бэрбоаса (по [*Florescu, Căpitanu 1969*])

группа (Petrescu-Dîmbovița 1972/1973: 85). Обряд захоронения и некоторые типы инвентаря сближают её с одной стороны — с погребениями некрополей типа Басараби, а с другой — с группой Чумбруд. Особо следует отметить одну разновидность погребального инвентаря, а именно, раковины-каури, найденные в Джурджулештах и Чимбала. В одной из работ я говорил о том, что распространение таких раковин-подвесок в Восточной Европе в VII в. до Р. Х. нужно рассматривать исключительно в связи с расселением носителей раннескифской культуры с территории Северного Кавказа на северо-запад в Приднепровскую лесостепь, а затем на юго-запад в Трансильванию (Бруяко 1999). В таком случае, в культурном облике группы Трестиана явственно различимы 2, а с учётом керамики и некоторых бронзовых изделий (пропеллеровидные подвески-навершия, к примеру) — 3 компонента: скифский или восточный, включая степные и лесостепные (серьги или заушницы с гвоздевидными шляпками [Ильинская 1975: 149—150]) элементы, иллирийский (западнобалканский) и фракийский.

Дополнительную информацию к дальнейшей реконструкции событий, дает всё тот же курган из-под с. Чулница. Появление этого типично раннескифского кургана в Восточной Валахии в первой пол. VI в. до Р. Х., возможно, свидетельствует о том, что к этому времени иллирийское влияние здесь уже сходит на нет. Наличие античной амфоры в этом комплексе с одной стороны, и явно лесостепной обряд погребения — с другой, допускают два различных толкования данного феномена. Либо перед нами кратковременное расширение зоны влияния скифов Северо-Восточной Добруджи, либо по Бэрэганской равнине в это время кочует какая-то вполне автономная скифская группа, продвинувшаяся сюда непосредственно из Днепровско-Днестровской лесостепи. При этом, представители этой группы, по-видимому, поддерживают какие-то контакты с античным анклавом Добруджи. Фрагменты самосских амфор подобных той, которая находилась в кургане у с. Чулница, отмечены в архаических слоях Истрии (Cook, Dupont 1998: 165, 167).

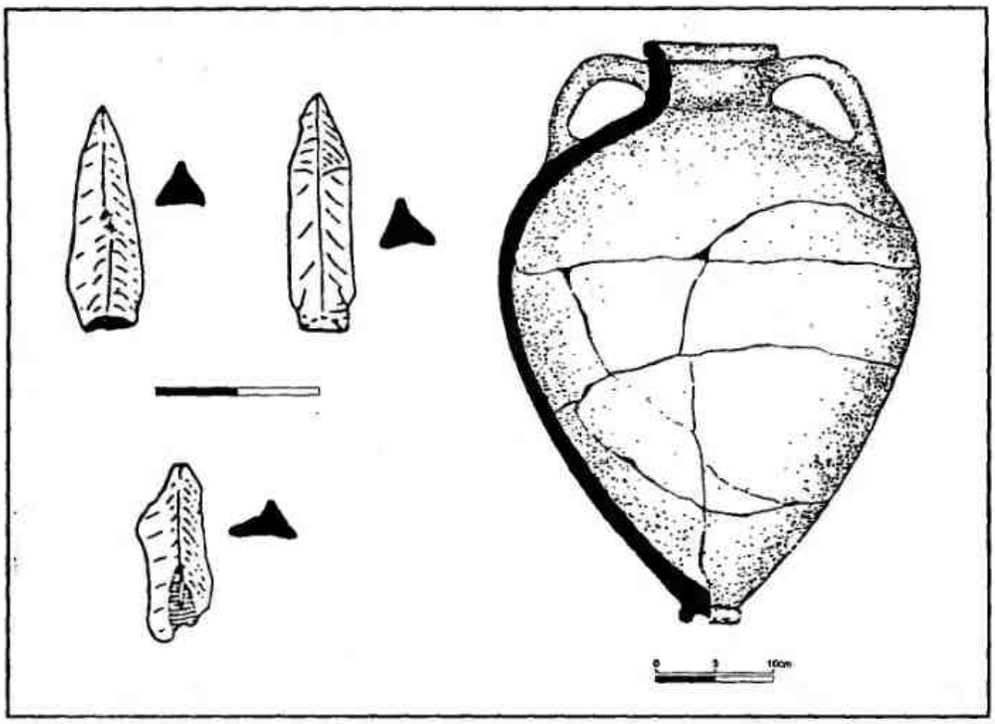


Рис. 49. **Инвентарь кургана у с. Чулница (по [*Marinescu-Bîlcu, Renţa, Matei 2000*])**

Findings from the burial hill near the village Ciulniţa

Независимо от того, надумана или нет заявленная выше проблема вероятного иллиро-скифского противостояния, основной итог сказанному можно сформулировать следующим образом. Дезинтеграция фракийской культурной провинции эпохи среднего гальштата в Молдове и Валахии, предопределённая переустройством центральноевропейского дома, приобрела необратимый характер под воздействием (воздействиями) извне.

Может показаться, что появление скифов в Добрудже — дело случая. Это, однако, не совсем так. В середине VII в. до Р. Х. здесь была основана Истрия, древнегреческая колония, которая в числе прочих ранних апойкий являлась безусловным центром притяжения для населения Барбарикума. На раннем этапе своего существования, каковым является вторая половина VII века, Истрия, конечно же, не обладала ярким внешним обликом крупного античного центра. Однако, центростремительные силы, основанные на торгово-экономическом приоритете первых колоний, включались едва ли не сразу же после того, как нога первого колониста касалась *terra incognita*. Вряд ли именно Истрия была конечной целью скифской орды, двигавшейся из Среднего Поднестровья на юг. Возможно, в начале своего похода номады вообще не знали об её существовании. Однако, факт остаётся фактом. Скифская группа «южного направления» во второй половине VII в. до Р. Х. (вероятно, ближе к концу столетия) оказалась в Северо-Восточной Добрудже — зоне потенциального влияния античного полиса.

В разряженном этнокультурном пространстве Бессарабии и Молдовы, механизм упорядоченных контактов характерный для предыдущей, стабильной эпохи, перестал действовать. На смену ему пришла внешне бессистемная, «упорядоченно-хаотичная» схема взаимодействий, в условиях которой векторы таких контак-

тов приобретают самые разнообразные направления. Появление лепной керамики лесостепного типа в Нижнем Подунавье — результат деятельности одного из векторов такого механизма.

В диаметрально противоположном направлении могла быть транслирована идея сероглиняной керамики, изготовленной на гончарном круге. Проблема её появления на дальней варварской периферии до сих пор не находит удовлетворительного решения. Наиболее ранние керамические формы этого комплекса появляются на Среднем Днестре ещё в VII в. до Р. Х., вероятно, ближе к концу столетия (Круглик, Текливка).[57] До сих пор неясно, идёт ли речь о передаче сюда только самой технологической идеи, либо о насыщении местного рынка исключительно импортной продукцией. В «чистом» виде маловероятным представляется как первый, так и второй варианты. Явная оригинальность некоторых керамических форм на памятниках западноподольской группы (Круглик, Иване-Пусте, Шутновцы) плюс визуальные отличия в технологии производства, наблюдаемые между среднеднестровской и античной сероглиняной керамикой, вполне допускают самостоятельное её производство после знакомства местного населения с гончарным кругом. С другой стороны, некоторые формы сероглиняной гончарной керамики (далее — СГК) из среднеднестровских поселений, как-будто бы, мало чем отличаются от античных, в частности, истрийских (Рис. 55).[58] Правда, нужно отметить, что «античные» формы этой керамики сопоставимы с греческими сосудами из Истрии в основном уже VI в. до Р. Х., причём не самого раннего. А аналогичные сосуды из Никония вообще не могут датироваться ранее второй половины этого столетия. Этим же периодом датируются и опубликованные фрагменты амфорной тары и расписной керамики из поселения Иване-Пусте (Ганіна 1965: рис. 1/10). Что же касается VII-го и начала (первой половины) VI вв. до Р. Х., то для этого периода в Карпато-Днестровском регионе до сих пор нет следов возможного торгового обмена с греческими городами. В какой-то мере спасает положение лишь поселение у с. Залесье на Тернопольщине, где найден античный импорт, как-будто бы ещё VII в.[59] Это, в принципе, не исключает и того, что в состав этого импорта могли входить и отдельные партии СГК, а главное — свидетельствует о том, что эллинские торговцы, а с ними, возможно, и ремесленники, впервые проникли в Среднее Поднестровье ещё в VII в. до Р. Х.[60]

[57] В окрестностях с.Текливка (Каменец-Подольский р-н Хмельницкой обл.) совсем недавно была исследована курганная группа, состоявшая из 4 насыпей. В одном из курганов, среди прочего инвентаря, было найдено бронзовое зеркало с приклёпанной боковой ручкой, имеющей зооморфное окончание. В другом кургане среди разнообразного набора лепной керамики присутствовала сероглиняная корчага, изготовленная на гончарном круге (Гуцал и др., 2003: рис.2).

[58] Сероглиняная гончарная керамика западноподольской группы дает мало целых или почти целых форм. При этом, почти все эти формы происходят из погребальных комплексов. Тем не менее, представительная серия фрагментов сосудов с массивным уплощенным, отогнутым венчиком из Долинян, визуально вполне сопоставима с сероглиняными кратерами и леканами из Истрии. То же самое можно сказать и об отдельных находках черпаков-кувшинов с вертикальной, высоко поднятой ручкой из Шутновцев, Кашвана и Иване-Пусте (Рис. 55).

[59] Верхняя часть хиосской амфоры с белой облицовкой (ангобом), судя по орнаментальной схеме из широких красно-бурых полос (Ганіна 1984: рис. 4/3), действительно может быть датирована ещё VII в. до Р. Х. (см. [Cook, Dupont 1998: fig. 23/1]).

[60] Важнейшим признаком СГК Карпато-Днестровской периферии является плоский плитчатый поддон, зафиксированный у подавляющего большинства сосудов. Между тем, античные образцы, в таком же подавляющем большинстве, имеют кольцевой, часто сложнопрофилированный поддон. Нельзя ли считать этот признак, отмеченный на единичных

Любопытно, однако, следующее обстоятельство. Почему-то эти самые контакты привели к появлению СГК именно на Среднем Днестре, а скажем, в Побужье, на Немировском городище, на фоне разнообразного и очень раннего (чуть ли не первой половины VII века) импорта, сероглиняной керамики нет вообще. Мало того, нет такой керамики и на поселениях периода РСК в Среднем Поднепровье. Не означает ли всё это, что Побужье и Поднепровье с одной стороны, а Поднестровье — с другой, входили в зоны влияния разных античных центров? Напомню в этой связи, что в середине-второй пол. VI в. до Р. Х. Истрия выводит в низовья Днестра свою (теперь, пожалуй, об этом можно говорить достаточно уверенно) апойкию — Никоний. Не обусловлен ли вывод этой колонии, помимо прочего, и необходимостью иметь свой собственный опорный пункт в низовьях Тираса на пути от метрополии к отдаленной варварской периферии бассейна Днестра и обратно? В пользу днестровского маршрута распространения СГК склоняется и Г. И. Смирнова, полагая при этом, что он мог использоваться колонистами Березанского поселения (Смирнова 1999а: 55). Ссылаясь на проведенный С.Л.Соловьёвым по её просьбе сравнительный анализ СГК Березани и Долинян, Г. И. Смирнова считает, что наиболее вероятным источником поступления этой керамики (технологии её производства) на Средний Днестр была именно эта греческая колония. Хотя и возможное участие Истрии в этом процессе, Г. И. Смирнова не исключает (Smirnova 1998: 36; Смирнова 1999а: 55).[61]

Как бы там ни было, но дальнейшее распространение СГК из Среднего Поднестровья пошло не в восточном, а в западном направлении. Именно к западу от Северо-Восточного Прикарпатья, в ареале куштановицкой группы на Закарпатье и, в особенности, на территории Венгерской равнины в VI в. до Р. Х. в комплексах культуры Векерзуг появляется очень большое количество сероглиняной гончарной керамики. Есть все основания придерживаться именно этой точки зрения, поскольку транзит технологии СГК в Потисье иными путями, к примеру, через болгарско-югославскую территорию достаточно аргументированно опровергается (Chochorowski 1996: 123). Поэтому и остаётся такой, внешне довольно сложный маршрут — северо-западное побережье Черного моря (Истрия, Березань?) — Днестр (Прут) — Северо-Восточное Прикарпатье — Закарпатье — Венгрия (Рис. 56).

Гончарная столовая керамика, появившаяся в Карпато-Днестровском регионе (Северо-Восточное Прикарпатье и

фрагментах сероглиняной керамики Среднего Поднестровья (Долиняны [Smirnova 1998: fig. 4/8]), характерным исключительно для импортных экземпляров?

[61] Интересно, что тот же сравнительный анализ березанской и западноподольской (Долиняны) серий СГК показал, что упоминавшийся уже плоский плитчатый поддон является характерным признаком и для сероглиняной керамики Березани (Смирнова 1999: 54).

В общей массе СГК из Долинян привлекает внимание один фрагмент (Smirnova 1998: fig. 5/9). Тип сосуда, которому он принадлежал, неясен, да это в данном случае не столь важно. Примечателен, прежде всего, прочерченный (продавленный) волнистый орнамент (Рис. 55). Мне, к сожалению неизвестно, насколько типичен, и есть ли вообще такой орнамент на архаической СГК Нижнего Побужья. Однако, то, что он широко применялся греческими и фракийскими гончарами Добруджи — факт общеизвестный. Отметив это обстоятельство, А. И. Мелюкова далее пишет о том, что волнистый прочерченный орнамент здесь известен с V в. до Р. Х. (Мелюкова 1979: 157). Однако, истрийские материалы и сероглиняная керамика поселения Александрия (Рис. 55) вполне допускают и VI век (Alexandrescu 1977; Preda 1959: fig. 5/2—3,7; 6/1—4). А поскольку, ранее уже шла речь о том, что Долиняны вряд ли доживают до V века, то и здесь мы можем говорить о предыдущем столетии, полагая, что уникальность этого фрагмента в Долинянах может обозначать начальный этап распространения СГК с волнистым орнаментом.

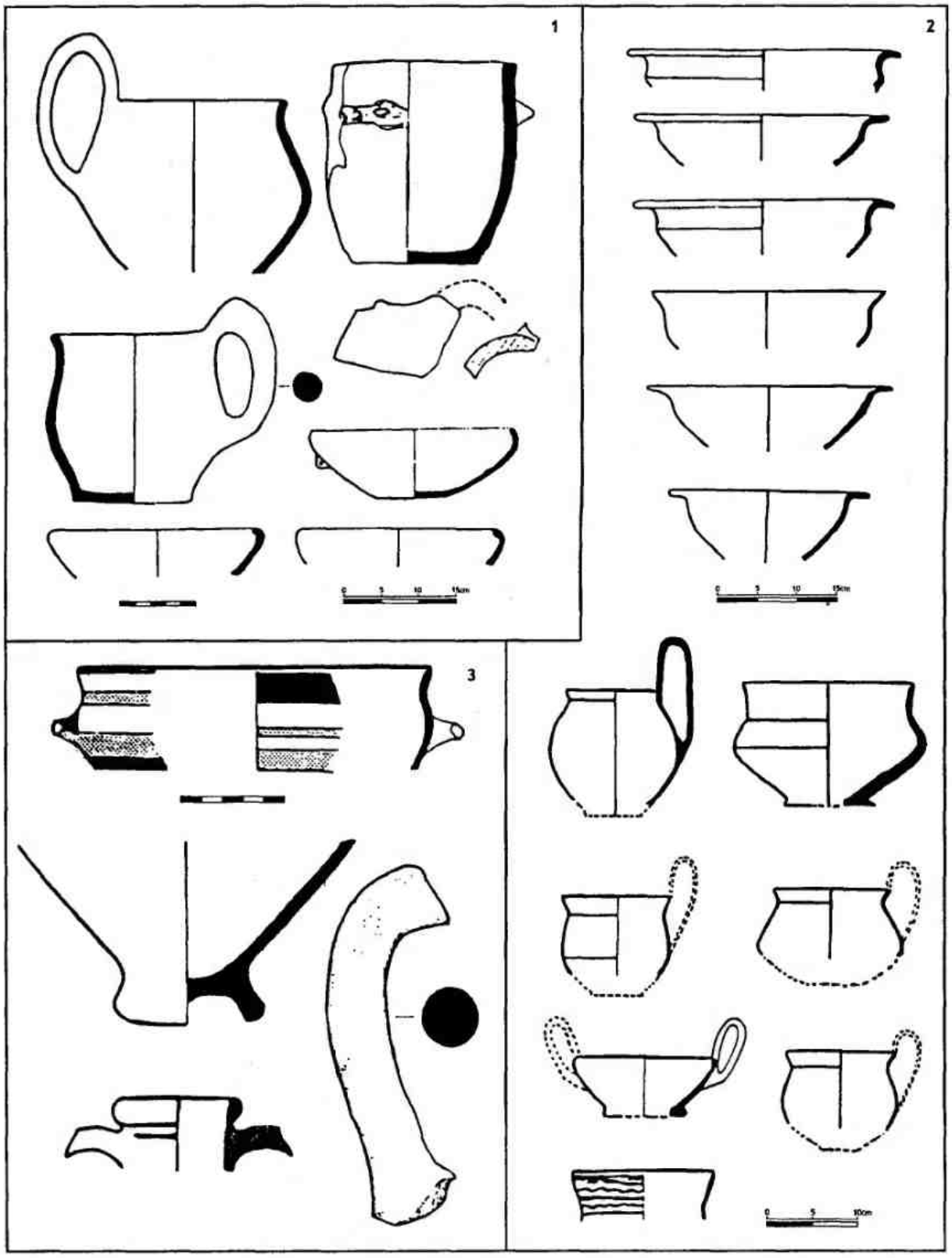


Рис. 50. **Керамика из поселения Куртени (по [*Iconomu 1979*])**

Pottery from a settlement Kurteni

1 — лепная керамика (hand-made pottery)

2 — гончарная сероглиняная (gray wheel-made pottery)

3 — гончарная античная (wheel-made ancient pottery)

Венгерская равнина) в конце VII — VI вв. до Р. Х. внезапно и в большом количестве, так же внезапно и исчезает в V в. Традиции её изготовления были утрачены более чем на сто лет и заново осваиваются уже в кельто-дакийскую эпоху. Такой перерыв традиции можно рассматривать, как свидетельство того, что идея гончарного круга ненамного пережила поколение людей, принесших её. Или, что будет более точным, некая идея (в данном случае, идея гончарного круга) передавалась лишь в замкнутом профессиональном сословии людей, первое поколение которых принесло эту идею с собой. Местное население по каким-то причинам не сочло нужным осваивать её, а может быть, попросту не было к ней допущено.

Если согласиться с тем, что технология производства гончарной керамики не предназначалась для передачи в местную среду, или не была ею усвоена, то нам действительно не остаётся ничего другого как признать «блуждающий» характер этой идеи.[62] В таком случае, события могли развиваться следующим образом. Первоначально, эллинская торгово-ремесленная партия (или партии) оказалась на Среднем Днестре в ареале западноподольской группы. Произошло это ещё в VII в. до Р. Х. Затем судьбы гончаров (или шире — ремесленников) и торговцев оказались различными. Дальнейшее распространение технологии СГК на запад в районы Потисья и Восточной Венгрии, по-видимому, было связано с переходом в эти области уже только ремесленников, а торговая экспансия ограничилась бассейном Среднего Днестра. Тогда, в принципе можно объяснить и полное отсутствие архаического импорта (керамики) в ареале культуры Векерзуг. Действительно, такой сложный и протяжённый маршрут (Северо-Западное Причерноморье — Подолье — Венгрия), для торговых контактов выглядел довольно рискованным, а потому малопривлекательным, не сулившим особенных выгод.

Таким образом, в начале VI в. до Р. Х. опредмеченная идея СГК в сопровождении ремесленников-«передвижников» перебирается через Карпаты на запад, и совершенно не исключено, что она попала туда вместе с тем культурным импульсом, который привел к образованию в Алфёльде культуры Векерзуг около 600 г. до Р. Х.

Ещё один вектор упомянутых выше «упорядоченно-хаотичных» контактов, в этот период связал ареал западноподольской группы с памятниками Южного и Юго-Восточного Прикарпатья периода позднего гальштата (группа Фериджиле-Бырсешти). Пожалуй, наиболее ярким показателем действия этого вектора является чаша-миска из погребения у с. Круглик. А. Вульпе, который первым (или во всяком случае, одним из первых) обратил

Рис. 5

[62] Недавно, Я. Хохоровски постарался предельно конкретизировать механизм, при котором осуществлялась передача технологии, или просто — производство гончарной керамики в варварской среде. Он предположил, что производство СГК было налажено здесь бродячими группами керамистов из античных городов Северо-Западного Причерноморья (Chochorowski 1996: 134; 1998: 484; см.также [Romsauer 1991: 217]). В литературе, таким образом, оформляется уже целое направление, развивающее идею бродячих ремесленников, переносивших с собой с собой те или иные технологии в инокультурную среду. Наличие фракийских (сахарнянских) керамистов предполагается в ареале чернолесской культуры (Смирнова 1983: 71—72; Кашуба 1988: 115—116), гальштатских — на Немировском городище (Смирнова 1999: 243), теперь греческих — в Карпато-Днестровских землях. Развитие железоделательного производства в Леванте связывается с переселением сюда греческих кузнецов (Backhuisen 1977: 227), а для несколько более позднего времени предполагается наличие среди ольвийских ремесленников кельтских металлургов (Щукин 1994: 81) и т. д. Подобная идея, конечно же, не нова. Она восходит ещё к тем далеким временам, когда Генрих Шлиман объяснял находки микенской керамики в Трое VI появлением в городе ахейских гончаров.

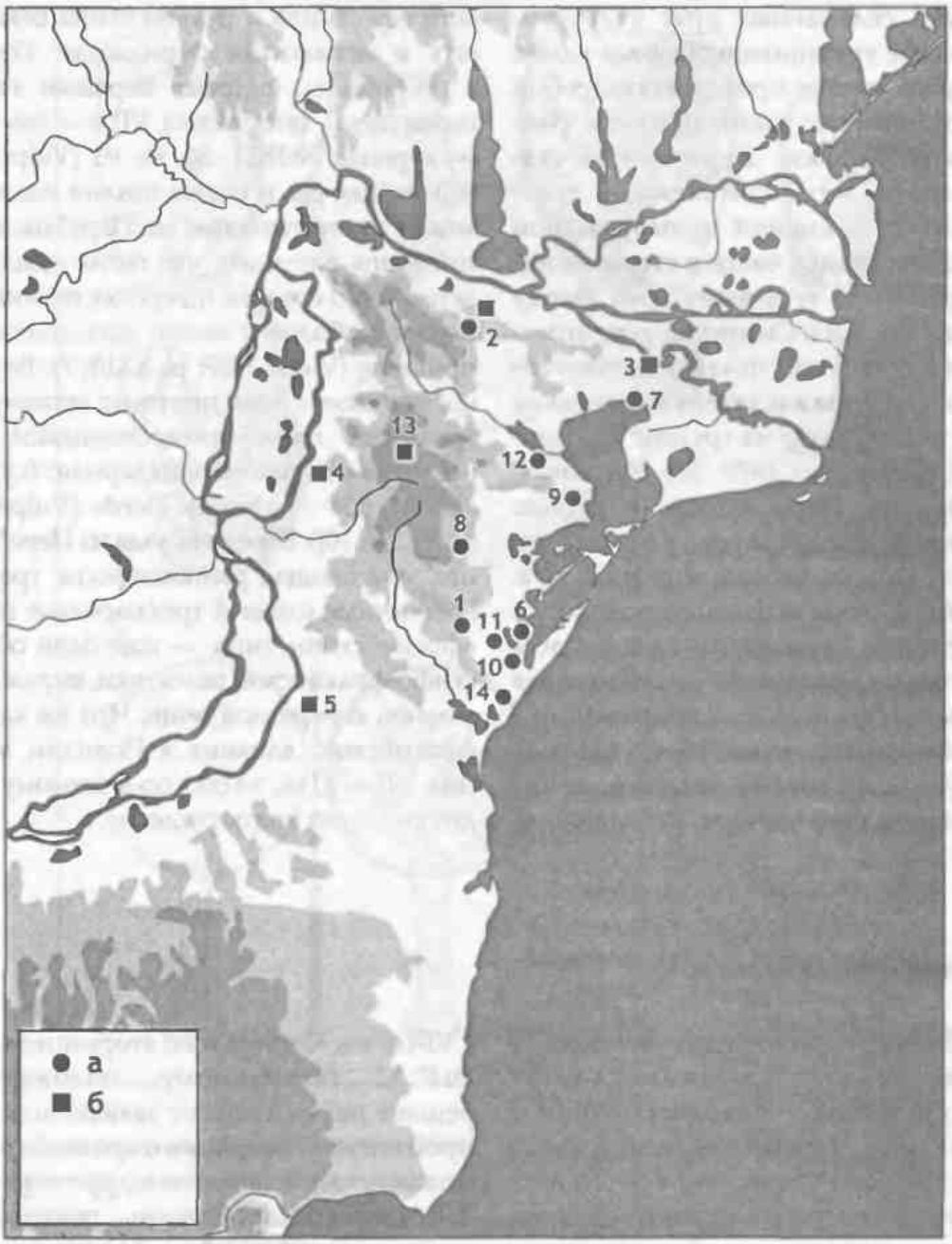


Рис. 51. Памятники Северо-Восточной Добруджи VI в. до Р. Х. с фракийской керамикой.

Sites with thracians pottery in the North-East Dobrouga (VI cent.B.C.)

а — поселения (settlements); *б* — погребения (burials)

1 — Тариверде; *2* — Чилик-Дере; *3* — Махмудие; *4* — Пятра-Фрикацей; *5* — Чернавода; *6* — Истрия; *7* — Саринасуф; *8* — Бейдауд; *9* — Долошман (Капул Долошман); *10* — Нунташи; *11* — Истрия-Под; *12* — Вишина; *13* — Чукурова; *14* — Корбу-де-Жос.

на это внимание, отметил и то, что в могильнике Фериджиле подобные миски не выходят за рамки VII в. до Р. Х. (Vulpe 1977: 88—91, anm. 50). Собственно, это обстоятельство в числе прочих и послужило основанием для понижения датировки кургана у с. Круглик, а с ним, в конечном счёте, и всей западноподольской группы (Смирнова 1989: 29—31).

В другом могильнике этой же группы — Перебыковцах — был найден весьма любопытный комплект удил и псали-

ев, наглухо склёпанных друг с другом. Сами по себе треугольноконечные удила типа Перебыковцев представляют собой довольно обычную разновидность раннескифской упряжи. Этого нельзя сказать о псалиях этого комплекта — трёхдырчатые, со сплошной прямоугольной пластиной в средней части и стержневидными прямыми, чуть загнутыми вверху окончаниями. Г. И. Смирнова уже отмечала, что данный тип псалиев нетипичен для скифской упряжи, указав при этом на близкие экземпляры из группы Сентеш-Векерзуг (Смирнова 1979: 50). Учитывая, что могильник Перебыковцы и ранние памятники группы Векерзуг, в целом синхронны — начало-первая половина VI в. — то законы относительной хронологии в определении первичного ареала здесь не действуют. Псалии из Перебыковцев могли быть образцом для подражания в Потисской группе, и наоборот. Однако, существует один нюанс, который может внести некоторую ясность по данному вопросу. Удила и псалии «типа Векерзуг» есть в могильнике Фериджиле. Причём, в погребениях с тремя первыми типами инвентаря (вторая пол. VII в. — нач. VI вв. — курганы №№11, 34, 86, 93 [Vulpe 1977: 89]) мы как раз и видим псалии весьма похожие на экземпляры из Перебыковцев с той лишь разницей, что петли удил, продетые через средние отверстия псалия, двигаются свободно и имеют дополнительные привески (Vulpe 1967: pl. XXI/5, 7). Возможно, это своего рода прототип векерзугских трензелей, трансформировавшийся позднее уже в классический их вариант (курганы №№44, 134 — «Ferigile-Nord» [Vulpe 1967: pl. XXII/9, 10]). Вероятно, узда из Перебыковцев, сочетающая раннескифские треугольноконечные удила и трёхдырчатые псалии «фракийского» типа, — ещё один образец скифо-фракийской эклектики, выраженной в одной конкретной вещи. Что же касается фракийского влияния в Подолии второй пол. VII — VI вв., то оно, по-видимому, находит ещё одно подтверждение.[63]

3.2.3. Раннегетская культура

Проблема фракийского анклава в Добрудже VI в. до Р. Х. заключается в двух основных аспектах — самодостаточном и разрешающем. Первый предусматривает доказательство существования этого анклава. Второй — истоки его формирования с одной стороны, а с другой — его роль в процессе трансформации фракийских, позднегальштатских древностей Нижнего Подунавья, а быть может, и всего Днестровско-Карпатского региона, в культуру «классических» гетов.

Фракийская лепная керамика, которая в массовом количестве присутствует на поселениях Северо-Восточной Добруджи с VI-го, а в Истрии и со второй пол. VII в. до Р. Х., по-видимому, положительно решает первый аспект заявленной выше проблемы. С такой же определённостью можно утверждать, что в других районах Днестровско-Карпатского региона, по сравнению с эпохой среднего гальштата плотность этого же, фракийского населения резко снизилась, а соответствующие памятники, к примеру, в Бессарабии, представляют собой едва ли не уникальное явление.

Какие же слагаемые лежат в основе фракийского анклава в Северо-Восточной Добрудже? Ранее уже отмечалось

[63] Ранее, говоря о костяном псалии из Тариверде (Рис. 33/10), я отмечал формальные аналогии ему в Приднепровской лесостепи (Басовка). Однако, в нём можно видеть и местную, нижнедунайскую переработку или подражание металлическим образцам типа Фериджиле.

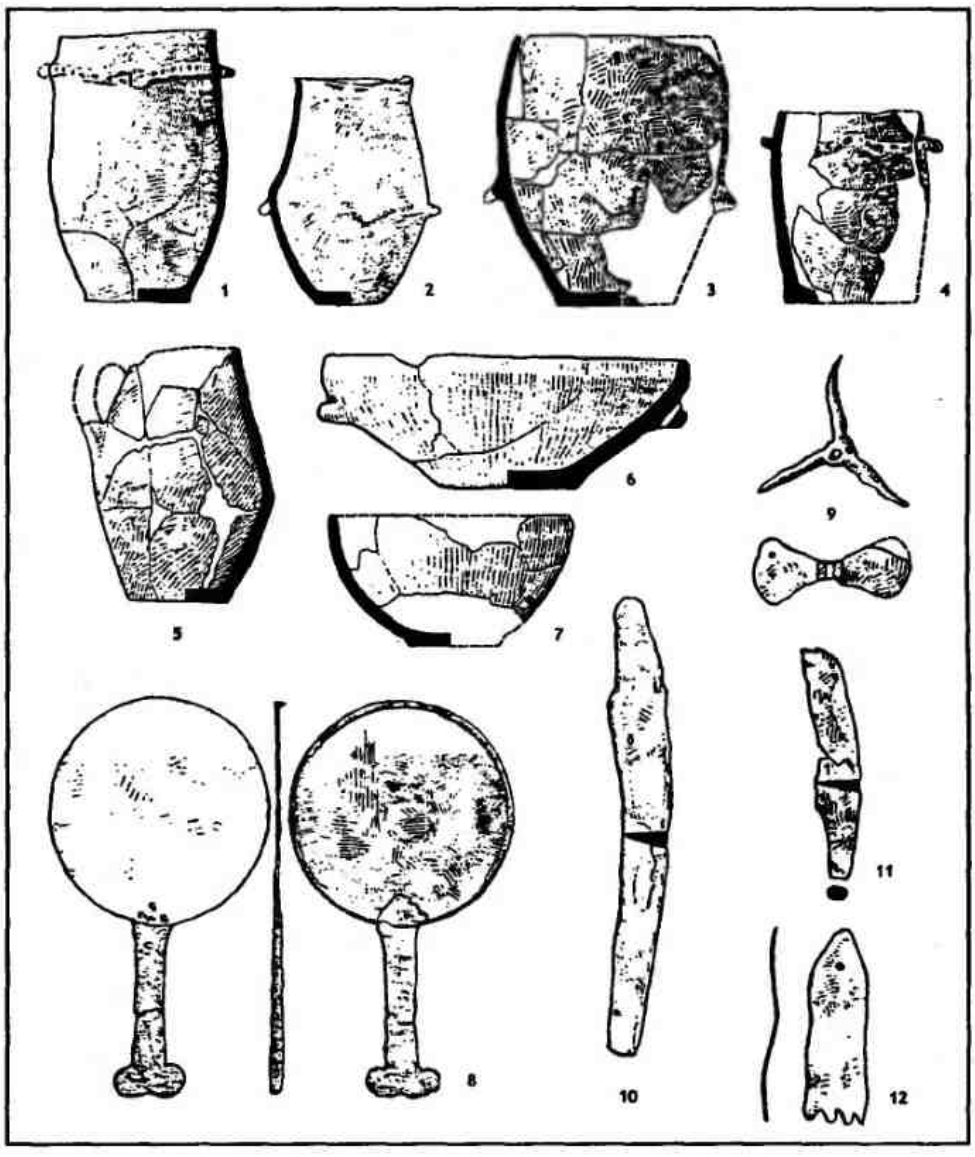


Рис. 52. Инвентарь могильника Чернавода (по [*Berciu 1957*])

Grave goods from the cemetery Cernavoda

1, 3, 8, 10 — погр. 1; *2, 6, 9, 11, 12* — погр. IV; *5, 7* — погр. II; *4* — погр. III (*8* — бронза, железо; *9* — бронза; *10–12* — железо; остальное — лепная керамика)

практически полное сходство ряда керамических форм из поселений и могильников Добруджи с комплексом лепной керамики типа Фериджиле-Бырсешти, который в свою очередь, наследовал керамические традиции эпохи среднего гальштата. С другой стороны, на протяжении едва ли не всей эпохи фракийского гальштата, продолжали действовать коммуникации, связывавшие Добруджу с остальной территорией Фракии к югу от Дуная. За исключением достаточно кратковременных военно-политических коллизий (к примеру, экспедиция Дария I), не нарушалась культурная общность и относительная целостность этого региона и в позднегальштатскую эпоху. Скорее напротив, на рубеже гальштата-латена эта общность получила надкультурное оформление в виде Одрисского царства, фактически объединившего в V в. до Р. Х. фракийские племена к югу от Дуная.

В VII в. до Р. Х. в Южной Добрудже, в районе современных болгарских городов Толбухин и Варна, формируется ещё одна группа фракийских памятников, представленная, главным образом, могильниками (Добрина, Равна, Кръгулево [Рис. 57]).[64] Именно на эту группу обратил внимание М. Е. Ткачук в поисках ареала формирования раннегетской культуры, которая могла бы объяснить процесс трансформации фракийских древностей эпохи гальштата в культуру гетов. Наиболее показательной иллюстрацией механизма подобной трансформации оказался типологический ряд лепных сосудов, обозначенный Э. Москалу, как «аспект Канлия» (типы I и IX [Moscalu 1983: 57]). М. Е. Ткачук предлагает закрыть хронологическую лакуну, разделяющую культуры гетов и фракийского гальштата, материалами II ступени могильника Равна. Именно на этой стадии функционирования некрополя появляется тип гетского «мешковидного» горшка (тип IX по Э. Москалу), впоследствие классический, который заменил характерный для VII в., в т. ч. и для погребений ступени Равна–I, тип биконической кухонной корчаги с цилиндрошейным горлом (тип I по Э. Москалу). Поскольку же, по наблюдениям М. Е. Ткачука, I и IX типы сосудов не встречаются в одном и том же комплексе, то не исключено, что именно фаза Равна–II демонстрирует нам начальный этап формирования керамического комплекса гетской культуры, тогда как керамика ступени Равна–I фактически ещё продолжает среднегальштатские традиции культур Подунавья (Tkaciuc 1994: 227; Ткачук 1999: 285—286).[65] Таким образом, Равна–II — наиболее ранний памятник археологической гетской культуры, расположенный в Южной Добрудже, т.е. именно там, где и помещали гетов Геродот и Фукидид (Herod. IV., 93; Thuk. II., 96). Это в свою очередь, позволяет видеть в Добрудже район первоначального формирования культуры исторических гетов, район, из которого они распространились в дальнейшем на территорию Днестровско-Карпатских земель (Tkaciuc 1994: 228).[66]

Одновременно, М. Е. Ткачук полагает, что образование болгарской группы памятников — следствие продвижения сюда населения Фериджиле–Бырсешти (Ткачук 1995: 19). Мне обе эти области кажутся более самостоятельными в той своей роли, которую они играли в процессе трансформации фракийской культуры на стыке эпох среднего и позднего гальштата. Причём, население каждой из них внесло свой вклад в формирование зоны фракийской оседлости в Северо-Восточной Добрудже. В процессе сложения болгарской группы Южной Добруджи вряд ли решающую роль сыграли какие-то дальние миграции, к примеру, из Южного Прикарпатья (Олтения). Тем более,

[64] В эту же группу следует включить и некрополь у с. Проф.Златарски (Толбухинский округ). Погребальные конструкции (каменные «ящики») и инвентарь (керамика, в том числе и сероглинянная гончарная, железные ножи [Мирчев 1963: 1—15]) этого могильника имеют явные соответствия в некрополях Добрина и Равна.

[65] Любопытно, что в могильнике Чернавода лепной сосуд, приближающийся по форме к цилиндрошейным корчагам типа Добрина–Равна–I (тип I [Рис. 52/2]), и классический «мешковидный» горшок типа Равна–II (тип IX 52/3]) также найдены в разных погребениях (Berciu 1957: fig.5-8).

[66] Идею М. Е. Ткачука подверг резкой критике И. Т. Никулицэ, который считает воссоздаваемый Ткачуком процесс проникновения (расселения) гетов из районов Добруджи к северу от Дуная, бездоказательным — «...на основании одного типа горшка из Равны...» (Niculiță 1996a: 65). Здесь трудно было ожидать иной реакции, учитывая ультра-автохтонистскую позицию И. Т. Никулицэ, который фактически отстаивает идею полнейшего фракийского континуитета в Днестровско-Карпатских землях начиная со II тыс.до Р. Х. (Niculiță 1996a: 67; Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: 69, 118).

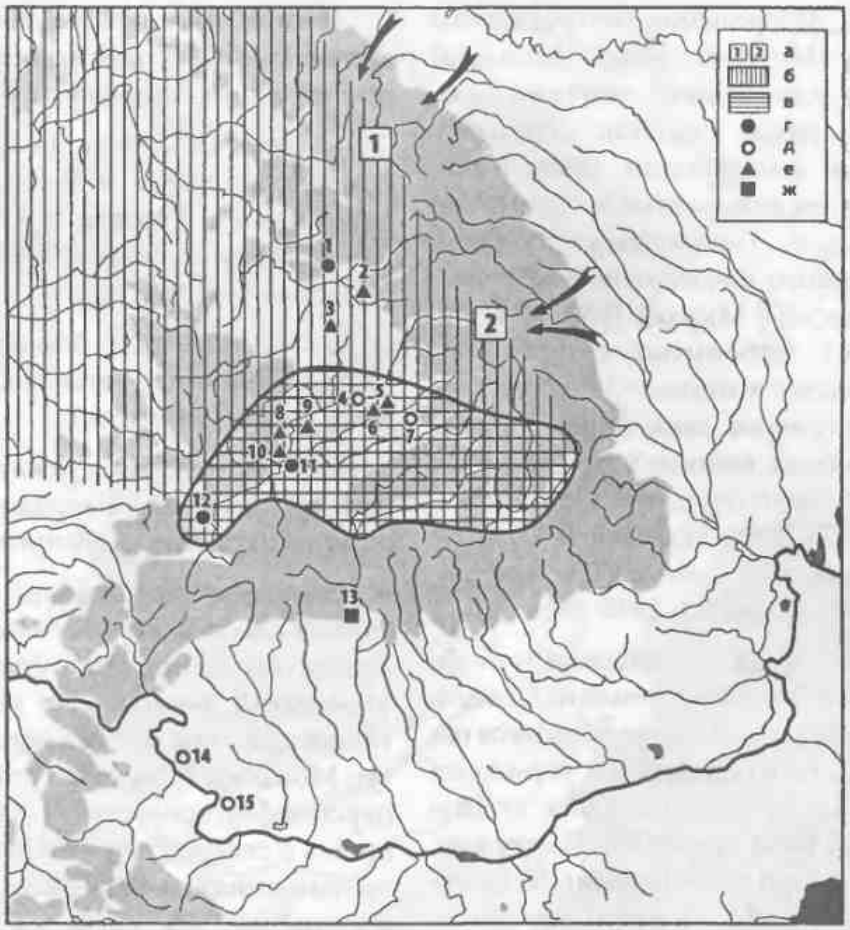


Рис. 53. Трансильвания в середине — второй пол. VII в. до Р. Х.

Transylvania in the middle — second half VII cent. B.C.

а — районы вероятного перехода скифов через Карпаты (2 — по [*Mihailescu-Birliba, Untaru 1971*])
б — ареал позднеголиградских памятников
в — ареал культуры Басараби в Трансильвании
г — позднеголиградские городища
д — местонахождения культуры Басараби
е — скифские могильники
ж — могильник Фериджиле

(*1* — Чичеу-Корабиа; *2* — Мэришелу; *3* — Будешти-Фынаце; *4* — Иернут; *5* — Кристешти; *6* — Чипэу; *7* — Ченду; *8* — Аюд; *9* — Чумбруд; *10* — Теюш; *11* — Телеак; *12* — Субчетате; *13* — Фериджиле; *14* — Балта-Верде; *15* — Басараби)

что в абсолютных датах, образование болгарской группы приблизительно на полстолетия предшествует возникновению горизонта памятников типа Фериджиле-Бырсешти.[67] А вот перемещение какой-то части южнофракийского населения к северу и, в частности, переход его на левый берег Дуная ещё в VI в. до Р. Х., возможно, обозначает поселение Александрия в Восточной Олтении (Рис. 57/6).

Помимо лепной керамики, между памятниками Северной и Южной Добруджи, в последнее время обнаружилось и определённое сходство в погребаль-

[67] Справедливости ради нужно сказать, что до конца неясными остаются и истоки формирования памятников типа Равна. Предполагаемая иногда преемственность этой группы от

ном обряде. Захоронения бескурганного могильника Чукурова (район Бабадага) обставлены каменными плитами, образующими некое подобие «ящиков». Аналогичные конструкции, правда значительно более аккуратные и к тому же находящиеся под курганными насыпями, хорошо известны в могильниках Равна и Проф.Златарски (Мирчев 1962: 97 и сл.; 1963: 1 и сл.). Любопытно, что феномен таких «ящиков» возникает в обеих областях практически синхронно. В Равне подобный обряд начинает применяться приблизительно с середины VI в. (Равна–II [Hänsel 1976: 218]). Могильник Чукурова датируется второй пол. VI — третьей чтв. V вв. до Р. Х. (Simion 1995: 156).

Вероятно, не следует забывать и о субстратном фракийском элементе Северо-Восточной Добруджи в лице потомков населения среднегальштатского горизонта Бабадаг–III. Их присутствие здесь вполне возможно по трём причинам. Во-первых, верхняя дата горизонта Бабадаг–III (середина VII в.) совпадает с датой основания Истрии. Во-вторых, она предельно близка времени появления первых сельских поселений в Северо-Восточной Добрудже (конец VII — нач. VI. вв. до Р. Х.) Напомню, что по наблюдениям Г. Симиона «скифский» горизонт на Чилик-Дере подстилает слой с керамикой типа Бабадаг–III. Наконец, в-третьих, начало фазы Равна–II, с которой связывается формирование раннегетской культуры, это, видимо, всё же не весь VI век, а его вторая четверть или даже середина (Hänsel 1974: 216—217; 1976: 218). Фракийская же керамика, как мы видим, фиксируется в истрийской округе со второй пол. VII в. до Р. Х.

В итоге, предлагается три культурные составляющие фракийского блока Северо-Восточной Добруджи в VI в. до Р. Х.:

1. Остатки среднегальштатского населения Молдовы и Валахии, консолидированные в Южном и Юго-Восточном Прикарпатье в культурный горизонт Фериджиле–Бырсешти;

2. Представители болгарской группы памятников типа Равна (Добрина, Кръгулево, Проф.Златарски);

3. Местный, добруджанский компонент, наследовавший определённые традиции гальштатского горизонта Бабадаг–III.

Системообразующее начало в концентрации фракийского населения в районах Северо-Восточной Добруджи мог внести и внешний фактор. Для рассеянных остатков среднегальштатского блока культур Молдовы и Валахии этот фактор мог персонифицироваться в лице надвигавшихся с севера скифов (группа «южного направления») и, возможно, иллирийцев, проникших с запада через Железные Ворота на территорию Валахии. Для этого же фракийского населения, пребывавшего в состоянии полной неопределённости относительно своего будущего, как нельзя кстати оказался вывод греческих колоний на западнопонтийское побережье, в первую очередь, — основание Истрии. Центростремительные, консолидирующие способности античных полисов, о которых речь уже шла выше, вероятно, могли вызвать приток какой-то части населения и из относительно стабильных очагов фракийской оседлости, каковыми во второй пол. VII века являлись предгорья Юго-Восточных (Бырсешти) и Южных

южнофракийских памятников типа Пшеничево, по мнению Б. Хенселя, не подтверждается сравнительным анализом керамических форм. А кроме того, нет полной уверенности в том что верхний хронологический рубеж существования Пшеничево, затерявшийся где-то в VIII в. до Р. Х., можно совместить с начальной фазой северо-восточной болгарской группы и в частности, датой закладки некрополя Добрина — начало VII в. до Р. Х. (или около 700 г. [Hänsel 1976: 217]).

Рис. 5

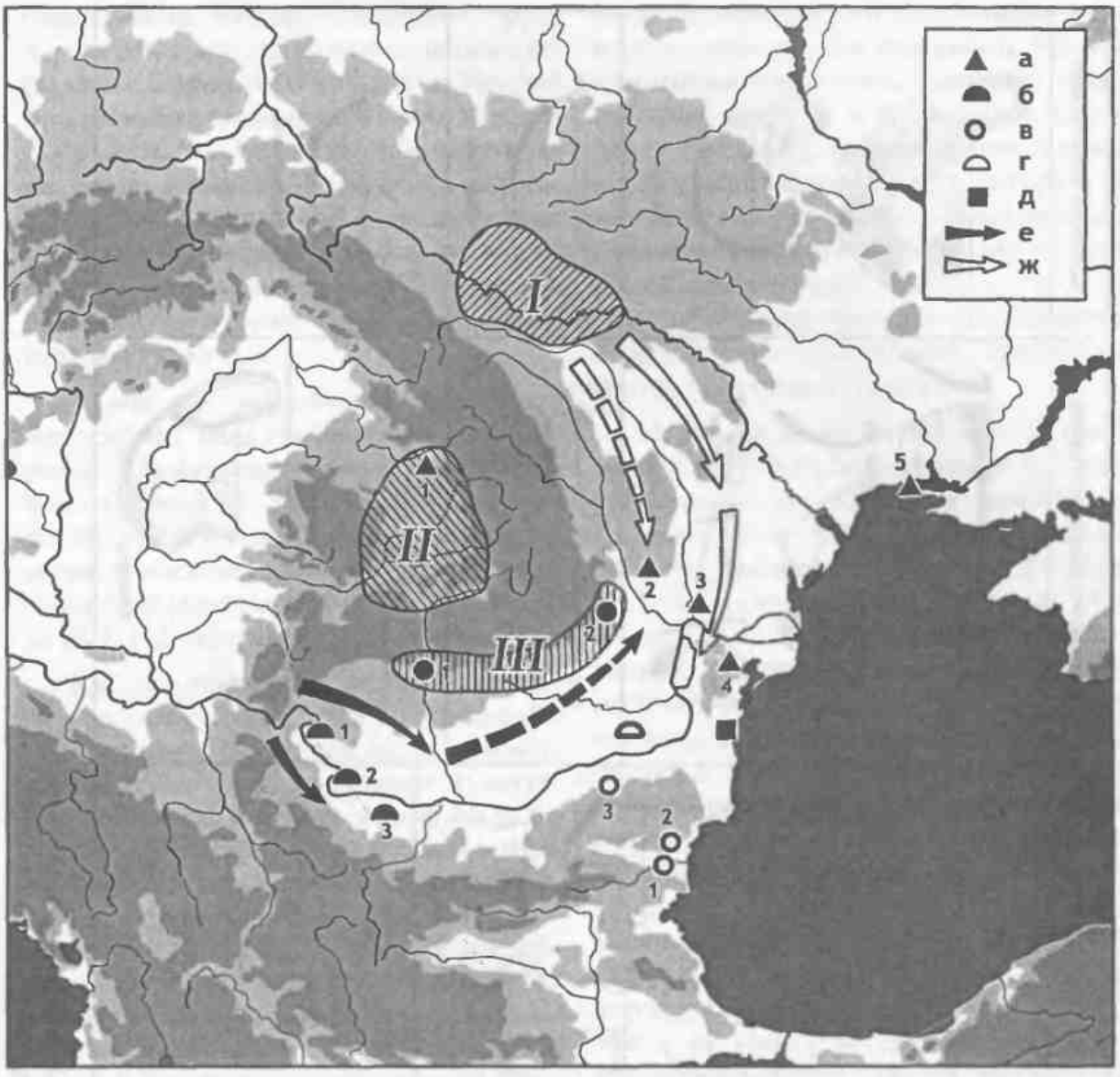


Рис. 54. **Восточнокарпатский регион в VII — нач. VI вв. до Р. Х.**

East Carpathian Region in VII — beginning VI cent .B.C.

I — ареал Западноподольской группы (West-Podolian Groupe area)

II — ареал Трансильванской группы (Transylvanian Groupe area)

III — ареал группы Фериджиле-Бырсешти (Ferigile-Birsesti Groupe area)

1 — Фериджиле; ***2*** — Бырсешти

а — находки иллирийских фибул типа Глазинац (*1* — Мэришелу; *2* — Трестиана; *3* — Джурджулешти; *4* — Чилик-Дере; *5* — Березань)

б — иллиро-фракийские могильники в Олтении и Северо-Западной Болгарии (*1* — Балта-Верде, Гогошу; *2* — Басараби; *3* — Софрониево)

в — памятники типа Равна (*1* — Добрина; *2* — Равна; *3* — Проф. Златарски)

г — Чулница

д — Истрия

е — иллирийцы

ж — скифы

(сплошные линии — основные пути перемещений; пунктирные — вероятные направления кратковременных рейдов)

Рис. 55. **Сероглиняная гончарная керамика Карпато-Днестро-Дунайской области**
Gray wheel-made pottery from the Carpathian-Dnestr-Danube area

(Фериджиле) Карпат. Некоторые трудности возникают при попытке напрямую связать с основанием конкретно Истрии продвижение на север населения Южной Добруджи, тем более что примерно через полстолетия после основания Истрии фракийцы Северо-Восточной Болгарии уже имели «собственный» очаг античной цивилизации в виде города Одессос, основанного на рубеже VII/VI, или в самом начале VI в. до Р. Х.

А как же раннегетская культура в Бессарабии? Ведь связываемый с ней горизонт памятников Пыржолтены–Данчены–Олонешты претендует на роль искомого связующего звена между среднегальштатскими древностями и гетской культурой (Никулицэ 1977: 132; Мелюкова 1979: 142; Лапушнян 1979: 18).

Как уже отмечалось, фракийские элементы, несомненно присутствующие в этой группе памятников, мало соответствуют представлению о таком культурном монолите, который можно было бы поместить в основу последующей традиции гетской культуры IV—III вв. до Р. Х. Это культурное явление обладает изначальной скифо-фракийской полиморфностью без *доминанты*. Причём, скифская составляющая, в свою очередь, распадается на два компонента — лесостепной и степной. Крайняя малочисленность, если не сказать единичность, памятников этого горизонта, также не позволяет уверенно возводить на таком рыхлом фундаменте монументальное здание «общегетского дома» Днестровско-Карпатских земель IV—III вв. Наконец, есть ещё и неувязки хронологического плана, в частности, проблема совмещения нижней даты «раннегетского» горизонта (могильник Данчены) с верхней датой среднегальштатских памятников (могильник Селиште). Тем самым, рассматривать этот горизонт в качестве упомянутого связующего звена можно лишь на том основании, что эти памятники могут быть таковыми лишь по праву времени и территории, а точнее — постольку, поскольку они занимают географическую область, которую до них населяли фракийские племена эпохи среднего гальштата, а после них — геты. Далее, уже нетрудно заметить, что в таком случае, звено это будет «плавающим» между обрывками цепочек среднегальштатской и гетской традиций.

И, тем не менее, недавно была предпринята попытка смонтировать эту цепь. На четырёх многослойных памятниках молдавского Среднего Поднестровья был выделен горизонт с керамикой VII—VI вв. до Р. Х. (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999; Kaşuba, Haheu, Levițki 2000). В соответствии с центральноевропейской хронологической шкалой, эти древности размещены в рамках позднегальштатского периода, а по территориально-типологическому признаку керамических форм определены как раннегетские. Между дефинициями «позднегальштатский» и «раннегетский» буквально ставится знак равенства (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 123; Kaşuba, Haheu, Levițki 2000: 106). Авторы монографии[68] при этом отмечают, что в их распоряжении нет надёжных хроноиндикаторов, которые подтвердили бы существование постшолдэнештского культурно-хронологического горизонта второй пол. VII — VI вв. до Р. Х.. Начиная со второй половины VII века, в числе таких хроноиндикаторов наиболее желательно было бы видеть античный керамический импорт. Однако, ситуация с архаическим импортом в Днестровско-Прутском междуречье, рассмотренная выше, показывает, что пока мы определённо можем говорить лишь о первой половине-середине V в. Это известно и авторам моно-

Рис. 55. **Сероглиняная гончарная керамика Карпато-Днестро-Дунайской области**
Gray wheel-made pottery from the Carpathian-Dnestr-Danube area

[68] Статья, помещённая в сборнике чтений памяти Б. Н. Гракова (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999) представляет собой резюме монографии, опубликованной в Румынии в серии «Bibliotheca Thracologica» (Kaşuba, Haheu, Levițki 2000)

Рис. 56. **Распространение сероглиняной гончарной керамики (VI в. до Р. Х.)**

Map of the dissemination of gray wheel-made pottery (VI cent. B.C.)

а — основные ареалы СГК (*I* — Потисская группа)

б — погребальные комплексы с СГК (*1* — Новоселка-Гримайловская; *2* — Серватинцы; *3* — Лисичники; *3а* — Текливка; *6* — Шутновцы; *8* — Крутлик; *9* — Кашвана (все — западноподольская группа); *10* — Пыржолтены; *11* — Данчены.

в — находки СГК на поселениях (*4* — Иване-Пусте; *5* — Залесье; *12* — Калфа: *13* — Чобручи; *14* — Бырсешти; *15* — Куртени; *18* — Чилик-Дере; *20* — Зориле; *21* — Александрия; *22* — Равна; *23* — Добрина)

г — античные центры (*16* — Никоний (со второй пол. VI в. до Р. Х.); *17* — Березань; *19* — Истрия)

графии.[69] Тем не менее, они полагают, что было бы методически неверно определять хронологию памятников, в данном случае Бессарабии, исключительно через античный импорт. Именно такой подход, по мнению авторов, в значительной степени обусловил наличие лакуны между среднегальштатскими и раннегетскими древностями. Именно такая методическая установка искусственно сдерживает напор фактов в виде лепной керамики, которая вполне может быть самодостаточным хроноиндикатором, и уже давно «рвётся» от рубежа VI—V вв. вниз, на простор VI-го и VII-го веков. Навстречу ей, вверх, движется керамическая масса средне-позднегальштатского облика, также абсолютно лишённая эгейско-ионийских вкраплений, но с изрядной, если вообще не основной, примесью лесостепных (западноподольских) элементов. Эти два потока, схлестнувшись друг с другом, и должны заполнить весьма объемный резервуар VII—VI вв. до Р. Х.

На мой взгляд, нужно было всё-таки задаться вопросом о причинах отсутствия импорта в данном регионе, обозначенном авторами как южная зона Среднего Днестра. Этот шаг достаточно очевиден, поскольку и в Побужье (Немировское городище) и в Поднепровье (Болтышка, Трахтемировское городище, Жаботин) и даже в Поднестровье, выше по течению реки (Залесье) найдена ионийская керамика, которая датируется ещё VII веком. Эта же керамика, только уже первой половины VI в., известна и на стыке среднего и нижнего течения р. Прут, в Молдове (Куртени). Ещё более удивительно, что импорта нет и в погребениях могильника Данчены конца VI — нач. IV вв., т. е. тогда, когда, казалось бы, он просто должен там быть, особенно если учесть, что пусть и в незначительных количествах, но импорт V-го века известен на некоторых гетских городищах (Бутучены, Алчедар, Хыртопул Маре).[70]

Я пока не нахожу сколько-нибудь правдоподобного объяснения этим фактам. Отсутствие импорта в Данченах ещё можно как-то объяснить, исходя из географического расположения памятника, который находится на пограничье степи и лесостепи, примерно на одинаковом расстоянии от Днестра и Прута. Тем самым, попасть к месту обитания населения, оставившего Данченский могильник, из какого-либо античного центра можно было только комбинированным, водно-сухопутным маршрутом. Однако, совершенно непонятно, почему эллинские торговцы столь целеустремлённо двигались вверх по течению Тираса именно в северную зону Среднего Поднестровья (Иване-Пусте, Залесье), при этом, совершенно игнорируя население южной зоны, поселки которого (Алчедар, Глинжены) располагались в нескольких километрах от правого берега Днестра.[71] Не забудем и о том, что на поселениях южной зоны, опять-таки

[69] Они, правда, ссылаясь на работу В.Банару (Банару 1997) говорят о середине VI в., как о времени появления наиболее раннего импорта (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 123; Kaşuba, Haheu, Levitki 2000: 116). Это очередное утверждение, не подкреплённое иллюстративной подачей соответствующего материала. В таблице хроноиндикаторов, среди античного импорта нет ничего старше IV в. до Р. Х. (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 126; Kaşuba, Haheu, Levitki 2000: 222, pl. LX).

[70] В литературе есть упоминание о находке в Алчедаре ионийского аска VI в. до Р. Х. (Розенфельдт 1955: 124—124). Однако, иллюстрации в статье не приведены. Неизвестна и последующая судьба самой находки.

Гончарные миски из Данчен (желтоглиняная) и Пыржолтен (сероглиняная) — особая тема. В любом случае, их нельзя считать образцами классического (легко узнаваемого) античного импорта (тара, расписная керамика).

[71] Примерно на таком же расстоянии, только от левого берега реки, расположены поселения у сс. Залесье и Иване-Пусте.

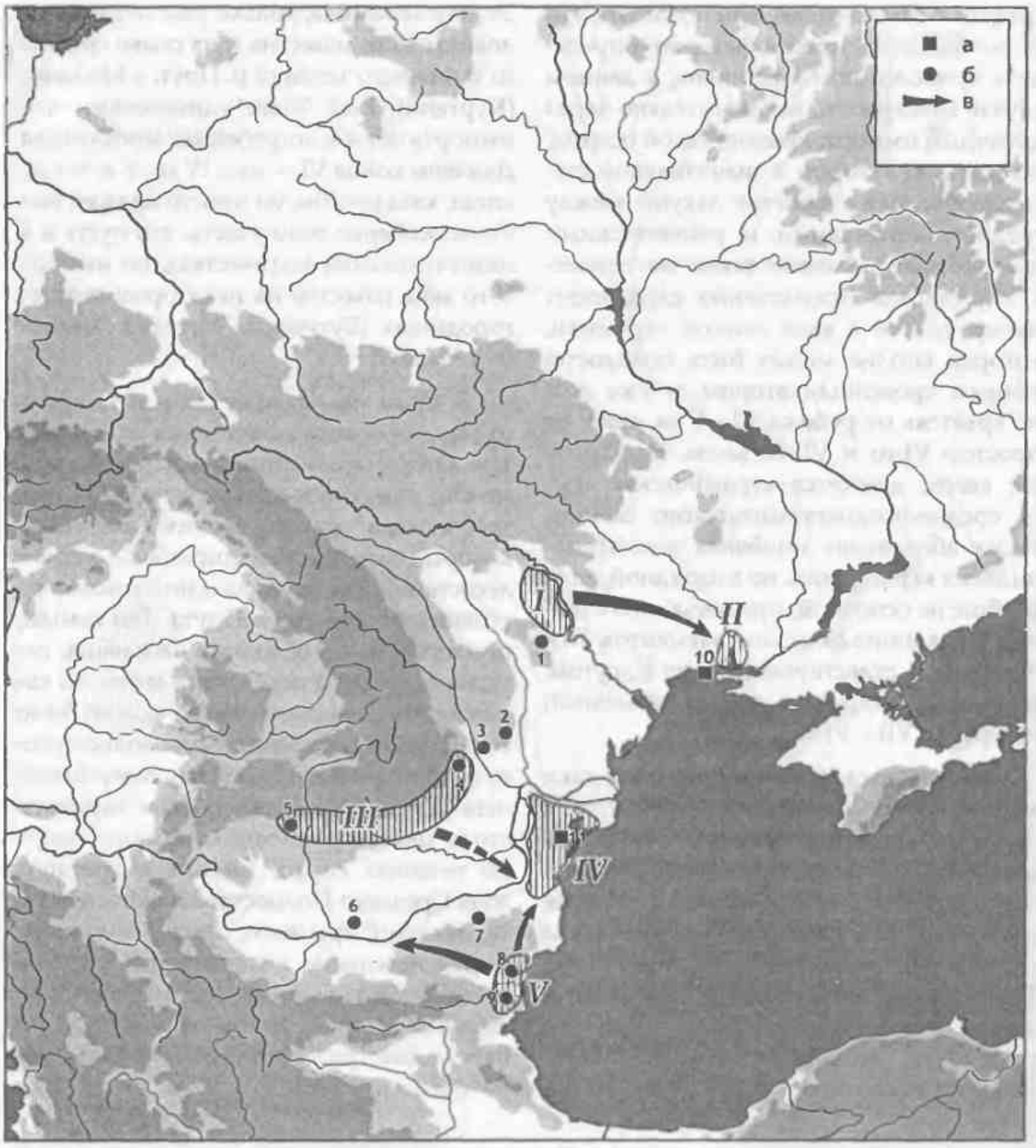


Рис. 57. **Формирование раннегетской культуры (вторая пол. VII — первая пол. VI вв. до Р. Х.)**

The forming of Early Getic culture (second half VII — first half VI cent.B.C.)

I —ареал памятников типа Шолдэнешти
II — ареал фракийской «диаспоры» в Нижнем Побужье
III — ареал памятников типа Фериджиле-Бырсешти
IV — область формирования раннегетской культуры
V — ареал памятников типа Добрина-Равна

а — античные центры
б — фракийские местонахождения
в — вероятные пути перемещения фракийского населения

1 — Селиште; *2* — Куртени; *3* — Реча, Бэрбоаса; *4* — Бырсешти; *5* — Фериджиле; *6* — Александрия; *7* — Проф. Златарски; *8* — Равна; *9* — Добрина; *10* — Березань; *11* — Истрия.

в отличие от северной (основного ареала западноподольской группы), нет и сероглиняной гончарной керамики. Правда, 2 определённо ранних черпака происходят из поселения Калфа (Рис. 55). Однако, во-первых, это уже степная область Поднестровья (Рис. 56/12), а во-вторых, до сих пор неизвестны ни условия находки этих сосудов, ни прочий синхронный материал поселения Калфа.

Возможно, ранние контакты эллинов с населением Среднего Поднестровья были весьма кратковременными или вообще эпизодическими. Возможно, они были опосредованными.[72] А может быть, население южной зоны по каким-то причинам не считалось выгодным торговым партнером, либо наоборот, само не желало пользоваться благами античной цивилизации.

Как бы там ни было, однако, подтвердить наличие в южной зоне Среднего Поднестровья древностей VII—VI вв. до Р. Х. с помощью соответствующего античного импорта не удаётся из-за отсутствия такового. Нет в этом горизонте и других, некерамических хроноиндикаторов раннескифского или фракийского (к примеру, южнокарпатского) облика. Что же в таком случае, лежит в основе этого, хронологически не вполне привычного для Бессарабии пласта древностей, каким является горизонт второй пол. VII — VI вв. до Р. Х.?

В его основу положены две составляющие керамический комплекс. В кухонной керамике преобладают формы характерные для лесостепных памятников раннескифского времени, а в столовой — фракийские (Фериджиле [Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 125]). Уже неоднократно отмечалось, что консервативность фракийской лепной керамики (в основном это касается кухонной посуды), до сих пор, во всяком случае, не позволяла датировать конкретные типы в пределах одного-двух столетий.[73] И не случайно, едва ли не все группы фракийского гальштата идентифицируются исключительно на основе столовой лощёной посуды. При этом, немаловажным условием является наличие на керамике этих групп какой-нибудь разновидности орнамента. Весьма желательно к тому же, чтобы орнамент этот был резным (прочерченным), либо штампованным.[74] Однако, начиная со второй половины VII в., ни в одной фракийской группе отыскать подобную керамику уже невозможно. Определённое исключение составляет своеобразный пластический (фигурный) орнамент на столовой посуде типа Фериджиле–Бырсешти.

---

[72] Тогда, это противоречит заявленной выше гипотезе распространения технологии СГК.

[73] Фактически, это признают и авторы монографии когда замечают, что из четырёх выделенных ими типов кухонной позднегальштатской (=раннегетской) керамики, два «...имеют общегальштатский характер и являются сквозными типами от раннего до позднего гальштата». Третий тип характерен для раннескифских лесостепных памятников, а четвёртый, в равной степени может быть отнесен как к гальштатским, так и к раннескифским (лесостепным) формам (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 123, 125; Kaşuba, Haheu, Levitki 2000: 107—108).

[74] Несоблюдение всех этих условий, плюс отсутствие иных культурно-хронологических индикаторов, может создать тупиковую, или близкую к ней ситуацию, при определении места той или иной группы в системе древностей фракийского гальштата. Наиболее ярким примером здесь является проблема горизонта Бабадаг-III, право на существование которого до сих пор не получило всеобщего признания по той простой причине, что столовая керамика этой группы не имеет резной, либо штампованной орнаментации.

Пластический орнамент (в особенности каннелюры) часто также ничего не даёт в плане относительной хронологии отдельных сосудов. Показательны в этом отношении, миски с каннелированным краем. Их типологический ряд весьма слабо варьирует на протяжении всей гальштатской эпохи, и какой-нибудь отдельно взятый сосуд (не говоря уже о фрагментах) вполне привычно выглядел бы как в ранне-, так и в среднегальштатском контекстах.

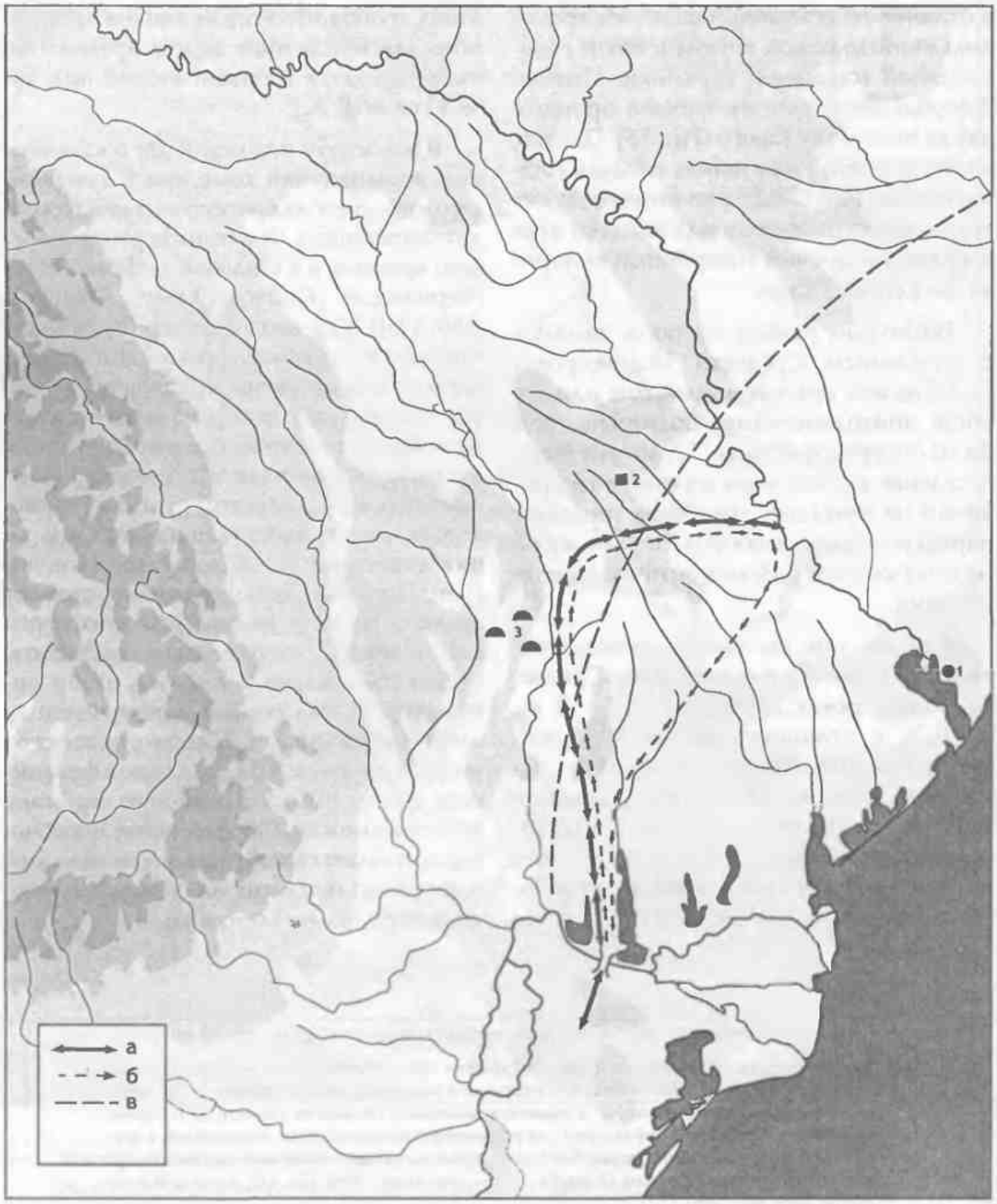


Рис. 58. **Вариант географической реконструкции скифской кампании Дария I**

Geographical reconstruction scythian campaign of Darius I

а — маршрут движения персов
the routes of Persians

б — маршрут движения скифов
the routes of Scythians

в — граница степи и лесостепи
steppe and forest-steppe boundary

1 — Никоний; *2* — могильник Данчены; *3* — скифские погребения второй пол.VI — нач. V вв. до Р. Х. в районе гг. Васлуй и Хушь.

Между тем, в керамическом комплексе «раннегетского» горизонта южной зоны Среднего Днестра есть одна особенность, которая может иметь существенное значение при определении относительной хронологии этой группы. Речь идёт как раз о каннелированном орнаменте, а вернее — об его отсутствии здесь. В ряде работ я уже приводил аргументы в защиту мнения о том, что применение каннелюр в орнаментации столовой керамики различных групп Карпато-Подунавья и смежных областей, в целом, можно ограничить VII в. или, в крайнем случае, ещё какой-то частью VI в. до Р. Х. (Brujako, Novițki: 1997: 124; Бруяко, Ярошевич 2001: 42—43). Так, в могильнике Фериджиле, который по мысли авторов мог быть одним из источников, сформировавших комплекс столовой керамики южной зоны Среднего Днестра, каннелированная керамика происходит главным образом из южной части могильника (Фериджиле-Юг), которая датируется второй пол. VII в. Следующий вывод напрашивается как бы сам собой. Отсутствие каннелюр на столовой посуде Поднестровья говорит не в пользу присутствия фракийского компонента в южной группе ещё в VII в. до Р. Х.

Если мы посмотрим на интересующую нас керамику из Глинжен — памятника, который дает наиболее репрезентативную выборку VII—VI вв. — то мы увидим, что здесь среди кухонной керамики заметно преобладают лесостепные (западноподольские) формы (Гольцева, Кашуба 1995: табл. LXXVII—LXXXVI). Это слабопрофилированные, вытянутых пропорций горшки, с валиками и, почти непременными, сквозными и несквозными проколами. Правда, среди столовой керамики есть несколько форм, которые можно соотнести с посудой типа Фериджиле-Бырсешти. Самой вероятной такой аналогией являются чаши-миски с сильно загнутым вовнутрь бортиком-краем (Гольцева, Кашуба 1995: табл. LXXXV/5; ср. [Vulpe 1967: pl. I/1]). Эту, может быть, и не очень убедительную параллель, возможно и следовало бы считать однопорядковым явлением с тем влиянием из Южного Прикарпатья, которое ощущается в керамическом комплексе Немировского городища (Смирнова 1999: 243), а также в западноподольской группе раннего этапа (Круглик, Перебыковцы), если бы не отмеченное только что обстоятельство — полное отсутствие каннелюров на керамике из Среднего Поднестровья. Причём, не только в южной зоне, выделенной авторами, но и в расположенном севернее основном ареале западноподольской группы (исключение — Круглик).[75]

Ещё одна область, на которую можно спроецировать среднеднестровский керамический комплекс, отличается исключительной надёжностью абсолютных датировок, и к тому же, наличием фракийской керамики интересующего нас периода — второй пол. VII — VI вв. до Р. Х. Это — Нижнее Побужье.

Сразу же замечу, что комплекс кухонной керамики из Березани и архаической Ольвии составляют гораздо более типичные фракийские формы, чем это можно видеть в предлагаемой нам зоне формирования раннегетской культуры на Среднем Днестре. Что касается столовой посуды, то едва ли не единственный, явный случай совпадения между молдавской и нижнебугской коллекциями — миски с внутренними несквозными проколами. Излишне напоминать, что этот тип не считается «фракийским», а является характерным для керамики раннескифского

[75] Как известно, комплекс столовой керамики Немировского городища раннескифского времени характеризуется изобилием форм с пластической, но не с каннелированной (хотя, она также отмечена), а с накладной орнаментацией (Смирнова 1998: рис. 5, 7, 11—13 и сл.).

времени лесостепной Украины. В остальном, нижнебутский комплекс отличается, опять-таки, наличием форм с каннелированным орнаментом (миски, черпаки). Некоторые из мисок имеют настолько явные аналогии в Южном Прикарпатье (Фериджиле [Марченко 1988: рис. 28/5—6]), что впору видеть в этом населении одно из слагаемых фракийской «диаспоры» в Нижнем Побужье. Тем более, что совпадения на этом не ограничиваются. Миски с прямыми, расширяющимися от дна стенками и массивными упорами под краем (Марченко 1988: рис. 28/10), помимо Фериджиле, имеют параллели и в Равне (Vulpe 1967: pl. II/1, 3; Мирчев 1962: табл. XIX/3, XX/1). Ничего подобного на Среднем Днестре нет.

Возвращаясь к проблеме раннегетской культуры в южной зоне Среднего Днестра нужно сказать, что в том наборе керамики, который предлагается в качестве архетипа для будущей гетской культуры, я не вижу фракоидных форм, которые более или менее чётко соответствовали бы предложенным хронологическим рамкам VII—VI вв.

В первую очередь, это касается столовой керамики, которая для VII века имеет несколько характерных и довольно хорошо отличаемых типов. Отдельные исключения уже были оговорены. В остальном, приведённые формы либо не являются типично или исключительно фракийскими, либо датировка, на этот раз уже типично фракийских форм, весьма расплывчата и отдельный сосуд может датироваться как VII—VI (или даже IX—VIII — кухонная керамика), так и V—IV вв. до Р. Х. Единственным надёжным, и подчеркну, массовым индикатором заявленного авторами интервала VII—VI вв., являются фрагменты кухонной керамики с проколами под венчиком. Отнести их к фракийским древностям не представляется возможным. Поэтому, видимо, всё же, есть больше оснований связывать появление т. н. «позднегальштатского» горизонта в южной зоне Среднего Днестра с расширением на юг ареала лесостепных памятников раннескифского времени (западноподольская группа).

Объяснить наличие здесь фракийских форм можно следующим образом. Во-первых, эти формы известны в керамическом комплексе западноподольской группы, где их появлению предшествует длительная предыстория чернолесско-сахарнянских и шолдэнештско-жаботинских контактов.[76] Во-вторых, не исключено, что в своем продвижении на юг во второй пол. VII в. лесостепное население могло застать (а, скорее всего, застало) ещё какие-то остатки населения среднегальштатского (шолдэнештского — Селиште) этапа.

Таким образом, явление, характеризуемое М. Т. Кашубой, В. П. Хахеу и О. Г. Левицким, как прелюдия к гетской культуре, на самом деле, видимо, являлось заключительным аккордом инерционной фазы развития культуры среднегальштатского населения Молдавии. Причём, если бы не отчётливая «визитная карточка» мигрантов из Западной Подолии в виде кухонной керамики то, возможно, мы и не смогли бы распознать в этих робких фракийских включениях осколки некогда узнаваемого с первого взгляда, яркого, самобытного комплекса эпохи среднего гальштата.

Теоретически, конечно нельзя исключать того, что отмеченная группа древностей на хронологической шкале, каким-то тонким штрихом или даже пунктиром смыкается с горизонтом Данчены-Пыр-

[76] Проанализировав комплекс лепной керамики из позднеархаического поселения Старая Богдановка, К. К. Марченко и Я. В. Доманский также полагают, что фракоидные формы (в частности, банки) могли попасть в низовья Южного Бута из районов лесостепи (Марченко, Доманский 1999: 48).

жолтены–Олонешты (Ткачук 1999: 284). Но такая преемственность будет скорее преемственностью по территориально-хронологическому признаку, да и то, если подтвердиться реконструированный выше выход Данченского могильника в первую половину VI в. до Р. Х.

Во всяком случае, не на этой зыбкой почве дала всходы гетская культура.

Она формируется в Добрудже (Ткачук 1999: 286). Причём, не только в южной, болгарской, но и в северо-восточной, румынской её части. Скрытая событийность этого процесса, вероятно, занимала бульшую часть VI века. Тогда в «добруджанский котёл» на переплавку пошли рассеянные по всему Карпато-Днестровскому и нижнедунайскому регионам остатки среднегальштатской структуры, элементы отделившегося от него среднепозднегальштатского ствола в Южном и Юго-Восточном Прикарпатье (Ферид-жиле-Бырсешти), который, впрочем, сам «протянул» недолго (до начала V в.), да и то, скорее всего за счёт иллирийских «вливаний». Весь этот, технологически описанный, процесс происходил при непосредственном участии фракийцев Южной Добруджи. И, хотя, формирование болгарской группы во многом пока ещё загадочно, но её вклад в рецептуру раннегетской культуры, очевиден (Рис. 57).

Результатом последующей структуризации этой, креативно ориентированной массы и явилась весьма неуверенная, но все же очевидная инфильтрация ранних гетов в Бессарабию и Молдову во второй половине —конце VI в. до Р. Х. (Tkaciuc 1994: 228). Однако, вплоть до конца V века, мы не видим здесь какой-то монолитной фракийской (гетской) массы, цельность которой обычно только подчеркивают какие-либо инокультурные штрихи. Фрако-скифский (или гето-скифский) горизонт древностей — Данчены–Пыржолтены–Олонешты конца VI — V вв. до Р. Х. — отличается, по выражению М. Е. Ткачука, вызывающим разнообразием и типологической хаотичностью (Ткачук 1995: 13; 1999: 282). Подобное состояние как раз и характерно для ранней фазы любой культуры, «...когда происходит только становление той или иной традиции в борьбе с другими традициями...» (Ткачук 1996: 128).

Парадоксально, но приверженцы фракийского континуитета, и в частности те, кто склонен видеть очаг формирования раннегетской культуры в Карпато-Днестровских землях, почему-то не пользуются, а если и пользуются, то, довольно своеобразно, данными античной литературной традиции. Причины подобного «невнимательного» отношения к письменным источникам, к сожалению, достаточно очевидны. Дело в том, что эти источники, и в первую очередь Геродот, весьма красноречиво свидетельствуют против концепции континуитета. Геродот попросту не знает никаких гетов к северу от Истра (Herod. IV., 100).[77] Зато ему было извест-

[77] В разное время, это отмечали многие исследователи. Например, М. И. Артамонов, который писал, что античные письменные источники знают гетов к северу от Дуная только с IV в. (Артамонов 1974: 128). Настойчивые попытки М. Е. Ткачука обратить внимание на достаточно ясные и чёткие сведения, излагаемые Геродотом (Ткачук 1995: 17; 1998: 72—73; 1999: 276), в лагере автохтонистов-трансформистов совершенно игнорируются. Пожалуй, лишь И. Т. Никулицэ, по-видимому, для себя уже решил все эти противоречия. Так, в монографии 1987 года, он пишет, что античные авторы не знают гетов к северу от Дуная потому, что Днестро-Дунайское междуречье для них представлялось «беспредельной и безводной пустыней, за пределами которой из-за холодов никто не проживает» (Никулицэ 1987: 20). Комментарии излишни, поскольку эта, с большим трудом узнаваемая переиначенная цитата из Геродота, относится к области Среднего Подунавья и низовьев Тисы, когда «отец истории» говорит о локализации сигиннов (Herod. V., 9, 10). В монографии 1977 года, И. Т. Никулицэ высказывается по этому поводу чуть более пространно, но абсолютно в том же духе. Он сожалеет о нечётких и противоречивых локализациях у Геродота и Фукидида (Никулицэ 1977: 6).

но, что в последней четверти VI в. до Р. Х., во время скифского похода Дария I, геты обитают в Добрудже (Herod. IV., 97, 118). Представление древних о месте обитания гетов не меняется, по меньшей мере, до конца V века. Во всяком случае, Фукидид также помещает гетов в области между Истром и Понтом Эвксинским (Thuk. II., 96).

Просачивание гетов в Днестровско-Карпатские земли, начавшееся уже во второй половине — конце VI в., ещё не позволяло сформировать какие-то заметные очаги оседлости. Фракийские и скифские элементы в нарождающейся культурной традиции уравновешивают друг друга. Именно поэтому, античные авторы не знают гетов к северу от Дуная, а их информаторы — те же приольвийские скифы, к примеру, определённо отличали население, обитавшее в Днестровско-Прутском междуречье, от гетов Добруджи.

Читая далее Геродота, мы находим удивительно ясное изложение, когда историк пишет о том, что «Северные части Скифии, простирающиеся внутрь материка, вверх по Истру, граничат сначала с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами» (Herod. IV., 100). «Вверх по Истру, вглубь материка...» — отнюдь не означает направление в сторону Карпатской дуги и Трансильвании. Тем более, что следующими за агафирсами соседями скифов, названы невры, с которыми большинство исследователей связывает памятники милоградской культуры (северо-западные области Украины и юг Белоруссии). У Геродота речь идёт, по-видимому, о небольшом отрезке низовьев Дуная, от моря до слияния с рекой Прут, с которой и соотносится западная граница «скифского квадрата» (Пората-Прут). Анализ археологических памятников Днестровско-Пруто-Карпатского региона в сочетании с данными письменных источников оставляют мало сомнений в том что, по крайней мере западная часть этой области — запрутская Молдова — в VI в. до Р. Х. входила в ареал расселения агафирсов.[78] Во всяком случае, те немногочисленные, но достаточно яркие и, что немаловажно, однородные в целом погребальные памятники второй пол. VI — нач. V вв. из припрутских районов Молдовы (уезд Васлуй) весьма схожи с синхронными и более ранними погребениями из Трансильвании. Агафирсы Геродота, это трансильванская группа периода РСК. Хотя, во времена «отца истории» эта группа, как более или менее самобытный скифский анклав, утратив кочевнический лоск, фактически завершала своё существование.

Вероятнее всего, в VI в. до Р. Х. восточная граница области агафирсов проходила по Пруту. Примечательна в данном случае, относительная концентрация скифских погребений на правом берегу Прута в уезде Васлуй (Рис. 41). Предположительно, в этом районе находилось одно из мест переправы через Прут. Однако, объяснять такое сосредоточение только лишь этим обстоятельством будет не вполне правомерно, поскольку в отличие от нижнего течения Дуная, где район «треугольника» Орловка–Новосельское-Исакча был единственным местом, пригодным для переправы через реку, течение р. Прут имеет довольно много таких мест. Полагаю, что погребения скифов-агафирсов на территории нынешнего уезда Васлуй могут быть непосредственно связаны с событиями скифо-персидской войны. Известно, что скифы попытались

[78] М. И. Артамонов, локализуя по Геродоту основной район обитания агафирсов у истоков Муреша, отмечал: «...не исключено, что они же (агафирсы — *И.Б.*) обитали в лесостепном, восточном Прикарпатье» (Артамонов 1974: 128). Эта же мысль озвучена у него и далее (Там же, с. 131).

увлечь наступающую армию Дария в страну агафирсов (Herod. IV, 125). Те же, сосредоточив свои силы на границе со Скифией, пригрозили своим родственникам-иранцам открыть против них военные действия.

Следуя реалистичной оценке театра военных действий (т. н. «короткий маршрут», который, скорее всего, был ограничен территорией Бессарабии), картина персидского вторжения могла выглядеть следующим образом. Отступив от Дуная вглубь своей территории, скифы двигались далее на север Бессарабии, имея Прут по левую руку. Где-то на левом берегу реки (в районе Леова-Хынчешти), встретив решительный отпор со стороны агафирсов, скифы могли двинуться на восток до Днестра–Тираса (район столь же традиционной для древности и средневековья переправы у нынешнего г. Бендеры), а затем, спустившись вниз по течению реки, резко повернуть на юго-запад (Рис. 58). Обойдя, таким образом, преследовавших их персов, как и сообщает Геродот, скифы вернулись к переправе через Дунай, где и состоялись их переговоры с ионийцами Мильтиада, охранявшими мост. Тогда получается, что все остальные события происходили где-то в центральной части Буджакской степи — «гетской пустыне» Страбона.[79]

Но вернёмся непосредственно к археологии. На фоне относительно однообразной группы скифских погребений в Молдове, синхронные памятники Бессарабии отличаются просто-таки ярмарочной пестротой. Наибольшее сходство с запрутскими памятниками обнаруживает «воинская» группа погребений. «Всадническая» группа — явление сугубо северопричерноморское. К тому же, она относительно поздняя среди скифских древностей VI—V вв. до Р. Х. Обряд кремации в подкурганных захоронениях со скифо-античным инвентарем (Коржево, Дубоссары, Чауш) часто используют как показатель фракийской подосновы этой группы. Несколько слов по этому поводу.

Вероятно, уже давно настало время отказаться от устаревшей, стереотипной посылки, согласно которой обряд кремации непременно означает присутствие фракийцев где бы то ни было (в Причерноморье, во всяком случае). Такая прямолинейность — объективный удел новичков, только знакомящихся со скифо-фракийской проблематикой. Безусловно, обряд кремации — типично фракийское явление. Таковым оно и будет выглядеть в инокультурной среде, для которой сожжение трупа представлялось совершенно уникальным обрядом. Лесостепной ареал раннескифских древностей к такой среде не относится, поскольку полные и частичные сожжения, в том числе и непосредственно в могильной яме, известны здесь и в ранне —и в среднескифское время (Ковпаненко,, Бессонова, Скорый 1989: 34, 39). Более широко такой же обряд практиковался скифским населением Северного Кавказа (Нартан, Гойты [Махортых 1991: 39—40]).

Видимо, кремацию в группе Коржово–Дубоссары–Чауш нельзя считать исключительно фракийским компонентом. А, кроме того, этот один, хотя без сомнения важный и яркий элемент обряда, совершенно тускнеет на фоне остальных, «скифских» компонентов, составляющих обряд погребения этих памятников (ин-

[79] По приблизительным расчётам, персы преследуя скифов, могли достичь широты г. Хушь примерно за 10 дней (Рис. 58). Ещё столько же могло понадобиться им для преодоления расстояния между Прутом и Днестром. А отсюда (район Бендер) даже по прямой, достигнуть орловской переправы персидская армия могла не менее, чем за 20 дней. Однако, согласно Геродоту, персы возвращались к Дунаю «...держась ранее проложенных ими троп» (Herod. IV., 140). Таким образом, лимит в 60 дней, который отводил Дарий для всей кампании, оказывается практически исчерпанным.

вентарь, конструкция могилы и надмогильные сооружения). Не исключено, что памятники типа Коржово–Дубоссары–Чауш были оставлены скифской группой, практиковавшей обряд кремации независимо от фракийцев. Возможно, это группа скифов Среднего Поднепровья, продвинувшаяся на юго-запад по границе степи и лесостепи.[80]

Наконец, горизонт Пыржолтены–Данчены–Олонешты — сверхоригинальный сюжет в этнокультурной картине Бессарабии VI—V вв. до Р. Х. Оказавшись в зоне сильнейшего демографического запустения, памятники этого типа вобрали в себя едва ли не весь спектр разнокультурных соседних территорий, население которых таким образом, не осталось в стороне от создания предварительного эскиза будущей новой культурной области.[81]

Структура максимально открыта для любых, самых неожиданных, «ненужных» или даже опасных для классической фазы развития культур заимствований. Принимаются любые предложения. По-новому комбинируются самые различные, часто совершенно необъяснимые сочетания, словом, идёт постоянное экспериментирование или выбор концепции становления. Причём, необходимо подчеркнуть, что всю эту пестроту и многообразие мы наблюдаем на примере буквально считанных памятников, каждый из которых сам по себе — явление.

3.2.4. Фракийцы и античные колонии Северо-Западного Причерноморья

В судьбе фракийского населения Понтийско-Карпатского региона в «тёмный» период его истории, как оказалось, весьма заметную роль сыграли колонизационные анклавы Северо-Западного Причерноморья. О Северо-Восточной Добрудже и её античном центре — Истрии, мы уже говорили. Однако, есть ещё две зоны компактного расселения ранних греческих колонистов, в которых материальная культура постоянно, хотя и с разной степенью интенсивности, оттенялась фракийским колоритом. Речь идёт о Нижнем Побужье и Нижнем Поднестровье.

Фракийские элементы в этих двух областях в эпоху архаики обычно воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Для археологов-античников такая позиция вообщем-то вполне понятна, ибо для них фракийский компонент — всего лишь одно из слагаемых Барбарикума, которое достаточно органично вписалось в тот культурный феномен, который мы называем «античной цивилизацией Северного Причерноморья». Проблема в данном случае сводится к тому, чтобы определить, откуда и каким образом фракийцы во второй половине VII — VI вв. до Р. Х. попали в районы колонизации на Нижнем Буге и Днестре.

Что же касается фракологов и, в первую очередь, представителей их мол-

[80] Интересны данные, полученные С. С. Бессоновой при анализе старых материалов из раскопок С. С. Гамченко и В. Б. Антоновича на юге Подольской возвышенности (среднебугская группа). Здесь также представлен обряд кремации в скифских погребениях. Правда, они датируются несколько более поздним временем — вторая пол. — конец V—IV вв. до Р. Х. (Бессонова 1994: 7).

[81] Среди предметов вооружения памятников типа Пыржолтены–Данчены–Олонешты, безусловное первенство принадлежит скифскому арсеналу, хотя мечи из Пыржолтен и Олонешт имеют и явно фракийские конструктивные элементы. При очевидном преобладании фракийской керамики, присутствуют и лесостепные формы (Данчены). Все эти три культурных компонента представлены и непосредственно в погребальном обряде: конструкция погребений, трупосожжения (в урне и на месте) и трупоположения (в т. ч. коллективное), подбойные захоронения.

давского крыла, то они почему-то мало обращают внимания на тот яркий и представительный набор фракийской керамики, который во всем своём великолепии присутствует на Березани и в Ольвии. Причём, именно в то время, когда в Молдавии, этой исконно фракийской области, приходится буквально по крупицам собирать осколки материальной культуры этого этноса и проявлять чудеса изобретательности, доказывая что и в VI в. до Р. Х. фракийское население здесь всё же присутствовало и обеспечило археологически зримый переход от древностей эпохи среднего гальштата через раннегетскую культуру к классическим гетам.

Итак, фракийская керамика на Березани фиксируется уже в самых ранних слоях в сопровождении античного импорта второй пол. VII в. до Р. Х. Излишне говорить о том, что в степной зоне Северо-Западного Причерноморья доколонизационной эпохи какие-либо очаги оседлости фракийцев неизвестны. Таким образом, объясняя присутствие фракийской лепной керамики в Нижнем Побужье, необходимо обратить внимание на ближайшие, традиционные области обитания фракийцев. Таковыми, как мы знаем, являются лесостепная Бессарабия и Северо-Восточная Добруджа. Тем самым, предполагается перемещение в низовья Южного Бута какой-то части фракийского населения.[82]

Хронологическая динамика интересующей нас керамики на античных памятниках Нижнего Побужья была детально отслежена К. К. Марченко. При этом, обнаружилось весьма любопытное обстоятельство. Фракийская посуда, весьма равномерно представленная в архаических и раннеэллинистических слоях, совершенно отсутствует в классических (V — первая пол. IV вв. до Р. Х. [Марченко 1988: 126]). Факт действительно любопытный, поскольку в Нижнем Поднестровье, где, как известно, первые колонии появляются во второй половине VI века, фракийская лепная керамика неизменно присутствует как в позднеархаических слоях, так и в слоях классического и раннеэллинистического времени.

Объясняя появление фракийских элементов в Нижнем Побужье, К. К. Марченко рассматривает два не исключающих друг друга варианта. Первый — самостоятельный, независимый от эллинского фактора. Второй — сопутствующий межполисным контактам (к примеру, Истрия–Ольвия [Марченко 1988: 114—115]). Дискретность хронологического ряда фракийской лепной керамики в Побужье, как будто бы, свидетельствует в пользу первого варианта. В самом деле,

[82] Говоря о наличии фракийских элементов (керамики) в Нижнем Побужье в архаическую эпоху, не следует забывать и о том, что какая-то часть этой «фракийской» лепной керамики, строго говоря, таковой не является. Точнее, её появление здесь могло быть и не связано с традиционными районами обитания фракийцев (Бессарабия, Добруджа, Прикарпатье). Передача этих форм в районы Нижнего Побужья могла происходить при участии населения раннескифской лесостепи, керамический комплекс которого был достаточно насыщен фракоидными типами ещё с эпохи чернолесской культуры. Причём, почти очевидно, что обитатели лесостепи были знакомы с приморскими землями ещё в доколонизационный период (Бруяко 1999а: 13).

Недавно Ю. В. Болтрик высказал весьма интересную мысль, которая предельно конкретизирует интерес чернолесско-жаботинского населения в приморских районах. Это осадочная соль, пласты которой залегают на дне некоторых черноморских лиманов (Куяльницкий, Хаджибейский, Бутский [Болтрик 2000: 124]). Напомню в этой связи, что соляные промыслы в европейском позднем бронзовом и раннем железном веке составляли одну из наиболее рентабельных отраслей экономики (Гальштат). Так, Л. И. Крушельницкая полагает, что одной из причин появления голиградского населения у северного подножия Карпат были именно соляные месторождения (Крушельницька 1985: 49; Крушельницкая 1987: 88—90).

что мешало перемещениям фракийцев вместе с эллинскими судами в V в., тем более, что в отличие, скажем, от VI-го и, уж конечно, второй пол. VII вв., контакты между городами Северного и Западного Понта, по-видимому, уже выглядели совершенно буднично. Не могла повлиять на этот путь и резко возросшая к концу VI в. до Р. Х. активность скифов, обусловленная появлением новой волны номадов (ССК). Именно она, по мнению К. К. Марченко, пресекла приток фракийского населения в Побужье (Марченко 1988: 133). Здесь возникает первое, пока ещё не вполне очевидное противоречие. Ознакомившись с демографической ситуацией в Днестровско-Прутском междуречье VI в. до Р. Х., мы вправе сомневаться в причастности скифов к нарушению контактов между фракийской «диаспорой» в Побужье и районами Бессарабии, которые обезлюдели настолько, что во второй пол. VI — нач. V вв. явно не могли выполнять роль источника пополнения фракийского населения в округе Ольвии.

Фракийская лепная керамика в Побужье исчезает к началу V в. В тоже время в Поднестровье (Никоний), опять-таки, судя по лепной керамике, приток фракийского населения, по-видимому, носил регулярный характер. Лесостепная Молдавия, которой и я раньше отводил роль главного источника проникновения фракийского населения в низовья Днестра (Бруяко 1993: 69—70; Бруяко, Суничук 1987: 133—134), сейчас уже в этом качестве для VI—V вв., выглядит совершенно неубедительно. Всё больше оснований соглашаться с А. И. Мелюковой, которая предполагала, что фракийцы попадали на Нижний Днестр вместе с греческими колонистами (Мелюкова 1979: 162).

В таком случае, многое объясняет всё более утверждающийся в литературе статус Никония, как апойкии Истрии. Вывод этой колонии в низовья Днестра обозначает расширение сферы влияния Истрии в северо-восточном направлении и, одновременно, ограничивает район расселения фракийского окружения Истрии, исключив из этого числа область Нижнего Побужья, где складывается совершенно самостоятельная и автономная полисная структура (Березань–Ольвия). Эта модель фракийской «экспансии» могла практиковаться, лишь начиная с позднеархаического периода. Причём, на раннем этапе существования Никония (вторая пол. VI в.) Нижнее Побужье какое-то время ещё продолжало рассматриваться как равноценное место расселения фракийцев Добруджи. Интенсивное освоение сельской округи Ольвии в последней трети VI в. до Р. Х. происходит при активном участии фракийского населения. Однако, большой процент и репрезентативность форм фракийской лепной керамики на позднеархаических поселениях вряд ли можно объяснить скрытым потенциалом той самой группы среднегальштатского населения, которая переселилась в Побужье из лесостепной Молдавии во второй пол. VII в. Эта первая волна фракийской эмиграции, в новом для себя регионе Нижнего Побужья сумела более или менее консолидированно продержаться приблизительно 100 лет.

Таким образом, этапы и динамика формирования фракийской «диаспоры» в колонизационных анклавах Побужья и Поднестровья видятся следующим образом (Рис. 57). Середина VII — нач. VI вв. — основание в низовьях Березанского и Бутского лиманов первых греческих колоний, куда переселяется какая-то часть позднешолдэнештского населения Днестровско-Прутского междуречья. Каннелированная столовая керамика из ранних слоев Березанского поселения вполне соответствует такому варианту развития событий. Связи с исходной областью движения этой группы фракийцев, прекратились, по-видимому, уже в начале VI века, поскольку эта эмиграция была частью процесса полного рассеивания остатков культуры эпохи среднего гальштата в Бессарабии, завершившегося к VI в. до Р. Х.

Новая волна фракийских переселенцев в Нижнем Побужье соответствует началу широкого освоения здесь сельской округи во второй пол. VI в. Теперь эпицентр этой волны — Добруджа.

В 1988 году К. К. Марченко и С. Л. Соловьёв опубликовали заметку, посвящённую одной группе лепной керамики из Нижнего Побужья. Характерной чертой этой кухонной керамики являются достаточно замысловатые (параллельно-перпендикулярно-диагональные) композиции пластического орнамента из налепных валиков с пальцевыми вдавлениями (Марченко, Соловйов 1988: 56—59). Авторы отметили два обстоятельства. Первое — достаточно большое количество такой керамики в Нижнем Побужье, в том числе и на сельских поселениях позднеархаического периода. Второе — подобная керамика, во фракийском происхождении которой К. К. Марченко и С. Л. Соловьёв совершенно не сомневались, весьма слабо представлена в синхронных памятниках фракийского ареала. По сути, на момент публикации заметки речь могла идти лишь о поселении Тариверде (Berciu, Preda 1961: fig. 3/8).[83] Отметив, совершенно справедливо, что Нижнее Побужье вряд ли являлось первичным ареалом такой керамики, авторы выразили надежду на скорое открытие или публикацию материалов старых раскопок памятников Карпато-Подунавья с подобной посудой, датировка которых соответствовала бы позднеархаическим слоям поселений Нижнего Побужья.

В упомянутой работе верно замечено, что подобное оформление крупных кухонных сосудов (корчаг — по терминологии авторов) было характерным для фракийского керамического комплекса, начиная ещё от конца II тыс. до Р. Х. Наиболее массовое употребление кухонных корчаг (или, точнее — «зерновиков») со сложной валиковой орнаментацией в Северо-Восточной Добрудже относится к этапу Бабадаг–III — Басараби (Рашова, Сату Ноу [Irimia 1974: 111, fig. 11/3; 25; Irimia, Conovici 1993: 81, 83, fig. 12/11]). К этому же культурно-хронологическому горизонту принадлежат фрагменты аналогичных сосудов из Южной Молдовы (Жудилени-Фрумушица [Brudiu 1991: fig. 8]). Интересно, что в Рашова фрагменты кухонной керамики с подобной орнаментацией встречаются и в слое 2-й эпохи железного века (по терминологии румынских исследователей), который перекрывает первый, гальштатский горизонт, и датируется М. Иримией V—IV вв. до Р. Х. (Irimia 1974:126, 129, fig. 27/5—6).

Таким образом, традиции изготовления интересующей нас керамики в Карпато-Дунайском регионе для эпохи позднего гальштата прослеживаются не столь отчётливо, как того хотелось бы. Тем не менее, её фракийский облик вполне очевиден, а достаточно неожиданное распространение «многоваликовых» кухонных корчаг в Нижнем Побужье второй пол. VI в. до Р. Х. следует всё же связывать с новой волной фракийских переселенцев, первоначальной областью обитания которых была Северо-Восточная Добруджа.

[83] Аналогичная керамика была известна на то время и в Истрии. Однако, не вполне ясно из какого слоя она происходит (Dimitriu 1966: pl. 49, №860). С. Димитриу в качестве аналогии приводит большой обломок кухонной корчаги из Голеркан, который А. И. Мелюкова поместила среди гетских форм IV—III вв. до Р. Х. (Мелюкова 1958: рис. 30/27). На мой взгляд, голерканский фрагмент относится к значительно более раннему времени, возможно, ещё к эпохе раннего гальштата. Его орнаментальная схема характерна для кухонной керамики фракийских групп Восточной Болгарии (Чаталка, Сава — XI — X/IX вв. до Р. Х. [Hänsel 1976: 216, taf. 23/4; 29/7]), а также для керамики фракийских памятников левобережья Нижнего Дуная (Новосельское, Орловка) периода $Ha B_2 - B_3$ (Brujako, Noviţki 1997: fig. 16/2—3; Бруяко, Ярошевич 2001: рис. 22/1; 31/5; Vančugov şi col. 1999: fig. 35/5). В тоже время, для классической гетской керамики такие орнаментальные композиции нетипичны.

Возможно, этим событиям предшествовал период, когда Истрия имела совершенно определенные «виды» на нижнебугский регион. Однако, где-то с середины VI в. становится очевидным, что потенциал «ольвийско-березанской компании» более чем достаточен для самостоятельного освоения сельскохозяйственной округи. Последним усилием Истрии, возможно, и была та самая волна переселенцев, с которой связывается распространение фракийской керамики на возникших в третьей четверти VI в. сельских поселениях Нижнего Побужья (Куцуруб–I, Большая Черноморка–II), а также в соответствующих слоях Березани и Ольвии (Марченко, Доманский 1999: 69).

Вынужденная уйти из Нижнего Побужья и имея надежный форпост в Нижнем Поднестровье, Истрия попыталась закрепиться на берегах нынешнего Одесского залива. Поселение на Приморском бульваре в Одессе, видимо, следует считать самым дальним, северо-восточным пунктом экспансии Истрии. Несмотря на ограниченные раскопки этого поселения, материалы открытого А. О. Добролюбским позднеархаического слоя не противоречат этому предположению. Визуальное сходство сероглиняной гончарной керамики, а также находка клада(?) монет-«колесиков», как-будто бы, подтверждают достаточно тесные связи обитателей этого поселения с Истрией (Добролюбский 1999: 249—250; Красножон 1997: 161 и сл.).[84]

Итак, можно думать, что со второй пол. VI в. до Р. Х. северо-восточная граница сферы влияния истрийского полиса стабилизируется на левом берегу Нижнего Днестра, куда с этой целью и выводится апойкия, получившая название Никоний. Соответственно, здесь же формируется и зона хозяйственно-экономической экспансии Истрии, куда теперь вкладываются ресурсы полиса, в том числе и демографические. В последнем случае, возможно, имела место целенаправленная политика расселения обитателей истрийской округи — своеобразный вариант афинской политики клерухий в эпоху пентеконтаэтии.[85]

Таким образом, исчезновение фракийской лепной керамики в Нижнем Побужье в раннеклассическую эпоху, вероятно, объясняется тем, что фракийская «диаспора» здесь была изолирована от своей метрополии и в V в. до Р. Х. полностью растворилась в эллино-скифском окружении. Новое появление фракийского населения в регионе фиксируется не ранее IV-го или даже середины IV в. до Р. Х. (по К. К. Марченко). Истоки этой волны переселенцев теперь уже, наверня-

[84] В целом же, археологический материал из поселения на Приморском бульваре (черно-фигурная и ионийская керамика, обломки амфорной тары) вполне определённо указывают на нижнюю дату этого поселения, которое А. О. Добролюбский не без оснований считает Гаванью Истриан — последняя четверть VI в. до Р. Х. Вряд ли, однако, речь может идти о существовании на месте Одессы в конце VI - нач.V вв. какого-то крупного античного центра (города), как это предполагает автор раскопок. По моим представлениям, этот пункт мало чем отличался от многочисленных поселений Нижнего Побужья и Поднестровья позднеархаического времени. Важно выяснить, насколько очевиден статус поселения на Приморском бульваре, как апойкии Истрии, поскольку в конце V — IV вв. до Р. Х. побережье Одесского залива, по всей вероятности, входило уже в зону влияния Ольвийского полиса (Приморский бульвар, Жевахова Гора, Лузановка [Диамант 1984: 87]). Тогда мы можем столкнуться с неизвестным до сих пор эпизодом противостояния двух крупнейших полисов Северо-Западного Понта, в основе которого лежал раздел зон хозяйственной экспансии.

[85] Возвращаясь к разговору о «многоваликовой» кухонной керамике отмечу, что она весьма редко, но все же встречается и в Нижнем Поднестровье на поселениях позднеархаического периода (Надлиманское–III [Охотников 1990: рис. 15/3, 5] и в Никонии [Бруяко 1993: рис. 3/6]).

ка, следует искать в ареале гетской культуры Пруто-Днестровского междуречья конца V — IV вв. до Р. Х.

Если предположить, что дискретность фракийской традиции в Нижнем Побужье — это результат агрессивного поведения новой волны номадов во второй половине (конце) VI в., то тогда необходимо объяснить, почему эта агрессивность распространялась лишь на фракийский анклав Нижнего Побужья, тогда как в Никонии, позднеархаическая округа которого действительно исчезает синхронно с ольвийской, типологический ряд фракийской лепной керамики развивается непрерывно вплоть до гибели города в середине III в. до Р. Х.

Мне кажется, что, начиная с VI века приток фракийского населения в Побужье и Поднестровье регулировался, в основном процессами внутриполисного характера (Истрия), а также межполисными отношениями.[86] Кочевники при этом, вряд ли играли какую-то роль, если думать, что именно они, вклинившись в степную зону вплоть до низовьев Дуная, перекрыли коммуникации, связывавшие понтийское побережье с лесостепной Бессарабией. Как уже отмечалось, демографическая ситуация в Пруто-Днестровском междуречье VI в. до Р. Х. не позволяет рассматривать эту территорию как потенциальный источник пополнения фракийской «диаспоры» в низовьях Южного Бута и Днестра.

Подводя некоторые итоги по данной главе, отмечу следующие основные моменты. Состав участников культурного диалога в Понтийско-Карпатских землях VII—VI в. до Р. Х. представлен тремя главными действующими лицами — скифами-кочевниками, фракийцами и эллинами. Исторически сложилось так, что все они оказались втянутыми в этот диалог надолго. Отныне, эти три этнокультурных фактора будут определять историко-археологическое своеобразие региона на протяжении столетий, вплоть до III в. до Р. Х.

Помимо главных участников исторической драмы VII—VI вв., установлены и два эпизодических лица — иллирийцы и, вероятно, оседло-земледельческое население украинско-молдавской лесостепи. Их роль проявилась с разной степенью отчётливости, и в разных областях региона. Орда кочевников эпохи РСК, к середине VII века достигнув Восточного Прикарпатья, по всей вероятности распалась на несколько групп. Одна из них, оказавшаяся, в конечном счете, в Северо-Восточной Добрудже, в своём продвижении на юг могла поднять и увлечь за собой какую-то часть оседло-земледельческого населения Среднего Поднестровья. Именно эти, в какой-то степени случайные попутчики номадов и привнесли в культурную среду Добруджи некоторые хозяйственно-бытовые элементы (керамика, конструкция жилищ), которые для этого фракийского ареала не являлись характерными.

Несмотря на то, что у нас нет данных свидетельствующих о непосредственных контактах иллирийцев с перечисленными только что главными действующими лицами (за исключением, разумеется, фракийцев), западнобалканский фактор определённо присутствовал в процессе культурогенеза в Карпато-Подунавье на рубеже среднего и позднего гальштата. И, вероятно, именно этот фактор, наряду с восточным (скифским) сыграл свою роль в процессе трансформации фракийских древностей. Механизм последней, я попытался раскрыть, обозначив, прежде

[86] Возможно, в будущем окажется, что наряду с Истрией в процессе расселения фракийцев в Нижнем Побужье принимали участие и другие античные центры Западного Понта. К примеру, города болгарского побережья, Одессос или Аполлония. Пока что такая вероятность, если судить по археологическим материалам, весьма и весьма призрачна.

всего, его дискретность. Гальштатские традиции, угаснув как самостоятельный творческий фактор, тем не менее, в рассеянном, дисперсном виде внесли свой вклад в формирование раннегетской культуры, ареалом формирования которой следует считать область Добруджи в VI в. до Р. Х.

Не вызывает сомнений и наличие очага РСК в северо-восточной части Добруджи. Хотя его значение для скифской истории, вероятно, не следует преувеличивать. По моим представлениям, этот анклав — явление одного порядка с двумя другими, существование которых для этого же времени фиксируется в Трансильвании и Алфёльде. О них мы поговорим в следующей главе. Исторические судьбы этих очагов, оказавшихся в относительной изоляции от основного ареала скифской культуры, весьма схожи.[87] Войдя в качестве весьма яркого явления каждый в свою, местную культурную среду, эти кочевые группы, спустя 100—150 лет, практически совершенно растворились в ней.[88]

Наконец, эллины изначально преследуя свои, до конца только им известные цели, и, вероятно плохо представляя себе, в каком окружении они окажутся, практически «с ходу» включились в систему кросскультурного диалога варварской периферии, лишний раз продемонстрировав исключительную политическую и социально-экономическую пластичность античной цивилизации.

[87] Об обособленности скифского очага в Северной Добрудже говорит и А. И. Мелюкова (2001: 30).

[88] Не исключено, что какие-то группы могли впоследствие вернуться в Причерноморье. Модель подобной репатриации для восточных номадов фиксируется в эпоху раннего средневековья (гунны, авары).

Глава 4.
РАННИЕ КОЧЕВНИКИ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ

А вы предлагаете выбор между описанием, которое достоверно, но ничему не учит, и гипотезой, которая претендует на всезнание, однако недостоверна.

Альбер Камю

Проблема скифского присутствия в европейских областях к западу от Причерноморья, не столь активно интересует отечественных исследователей, которые как бы отдали её на откуп европейским специалистам. Между тем, картина, воспроизводящая становление культуры ранних кочевников в Европе, без сюжета, связанного с появлением номадов в Карпатском бассейне, выглядит неполной. Ведь, фактически, речь идёт об эпизоде во всё той же панораме миграций восточных кочевников раннего железного века, которую мы пытаемся воссоздать. Рассматривать это событие как частный момент, изолированный от событий, происходивших в других областях Восточной Европы раннескифского времени, невозможно, учитывая общую, взаимосвязанную пространственно-хронологическую ритмику культурогенетических процессов этого времени. Причем, некоторые нюансы из «карпатского» периода скифской истории, как оказалось, позволяют по-иному взглянуть и на традиционные проблемы, так сказать, в «классическом» скифском ареале. Подтверждение тому несколько непривычная, быть может, постановка вопроса в заглавии следующего параграфа.

4.1. Скифы в Трансильвании и проблема раннескифской культуры в Восточной Европе

Хронология раннескифских памятников в Трансильвании и на Венгерской равнине, за последние 10—15 *лет* понижалась настолько стремительно, что необходимо было прилагать немалые усилия для того, чтобы успевать следить за ходом этого процесса. Не останавливаясь подробно на микрофазах этой «уд-

ревнительной» тенденции, обозначим её конечные (на сегодняшний день) результаты. Образование скифского анклава в Трансильвании теперь датируется первой половиной VII в. до Р. Х., а наиболее радикально настроенные исследователи предлагают не ограничиваться привычным уже для скифской культуры VII веком и вплотную заняться предыдущим, VIII столетием, пока правда, лишь его последними десятилетиями (Vulpe 1984: 60; Chochorowski 1998: 480). Тем самым, фактически преодолён рубеж, который по магии цифр с двумя нулями является для археологов психологическим. Вплотную к аналогичному рубежу, только столетием позже — ок. 600 г. — подтянута и нижняя дата группы (культуры) Векерзуг (Chochorowski 1998: 483).

Таким образом, в настоящее время начало трансильванской группы, в основном, синхронно памятникам периода РСК–2 (по И. Н. Медведской), а возможно, и финальной части РСК–1. Появление скифских памятников в Западной Подолии по-прежнему датируется серединой VII в. до Р. Х., правда, уже с небольшим понижением до второй четверти столетия (Смирнова 1993: 108). Поскольку и трансильванская, и западноподольская (скифская) группы — результат миграции номадов с востока (Среднее Поднепровье) или юго-востока (Северный Кавказ и Приазовье), то получается, что в Трансильвании скифы оказались раньше, чем на Среднем Днестре. Это фактически означает существование двух последовательных волн скифской миграции, которые имели место в первой половине VII в., соответственно в самом её начале и конце.

Удревнение трансильванской группы находится в полном соответствии с общей тенденцией понижения дат раннескифской культуры. Вполне разумная и здравая поначалу, эта тенденция в последние годы приобрела лавинообразный характер. А произошло это вскоре после того, как были сняты два ограничителя, считавшихся до поры до времени «неприкосновенными». Причем, оба они являлись надежными стабилизаторами, предотвращавшими глобальные хронологические ревизии именно в VII в. до Р. Х. Для первой его половины таким фактором сдерживания являлась каноническая версия культурно-хронологической последовательности предскифских (новочеркасских) и раннескифских древностей. Провозглашённое тождество материальной культуры киммерийцев и скифов сняло этот первый барьер. Однако, для второй пол. VII века существовал другой, уже даже не барьер, а настоящая «линия Мажино», основу которой составляла, казалось бы, незыблемая хронология античной расписной и тарной керамики. Некая символичность в использовании фортификационной метафоры применительно к античному импорту заключается в том, что с ним поступили примерно так же, как и с реальной линией укреплений на франко-германской границе в 1940 году. Тогда, её не стали штурмовать, а попросту обошли.

Весьма любопытно наблюдать за тем, как две группы исследователей, работающие в одном хронологическом диапазоне, по разным направлениям формирующим впрочем, одну и ту же проблему, а именно — проблему РСК, настолько глубоко погружены в разработку своей темы, что практически совершенно не реагируют на то, что происходит у «смежников». Речь идёт о скифологах и антиковедах. Диалога между ними по вопросу датировки античного импорта в скифских погребальных комплексах второй пол. VII — VI вв. до Р. Х. не получается. Точнее, он напоминает разговор глухого с немым. И неважно, в какой конкретно ипостаси выступают здесь скифологи, а в какой античники. Хотя, очевидно, что первые не слышат, а вторые не говорят или, вернее, не особо хотят быть услышанными противной стороной. Греческий импорт в раннескифских погребениях, являясь важнейшим хроноиндикатором,

конечно же, постоянно привлекается специалистами-скифологами для абсолютного датирования, как отдельных памятников, так и, в конечном итоге, периодов, этапов становления скифской культуры. Однако, зачастую это делается довольно своеобразно. Как известно, архаический импорт, в отличие от более позднего, датируется в целом гораздо шире. И, тем не менее, существуют вполне определенные рамки для датировок отдельных типов керамики, ниже которых опускать эти самые даты невозможно при всём желании. Поэтому, в соответствии с общей тенденцией удревнения РСК, погребения с античным импортом датируются по максимально допустимой нижней дате для какого-либо отдельного сосуда или типа керамики.

Проиллюстрируем это на конкретном примере. Репяховатая Могила даёт нам 2 образца раннего греческого импорта. В работе Г. Ханфмана, на которую ссылается Г. Коссак, кувшины с волнистым орнаментом типа Репяховатой Могилы (Рис.59/10) датируются поздним VII — первой пол.VI вв. (Kossack 1987: 75). «Милетская» амфора из этой же гробницы (Рис. 59/9), датируется С. Ю. Монаховым концом VII — первой пол. VI вв. (Монахов 1999а: 43), либо только первой пол. VI в. до Р. Х. (Монахов 1999: 47). П. Дюпон подобный тип амфор датирует ещё более поздним временем — вторая — третья четверть VI века. (Cook, Dupont 1998: 174—175). Г.Коссак, хотя конкретно с этими работами в 1987 году и не мог быть знаком, тем не менее, вопрос о датировке амфоры из Репяховатой Могилы обходит, отмечая при этом, что такие амфоры — наиболее ранний вариант в пределах своего типа. Доводы в защиту этого заключения не приводятся. Зато на следующей странице заявлено, что хотя ионийский импорт проникал на понтийское побережье и в VI в. до Р. Х., но для многочисленного синхронного инвентаря Репяховатой Могилы–2 предпочтительной является вторая половина VII в. (Kossack 1987: 76).

Для большей убедительности, Г. Коссак демонстрирует ещё один, синхронный, по его мнению, комплекс (Новоалександровка), совершая тем самым очевидную логическую ошибку *idem per idem*. При разборе этого донского комплекса (Новоалександровка, кург. 7 погр. 8), Г. Коссак приводит массу параллелей, которые позволяют синхронизировать его с Репяховатой Могилой–2 (Kossack 1987:75).[1] При этом, он оперирует исключительно раннескифскими хроноиндикаторами. Упоминания о милетской амфоре из этого же погребения (Рис. 59/11) у немецкого исследователя мы не найдем. Не хотелось бы думать, что случилось это по причине довольно-таки высоких дат, которые предлагаются для амфор подобного типа. Здесь речь идёт только о VI веке (причем, не самом раннем), уже безо

[1] В колчанном наборе из Новоалександровки прекрасно сосуществуют типы наконечников, бытовавших на протяжении 100—150 лет. Такой же, несколько более ранний по хронологии пример — Гумаровский курган. Вообще, и донской, и уральский комплексы дают весьма наглядную иллюстрацию того, что стрелковый набор может быть полноценным хроноиндикатором только тогда, когда он представлен полностью, в том или ином погребении. Единичные находки стрел из разграбленных погребений могут совершенно искажать их датировку (Петренко 1990: 61). Примеров тому — масса. В свое время, фонд раннескифских памятников Днестровско-Дунайского междуречья внезапно увеличился втрое (Охотников 1987; 1990: 55). Проверка показала, что в основе этого феномена лежали находки отдельных (единичных) наконечников стрел, иногда в разграбленных погребениях, иногда — случайные в насыпях курганов, не содержавших скифские захоронения вообще, а иногда и в очевидных инокультурных (к примеру, сарматских) комплексах. Скифские наконечники стрел V—IV вв. попадаются в грунтовых склепах некрополя Никония римского времени (II—III вв.). О подобных аномальных явлениях речь уже шла в предыдущих главах.

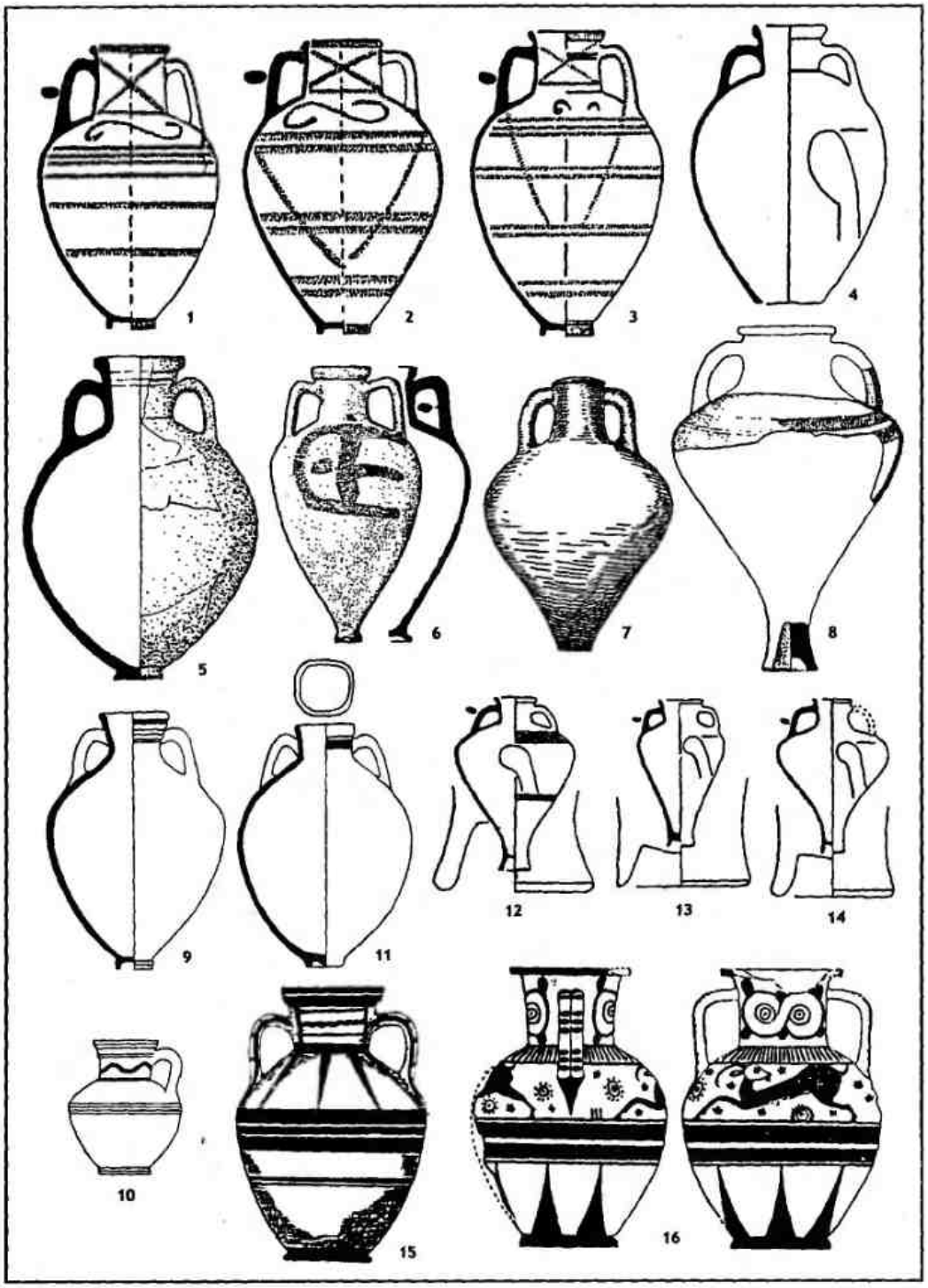


Рис. 59. **Античный импорт второй пол.VII — первой пол.VI вв. до Р. Х. из погребений Причерноморья — Приазовья**

Ancient import pottery from the burials of North Black Sea-Azov Region (second half VII — first half VI cent.B.C.)

1–2 — Коломак; *3–4* — Красногоровка; *5* — Верхнегиевская группа; *6* — Крыловка; *7* — Басовка; *8* — Купьеваха; *9–10* — Репяховатая Могила; *11* — Новоалександровка; *12* — Лебеди-V; *13* — Хапры; *14* — Анапская; *15* — Бушуйка; *16* — Шандровка

Таблица составлена по следующим публикациям: *Монахов 1996; 1999; Ильинская 1968; Бойко 1999; Беспалов, Парусимов 1991; Мухопад 1988; Колотухин 2000; Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998; Kossack 1987.*

всяких претензий на VII столетие (Cook, Dupont 1998: 176).[2]

Наконец, погребение у с. Коломак с 2 хиосскими амфорами (Рис. 59/1—2) Г. Коссак датирует последней четвертью VII в., ссылаясь на работу П. Бернара (Kossack 1987: 76), благоразумно умалчивая о том, что последняя четверть VII века, а если быть точным — рубеж VII/VI вв. до Р. Х., это опять-таки максимально допустимая нижняя дата для амфор такого типа (Монахов 1999: 37).[3]

Ещё одним, последним в нашем перечне, довольно ярким примером особенности методики датирования Г. Коссака, являются его суждения по поводу возможной даты ойнохои из Темир-Горы (Рис. 60/2). Игнорируя специальное исследование Л. В. Копейкиной, Г. Коссак при датировке сосуда ссылается на публикацию Э. В. Яковенко (Kossack 1987: 76). Для сравнения — Л. В. Копейкина датирует ойнохою 40 гг. VII в. (Копейкина 1972: 156), а в работе Э. В. Яковенко предложена дата в пределах второй чтв. — сер.VII в. до Р. Х. (Яковенко 1972: 261). Причем, Э. В. Яковенко не ставила перед собой задачу специального изучения ойнохои. Ей посвящено всего четыре строчки, а сама датировка заимствована из работы Н. А. Сидоровой, которая в свою очередь ссылается на мнение Б. В. Фармаковского (Сидорова 1962: 96). А вот в статье Л. В. Копейкиной как раз и проанализирована, причем детальнейшим образом, вся историография, имеющая отношение к ойнохое из Темир-Горы. Здесь же приведены доводы, по которым Л. В. Копейкина не считала возможным присоединиться к точке зрения В. Ширинга, К. Шефольда и др., которые датировали сосуд 60-ми, или даже 70-ми гг. VII в. до Р. Х. (Копейкина 1972: 148—149).[4]

Излишне, наверное, напоминать, что далеко не всегда максимально возможная, в данном случае нижняя, дата конкретного расписного сосуда, или типа амфоры, будет точно соответствовать времени совершения конкретного (раннескифского) захоронения. Ясно, что нижняя граница хронологического диапазона такой керамики даёт лишь *t. p. quem* этого захоронения. Состояние некоторых расписных сосудов (Темир-Гора, Филатовка [Рис. 60/2,

[2] А.П.Абрамов, поместив амфоры из Репяховатой Могилы и Новоалександровки в свой I период (вторая пол. VII — первая пол. VI вв.), по-видимому, не рискнул определиться ни с более точной датой этих сосудов, ни с наиболее вероятным центром их производства. Обе они включены в тип амфор на «сложнопрофилированном кольцевом поддоне» (Протофасос?, Милет?, Самос? [Абрамов 1993: 11, 27, рис. 4]).

[3] Дело в том, что схемы росписи на ранних и поздних вариантах этих хиосских амфор действительно похожи. Однако, это лишь первое впечатление. Так, один из основных элементов росписи, т. н. «восьмерка» или горизонтальное ретроградное «S» на плечиках амфор совершенно явно эволюционируют на протяжении 100 лет (Cook, Dupont 1998: fig. 23.1).

[4] 40—30-ми гг. VII в. датирует ойнохою из Темир-Горы Р. Кук (Cook, Dupont 1998: 36).

Из поля зрения Г. Коссака выпал ещё один донской комплекс. Это погр. 25 кургана №1 у ст. Хапры. Здесь индикаторы РСК сопровождаются архаической амфорой «круга Клазомен» конца VII — первой пол. VI вв. до Р. Х. (Рис. 53/13 [Монахов 1996: 44—45, табл. 2/7]). В 1991 году был опубликован комплекс кургана №2, погр. 10 из-под хут. Бушуйка, также на Нижнем Дону. Здесь столовая ионийская амфора первой пол. VI в. до Р. Х. (К. К. Марченко полагает, что сосуд относится даже к середине этого столетия [Беспалый, Парусимов 1991: 194]) и вполне уживается с наконечниками стрел келермесского типа (Рис. 53/15). На это уже обратила внимание А. И. Мелюкова (1998: 109—110). Определённо, намечается концентрация погребений периода РСК с ранним греческим импортом в бассейне Нижнего Дона (Рис. 61). Вполне вероятно, что поставки этой ионийской керамики (тарной и расписной), как отмечает В. П. Копылов (1994: 24—25; 2000: 158), напрямую связаны с деятельностью обитателей Таганрогского поселения второй пол. VII — середины VI вв. Напомню, что верхний рубеж существования этого поселения ограничивается третьей чтв. VI в. до Р. Х. в том числе и на основании того, что среди материалов совершенно отсутствуют хиосские пухлогорлые амфоры (Копылов 1996: 35).

Рис. 60. **Античный импорт второй пол.VII — первой пол.VI вв. до Р. Х. из погребений Причерноморья — Приазовья**

Ancient import pottery from the burials of North Black Sea-Azov Region (second half VII — first half VI cent. B.C.)

1 — Болтышка; *2* — Темир-Гора; *3* — бывш.Хоперский округ; *4* — Криворожье (р.Калитва); все по [*Античные города Северного Причерноморья, 1984*]); *5* -Филатовка (по [*Корпусова 1980*]); *6* — Цукур-лиман (по [*Прушевская 1917*])

5]) не производят впечатления того, что они попали в состав погребального инвентаря непосредственно из мастерской.

Достаточно вольное толкование Г. Коссаком датировок античного импорта, в целом хотя и было отмечено в ходе развернувшейся позднее дискуссии на страницах «Российской археологии», однако, не более того.[5] Как известно, Репяховатая Могила является опорным памятником для 3-го этапа РСК. Учитывая имеющиеся даты для греческого кувшина и особенно «милетской» амфоры, рамки РСК–3 (середина VII — рубеж VII/VI вв.), предложенные Г. Коссаком и поддержанные И. Н. Медведской, выглядят совершенно непонятными. И. Н. Медведская, впрочем, заметила, что для обоснования верхней даты 3 ступени убедительных доказательств немецкий исследователь не привёл (Медведская 1992: 86). Пожалуй, лишь Д. С. Раевский выразил обеспокоенность по поводу несколько бесцеремонного обращения с античными хроноидикаторами и совершенно справедливо призвал коллег выслушать мнение специалистов-античников (Раевский 1993: 82). Кроме того, Г. Н. Курочкин также обратил внимание на явное несоответствие датировки кувшина из Репяховатой Могилы, которую приводит Г. Коссак, с заявленной им же датой гробницы 2 в целом. Г. Н. Курочкин ссылается на устное сообщение М. Ю. Вахтиной, суть которого сводилась к теперь уже достаточно очевидному факту — датировка античного импорта из Репяховатой Могилы–2 не может быть старше VI в. до Р. Х. (Курочкин 1994: 117). И совершенно напрасной кажется, несколько раздражённо-саркастическая реакция И. Н. Медведской, которая пытается противопоставить «прогрессивных» антиковедов Запада — отечественным «консерваторам» (Медведская 1994: 127).[6] Хронология античной расписной, да и тарной керамики, весьма консервативна сама по себе и, по сравнению с другими хроноиндикаторами раннескифской культуры, — сверхустойчива. «Революционные потрясения» здесь, наподобие тех, которые происходят в хронологии раннего железного века Восточной Европы, невозможны в принципе. Может быть, как раз в этом причина той несовместимости и отсутствия диалога между скифологами и антиковедами, о чём говорилось выше. Приземлённость и самодостаточность последних, явно диссонирует с размашистой, иногда немного авантюрной методикой первых. Создаётся впечатление, что для скифологов-радикалов, античный импорт на этапе РСК-3

[5] К слову, методические огрехи Г.Коссака замечены и при работе с другими хроноиндикаторами (см.напр.[Погребова 1993: 85; Махортых 1996а: 114 и сл.; Погребова, Раевский 1997: 83])

[6] И.Н.Медведская, фактически апеллирует к работам тех же исследователей, на которые ссылается Г.Коссак. Простой перечень громких имён, к счастью, дополнительным аргументом быть не может. Ещё Фома Аквинский заметил: «Доказательства на основании авторитета — это метод, более всего подходящий для вероучения, где отправные посылки заимствуются из откровения...» (цит.по [Кёнигсбергер 2001: 267]).Что до содержания конкретных работ Г.Коссака, то их анализ показывает, что отдельные выводы по датировкам той или иной группы античного импорта используются немецким исследователем методически не совсем корректно.

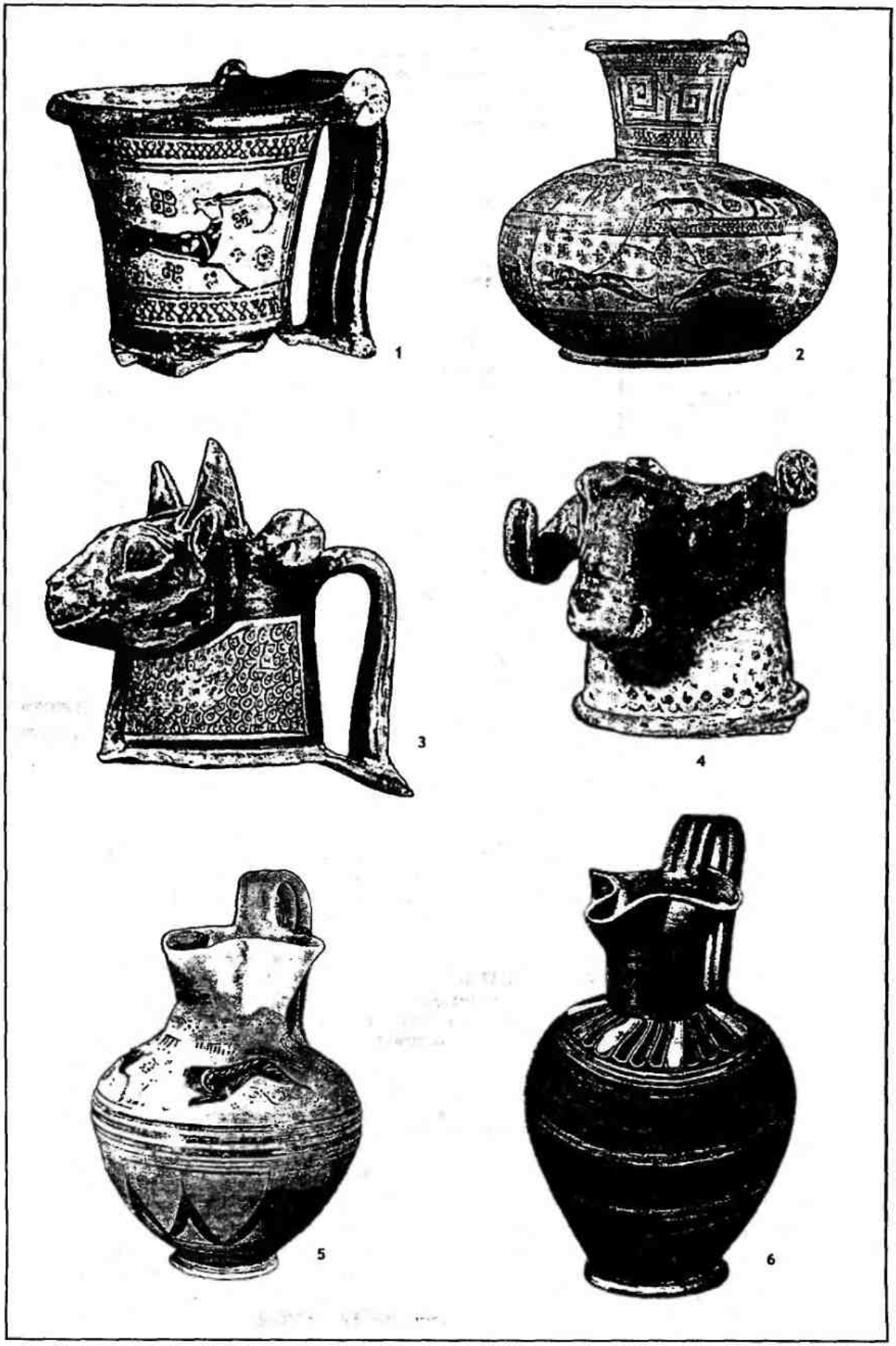

1
2
3
4
5
6

Табл.VII. **Скифские погребения с античным импортом второй половины VII — первой половины VI вв. до Р. Х.**

КОМПЛЕКС*	Датировка античного импорта	
	VII век	VI век
1. Болтышка: РК		
2. Темир-Гора: РК		
3. Филатовка: РК		
4. Коломак: Ам.		
5. Красногоровка: Ам.		
6. на р.Калитва: РК		
7. Лебеди V (к.II, п.8): Ам.		
8. Новозаведенное-II (к.16): РК		
9. Репяховатая Могила-2: Ам., РК		
10. Верхнегиевская группа (к.15): Ам.		
11. Хапры (к.1, п.25): Ам.		
12. Новоалександровка: Ам.		
13. Шандровка: РК		
14. Цукур-лиман: РК		
15. Мартоноша: Бр. (Ам.)**		
16. Басовка (к.6): Ам.		
17. Бушуйка (к.2, п. 10): Ам+?		
18. хут. Анапский (п.7): Ам.+?		
19. Крыловка (к.9, п.2): Ам.		
20. Купьеваха: Ам.		
21. Чулница: Ам.		

** Порядковый номер соответствует номеру на карте (Рис.55).*
*** 4 амфоры из кургана не сохранились.*

РК — расписная керамика
Ам. — амфоры
Бр. — бронзовые сосуды

— досадная (а по-моему, очень своевременная и крайне полезная) помеха на пути к новым горизонтам раннескифской хронологии.[7]

В ходе подобных рассуждений, я прихожу к следующим выводам:

- трёхступенчатая периодизация раннескифской культуры с соответствующими наборами хроноиндикаторов для каждого этапа, в целом вполне достоверна и приемлема;
- однако, новые абсолютные даты для периода РСК (Г. Коссак, И. Н. Медведская) кажутся в значительной степени искусственными, и прежде всего, это касается нижней даты РСК–1 и верхней для РСК–3;
- любое удревние этапов РСК–1 и РСК–2 возможно лишь с «санкции» античного керамического импорта периода РСК–3.

[7] Похоже, что наступает этап взвешенной, спокойной оценки происходящего. Партизанский произвол в отношении античных хроноиндикаторов замечен и соответствующим образом оценён в ряде работ. Так, ещё в 1994 году, в разгар эйфорических настроений по поводу уд-ревнения раннескифской хронологии, Н. А. Бокий и В. С. Ольховский, публикуя погребальный комплекс из-под с. Куцеволовка с амфорами середины — второй пол. VI в., отметили, что ни Репяховатая Могила–2, ни Новоалександровка, не могут быть датированы ранее второй четверти VI в. до Р. Х. (Бокий, Ольховский 1994: 157). Примерно в том же духе высказалась недавно и А. И. Мелюкова (1998: 109). И хотя для этих двух комплексов, в особенности для Репяховатой Могилы, возможна и более низкая дата, однако, она совершенно исключает вторую половину VII в. в любом её измерении (треть, четверть, десятилетие, пятилетие и т.д.).

Относительно недавно ранний керамический импорт был зафиксирован, наконец, и на Северном Кавказе, а также в Прикубанье. В кургане №16 могильника Новозаведенное–II, который авторы раскопок синхронизируют с комплексами Келермесса, найдена ионийская керамика конца VII — нач. VI вв., при том что наиболее древний курган этой группы (№13) датирован рубежом третьей и четвертой чтв. VII в. до Р. Х. (Петренко, Маслов, Канторович 1999: 114 и сл.; 2000: 240). Приведенный здесь же вариант датировки могильника по калиброванным радиоуглеродным датам, которые существенно отличаются от археологических (Петренко, Маслов, Канторович 1999: 114 и сл.), свидетельствует не об ущербности хроноиндикаторов, в т. ч. и античных, а о том, что калибровочные шкалы, воспринятые в 80-е гг. XX в. с небывалым энтузиазмом как очередная панацея, так же в очередной раз таковой не являются, по крайней мере, для эпохи раннего железного века, когда разница между откалиброванными и традиционными датами после 1000 г. стремится к нулю.

Помимо Новозаведенного–II, в Прикубанье (могильник Лебеди–V) инвентарь одного из погребений включал клазоменскую амфору рубежа VII/VI вв. (Монахов 1996: 39, табл. 1).

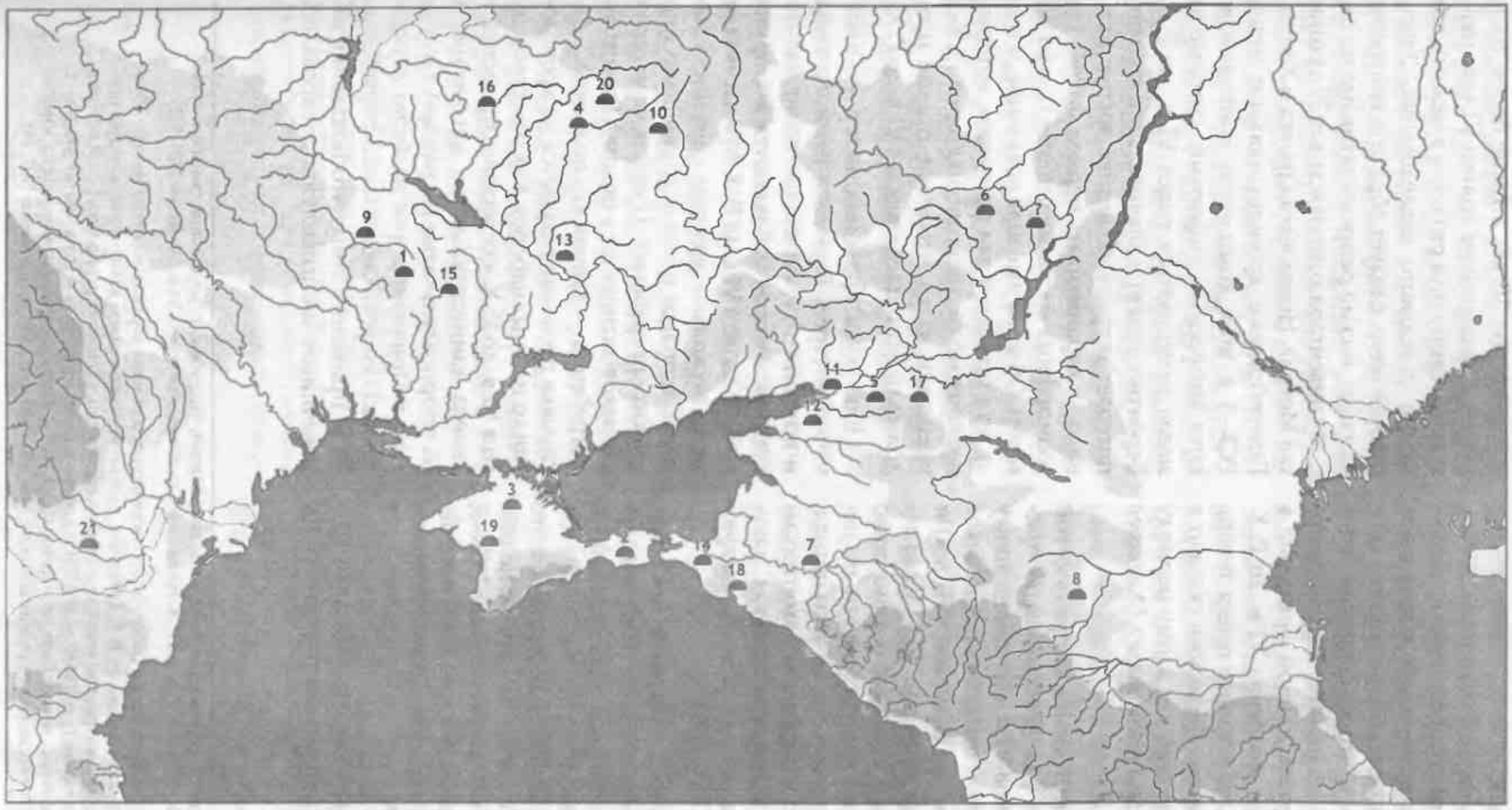


Рис. 61. **Погребения с античным импортом второй пол.VII — первой пол.VI вв. до Р. Х. из Причерноморья–Приазовья**

Map of distribution the burials with ancient import pottery from the North Black Sea-Azov Region (second half VII — first half VI cent.B.C.)

(номера на карте соответствуют номерам в ***табл.VII***)

1 — Болтышка; *2* — Темир-Гора; *3* — Филатовка; *4* — Коломак; *5* — Красногоровка; *6* — на р. Калитва (Криворожье); *7* — Лебеди-V; *8* — Новозаведенное-II; *9* — Репяховатая Могила; *10* — Верхнегиевская группа (Люботин); *11* — ст.Хапры; *12* — Новоалександровка; *13* — Шандровка; *14* — Цукур-лиман; *15* — Мартоноша; *16* — Басовка (кург. 6); *17* — Бушуйка; *18* — хут. Анапский; *19* — Крыловка; *20* — Купьеваха (кург. 16); *21* — Чулница; *?* — бывш. Хоперский округ.

Принятая ныне, «ужесточенная», по выражению Д.С.Раевского, трактовка хронологии РСК, этапы которой, кстати, удивительным образом совпадают с круглыми и полукруглыми датами, во многом способствовала тому, что из скифской истории едва ли не полностью выпал хронологический отрезок длиной примерно в 50 лет — первая половина VI в. до Р. Х. О том, что история скифов имеет теперь свои «тёмные века», было уже сказано в книге А.Ю.Алексеева, где этому периоду посвящен специальный раздел (Алексеев 1992: 92—103).[8]

Вряд ли имеет смысл спорить о той тенденции, которая действительно привела в первой пол.VI в. к существенному сокращению числа скифских памятников по сравнению с предыдущим (VII век) и последующим (вторая пол. VI — V вв.) периодами. Однако, столь же опрометчиво было бы говорить и о том, что эти два периода разделяет чуть ли не абсолютная, применительно к скифским памятникам (=погребениям), демографическая лакуна. Для начала, посмотрим на следующую таблицу (Табл. VII).

Таким образом, опираясь исключительно на датировки античного импорта, мы уже можем выделить небольшую группу комплексов конца VII — первой пол. VI вв. до Р. Х. (Рис. 61). Учитывая, что в неё входят и погребения с довольно разнообразным инвентарём периода РСК–3, следующим шагом должно стать перемещение верхней даты этого этапа в первую половину VI в.[9]

Какие конкретно хроноиндикаторы являются проходными для второй пол. VII и первой пол. VI вв., а какие более узкими, обозначающими только VI век (первую половину или столетие в целом), это задача отдельного исследования. Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на такие, весьма репрезентативные по составу инвентаря комплексы, как Репяховатая Могила, Новоалександровка и Хапры. Разнообразные хроноиндикаторы этапа РСК–3 в этих комплексах сопровождаются античными амфорами, которые *не могут* датироваться ранее VI в. до Р. Х. Вероятно, теперь в значительной степени потеряет остроту полемика вокруг того, надо ли ограничивать период бытования зооморфных костяных псалиев только VII веком. Об этом уже шла речь выше, и тогда был приведен ряд примеров, которые независимо от хроноиндикаторов РСК–3 указывали на то, что такие псалии продолжали использоваться и в VI в. до Р. Х.

Ещё один хроноиндикатор — наконечники стрел. Вернёмся немного назад и вспомним ту, не вполне понятную ситуацию, которая наблюдается в запрутской Молдове в VI в. до Р. Х. Мы насчитали здесь несколько десятков случайных находок акинаков и около 10 скифских «воинских» погребений. Причем, если серия акинаков датируется в целом VI веком, то погребения — второй его половиной. Датировка последних строится на хронологии колчанных наборов. Как известно, где-то в VI в. до Р. Х. постепенно происходит замена длинновтульчатых наконечников на опорновтульчатые (базисные). Отсутствие в Причерноморье надёжно датированных скифских комплексов первой пол. VI в. привело к тому, что появление наконечников иного силуэта датировалось

[8] В своей новой монографии А. Ю. Алексеев полагает, что рубеж, разделяющий скифские культуры VII—VI и V—IV вв. до Р. Х. приходится на последнюю треть VI в. (Алексеев 2003: 182)

[9] Покорно доверяя магии цифр почти мистического для меня корреляционного метода, обращаю внимание на работу В. Е. Ерёменко, в которой мы не найдем каких-либо зияющих пробелов в хронологической колонке скифских древностей. «Тёмный» период скифской истории заполняет фаза B_1 (650/640 — 560/550 гг.), куда, к слову, относится и Репяховатая Могила–2. Соответственно, может быть повышена и дата РСК–2 в тех его пределах, которые по мнению В. Е. Ерёменко, нельзя определить точнее, чем 670—580-е гг. до Р. Х. (Еременко 1997: 48).

преимущественно второй половиной (или даже концом) VI в., поскольку для этого периода такие комплексы хорошо известны и выделяются, в том числе и по другим хроноиндикаторам. С. В. Полин, используя также и материалы античных местонахождений, предложил удревнить время появления опорновтульчатых наконечников до первой пол. VI в. (Полін 1987: 28). Правда, здесь он столкнулся с любопытным явлением. Наконечники стрел I группы, которые также известны в архаическом некрополе Ольвии, происходят из погребений, которые по каким-то причинам не содержат импортную керамику. С. В. Полин, полагая, что эти наконечники не могут датироваться позднее второй чтв. VI в., предположил, что погребения, в которых они были найдены, образуют, вероятно, древнейшую группу захоронений на некрополе (Полін 1987: 29). Такое толкование, конечно же, вполне приемлемо, но, при условии, что общий признак погребений этой группы — отсутствие архаического импорта — необходимо как-то объяснить.[10]

Особых возражений перенос даты появления базисных наконечников, как будто бы, не вызвал. Однако, отсутствие до сих пор «классического» скифского контекста первой пол. VI в. с такими наконечниками, заставляет большинство исследователей по-прежнему отдавать предпочтение менее рискованной и лучше обеспеченной источниками дате — вторая пол. VI в. до Р. Х.

Между тем, не так давно была замечена ещё одна, совершенно независимая от Причерноморья параллель, которая указывает на то, что опорновтульчатые наконечники стрел скифского типа совершенно непротиворечиво располагаются в контексте среднеевропейских древностей периода HaD_1, а возможно, и ещё HaC (Teržan 1998: 524, 533). То есть, речь идёт о периоде не позднее первой половины VI в. Тогда, используя хорошо известную посылку, на которой в частности основывался и Г. Коссак при понижении хронологии предскифских древностей Восточной Европы, мы можем говорить, что появление опорновтульчатых наконечников в восточно- и даже центрально-гальштатском ареалах[11] не могло произойти раньше, чем такие же наконечники появились в Северном Причерноморье. Это в свою очередь, должно означать, что скифские комплексы с базисными наконечниками стрел могут датироваться в том числе и первой половиной VI в. до Р. Х.[12]

Вероятнее всего, опорновтульчатые наконечники стрел появились в Восточной Европе ещё в VII в. до Р. Х. Неплохим аргументом для подтверждения этой точки зрения, на мой взгляд, является раннескифский комплекс из Южного Приуралья, опубликованный Р. Б. Исмагиловым (могильник Целинный–I, кург. 59 [Исмагилов 1992: 143 и сл.]). Здесь в колчанном наборе погр. 1 (всего ок. 100 наконечников), среди бесспорно преобладающих келермесских типов встречено и несколько опорновтульчатых наконечников (Исмагилов 1992: рис. 3/71—77). Автор относит данное погребение к т.н. «постгумаровскому» горизонту и датирует серединой — второй пол. VII в. до Р. Х.[13] При этом, он полагает, что основным отличием стрелкового набора погр. 1 кург. 59 от гумаровского, является отсутствие в первом наконечников новочеркасского типа (Исмагилов 1992: 146). От себя добавлю, что наряду с этим, не менее важным сле-

[10] Спустя год после выхода статьи С. В. Полина, был опубликован каталог-монография В. М. Скудновой по архаическому некрополю Ольвии. Оказалось, что из 6 погребений этой, наиболее ранней по С. В. Полину группы, 3 содержали амфоры (№№6/1909; 76/1910; 66/1911 [Скуднова 1988: 42—43, 69—70, 79—80]). Видимо, они не сохранились.

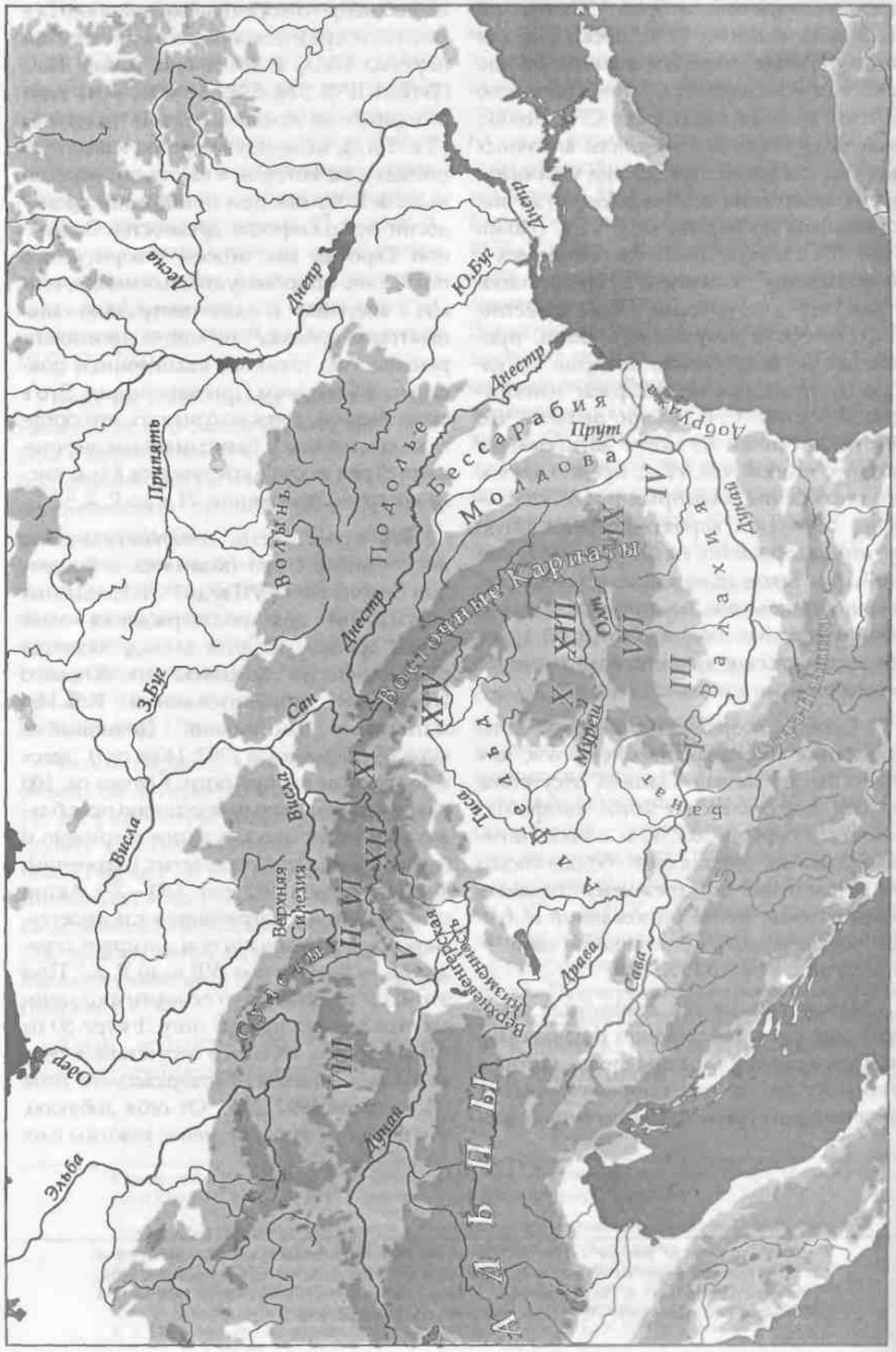

Десна
Днепр
Днепр
Ю.Буг
Днестр
Бессарабия
Прут
Добруджа
Молдова
Припять
Волынь
Подолье
Днестр
Восточные Карпаты
Дунай
Валахия
Олт
Муреш
Тиса
Сан
З.Буг
Висла
Висла
Верхняя Силезия
Судеты
Верхнеевентерская низменность
Драва
Сава
Одер
Эльба
Дунай
Банат
Алфельд
Алфельд
Сура-Шаншиш
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV

Рис. 62. **Географические названия Карпато-Дунайского региона, упоминаемые в работе**

Geographical names of the Carpathian-Danube region which mentioned in that book

I — Железные Ворота; *II* — Моравские Ворота; *III* — Олтения; *IV* — равнина Бэрэган; *V* — Малые Карпаты; *VI* — Западные Бескиды; *VII* — Южные Карпаты (Трансильванские Альпы); *VIII* — Богемско-Моравская возвышенность; *IX* — горы Вранча; *X* — горы Бихар; *XI* — Восточные Бескиды; *XII* — Татры; *XIII* — Трансильвания; *XIV* — Закарпатье.

дует считать наличие в нём и опорновтульчатых наконечников стрел.

Опираясь на иные хроноиндикаторы, против разрыва в линии развития раннескифских памятников на Северном Кавказе недавно выступил В.Р.Эрлих. По его мнению, изложенному пока в тезисном варианте, некоторые из курганов Ульской группы в Закубанье (№1/1908 и 10) могут датироваться первой пол. — сер. VI в. до Р. Х. В этот же период В. Р. Эрлих помещает и памятники «младшей» Келермесской группы (Эрлих 2000: 77—78).

Наконец, ещё один довод против дискретного развития скифских древностей от ранних к средним, приводя который, мы фактически возвращаемся к основной теме данного раздела. В Трансильвании и на Венгерской равнине линия развития скифских древностей отслеживается непрерывно — вторая пол. VII — нач. (первая пол.) V вв., и VI—V вв. соответственно (Vulpe 1984: 59; Chochorowski 1985: 128 и сл.; 1998: 480—481). Наличие скифских комплексов в Трансильвании в VI в., а главное — появление таких же памятников в Венгрии (Алфёльд) на рубеже VII/VI вв., совершенно не согласуется с предполагаемой лакуной в развитии скифских древностей Причерноморья первой пол. VI в. до Р. Х. Складывается действительно парадоксальная ситуация, при которой западная периферия ареала скифских древностей демонстрирует нам их непрерывное развитие со второй пол.VII в. по V в., тогда как центр этого ареала, условно между 600 и 550 гг. до Р. Х., практически лишён полноценных археологических памятников скифской культуры.

Положение, быть может, и не было бы столь противоречивым, если бы речь шла о постепенной, исключительно за счёт внутреннего потенциала, трансформации раннескифского анклава в Трансильвании. Его основу продолжало бы составлять всё то же население РСК, появившееся здесь в сер. VII в., представители которой на рубеже VII/VI вв. оказались уже на Венгерской равнине и в Потисье. Однако, начальная фаза группы Сентеш-Векерзуг (культура Векерзуг), в основе которой находится уже, главным образом, комплекс вещей периода ССК, датируется сейчас временем от рубежа VII/VI до середины VI вв. до Р. Х., тогда как начало ССК в Причерноморье относится только ко второй пол. VI в. Таким образом, появление ССК (культура Векерзуг) в Потисье предшествует формированию аналогичного комплекса в Причерноморье, что в принципе, невозможно.

Как же всё-таки, выглядит сейчас культурно-хронологическая колонка древностей периода HaC—D в Карпатской котловине?

Прежде всего, несколько общих замечаний. Начало систематическому изучению скифских древностей Трансильвании, фактически, было положено монографическим исследованием В.Васильева, в котором были собраны воедино все известные тогда памятники и отдельные находки скифского облика (Vasiliev 1980). На то время тенденция тотального удревнения раннескифских памятников ещё не приобрела той динамики и необратимости, которые стали характерными для неё к концу 80-х гг. А, кроме того, В. Васильев вплоть до сегодняшнего дня является одним из наиболее активных противников этой тенденции как по отношению к скифским древностям, так и по синхрон-

ным инокультурным памятникам Карпатского бассейна в целом. Учитывая то, что ранние скифские погребения в Поднепровье датировались тогда второй пол. VII в., В.Васильев отнес появление скифов в Трансильвании к самому началу VI в. до Р. Х. (Vasiliev 1980: 128—129, 133).

Почти идиллическая ситуация в раннескифской хронологии была буквально взорвана во второй половине 80-х гг. Наиболее резонансными в этом смысле, вероятно, следует считать статьи Г. Коссака (Kossack 1987) и С. В. Полина (Полін 1987). Работа И. Н. Медведской (Медведская 1992) и последовавшая за ней дискуссия первой половины 90-х гг., стали своеобразным апогеем в деле кардинального пересмотра хронологии раннего железного века в Восточной Европе. Оказалось, что раннескифская культура (РСК), — явление далеко не однородное, и по целым группам различных хроноиндикаторов может быть разделена на 3 этапа, причем, древности 1-го этапа попадали уже в VIII в. до Р. Х. Первоначально, все эти разработки касались в основном ядра Причерноморской Скифии и северокавказского ареала. Однако, в дальнейшем стало очевидным, что необходима соответствующая ревизия и для периферийных ареалов РСК. Одной из первых на этот призыв откликнулась Г. И. Смирнова. Досконально владея археологической ситуацией в Среднем Поднестровье, она уже достаточно давно высказывала сомнения относительно чересчур высокой хронологии западноподольской группы, в основе которой находились датировки раннескифских погребальных комплексов (Круглик, Ленковцы [Смирнова 1990: 29]). Весьма ценным следует считать то, что Г. И. Смирнова, понижая дату западноподольской группы, опиралась не только на восточные, но и на западные (юго-западные) параллели (Смирнова 1989: 29; 1990: 29).[14] В итоге, начало западноподольской группы было передвинуто в середину — вторую пол. VII в. до Р. Х. Затем, настала очередь и Трансильвании. Поскольку, погребения группы Чумбруд содержали явные хроноиндикаторы этапа РСК–3, то в соответствии с ними, появление скифов в Трансильвании стали относить ко второй половине VII в. до Р. Х.[15]

Между тем, в ходе дискуссии на страницах «Российской археологии» прозвучало мнение о необходимости более взвешенного подхода к удревнению РСК на базе теперь уже собственно скифского материала. В частности, Д. С. Раевский отмечал, что цепочка умозаключений, в конце которой были предложены новые даты РСК, является многократно опосредованной, часто опирающейся на отдельные, хронологически не вполне устойчивые индикаторы (Раевский 1993:

[11] В том числе, и на эпонимном могильнике Гальштат (погр. 68 [Kromer 1959: taf. 6/3; 213/1).

[12] Это, разумеется, распространяется и на группу скифских погребений в запрутской Молдове.

[13] В другой публикации этого же комплекса, предложена более высокая дата — конец VII — первая пол. VI вв. до Р. Х. (Гуцалов 1998: 130).

[14] А. Вульпе, который в 1977 г. пересмотрел абсолютные даты пяти фаз могильника Фериджиле, обратил внимание на то, что в кургане у с. Круглик, который датировался тогда второй пол. VI в., была найдена миска типа Фериджиле. Подобные миски из самого могильника не выходят за рамки первых трех фаз его существования, что в абсолютных датах соответствует второй пол. VII — нач.VI вв. до Р. Х. (Vulpe 1977: 85 и сл.).

[15] «Группа Чумбруд» — обозначение для скифских памятников Трансильвании, предложенное А. Вульпе (Vulpe 1970: 152) по названию одного, наиболее крупного (26 погребений) могильника в районе г. Аюд/Нагьеньед (Ferenczi 1965; 1966; 1967; Vasiliev 1980: 37). Ещё в середине 50-х гг. А. И. Мелюкова предлагала называть эти памятники «семиградской группой» (Мелюкова 1955: 246). Однако, впоследствие, она чаще использовала термин «трансильванская группа» (Мелюкова 1989: 87).

82). Любое смещение одного такого хроноиндикатора вверх или вниз, может серьёзно деформировать всю систему доказательств. С учётом территориального фактора, предлагалось установить более прозрачные границы, в частности, для верхнего рубежа РСК–3. Г. И. Смирнова, вероятно, увидела, что резкое ограничение этого этапа (условно, около 600 г.), при том, что начало ССК определяется не ранее чем серединой VI в., на материалах Среднего Поднестровья весьма проблематично уже хотя бы потому, что могильники Долиняны и Перебыковцы продолжают функционировать и в первой пол. VI в. до Р. Х. (Смирнова 1990: 30; 1993: 112, 116). И пока в Причерноморье ударно решали проблему трансформации скифской культуры от ранней к средней, через лакуну первой пол. VI в., Г. И. Смирнова, в целом не возражая против такой трактовки событий для лесостепного Поднепровья, предложила решать вопросы хронологии в отдельных районах скифской периферии индивидуально (Смирнова 1993: 116—117).[16] Надо сказать, что сам инициатор дискуссии — И. Н. Медведская — согласилась с тем, что на периферию, в частности, в Среднее Поднестровье, отдельные хроноиндикаторы могли попадать несколько позже и, соответственно, использоваться дольше, чем в центре ареала. И. Н. Медведская не возражает против выхода РСК–3 в этом регионе в VI век. Однако, она категорически против того, чтобы лакуна первой пол. VI в. до Р. Х. на Северном Кавказе и в Причерноморье была закрыта повышением верхней даты РСК–3 (Медведская 1994: 127), не уточнив при этом, согласна ли она на другой вариант — понижение даты ССК.[17]

Обратимся теперь уже непосредственно к Трансильвании. События вокруг хронологии скифских древностей развивались здесь весьма динамично. Оказалось, что в материалах трансильванской группы «дремали», до поры не востребованные, скрытые ресурсы для дальнейшего её удревнения. Это были хроноиндикаторы этапа РСК–2, в частности, зеркала с центральной рукояткой и некоторые типы наконечников стрел. И если ещё недавно эти индикаторы, в полном соответствии с мнением Г. И. Смирновой, рассматривались как результат запаздывающих восточных импульсов, то теперь возобладала точки зрения об их полной синхронизации с аналогичными хроноиндикаторами в причерноморско-северокавказском ареале РСК. А раз так, то есть все основания, считают А. Вульпе, Я.Хохоровски, Т.Кеменцеи, — передвинуть начальную фазу группы Чумбруд в первую половину (начало) VII-го или даже в конец VIII вв. до Р. Х., т.е. полностью синхронизировать её с этапом РСК-2 (Vulpe 1984: 60; Chochorowski 1996: 135; 1998: 479-480; Kemenczei 1994a: 83).[18] Правда, позднее, А.Вульпе высказывается уже в пользу традиционных дат для группы Чумбруд (Vulpe 1990: 130).[19]

[16] Судя по всему, не является сторонником дискретного становления скифской культуры и С. В. Полин. Хронология наконечников стрел и зеркал ольвийского типа позволили ему датировать финал РСК–3 (келермесский горизонт) и переход к ССК концом первой — второй четвертью VI в. до Р. Х. (Полин 1998: 58).

[17] Вообще-то, решить проблему первой половины VI века можно, если обе эти процедуры вести параллельно.

[18] Среди сторонников такой датировки трансильванской группы, Я. Хохоровски называет Г. И. Смирнову, ссылаясь на одну из её работ (Chochorowski 1996: 135). В данном случае, наверняка, имеет место какое-то недоразумение, поскольку именно в этой работе, Г. И. Смирнова достаточно ясно говорит о более поздней дате трансильванских памятников — середина — вторая пол.VII в. (Смирнова 1993а: 202—203)

[19] Показательна в данном случае позиция Я. Хохоровского, который сейчас также является сторонником низких дат для группы Чумбруд. В конце 80-х гг. польский исследователь, оце-

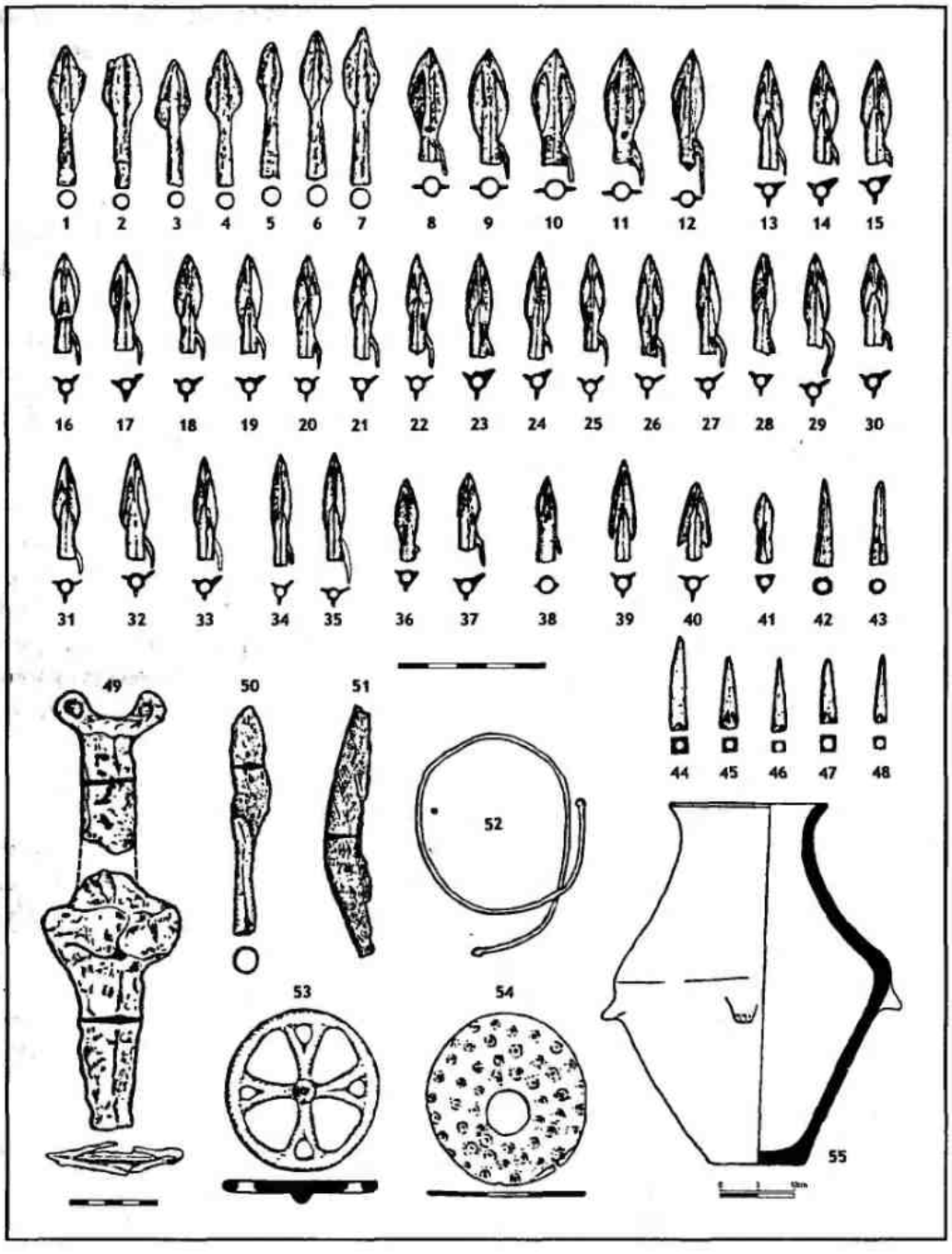


Рис. 63. **Инвентарь погребения №2 могильника Теюш (по [*Chochorowski 1998*])**

Grave goods from burial №2 of the cemetery Tejus

1–7, 49–51 — железо; *42–48* — кость; *55* — керамика; остальное — бронза.

Одним из основных хроноиндикаторов, влияющих на перемещение начальной даты трансильванской группы в первую половину VII в., являются бронзовые зеркала с центральной ручкой на обороте диска в виде петли, либо столбика перекрытого плоской бляшкой. В Причерноморье, они соответствуют периоду РСК-2 и переходному этапу от РСК-2 к РСК-3 (Медведская 1992: табл.). И если безоговорочно принимать нынешние предельно чёткие границы этого периода — 700—650

гг., — то формально, конечно же, следует поместить в эти рамки трансильванские комплексы, которые содержали эти зеркала (Чипэу, Мэришелу).[20] Правда, фактор запаздывания, а также наличие некоего переходного этапа от РСК–2 к РСК–3, несколько скорректируют эту дату поближе к середине столетия. Ещё известно и то, что на каком-то этапе зеркала с центральной ручкой на обороте диска сосуществуют с зеркалами с боковой ручкой,[21] а это уже фактически этап РСК–3 (650—600 гг.).

Наглядной иллюстрацией такой частичной синхронизации является, в частности, зеркало из кургана №1 под Ленковцами. На этом экземпляре отчётливо видно, как сломавшаяся(?) центральная ручка была заменена на боковую (Мелюкова 1953: рис.28/3). Добавлю, что абсолютно аналогичным образом подверглось переделке и зеркало из погр.5 могильника Аюд («Городской парк») в Трансильвании (Vasiliev 1980: pl. 24/2). Наверное, имеет смысл синхронизировать оба эти комплекса, а поскольку в трансильванском погребении другого инвентаря не найдено, то и датировать его можно по комплексу из Ленковцев, т.е. около середины VII в. до Р. Х.[22] Однако, наиболее чёткий пример синхронного, на каком-то этапе, бытования обоих типов зеркал даёт курган Перепятиха.

Все эти случаи не остались незамеченными И. Н. Медведской, и она немедленно определила период сосуществования двух типов зеркал. Этим периодом является отрезок времени, который прошёл между сооружением 1-й и 2-й гробниц Репяховатой Могилы (Медведская 1992: 92). Известно, что в раннем захоронении этого кургана (№1) найдено зеркало с центральной ручкой, а в позднем (№2) — с боковой. Стратиграфическая ситуация в Репяховатой Могиле (поздняя гробница перерезает материковый выброс из ранней) вполне определённо свидетельствует о том, что между совершением двух захоронений под одной насыпью прошёл какой-то период времени, в течение которого место расположения основной гробницы было уже основательно подзабыто строителями. Сколькими годами или десятилетиями следует измерять этот временной отрезок, на самом деле сказать трудно. Однако, даже если мы остановимся на цифре 30—40 лет (одно поколение, или чуть больше), которая кажется мне предельно допустимой, то учитывая усреднённую по хронологии античной керамики дату гробницы №2 — начало — первая чтв. VI в. до Р. Х., — получается, что захоронение в гробнице №1 было совершено где-то в последней четверти (трети) VII в. Собственно говоря, почти то же самое следует и из таблицы в статье И. Н. Медведской, где и Перепятиха, и Репяховатая Могила помещены между этапом РСК–2 и РСК–3. Правда, здесь, вероятно, речь идёт о третьей четверти столетия.

нивая наметившуюся среди румынских археологов (Г. Маринеску, А. Вулпе) тенденцию к удревнению трансильванской группы, писал, что нет оснований датировать её раньше, чем лесостепные памятники скифского типа (Chochorowski 1987: 168; 1989, p. 548). Думается, нет этих оснований и сейчас.

[20] Попутно замечу, что на том же основании, в первую пол. VII в. можно переместить и ряд раннескифских комплексов Бессарабии (Страшены, Чобручи [Рис. 36/Б—В]). Именно это предлагает сделать А. Гавлик, добавляя к этим комплексам и погребение у Ст. Куконешт (Gawlik 1998: 56).

[21] Собственно говоря, как раз это обстоятельство и заставляет выделить некий переходный этап между второй и третьей фазами РСК.

[22] Захарейкова Могила — ещё один комплекс этапа РСК–3, где обнаружено бронзовое зеркало, на котором центральная ручка заменена на боковую (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: 59—60, рис.36).

Датировка Перепятихи, предложенная С. А. Скорым (последняя четверть, или самый конец VII в. [Скорий 1990: 68]), совершенно не исключает того, что зеркала с центральной ручкой находились в употреблении вплоть до конца VII в. до Р. Х. Этому не противоречит и ряд комплексов, в которых эти зеркала встречены вместе с таким явным хроноиндикатором РСК–3, как каменные блюда-жертвенники, которые (судя по погребениям ольвийского некрополя) бытуют и в VI в. Среди таких комплексов можно назвать ту же Перепятиху (Скорий 1990: рис.9), Захарейкову Могилу (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: 58—60, рис. 34), Журовку 407 (Ильинская 1976: 24, 154, табл. X/3; рисунок блюда отсутствует), курган №2 у с. Герасимовка на Левобережье (Ильинская 1968: табл. XLVI/1—7), а также курган №5 на западной окраине Ростова (Максименко 1983: 25, рис. 10/1—5).[23]

Зеркало с центральной ручкой из погр. 5 могильника Мэришелу в северо-восточной части Трансильвании находилось вместе с бронзовой фибулой, приёмник у которой оформлен в виде «беотийского щита» (Рис. 65/В). В настоящее время считается, что такие фибулы (тип Глазинац–II) не старше середины VII в. до Р. Х. Что же касается экземпляра из Мэришелу, то он, вероятнее всего, может датироваться концом столетия (см. ниже).

Тем самым, «удержать» бронзовые зеркала с центральной ручкой на отметке 650 г. до Р. Х. — невозможно. Этот хроноиндикатор может в равной степени указывать как на этап РСК–2, так и на фазу РСК–3 (Смирнова 1993: 107; Еременко 1997: табл. 3). Тогда очевидно, что данный хроноиндикатор нельзя использовать как безоговорочный аргумент для удревнения трансильванской группы до первой пол. VII в. до Р. Х.

Расширяя набор доказательств в пользу такого удревнения, Я. Хохоровски соответствующим образом интерпретирует фактор сероглиняной гончарной керамики. Как известно, комплексы группы Векерзуг, начиная с VI в., изобилуют подобной керамикой. В западноподольской группе, она представлена уже во второй пол. VII в. Однако, в Семиградье сероглиняная гончарная керамика отсутствует совершенно. Я. Хохоровски объясняет это тем, что трансильванская группа сформировалась раньше группы Векерзуг и, что особенно важно, раньше западноподольской (Chochorowski 1996: 135). В принципе, такое объяснение не слишком убеждает. В самом деле, что мешало появлению СГК в Трансильвании в более позднее время? Однако, если развить точку зрения польского исследователя на основе той модели распространения СГК в Карпато-Днестровском регионе, которая была предложена выше, то скорее всего, идея гончарной керамики в сопровождении её носителей — античных ремесленников, попросту обошла Трансильванию стороной. Виной тому две причины. Во-первых, как мы уже предположили, эта идея могла оказаться нежизнеспособной в варварской среде Карпатского бассейна и исчезла вместе с её носителями. Во-вторых, её перемещение было фактически обусловлено перемещением этих самых носителей, которые на волне импульса, положившего начало группе Векерзуг рубежа VII/VI вв., оказались на Венгерской равнине, минуя Трансильванию. Иными словами, отсутствие СГК в Карпатской

[23] По поводу этнокультурной атрибуции этого донского комплекса среди исследователей нет единодушия. Так, В. Е. Максименко относит его к числу савроматских (Максименко 1983: 25), а М. Г. Мошкова — к скифским (Мошкова 2000: 208). Однако, для нас в данном случае важна его территориально-хронологическая позиция в сочетании с типами инвентаря.

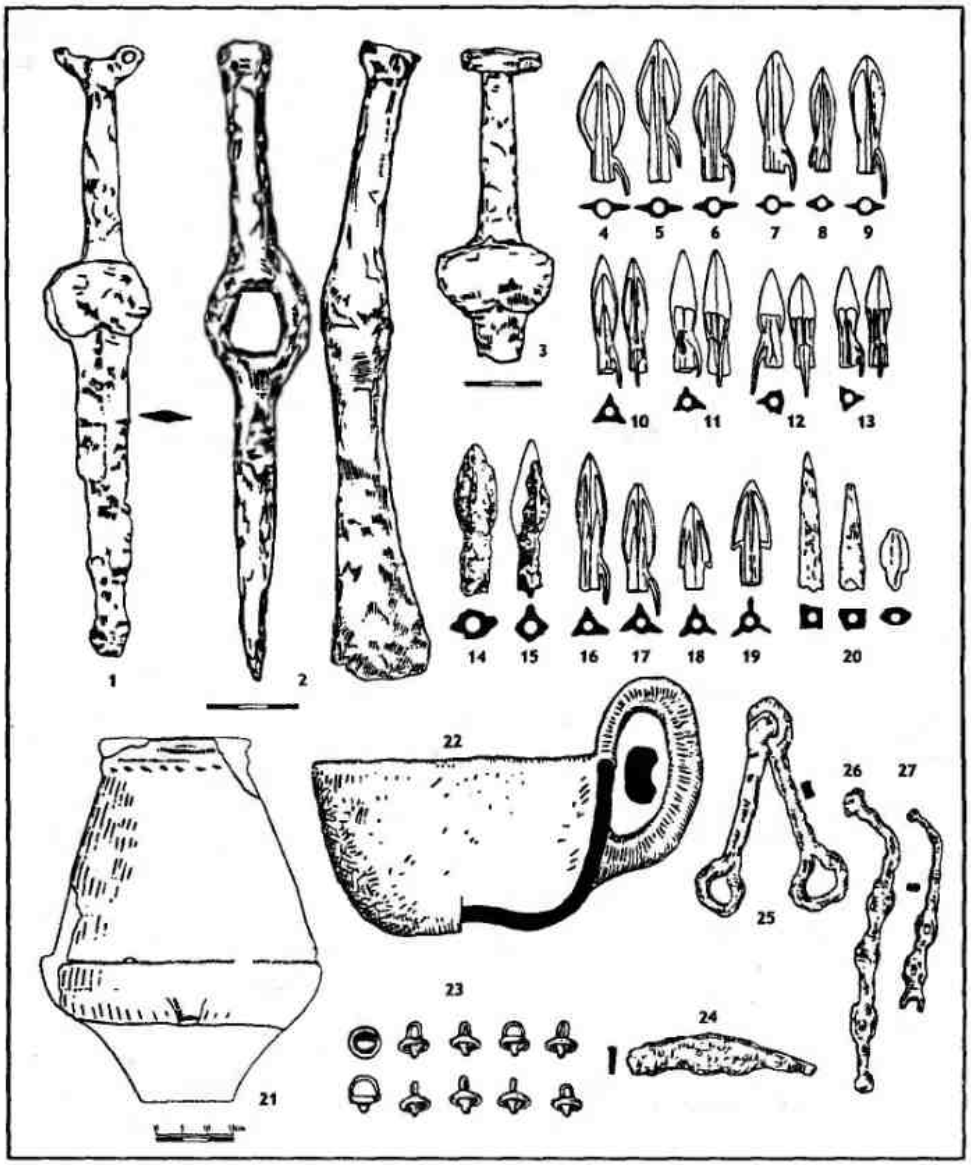


Рис. 64. **Инвентарь погребения №9 могильника Кристешть (по [*Crişan 1974; Chochorowski 1987*])**
Grave goods from burial №9 of the cemetery Cristești
1–3, 14, 15, 25–27 — железо; *20–22* — кость; *23, 24* — керамика; остальное — бронза.

котловине не может служить доказательством глубокой древности скифского анклава здесь по сравнению с аналогичными очагами соседних территорий. Это всего лишь случай, за которым вряд ли стоят какие-то глубинные причинно-следственные закономерности хронологического порядка. Тем более, что по составу прочих хроноиндикаторов VI в. до Р. Х. трансильванская и потисская (Сентеш–Векерзуг) группы мало чем отличаются друг от друга (бронзовые крестовидные бляхи, зеркала «ольвийского» типа, базисные наконечники стрел и пр.).

Одним из наиболее ранних комплексов трансильванской группы, Я. Хохоровски вполне обоснованно считает погр. №2 могильника Теюш (Рис. 63 [Chochorowski 1998: abb. 3]). В колчанном наборе из этого комплекса присутствуют 7 железных длинновтульчатых наконечников, напоминающих бронзовые новочеркасские прототипы (Рис. 63/1—7). Почему напо-

минающих? Потому что технология производства железных стрел в этот период, при которой каждый наконечник изготавливался индивидуально, не позволяла достичь того, легко узнаваемого стандарта, который присущ серийно отливавшимся новочеркасским бронзовым наконечникам, даже после того, как перо стрелы подвергалось проковке.[24] Таким образом, правильнее будет говорить о том, что в погр. №2 из Теюш зафиксировано некое подобие наконечников стрел позднейшего предскифского периода. Хронология бронзовых наконечников стрел новочеркасского типа, которые, кстати, судя по сводке Я. Хохоровского, совершенно неизвестны в Карпато-Дунайском бассейне, определяется по-разному. В зависимости от того, какую дату для новочеркасского этапа предпочитает тот или иной исследователь, можно выбирать и тот рубеж, после которого эти наконечники уже не используются. Выбор, надо сказать, довольно широк — от середины VIII в. (Г. Коссак) до середины VII в. до Р. Х.

Для трансильванского комплекса VIII век исключается в любом случае, уже хотя бы потому, что в колчанном наборе преобладают наконечники келермесских типов. Поэтому Я. Хохоровски ограничивает дату Теюш первой пол. VII в., не преминув, правда, предельно удревнить этот диапазон, воспользовавшись допуском в полстолетия — рубеж VIII/VII вв. до Р. Х. (Chochorowski 1998: 480).

Некоторую дополнительную информацию к размышлению по этому же поводу даёт стрелковый набор из Цукур-лимана. Собственно, не весь набор, а лишь 1 наконечник из него. Его фотография в статье Е. Прушевской, конечно не самое лучшее из возможных воспроизведений. Однако, очевидно, что это длинновтульчатый, двухлопастной железный наконечник с ромбовидным (или, как пишет автор статьи, — «ромбоидальным») силуэтом (Прушевская 1917: 57). Он практически ничем не отличается от наконечников из погр. 2 в Теюш. И если вслед за Я. Хохоровским полагать, что наконечники из Теюш новочеркасские, то к этому же типу нужно отнести и экземпляр с Таманского полуострова. Излишне наверное напоминать, что ионийская ойнохоя из Цукурлимана, да и весь остальной инвентарь не может иметь никакого отношения к предскифскому периоду. Мало того, сейчас датировка греческого сосуна, предложенная Е. Прушевской (ок. 600 г.), считается заниженной. М.Ю.Вахтина предлагает датировать его второй чтв. VI в. до Р. Х. (Вахтина 1991: 7).

По наиболее ранним вещам датирует Я. Хохоровски и ещё один комплекс из Трансильвании — погр. 9 из Кристешть (Рис.64 [Chochorowski 1987: 169, tyc. 5; 1998: 480]). Здесь он указывает на наличие в стрелковом наборе наконечников жаботинского типа. Затем, ссылаясь на работу С. В. Полина, Я. Хохоровски ограничивает время бытования этих стрел серединой VII в. до Р. Х. и тем самым, определяет *t. a. quem* комплекса в целом. А между тем, среди наконечников в погр. 9 есть и экземпляры с треугольно-сводчатой головкой, которые в большинстве случаев являются хроноиндикаторами РСК-3. Что же касается жаботинских наконечников, то в Кристешть есть лишь один экземпляр, который *может быть* таковым (Рис. 64/7). Кстати, в этом же стрелковом

[24] Весьма неожиданной находкой следует считать серию железных наконечников стрел, на этот раз уже определённо новочеркасского облика, из поселения Пояна (жуд. Галац) на левом берегу Сирета в Южной Молдове (Teodor, Nicu, Ţau 2000: fig. 39). Факт действительно достойный внимания, особенно если учесть, что прочие материалы этого гето-дакийского памятника не древнее IV в. до Р. Х. Авторы публикации, впрочем, не видят в этом ничего уди-вительного, так как считают, что упомянутые наконечники стрел имеют многочисленные аналогии на дакийских поселениях (Teodor, Nicu, Ţau 2000: 47)

наборе также присутствует один длинновтульчатый железный наконечник, весьма похожий на экземпляр из Цукур-лимана (Рис. 64/14).

Погребение из Кристешть, безусловно, один из древнейших раннескифских памятников Трансильвании. При этом, наиболее выразительным хроноиндикатором, на мой взгляд, следует считать железные трёхдырчатые псалии, которые Т. Кеменцеи, совершеннно справедливо сравнивал с аналогичными экземплярами из клада Фюгед (Рис. 64/26). Вряд ли, однако, это позволяет распространять датировку погр.9 на всю первую половину VII в. до Р. Х. (Kemenczei 1994: 81). Скорее всего, здесь опять-таки речь может идти о времени близком середине столетия.[25]

Далее. Грунтовой могильник Мэришелу в северо-восточной Трансильвании также отнесён к числу наиболее ранних по наличию здесь наконечника копья с двумя параллельными отверстиями на пере (Chochorowski 1998: 480). Копья, пожалуй, самый аморфный в хронологическом отношении индикатор среди наступательного вооружения раннего железного века, уступающий по степени надежности не только наконечникам стрел, но и мечам. Поэтому наконечник из Мэришелу (кстати, случайная находка на территории могильника), как хроноиндикатор вряд ли предпочтительнее фибулы с приемником в форме беотийского щита из погр. 9 этого же могильника (Рис. 65/В). Судя по новейшей работе Р. Васича, фибулы такого типа не могут датироваться ранее середины VII в. до Р. Х. (Vasič 1999: 65). Г. Маринеску указывает конкретный археологический контекст (поселения Перахора), в котором подобная фибула датируется временем после 620 г. до Р. Х. (Marinescu 1984: 77). Что же касается наконечников копий с двумя параллельными отверстиями в нижней части пера, то Г.Маринеску приводит целый перечень находок из Карпато-Дунайского региона, которые, по его мнению, позволяют датировать подобные экземпляры не только VII, но и первой пол. VI в. до Р. Х. (Marinescu 1984: 75, anm. 142).

Потенциальные возможности для удревнения Трансильванской группы, А. Гавлик (вслед за Я. Хохоровским) усматривает в материалах другого могильника из северо-восточной части Трансильвании — Будешть-Фынаце. Речь идёт об ажурных бронзовых «футлярах», обнаруженных в погр. №№3 и 6 (Рис. 65/А—Б). Так же как и Г. Маринеску, А. Гавлик видит аналогии этим вещам в серии ажурных «футляров» предскифского времени (Marinescu 1984: 75; Gawlik 1998: 57). При внимательном сравнении видно, что типологически (силуэт, сечение, орнаментальная схема) экземпляры из Будешть-Фынаце мало похожи на предскифские (Рис. 70). Хотя не исключено, что функционально (если считать эти футляры «ажурными» ножнами для небольших кинжалов или обкладками окончания ножен для более длинных клинков), по крайней мере, 1 экземпляр из погр. 3 может соответствовать «футлярам» предскифской серии. Об экземпляре из погр. 6 нельзя сказать и этого. Вероятно, Г. Маринеску прав, когда полагает, что этот предмет может быть втоком (Hülse) для древка копья (Marinescu 1984: 75).

В целом же, анализируя материалы двух могильников из Северо-Восточной Трансильвании (Будешть-Фынаце и Мэришелу [Рис. 65]), на мой взгляд, есть все основания соглашаться с теми датировками, которые предложил для этих памятников опубликовавший их Г. Маринеску. Полагая, что Будешть-Фынаце несколько старше Мэришелу, он, тем не менее, помещает оба могильника в рамки вто-

[25] Чуть раньше, публикуя комплекс из Фюгед, Т. Кеменцеи поступал наоборот. Датировка Фюгед строилась по аналогиям из Кристешть/Марошкерестур и Чипэу. На этом основании, северовенгерский клад был отнесён ко второй пол.VII в. до Р. Х. (Kemenczei 1988: 80—81).

рой пол. VII — первой пол.VI вв. до Р. Х. (Marinescu 1984: 81).

Не будем забывать и о том, что проблему культурной трансформации в Карпатской котловине периода HaC формируют отнюдь не только скифские элементы. Как известно, в VII в. до Р. Х. в Трансильвании существует и местное, позднегавское население, опорными пунктами которого являлись достаточно многочисленные городища, разветвлённая сеть которых, охватывала бассейны Муреша и Тырнавы, Сомеша и верховья Олта (Рис. 53). Возникновение этих городищ относится ещё к периоду HaB (HaB$_{2-3}$ [Vasiliev 1983: 54; 1995: 153; Chochorowski 1989: 90]). Нас, однако, интересует их верхняя дата и вот почему. Некоторые наиболее изученные городища (Чичеу-Корабя, Телеак, Субчетатя), как показали археологические раскопки, прекращают свое существование, по-видимому, в результате военного нападения. Этот разгром имел место на ступени HaC и практически единодушно связывается с появлением в Трансильвании скифских отрядов. Важно знать, на каком отрезке периода HaC это произошло. В. Васильев, вообще полагает, что речь должна идти о начале VI в. до Р. Х. (Vasiliev 1995: 154; Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: 124). И, хотя, эта дата кажется завышенной, однако, существование позднегавских городищ ещё во второй пол. VII в., похоже, мало кем ставится сейчас под сомнение (Chochorowski 1987: 162). Если это так, и гибель городищ — следствие вторжения скифов (Chochorowski 1987: 168), то оба эти явления следует считать синхронными. Тогда сторонникам низких дат трансильванской группы необходимо объяснить, почему мирное на протяжении, по меньшей мере, полустолетия соседство скифов с аборигенами внезапно сменилось агрессивным противостоянием? Можно, правда, понизить и дату гибели городищ до первой пол. VII в. Однако, этому явно противоречат археологические источники. Рассмотрим те данные, которыми оперирует В.Васильев.

В самом верхнем, III горизонте обитания городища Телеак, который непосредственно предшествует разгрому, были обнаружены немногочисленные фрагменты керамики культуры Басараби. Дальнейшие рассуждения строятся следующим образом. Верхняя дата городища Телеак определяется в пределах ступени HaC, вероятно, второй его половины, или в абсолютных значениях — не ранее середины VII в. до Р. Х. Этим же рубежом (сер. VII в.), только теперь он будет являться верхней датой, ограничивается и активная фаза существования культуры Басараби в целом. Однако, проникновение элементов этой культуры в Трансильванию датируется лишь началом HaC (Ciugudeanu 1976: 20). Тогда получается, что керамика Басараби, учитывая её крайнюю малочисленность в позднейшем слое Телеак (0,2% [Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: 121]) могла оказаться здесь около середины, либо в самом конце первой половины VII в. до Р. Х.[26] Спустя какое-то, скорее всего, очень непродолжительное время, городище было разгромлено. Вместе с тем, понятно и то, что такая трактовка, в принципе, не ограничивает нижний рубеж попадания керамики Басараби на городище в пределах первой пол. VII в. Для того, чтобы

[26] Для В.Васильева наличие в слое Телеак–III басарабской керамики означает несколько иное. Придерживаясь высоких (пожалуй, самых высоких на сегодняшний день) датировок для культуры Басараби, он полагает что эти древности доживают вплоть до HaD. Поскольку в комплексах скифского типа, следов влияния Басараби не ощущается (главным образом, имеется в виду орнаментированная керамика), то это означает, что обе культуры хронологически не пересекались друг с другом. Отсюда следует вывод о том, что скифы появились в Трансильвании тогда, когда «фактор Басараби» был уже ассимилирован местной средой, то есть — не ранее VI в. до Р. Х. (Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: 125; Vasiliev 1995: 154–155).

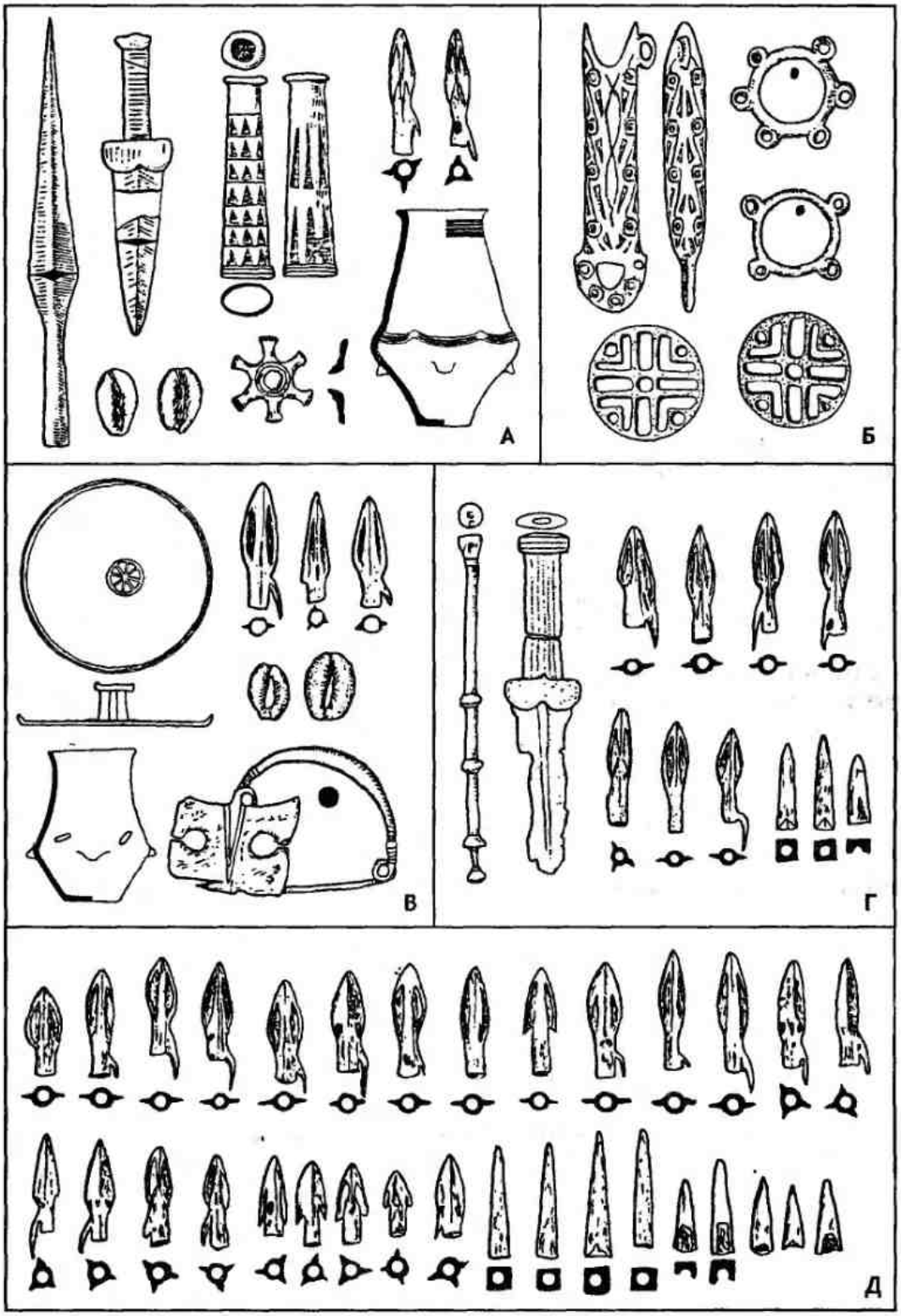


Рис. 65. **Некоторые комплексы могильников Мэришелу и Будешть-Фынаце (по [*Marinescu 1984*])**
Some complexes from the Mariselu and Budesti-Finatse cemeteries

А — Будешть-Фынаце (погр. 6)
Б — Будешть-Фынаце (погр. 3)
В — Мэришелу (погр. 5)
Г — Мэришелу (погр. 4)
Д — Мэришелу (погр. 1)

попытаться сократить этот диапазон, воспользуемся материалами другого памятника — поселения Иернут. Этот пункт считается наиболее северным поселением, принадлежащим собственно культуре Басараби. Место его расположения — бассейн р. Муреш (Рис. 53). По мнению авторов раскопок, жизнь на поселении продолжалась около 50 лет, в конце VIII — нач.VII вв. (Gogîltan, Ursuţiu 1994: 93), а заброшено оно было в абсолютно мирной обстановке, по каким-то причинам, весьма далеким от военной угрозы или непосредственного нападения. Последнее весьма показательно, если учесть, что это неукреплённое поселение располагалось в самом центре раннескифского анклава в Трансильвании, всего в нескольких километрах от могильника Чипэу (Рис. 53), одного из самых ранних памятников скифской культуры в Карпатской котловине.[27]

Все эти примеры призваны убедить в том, что в первой половине VII в. до Р. Х. обстановка в Трансильвании была весьма далекой от апокалиптической. Можно не соглашаться с В. Васильевым, который доводит время существования позднегавского населения в Трансильвании чуть ли не до первой пол. VI. в. до Р. Х. Однако, другой крайностью было бы полагать, что это население исчезает (вместе с городищами) на рубеже VIII/VII, или в начале VII вв. до Р. Х. Альтернативный вариант — какой-то период добрососедского сосуществования номадов и аборигенов — не подтверждается материалами раскопок городищ. Находки вещей скифского типа здесь единичны, а их типы (наконечники стрел) скорее могут свидетельствовать о нападении кочевников, нежели о каких-то мирных формах взаимоотношений и контактов. А, кроме того, как мы видели, именно в первой половине VII в. в Трансильванию с юга проникает население культуры Басараби. Согласимся, что подобная инфильтрация оседлоземледельческого населения в районы, где проявляют активность номады, выглядит, по меньшей мере, странно.

По всей вероятности, датой гибели позднегавских городищ в Трансильвании не может быть время ранее середины VII в. Вместе с этой датой, а также с учётом всего сказанного выше, я не вижу и оснований для столь радикального пересмотра хронологии трансильванской группы, каким является перенос её начальной даты вглубь первой пол. VII в. вплоть до рубежа VIII/VII вв. до Р. Х.

Полемика вокруг хронологии трансильванской группы неожиданно оказалась полезной несколько в другом аспекте. Новые даты скифских памятников в Семиградье, пожалуй, впервые серьёзно поставили под сомнение идею территориально и хронологически последовательного расселения носителей РСК с востока на запад. Сама возможность перемещения хронологических рамок трансильванской группы независимо от западноподольской уже предполагает различные пути (в т.ч. и географические) формирования этих двух очагов раннескифской культуры. Впрочем, география в данном случае отошла далеко на задний план, вытесненная хронологией. И надо сказать, совершенно напрасно.

В своё время я предложил ввести в состав хроноиндикаторов раннескифской культуры подвески из раковин-каури (Бруяко 1999). В этой же работе был приведен ряд соображений по которым распространение этих подвесок в раннескиф-

[27] В зоне группы Чумбруд находится ещё одно поселение культуры Басараби — Ченду. В. Васильев и А. Зринуи, опубликовавшие материалы этого памятника, датировали его второй пол. (концом?) VII — первой пол. (началом?) VI вв. до Р. Х. (Vasiliev, Zrinyi 1987: 110 и сл.). А Вульпе синхронизировал Ченду с ранней фазой Фериджиле, полагая, что поселение не может быть датировано ранее середины VII в. (Vulpe 1986: 56).

ском ареале Восточной Европы в VII в. до Р. Х. следует связывать исключительно с областью Северного Кавказа (кобанская культура, протомеотские памятники), при том что греческие купцы участия в этом процессе в архаическую эпоху, скорее всего, не принимали.[28] Хотя, казалось бы, ничего не мешало проникновению каури в лесостепь посредством ранних греческих колоний Нижнего Побужья конца VII — нач. VI вв. Однако, дело в том, что ни на Березани, ни в Ольвии, ни на Ягорлыцком поселении в слоях этого времени подобных раковин, как-будто бы, нет. Все известные мне на сегодняшний день находки каури в античных городах Северного Причерноморья, не древнее позднеархаического периода — Торик (Онайко 1980: табл. XXIX/337) и Порфмий (информация М. Ю. Вахтиной). В итоге оказалось, что для VII в., имеется 2 крупные культурно-географические области за пределами Северного Кавказа, где комплексы периода РСК содержат большое число каури. Это Среднее Поднепровье и Трансильвания.[29] Синхронные памятники западноподольской группы, причём как погребения, так и поселения, до сих пор не дали ни одного экземпляра таких подвесок (см.ниже).[30]

Поскольку источник распространения каури — районы Северного Кавказа, то отрыв какой-то группы населения от этих районов означал и отрыв от источника поступления каури. В свою очередь, это может свидетельствовать о том, что первоначально те раковины-подвески, которые были обнаружены в раннескифском Поднепровье, оказались там вместе с людьми, на которых они в буквальном смысле слова, находились в качестве украшений.[31] Но если для лесостепной Украины возможность последующего поступления каури с территории Северного Кавказа наверняка сохранялась, то для скифов Трансильвании, это было практически невероятным. В этой связи, весьма примечательно наблюдение В. Васильева, согласно которому каури найдены только в ранних комплексах группы Чумбруд (Vasiliev 1980: 132).

В продолжение темы, предлагаю собственный комментарий ещё одного довольно любопытного явления. В Трансильвании, также впрочем, как и в Восточной Венгрии, нет ромбических наконечников стрел жаботинского типа. Это может быть

[28] Некоторые новые и заново озвученные старые данные, на мой взгляд, подтверждают идею хронологически последовательного распространения раковин-каури с юга на север, т. е. с территории Передней Азии и Закавказья через главный Кавказский хребет в северокавказские горно-степные области. Опорными, для начала I тыс. до Р. Х., памятниками, будут здесь комплексы из Марлика и Хасанлу — X—IX вв. (Negahban 1996: pl. 75; Reese 1989: 81—83), Минтечаура — IX—VIII вв. (Асланов, Ваидов, Ионе 1959: 119), Тлийского могильника — VIII—VII вв. (Техов 1981: 37, 44), а далее уже кобанские и протомеотские комплексы Предкавказья.

[29] Не считая ареал кизил-кобинской культуры в горном Крыму, куда каури попадают во второй пол. VII в., также, скорее всего, с территории Северного Кавказа (Бруяко 1999: 49—50). Центральноазиатские памятники скифского времени, где тоже в большом количестве встречаются моллюски семейства *Cyprea* (см. напр. [Кубарев 1991: 94-95]), имели, очевидно, свой источник поступления каури, возможно, побережье Южной или даже Юго-Восточной Азии.

[30] Нет их и на Немировском городище. Учитывая, что этот памятник даёт весьма представительную коллекцию ранней греческой керамики, совпадение этих двух обстоятельств, можно рассматривать как косвенный аргумент, свидетельствующий о непричастности эллинских торговцев эпохи архаики к распространению этих подвесок в Причерноморье

[31] А. Ю. Алексеев обратил моё внимание на то, что в одном из комплексов Келермесского могильника (курган №24) каури, по всей видимости, входили в состав украшения конской сбруи (Галанина 1997: 245—246). В тоже время, скажем, в Медвине, Синявке 100, да и в Репяховатой Могиле эти раковины наверняка являлись частью ожерелий.

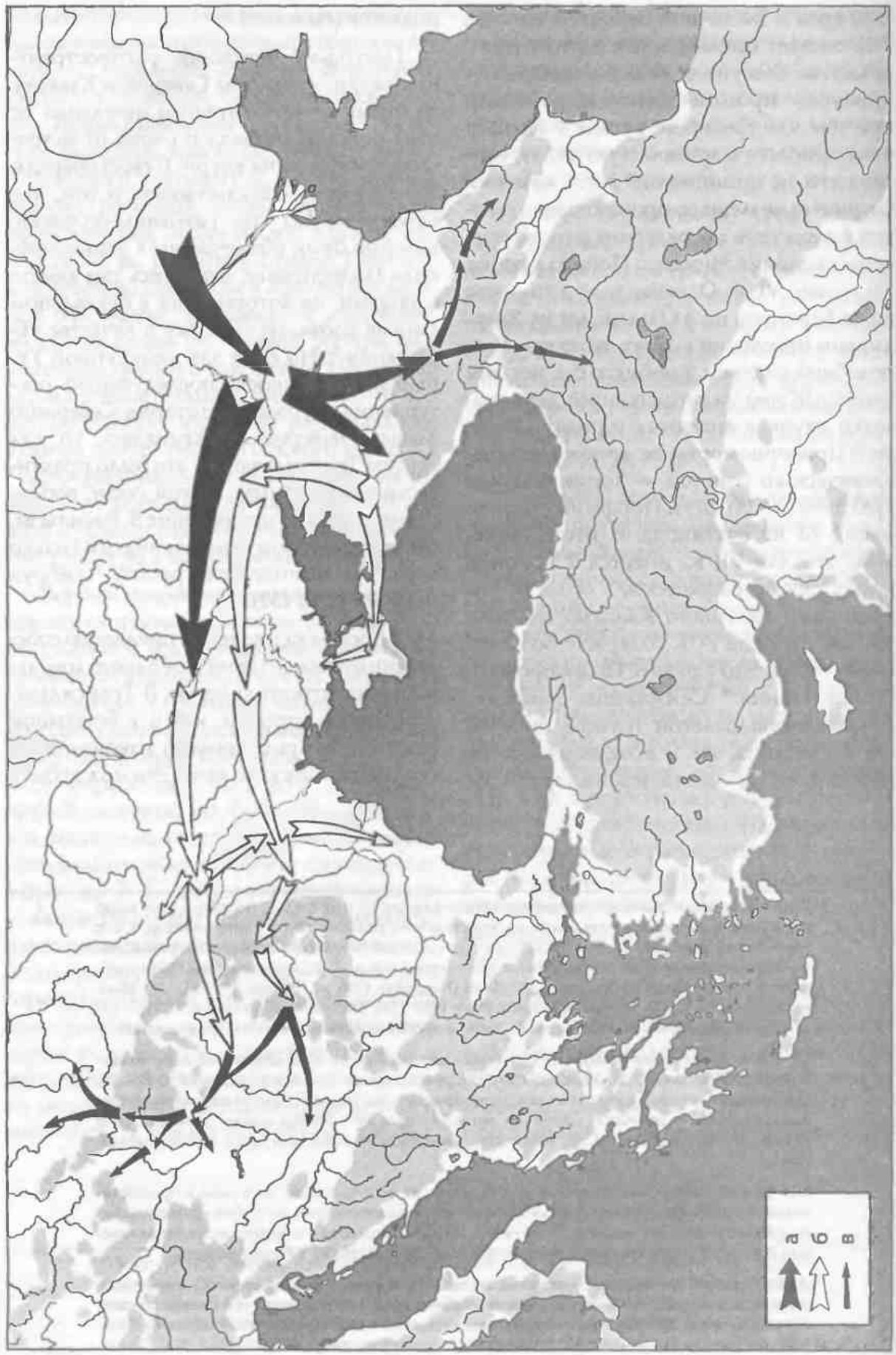

а
б
в

Рис. 66. **Активная фаза скифской миграции в Европу (конец VIII — VI вв. до Р. Х.)**

Active phase of the Scythian migration in the Europe (end VIII — VI cent.B.C.)

а — пути расселения в конце VIII — нач. VII вв.

б — пути расселения в середине — второй пол. VII вв.

в — маршруты набегов VII—VI вв.

весьма серьёзным аргументом для датировки начальной фазы группы Чумбруд, учитывая тот факт, что в Восточной Европе ромбические наконечники выходят из употребления к середине VII в. (Полін 1987: 21). Наличие таких наконечников в трансильванской группе, в свою очередь, было бы достаточно серьёзным основанием для её выхода в первую пол. VII в. до Р. Х. Это одна, хронологическая сторона вопроса. Попробуем рассмотреть её вместе с территориальным (географическим) аспектом.

Итак, в колчанах скифских всадников, проникших в Трансильванию, ромбических наконечников стрел уже не было. Это может означать, что скифы оказались в Семиградье не ранее середины VII в., т. е. тогда, когда согласно С. В. Полину, такие наконечники стрел уже не использовались в районах, лежавших к востоку от Карпатской дуги. Вторая часть этого тезиса верна лишь отчасти. Дело в том, что единичные находки интересующих нас наконечников стрел известны в западноподольской группе (Братышев). Ещё несколько происходят из ареала родственной ей черепинско-лагодовской группы памятников на Львовщине (Крушельницька 1976: рис. 51; Бандрівський та ін. 1993: рис. 109/1—3).[32] При этом, в кургане II из Братышева ромбические наконечники сопровождались бронзовым зеркалом «ольвийского» типа (Sulimirski 1936: pl. II; Мелюкова 1998: 110). А это уже означает, что пусть не массово и не повсеместно, но эти наконечники продолжают использоваться, по крайней мере, и во второй пол. VII вв. до Р. Х.

Почему же их нет в Трансильвании, где степень изученности соответствующих памятников и обилие отдельных находок, вполне позволяют исключить случайность этого явления?

Предлагаю интерпретировать данный феномен исходя из трёх положений. Во-первых, в районе, откуда скифская орда начала свое движение в сторону Трансильвании, к началу этого похода ромбические наконечники стрел действительно уже не использовались. Во-вторых, движение это, было черезвычайно стремительным, а его маршрут пролегал таким образом, что не затрагивал раннескифские очаги северопонтийской лесостепи, включая и Среднее Поднестровье. В-третьих, совершив этот марш-бросок в Трансильванию, скифы оказались здесь в достаточно плотной культурной изоляции, которая на какое-то время (вторая пол. VII в.) исключила возможность всяческих контактов с районами к востоку от Карпатской дуги.

Теперь дело за малым. Необходимо иметь абсолютную уверенность в том, что в северокавказском регионе ромбические наконечники стрел жаботинского типа полностью выходят из употребления к середине VII в. до Р. Х. Почему именно на Северном Кавказе? Вероятнее всего, население РСК оказалось в Тран-

[32] Два ромбических наконечника из Рудковецкого городища (Крушельницька 1998: рис. 1/5—6), вероятнее всего, датируются предскифским временем, поскольку на городище, похоже, выделен лишь горизонт обитания этого периода (Винокур 1985: 45—46, рис. 10).

сильвании, действительно минуя ареал западноподольской группы на Среднем Днестре, прийдя сюда либо из районов Поднепровья, либо непосредственно с территории Северного Кавказа (Рис. 66). Последнее, теперь кажется более вероятным. Кратчайший путь из Поднепровья по направлению к Карпатам пролегает как раз через территорию Подольской возвышенности. Продвигаясь же из Предкавказья через степное Причерноморье и центральную часть Бессарабии, кочевники, а вместе с ними, наверное, и поднятая ими же с насиженных мест какая-то часть оседлого населения Северного Кавказа, оставляли Среднее Поднестровье к северу от своего маршрута.[33] Также севернее оставался и ареал шолдэнештских памятников в Молдавии.

Но тогда в «иллирийском этюде», озвученном выше, наряду со скифской группой двигавшейся из Среднего Поднестровья на юг, в сторону Добруджи, похоже, появляется ещё одно действующее лицо. Перемещение этой новой орды номадов в непосредственной близости от зоны потенциального иллирийского влияния в Восточной Валахии и Южной Молдове, возможно, как раз и привело к появлению культурного феномена типа Трестиана, в комплексах которого сочетаются находки западнобалканских фибул типа Глазинац и раковины-каури (Трестиана, Джурджулешть). А, кроме того, эта скифская группировка наряду с западноподольской могла значительно усилить дезорганизующее начало во фракийской среде Восточного Прикарпатья. Подобная реконструкция событий ведет нас к следующему, достаточно логичному выводу. Переход через Карпаты эта орда, осевшая впоследствие в долине Муреша, почти наверняка осуществила по маршруту предложенному В. Михайлеску-Бырлиба и И. Унтару (Рис. 53/2), т. е. через плато Бырлад в центральной части Молдовы и далее, вверх по течению р. Быстрица.

Нетрудно заметить, что в ходе всех этих рассуждений мы так и не ответили на вопрос — какой же из двух очагов РСК возник раньше, западноподольский или трансильванский? В данном случае это кажется не столь уж важным, поскольку при любом раскладе, эти события разделял весьма непродолжительный отрезок времени с условной серединой, приходящейся на 650 г. до Р. Х. Эта точка даёт нам *t. p. quem* западноподольской группы, и с этим, похоже, никто не спорит. Трансильванский анклав возник либо чуть раньше (где-то во второй чтв. VII в.), либо чуть позже (третья чтв. VII в.). Гораздо существеннее другое. Скифы Среднего Днестра и скифы Семиградья (Трансильвании) — это два разных потока одной волны восточных номадов, пути-дороги которых разошлись где-то на рубеже VIII/VII в. до Р. Х., вскоре после их появления в Волго-Донских степях. Орда будущих скифов Западной Подолии продолжила движение на запад, оказавшись вначале в Поднепровье, а затем и на Среднем Днестре. Трансильванские скифы — это скифы Северного Кавказа, более или менее монолитная масса которых, по прибытии туда была разбавлена местным северокавказским субстратом. Вполне возможно, что вместе с этой скифской группой в Трансильвании могли оказаться и участники малоазийско-закавказской эпопеи, входившие там в состав орды под предводительством Партатуа.

[33] Предполагаемое присутствие в этой орде номадов представителей туземного населения Северного Кавказа заставляет всерьез задуматься над тем, а так ли уже неправ Я. Хохоровски, последовательно отстаивающий идею проникновения в Карпатскую котловину исконных обитателей горно-степной зоны Северного Кавказа (Chochorowski 1993: 240—241, 275). Польский исследователь имеет в виду, правда, в основном доскифскую эпоху.

4.2. Скифские древности в Восточной Венгрии (группа Мезечат и культура Векерзуг)

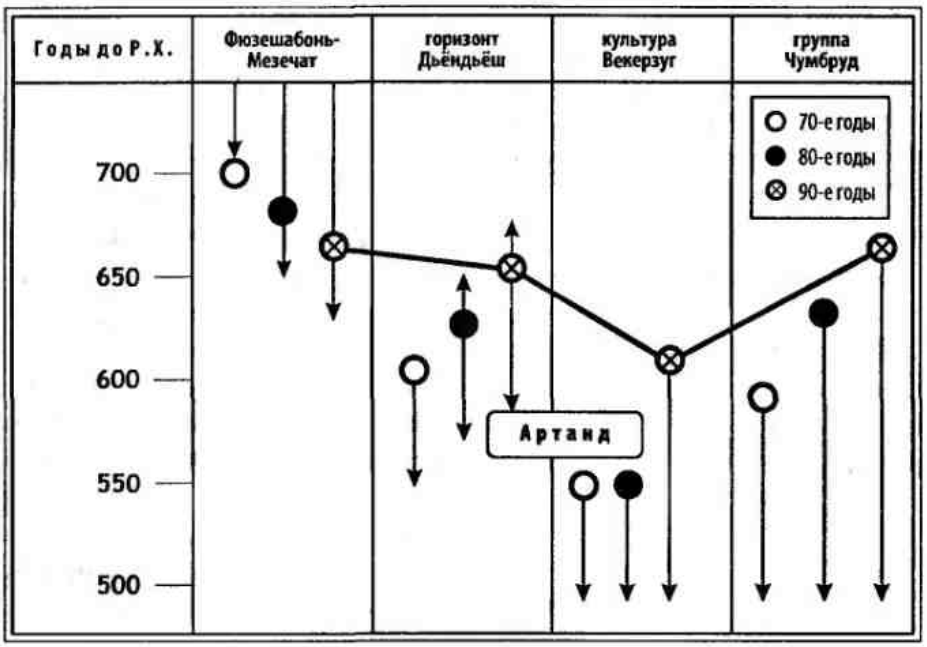
ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ киммерийско-раннескифской материальной культуры, провозглашённая в Восточной Европе, может создать невообразимую путаницу в Средней Европе. Это, видимо, уже начинают ощущать наши западные коллеги, которые сейчас пытаются решить задачу с тремя неизвестными, формирующими здесь раннекочевническую проблематику: группа Мезечат (или Фюзешабонь-Мезечат), культура Векерзуг, трансильванская группа (Чумбруд). До поры до времени их хронология выглядела более или менее отчётливо. Могильники типа Мезечат относились к предскифскому периоду (т. н. «фрако-киммерийский «горизонт) и датировались в целом IX—VIII вв. до Р. Х. Возникновение двух других групп, выделяемых на основе скифского компонента, было разведено во времени. Они обозначали две последовательные волны проникновения в Карпатский бассейн восточных номадов — первая (Трансильвания) — середина — вторая пол. VII в., вторая (Потисье) — середина — вторая пол. VI в. до Р. Х.

Ещё в 1985 г. Я. Хохоровски в своей монографии, посвященной культуре Векерзуг, фактически подтвердил точку зрения М. Пардуца, который за 30 лет до этого писал, что скифский горизонт в Венгрии следует датировать не ранее, чем второй пол. VI в. (Parducz 1954: 73). Причем, Я. Хохоровски даже повысил эту дату, сузив её до последней четверти столетия (субфаза Ia культуры Векерзуг [Chochorowski 1985: 128]). Однако, как мы уже знаем, именно в это время, т.е. в середине 80-х гг. XX столетия, механизм понижения хронологии раннего железного века в Восточной Европе был уже запущен. Книге Я. Хохоровского в какой-то степени не повезло. В высшей мере скрупулёзное аналитическое исследование (что вообще характерно для работ этого исследователя), к моменту выхода из печати уже устарело в той своей, весьма важной части, где речь идёт о хронологии скифских древностей в Венгрии. Вины Я. Хохоровского в этом нет никакой, так как он объективно пользовался теми хроноиндикаторами, датировки которых были приняты в 70-е гг. И вообщем-то, картина получалась достаточно стройной и последовательной. Начало трансильванской группы — около 600 г., первые, содержащие скифские элементы, комплексы в Венгрии — первая пол. VI в. (горизонт Дьёндьёш–Мишколк-Диошдьёр–Артанд) и, наконец, весьма плотный анклав памятников культуры Векерзуг в Алфёльде во второй пол. VI в. до Р. Х.

Уже в рецензии на монографию Я. Хохоровского, С. А. Скорый и В. И. Клочко высказали некоторые сомнения по поводу столь высокой, на их взгляд, начальной даты культуры Векерзуг (далее — КВ). Рецензия вышла в 1989 г. и эти сомнения уже полностью соответствовали духу времени, т. е. той удревнительной тенденции, которая набирала силу. Авторы, правда, ограничились лишь тем, что указали на некоторые типы наконечников стрел из могильников КВ, которые никак не могли соответствовать начальной дате этой культуры по Я. Хохоровскому, а должны были быть отнесены к значительно более раннему времени — ещё к VII в. до Р. Х. (Скорый, Клочко 1989: 265).

В последующих своих работах Я. Хохоровски очень оперативно отреагировал на понижение хронологии раннего же-

Табл.VIII. **Динамика датирования предскифских и раннескифских древностей Карпатского бассейна 70-е — 90-е годы**



лезного века в Восточной Европе. Сейчас, благодаря совместным усилиям целого ряда исследователей, начало КВ передвинуто на рубеж VII/VI вв. и, забегая вперёд, скажу, вполне обоснованно. Одновременно был поставлен вопрос о культурной преемственности предскифских памятников типа Мезечат и КВ. При этом, роль промежуточного звена отводилась памятникам типа Дьёндьёш–Мишколк–Диошдьёр (далее — ДМД), которые хотя и содержали материал хронологически весьма близкий культуре Векерзуг, однако, по мнению Я. Хохоровского, в целом, должны быть значительно старше, а потому не могут быть поставлены в хронологическую связь с КВ, несмотря на то, что культурная связь между этими древностями «...не подлежит дискуссии» (Chochorowski 1987: 175). Таким образом, идея культурного континуитета, хотя и с явными хронологическими пустотами, была обозначена весьма отчётливо. Оставалось заполнить эти самые пустоты конкретным археологическим содержанием. На это, собственно, и были направлены усилия исследователей в 90-е гг., когда тенденция максимального культурно-хронологического сближения венгерских памятников предскифского и раннескифского времени достигла своего пика.

В 1987 г., Я. Хохоровски осторожно предположил, что комплексы типа Дьёндьёш, возможно, соответствуют младшей фазе развития культуры Мезечат (Chochorowski 1987: 165). Однако, осталось неясным, каким образом автору мыслится такое хронологическое совмещение, то ли за счёт повышения финальной даты Мезечат, то ли наоборот — понижения даты памятников типа ДМД. Был ещё и третий вариант — параллельное осуществление этих операций. Именно на нём и остановился Я. Хохоровски. Новая, более низкая дата начала КВ — рубеж VII/VI вв., в значительной степени облегчила и упростила процедуру доказательства культурно-хронологической преемственности указанных выше групп. Лакуна между памятниками типа ДМД и КВ практически исчезла, и в монографии 1993 г. Я. Хохоровски уверенно говорит о преемственности между ними, указывая, правда, по-прежнему на относительно младший возраст культуры Векерзуг, поскольку комплексы последней не обнаруживают

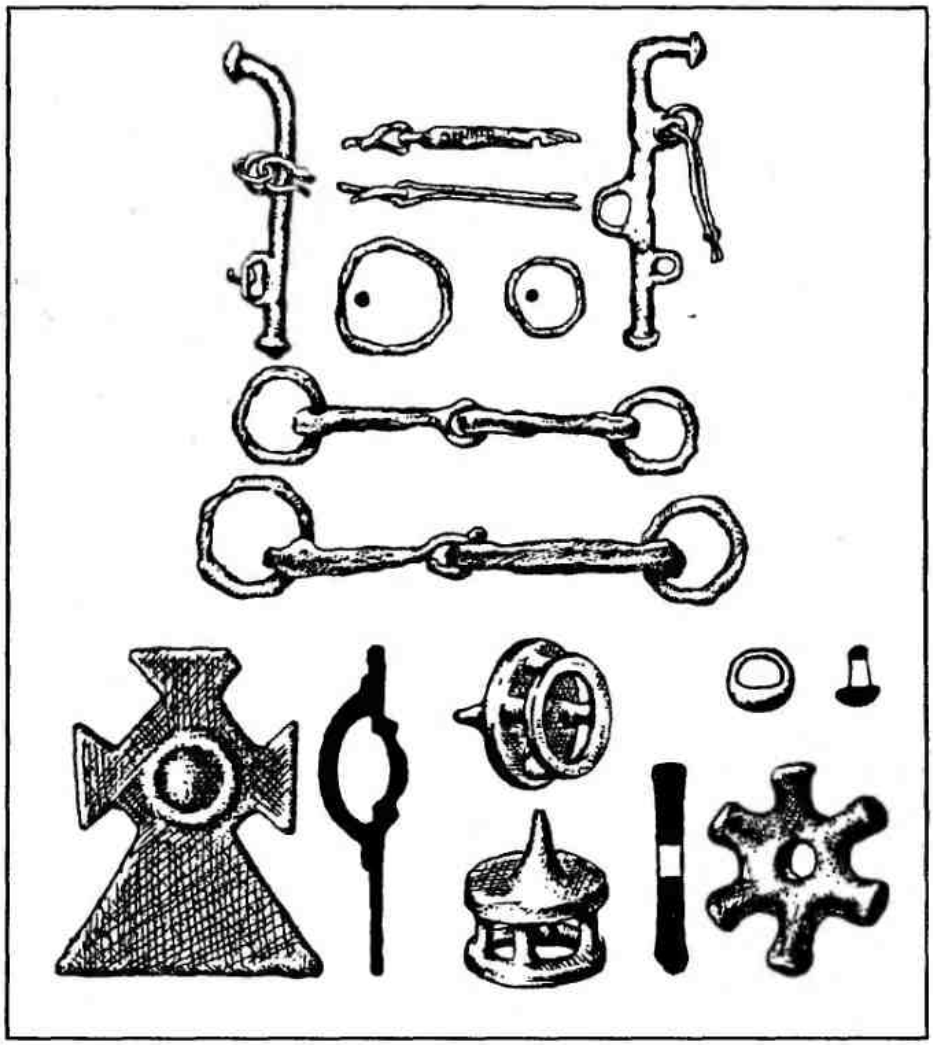


Рис. 67. **Раннегальштатский комплекс из г.Аюд (Нагьеньед) в Трансильвании (по [*Parducz 1965*]).**

Early hallstattian complex from the city Ajud (Transylvania)

таких выразительных гальштатских черт как памятники типа ДМД (Chochorowski 1993: 236).

Соединение другой пары звеньев этой цепочки — Дьёндьёш и Мезечат — оказалось делом более трудным. Слишком уж очевидной была разница в материальной культуре и хроноиндикаторах этих групп. Тем не менее, полагает Я.Хохоровски, по крайней мере, в НаС оба культурных явления вполне могли сосуществовать (Chochorowski 1993: 235). Тем самым подразумевается, что верхняя дата группы Мезечат может находиться уже в VII в., а хронология горизонта ДМД, с одной стороны, максимально приближается к этой группе, а с другой, — практически стыкуется с КВ. Все условия концепции континуитета соблюдены. Культурная преемственность Мезечат — Векерзуг вполне очевидна (Chochorowski 1993: 249, 251). Остаётся решить территориально-географическое противоречие, поскольку основной ареал группы Мезечат — Северный Алфёльд, а культуры Векерзуг — Южный. Оно вполне разрешимо, поскольку увеличение демографического потенциала в Южном Алфёльде и образование КВ произошло в результате переселения сюда носителей группы Мезечат (Chochorowski 1993: 236).

К разработке этой идеи подключились и другие, главным образом зарубежные специалисты. Наиболе радикальный вид она приобрела в работе К. Метцнер-Небелсик (Metzner-Nebelsick 1998). Смысл этой огромной, но чрезвычайно сумбурной статьи, изобилующей нагромождением эпатажных идей, можно с большим трудом свести к нескольким вразумительным выводам:

1) Наличие культурно-хронологической преемственности от группы Фюзешабонь–Мезечат к культуре Векерзуг (S. 367);

2) Появление группы Фюзешабонь-Мезечат при этом, означает появление новых культурных элементов на Венгерской равнине (S. 404);

3) Однако, прямого проникновения восточных номадов в Карпатский бассейн не было (S. 390—391);

4) Многочисленные находки приписываемых им предметов — результат контактов, которые имели комплексную природу (S. 387);

5) И, вообще, есть все основания полагать, что венгерско-трансильванский район, это ещё один, самостоятельный очаг номадизма в Евразии, истоки которого были сокрыты ещё в культуре Ноа(!?) (S. 407—408).[34]

Что касается нашего вопроса, то постулируемый автором культурно-хронологический континуитет от группы Фюзешабонь-Мезечат к культуре Векерзуг, наглядно демонстрирует таблица (Metzner-Nebelsick 1998: 381), исходя из которой, мы имеем дело с единым в культурно-генетическом отношении блоком древностей, распадающимся во времени на 3 фазы:

Фюзешабонь-Мезечат I	после 1000 г.- IX в. до Р. Х.
Фюзешабонь-Мезечат II	VIII в. до Р. Х.
Фюзешабонь-Мезечат III (группы скифского времени)	после посл.чтв.VIII в. до Р. Х.

Надо сказать, что в таком виде, концепция не получила пока всеобщего признания. Весьма сдержанной является реакция русских и украинских исследователей. Нет единства и среди западных специалистов. Однако, факт остаётся фактом. Стремление выстроить непрерывную предскифско-раннескифскую линию развития древностей в Карпатском регионе (Табл. VIII) обозначилось весьма отчётливо и должно быть как-то оценено.

«Фрако-киммерийский» горизонт в Средней Европе завершает 4-я группа комплексов по Я. Хохоровскому, которая датируется рубежом HaB/C и HaC (Chochorowski 1993: 200). При этом, её

[34] Вообще, данная работа, основным недостатком которой, по-моему, является отсутствие логики в рассуждениях, трудно поддаётся какому бы то ни было анализу. Её содержание, пожалуй, наиболее полно характеризует таинственная по смыслу таблица-криптограмма, которая может быть одновременно и эпиграфом и резюме к этому произведению (Metzner-Nebelsick 1998: 410, abb. 31; см. также сокращённый англ. вариант [Metzner-Nebelsick 2000: 184, fig. 13]). Его автор демонстрирует заметную неосведомлённость в проблематике раннего железного века Восточной Европы, что достаточно странно, ибо, насколько мне известно, в Западной Европе, К. Метцнер-Небелсик считается авторитетным специалистом именно в этой области. Помимо весьма поверхностного знакомства с восточноевропейскими археологическими материалами, оказалось, что у автора существуют определённые проблемы с методологией археологического познания, и в частности — с методикой интерпретации материала. Так, требования К. Метцнер-Небелсик к полному тождеству материальной культуры двух различных групп населения — ибо только тогда можно говорить о миграции населения одной группы в ареал другой — крайне непоследовательны сами по себе и, в конечном счёте, доведены до абсурда. К примеру, в одном случае определённого набора сходных признаков совершенно недостаточно, для того, чтобы говорить о миграции (восточные кочевники и группа Фюзешабонь–Мезечат), а во втором — этих же самых признаков более чем достаточно (молдавские погребения раннего железного века и та же группа Фюзешабонь–Мезечат [Metzner-Nebelsick 1998: 367, 404 и сл.]).

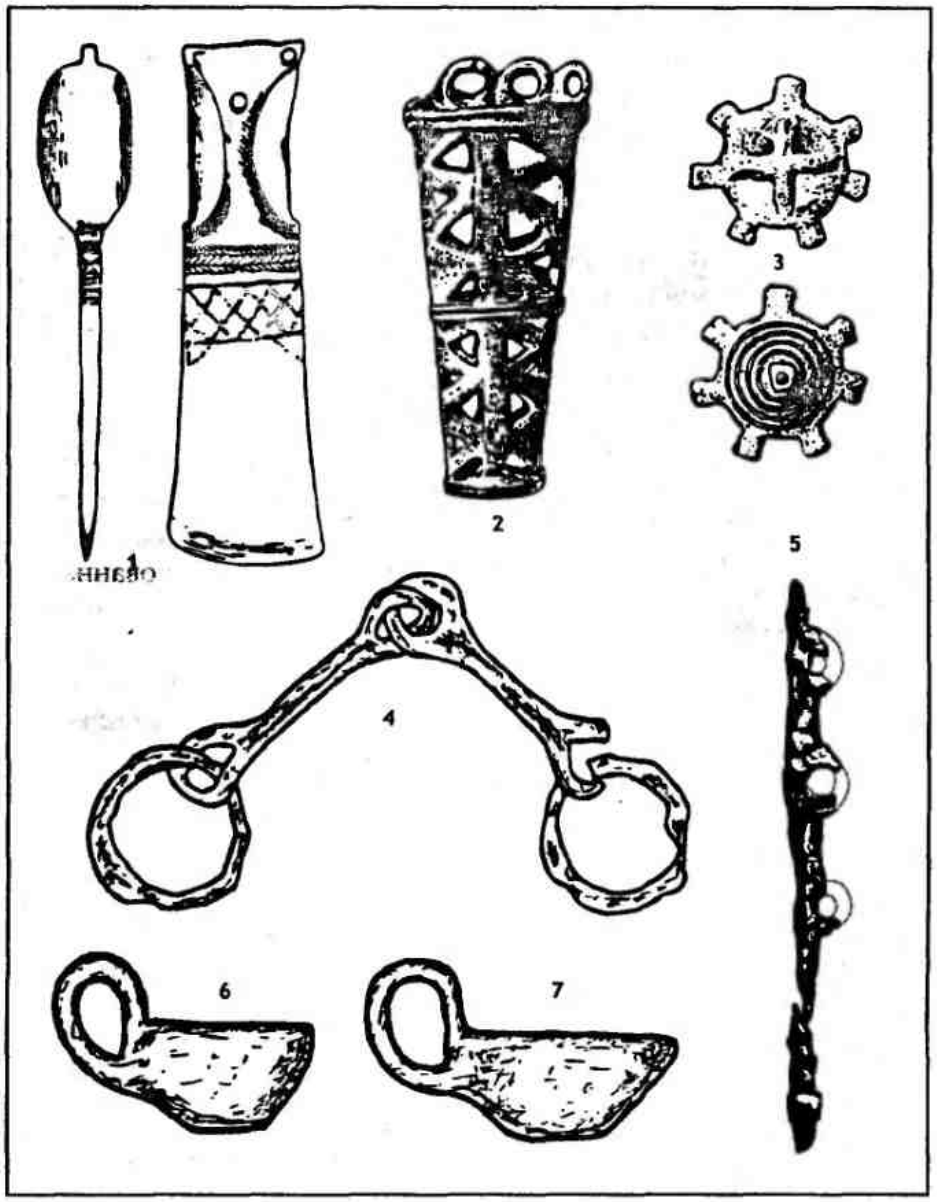


Рис. 68. **Комплекс находок из Артанда (1939 г.)**

Findings from Artand (1939)

1 — тесло; *2* — ажурный «футляр»; *3* — бляха; *4* — удила; *5* — псалий; *6–7* — лепные черпаки (*1–3* — бронза; *4–5* — железо)

Таблица составлена по следующим публикациям: *Parducz 1965, 1973; Археология Венгрии..., 1986.*

верхний рубеж в пределах НаС не уточняется. Трудно отделаться от мысли, что таким образом резервируется определённое пространство для дальнейшего повышения этой даты. Тогда, с учётом активно продвигающегося удревнения трансильванской группы вполне можно будет предельно сблизить или даже совместить предскифский и раннескифский горизонты в Карпатском бассейне. Таким образом, если вначале советские исследователи плелись в кильватере западноевропейских разработок, в первую очередь, Г. Коссака, который ледоколом прошелся по хронологии раннего железного века Восточной Европы, то теперь, уже европейские специалисты бросились догонять чересчур ретивых сторонников идеи

удревнения раннескифской культуры на постсоветском пространстве, поскольку, хронология древностей венгерско-трансильванского региона «отстаёт» от соответствующего горизонта в северокавказской и понтийской областях.

Здесь-то и может возникнуть та путаница культурно-хронологического плана, о которой я предположительно высказался в начале данного раздела. Дело в том, что процессы культурной трансформации в Карпатском бассейне формируют отнюдь не только восточные, кочевнические импульсы. Мы в этом могли уже убедиться на примере Трансильвании. Восточная Венгрия — не исключение. И хотя некоторые исследователи говорят о довольно внушительном отрыве областей, лежащих восточнее дунайской вертикали от культурных традиций Средней Европы периода поздней Урненфельд-раннего Гальштата (Metzner-Nebelsick 1998: 404), однако, развитие местной, субстратной линии культурных стандартов в Алфёльде в этот период сомнений не вызывает. Одним из главных таких стандартов является керамический комплекс, демонстрирующий действительно непрерывную, в своей гавско-киятицкой основе, линию развития (Chochorowski 1993: 231). Конечно же, и она испытывала определённые воздействия со стороны соседних культурных областей с собственной керамической традицией.[35] Однако, в целом эта линия, за исключением этапа HaC, о котором речь впереди, свидетельствует о непрерывном обитании здесь аборигенного населения, демографический потенциал которого, впрочем, не был стабильно высоким и изменялся во времени.

Восточные, евразийские импульсы, впервые наслоившиеся на местный субстрат ещё в период HaB_2 (Kossack 1980: 137—138), в дальнейшем лишь оттеняют своим колоритом местную культурно-археологическую палитру. Однако, эти оттенки настолько эффектны, что местная традиция, подчас совершенно глохнет в дискуссиях о роли восточного феномена в этом регионе. А ведь присутствие задунайских, среднеевропейских элементов в Алфёльде отнюдь не было стимулировано пришельцами с востока. Скорее наоборот, на каком-то этапе, веками отработанная и налаженная система коммуникаций, основанная на относительном культурном единстве среднеевропейского региона (куда входила и Венгерская равнина) и обеспечивавшая его целостность, была нарушена появлением совершенно чуждых, инокультурных элементов. Происходит столкновение двух культурных миров. И вот тут-то и оказывается, что до поры до времени, эти миры в научных трудах жили по своим хронологическим схемам, которые при встрече оказались явно несовместимыми.[36] До тех пор, пока предскифские и раннескифские древности Восточной Европы рассматривались как два хронологически последовательных горизонта, особых неудобств для размещения их на фоне устойчивой центральноевропейской хронологической шкалы, не возникало. Совершенно верное, в своей основе, удревнение этих горизонтов проводилось по отдельности и проецировалось на древности периода поздней (младшей) Урненфельд (группа Мезечат) и раннего гальштата (раннескифские памятники Трансильвании и Венгрии). Однако, провозглашённое

[35] К примеру, на более раннем этапе (HaC_1) в местном керамическом комплексе отчётливо присутствует южный компонент (Басараби), на более позднем (HaD) — северо-восточный (Куштановице [Археология Венгрии 1986: 145, 173]).

[36] Степень разочарования здесь сродни той ситуации, хорошо знакомой археологу, когда две половины одного сосуда, каждая из которых собрана из мельчайших фрагментов и, казалось бы, подогнанных предельно точно, на последней стадии реставрации не стыкуются друг с другом.

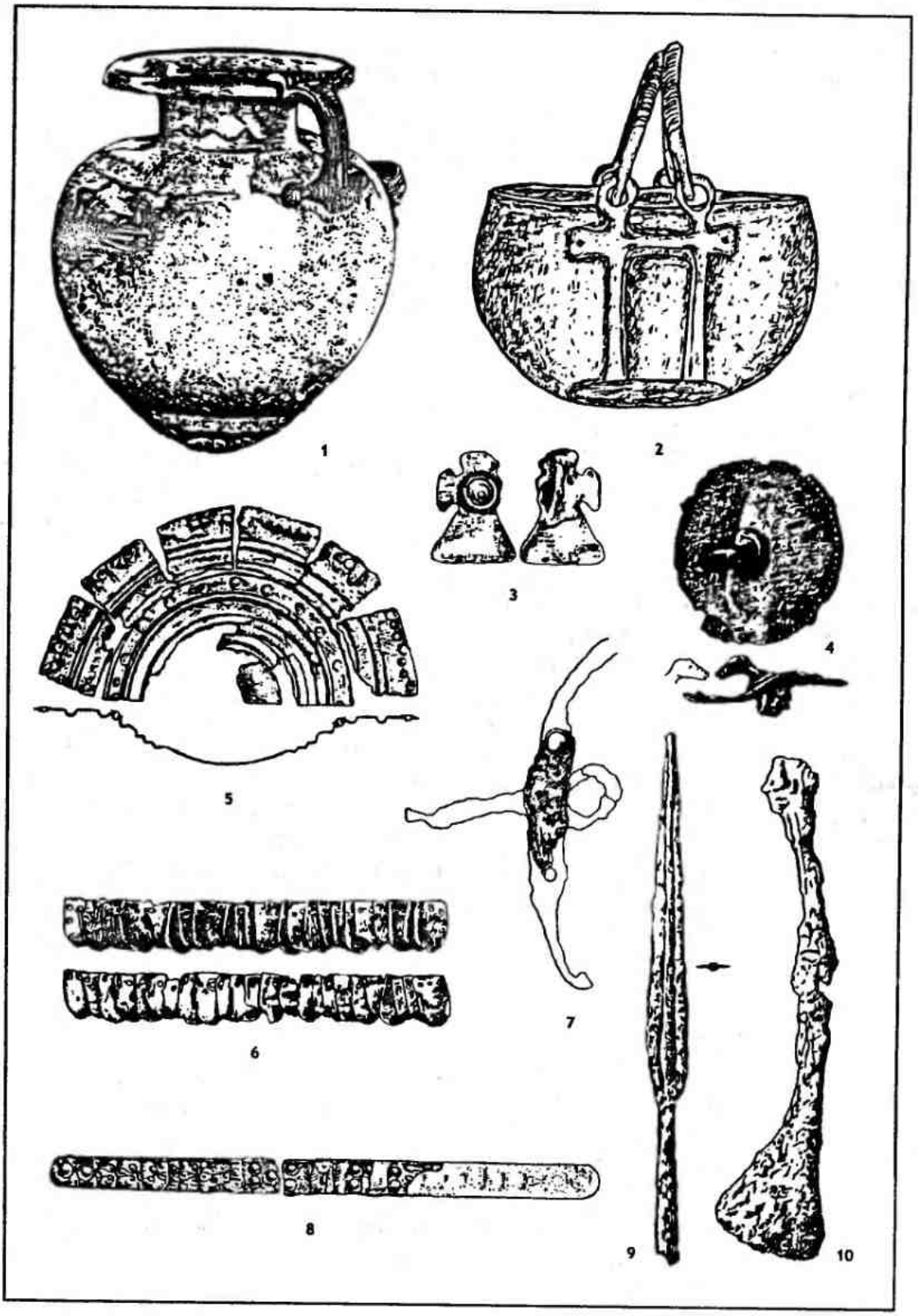


Рис. 69. **Комплекс находок из Артанда (1953 г.)**

Findings from Artand (1953)

1 — гидрия (бронза); *2* — котел типа «Мерхарт С» (бронза); *3* -бляха (бронза); *4-5* — бляхи-фалары (бронза); *6* — панцирные пластины (бронза, железо); *7* — фрагмент удил типа Векерзуг (железо); *8* — диадема (золото); *9* — наконечник копья (железо); *10* — топор (железо)

Таблица составлена по публикациям: *Parducz 1965; Chochorowski 1987*

недавно на «востоке» тождество киммерийской и раннескифской культур, заставило искать точки их соприкосновения и в Средней Европе, попутно подыскивая замену устоявшимся терминам «предскифский» и «раннескифский» (или просто «скифский»), обозначавшие два различных, в культурно-хронологическом плане, эпизода истории Средней Европы на рубеже позднебронзового и раннего железного веков.

Так, по мере смещения к западу датировка кочевнических древностей всё чаще обозначается индексами европейской гальштатской хронологии. При этом, для исследователей постсоветского пространства это не более, чем ритуал, поскольку за буквенно-цифровыми обозначениями всё равно видны «уши» абсолютных дат.[37] Для западноевропейских исследователей это, в основном, понятия относительной хронологии во-первых, а, во-вторых, при переводе их в абсолютные даты многие пользуются откорректированной схемой, согласно которой, к примеру, весьма интересующий нас период HaC начинается уже во второй пол. VIII в. до Р. Х., а не после 700 г. О калиброванных, а также новых дендрохронологических датах и той панике, которая непременно возникает при попытке их соотнесения с традиционными, вообще лучше не говорить, по крайней мере, пока.

Однако, мы вернёмся к более частной проблеме, интересующей нас в первую очередь — культурно-хронологической преемственности предскифских и раннескифских древностей Восточной Венгрии.[38]

Уже отмечалось, что верхняя дата самой поздней, 4-й группы находок фракo-киммерийского горизонта в Средней Европе точно не фиксируется и теряется где-то в VII в. на этапе HaC_1 (Chochorowski 1993: 200). Если согласиться с понижением даты раннескифского горизонта в Трансильвании до начала VII в. до Р. Х., то становится очевидным, что, по крайней мере, в первой половине этого столетия предскифские и раннескифские древности в Карпатском бассейне должны сосуществовать. Таким образом, реально ставится вопрос о киммерийско-скифском синкретизме в это время. А, по сути, это всё та же неразличимость материальной культуры, постулируемая ныне на «востоке». Небольшая поправка на полстолетия (первая пол. VII в., вместо второй пол.VIII в.) вполне объяснима территориально-хронологическим фактором запаздывания, при условии распространения импульсов от центра к периферии.

Однако, концептуальная установка не всегда в полной мере обеспечивается методическими, процедурными моментами. Вот и здесь, разбирая позднейшие комплексы фракo-киммерийского горизонта, сведённые Я. Хохоровским в четвёртую группу, мы сталкиваемся с рядом любопытных особенностей. Вся группа находок состоит из кла́довых и погребальных комплексов. При этом, все клады зафиксированы достаточно далеко за пределами внутрикарпатской области (Хорватия–2, Сербия и Северная Италия [Chochorowski 1993: 200]. Длительное бытование отдельных предметов в инокультурном контексте (т. н. фактор «музеефикации»), а также кла́довый характер этих находок, вряд ли определяют массовый выход этих вещей из употребления в основном аре-

[37] При этом, как бы сама собой подразумевается периодизация Г. Мюллера-Карпе, весьма удобная из-за совпадений этапов относительной хронологии с круглыми датами.

[38] Для Трансильвании напомню, эта проблема не столь актуальна, поскольку восточные элементы предскифского периода представлены здесь весьма слабо и не образуют такого массива как в Алфёльде.

але.[39] Из перечисленных Я. Хохоровским шести погребальных комплексов половина находится в Северной Италии (Эсте–2, Ветулония), 1 — в Олтении в ареале Басарабь–Фериджиле, и лишь 2 — в Карпатском бассейне. Причем, один из них — Аюд в Семиградье — по набору вещей является практически чисто «гальштатским» (Рис. 67). Таким образом, лишь погр. 1 из Фюзешабонь в Северном Алфёльде с псалиями предскифского типа входит в интересующий нас внутрикарпатский ареал. Согласимся, что определять дату (в данном случае верхнюю) целого горизонта на основании одного комплекса довольно рискованно.

Гораздо более надёжной, обеспеченной значительным количеством комплексов является датировка 3-й группы памятников фрако-киммерийского горизонта, которые концентрируются непосредственно в Карпатском бассейне. Для определения верхней даты всего этого горизонта на Венгерской равнине в целом, пока что есть больше оснований опираться на материалы именно этой, 3-й группы. Я. Хохоровски датирует её в основном этапом HaB_3 и различает в ней две подгруппы — старшую и младшую (Chochorowski 1993: 191, 193). В составе последней, одним из наиболее важных, в хронологическом отношении, комплексом является хорошо известный клад из Фюгед в предгорьях севера Венгерской равнины. Хроноиндикаторы этого комплекса вполне могут определять, если и не предельно высокую дату фрако-киммерийского горизонта в Алфёльде, то по крайней мере, очень близкую к ней. Дело в том, что клад из Фюгед удачно сочетает в себе материалы периода раннего гальштата (HaC) и поздние вещи фрако-киммерийского горизонта или, как замечает Я. Хохоровски: «Клад из Фюгед можно интерпретировать как наиболее ранний случай появления элементов гальштатского стиля ещё в контексте классических форм киммерийского горизонта»(Chochorowski 1993: 183).

Т. Кеменцеи, впервые опубликовавший клад, вначале датировал его второй пол. VII в. до Р. Х. (Kemenczei 1988: 81). При этом он указывал на то, что трёхдырчатые псалии с утолщениями на месте отверстий (редуцированные муфты?) из Фюгед имеют явные параллели в Трансильвании (Чипэу — бронзовые; Кристешть — железные), и таким образом, не могут быть датированы IX—VIII вв., т. е. предскифским периодом (Kemenczei 1988: 80). В дальнейшем, однако, доскифский характер находки стал достаточно очевиден. В работе 1996 г. Т. Кеменцеи включает Фюгед во 2 группу кладов Карпатского бассейна позднего бронзового века, для которой характерно наличие вещей восточного происхождения. Клады этой группы, по мнению венгерского исследователя, оказались в земле в течение VIII в. до Р. Х. (Kemenczei 1996: 269, 271).

Я. Хохоровски поместил Фюгед в свою третью группу комплексов фрако-киммерийского горизонта (HaB_3), указав при этом, что этот клад следует отнести к её младшей фазе (Chochorowski 1993: 191, 193).[40] Таким образом, по-моему, пока нет оснований для того, чтобы финал фрако-киммерийского горизонта в Карпатском бассейне уводить вглубь VII в. до Р. Х. Твёрдо обеспеченной источниками является дата рубежа VIII/VII вв., или даже конец VIII в. до Р. Х. (720 г.).

[39] В данном случае, речь идёт о конской упряжи, конкретно — псалиях.

[40] Сюда же польский исследователь включил и ещё ряд комплексов Карпатского бассейна, в том числе, и голиградский клад, который уже давно считается одним из наиболее поздних комплесов фрако-киммерийского горизонта, а также клад из Дунакёмлёд и погребальный комплекс Сеница в Южной Словакии (Chochorowski 1993: 193, гус. 42—43). Пожалуй, наиболее ярким признаком, объединяющим указанные комплексы, являются бронзовые псалии с цилиндрическими муфтами на месте отверстий.

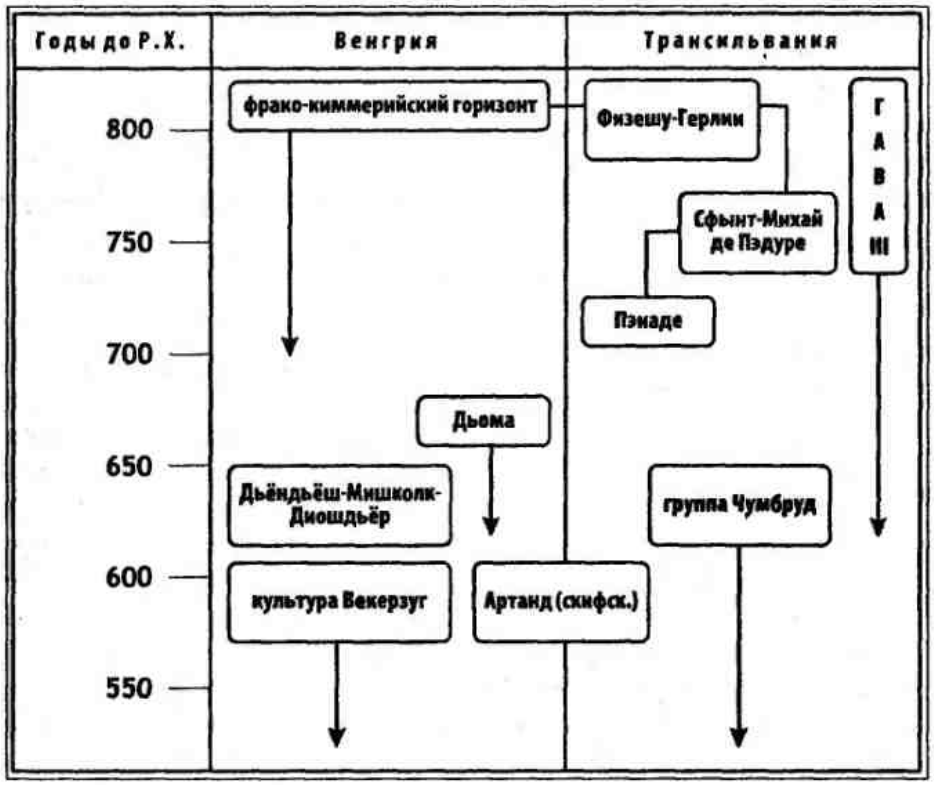


Табл.IX. **Сравнительная культурно-хронологическая колонка древностей предскифского и раннескифского времени Трансильвании и Венгрии**

Вообще надо сказать, что объединение предскифской и раннескифской традиций в венгерско-трансильванском регионе происходит весьма своеобразно по совершенно объективным причинам. Дело в том, что в Трансильвании, строго говоря, нет полноценных комплексов фрако-киммерийского этапа,[41] зато раннескифский — весьма представителен. На Венгерской равнине, наоборот, — обилие памятников предскифской эпохи при едва ли не полном отсутствии комплексов с вещами РСК первого и второго этапов. И лишь для рубежа VII/VI вв. (финальная стадия РСК–3 по И. Н. Медведской) и Трансильвания, и Венгрия обладают практически равноценными культурно-хронологическими индикаторами. Таким образом, совмещение предскифской и раннескифской традиций в Карпатском бассейне происходит лишь во времени (что впрочем, также не очевидно), т.е. путём наложения древностей группы Фюзешабонь–Мезечат в Северном Алфёльде на раннескифские комплексы Трансильвании. Хотя понятно, что оба ареала достаточно удалены друг от друга. Именно поэтому, сейчас усиленно ведутся поиски памятников, которые могли бы претендовать на роль территориально-хронологического связующего звена.

[41] Согласно всё той же сводке Я. Хохоровского, мы располагаем лишь двумя случайными находками (кинжал из Пэнаде (тип «Лейбниц–Пэнаде») и бронзовый скипетр из Сфынт-Михай де Пэдуре), а также кладом из Физешу-Герлии периода HaB_2 (Chochorowski 1993: 187, 113—114, 130, rys. 15/1—43). Есть ещё, правда, небезупречный с точки зрения археологической фиксации, комплекс из Чипэу (Vlassa 1961: 19 и сл., fig. 2—3). Собственно, это и всё, чем можно иллюстрировать почти двухсотлетний фрако-киммерийский период в Трансильвании.

Мы, однако, обратимся вначале к венгерским материалам и попытаемся выяснить, насколько обосновано понижение даты раннескифского горизонта в Алфёльде. Как уже отмечалось, ещё в 80-е гг XX в. начало группы Сентеш-Векерзуг в Потисье (или культуры Векерзуг по Я. Хохоровскому)[42] датировалось временем не ранее середины — второй пол. VI в. до Р. Х. (Parducz 1973: 41; Chochorowski 1985: 128). Однако, уже очень давно на границе Венгрии и Румынии, практически на северо-западном выходе из горной Трансильвании на Венгерскую равнину, был известен весьма любопытный памятник. Речь идёт об Артанде. Черезвычайно пёстрый в культурно-хронологическом отношении облик этого комплекса составляли две группы находок, обозначенные М. Пардуцем как «Артанд 1939» и «Артанд 1953».[43]

Наряду с изделиями европейского (урненфельдско-гальштатского) облика, среди находок присутствовали и вещи определённо восточного, кочевнического типа (Рис. 68; 69). Датировка последних строилась на основе хронологии уникальной для этих мест бронзовой античной гидрии. Этот предмет специально изучал Д. Силадьи, который отнёс гидрию к продукции пелопоннесских мастерских и датировал первой третью VI в. до Р. Х. (600—570 гг. [Parducz 1973: 42]).[44] М. Пардуц посвятил Артанду специальную, очень объёмистую работу, в которой предпринял попытку хоть как-то синхронизировать все известные предметы комплекса (Parducz 1965). Попытка оказалась безуспешной. Слишком уж явной была хронологическая несовместимость отдельных находок.

Ещё в 1970 г. А. Вульпе, совершенно справедливо усомнился в хронологическом единстве вещей из Артанда, указав при этом, что предметы найденные до 1953 г. («Артанд 1939»), вероятнее всего, относятся к периоду среднего гальштата (Vulpe 1970: 158). Если же быть более точным, то, на мой взгляд, ни «Артанд 1939», ни «Артанд 1953» нельзя считать узкодатируемыми комплексами. Посмотрим на хроноиндикаторы обеих групп находок (Рис. 68; 69).

<u>Артанд 1939.</u> Более поздний и, в целом, синхронный пласт находок здесь составляют:

- железные псалии, бесспорный раннескифский элемент конской упряжи, имеющий явный избыток аналогий, к примеру, в Келермесском могильнике (Галанина 1997: табл. 22—23)

- железные удила раннегальштатского типа, вероятнее всего, периода НаС, на что указал и М. Пардуц, приведя в качестве аналогии удила из уже упоминавшегося комплекса в Аюд (Parducz 1965: 162)

- пара лепных черпаков, которые в контексте предыдущих находок выглядят совершенно непротиворечиво.

К значительно более раннему времени относятся бронзовое орнаментированное втульчатое тесло («Lappenbeile»,

[42] Впервые понятие «группа Векерзуг» («культура скифского времени в Алфёльде») было предложено М. Пардуцем по названию эпонимного могильника близ г. Сентеш (медьё Чонград [Parducz 1973: 40]).

[43] 1939 год (в отличие от 1953) — дата условная. Она лишь означает, что в этом году целая группа вещей из окрестностей небольшого селения Артанд (медьё Хайду-Бихар, г. Дебрецен), собранная в разные годы, стала достоянием научной общественности. Комплекс «Артанд 1939», в основном, состоит из случайно найденных, на относительно ограниченной площади вещей (подр. см. [Parducz 1965: 138—139]).

[44] Д. Силадьи отмечал, что бронзовые греческие сосуды, на которых отсутствует фигурная орнаментация, можно датировать лишь с точностью до четверти столетия (Parducz 1973: 42).

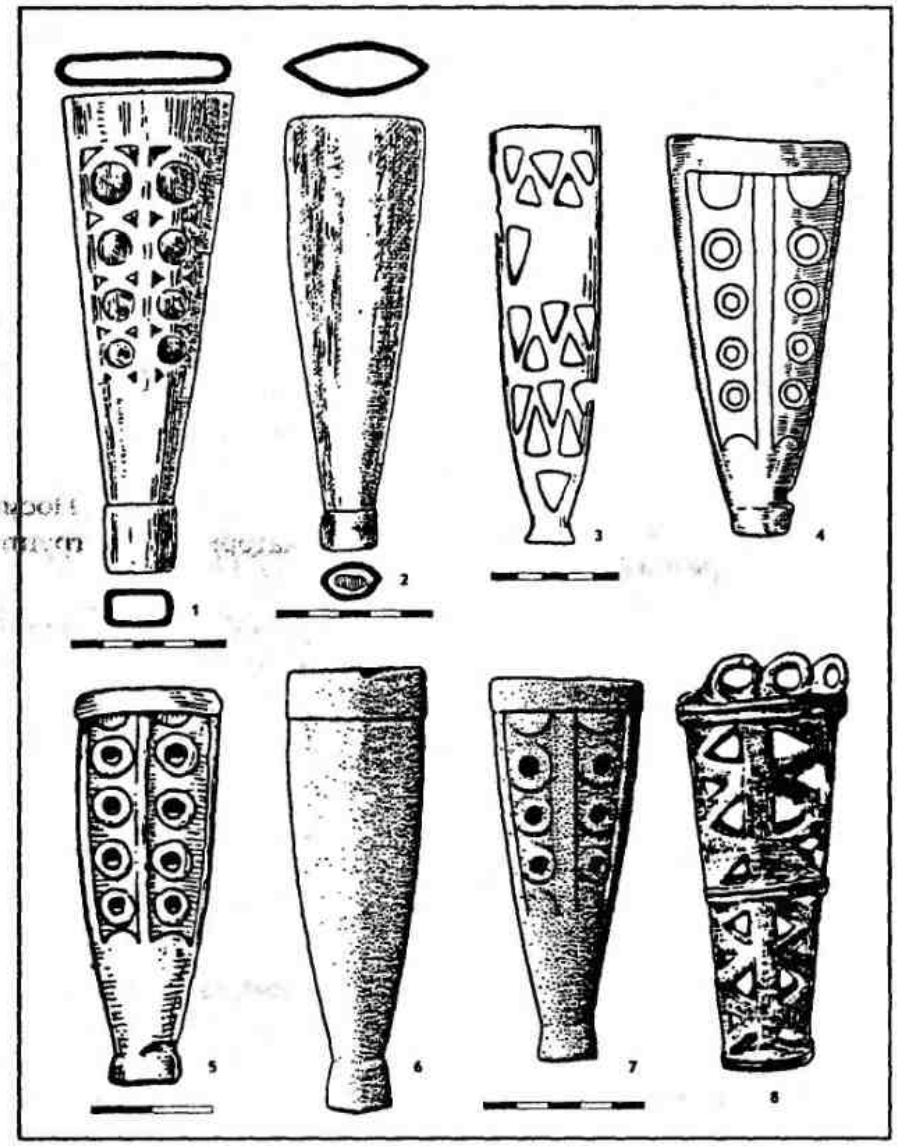


Рис. 70. Бронзовые «футляры» (IX — VIII вв. до Р. Х.).

Bronze «scabbards» (IX—VIII cent.B.C.)

1–2 — Ахмылово (по [*Патрушев, Халиков 1982*]); *3* — Суворово (по [*Тереножкин 1976*]); *4* — Бихаругра (по [*Тереножкин 1976*]); *5* — Венгерский национальный музей (по [*Podborski 1967*]); *6* — Дунакёмлёд (по [*Chochorowski 1993*]); *7* — Какашд (по [*Chochorowski 1993*]); *8* — Артанд (по [*Parducz 1973*])

«Winged axe») и бронзовый ажурный футляр (Рис. 68/1—2). Уже М. Пардуц для датировки тесла исключил этап HaD (Parducz 1965: 203—204). И, скорее всего, это не предел. Период HaC для подобного орнаментированного экземпляра, к тому же изготовленного из бронзы, также представляется весьма маловероятным. Правда, в раннем HaC такие предметы известны, однако, они в основном изготовлены уже из железа. Для эпохи поздней бронзы и раннего железа Центральной Европы ближайшими районами концентрации таких находок являются Паннония (Западная Венгрия) и восточная часть Австрии (Нижняя Австрия и Штирия).

Клад №2 из Шагхеди-Цельдёмёльк в Задунавье, в составе которого находились три бронзовых гладких экземпляра, да-

тируется временем HaB_1—HaB_2 или, по Т. Кеменцеи, — периодом младшей Урненфельд (Kemenczei 1996a: 95). Целую серию этих предметов даёт могильник Кляйн-Кляйн в Штирии (Stegmann-Rejtar 1992: 88, abb. 30/8; 89, abb. 31/3; 90—91, abb. 32/18—19). Причём, их относительная хронология (бронзовые — ранние, железные — поздние) в целом выдерживается. Наиболее ранние экземпляры датируются ещё периодом Урненфельд (фаза Кляйн-Кляйн I_2—HaB_3 [Stegmann-Rejtar 1992: 167, 163, abb. 63]).[45] Наиболее поздние (железные) — концом этапа HaC (Кляйн-Кляйн–III). К этапу HaB_3 относятся бронзовые неорнаментированные тесла из Штильфрид (Нижняя Австрия) и Цюрих-Альпенквай (Швейцария [Mayer 1977: 169,175, taf. 134: 812; Chochorowski 1993: 154, rус. 21/14]). Период широкого распространения железных образцов приходится в основном на HaC. Приблизительно первой пол. VII в. датируются экземпляры из Задунавья (Вазар 5) и Нижней Австрии (Бад Фишау (Файхтенбоден Фишау) фаза II [Stegmann-Rejtar 1992: 95, abb. 33/11; 163, 170, 83—84, abb. 28/5; Chochorowski 1993: 151, 154, rус. 21/16]). К концу VII в. до Р. Х. относятся комплекс кургана II из Вашкерестеш в Западной Венгрии, где также было найдено железное тесло (Fekete 1985: 76, abb.21/14).

Перечисленных данных, по-моему, достаточно для того, чтобы датировать бронзовое тесло из Артанда временем не позднее HaB_3. Тем самым, оно не имеет отношения к скифскому пласту находок «Артанда 1939». То же можно сказать и об ажурном бронзовом футляре, датировка которого может вообще ограничиваться этапом HaB_2. Напомню, что похожий экземпляр происходит из Суворовского курганного могильника в Нижнем Подунавье (Рис. 70/3), который обозначает в Северо-Западном Причерноморье переход от эпохи поздней бронзы к раннему железу и может быть датирован в основном IX в., а также ещё какой-то частью предыдущего, X-го столетия до Р. Х. Экземпляр из Нижнего Подунавья имеет давно отмеченную параллель из Старшего Ахмыловского могильника в Прикамье (Рис. 70/1). Фаза Ахмылово–I, к которой относится комплекс с бронзовым футляром, датируется IX—VIII вв. до Р. Х. (Parzinger 1998: 234). Серия таких находок известна и в Венгрии (Рис. 70). Два экземпляра происходят из клада в Бихаругра,[46] который датируется периодом HaB_3 (Chochorowski 1993: 191). Ещё один футляр найден близ селения Какашд в Задунавье (медьё Тольна, г. Сексард [Chochorowski 1993: 123—124, rус. 13/1]). Место находки экземпляра из Венгерского Национального музея — неизвестно.[47]

Таким образом, ранний пласт находок «Артанд 1939» вполне можно отнести к периоду HaB_2—HaB_3.[48]

---

[45] В том числе, и одно тесло с орнаментированной втулкой (Stegmann-Rejtar 1992: abb. 30/8).

[46] Местонахождение Бихарутра находится всего в 30—40 км юго-западнее Артанда.

[47] Глядя на рис. 70 можно заметить, что экземпляры из Бихарутра, Какашд и Венгерского Национального музея представляют одну серию и, скорее всего, могут считаться в целом синхронными. Так же, впрочем, как и один из экземпляров Ахмыловского могильника (Рис. 70/2) практически аналогичен «футляру» из Дунакёмлёд (Рис. 70/6).

Вообще, появление этих изделий в Европе выглядит крайне интересным в связи с находками подобных ажурных «футляров» в китайских комплексах типа Наньшаньгэнь — IX—VIII вв. (Ковалев 2000: рис. 15/7—9)

[48] Ничего конкретного, к сожалению, нельзя сказать о семилучевых выпуклых бронзовых бляхах с крестообразной петлей на обороте (Рис. 68/3). М. Пардуц считал эти бляхи распределителями ремней, указывая на морфологически разнообразную серию подобных предметов периода HaB—HaC, в которой впрочем, более или менее точных аналогий нет (Parducz 1965: 179). Наоборот, экземпляр из Аюд (Рис. 67), который упоминает М. Пардуц, имеет гораздо более точное соответствие в погр. 6 могильника Будешть-Фынаце (Рис. 65/А) Кроме

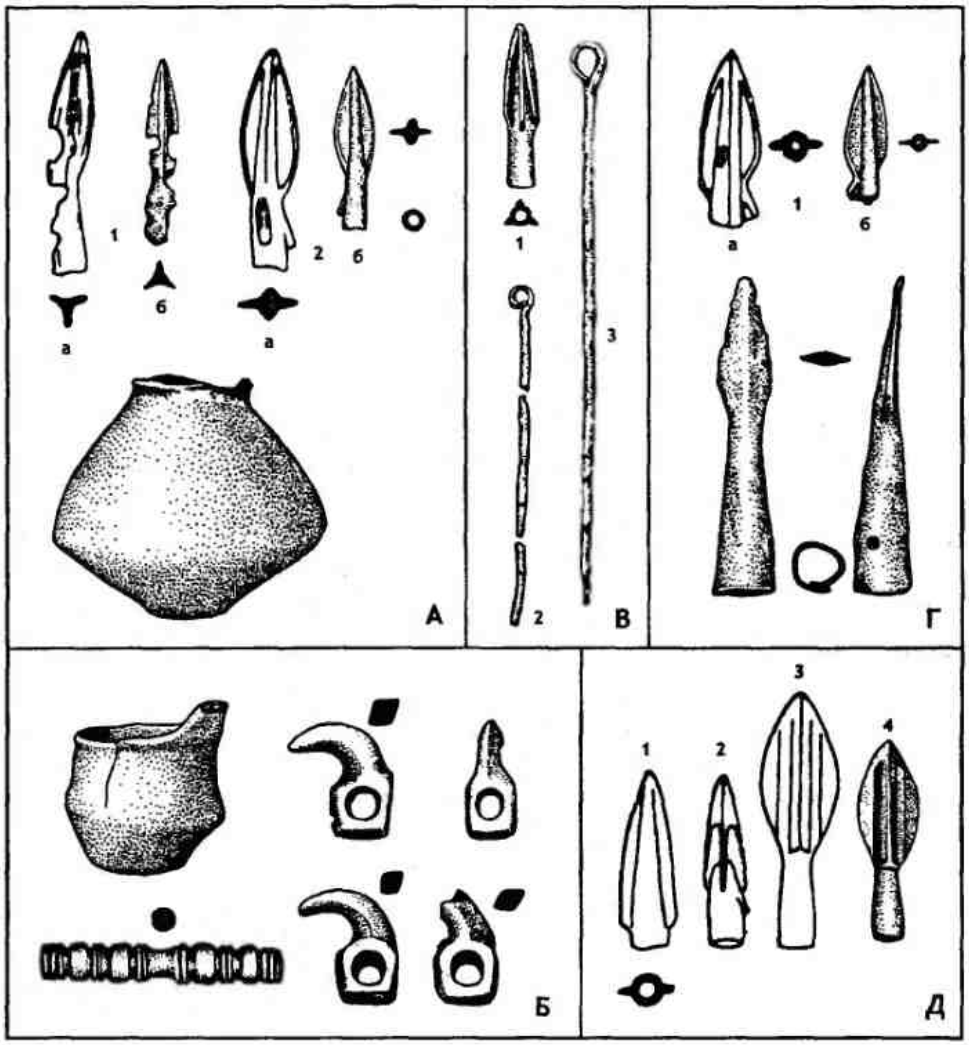


Рис. 71. **Ранние скифские комплексы в Алфёльде**

Early scythian findings from Alföld

А — Шайосентпетер, погр. «А» (*1* — бронзовый наконечник стрелы: *а* — по [*Chochorowski 1985*]; *б* — по [*Kemenczei 1994*]; *2* — бронзовый наконечник стрелы: *а* — по [*Chochorowski 1985*]; *б* — по [*Kemenczei 1994*])

Б — Шайосентпетер, погр.«В» (бронза, керамика; по [*Kemenczei 1994*])

В — Балса (*1–2* — бронза, *3* — железо; по [*Kemenczei 1994*])

Г — Альшотелекеш, погр. 20 и 71 (*1* — бронзовый наконечник стрелы: *а* — по [*Chochorowski 1985*]; *б* — по [*Kemenczei 1994*]; *2* — железный наконечник дротика, по [*Kemenczei 1994*])

Д — *1* — Тисавашвари (по [*Chochorowski 1985*]); *2* — Пилинь (по [*Chochorowski 1985*]); *3* — Кискуньхалаш (*а* — по [*Chochorowski 1985*] *б* — по [*Kemenczei 1994*])

Артанд 1953. В этом комплексе находок, как будто бы, наблюдается большее хронологическое единство, если так можно говорить о предметах, датирующихся в пределах 100—150 лет. Хронологическим репером этой группы является уже упоминавшаяся бронзовая гидрия первой трети VI в. до Р.Х (Рис. 69/1).

самого факта находки, не сохранилось никаких сведений о железном мече из комплекса 1939 г., который впоследствии был утрачен (Parducz 1965: 138).

Определённо, скифскую часть находок составляют бронзовые и железные пластины от наборного панциря (или панцирей?) и железный, боевой топор. Эти предметы, с одной стороны, не вносят дополнительных коррективов в хронологию комплекса, основанную на дате гидрии, а с другой, не противоречат ей.[49] Правда, обстоятельства находки панцирных пластин позволяют сделать некоторые уточнения. Дело в том, что по словам находчиков, пластины находились в бронзовом котле (Parducz 1965: 194) типа «Мерхарт С» (т. н. «Bronzebecken mit Kreuzattaschen»). А раз так, то мы вправе полностью синхронизировать обе находки. При датировке котла М. Пардуц опирался на материалы могильника Гальштат, где было найдено несколько комплексов с подобными котлами периода HaC—D, не позднее 500 г. до Р. Х. (Kromer 1959: taf. 126/2 (погр. 696), 113/1 (погр. 600), 122/3 (погр. 599); Parducz 1965: 219—220). Котёл из Артанда относится к типу «Мерхарт С», а поскольку он не был орнаментирован, то по мнению М. Пардуца, вряд ли мог быть изготовлен раньше рубежа HaC—D (Рис. 69/2). По совокупности же остальных находок 1953 г., венгерский исследователь предпочёл почти максимально возможную высокую дату — третья чтв. VI в. до Р. Х. (Parducz 1965: 223). По состоянию хроноиндикаторов на 60-е гг., такая позиция выглядела вполне обоснованной, хотя и сейчас более или менее узкая датировка котла невозможна. М. Пардуц, видимо, вполне осознавал это, и в своей работе несколько раз пытался найти котлу из Артанда подобающее место в диапазоне между HaC и HaD. Чувствуется, что над исследователем довлел фактор «скифского пласта» из Артанда, который на то время не мог быть выведен за рамки второй пол. VI в. до Р. Х.[50] В итоге, М. Пардуц остановился на том, что нижняя дата котлов этого типа должна помещаться после HaB по схеме П. Райнеке (Parducz 1965: 223).

Недавно, в работе Б. Тержан датировка котлов типа «Мерхарт С», аналогичных Артанду, была несколько сужена. Из диапазона HaC—HaD исключена ступень HaD_2. Как отмечает автор, в области восточногальштатской культуры (штирийско-южнопаннонская группа) котлы этого типа известны только в погребениях времени HaC—HaD_1 (Teržan 1998: 225—226, abb. 9).[51] Аналогичный артандскому, только сильно деформированный котел, происходит из комплекса пещеры Бычискала. Верхняя дата этого комплекса — начало ступени HaD_1 (Parzinger, Nekvasil, Barth 1995: 180—181, abb. 1; taf. 39/348, 76/348). Соответственно, верхнюю дату котла из Артанда, а вместе с ним и наборного панциря можно ограничить первой пол. VI в. до Р. Х.

Остролистные наконечники копий типа «Артанд 1953» весьма слабо изменяются во времени. Тем не менее, М. Пардуц вполне справедливо сравнивал их с экземплярами из Балта-Верде и Гогошу (добавим сюда также и Фериджиле [Vulpe 1967: pl. XX]), считая появление таких копий в Артанде результатом иллирийского влияния (Parducz 1965: 192).

[49] Аналогичные топоры с выделенным бойком и широко раскованным лезвием достаточно хорошо представлены в комплексах культуры Векерзуг (Chochorowski 1985: abb. 31/4, 7—9).

[50] Видимо, по тем же соображениям гидрия (или дата её поступления) датировалась временем не ранее 570 г. до Р. Х. (Parducz 1965: 226). То есть, эта дата фактически уже даже выходила за рамки, предложенные Д. Силадьи. М. Пардуц полагал, что до того, как сосуд оказался в земле, он довольно долгое время мог находиться в употреблении.

[51] Правда, здесь же Б. Тержан указывает, что в Словении (доленийская группа) котлы типа «Мерхарт С» есть и в позднейших гальштатских комплексах — HaD_2—HaD_3 (Teržan 1998: 225—226).

Крестовидные пронизи-распределители (Рис. 69/3) имеют практически абсолютную аналогию в раннегальштатском наборе вещей из Аюд (Рис.67).

В памятниках периода HaC—HaD есть аналогии для серии фаларов из Артанда (Рис. 69/4). Этим же временем датируется очень крупная бронзовая накладная бляха с широкими полями и выпуклой, полусферической центральной частью (Рис. 69/5). Её диаметр около 40 см. М. Пардуц считал это нащитной бляхой, указывая на близкие по типу находки из могильника Донья-Долина (погр. XXVII, XXXVII, XXXIX [Parducz 1965: 201-202]) и курганного погребения 1 в Шомловашархей из Задунавья. Последнее сейчас датируется периодом HaC_2 и синхронизируется с концом II и началом III фазы могильника Кляйн-Кляйн (Stegmann-Rejtar 1992: 100,163, abb. 63).[52]

Черезвычайно сложным, как и всё, что связано с предметами торевтики, является вопрос о происхождении и дате золотой диадемы из Артанда (Рис. 69/8). Скажу лишь, что территориально и хронологически она вполне укладывается в широкий диапазон горизонта Михалково-Фокору (Бешеньсёг), который датируется в основном VIII—VII вв. до Р. Х.[53]

Определение «упряжь типа Векерзуг», фрагмент которой представлен в Артанде 1953, обозначает однокольчатые удила с жёсткоскрепленными изогнутыми трёхдырчатыми псалиями (Рис. 69/7). До недавнего времени этот фрагмент рассматривался как показатель относительно поздней (в пределах второй пол. VI в.) датировки комплекса в целом. Об этом довольно красноречиво свидетельствовало большое (45 экз.) число находок подобной упряжи непосредственно в ареале KB (Chochorowski 1985: 114). Ещё одной хронологической привязкой являлся могильник Фериджиле, где в погребениях 4-й фазы (550—500 гг.) была найдена серия удил типа Векерзуг (Vulpe 1967: pl. XXII/8—10; Chochorowski 1985: 118). Вообще, эти довольно многочисленные находки охватывают обширный ареал в Средней Европе, и комплексы с такими удилами датируются временем вплоть до кельтской эпохи.[54] Нас, однако, сейчас интересуют лишь наиболее ранние из них.

[52] Существует мнение о том, что нащитная бляха из Артанда — греческого происхождения (Teržan 1998: 517). Если это так, то тогда эта бляха вместе с гидрией образует ещё один, третий культурный пласт находок в Артанде.

[53] Явная типолого-стилистическая эклектика предметов, составляющих этот круг находок (в частности, Михалково), заставляет исследователей видеть в нём некий надкультурный феномен, который образуют кавказские, понтийские и балканские (северная и южная) составляющие (Chochorowski 1993: 238-239).

[54] Публикуя материалы могильника Сент-Лёринц в Южной Паннонии, где были найдены два комплекта трензелей типа Векерзуг, Э. Йерем отмечала, что время наибольшего распространения такой упряжи — V в. (Jerem 1968: 190, fig. 28/60, 1; 61/8). Могильник, в целом, датировался позднейшим предкельтским временем — HaD_3 (Jerem 1968: 195). Однако, его нижняя дата кажется сейчас чересчур омоложенной. Э. Йерем основывалась на находках в могильнике классических фибул типа Чертоза (Jerem 1968: 207, fig. 19/3, 2; 20/9, 3), которые появляются около 500 г. до Р. Х. Она справедливо полагала, что эти фибулы должны определять *t.p.quem* могильника, однако почему-то в качестве нижней даты остановилась на 430 г. (Jerem 1968: 195). Б.Тержан считает, что в могильнике есть комплексы ещё периода HaC, отметив, что основная часть погребений в Сент-Лёринце была совершена после некоторого перерыва в период HaD_2—D_3 (Teržan 1998: 520, anm. 77).

Значительное число упряжи типа Векерзуг найдено на территории Словении (Брезие, Вače, Стична) и в Восточной Австрии (Бургенланд [Jerem 1968: 190, fig. 15 (карта)]). Периферийными, северными районами распространения такой упряжи являются Восточная Словакия (р-н Кошице [Miroššayova 1987: taf. III/2]) и Великопольша (Вымыслово, воев. Лешно [Czopek 1993: 497, abb. 8/5]). Известны такие удила и в ареале куштановицкой культуры на Закарпатье (Попович 1985: 55, рис. 8). Все эти комплексы укладываются в рамки HaD, преимущественно

В монографии 1985 г. Я. Хохоровски отмечал, что трензеля типа Векерзуг известны в комплексах гальштатского горизонта, который хронологически предшествует КВ. В числе таких комплексов польский исследователь называет Дьёндьёш и Мишколк–Диошдьёр, а также, что особенно примечательно, Артанд (Chochorowski 1985: 117). Далее следует вполне логичный вывод о том, что трензеля типа Векерзуг появляются в Карпатском регионе уже на рубеже VII/VI вв. до Р. Х. (Chochorowski 1985: 117). Как нельзя кстати, оказалась и корректировка асболютных дат могильника Фериджиле.[55] Напомню, что первоначально между 3-й и 4-й фазами могильника существовал хронологический разрыв приблизительно в полстолетия (первая пол. VI в. до Р. Х.). Именно в этот диапазон А.Вульпе и предложил передвинуть этап Фериджиле 4 (Vulpe 1977: 91).

Таким образом, осмысливая содержание предпринятого только что экскурса, можно сделать следующие выводы:

- комплекс из Артанда, безусловно, является разновременным, причём это касается как находок 1939, так и 1953 годов;[56]

- очевидно наличие в нём среднеевропейских (позднеурненфельдско-гальштатских) и восточноевропейских (киммерийско-скифских) составляющих;

- если находки среднеевропейского облика при желании можно выстроить в хронологической последовательности (HaB_2/HaB_3 — HaC/HaD), то восточные древности не имеют точек соприкосновения во времени и отделены друг от друга этапом HaC, по крайней мере, большей его частью;

- наконец, последнее, и наиболее важное для данного раздела, замечание состоит в том, что скифский горизонт Артанда следует помещать не в конце хронологических рамок, предложенных Д. Силадьи для пелопоннесской гидрии (600—570 гг.), а видимо, в самом его начале.

Итак, Артанд, территориально тяготея к скифской группе Алфёльда, явно предшествовал ей в хронологическом отношении.[57] Подобная изоляция с трудом поддавалась объяснению, и поэтому внимание исследователей было сосредоточено на старых (и новых) материалах КВ, которые, как оказалось, имели потенциальные возможности для удревнения и синхронизации культуры в целом, с феноменом Артанда.

Кардинальная хронологическая ревизия памятников КВ, предпринятая в последнее десятилетие, позволила передвинуть её начальную стадию со второй пол. VI в. на рубеж VII/VI вв. до Р. Х. Как уже

ступени D_2—D_3. Так же как и в Сент-Лёринц, завышенной представляется датировка комплекта удил типа Векерзуг из Брезие (кург. 6, погр. 1 [Werner 1988: taf. I/7]). В. Вернер предлагает датировать их приблизительно 400 г. до Р. Х. (Werner 1988: 25. abb. 5). Быть может, в основе этой даты лежит общая хронология младшей фазы могильника — 500—390/380 гг., — верхний рубеж которой связан с вторжением кельтов (Kromer 1959a: 43). Замечу, что в Брезие известны находки базисных наконечников стрел (кург. 1, погр.46 и кург. XIII, погр. 49 [Kromer 1959a: taf.31; 43]), которые вполне сочетаемы с удилами типа Векерзуг.

[55] Ранее мы уже говорили о том, что могильник Фериджиле, возможно, как раз и демонстрирует процесс формирования классического «векерзугского» типа упряжи.

[56] Примечательно, что и М. Пардуц иногда употреблял в отношении Артанда такое понятие как «местонахождение» (site), а не комплекс, погребение, клад и т.п. (Parducz 1965: 225).

[57] Может быть не так отчётливо, но это было заметно и раньше, когда скифский пласт Артанда, согласно М. Пардуцу, датировался временем около середины VI в., а начало КВ помещалось во вторую половину этого столетия. М. Пардуц считал, что Артанд, являясь своего рода промежуточным звеном, демонстрирует начальный период контактов между Трансильванией и Алфёльдом (Parducz 1965: 225). Уточню, между уже «скифской» Трансильванией и ещё «гальштатским» Алфёльдом.

отмечалось, в рецензии на книгу Я. Хохоровского было указано на то, что некоторые типы наконечников стрел из ареала КВ, в том числе и находки из комплексов, явно не соответствуют такой высокой дате, как вторая пол. VI в. до Р. Х. (Рис. 71). Наиболее показательным в этом отношении, является погребение «А» из Шайосентпетер в Северном Алфёльде, которое Т. Кеменцеи и Я. Хохоровски датируют теперь концом VII в. до Р. Х. (Рис. 71/А [Kemenczei 1994: 89—90; Chochorowski 1998: 480]). Ещё более обоснованной выглядит такая дата для погр.«В» из этого же могильника. Здесь помимо клювовидных бронзовых пронизей, соответствующих этапу РСК–3, была найдена колчанная бронзовая застёжка (Рис. 71/Б). Едва ли не абсолютная аналогия этой застёжке происходит из раннескифского погребения у с. Огородное на Нижнем Дунае (Рис. 36/Г), которое по колчанному набору датируется приблизительно рубежом VII/VI вв. (Бруяко, Ткачук 1994: 27).[58] В итоге, Я. Хохоровски отнес оба погребения из Шайосентпетер к наиболее древним комплексам КВ (Chochorowski 1998: 480).

Примерно этим же временем можно датировать группу находок из Балса там же, в Северном Алфёльде, которые, возможно, составляют единый комплекс (Kemenczei 1994: 84—85). Помимо единственного длинновтульчатого трехлопастного наконечника стрелы, в нём присутствовали глиняный сосуд (не сохранился), железный наконечник копья (не сохранился?), бронзовая булавка и железное «шило» («Eisenahle») длиной 25 см (Рис. 71/В). Последний предмет напоминает железный «шампур» из Перебыковцев (Смирнова 1979: рис. 9/11), хотя и значительно меньше по размерам. Г. И. Смирнова, первоначально затруднявшаяся указать аналогии «шампуру» из Перебыковцев, недавно отметила, что подобные вещи, причем в довольно большом количестве, известны в могильнике Гальштат и на памятниках восточногальштатского ареала (Смирнова 1999: 243).

К рубежу VII/VI вв. можно отнести и ряд погребений могильника Альшотелекеш (№№20, 50, 71 [Kemenczei 1994: abb. 3]). Хотя данных для того, чтобы синхронизировать их именно с начальной фазой Семиградской группы, как это делает Т. Кеменцеи (Kemenczei 1994: 89), явно недостаточно (Рис.71/Г).[59]

Помимо случайных находок,[60] отдельных комплексов и небольших могильников, пересмотру подверглась и хронология крупных, опорных для КВ некрополей. К ним, без сомнения, относится могильник Тапиоселе. Больше половины из 455 захоронений скифского времени были открыты в 1938—1943 гг. Остальные

[58] Аналогичная застежка найдена в погр. 12/1910 архаического некрополя Ольвии. Могила датируется несколько более поздним временем — первая половина (середина) VI в. до Р. Х. (Скуднова 1988: 55—56; Полін 1987: 29).

[59] Из погр. 20 этого могильника происходит крупный железный наконечник (Рис. 71/Г), который Т. Кеменцеи считает наконечником стрелы (Kemenczei 1994: 84). Он имеет длину почти 7 см и диаметр втулки 1,3—1,4 см. Края последней «завернуты» друг за друга и на ней имеется отверстие для крепления древка. Скорее всего, это наконечник легкого метательного оружия (дротика). Он весьма напоминает наконечник железного копья из предскифского комплекса в Пуркарах (Яровой, Бруяко 2000: рис. 1/19). Последний, правда, отличается более внушительными размерами. Более близкой аналогией Альшотелекеш является железный наконечник из могильника «Лермонтовская скала» близ Кисловодска. Он имеет длину 12,6 и диаметр втулки — 2 см. В обеих публикациях фигурирует как наконечник легкого метательного оружия, дротика (Маслов 1991: 51, рис. 1/2; Березин, Дударев 1998: 178, рис. 9/2).

[60] Сводка отдельных находок предскифских и раннескифских наконечников стрел в Восточной Венгрии содержится в упомянутой работе Т.Кеменцеи (Kemenczei 1994).

Рис. 72.

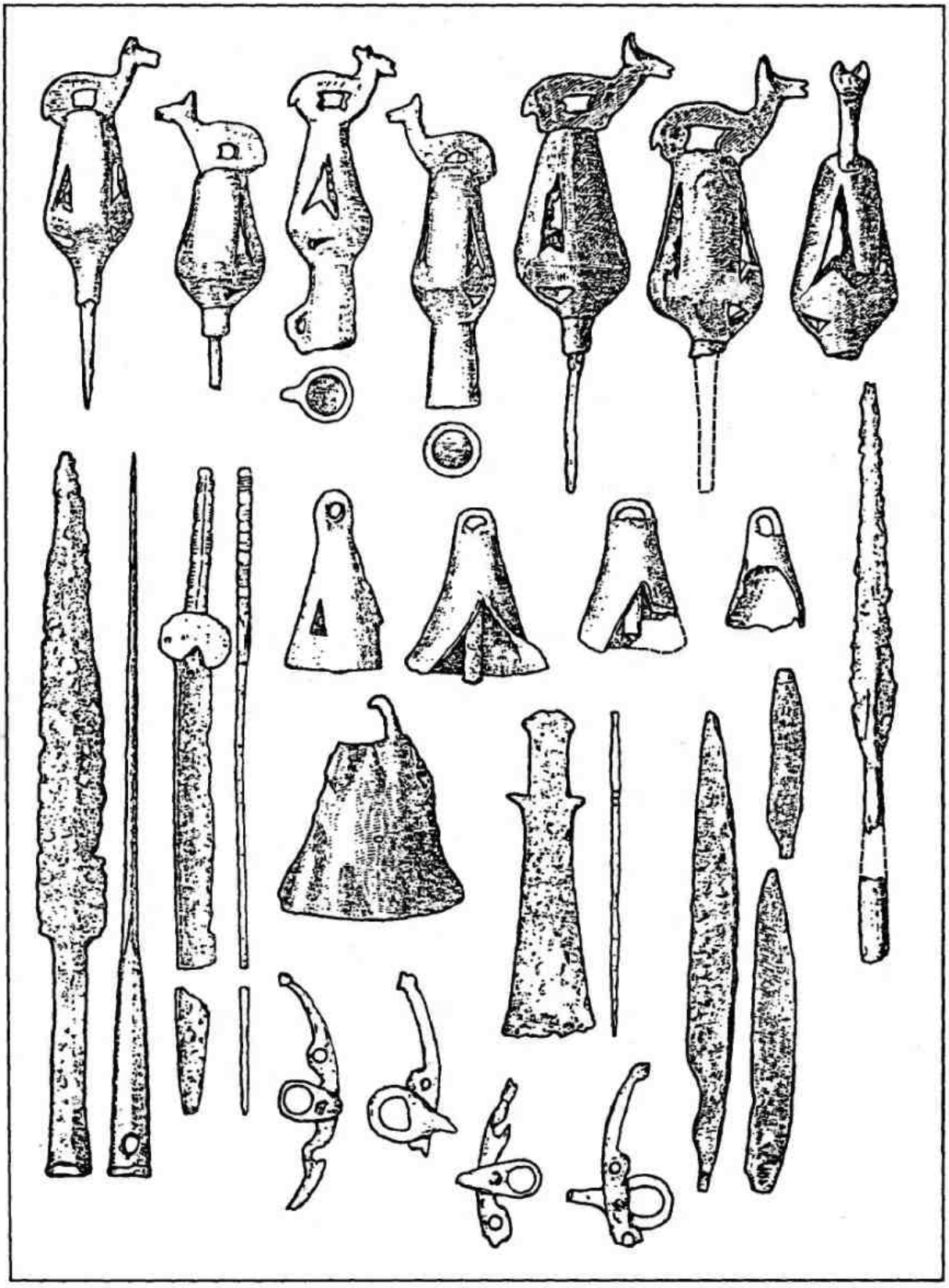


Рис. 72. **Основные хроноиндикаторы комплекса Дьёндьёш (по [*Marton 1908*])**

Basic types chronological indicatores from the Gyöngyös

Навершия и колокольчики — бронза; остальное — железо

— после Второй мировой войны.[61] Первоначально закладка могильника, во многом определявшего начало КВ, датировалась последней третью VI в. до Р. Х. (Parducz 1966: 89—91). Однако, после того, как среди раннескифских хроноиндикаторов произошла соответствующая корректировка, оказалось, что зеркало «ольвийского» типа из погр. 462 (Рис. 74/2) позволяет отнести данный комплекс к началу VI в. (Chochorowski 1996: 129; 1998: 483).[62] Причём, считается, что функционирование могильника началось именно с погр. 462 (Археология Венгрии 1986: 171).

Долгое время совершенно не обращалось внимания на лепную чашу на высоком поддоне предположительно из погр. 7 (Рис. 75/1). И, надо сказать, совершенно напрасно, поскольку внутренняя поверхность этой вазы была орнаментирована крестообразными каннелюрами в технике типичной для первых трех фаз могильника Фериджиле (вторая пол. VII в. до Р. Х.). Лишь недавно эта особеноость была отмечена Б. Тержан (Teržan 1998: 514). Соответственно, и дата погр. 7 вряд ли может быть намного моложе рубежа VII/VI вв.

Мне уже приходилось высказывать соображения (в том числе и в настоящей работе), по которым широкое применение каннелированной орнаментации в Понтийско-Карпатском регионе, в основном, ограничивается VII веком и в первой пол. VI в. постепенно сходит на нет. Между тем, в некоторых погребениях могильника Тапиоселе были найдены сосуды именно с такой разновидностью пластического орнамента (Рис. 74/3—6). Кубковидный сосуд из погр. 314 помимо вертикальных каннелюр имеет пропорции, явно тяготеющие к округлодонным кубкам периода среднего гальштата (Рис. 6744). Схема каннелированного орнамента, а также форма сосуда из погр. 345 почти полностью соответствует кубку из уже упоминавшегося погр. 462 (Рис. 74/3, 5).[63] Явно архаичные, среднегальштатские признаки несёт на себе и ещё целый ряд сосудов (Рис. 75/2, 5—7). К числу ранних, по-видимому, относится комплекс погр. 316, где вместе с сероглиняной гончарной миской найдена ручка черпака с цилиндрической «кнопкой-столбиком» (Рис. 74/8). В погр. 375 и 147 находились кухонные лепные горшки с зауженным устьем и двумя вертикальными петлевидными ручками по бокам (Рис. 75/3—4). Похожие экземпляры из Трансильвании (тип E_{2a} и E_{2b} по В. Васильеву) найдены здесь лишь в наиболее ранних комплексах (Кристешть, Чипэу [Vasiliev 1980: 70—71, pl. 8/16—17]).

Из погр. 53 могильника Тёрёксентмиклош (Csalog, Kisfaludi 1985: 307 и сл.) происходит кубковидный сосуд с умбоном на дне (Рис. 74/13). Схема каннелированного орнамента этого кубка практически тождественна сосуду из всё того же погр. 462 могильника Тапиоселе.[64] Одно из двух, относительно крупных бронзовых колец с четырьмя симметрично расположенными по окружности колечками-петельками происходит из погр. 34 этого же могиль-

[61] Материал из раскопок 1938/43 гг., к сожалению, в значительной степени депаспортизирован, частью утрачен. М.Пардуц, проводивший раскопки могильника после войны, проделал большую работу по восстановлению документации и состава комплексов.

[62] Ещё одно бронзовое зеркало с бортиком и боковой ручкой, оканчивающейся волютами (Рис. 74/1), происходит с территории могильника и числится как случайная находка.

[63] Б. Тержан, указывая на ряд ранних, по её мнению ещё периода НаС, сосудов из различных могильников КВ, упоминает среди них и кубки из погр. 345 и 462 могильника Тапиоселе (Teržan 1998: 514, anm. 27).

[64] Эта параллель была замечена уже авторами публикации (Csalog, Kisfaludi 1985: 335), которые, впрочем, для датировки могильника предложили традиционную дату — вторая пол. VI в. до Р. Х. (Csalog, Kisfaludi 1985: 342).

ника (Рис. 74/12). Другое кольцо числится как случайная находка с территории могильника (Csalog, Kisfaludi 1985: abb. 6/20). Эти предметы, назначение которых не совсем понятно, известны и в других памятниках КВ (Chochorowski 1985: 113). Представлены они и в 5 комплексах трансильванской группы (Аюд, Блаж, Симерия, Фирминиш, Сф. Георге). Первые четыре, согласно хронологии В. Васильева, относятся к ранней фазе группы Чумбруд и датируются первой пол. VI в. до Р. Х., а Сф. Георге — концом этого же столетия (Vasiliev 1980: 96, pl. 16/18). Аналогичное кольцо происходит из могильника Куртя де Арджеш (ареал группы Фериджиле), где также найдены удила типа Векерзуг (Vulpe 1967: pl.XVI).[65]

Наконец, относительно недавно были частично опубликованы материалы могильника Чаньтелек-Уйхаласто, севернее г. Сегед (Galantha 1982; 1986). Здесь также отмечен ряд комплексов, материалы из которых определённо свидетельствуют о том, что могильник начал функционировать ещё в первой пол. VI в. до Р. Х. На этот раз, существенный хронологический отрыв могильника от основной массы памятников КВ был отмечен уже автором публикации. М. Галанта датировала Чаньтелек концом VII — первой пол. VI вв. до Р. Х. (Galantha 1986: 76—77), опираясь в основном на находки фибул. И действительно, ладьевидную фибулу из погр. 208 (Рис. 74/14) можно отнести к первой пол.VI в. (Chochorowski 1996: 129). Т. Кеменцеи определяет дату этой же фибулы ещё более ранним временем — конец VII — нач.VI вв. (Kemenczei 1994: 93). Б. Тержан, разбирая серию сосудов из могильников КВ, которые, по её мнению, могут относиться ещё к периоду HaC, упоминает и керамику из погр. 181 и 191 могильника Чаньтелек (Terzan 1998: 514, anm. 27). Т. Кеменцеи также считает погр.191 довольно ранним. Он указывает на происходящую отсюда лепную урну характерную для среднедунайской гальштатской культуры, а также 2 базисных наконечника стрел (Kemenczei 1994: 93).

Первая половина VI в. до Р. Х. — наиболее вероятная дата для керамического комплекса из погр. 16 (Galantha 1982: 49, abb. 9). Внутренняя поверхность миски с загнутым внутрь краем из погр. 46 украшена достаточно сложным каннелированным орнаментом (Рис. 74/9).[66] Чаша с четырьмя симметрично расположенными по краю выступами-фестонами из погр. 9 (Рис. 74/10) имеет совершенно очевидные прототипы в гавско-голиградском керамическом комплексе,[67] культурах восточногальштатского круга и среднедунайской культуре Урненфельд (Chochorowski 1985: 34). Принадлежность могильника Чаньтелек к культуре Векерзуг, помимо прочего, обозначают и найденные в различных погребениях 4 комплекта упряжи типа Векерзуг (погр. 89 [Galantha 1982: 58]).

Таким образом, перенос даты КВ со второй пол. VI в. в первую (или даже на рубеж VII/VI вв.) выглядит вполне обоснованным, а солидный фонд неопубликованных источников с территории Венгрии,

[65] Нельзя не отметить находку в погр. 43 могильника Тёрёксентмиклош типично степной (северопонтийской) формы лепного сосуда (Рис. 74/11). На фоне полнейшего господства местных керамических форм этот факт, безусловно, заслуживает внимания.

[66] Практически идентичные схемы такой каннелированной орнаментации, чрезвычайно широко распространены на столовой керамике младшей ступени группы Босут (Босут III) в югославском Банате. Причем, орнамент наносился именно на внутреннюю поверхность сосудов (Тасић 1983: сл. 84). Ступень Босут III синхронизируется с первыми тремя фазами Фериджиле, Быршенть и Добрина (Тасић 1983: 123).

[67] Откуда вероятно, эта форма перешла к населению култановицкой культуры, где является достаточно распространённой (Попович 1990: 160—161, рис. 58/10).

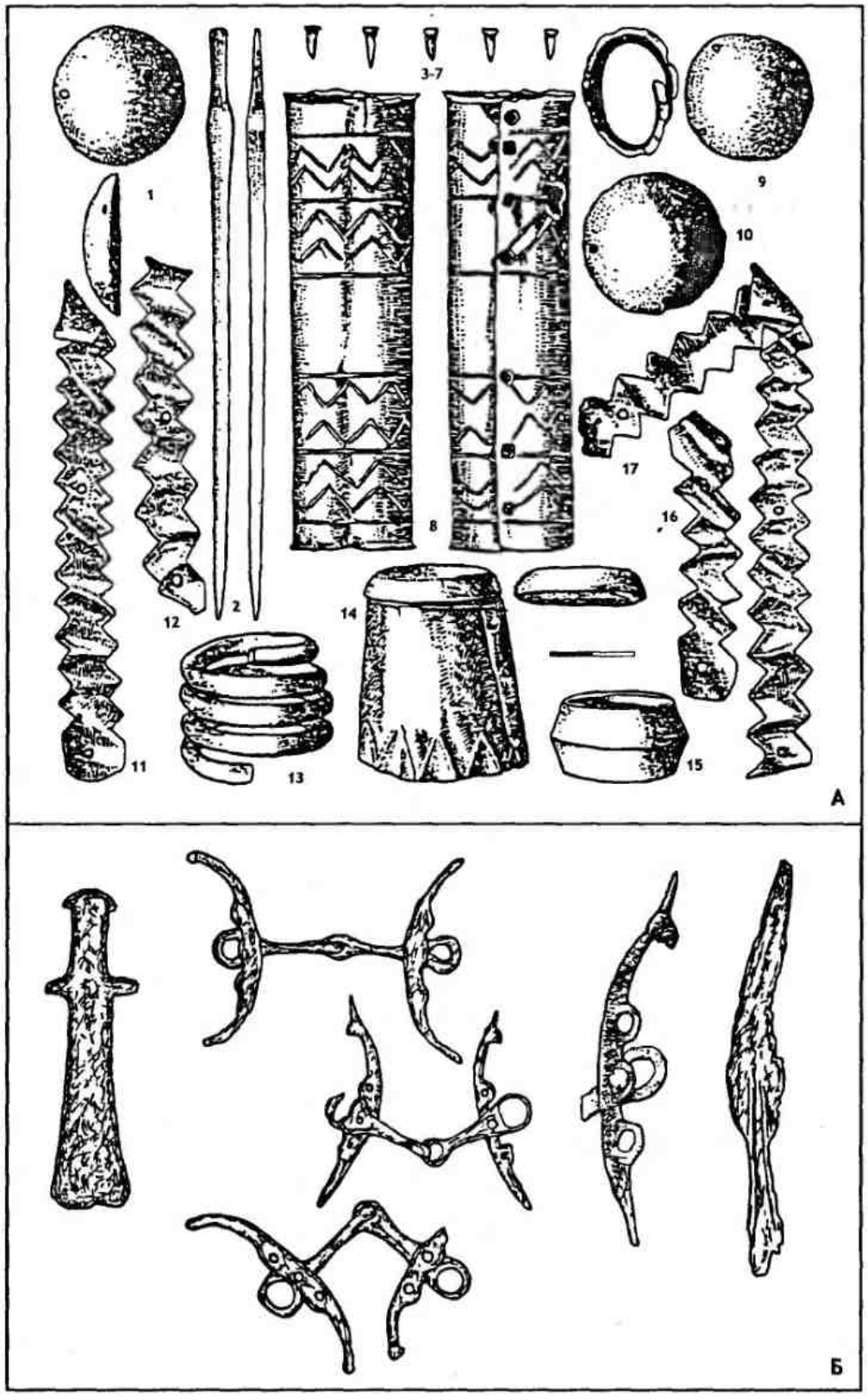


Рис. 73. **Венгерские комплексы периода HaC:**

Findings from Hungary of HaC period

А — Дьома (золото; по [*Chochorowski 1993*])

Б — Мишколк-Диошдьёр (железо; по [*Chochorowski 1987*])

надо думать, содержит дополнительные подтверждения подобной хронологической корректировки.[68] Окончился и период «блестящей изоляции» Артанда. Отныне раннескифский горизонт этого местонахождения — полноправный, и вместе с тем совершенно неординарный «комплекс», относящийся к раннему этапу скифской эпохи венгерско-трансильванского региона. Расположенный на пограничье этих двух областей Артанд, как это и предполагал М. Пардуц, может фиксировать начальный период контактов между населением скифского времени Венгерской равнины и Трансильвании (Parducz 1965: 225).

Подведем промежуточные итоги (Табл. IX).

Несмотря на то, что начало КВ теперь достаточно уверенно располагается на рубеже VII/VI вв. до Р. Х., сомкнуть предскифские и раннескифские древности в Венгрии не удаётся. Их разделяет почти целое столетие. Даже если повысить верхнюю дату фрако-киммерийского горизонта и поместить её, как предлагает Я.Хохоровски, в пределах этапа $НаС_1$, остается хронологическая лакуна, по меньшей мере, в полстолетия.

Для её ликвидации предлагается использовать следующую группу памятников Восточной Венгрии — комплексы типа Дьёндьёш и Мишколк–Диошдьёр (ДМД), а также курганное погребение из Дьома (Рис. 72; 73). Я. Хохоровски предположил, что памятники типа ДМД соответствуют младшей фазе культуры Мезечат. Правда, он заметил при этом, что соотнесение этих двух горизонтов в культурном плане, затрудняет специфический характер комплексов ДМД (Chochorowski 1987: 165).

История находок в Дьёндьёш и Мишколк-Диошдьёр несколько напоминает ситуацию с Артандом. Так, предметы из Дьёндьёш (Рис. 72) предстали в виде единой находки только в стенах Венгерского Национального музея. Сопоставляя оба этих условных комплекса с материалами КВ, Я. Хохоровски пришёл к выводу о том, что первые (ДМД) должны быть несколько старше вторых, поскольку содержали некоторые предметы совершенно неизвестные в КВ и, в целом, датирующиеся более ранним временем. Действительно, плоские топоры-тёсла с боковыми выступами (т. н. «крыльями») являются относительно ранними хроноиндикаторами, период распространения которых охватывает в основном этап НаВ. Так же очевидно, что топоров с боковыми выступами нет среди материалов КВ. В тоже время, комплексы горизонта ДМД обладают целым рядом вещей, которые имеют массу аналогий в культуре Векерзуг.

Прежде всего, это серия комплектов упряжи одноименного типа, формирование которого, согласно опять-таки Я. Хохоровскому, датируется рубежом VII/VI вв. до Р. Х. Даже если считать, что ДМД даёт нам *самые ранние* образцы этой упряжи (хотя оснований для этого я не вижу), то вряд ли можно значительно отрывать их датировку от даты основной группы находок удил типа Векерзуг. То же самое относится и к деталям повозок, которые найдены в Дьёндьёш и которые также представлены в КВ. Непонятно и то, почему серия скифских наверший и бубенцов из Дьёндьёш, имеющих аналогии в КВ, должны

[68] Не будем забывать и о том, что теперь все эти, и другие большие и малые могильники КВ обладают ещё одним хроноиндикатором, который отныне совершенно не противоречит датировке КВ в том числе и первой пол. VI в. до Р. Х. Я имею ввиду базисные наконечники стрел.

непременно указывать на наиболее ранний случай появления таких предметов в Алфёльде.[69] Только лишь на основе датировок тесловидных топоров? Последние в самом деле неизвестны в KB и, как будто бы, вообще в HaD. Однако, почему бы не поступать наоборот, то есть считать тесловидные топоры из Дьёндьёш реликтом в основной массе более поздних вещей. Тем более, что в HaC Средней Европы эти предметы ещё встречаются. И если, к примеру, уже упоминавшийся комплекс кургана 5 в Вазар датируется первой половиной гальштата C, то курган 12 могильника Фериджиле, где также найден тесловидный топор с боковыми выступами и выделенным обушком (Vulpe 1967: pl. XIX/16), никак не может быт старше второй половины — конца VII в.

Ещё один поздний комплекс с аналогичным орудием — курган 2 могильника Перебыковцы на Среднем Днестре, датируемый самым концом VII в. до Р. Х. (Смирнова 1993: 116, рис. 7/3). В ареале западноподольской группы есть и другие находки таких топоров (Врублевцы, Долиняны [Смирнова 1999: 243]). На Нижнем Дунае тесловидный топор найден среди материалов раннескифского горизонта на Чилик-дере (Simion 1997: fig. 12/a) Один из тесловидных топоров, найденных при раскопках городища Смоленице-Мольпир на Среднем Дунае, представляет собой едва ли не точную копию топора из Дьёндьёш (Dušek 1971: obr. 10, 23; 1978: abb. 21). Дата гибели Смоленице теперь определяется концом VII — нач. VI вв. до Р. Х. (Парцингер 1998: 109).[70]

Я. Хохоровски, в поисках вероятных восточноевропейских ареалов РСК, откуда её население могло проникнуть на Венгерскую равнину, указывает на Посульскую группу памятников (Chochorowski 1985: 150). Хорошо известно, что Посулье, наряду с Северным Кавказом, — основная область распространения раннескифских бронзовых прорезных наверший. В свое время, В. А. Ильинская указывала на то, что фигурки диких копытных венчающих навершия с овальными бубенцами наиболее типичны как раз для дунайской группы находок (Ильинская 1968: 159). На Кубани их нет. В то же время, в посульской группе известны 2 экземпляра, оформленные подобным образом (Ильинская 1968: 159, рис. 42/5). Нет, мы не уклонились от основной темы. Дело в том, что помимо прочего, в Среднем Поднепровье (и в Посулье, в частности) отмечены находки тесловидных топоров. В Посулье — это Старшая Могила и Поповка 8. Причем, в Старшей Могиле подобный топор найден вместе с бронзовыми навершиями, а в Поповке — с четырёхлепестковыми сбруйными бляхами раннескифского типа (Ильинская 1968: табл. III; XLVI). В бассейне Ворсклы целая серия таких орудий происходит из раскопок Бельского городища (Шрамко 1987: рис. 34/5—9). Два экземпляра найдены на Правобережье. Один — в раннескифском комплексе Малой Офирни (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 59, рис. 11/11). Другой — на Мотронинском городище (Бессонова, Скорый, Романюк 2000: 10, рис. 1/1).[71]

Все эти аналогии вполне позволяют считать, что тесловидные топоры с боковыми выступами находятся в употреблении по меньшей мере до самого конца

[69] Примечательно, что из ареала трансильванской группы происходит всего 2 навершия (против 15 в Алфёльде [Chochorowski 1985: 119]), причём оба — случайные находки (Vasiliev 1980: 118).

[70] На этом же городище был найден и ещё один, несколько отличный экземпляр (Dušek 1965: obr. 149/1).

[71] Поселение скифского времени, по мнению авторов раскопок, возникло на этом городище не ранее конца VII в. до Р. Х. (Бессонова, Скорый 2000: 120)

Рис. 74. **Находки из могильников культуры Векерзуг**

Finds from the cemeteries of Vekerzug-culture

1–8 — Тапиоселе (*1* — случ. нах.; *2–3* — погр. 462; *4* — погр. 314; *5* — погр. 345; *6* — погр. 335; *7* — погр. 344; *8* — погр. 316); *9–10, 14* — Чаньтелек-Уйхаласто (*9* — погр. 9; *10* — погр. 46; *14* — погр. 208); *11–13* — Тёрёксентмиклош (*11* — погр. 43; *12* — погр. 34; *13* — погр. 53)

Таблица составлена по следующим публикациям: *Parducz 1966; Galantha 1982, 1986; Csalog, Kisfaludi 1985.*

VII в. до Р. Х. При этом, речь идёт о массовом употреблении как в Средней, так и в Восточной Европе.

Кинжал из Дьёндьёш — особая тема. Он принадлежит к типу однолезвийных кинжалов-мечей Карпато-Дунайского региона, сформировавшемуся на основе скифской и гальштатской традиций. В этом типе, который В.Васильев называет «гибридным» (Vasiliev 1980: 83-84), а В. Гинтерс считал локальной венгерской формой скифского акинака (Ginters

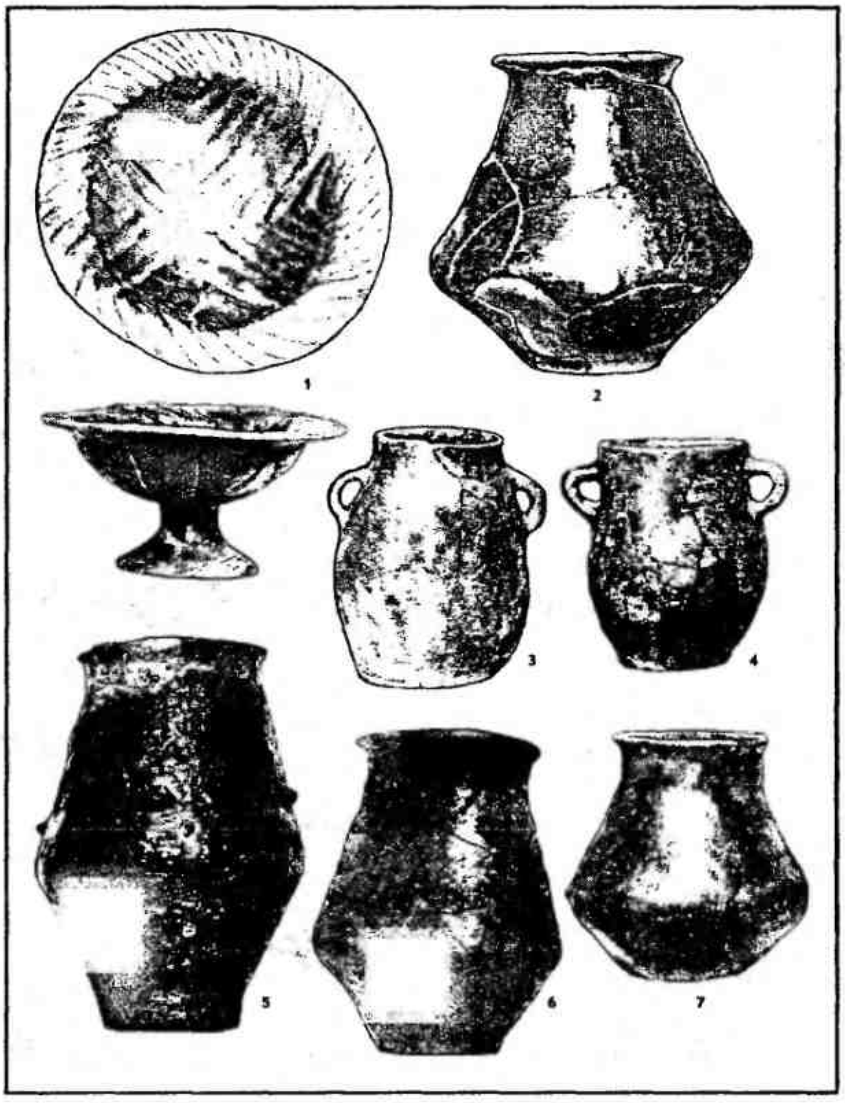


Рис. 75. Лепная керамика из могильника Тапиоселе

Hand-made pottery from the cemetery Tapioszele

1 — погр. 7; *2* — погр. 165; *3* — погр. 147; *4* — погр. 375; *5* — погр.445; *6* — погр. 320; *7* — погр. 105 (всё по [*Parducz 1966*])

1928: 30), можно различать два варианта. Первый из них имеет Т-образное, иногда слегка изогнутое навершие. У второго навершие отсутствует (Рис. 76). Скифским (степным) признаком, объединяющим всю, без исключения, серию мечей является почковидное перекрестие. Столь же явным гальштатским (или точнее, восточногальштатским, иллирийским) заимствованием следует считать форму клинка и наличие на нем только одной «рабочей» стороны. Т-образное, изогнутое иногда до серповидных очертаний навершие, это, возможно результат трансформации («распрямления») классического антеннообразного. Причем, его среднеевропейские прототипы, в том числе и в сочетании с однолезвийным клинком, судя по всему, значительно древнее степных, восточноевропейских (Vinski-Gasparini 1973: 156, taf. 103/11). Экземпляры первого варианта более длинные и таким образом, больше соответствуют понятию «меч». Они вряд ли появились ранее VI в.

до Р. Х. Большинство таких мечей из венгерско-трансильванского региона представлено случайными находками. Тем не менее, В. Васильев считает, что для ранней фазы трансильванской группы они не характерны, указывая при этом на едва ли не единственную документированную находку такого меча в погр. 10 могильника Бэица (Рис. 76/6). Этот комплекс (и могильник в целом) действительно поздний, хотя, быть может, не настолько, как это предполагает В. Васильев — первая пол. V в. до Р. Х. (Vasiliev 1980: 86).[72] Румынский исследователь, правда, не упоминает погр. 2 могильника Чумбруд, где среди прочего инвентаря была найдена верхняя половина однолезвийного меча с Т-образным навершием (Рис. 76/12 [Vasiliev 1980: pl. 10/6; Ferenci 1965: 91, 93]). Причисляя Чумбруд к архаической фазе трансильванской группы, В.Васильев полагает, что этот могильник все же несколько младше древнейших комплексов этой группы (Vasiliev 1980: 131). Мечи первого варианта известны в ареале КВ (Рис. 76/7). В поисках культурно-хронологических соответствий, Я. Хохоровски указывает на могильник Гальштат, отмечая, что однолезвийные кинжалы с антенновидным навершием являются важнейшим индикатором фазы HaD_1 этого могильника (Chochorowski 1985: 104).[73] Судя по всему, не могут быть старше VI в. и экземпляры мечей из ареала группы Фериджиле (Рис. 76/5).

Экземпляры 2-го варианта, к которым принадлежит и клинок из Дьёндьёш, более короткие и потому скорее соответствуют типу кинжалов. Находок этого варианта значительно меньше, чем первого, а надёжно датируемых комплексов практически нет вообще. Помимо Дьёндьёш (Рис. 72; 76/1) к документированным находкам можно отнести лишь кинжал из погр. 13 в Аюд (Рис. 76/2). Поэтому, трудно говорить о том, насколько синхронны кинжалы первого и второго вариантов. И всё же, учитывая более или менее надёжную дату для экземпляров 1-го варианта (мечей) — VI в. до Р. Х., вряд ли экземпляры второго могут быть датированы намного раньше. Хотя, на мой взгляд, их появление все-таки можно отнести ещё к VII в. до Р. Х.

Похоже, что основные хроноиндикаторы горизонта ДМД отчетливо тяготеют не к предшествующей, а к следующей за ним эпохе. Я согласен с Я. Хохоровским в том, что этот горизонт действительно мог обозначать древнейший период становления КВ, возможно, ещё в VII в. Однако, заполнить этими памятниками практически все VII столетие и тем самым сомкнуть предскифскую и раннескифскую традиции в Карпатском регионе, на мой взгляд, решительно невозможно.

Не меняет ситуации и комплекс из Дьома (Рис. 73/А), который Д.Газдапустаи в своё время отнес к доскифскому горизонту в Венгрии и датировал VIII—VII в. до Р. Х. (Gazdapusztai 1967: 317).[74] Я. Хохоровски, сужая дату этого комплекса до первой пол.VII в.(Chochorowski 1993: 237), указывает на сходство подкурганного обряда погребения в Дьома с киммерийскими комплексами Северо-Восточ-

[72] Чуть более ранним временем датирует могильник А. Вульпе — вторая пол. VI в. до Р. Х. (Vulpe 1990: 130).

[73] В могильнике Гальштат действительно известны однолезвийные кинжалы, в том числе и с антенновидным навершием. Однако, все они имеют прямой клинок (погр. №№33, 696, 703 [Kromer 1959: taf. 1/27, 124/1, 145/5]). Изогнутые однолезвийные клинки — характернейшая черта наступательного оружия населения североадриатической области, Пицена и Иллирии. Начало их широкого применения здесь относится ещё к VIII в. до Р. Х.

[74] На хронологической таблице (Gazdapusztai 1967: 332) автор, правда, поместил комплекс вблизи 600 г. с широкими допусками как вниз (до второй пол. — конца VIII в.), так и вверх, вплоть до Артанда (560—550 гг.).

ной Болгарии (Белоградец), а также на некоторые маловыразительные, по-моему, находки в Дьома, которые похожи на предметы из предскифских памятников причерноморской лесостепи (в частности, полусферические нашивные бляшки из Бутенок (Chochorowski 1993: 236—237). Доскифскую принадлежность венгерского комплекса полностью перечеркивает найденный в нем фрагмент бронзового зеркала.[75] Абсолютно нехарактерны для предскифских древностей и захоронения в катакомбах. Короткие золотые гво́здики из Дьома (Рис. 73/А, 3—7) напоминают раннескифские костяные стержни с грибовижными шляпками.[76] А кроме того, очень похожие гво́здики, только серебрянные, находились среди колчанного набора в Большом Гумаровском кургане (Исмагилов 1988: 32). Наконец, не имеет прецедентов в Алфёльде и возведение курганной насыпи над погребением.[77] Таким образом, вполне допуская, что Дьома, наряду с горизонтом ДМД, хронологически может предшествовать появлению скифских памятников в Венгрии, замечу, что этот комплекс ни сам по себе, ни в сочетании с памятниками типа ДМД, не обеспечивает искомой преемственности между двумя группами раннекочевнических древностей Карпатского бассейна.

Подвёдем теперь уже окончательные итоги. Понятие «культура Мезечат», по Я. Хохоровскому, охватывает следующие культурные феномены: могильники типа Фюзешабонь-Мезечат, клады типа Прюдь и Фюгед, горизонт Дьёндьёш–Мишколк–Диошдьёр (и Артанд), курган в Дьома, древнейшие комплексы могильников культуры Векерзуг (Chochorowski 1985: 124, anm. 626). Очевидно, что это понятие в культурном отношении отнюдь не гомогенное. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что феномен Мезечат формируют, по крайней мере, две основные культурные традиции — местная среднеевропейская периода поздней Урненфельд-раннего гальштата и привнесённая с востока, раннекочевническая. Далее. Всю, отмеченную выше хронологически последовательную цепочку памятников (горизонтов, групп), уверенной сплошной линией можно довести вплоть до начала этапа НаС и столь же уверенно возобновить в его конце. Для большей части VII в. до Р. Х. она оказывается в значительной степени пунктирной. На этапе НаС эта линия не обеспечивается в должной мере ни европейскими (гальштатскими), ни тем более восточными (раннекочевническими) хроноиндикаторами.

Говоря о восточной традиции, отмечу, что в Алфёльде совершенно отсутствуют т.н. «смешанные», киммерийско-скифские комплексы, известные в южнорусских степях на этапе РСК–1 (Лермонтовский разъезд, хут. Алексеевский, Краснознаменский курган 9, хут. Обрывский).[78] Весьма показательно ещё и то, что в Алфёльде, так же как и в Трансильвании (о чём уже

[75] Справедливости ради, нужно сказать, что до сих пор нет абсолютной уверенности в том, что это действительно фрагмент бронзового зеркала. Д. Газдапусаи рассматривал две вероятные интерпретации этого предмета — зеркало и серп (Gazdapusztai 1967: 316). М. Пардуц, картографируя находки бронзовых зеркал с территории Венгрии, включил сюда и находку из Дьома (Parducz 1958: 60).

[76] Для большинства костяных реплик характерно наличие выреза у основания шляпки. Однако, известны и экземпляры с гладким стержнем (западноподольский горизонт поселения Тринка на Среднем Пруте [Levitki 1997: fig. 6/8]).

[77] По меньшей мере, дважды курганный обряд зафиксирован в трансильванской группе (Чипэу, Кымпия Турзий [Vasiliev 1980: 35]).

[78] Подобные комплексы, с некоторыми оговорками, можно видеть в кургане из Чипэу в Трансильвании (Vlassa 1961: 119—122), а также в погребении из Полско Косово в Северной Болгарии (Stantchev 2000).

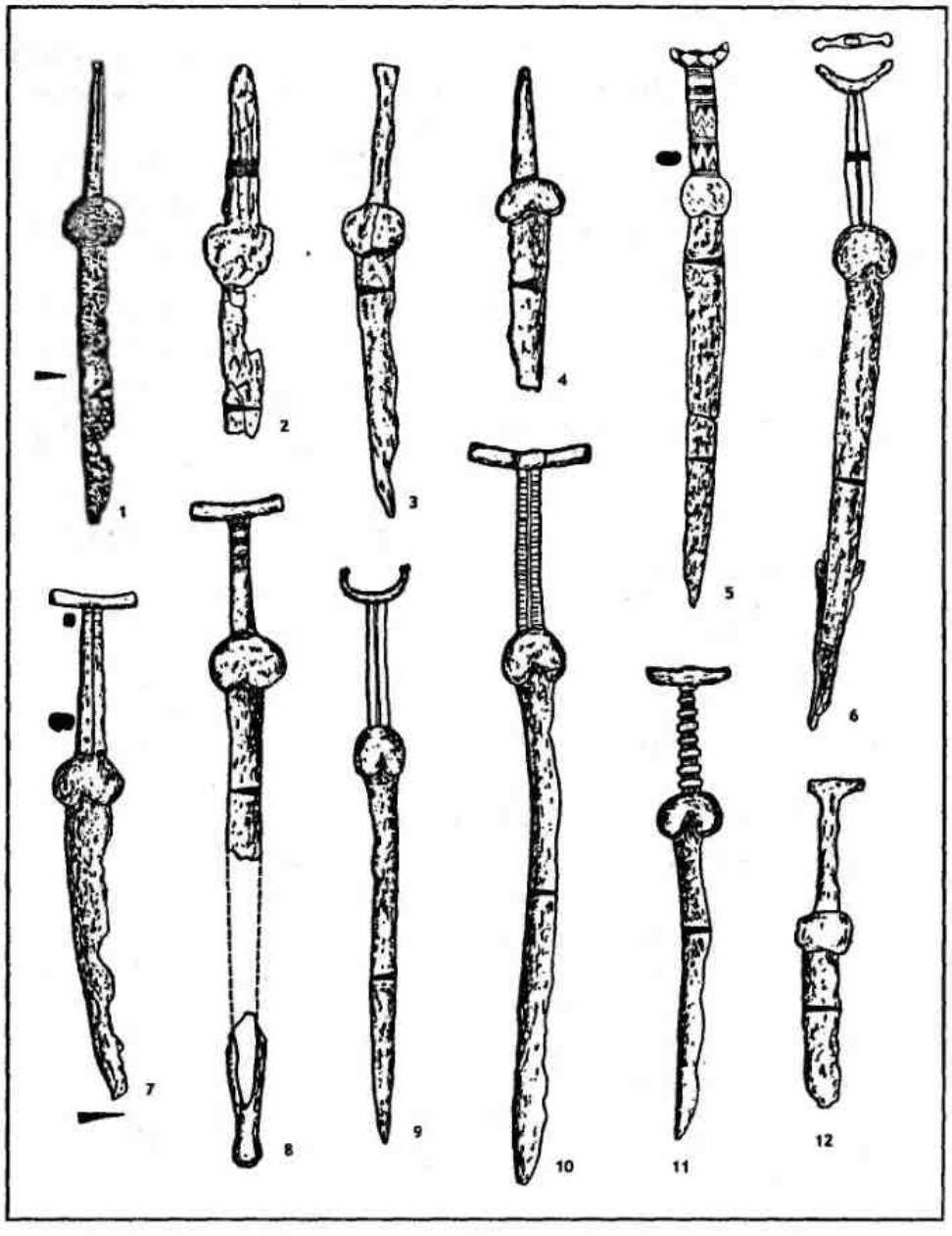


Рис. 76. **Однолезвийное клинковое оружие Карпатского бассейна (конец HaC—HaD)**

One-blade weapons from Carpathian Basin (end HaC — HaD)

1 — Дьёндьёш; *2* — Аюд (погр. 13); *3* — Беник (Мадьяр-Борош-Бенедик); *4* — Тарнабод; *5* — Куртя-де-Арджеш; *6* — Бэица (погр. 10); *7* — Тисабод-Баб; *8* — Мирэслэу; *9* — Чепарь; *10* — Венгерский национальный музей; *11* — комитат Берег; *12* — Чумбруд (погр. 2)

Таблица составлена по следующим публикациям: *Vasiliev 1980; Parducz 1973; Chochorowski 1985; Ginters 1928; Махортих, Скорий 1986.*

шла речь выше) абсолютно неизвестны ромбические наконечники стрел жаботинского типа. Их нет не только в комплексах, но даже среди случайных находок. Наконец, различия в погребальном обряде между могильниками Мезечат (трупоположения) и культуры Векерзуг (биритуализм) также отнюдь не свидетельствуют о безоговорочной культурной преемственности между ними (Teržan 1998: 514).

Фактически, единственным стандартом, объединяющим обе группы и свидетельствующим о сохранении местной традиции, является керамический комплекс. Однако, памятники с эталонным набором такой керамики, опять-таки неизвестны для VII в. до Р. Х. То есть, мы вновь вынуждены говорить о некоей латентной форме передачи традиции. А пока, VII в. до Р. Х. по праву можно считать «тёмным» периодом в истории Алфёльда.

Я полагаю, что для понятия «культура Мезечат» следует оставить лишь её узкое, доскифское содержание (IX—VIII вв. до Р. Х.). Распространение этого понятия на венгерские древности конца VII — VI вв. не кажется достаточно обоснованным. Целесообразнее будет обозначать их как «древности культуры Векерзуг», включая сюда группу памятников типа Дьёндьёш–Мишколк–Диошдьёр и Артанд.

Появление первой волны восточных номадов, как бы ни оценивать масштабы и характер этого вторжения, не могло не сказаться на судьбах населения Карпатского бассейна эпохи поздней Урненфельд. Вскоре после образования культуры Мезечат в Алфёльде, механизм культурной трансформации в центральноевропейском доме сигнализировал о преодолении эпохального рубежа — завершение позднего бронзового и начало раннего железного веков. Первые признаки «гальштатизации» в Алфёльде рубежа HaB/C (Фюгед) так и остались всего лишь проблесками этого процесса. Гальштатское население Средней Европы, занятое своими внутренними делами, на время потеряло интерес к Восточной Венгрии. После рубежа VIII/VII вв. Алфёльд оказался в относительной культурной изоляции. Естественной границей для западных импульсов вдруг оказалась дунайская вертикаль, которая до сих пор отнюдь не являлась непреодолимым рубежом для межкультурных контактов. Постепенно сходили на нет местные традиции. На время прекратились и восточные импульсы. Весьма невыразительная, монотонная археологическая палитра Алфёльда VII в. до Р. Х. была внезапно расцвечена в конце столетия новыми красками. Оживление внесла очередная волна восточных номадов. Реликты былой культурной традиции, дремавшие где-то в глухих закоулках провинции, были востребованы и вполне органично вписались в структуру нового феномена — культуры Векерзуг.

По иному сценарию развивались события в Трансильвании. VII век для этого ландшафтно-географического «котла» — время достаточно бурных событий, в череде которых смешались традиции местного позднегавского населения, соседей из южного Прикарпатья (Басараби) и всё тех же восточных кочевников. Население, возникшей около сер. VII в. группы Чумбруд после периода стабилизации, занявшего примерно полстолетия, узнаёт о том, что северо-западнее, на Венгерской равнине формируется во многом родственное культурное образование. Взаимные поиски контактов между этими двумя группами, вероятно, и привели к появлению ряда комплексов в Алфёльде (ДМД, Дьюма) и на венгерско-трансильванском пограничье (Артанд).

Но позвольте, если всё, о чём мы только что говорили, было на самом деле, то в таком случае ведь совершенно ясно, что культура предскифского периода IX—VIII вв. и раннескифские древности VII—VI вв. в Карпатском бассейне, по отдельности отличались друг от друга. А те, уникальные «смешанные» комплексы (причем, только в Трансильвании — Чипэу), даже если считать их безукоризненными с точки зрения археологической фиксации, так же как и на Северном Кавказе, только с гораздо большей отчётливостью, обозначают всего лишь кратковременный этап, на котором материальная культура двух волн восточноевразийских номадов действительно предстала в виде слаборазличимого единства.

На самом деле, памятники Карпатского региона с предельной чёткостью позво-

ляют различать два восточноевразийских импульса, первый из которых проявил себя здесь ещё в HaB_2, а второй уже в HaC, точнее HaC_2—HaD_1. Карпатская периферия ясно развела эти два потока, которые в центре ареала, в Восточной Европе, столкнулись в водовороте начальной стадии процесса новой культурной трансформации, которая вообще слабо поддаётся каким-либо аналитическим процедурам.

4.3. Вместо заключения

ЕСЛИ вы думаете, что за археологическими памятниками Карпатского бассейна, которые содержат явные восточные элементы, столь же явно подразумевается физическое присутствие кочевого населения из Восточной Европы, то вы заблуждаетесь. Поразительно, но для Венгрии, так же как и для территории Румынии, о чём мы уже говорили раньше, появление здесь в раннем железном веке кочевников из Восточной Европы далеко не очевидно. По крайней мере, не всегда и не для каждого исследователя. Очевидно это, причем всегда, было для М. Пардуца, было и остается для Я. Хохоровского и В. Васильева. Отрицал физическое проникновение киммерийцев в Карпатский бассейн Д. Газдапустаи. Нестойкость в своих убеждениях по этому поводу характерна для А. Вульпе. Сложную эволюцию во времени претерпевали взгляды Т. Кеменцеи. Так, в работах 1977 и 1988 г. венгерский исследователь говорит о расселившейся в Алфёльде группе восточного происхождения (Фюзешабонь–Мезечат [Kemenczei 1977: 87; 1988: 79]).[79] В 1994 г. за этим феноменом он видит миграцию небольшой (по-видимому, очень небольшой) группы населения с Кубани и северопонтийского региона (Kemenczei 1994: 601). А в 1996 г. речь идёт уже о контактах (универсальное, лишённое всяческого содержания понятие!) между элитами Алфёльда и восточных номадов (Kemenczei 1996: 270—271). Киммерийская экспансия в Европу? Нет, это решительно невозможно!

Однако, в последнее время подобная тенденция в среде западноевропейской научной общественности приобретает крайне радикальную форму. На сегодняшний день формируется точка зрения, согласно которой, Центральная Европа рубежа II—I тыс. до Р. Х. располагала собственными культурно-экономическими предпосылками и географическими условиями для независимого (по крайней мере) от евразийский степей становления номадизма. Справедливости ради, нужно заметить, что соло в раннекочевнической «партитуре» переходит к научному сообществу Центральной Европы по вине, прежде всего исследователей постсоветского пространства. Нельзя было до бесконечности «испытывать терпение» наших западных коллег, сдерживая, буквально рвущийся к рубежу II/I тыс. блок древностей аржанского круга. Поправки в гальштатской хронологической схеме показали то, что они должны были показать. Раннекочевнические древности в контексте цивилизации Урненфельд датируются уже всем IX в. или даже концом X в. до Р. Х. Поскольку «восток» безмолвствует, засто-

[79] Не могу отказать себе в удовольствии привести в высшей степени замечательную цитату из работы Т. Кеменцеи 1977 года. «Дунайское колено, — пишет Т. Кеменцеи, — было границей для населения двух больших культурных областей. Культура Урненфельд западного Карпатского бассейна в конце IX — VIII вв.до н.э. была отодвинута вплоть до Дуная от линии Тисы в результате *вторжения восточных предскифских племен*» (Kemenczei 1977: 87 [курсив мой — *И.Б.*]).

явшийся и искушаемый невероятной, демонической идеей ретроспективного культурно-исторического переворота, «запад» делает первые, пока ещё робкие шаги, которые в дальнейшем могут придать вектору миграционных процессов эпохи ранних кочевников диаметрально противоположное направление.

И вот уже, во второй пол. II тыс. до Р. Х. в Центральной Европе замаячили диковинные всадники, всё более уплотняясь в разнокультурную, пёструю массу. В их колчанах гремят экзотические наконечники стрел, отлитые по кремнёвым прототипам. Глухо постукивают о деревянные псалии односоставные бронзовые удила. Нетерпеливо переминаются с ноги на ногу доморощенные кони, обратившись мордами на восток в ожидании культурологического реванша.

Нет нужды сотрясать воздух в дискуссиях по поводу того, является или нет инородный культурный массив в какой-либо отдельно взятой области показателем миграции сюда населения, его представлявшего. «Sapienti sat!» Досадно лишь, что иной раз немалые усилия научного Интернационала уходят на вынашивание и доказательство гипотез, вызванных к жизни отнюдь не научными проблемами.

Нравится это кому-нибудь или нет, но появление ранних кочевников в Европе носило характер вторжения. Степень его агрессивности была прямо пропорциональной числу участников — от рейдовой, рекогносцировочной в киммерийскую эпоху, до массовой и откровенно враждебной в раннескифскую.

Вообще, при решении данной проблемы было бы весьма желательно привлечь данные одной, крайне полезной науки — антропологии. Однако, этот источник до сих пор почему-то не востребован. Это тем более удивительно, если вспомнить то, поистине трепетное отношение, которое западноевропейские специалисты испытывают ко всякого рода междисциплинарным исследованиям. Между тем, раннескифская краниологическая серия из венгерско-трансильванского района должна выгодно отличаться от причерноморской в количественном и, по-видимому, качественном отношениях. Напомню, что бóльшая часть погребений Карпатского бассейна не потревожена грабителями и раскопана сравнительно недавно. Правда, отсутствие эталонной раннескифской антропологической коллекции из Причерноморья, несколько скорректирует процедуру сравнительного изучения, поскольку сравнивать карпатскую антропологию можно будет в таком случае не на предмет сходства с причерноморской, а в плане её отличия от местной, позднеурненфельдско-раннегальштатской.

Любопытно, что в этом отношении антропологов опередили археозоологи, прежде всего, в лице выдающегося венгерского исследователя Ш.Бёкени. Уже достаточно давно он установил, что в Центральной Европе в эпоху, синхронную раннескифскому времени, активно эксплуатировались два основных вида лошадей разного происхождения (Bökönyi 1964: 234-235). Условная меридиональная граница между их ареалами — Словения — Восточная Австрия. При этом, к востоку от этой линии преобладает степная, скифская и, по мнению Ш.Бёкени — лучшая порода лошадей, ареал которой простирается на восток, включая Алтай (Bökönyi 1964: 239). О том, что она была лучшей по сравнению с местной, центральноевропейской, может свидетельствовать то обстоятельство, что лошади этой, степной породы встречаются западнее меридиана Словения — Австрия в раскопанных богатых захоронениях (Bökönyi 1964: 227 и сл.; 1968: 3 и сл.).[80]

[80] Недавно, К. Метцнер-Небелсик, фактически выразила сомнение по поводу корректности выводов Ш. Бёкёни. Ей удалось установить, что в своих выводах венгерский исследователь

Подведём некоторые общие итоги, касающиеся раннескифских древностей Венгрии и Трансильвании.

Население культуры Векерзуг, — это население в своей основе пришлое, восточного происхождения. Население трансильванской группы, — тоже пришлое и тоже восточного происхождения. Однако, формирование этих очагов раннескифского времени, возникновение которых разделяло примерно полстолетия, шло разными путями.

Ранее, я уже предположил, что скифы Трансильвании, — это отдельная группа номадов, судьба которой, скорее всего, не была связана с основным ареалом раннескифской культуры в Северном Причерноморье — Приднепровской лесостепью. Не пересекались её пути и с западноподольскими скифами. Появление последних на Среднем Днестре видится следующим образом. Где-то в степях между Доном и Волгой на рубеже VIII/VII вв. единый поток заволжских номадов раскололся на два. Отделившаяся группа «западного» направления вскоре достигает Среднего Поднепровья, где в свою очередь также делится на две. Одна из них остается в Приднепровской лесостепи, другая, спустя какое-то время двинулась дальше и в середине VII в. до Р. Х. оказывается на Среднем Днестре. Примерно в это же время значительно южнее движется ещё одна орда, конечным пунктом которой стала Трансильвания (Рис. 66). Дальше в Понтийско-Карпатском регионе наступает непродолжительное затишье. Почти все действующие лица на время замерли в своих географических нишах. Происходят лишь какие-то вторичные, локальные перемещения, как в случае со скифской группой «южного» направления, которая во второй пол. VII в. продвигалась из Западной Подолии через Бессарабию в сторону Добруджи.

Новый культурно-демографический толчок происходит в конце VII в. Одно из последствий этого толчка — появление в Восточной Венгрии культуры Векерзуг. Однако, ответить на вопрос о том, население каких областей понтийско-кавказской Скифии VII века участвовало в этом процессе, оказалось делом весьма затруднительным. После долгих размышлений, я пришел к выводу, что, пока, во всяком случае, ни одна из раннескифских культурных провинций Восточной Европы, взятая в отдельности от остальных, не может претендовать на роль «метрополии» по отношению к культуре скифского времени в Алфёльде. Материальных составляющих КВ в концентрированном виде нет ни в одной из таких отдельно взятых провинций. Анализ классических предметов скифской культуры, просто необходимый для выяснения внутренней хронологии КВ, не столь полезен при поисках исходного ареала для населения этой

использовал асинхронные серии костных остатков (Metzner-Nebelsick 2000a: 572—573). Так, реконструируя облик южнорусских коней пред- и раннескифского периодов (восточная порода) Ш. Бёкёни опирался на более поздние алтайские (в частности, пазырыкские) серии.

Нужно ли объяснять, что морфологическая изменчивость животных (в данном случае лошадей) несопоставима с типо-хронологической динамикой фибул, упряжи, оружия и прочего археологического «хлама»? В данном случае, видимо, нужно. Так вот. Задавшись целью породообразования (или видоизменения породы) можно достичь результата в течение жизни одного поколения. Об этом говорится в любом пособии по коневодству. Вопрос заключается лишь в том, насколько необходимы были эти новшества селекционного плана, если образ жизни, природно-климатические условия и хозяйственно-экономическая стратегия евразийских номадов в IX—VIII и в VI—V вв. практически не отличались. Данные по породному составу табунов у различных кочевых сообществ показывают, что во все времена здесь преобладали 2 основных вида — упряжная (тягловая) и верховая («под седло»). Нет, ни малейших оснований полагать, что у «аржанцев» и «пазырыкцев» это соотношение было каким-то иным.

культуры. Практически, все эти предметы в том или ином виде, в различных сочетаниях и пропорциях представлены в Восточной Венгрии. Хотя в отдельных случаях подобный типолого-географический анализ позволяет сузить круг поисков.

Так, концентрация раннескифских прорезных бронзовых наверший на Северном Кавказе и в лесостепном Левобережье вполне убеждают нас в том, что именно отсюда мода на такие изделия была привнесена в Карпатскую котловину. Правда, согласимся с тем, что полного удовлетворения подобная альтернатива не приносит. Но, как бы то ни было, сейчас именно эти две области претендуют на роль своеобразных метрополий для КВ.[81] На какое-то время предпочтение здесь было отдано Приднепровью, причем главным образом его левобережной части (посульская группа [Parducz 1973: 50; Chochorowski 1975: 8 и сл.; 1985: 150-151]). Однако, сейчас проблема генезиса КВ решается уже иначе.

В 60-е гг. Я.Харматта предположил, что народность сигинны, которую античные авторы помещали в Карпатской котловине севернее Дуная и считали пришлой, следует отождествлять с культурой Сентеш–Векерзуг (см. [Chochorowski 1987: 181]).[82] Эту идею в модифицированном, расширенном виде в последнее время активно развивает Я.Хохоровски (Chochorowski 1987: 197—206; 1992: 16; 1993: 245—253). Сопоставляя данные археологии и свидетельства античных авторов,[83] он приходит к выводу, что первоначально сигинны обитали в районах к югу от Кавказского хребта (Chochorowski 1993: 253). В ходе бурных событий VII в. до Р. Х. в этом регионе они переместились севернее — в Прикубанскую область, «потревожив» тамошнее коренное население — синдов, которых Аполлоний Родосский также называет среди обитателей Лаврийской (=Венгерской) равнины (Arg. IV., 320). Именно сигинно-синдский конгломерат или, точнее, — консорциум (Гумилев 1990: 111, 135), покинув кавказский регион, оказался в конечном итоге в Восточной Венгрии.

Следуя логике своих культурогенетических построений, Я.Хохоровски распространяет этноним сигинны не только на культуру Векерзуг, но и на население группы Мезечат (Chochorowski 1993: 249, 251), правда, лишь на самую позднюю доскифскую фазу этой группы (Chochorowski 1998: 486).

Для кавказской теории происхождения КВ есть один археологический аргумент, который способен совершенно сбить с толку её оппонентов. Это глиняные штампы-пинтадеры, которые внезапно, безо всякого предисловия появляются в Восточной Венгрии в ареале КВ. Ни в одной из областей Центральной Европы этого времени пинтадеры неизвестны. Нет их и в Восточной Европе, в частности в Приднепровье. Зато на Кавказе в первой пол. I тыс. до Р. Х. пинтадеры были необычайно популярны, причем, как у населения Северного Кавказа, так и Закавказья. Отметив все эти моменты, Я. Хохоровски вполне резонно полгает, что именно отсюда пинтадеры могли попасть на территорию

[81] Строго говоря, Приднепровская лесостепь сама состоит из двух областей, которые разделяет не только течение Днепра, но и некоторые особенности культурогенеза, в результате чего, оформилось определённое культурное своеобразие Левобережья и Правобережья в раннескифскую эпоху.

[82] Такого же мнения придерживался и Т. Сулимирски (Sulimirski 1961: 795).

[83] В частности, указание Геродота на мидийское происхождение сигиннов (Herod. V., 9), Страбона — на их персидские обычаи (Strabo. XI. XI, 8) и т.д.

Венгрии. Таким образом, кавказский след в культуре Векерзуг обозначился вполне отчетливо.[84]

И всё же, вряд ли этот бесспорный след, даже в сочетании со вполне правдоподобной интерпретацией античной литературной традиции и другими археологическими аргументами, которые приводит Я. Хохоровски, полностью закрывает проблему генезиса КВ. Невозможно, совершенно исключить участие в этом процессе и населения украинской Лесостепи, откуда, так же впрочем, как и с территории Северного Кавказа, в Венгрию могла попасть другая достаточно оригинальная группа находок — подвески-каури. Заселение Алфёльда скифами вряд ли было делом лишь одной, пусть даже очень многочисленной группы номадов и примкнувших к ним по пути аборигенов Северного Кавказа или Приднепровья. Пути их миграции могли здесь пересекаться.[85] Есть лишь один район, который эти группы перед непосредственным вступлением в Венгрию никак не могли обойти стороной. Это Подольская возвышенность и бассейн Среднего Днестра. Только здесь будущее население Алфёльда скифского времени могло абсорбировать идею сероглиняной гончарной керамики и, вместе с её ревностными хранителями — античными керамистами, проследовать далее, преодолевая Северо-Восточные Карпаты. Правда, вопросы остаются и в этом случае. Почему среди материалов западноподольской группы до сих пор неизвестны, к примеру, ни пинтадеры, ни раковины-каури?[86] Можно, конечно, предположить, что новые группы переселенцев предпочитали особо не задерживаться в этой, уже устоявшейся, стабильной среде западноподольской группы, имевшей собственную полувековую историю, традиции и т. п.[87] Однако, убедительности и воображаемой наглядности при таком объяснении явно не хватает.

И тем не менее, рискну настаивать на том, что последним плацдармом скифов перед их выходом на Венгерскую равнину на рубеже VII/VI вв. до Р. Х. было именно Западное Подолье. Кто составлял эту

[84] Ещё в середине 70-х гг., Г. И. Смирнова вполне провидчески говорила о том, что «...именно в степях Северного Причерноморья, включая Северный Кавказ (разрядка моя — *И.Б.*), мы найдем предков ираноязычных пришельцев в Трансильванию и в Венгерскую низменность...» (Смирнова 1980: 251).

[85] Формирование КВ не было одноактным событием, о чем могут свидетельствовать все те же пинтадеры, вернее их отсутствие в самых ранних комплексах этой культуры.

[86] Впрочем, в отношении подвесок-каури вопрос, похоже, снят. Новейшие раскопки в Подолии открыли раннескифский комплекс в инвентаре которого были обнаружены и каури (Гуцал та ін. 2003)

[87] О том, что раннескифский ареал Западной Подолии к этому времени вполне сложился как творчески ориентированная структура, и сам уже являлся катализатором каких-то локальных культурогенетических процессов, свидетельствует его определённое влияние, прослеживаемое в северном и, главным образом, северо-западном направлении. Посредством культурной среды Прикарпатья скифского времени, в частности, черепинско-лагодовской группы памятников, это влияние ощущается в Юго-Восточной Польше. Здесь в период бронзы V (HaC—HaD) в тарнобжегской группе появляется характерная кухонная керамика с проколами по налепному валику и под венчиком (Niedzwiedz 1992: 170).

В своё время Л. И. Крушельницкая считала памятники черепинско-лагодовского типа, фактически северо-западным ареалом западноподольской группы (Крушельницька 1976: 105). В дальнейшем, её взгляды на генезис этой прикарпатской группы претерпели достаточно серьёзные изменения. Формирование черепинско-лагодовской группы Л. И. Крушельницкая стала относить к позднейшему предскифскому периоду на том основании, что среди некерамических хроноиндикаторов якобы нет типично скифских вещей: «...за исключением бронзовых наконечников стрел и гвоздевидных серёжек...» (Бандрівський та ін. 1993: 237—238). Если добавить к этому перечню ещё и костяной псалий, то получается не так уж и мало.

группировку «последнего броска», пока до конца неясно. Пути движения этих групп, состав и исходный ареал (а возможно, и ареалы) теряются в обширных районах восточнее Днестра.

Что касается сигиннов и их возможного археологического соответствия, то здесь я буду следовать уже своему собственному видению процесса культурогенеза предскифско-раннескифского времени в Карпатской котловине и, в частности, в Алфёльде. Поскольку, на мой взгляд, этот процесс носил дискретный характер и между древностями типа Мезечат (в доскифском смысле) и раннескифским горизонтом культуры Векерзуг существует хронологическая лакуна VII в. до Р. Х., то этноним «сигинны», скорее всего, может соответствовать лишь культуре Векерзуг. Таким образом, эта народность кавказского происхождения (что, действительно, очень вероятно) появилась на Венгерской равнине в конце VII в. При соотнесении древних народностей с археологическими культурами, близость по времени к античным авторам, упоминающим эти народности, всегда придаёт бóльшую уверенность. В тоже время, отрыв от этой, безусловной «письменной» эпохи и блуждание в «этническом мраке» VIII-го, а тем более IX-го вв., порождает излишнюю импульсивность и утрату чувства реального.

Глава 5.
ПРОБЛЕМА СКИФСКИХ НАБЕГОВ В ЛУЖИЦКИЕ И ГАЛЬШТАТСКИЕ ЗЕМЛИ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ

И посланник Бога — пусть Бог помóлится за него и подарит ему исцеление! — сказал: «Благослови нашу Сирию, Боже, и наш Йемен!» Тут кто-то спросил: «И наш Восток, о, посланник Бога?», на что Мухаммед повысил тон: «Там поднимается род сатаны, там девять десятых всего колдовства; все вредные новшества, все несчастья — большей частью приходят с Востока!»

Ибн-Сасра
(арабский хронист;
вторая пол. XIV века)

Следуя за скифами по пути их продвижения в Среднюю Европу, мы никак не сможем избежать обсуждения такого весьма интересного и важного вопроса, как хронология и характер присутствия восточных номадов уже непосредственно на территории Средней Европы и, в частности, в областях расселения племён лужицкой и пограничных с ней культур. Несмотря на то, что мы, таким образом, выходим за географические рамки, обозначенные темой работы, необходимость в данном разделе очевидна по одной лишь причине. Без этого эпизода панорама миграции восточных номадов раннего железного века, которую мы, по сути, и пытаемся воссоздать, была бы неполной. В культурно-хронологическом плане скифская экспансия в лужицкие и восточногальштатские земли видится как один из завершающих импульсов в ритме этого глобального расселения. Этот импульс, фактически обозначает завершение восходящей фазы становления новой евразийской структуры в VI в. до Р. Х., которое было вызвано первым взрывом центральноазиатского очага культурогенеза на рубеже II—I тыс. до Р. Х.

Сразу же оговорюсь, что жанр изложения в данной главе несколько отличается от всего того, чем мы занимались до сих пор. «Точечного» разбора максимально возможного числа археологических источников здесь не будет, да это и невозможно по ряду объективных причин. Во-первых, скифские находки включены в заведомо инокультурный контекст и практически

не образуют ни одного собственно «скифского» комплекса. Чрезмерно углубляясь в этот контекст, мы неминуемо уходим от интересующей нас темы и прочно «вязнем» во внутрикультурных проблемах центральноевропейского «дома», решать которые мимоходом было бы слишком самонадеянным. Во-вторых, существует своеобразная проблема технического свойства. Она заключается в том, что интересующие нас материалы, по вполне понятным причинам не столь откровенно интересовали археологов-смежников. Отсюда, абсолютно приемлемая, скажем для специалиста по лужицкой культуре и не всегда удовлетворительная для скифолога, подача материала. Наконец, в-третьих, имеются весьма серьёзные разногласия по вопросу об интерпретации скифских находок, что само по себе уже в состоянии определить отношение исследователя к проблеме скифской экспансии. Именно этот последний вопрос и будет интересовать нас прежде всего. Для его решения используются более близкие нашему времени исторические параллели, а также наиболее репрезентативные археологические источники. Последние привлекаются в сочетании с ландшафтно-географической основой (Рис. 62), без которой реконструкция миграций любой эпохи лишается одного из главных своих аргументов — фактора наглядности

Проблема скифского присутствия в лужицко-гальштатских землях с разной степенью интенсивности будоражит умы заинтересованных лиц вот уже более ста лет. Слагаемые, формирующие эту проблему, в настоящее время сводятся к трём основным вопросам. Первый, это собственно вопрос физического присутствия скифов на данной территории; иными словами, можно ли ставить знак равенства между находками скифского типа и военными походами номадов. Второй — хронология этих находок, а значит, при положительном решении первого вопроса — хронологии скифских набегов. Третий вопрос,— это вопрос исходного ареала (или ареалов) этих походов.

Легко заметить, что правомерность постановки третьего вопроса зависит от решения первого. И надо сказать, что со времён Й. Хампеля, П. Райнеке и вплоть до недавнего времени сторонники идеи скифской экспансии в Среднюю Европу оказывались в явном большинстве.[1] Однако, в последнее время эта идея утратила свою привлекательность и стала вызывать серьёзные возражения со стороны ряда западноевропейских исследователей. Для отработки этих аргументов *contra* используются два блока вопросов. Один из них — общеархеологический — связан с тем, что вроде бы бесспорные следы пребывания скифов в гальштатско-лужицких землях можно интерпретировать по-иному. Второй блок — исторические параллели эпохи раннего средневековья, с которой совершенно справедливо по целому ряду признаков сопоставляется скифский период. Начнём со второго блока.

Одним из наиболее активных и последовательных противников скифской экспансии выступает Г. Парцингер. Говоря об эпохе раннего средневековья, он полагает, что картина опустошительных набегов восточных кочевников в этот период своей яркостью и абсолютной бесспорностью обязана, прежде всего, письменным источникам. Без них интерпретировать кочевнические находки в Центральной Европе очень сложно. Так, Г. Парцингер пишет: «...венгерские вторжения, которыми в течении полустолетия подвергались значительные территории

[1] Историографию вопроса см. в последних работах (Bukowski 1977, 1978; Скорый 1990а; Хохоровский 1994а; Парцингер 1998). Концепцию глобального скифского вторжения в Центральную Европу активно отстаивали М. И. Ростовцев (1918: 34—35), В. Пырван (Pârvan 1928), М. фон Роска (v. Roska 1937: 167 ff.). Категорически против неё в своё время высказывалась А. И. Мелюкова (1955).

Центральной Европы, оставили лишь несколько находок» И далее, — «...если бы у нас не было бы столь подробной информации письменных источников о гуннах и мадьярах, мы бы, вероятно, не смогли на основании лишь археологических данных сделать столь далеко идущие выводы» (Парцингер 1998: 107). Можно пойти и ещё дальше, полагает Г. Парцингер: «... и утверждать, что без письменных свидетельств мы не смогли бы доказать реальность походов конных кочевников» (Там же).[2] Я думаю, не стоит фантазировать на тему что было бы, если бы чего-то не было. История оставила нам те свидетельства, которые посчитала нужным оставить. А, если бы скифы владели письменностью, скажем в клинописном варианте? Или гунны не пользовались бы теми, легко узнаваемыми бронзовыми котлами, картографирование находок которых и без всяких письменных источников способно убедить в том, что распространение и хронологическая эволюция их типов шли с востока на запад. И вряд ли ареал этих котлов от Китая до Средней Европы — результат магических, всё объясняющих контактов. Просто тогда, это были бы не гунны, а скажем население «культуры котлов с грибовидными ручками», или что-нибудь в этом роде. Если развить точку зрения Г. Парцингера, то на каком-то этапе мы придём к заключению о том, что методы археологии вообще непригодны для изучения миграций древности, если последние не находят подтверждения в письменных источниках.

Г. Парцингер весьма эффектно и непринуждённо оперирует историческими параллелями раннего средневековья.[3] Гунны, авары, венгры... Стоп! Как говаривал в таких случаях Лев Николаевич Гумилёв, давайте разбираться. Действительно, все они в разное время пронеслись по степям Восточной Европы. Кто-то пришёл сюда из «дальнего зарубежья» (гунны), кто-то (венгры) — из более ближнего. Все они различными путями, в конце концов оказывались на Венгерской равнине — этом, в полном смысле слова, закоулке евразийского степного пояса. Дальше двигаться было некуда, да и не больно надо. Кому из этих «друзей степи» были нужны альпийские горные районы с занесенными снегами перевалами, дремучие холодные леса Германии и болота Польши? Тысячелетний анабиоз населения этих мест сумела растормошить (в конечном счёте, себе на голову) только античная цивилизация. Для Страбона, или Геродота, посети они эти места во II тыс. до Р. Х., это был бы этнографический клондайк наподобие того, каким была для Н. Миклухо-Маклая Новая Гвинея, а для Д. Ливингстона — Центральная Африка. Да, какая уж, там Африка, если на территории Польши в конце III тыс. до Р. Х. еще доживают свой век неолитические культуры.

Правда, за горами и лесами Центральной Европы была еще территория нынешней Франции, не менее дремучая в смысле ландшафта, но более тёплая. Однако, это уже был абсолютный «край географии». К тому же, на пути туда перед аварами маячило постоянно усиливавшееся королевство франков, превратившееся в конце концов в совершенно непробиваемый монолит империи Карла Великого, а пе-

[2] Фактически в унисон с Г. Парцингером выступают М. Н. Погребова и Д. С. Раевский, когда пишут о том, что если бы не свидетельства античных авторов, то на основе одних лишь археологических данных вопрос об азиатской прародине скифов никогда бы не возник (Погребова, Раевский 1992: 72).

[3] Правда, конкретно в этой работе (если конечно, это не издержки перевода) несколько озадачивает уверенность её автора в том, что Аммиан Марцеллин был современником Каталаунской битвы (Парцингер 1998:106). Появляются мысли о значительных пробелах в собственном образовании, поскольку до сих пор, я был абсолютно уверен в том, что к 451 году Марцеллин, по меньшей мере, уже полстолетия лежал в могиле.

ред венграми — почти такой же мощный заслон германского государства времен Генриха I Птицелова и Оттона I Великого. Лишь гунны во главе с Аттилой рванулись было в этом направлении, воспользовавшись политическим хаосом V в. от Р. Х., да и то скорее от природной жадности, и в силу известных матримониальных помыслов своего предводителя.

Итак, все эти народности в своём движении на запад остановились в самой крайней из возможных областей, которая по всем условиям, прежде всего ландшафтно-географическим, соответствовала их историческим родинам. Западные цивилизованные области, и их вполне благополучное население, отъедавшееся на дивидендах от торговли и высокоразвитого ремесла, интересовали кочевников лишь как источник лёгкой наживы. Доступ к этому источнику — прямой, неприкрытый никаким дипломатическим политесом грабеж. Всё это и происходило в Средней Европе во второй пол. I тыс.от Р. Х.

Теперь мысленно перенесёмся во вторую четверть I тыс. до Р. Х. (ближе к её концу) и подумаем над тем, почему таким же образом как кочевники раннего средневековья не могли вести себя скифы, оказавшиеся тогда в том же самом, заповедном степном уголке Средней Европы. Ведь археологическая ситуация повторяется едва ли не в деталях. Памятники ранних кочевников концентрируются примерно в том же районе — Потисье и Трансильвания. На западе — процветающая в VII в. цивилизация Гальштата, которая, правда, в отличие от сообществ раннего средневековья успела выставить заслон и укрепиться на дунайской вертикали. Структура и стадия развития скифского общества, в целом, соответствовала облику гуннских, аварских или мадьярских орд периода «обретения родины», а значит, нет никаких оснований для того, чтобы предполагать наличие менее агрессивных и более цивилизованных умонастроений у дальних внучатых родственников Партатуа и младших современников Мадия.

Если следовать логике рассуждений Г. Парцингера, то скифам отказано в привычном для кочевников всех эпох поведении только потому, что нам об этом ничего не сообщают письменные источники, которых впрочем, на то время для данного региона попросту не могло быть. А раз так, то все эти многочисленные, яркие вкрапления культуры восточных номадов в гальштатско-лужицкой среде свидетельствуют о каких-то других формах взаимоотношений между представителями двух миров — оседлоземледельческой цивилизации Центральной Европы и восточного кочевого мира. Какие же это могут быть формы? Правильно, контакты!

Давайте, всё-таки попробуем раскрыть столь завораживающую магию этого слова. В качестве первого уровня данного понятия на ум сразу же приходят торговля или обмен (Чвырь 1996: 401). Чтобы что-то купить или получить взамен, надо что-то продать или обменять. Достовернее всего такая простейшая экономическая схема реконструируется в том случае, если контрагентами выступают с одной стороны — высокоразвитая цивилизация (к примеру, античная), а с другой — варварская, этнографическая периферия. Вполне очевидна в данном случае и соответствующая номенклатура товаров. С одной стороны — сырьё, включая продукцию примитивного воспроизводящего хозяйства (зерно, скот) и одушевлённый продукт — рабов, с другой — высококачественные (и не очень) товары ремесленного производства, а также пищевые продукты, изготовление которых требует применения достаточно сложных технологий (вино, масло). Именно такая схема достаточно детально отслежена для Северного Причерноморья античной эпохи. Однако, на периферии всем этим общественно-полезным трудом занимались отнюдь не номады-пришельцы. Не будем сейчас говорить об эпохе V—IV в. до Р. Х., когда социально-экономический, да и эт-

нический облик Причерноморской Скифии претерпел уже сильнейшую трансформацию. В архаический период, когда ещё можно было отличить земледельца-аборигена от воина-пришельца, система подчинённости давала возможность последнему контролировать деятельность первого и ориентировать её соответствующим образом, в том числе и на рынки античных центров.

Здесь картина, как будто бы, более или менее ясна. Но чем же могли так заинтересовать гальштатского обывателя нищие, в его глазах, полудикие орды номадов? Кроме своих кулаков, сжимаших рукоятки мечей и поводья коня, пожалуй, ничем. Торговля лошадьми в эту эпоху, которая благодаря работам Ш. Бёкени (Bökönу 1964) кажется вполне реальной, вряд ли всё же приняла такие масштабы, которые могли охватить весь спектр взаимоотношений и все формы обмена между номадами и аборигенами. Было бы наивным думать, что, оказавшись на пороге центральноевропейского дома, номады в первую очередь были озабочены тем, как бы наладить с его обитателями вполне мирные, цивилизованные отношения. Да и за счёт чего это можно было сделать в обезлюдевшем в VII в. до Р. Х. Алфёльде? Чем, а главное, зачем привлекать соседей к взаимовыгодному партнерству? Куда проще, да и привычнее было вломиться в этот дом и вынести оттуда всё, что только можно. Причём, подобную процедуру можно проделывать неоднократно, поскольку «квартир» в этом доме было множество. Венграм, к примеру, особенно приглянулась Бавария. Скифы же, наоборот, отдавали предпочтение землям нынешних Чехии, Словакии и Польши. Так уж сложилось, что мир лужицкой культуры оказался более уязвимым и доступным, чем цивилизация Гальштата.[4]

Мы упомянули о «крепких кулаках» номадов, т.е. о той реальной, невиданной до сих пор военной силе, которую они представляли. Пожалуй, это было единственным, что могло всерьёз заинтересовать предводителей местных, центральноевропейских общин и племенных объединений, которые наверняка всегда имели проблемы во взаимоотношениях с соседями.

Вербовка наёмников среди восточных номадов и их деятельность в этом качестве лучше и раньше всего известны для гуннской эпохи (см. напр. [Никоноров 2002: 250—256]). Да, действительно, об этой форме участия кочевников в жизни центральноевропейского сообщества, нам вряд ли удалось бы узнать без письменных источников. Но ведь мы опять-таки подразумеваем физическое присутствие номадов, которое должно было найти отражение всё в тех же археологических источниках. Только в одном случае выразителем такого присутствия будет «чистый» внешний агрессор, а в другом — наёмник, т. е. тот же агрессор, только инкорпорированный в местную среду и временно занимающий в ней чью-то сторону. Никакие, даже самые эффектные археологические комплексы, сами по себе, не в состоянии обозначить по отдельности эти два качества. Хотя... И здесь мы переходим к обсуждению первого (археологического) блока вопросов, формирующих проблему взаимоотношений восточных номадов и населе-

[4] Хотя восточная и юго-восточная области последней, видимо, всё же, в полной мере испытали на себе прессинг, исходивший от скифских групп по ту сторону Дуная (Teržan 1998: 521, 527). Разгрому подверглись и городища северо-восточной области, выдвинутые за Дунай на левый, северный берег (напр. Смоленице-Мольпир). Однако, и в первом, и во втором и в третьем случаях, речь идет в основном о пограничных районах. То есть, глубина скифского проникновения в данном случае совершенно несопоставима с масштабной, проникающей экспансией в лужицкие земли.

ния Средней Европы раннего железного века.

Вернёмся к работе Г. Парцингера. Все археологически документированные комплексы, в которых найдены предметы восточного облика, принадлежали местному населению, — считает немецкий исследователь. В качестве одного из многих возможных примеров он приводит захоронение из Брожека (воев. Зелена Гура), где ременные пронизи, оформленные в виде головок барана, найдены в типично лужицком погребении, совершённом по обряду кремации и сопровождавшемся местной керамикой. «Какой же скифский воин, — спрашивает Г. Парцингер,— погибший в области этой (лужицкой — *И.Б.*) культуры, мог быть там сожжён по лужицкому обряду и похоронен с биллендорфскими горшками?» (Парцингер 1998: 111).[5] В самом деле, если это был набег в привычном понимании, для которого характерны стремительное нападение и быстрый отход, то такое обустройство захоронения воина, погибшего в этом набеге, выглядит странно. Что мы знаем о погребениях монголов, которые сотнями гибли при штурмах Рязани, Киева, Владимира и других древнерусских городов? Ну, а если это был «свой» пришелец, пришелец-союзник, погибший в очередной междоусобной стычке?

Относительно обряда погребения, действительно не всё так просто. Но вот что касается местной керамики в захоронениях номадов, то процесс её попадания в подобные комплексы, по-моему, уже достаточно давно перестал быть загадкой. Какую керамику мы находим в раннескифских погребениях Северного Кавказа, лесостепного Поднепровья, Трансильвании? Правильно, местную — кобанскую (или протомеотскую), жаботинскую, фракийскую. Иными словами, ранние кочевники использовали в погребальном обряде керамику тех оседлоземледельческих групп, по соседству с которыми они обитали или в среду которых были инкорпорированы тем или иным способом. Тут уже недалеко и до инверсии самого обряда погребения. Как могло случиться, что на всю группу раннекочевнических древностей венгерско-трансильванского района приходится всего лишь 3 кургана (Дьома, Чипэу, Кымпиа Турзий)? А чем объяснить биритуализм могильников культуры Векерзут, или погребений VI—V вв. до Р. Х. в Бессарабии? При бесспорной скифской доминанте в этих группах памятников нужно действительно искать причины, по которым восточные номады полностью или частично отказались от своей погребальной традиции. В противном случае, слепо веря в принципиальную невозможность инверсии погребального обряда в любых его составляющих и при любых условиях, мы будем вынуждены отрицать какое-бы то ни было присутствие ранних кочевников в районах западнее р. Прут.

Для Средней Европы, правда, имеется один действительно серьёзный изъян. Как отмечает Г. Парцингер ни в ареале лужицкой, ни в области гальштатской культур нет ни одного захоронения скифского воина сопоставимого по обряду с синхронными, северопричерноморскими комплексами.[6] Впрочем, среди западных коллег единодушия в этом вопросе нет. Так, по мнению Б. Тержан, подкурганный

[5] З. Буковски, описывая это погребение, определение «лужицкое» берет в кавычки (Bukowski 1978: 400—401, rys. 16).

[6] Имеется в виду, вероятно, сходство вплоть до мельчайших деталей. Однако, этого нет даже в Малой Азии, где согласно Г. Парцингеру имеются «...настоящие кочевнические погребения...» (Парцингер 1998: 112). Если уж быть последовательным до конца, то ни норшунтепинский, ни имирлерский комплексы никак не подходят под канонический скифский обряд, который нам демонстрируют в это время курганы Северного Кавказа.

комплекс в Ялжабет-Бистричак из Северной Хорватии представляет собой захоронение «...скифизированного, или даже скифского князя» (Teržan 1998: 519—520).[7]

Физическое внедрение номадов в местную среду, в том числе и в качестве наёмной военной силы, вполне в состоянии объяснить и парадоксальные, с точки зрения Г. Парцингера, факты использования обороняющимися и нападающими одних и тех же типов вооружения, например, наконечников стрел. Не особо удивляет в таком случае и находка на одном из городищ (Смоленице-Мольпир) литейной формы для изготовления наконечников.

Реальность скифских набегов ставится под сомнение ещё и потому, что нынешняя хронология ряда поселений, а точнее дата их гибели, не вписывается в хронологический ритм кочевнических рейдов, реконструированный З. Буковским, Я. Хохоровским и некоторыми другими исследователями (Парцингер 1998: 109—110). В качестве примера, приведу уже упоминавшееся городище Смоленице-Мольпир в юго-западной Словакии. На то время это был весьма мощный укреплённый узел с тройной линией обороны, каждую из которых венчала каменная стена двухметровой толщины (Dušek 1978: 26). Гибель этой крепости З. Буковски датировал временем около 500 г. до Р. Х., связывая это событие с нападением скифов (Bukowski 1978: 382, 409—410). Основанием для этого служат, во-первых, сам слой разрушения и находки в нём скифских наконечников стрел, а во-вторых, предполагаемое время появления скифов в Карпатском бассейне — конец VI в. до Р. Х., которое вычислялось исходя из датировок Потисской группы (КВ). Однако, новейшие исследования в Смоленице позволили пересмотреть дату гибели городища. Сейчас она определяется приблизительно рубежом VII/VI вв., т. е. на сто лет раньше, чем это предполагал З. Буковски. Таким образом, считает Г. Парцингер, вопрос о том, кто разрушил Смоленице, остается открытым. Приписывать этот разгром скифам, нет никаких оснований (Парцингер 1998: 109-110).[8] Да, но ведь раннескифская хронология 70-х гг. XX века, когда писал свою работу З. Буковски, и эта же хронология конца 90-х гг. — не одно и то же. В 70-е гг. скифская экспансия на запад мыслилась в виде двух последовательных волн — начало VI в. (образование трансильванской группы) и конец VI в., когда скифы достигают восточноальпийского района и одновременно пытаются прорваться через Моравские Ворота на территорию южной Польши. Нетрудно заметить, что датировка 2-й фазы нашествия совпадает со старой, предложенной ещё М. Пардуцем, начальной датой культуры Векерзуг. Ничего не меняя в ритме скифской экспансии, в соответствии с нынешней хронологией заменим только две опорные даты. Получаем, середина VII в. — возникновение трансильванской группы, рубеж VII/VI вв. — образование потисской (КВ). Тогда никаких хронологических противоречий не видно. Напротив, дата гибели Смоленице совпадает с появлением в Алфёльде культуры Векерзуг и, соответственно, началом 2-й фазы скифской экспансии. Времени разгрома городища вполне соответствуют и типы наконечников стрел, найденные здесь (Рис. 77/А).

Надо сказать, что, интерпретируя находки скифского типа в Средней Европе, З. Буковски демонстрирует вполне взвешенный подход. Так, например, он отрицательно относится к идее глубоких скифских рейдов вдоль Дуная вплоть до

[7] Трупосожжение находилось в погребальной камере из камня и дерева в сопровождении кремированных остатков лошадей, уложенных вдоль стенок камеры (Teržan 1998: 519).

[8] К этой же точке зрения, похоже, склоняется и А. И. Иванчик (2001: 136), говоря о находках наконечников стрел скифского типа конкретно в Смоленице.

Баварии (Bukowski 1978: 385), несмотря на то, что и в альпийских областях, и в Южной Баварии, и даже на территории Франции, соответствующие находки есть (Kromer 1959: 51, 196, taf. 6/3, 213/1; Kleemann 1954: 136—137, abb. 1—2; Stöllner 1996: taf. 83/156—158). Это выглядит вполне логичным хотя бы потому, что на здешних памятниках нет каких-либо следов военного разгрома подобных тем, которые зафиксированы в Смоленице.

Пример городища Смоленице-Мольпир используется как наиболее выразительный, в том числе и, по мнению самого З. Буковского (Bukowski 1978: 382—383). При желании, число подобных примеров можно увеличить.

Если мы сопоставим физико-географическую карту региона с картами, приведёнными в работах З. Буковского и Я. Хохоровского (Bukowski 1978: 378, mapa 1; Хохоровски 1994a: рис. 1), то полученная в результате такого наложения картина кажется достаточно информативной и в высшей степени любопытной (Рис. 62; 79). Прежде всего, очевидно, что западнее Венгерской равнины находки скифских вещей концентрируются на левом, северном берегу Дуная, к западу от того места, где течение реки поворачивает строго на юг, образуя своеобразное «колено» (начало «дунайской вертикали»). Вероятно, заслон, выставленный гальштатской цивилизацией на этом рубеже вполне справлялся с напором, шедшим из Алфёльда, и скифы вынуждены были оставить в покое «гальштатский дом» и искать счастья в другом месте. До поры до времени, они, видимо, всё же не теряли из виду течение Дуная, тем более что путь на запад из Венгерской равнины вверх по реке в направлении Малых Карпат в ландшафтно-географическом отношении выглядит практически идеальным для кочевников. Это северная часть т.н. Верхневенгерской низменности, которая не имеет видимых крупных естественных преград. Однако, в демографическом плане эта область отнюдь не была пустынной. Здесь, на левом берегу Дуная, существовал небольшой очаг-плацдарм календербергской (гальштатской) культуры, выдвинутый сюда с правого берега. Этот заслон, вероятно, был сметён скифами. Не исключено, что именно городище Смоленице-Мольпир, находящееся в этой зоне, могло в числе первых оказаться на пути движения номадов. Далее, картографирование находок скифского облика показывает, что обойдя горный массив Малых Карпат и оказавшись в горно-степной Моравии на пограничье лужицкой и хораковской культур, номады как бы топчуться на месте, не решаясь определиться с дальнейшим маршрутом. Результаты этого «топтания» вполне определённо запечатлелись в слоях местных городищ (Крженовице, Ольбрамовице, Кржепице, Яромержице и др. [Рис. 78/1—8]). Наконец, скифы всё-таки отрываются от дунайского рубежа и поворачивают на север. С этого момента их продвижение могло идти в двух направлениях, в обход Судетов. Пути вероятных перемещений кочевников опять-таки демонстрируют чёткую приуроченность к руслам крупных рек. Оторвавшись от одного своего «поводыря» — Дуная, скифы на этот раз намертво привязывают себя к двум другим — Эльбе и, главным образом, Одеру. Продвижение вверх по Эльбе позволяло обогнуть Судеты с запада и выйти на равнины Великопольши. То же самое можно было сделать двигаясь вверх по Одеру. Однако, путь в этом направлении шел через Моравские Ворота (Рис. 62/II). Этот стратегический пункт, важность которого была осознана уже в эпоху бронзы (Gedl 1971: 1 и сл.), в интересующее нас время, по-видимому, достаточно надёжно контролировало лужицкое население (Bukowski 1978: 395, 408). Именно поэтому следы военного нападения на городище Котоуч-Штрамберк, запиравшего Моравские Ворота, выглядят вполне ожидаемыми и объяснимыми (Рис. 78/9—19; 79/6). Прорвавшись через этот заслон, скифы выходили на оперативный простор Вер-

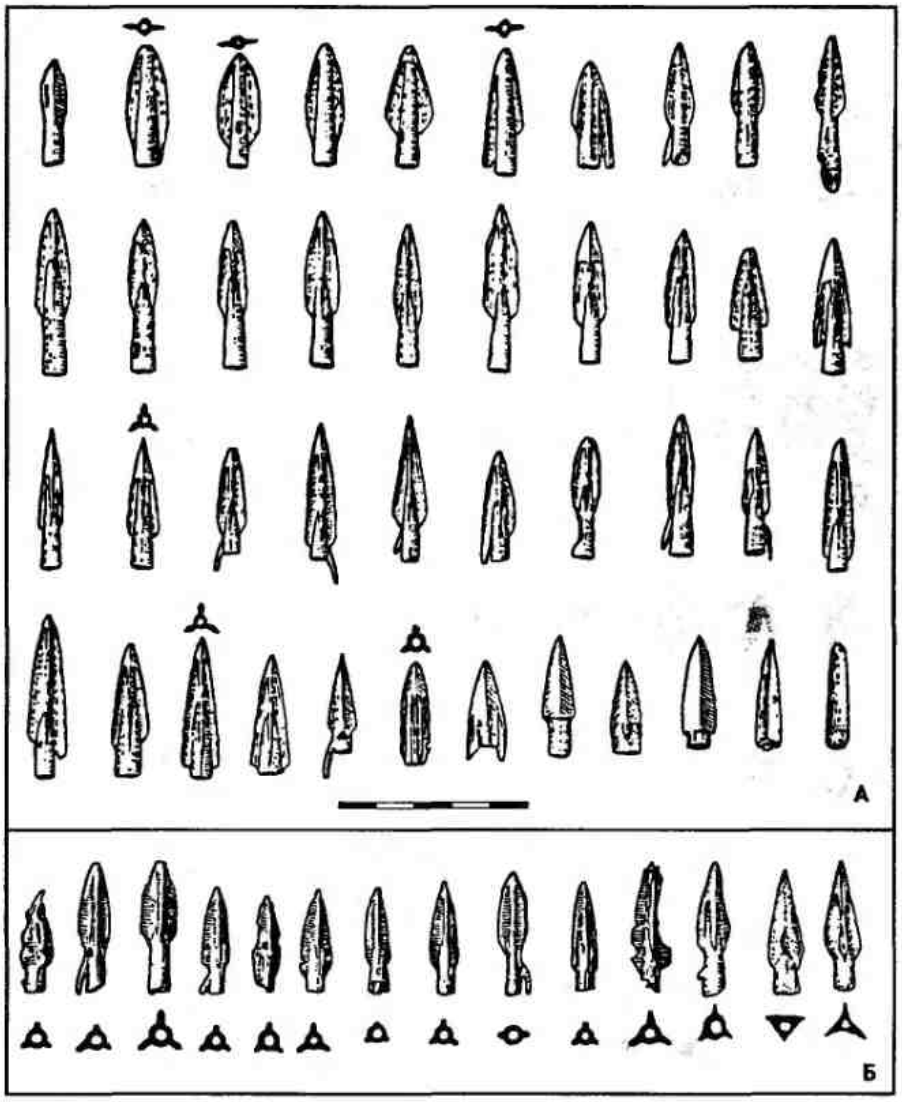


Рис. 77. **Основные типы наконечников стрел из Смоленице-Мольпир *(А)* по [*Хохоровски 1994*] и Стжегом *(Б)* по [*Bukowski 1978 и Gedl 1986*].**
Basic types arrowheads from the Smoleniče-Mol'pir

хней Силезии и Великопольши. Похоже, что именно отсюда, а не в обход Судетов с запада, номады проникали в северо-западном направлении вниз по Одеру, и на север вплоть до Вислы (городище Каменец в окрестностях Торуня).

Подобная реконструкция событий является суммарной, охватывающей весь период скифских набегов. Хронологическая детализация этой эпохи целиком зависит от изучения отдельных памятников. Я, совершенно согласен с Я.Хохоровским в том, что касается общей хронологии агрессивной фазы (около 100 лет), а также её начала и конца. Примерную нижнюю дату нам даёт разрушение Смоленице (нач. VI в.), а верхнюю определяет гибель городища Вицина (около 500 г. [Хохоровски 1994а: 55, 57]). По-литературному яркая, впечатляющая почти реальным трагизмом и самое главное — вполне убедительная и достоверная картина разгрома Вицины, нарисованная Я. Хохоровским (1994а: 53), способна убедить в том, что это действительно мог быть один из финальных аккордов «скифской

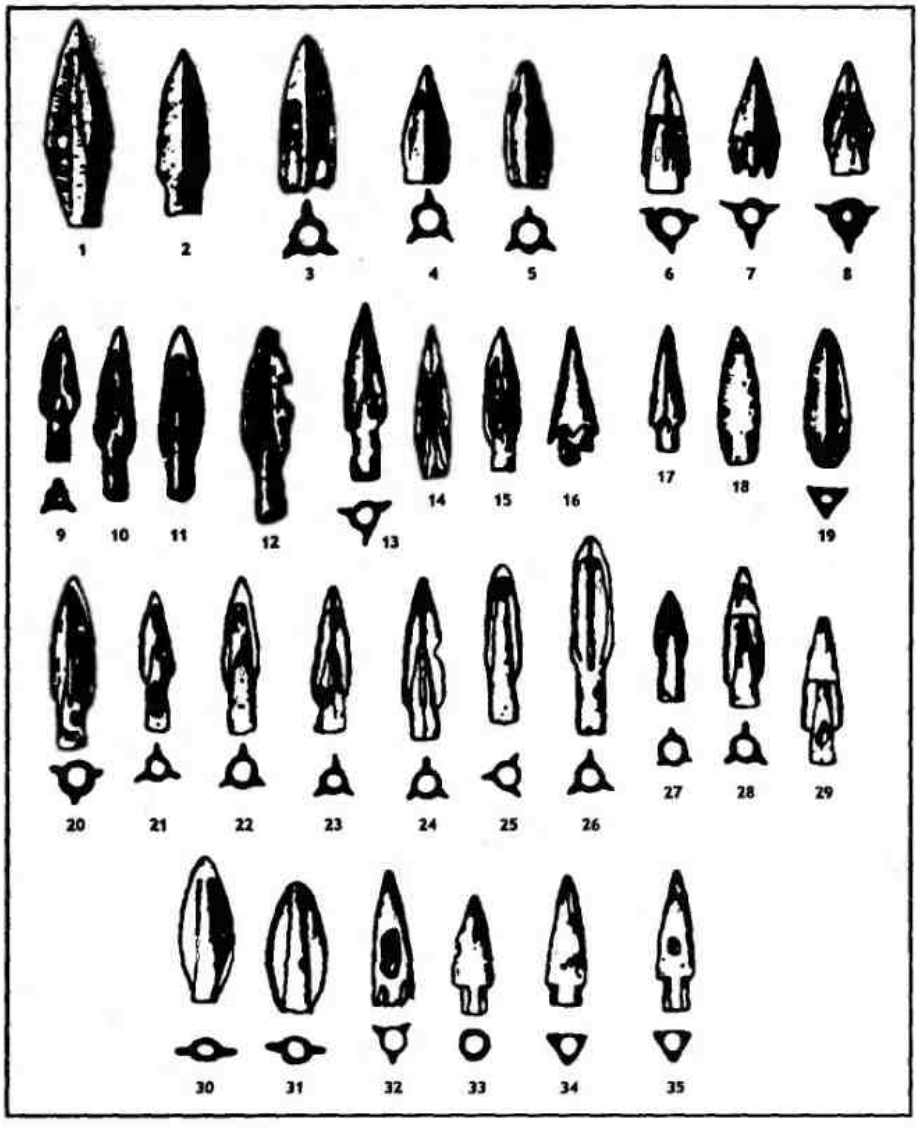


Рис. 78. **Типы наконечников стрел из поселений Моравии и Силезии (конец HaC — HaD)**

Arrowheads types from the settlements of Moravia and Silesia (end HaC — HaD)

1–2 — Крженовице; *3–5* — Яромержице; *6–8* — Кржепице; *9–19* — Котоуч-Штрамберк; *20–35* — Вицина по [*Bukowski 1977*]

темы» в Средней Европе.[9] Хотя и здесь не всё ясно. Почему этот разгром сопровождается архаическими наконечниками стрел (Рис.78/20-35), тогда как фибулы и клад бронзовых украшений указывают на конец VI — нач. V вв. до Р. Х.? А. И. Ме-

[9] Небольшой штрих к проблеме «контактов» между номадами и лужицким населением демонстрирует весьма примечательная находка из Вицины. В проухе найденного здесь железного скифского топора были вбиты в качестве клиньев два бронзовых наконечника стрел (Bukowski 1978: tyc. 14; Хохоровски 1994а: 53). Почти очевидно, что такой приём закрепления расшатанного топорища мог применяться лишь в случае крайней нехватки времени, попросту говоря, впопыхах. Это подтвердит каждый, кто хотя бы несколько раз в жизни занимался колкой дров. Воин, орудовавший чеканом, в качестве клиньев использовал то, что было буквально под рукой в данный момент — колчан со стрелами. Эпизод мог произойти, скорее всего, в ходе рукопашной схватки, непосредственно во время захвата городища. Характер «контактов», по-моему,

люкова предполагает, что в нападении на Вицину принимали участие номады, которые ещё пользовались ранними наборами стрел (Мелюкова 1999: 90—91). В Причерноморье такие наконечники в это время действительно уже были почти музейными экспонатами. Поэтому, вероятно, следует искать какой-то, достаточно изолированный скифский анклав, население которого не успело или не смогло оперативно отреагировать на кардинальную замену колчанного набора и продолжало пользоваться теми типами стрел, которые были ему хорошо известны и с которыми оно, вероятно, ушло из причерноморско-северокавказского ареала на запад. Таким реликтовым очагом, по мнению А. И. Мелюковой, могла быть Трансильвания.

Другое объяснение заключается в следующем. Можно предположить, что Вицина подвергалась нападению не один, а скажем, два раза — в начале VI в., и в конце. Тогда наконечники стрел относятся к первому разгрому, а клад и фибулы — ко второму. Однако, ни это объяснение, ни то, которое предложила А. И. Мелюкова, не могут внятно ответить на вопрос, почему в слоях городища, напрочь отсутствуют опорновтульчатые наконечники стрел. Точка зрения А. И. Мелюковой не убеждает хотя бы потому, что в трансильванской группе такие наконечники хорошо известны, причём именно в тех комплексах, в которых они и должны быть по времени. Кроме того, если согласиться с тем, что Трансильвания, как своеобразный реликварий, могла так долго хранить традицию наконечников стрел характерных в основном для VII в. до Р. Х., то тогда вся хронология здешней скифской группы лишается одного из важнейших звеньев своего фундамента. Если же принять вариант, при котором Вицина подвергалась разгрому неоднократно, то опять-таки возникает вопрос, где оружие (наконечники стрел), которым пользовались нападавшие в конце VI в., после чего городище больше не восстанавливалось. Случайное отсутствие опорновтульчатых наконечников при общем количестве найденных (свыше 80), по-видимому, можно исключить. Да, к тому же, как заметила А. И. Мелюкова, опорновтульчатые наконечники вообще отсутствуют на тех лужицких городищах, которые подверглись разгрому (Мелюкова 1999: 91). И в тоже время, эти наконечники есть среди погребального инвентаря ряда захоронений (Сенек [Bukowski 1978: 384, рис. 2]).

Возвращаясь к работе Я. Хохоровского, замечу, что его попытка увязать внутреннюю хронологию периода скифской экспансии с географией соответствующих находок, кажется мне менее удачной. Я. Хохоровски предполагает постепенное продвижение скифов вглубь лужицких земель. При этом, самые отдалённые следы их присутствия (например, в Средней Польше) должны были быть оставлены позже, чем, скажем, в Моравии. В самом деле, синхронные находки из Вицины, Виташково, Польановице действительно обозначают северо-западную периферию скифской экспансии в бассейне Одера, указывая при этом приблизительно на 500 г. до Р. Х. Однако, в 100 км выше по течению Одера располагалось городище Стжегом, при раскопках которого обнаружены наконечники стрел типологически сходные с теми, которые найдены в Смоленице (Рис. 77/Б). Слой разрушения в Стжегом определяется временем начала HaD (Gedl 1993: 476). Я. Хохоровски, правда, тут же оговаривает, что заявленный принцип территориально-хроно-

вполне очевиден. Любопытно, что похожий приём закрепления подтоков копий несколько раз зафиксирован в скифских погребениях Причерноморья. Е. В. Черненко, подметивший эту особенность, указал и на то, что все эти комплексы датируются довольно ограниченным отрезком времени — первой пол. V в. до Р. Х. (Черненко 1999: 185).

Рис. 79. Скифская экспансия в Среднюю Европу (конец VII — VI вв. до Р. Х.)

Scythian expansion on the Central Europe (end VII — VI cent.B.C.)

а — ареал Трансильванской группы (*1* — Аюд; *2* — Чумбруд)

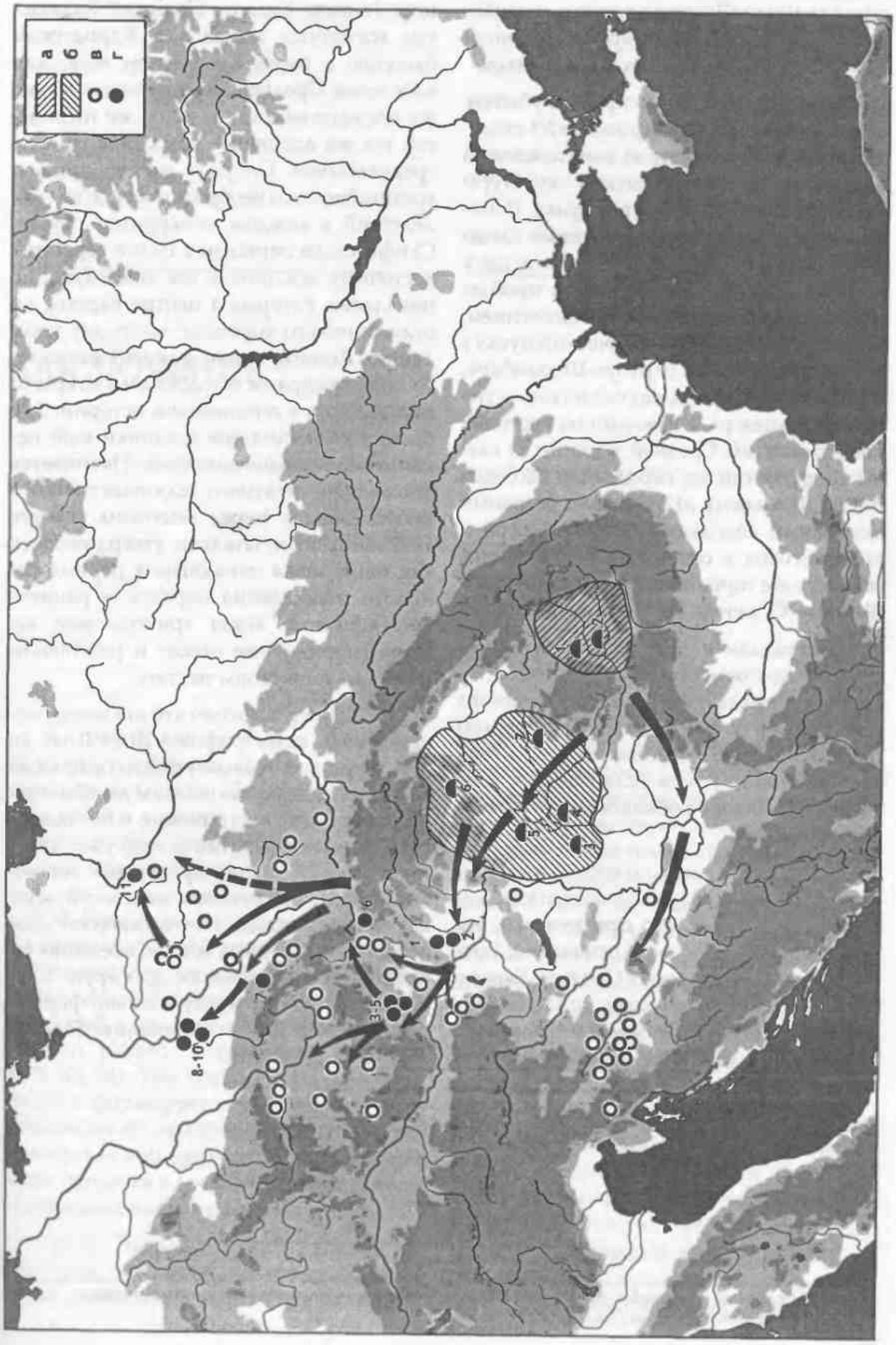
б — ареал Потисской группы (культура Векерзуг: *3* -Чаньтелек-Уйхаласто; *4* — Сентеш-Векерзуг; *5* — Тапиоселе; *6* — Шайосентпетер; *7* — Артанд)

в — пункты находок вещей скифского типа в Средней Европе (по [Bukowski 1978; Хохоровски 1994; Terzan 1998])

г — местонахождения с находками скифского типа, упоминаемые в работе (*1* — Смоленице-Мольпир; *2* — Сенек; *3–5* — Яромержице, Кржепице, Польанице; *6* — Котоуч-Штрамберк (Чортова Дира); *7* — Стжегом; *8–10* — Вицина, Брожек, Виташково; *11* — Каменец)

логической дифференциации, это всего лишь схема, и далее совершенно справедливо отмечает, что для Средней Европы скифские рейды слились в единый, постоянный процесс (Хохоровски 1994а: 58). От себя добавлю, что этот процесс не был планомерным завоеванием жизненного пространства, когда агрессор методично и последовательно уничтожает все возможные очаги сопротивления на приглянувшейся ему территории. В данном случае, под удар попадали те пункты, которые находились на пути движения номадов. Эти пути в каждом конкретном походе могли и не совпадать. Поскольку же эпоха таких походов заняла целое столетие, то, вероятно, не стоит особо удивляться тем, на первый взгляд, парадоксальным фактам, когда городища, расположенные в одной географической области подвергались нападению в разное время. Более того, один и тот же пункт, если он находился в каком-нибудь стратегически важном месте, мог быть разрушен и неоднократно. С точки зрения исторической географии, одним из таких важнейших опорных местонахождений являлось городище Котоуч-Штрамберк. Расположенное в верховьях Одера, между Судетами и Западными Бескидами, городище непосредственно контролировало путь из Карпатской котловины в Южную Польшу (Рис. 62/II; 79/6). Материалы этого памятника должны (или, во всяком случае, могут) дать ответ на вопрос, когда, а может быть, и как часто скифы прорывались через Моравские Ворота. Хотя в данном случае, вероятнее всего, имел место одноактный разгром, оказавшийся, впрочем, для местного населения катастрофическим и необратимым. Я.Хохоровски в одной из своих работ посвящённых локализации торговых путей Средней Европы эпохи HaC/D — LtA/B, отмечает, что путь через Моравские Ворота в HaD уже не используется (Chochorowski 1978: 359, 363). Тем самым, мы, вероятно, имеем примерный *t. a. quem* существования городища Котоуч-Штрамберк.

Наконец, ещё одна проблема — исходный ареал (или ареалы) скифских набегов. Мне кажется, что, ведя этот поиск, не стоит углубляться далеко в Восточную Европу. Перенос начальной даты культуры Векерзуг на рубеж VII/VI вв. до Р. Х. вполне позволяет думать, что и Потисская и Трансильванская группы, являясь вторичным очагом раннескифской культуры по отношению к причерноморско-северокавказскому ареалу, на протяжении всего VI столетия могли играть роль непосредственного плацдарма скифской экспансии в лужицкие и восточногальштатские земли. Причём, нынешняя хронология вполне допускает, что на острие этой экспансии могла находиться именно скифская группа Алфёльда. Хотя, слишком уж показательные типы наконечников из Смоленице, Стжегома и Вицины не исключают и того, что на раннем этапе, в начале VI в., в походах могли принимать участие и скифы Трансильвании. Огромное количество этих наконечников, собранных всего лишь в одном пункте (Смоленице), явно диссонирует с типами


а
б
в
г
1-5
3-5
8-10

стрел культуры Векерзуг в целом, и наоборот — вполне соответствует колчанным наборам трансильванских могильников.

Перечислим ещё раз прямые убытки, понесённые Средней Европой в VI столетии до Р. Х. Мы имеем: **а)** уничтоженный плацдарм календербергской культуры на левобережье Среднего Дуная (Смоленице и др.); **б)** многочисленные следы пребывания кочевников в Моравии, где у них почти наверняка возникали проблемы с лужицко-хораковским населением; **в)** разгромленный стратегический пункт в Моравских Воротах (Котоуч-Штрамберк, или Чортова Дыра) и, как следствие, — переориентация ряда важнейших торговых коммуникаций Средней Европы; **г)** следы разрушений на городищах бассейна Вислы (Каменец); **д)** буквально усеянный скифскими находками бассейн Одера и его притоков в сочетании с сожжёнными здесь же городищами и поселениями (Вицина, Стжегом, Польанице).[10]

Пострадали в этот период и пограничные восточногальштатские области. Не будем забывать и о следах скифского присутствия в бассейне Эльбы. Трудно предполагать, что отношения номадов со здешним населением складывалось как-то иначе, нежели в областях перечисленных только что.

И вот, после такого мартиролога, сторонников идеи скифской экспансии хотят убедить в том, что приписывать всё это скифам нет никаких оснований, поскольку такое случалось в Средней Европе буквально сплошь и рядом, до того и после. Что-де, весь этот погром — результат каких-то междоусобиц, вдруг захлестнувших сонную Европу. Полноте! Господство восточных номадов в Карпатском бассейне в раннем железном веке, для населения Средней Европы имело такие же последствия, как и такое же господство тех же восточных номадов в раннем средневековье. Спорить можно лишь о масштабности и необратимости этих последствий в каждом конкретном случае. Скифы были первыми в целой веренице восточных всадников, все последующие появления которых в центре Европы не сулили ничего хорошего местному населению. Конные воины раннего железного века пожарами и грабежами открыли новую эпоху в европейской истории. Это были уже настоящие всадники ещё ненаписанного Апокалипсиса. Начинается эпоха перманентного эсхатологического испуга Запада перед Востоком (Ткачук 1997: 258), окончательно утвердившаяся как ментальная парадигма в период Великого переселения народов и раннего средневековья, когда христианские авторы упорядочили сюжет и расставили персонажи по своим местам.

М. Е. Ткачук считает что эта эпоха, порожденная катастрофой VIII—VII вв. до Р. Х. («родовая травма») продолжается до сих пор. Забавно, но не этим ли объясняются всё более настойчивые в последние годы попытки заглушить этот, уже почти генетический испуг, представив восточное вторжение раннего железного века, как неторопливый, почти светский диалог двух культурных миров, внезапно узнавших о существовании друг друга. Ведь образы прошлого действительно формируются очередным настоящим (Ткачук 1997: 240). Не так ли?

[10] Целая сеть поселений в окрестностях Вицины прекращает функционировать одновременно с разгромом городища (Хохоровски 1994а: 53).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу II тыс. до Р. Х. в области евразийского степного пояса в силу стечения целого ряда обстоятельств сформировались условия для появления на исторической арене приниципиально нового социокультурного стандарта — номадов. Следует полностью согласиться с В. М. Массоном, который считает, что по социологической значимости появление номадизма сопоставимо с формированием основ урбанизма и городской революцией в зонах традиционно-оседлых культур ранних земледельцев (Массон 2003: 82, 94). Тем самым, номадизм фактически формирует новый вектор цивилизационного развития, и мы можем говорить, как минимум о двухвекторности этого процесса в древности или о некоем «цивилизационном параллелизме».

Среди относительного множества факторов, лежавших в основе формирования номадизма, одним из основных, на мой взгляд, следует считать природно-климатический. Несомненно, и наличие некоей завершающей, относительно короткой фазы (толчка) в этом текучем процессе становления. И в связи с этим, крайне удачным кажется одно из определений понятия «импульс», принадлежащее Т. Шибутани. Согласно этому определению импульс — есть состояние дискомфорта, требующее определённого действия для своего устранения (цит.по [Дьяконов 1990: 9]). Вероятно, что именно в таком состоянии очутилось население евразийских степей на рубеже II—I тыс. до Р. Х. Несмотря на то, что предпосылки для завершающей фазы в евразийском ареале имелись практически повсеместно, в роли первичного очага таких импульсов выступили центральноазиатские области. «Азиатский котел», который в дальнейшем на протяжении двух тысяч лет методично выплёскивал в евразийские

степи всё новые и новые кочевые орды, — заработал.[1] Предельно точная географическая локализация этого «котла» вряд ли возможна. Совершенно прав В. Е. Ерёменко, который говорит о бессмысленности поиска некоей одной-единственной территории, на которой сформировалась любая новая, не обязательно скифская, кочевническая культура. Можно говорить лишь об очаге инноваций, которые затем, в результате взрывной фазы этногенеза, с необычайной, часто археологически неуловимой скоростью распространились на огромные территории (Ерёменко 1997: 51, сн. 6). На роль такого очага инноваций сейчас, наверное, с равными шансами на успех претендуют Восточный Казахстан и Семиречье, Алтай и Тува, Восточный Туркестан (Синьцзян) и Северо-Западная Монголия (Рис. 31).

Первым или, во всяком случае, одним из первых актов этого исторического действа стала «карасукско-аржанская» волна, которая не позднее конца X в.до Р. Х. докатилась до степей Предкавказья и Причерноморья. Здесь, в рамках очерченной М. П. Грязновым обширной «аржано-черногоровской» общности, и формируется тот самый черногоровско-новочеркасский горизонт раннекочевнических древностей (Рис. 16), период существования которого в Причерноморье охватывает в основном около двух столетий — IX—VIII вв.до Р. Х.

Демографическая ситуация в Причерноморье, которую застали азиатские кочевники, видится следующим образом. Население эпохи поздней бронзы, в основном покинуло степную зону в стремлении обрести для жизнедеятельности более приемлемые по ландшафтно-климатическим условиям экологические ниши. Такой областью была лесостепь, где относительно благополучно обитало население чернолесской культуры, прямые предки которого (белогрудовская культура) тесно общались со своими степными соседями (белозерская культура). Другой такой нишей, возможно, были горный Крым и Северо-Восточная Добруджа. Однако, какое-то население осталось и в степной полосе (горизонт погребений с геометрической керамикой).

За 200 лет пребывания черногоровско-новочеркасских кочевников в Причерноморье их отношения с аборигенами должны были быть каким-то образом регламентированы. Скорее всего, события развивались по сценарию, хорошо известному впоследствие. Причины тяги кочевников к очагам оседлости давно и хорошо известны.[2] Обычно это приводило к оформлению некоей системы подчинённости или зависимости от номадов местного населения. Северное Причерноморье в этом смысле вряд ли было исключением. Пастушеское население степной зоны (в т.ч. и горизонт погребений с геометрической керамикой) могло быть попросту включено номадами в состав своей орды. Тем самым, опять-таки могла сформироваться некая иерархийная двухступенчатая социально-политическая структура со всаднической верхушкой («царями») и рядовыми воинами-пастухами («народом» [Herod. IV., 11]).[3]

[1] Почти также, едва ли не дословно, этот процесс был описан Г. Н. Курочкиным в одной из работ, которая осталась для меня недоступной (1994а: 89), а её содержание и отсылки почерпнуты из монографии Н. Л. Членовой (1997).

[2] Для южнорусских степей, включая Причерноморье, такими очагами оседлости с мощной «ремесленной гравитацией», практически во все времена были районы Северного Кавказа и Днепровско-Днестровской лесостепи.

[3] О том, что в данном фрагменте может содержаться определённая историческая информация, отражающая в частности сословно-кастовую стратификацию киммерийского общества, говорил Д. С. Раевский. Однако, по его мнению, сам конфликт между народом и царями в кон-

Появление к западу от Волги в конце VIII в. до Р. Х. восточных кочевников второй волны (РСК) и их дальнейшее продвижение к Днепру внесло некоторую дисгармонию в культурно-демографическую ситуацию в Причерноморье. Нарушается пространственно-культурная целостность предскифской степной провинции, а с ней и налаженная система контактов восток-запад-восток, которая служила прекрасным проводником культурных традиций на протяжении нескольких столетий. Ареал предскифских древностей степного Причерноморья, как бы распался на два — Подонье–Приазовье и Северо-Западное Причерноморье (Днепровско-Дунайская степная дуга). Причём, каждый из этих двух микроареалов находится в сфере влияния одного из двух отмеченных очагов оседлости — Северный Кавказ и лесостепное Поднепровье (Рис. 22).

Описанные события вряд ли носили характер короткого боевого столкновения, в результате которого побеждённые ушли, а победители остались. Скорее всего, это был процесс достаточно постепенного (в течение быть может, полустолетия) вытеснения, которое сопровождалось культурным взаимодействием, следствием чего и было то самое единство материальной культуры киммерийцев и скифов VII в. до Р. Х.

Последующий, закавказско-малоазийский, этап истории восточных (кубано-приазовских) киммерийцев более или менее хорошо известен, а точнее сказать, — освещён. Западные — также в конечном итоге покинули причерноморские степи. Судя по приведенной ранее верхней дате горизонта погребений с геометрической керамикой в Северо-Западном Причерноморье, это произошло вскоре после 700 г. до Р. Х. Однако, их дальнейшая судьба, в отличие от восточных соплеменников, на самом деле совершенно неясна. Некоторый свет здесь может пролить лишь античная литературная традиция (столь ненадёжная, впрочем), да ещё два (или три) уникальных памятника Северо-Восточной Болгарии — Енджа, Белоградец и, возможно, Полско Косово.

Предполагаемое античными авторами фрако-киммерийское родство, могло быть основано на двух историко-археологических реалиях. Первую демонстрируют теснейшие связи местного населения Причерноморья с фракийским миром. О них было сказано достаточно.[4] Вторую определяет кочевая верхушка, бесспорно восточного происхождения, которая, однако, судя по «всадническим» комплексам, на протяжении двух столетий постоянно внедрялась в европейский, в частности, северофракийский этнокультурный контекст. Такое многолетнее соседство различных групп населения вполне могло трансформироваться в устной традиции местных поколений и дойти до античных авторов уже в виде некоего единства. Постулируемое таким образом

тексте которого подана эта информация: «...характеризуется наиболее отчётливыми чертами фольклорной поэтики» (Раевский 1985: 51). Что же касается события, вызвавшего этот конфликт (скифское вторжение), то, оно, возможно, и имеет реальную историческую канву, которая в эпической традиции приобрела глобальный характер (Раевский 1985: 53). Отражение борьбы между киммерийской дружиной (царями) и народом (покорённым населением) видел в этом легендарном конфликте и М. И. Ростовцев (1918: 28).

[4] Эта точка зрения весьма распространённая в последние годы, как и следовало ожидать, отнюдь не нова. Она фактически восходит ещё к работам исследователей начала XX столетия. Так, о земледельцах Днепровской (Правобережной) лесостепи, как о фракийцах, писал А. А. Спицын (1911: 156, 166, 168). О культуре этого (лесостепного) населения, теснейшим образом связанной с севером Балкан, говорил М. И. Ростовцев (1918: 76). Наконец, А. М. Тальгрен полагал, что в позднем бронзовом веке происходила прямая фракийская миграция на территорию нынешней Украины (Tallgren 1926: 216—217)

«фрако-киммерийское» родство вполне способно разрешить тот самый, вроде бы совершенно непреодолимый дуализм, который констатировали и перед которым, в конечном счёте, останавливались многие. Ж. Дюмезиль писал, что «...киммерийцы, вероятно, также явились в «полном составе» — с востока, если они, подобно скифам, были иранцами, или с запада, если они принадлежали к другой индоевропейской группе — фракийцев и фригийцев» (Дюмезиль 1990: 214).

Следующая страница в истории ранних кочевников на западе евразийского пояса степей уже непосредственно связана со скифами — родственным киммерийцам, иранским населением второй волны.

Продолжая считать миграцию системообразующим фактором в становлении евразийского номадизма, о чём уже было сказано, я полагаю, что теория северопричерноморского или шире — восточноевропейского происхождения скифов, в своей канонической версии не годится даже для сдачи в архив.

Формирование раннескифской культуры в Восточной Европе фактически уже шло по сценарию отработанному примерно двумя столетиями раньше киммерийцами, представлявшими авангард азиатского кочевого импульса. Следующий всплеск «азиатского котла» произошёл в VIII в. до Р. Х., когда (и с этим уже согласны многие) новая, гораздо более многочисленная волна номадов перешла Аракс (Волгу). Вехами на этом пути можно считать Гумаровский курган, памятники фазы Ахмылово–II в Прикамье,[5] а также раннесакский анклав в Приаралье (Тагискен, Уйгарак, Сакар-чага).

Основная часть перешедших Волгу скифов повернула на юг, оказавшись в экологически благоприятном анклаве Северного Кавказа (горно-степная зона и Кубано-Приазовские степи).[6] Другая, возможно меньшая по численности, группа, продолжая двигаться в западном направлении, гасит скорость своего продвижения в жаботинском ареале Среднего Поднепровья (Рис. 66). Таким образом, «допонтийский» период скифской истории в социально-экономическом отношении был близок стадии того самого неограниченного номадизма, который вряд ли когда-либо практиковался кочевниками и на самом деле является достаточно условной, чисто теоретической моделью. Однако, именно к этому периоду следует отнести многочисленные свидетельства об исключительной мобильности скифского образа жизни (отсутствие городов, постоянные перемещения, жилища на колесах и пр. [Herod. IV., 46]).

Подобной реконструкции соответствует третья этногоническая легенда в изложении Геродота (Herod. IV., 11), а также «историческая» (по С. С. Бессоновой [1983, с. 12]) версия Диодора (Diod. II., 43). Во фрагменте Диодора примечательна хронологически-последовательная маркировка ареала древнейших скифов «допонтийского» периода их истории: Аракс (в данном случае, вероятнее всего, Приаралье), страна в горах до Кавказа (Северный Кавказ вплоть до Главного Кавказского хребта), а в низменностях — прибрежья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса (Прикубанская низменность, Северо-Восточное Приазовье, Северо-Западный Прикаспий). «Спустя несколько времени потомки этих царей ... подчинили себе

[5] Г.Парцингер сейчас датирует эту фазу рубежом VIII/VII — VII вв.до Р. Х. и считает её синхронной келермесскому этапу (Parzinger 1998: 234),

[6] Таким образом, раннескифская культура на Северном Кавказе — это конечно же, не результат мирной, вялотекущей инфильтрации отдельных племён «срубно-андроновского круга» (Погребова, Раевский 1992: 226).

обширную страну за рекой Танаис до Фракии» (Diod. II., 43, 4).[7]

Было бы неверно видеть во всех этих событиях механическую смену культур или даже населения в южнорусских степях, не говоря уже о лесостепной Украине. На раннем этапе взаимодействия местного и пришлого населения (конец VIII — первая пол. VII вв. до Р. Х.) заменён был лишь поверхностный слой, т.н. элитарная субкультура. Причём, в функционально-типологическом отношении это были всё те же элементы кочевнического набора, постепенно вытеснившие старые, черногоровско-новочеркасские. Традиции оседло-земледельческого культурного блока украинской лесостепи при этом, в целом, сохраняются. Это и не удивительно, ибо механизм трансформации такого сверхустойчивого монолита, уходящего корнями в эпоху бронзы, работал в основном по своим внутренним законам.

Постепенно привнесённые традиции активно усваиваются местной средой, результатом чего и явилась археологическая культура раннескифской лесостепи, которую одновременно представляло как автохтонное, так и пришлое население. Таким образом, здесь «азиатская» и «европейская» концепции происхождения скифской культуры совершенно не противоречат друг другу. Собственно говоря, эта же мысль невольно озвучена и Геродотом, когда он говорит, что «...согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов...очень мало» (Herod. IV., 81).[8] Распространение этнонима господствующей, но как правило, малочисленной по сравнению с местным населением группы, на подчинённых аборигенов — достаточно обычное явление. Ко времени Геродота прошло уже более 200 лет с момента появления в Причерноморье «коренных» (азиатских) скифов. И поэтому неуверенность и разноречивость информаторов Геродота относительно происхождения скифов, вполне объяснимы. Отличить потомков «победителей» от потомков «побеждённых» было уже практически невозможно, учитывая, что процесс смешения культур, в том числе и на этническом уровне, длился на протяжении 6—7 поколений.

Для степной зоны проблемы взаимоотношений пришлого и местного населения в этот период как бы не существует по причине фактического отсутствия последнего. Восточные киммерийцы в конце VIII — нач. VII вв. были вынуждены уйти в Закавказье, а причерноморские (западные) — за Дунай. Причём, если первые, вероятнее всего, испытывали непосредственное давление со стороны скифов, то вторые (опять-таки, в полном соответствии с Геродотом) покинули страну заблаговременно, ввиду лишь потенциальной угрозы. Судя по погребениями с геометрической керамикой, этот исход мог иметь место в первой пол. VII в. до Р. Х., скорее, ближе к её началу.

О том, что угроза для причерноморских киммерийцев могла быть действительно лишь потенциальной, свидетельствует и то, что степная зона достаточно долго не представляла для скифов особо-

[7] Вообще, свидетельство Диодора Сицилийского о «бесславном» периоде в истории скифов весьма напоминает археологически латентный период истории хунну-гуннов II—IV вв. от Р. Х., когда это сообщество из «кучки разбитых в 155 г. н. э. сяньбийцами хуннов» (Гумилёв 1974: 5), сохранив этникон, внезапно трансформировалось в силу, наводившую ужас на обывателей вконец разложившейся античной цивилизации.

[8] Авторитет Геродота, который наряду с миграционной приводит и две версии автохтонного происхождения скифов, вряд ли пострадает, поскольку уже неоднократно отмечалось, что использование одной из этих этногонических легенд для доказательства исконного обитания скифов в Северном Причерноморье по всем законам фольклорного жанра является не вполне корректным (Бессонова 1983: 12; Кузнецова 1994: 6).

го интереса. И только начиная с VI в. до Р. Х. ареал скифской культуры постепенно расширяется от лесостепи в южном направлении. Окончательное закрепление границ степной Скифии между устьями Дона и Дуная, вероятнее всего, произошло незадолго до похода Дария I. В этом немаловажную, если не определяющую роль сыграло появление новой волны номадов (ССК), исходной областью движения которой опять-таки следует считать степные районы к востоку от Каспия. Эту новую фазу активности скифов А. Ю. Алексеев объясняет конкретными историческими событиями, вызвавшими очередную цепную реакцию в евразийском степном поясе (Алексеев 1992: 111—112).

Впрочем, некоторые соображения, изложенные выше, позволяют сделать весьма существенную оговорку. Когда мы говорим об этапах становления скифской культуры, различая раннескифскую и среднескифскую, то вероятнее всего, речь должна идти всё же о хронологически последовательных, а не дискретных фазах такого становления. Иначе говоря, я не считаю, что этапы РСК и ССК разделяет лакуна, приходящаяся на первую половину VI в. до Р. Х. (т. н. «темный период» скифской истории). Скорее всего, в этом промежутке времени оба этапа смыкаются. Комплексами, которые заполняют этот «переходный» период, являются, прежде всего, погребения с греческим импортом конца VII — первой пол. VI вв.[9] Сюда же войдут, по-видимому, и какие-то комплексы, в стрелковых наборах которых преобладают опорновтульчатые (базисные) наконечники стрел. Какие конкретно это комплексы, пока неясно. Необходима хронологическая дифференциация внутри этой, чрезвычайно разнообразной, группы наконечников.

Говоря о Карпато-Днестровском регионе, замечу, что столь ощутимая в среднескифскую эпоху пестрота типов погребальных памятников Бессарабии, при их относительно небольшом количестве, по всей видимости, предусматривает в формировании этой группы нечто большее, чем просто новую волну номадов с востока.[10] Весьма вероятно, что во второй пол. VI — нач. V вв. до Р. Х. процесс расселения кочевников, затронувший весьма обширную территорию, носил отнюдь не одностороннюю (восток-запад) направленность, а был, скорее всего, многовекторным. Не забудем, что всё это происходило на фоне развития каких-то местных, предшествовавших образований.

Во второй пол. VII — VI вв. до Р. Х. понятие «Скифия» является, пожалуй, наиболее широким в географическом плане. Помимо едва ли не всей территории нынешней Украины скифские или «скифообразные» памятники существуют в этот период в Трансильвании (вторая пол. VII — нач. V вв.), Потисье (VI—V вв.), на Северном Кавказе (вплоть до середины — второй пол. V в.), в Посеймье (VI—V вв.) и Поволжье (VII в.). Пожалуй, именно это и есть поистине Великая Скифия![11] В Причерноморье VI век — это время рас-

[9] В Закубанье, к этому времени, возможно, относятся 1 и 10 Ульские курганы (Эрлих 2000: 77—78)

[10] Последнее, разумеется, имело место, причём, на мой взгляд, во второй пол. VI в. эту волну представляли погребения «воинского» типа, а чуть позднее, уже в V в. — «всаднические» захоронения (общее, северопричерноморское явление). Сожжения в могильной яме (Коржово, Чауш) и на древнем горизонте (Дубоссары), а также памятники типа Пыржолтены–Данчены–Олонешты, вероятнее всего могли принадлежать как фракизированным скифам (потомкам первой волны кочевников периода РСК), так и скифизированным фракийцам (реликтам среднегальштатского населения, либо проникавшим сюда из сопредельных, к примеру — Добруджа , областей).

[11] Это понятие не содержит ни малейшего намёка на некую единую археологическую культуру. Речь идет о культурном комплексе, связанном преимущественно с воинским бытом (Погребова, Раевский 1992: 63). Ядро этого комплекса, сцементированное местными и привнесёнными тра-

пространения Скифии на юг и окончательного утверждения её как военно-политической структуры. Однако, в этот же период начинает медленно разрушаться известная культурно-археологическая целостность Восточноевропейской Скифии, поскольку последним импульсом, цементировавшим её, явился тот, который привел к формированию культуры Векерзуг в Потисье.

Центростремительные силы, консолидировавшие Скифию в междуречье Дона и Дуная, ассимиляция и отток номадов из лесостепи привели к тому, что демографическая пустота в Днестровско-Карпатских землях к концу V в. до Р. Х. постепенно заполняется «вернувшимися» из-за Дуная гетами. Политический *status quo*, нарушенный во второй пол. VII в. появлением кочевников к западу и юго-западу от Днестра, был полностью восстановлен фракийцами. «Бесславный период» в истории ещё одного народа — гетов — закончился.

Отныне начинается новая эпоха, к которой вполне применимо определение «классическая». Классическая скифская культура, классическая гетская культура и даже мир античной цивилизации классического периода. Структуры миров вполне упорядочены. Внешние границы стабилизированы, по крайней мере, настолько, что какие-то локальные потрясения им не угрожают. Заведен вполне цивилизованный, определённый порядок взаимоотношений. Вся эта «классическая» многокомпонентная геополитическая структура, — вполне гармонична и самодостаточна. Её внешне довольно безмятежное существование продлится, впрочем, недолго. Уже в конце IV — нач. III вв. до Р. Х. неторопливый диалог культурных миров довольно бесцеремонно нарушат новые действующие лица.

дициями, находилось в Северном Причерноморье, а блуждающие, высокомобильные элементы этой структуры легко и быстро усваивались на смежных территориях, но при обязательном участии на начальном этапе населения-носителя этих элементов.

Н. А. Гаврилюк считает, что отсутствует сущностное наполнение этого термина, следовательно, в нём нет объективной необходимости (Гаврилюк 1999б: 36). В понятийном аппарате археологической науки вообще не существует объективной необходимости. Он субъективен по своей природе. Любопытно, что в другой своей работе, Н. А. Гаврилюк, высказываясь примерно в том же духе, вольно или невольно, раскрывает содержание термина «Великая Скифия». «В это понятие, — пишет она, — на интуитивном уровне вкладываются представления, по-видимому, о самых широких границах Скифии в максимально большом временном интервале. И им обозначают политическое объединение разноэтничных племен под эгидой кочевников-индоиранцев во всем цикле скифской и предскифской археологических культур» (Гаврилюк 2001: 20—21), Оставим в стороне некоторые спорные моменты этой пространной дефиниции и лишь отметим её фактическое наличие, а значит — и необходимость в ней.

SUMMARY

This monograph deals with early nomads in Eurasia of Pre-Scythian period (Cimmerians) and Early-Scythian culture. Chronologically, this period is defined by the first half of the first millennium BC. The solution to the problem of early nomads in Eurasia suggested in this work is mainly based on European evidence. At the same time, keeping in mind that the culture of nomads of South-Eastern Europe was formed with the presence of oriental (Central Asian) elements, corresponding evidence and the latest findings in the Asian part of the Steppe belt have been included as well.

CHAPTER 1 is dedicated to the analysis of historico-archaeological setting in the south of Eastern Europe in late bronze and early iron ages.

The starting point for the subsequent discourse was the so-called phenomenon of *geometric pottery* in Eastern Europe dated by early 1st millennium BC. The high extent to which it spread, in a way, allows us to talk about a geometric world of the Balkans – Black Sea – Caucasian region. This term includes a number of iron-age cultures of this Circumpontic (Chernykh 1976) area whose pottery materials are characterized by the presence of table pottery decorated with carved and / or stamped geometric groupings. Pre-scythian findings in the Steppe belt of Northern Black Sea region also belong to that group of cultures.

Initially, we suggested that, since the geometric groupings, elements and motifs on the pottery ornament must have evolved with the time, they could well have been chronological indicators. Further, we defined the circle of cultures that were close to the pre-scythian steppes of Black Sea region territorially and chronologically, and whose early – 1st millennium BC pottery had geometric ornaments. The closest areas and traditional sedentary zones with rich geometric traditions were the Balkans and Northern Caucasus. The secondary hearths are geometric cultures of Moldovan-Ukrainian Dniester region (Sakharna-Chornyi Les, Sholdeneshti) and Ukrainian Dnieper region (Cherniy Les, Zhabotin).

The question of genetic origins of these secondary hearths (Balkan and Caucasian) was not con-

sidered, since the predominant point of view now is that the formation of early-iron-age cultures was strongly influenced by the participation of geometrical cultures of Danube-Carpathian basin, i.e. with the influence of powerful south-western impetus. Forestalling the story, I should say that the stylistic and chronological analysis has absolutely confirmed that.

Thus, together with steppe burial complexes, the following cultures and cultural-geographic areas were the fundamental source base for the study of geometric ornaments on the early Iron Age pottery: Sakharna-Soloncheny in Middle Dniester region, Chernolesye culture of Dnieper and Dniester regions, and their genetic basis (in a sense) – a number of cultures of «classical stamped pottery» (Hansel 1976) of Carpathian-Danube region (Cozia, Badadag-II, Insula-Banului). These cultures correspond to the early stage of pre-scythian period. The late stage has the following corresponding chain of cultures: Basarabi (Carpathian-Danube region) – Sholdeneshty (Middle Dniester region) – Zhabotyn (Middle Dnieper region).

The cross-analysis of geometric groupings has revealed 22 major types, with each one having been popular to a certain extent in the areals of the abovementioned cultures. Almost in every case, it was possible to determine the chronological period of such popularity. As one can see from *Table 1*, such periods can accommodate from 2–3 to 1 (and slightly less) centuries. It is evident that the use of only one composition for chronological purposes would have been incorrect methodologically. What was important here is a series of non-recurring groupings. For example, a minimal serial raw could be present in one specific container with a horizontal ornamental belt separated into 4 zones. It could also be a container with a continuous horizontal belt composed of various ornamental elements and motifs.

The possibilities of the new scheme have been tried tested on 18 North-Western Black Sea region burial complexes with geometrical ornaments (*Figure 3*)

The beginnings of «geometrization» of Northern Black Sea region date back to the ending phase of the late Bronze Age, and was the result of the influence of Lower Danube region's Incised Hallstattian cultures on potteries of Belozerka, Belogrudovka and early Chernolesskaya cultures. Though, having admitted this as a prelude to the cultural transformation of the early Iron Age, we don't go into details of it. Northern Black Sea region potters most actively apply geometric ornaments as of 9th, and especially 8th centuries BC. This «ornamental outburst» (V. Ilyinskaya) was connected with another translation from the Carpathian-Danube region.

The end of geometric pottery layer in the Northern Black Sea region is dated by mid – 7th century BC. In relevant chronology, this corresponds to the late stage of the senior Zhurovka group, the end of active existence of Basarabi culture in Danube region, early West-Podolian group located in the Middle Dniester region and whose finds have almost no geometrically ornamented pottery; to the early layers of Berezan' site with no forest-steppe geometric pottery. Nevertheless, the inertial phase of the «geometric period» in Northern Black Sea region continued throughout the second half of the 7th century, and probably, to early 6th century BC. This was due to the activity of two hearths where the traditions of geometric pottery existed for a longer period. One of them existed in the Crimean mountains since the 7th (or mid – 7th) century – Kizil-Koba culture. The second hearth was situated non-stop in the Northern Caucasus (Coban culture). In addition, the geometric pottery traditions remained for a short period in the left-bank Dnieper region (Vorskla river basin).

The next problem to be covered seems evident enough. It involves two interconnected issues. If we suppose that the steppes of the Northern Black Sea region is evidently a peripheral area of the geometric pottery, it evidently must have come here from the outside. Second, what people left pre-scythian objects and burials with geometric pottery in the steppe Black Sea region? The answer to the first question is more or less evident, since the stylistic analysis of geometric groupings has shown that the steppe pottery is strongly related to pottery complexes of settled agricultural cultures in the Dniester-Dnieper forest-steppe area. In a number of cases, ornamental similarity was absolute. So, the source of the geometric pottery's entry into the forest zone were the early Iron Age cultures in the in the forest-steppe areas of Moldova and Ukraine (Sakharna-Soloncheny, Chorniy Les, Zhabotin, Sholdenesty). There is no sense in discussing the domination of any one culture in these zones, if we consider common south-western (Thracian) sources of forming the «Black Sea geometry» to be proven.

The second problem is much more difficult. When working on its solution using the materials of Northern Black Sea region, the corpus of burials was categorized according to their major features, their groupings and the obtained clusters were then matched with the nearest area – forest-steppe region, which was the area of origin of table the pottery (including geometrically ornamented pottery, see *Table III–V*) found in steppe nomads' burials. The results of the comparative analysis could be summarized as follows. The basic assumption of historiography was that the steppe burial rites must have been considerably different from forest-steppe cemetery rites. But the research has revealed that, based on two major features of the rites, the sites in the two abovementioned zones had more in common than it has been assumed until now. 9 of 14 features are matches. So, with landscape and geographical differences unchanged, cultural and, maybe, ethno-cultural differences tended to decrease. This convergence was documented based on the abovementioned common features of burial rites, geometric pottery and other utensils whose typological diversity does not allow to establish a clear-cut border between Northern Black Sea steppe region and the forest-steppe region.

Probably, the only significant difference is in concentration of archaeological finds that is incomparable for pre-scythian finds in forest-steppe and steppe regions. On one hand, we deal with big and compact cemeteries in the forrest-steppe. On the other hand, Northern Black Sea region has ancient kurgans with single-standing inlet burials. With general convergence of burial rites and utensils, this is the only significant difference that needs to be explained. And it is explainable enough, if we suppose that we deal with two groups of a culturally related population that, for certain reasons, practiced two different types of economical activity. So, the difference described above is more socio-economic than ethno-cultural one. It does not contradict to the cultural unity of the steppe and forest-steppe populations maintained by this work.

Can this cultural relation indicate absolute equality of steppe and forest-steppe inhabitants? And eventually, who was the pre-Scythian population living in the steppes between the Dnieper and Danube? There seem to be three most plausible answers. That population could have been:

a) direct descendants of the Late Bronze age (Belozerka culture);
b) an absolutely new population of western or oriental origin;
c) a forest-steppe, related population with a different economic structure.

Virtually any culture or cultural group is heterogeneous. In this case, for each of the three abovementioned alternatives, a certain place can be found in the cultural-genetic processes happening in the Northern Black Sea region on the border between the Late Bronze and Early Iron ages. The first and the third alternatives witness the autochthonous population living in the Black Sea region in the pre-Scythian period. Most probably, that was the case, and this major component was made of the remaining Belozerka population and the pastoral layer of forest-steppe cultures. Representatives of that group were specializing in long-term distant pastoral cycles whose major routes lied along large rivers in the Black Sea area: Dniester, Yuzhny Bugh, Dnieper and their numerous tributaries.

Although that was the major part of the Steppe Belt pre-Scythian population, it was only part of it. The migratory factor is mostly found in the innovative objects of nomads that did not have any local prototypes and that suddenly find themselves widespread significantly in the South of Eastern Europe in the early 1st millennium BC. It is these subjects that together constitute what is commonly known as Černogorovka and Novočerkassk stages of the Pre-Scythian period. Most probably, these concepts taken separately can not be chronological concepts. They merely amalgamate the sample sets of corresponding pre-Scythian cultural momentums. If one abandons the perception of Černogorovka and Novočerkassk antiquities as two chronologically consecutive cultural groupings (to which most researchers now call upon), they should be combined and, considering the presence of bright and original elements of material culture in each of these groups, in the future should be called the Černogorovka–Novočerkassk Horizon – exactly in such a word combination.

CHAPTER 2 is devoted to the historical-archaeological ratio of Pre-Scythian (Cimmerian) / Early Scythian antiquities. What was said in the previous chapter allows us to formulate the next question as follows: why cannot we (or why can we) refer to the Pre-Scythian population of the Northern Black Sea Region as Herodotus Cimmerians?

The review of recent literature on this issue suggests that the major obstacle of such a unification is the idea that the material culture of Cimmerians and Scyths is inseparably united. When agreeing with this claim, one should bear in mind that the real unity has only been surely proved by the written and archaeological evidence for the 7th century BC and only for the regions to the south of Caucasus range. It is methodologically incorrect to extrapolate this unity to the earlier period.

Besides, it is not quite clear what kind of unity we deal with. This concept has only been defined once, and according to the suggested definition, this unity was merely the unity of weapons and horse-gear (Medvedskaya 1992, 1994). But in this case, we need to distinguish the objects' *functional* and *functional-typological* unity. In the first case, all ancient nomads evidently fall under such a category of unity. In the second case, it is also evident that objects of the Černogorovka-Novoerkassk horizon (9th – 8th centuries) are different from corresponding Early-Scythian (7th century) objects to the extent that would not allow for any unification.

So, probably we should talk about the subsequent existence of two different cultural blocks to a certain extent formed by the same Oriental (Eastern-Eurasian, Central-Eurasian) momentums. The role of these momentums in the formation of Early-Scythian culture is well-known. As for the Pre-Scythian period, these innovations firstly showed themselves on the border of Bronze and Iron Ages, then their translation continued with a certain periodicity. But it was the first of such momentums in the 10th – 9th centuries BC that eventually led to the formation of Černogorovka–Novočerkassk horizon in the Eastern Europe. In this work, I suggest to refer to this impetus as Karasuk–Arźan (Arźan–Černogoloka, according to M.Gryaznov). Presently, in this Pre-Scythian stage of oriental translations, two phases are marked out: Arźan (8th century) and Pre-Arźan (10th – 9th centuries [Bokovenko 1996]).

Doubtlessly, specific marker artifacts confirm oriental influence. Karsuk-Arźan period of Central-Asian hearth of cultural genesis may be connected with the emergence in the South of Eastern Europe of a small series of Karasuk-type knives and bronze daggers, several types of metal (bronze) two-part bits, as well as some evidently Karakuź imports (Chlenova 1973).

With the emergence of bladed weapons and hard metal bits, we may consider the horsemanship idea in Southern Europe to get a finished look, which means vast opportunities for subsequent improvement of its attributes.

Further development and improvements of nomadic attributes, horse-gear in particular, was on the local grounds. It is well-illustrated in the Northern Caucasus. The elements that had arrived on Arźan-Černogorovka wave were then «digested» by the Coban environment (Kozenkova 1996), which led to their creative remaking on the basis of Cobans' own powerful metal production, and to the subsequent outstandingly wide spread of quite original objects from Northern Caucasus far to the West, down to Central Europe.

Thus, the sources testify evidently enough that early-nomad antiquities o Černogorovka-Novočerkassk horizon appeared in Eastern Europe in the late 10th – 9th centuries BC; and starting from late 8th century, they are replaced by early-Scythian antiquities. It is also evident that the composition of these cultures was always accompanied by the emergence to the West of Volga River of a complex of specific objects originating in the East (Central Asia). So, hardly anything could prevent us from a suggestion that the population of these two archaeologically similar (but not equal!) groups consisted of two different tribal units of Central Asian nomads, that had penetrated the Eastern-European steppes with a 200-year difference. The next step to personify each of these tribal units is evident. The autochthonism of Cimmerians in Northern Black Sea Region so surely marked by Antic authors is not an evil-intentioned disinformation. For the Greeks who discovered the region in the 7th century BC the people that had been inhabiting the area for at least 200 years was an indigenous people.

A separate section in this chapter is devoted to the overview of early-nomadic antiquities in the Eastern Eurasia. This section was necessary because the formation of nomads is a Pan-Eurasian process. And most researchers consider the emergence in Eastern Europe of early-Scythian culture to have been the result of migration from Central Asia. That is, in the original point of migration the artifacts must be older than in the destination point. Besides that, any form (even the most radical one) of autochthonous Eastern-European concept of the formation of early nomadic culture has never disclaimed a more or less considerable oriental contribution to this culture.

Evidently, there is a problem of chronological correlation of European and Asian early-nomadic antiquities. In the essence, the problem is in a so-called principle of a reverse, «reflected» dating of Asian findings with the use of more reliable absolute dates of European complexes (Murzin 1990; Alekseyev 2000).

The relative chronological subordination of European artifacts to Asian artifacts was determined after the discovery of Arźan and after the concept of Arźan–Černogorka Stage had (Gryaznov 1983) been coined. Due to this, the dating principle applied to Asian findings through the Eastern European chronology appears to be paradoxical, since the latter is often based on absolute dates from complexes situated in the absolute peripheral areas of early nomadic antiquities (*i.e.* Central Europe in the Late Urnenfield-Early Hallstatt period). We should also pay attention to the fact that the chronological schemes that we possess and use at present (ancient-oriental, Central-European, Antic) will always record only *t.a.quem* of the earliest period of the formation of Eurasian nomads. But at present, the chronology of European complexes is considerably older than the typologically close complexes of Altai, Tuva, Kazakhstan, the Middle Asia. Even Arźan is younger than the European (including Mid-European!) complexes that contain objects genetically dating back to the complex of the Tuvian kurgan. We can hardly consider this a prove of autochthonous concept of nomads' formation in Eastern Europe. Most probably, the described situation indicated the immediate necessity to create an independent scheme of chronological ties for early-nomadic complexes to the East of the Caspian sea. In fact, the Arźan dates that have been calibrated, on the one hand, and the separation of the pre-Arźan layer of early-nomadic antiquities, on the other hand, must naturally bring Asian and European complexes to accordance. Further, we need a chronological revision of other basic findings of earlier age in Kazakhstan, Siberia and Middle Asia. As exemplified by the early Saka culture, the whole 8th century BC as the lowest date attracts less and less criticism. Early Tagar culture is «pulled» to this boundary (Gryaznov 1983, Kurochkin, Subbotin 1993).

Considering the area of Arźan complexes to be one of the earliest hearths of the 9th – 8th centuries BC early nomadic culture, I want to point out that both in Tuva and in the Altai, these complexes appear in a complete, finished look. Probably, at that time there were specific areas where the process of culture's formation unfolded, which was prior to the culture's spread. We do not yet know what those areas were, but evidently, they should be searched for in Central Asia.Maybe it was Sintszian (A. Kovalev), or the Seven Rivers area (E. Kuzmina).The search for such hearth of cultural genesis, whether single or a number of them, continues. When reconstructing the process of further spread of the early nomads' culture, one should constantly bear in mind one fact that is more or less evident. In Eastern Asia of the 9th century BC, the early nomads' culture existed in a finished form. At the same time, separate elements of this culture are recorded to have appeared far to the West – in Central Europe.

Such a rapid distribution of the elements of material culture (early nomadic culture, in our case) should assume an equally rapid movement of its bearers. It took a kind of a «continental idea» for the Eurasian steppe population of 2 – 1st millenniums BC to introduce a dynamism unheard of before in these areas where people of the Bronze Age used to lead an unhurried lifestyle. And, probably, horse-riding was this idea. This phenomenon at the millennium borderline (Kuzmina 1986) combined a mounted rifleman with a cavalry, revealing an absolutely new idea different from horse pastoral. The burials of these people are common enough in the Eurasian steppes of the second half of the 2nd millennium BC.

CHAPTER 3 deals with the period that chronologically follows the abovementioned period, and corresponds to the distribution of early-Scythian culture in the Pontic-Carpathian lands.

The source review starts with the moment when the Scyths reached the Dniester in their move to the West. According to modern theory, this happened back in the mid – 7th century BC. It was here and then where the first stage of the early-Scythian cultural genesis ended. Its start was in the late – 8th century when the nomadic wave, having crossed the Volga, split into 2 mainstreams. When found itself in the steppes between the Don and the Volga, one group of the nomads turned to the South, and eventually reached the foothills of the Northern Caucasus. The second horde continued its move to the West, reaching Źabotin complexes in the Middle Dnieper region, then the Middle Dniester region, where a syncretic cultural formation in the form of Western-Podolan complex grouping emerged in mid – 7th century BC.

The emergence of Scyths in the Eastern Carpathian foothills meant that the early-nomadic wave originating in the Central Asian hearth, having filled the Eurasian Steppe Belt's cultural-demographic reservoir, came to its natural Western frontier and faced an absolutely new, Central-European civilization on its Bronze and Iron stage. Until that moment, within Eurasian cultural-geographical landscape that was so familiar to nomads, the emergence of early nomadic formations flew in accordance to the same conceptual model (with many local variations). But from that time, had to somehow transform that model when entering into the dialogue with the traditionally constant, settled agricultural world in the Balkans and the Middle Europe.

The issue of the early communication between nomads and local people is formed by the monuments of Western-Podolian group and a small group of typical Scythian burial-mounds in the Prut–Dniester and Lower Danube areas, on the one hand, and Thracian complexes of Dniester-Carpathian area, on the other hand. The latter group represents the final, accelerative phase in the development of Tracian antiquities of the Middle Hallstadt (second half of the 7th century BC).

As for Western Podol group, serious arguments have emerged recently in favor of extending its frontiers to the South (Northern regions of Moldova – Trinka, Korźeyts, Burlenešty, – and Romanian Moldova – Kukoreny, Satu-Mare, Volovec', Kašvana-Kodru, Vikovul de Sus).

The emergence of standalone early-Scythian burials in the lower Dnieper (Ogorodnoe, Sabanźia) is probably connected with the advance of a nomad Scyths group from the Middle Dniester region to the south. This route was marked by an infrequent chain of burials (middle – 7th century BC) discovered in Besarabia and on the left bank of the Lower Dniester (Kukonešty, Strašeny, Čobruči). This route's final destination was East-Northern Dobrudźa where in the late 7th – 6th centuries there was a Scythian enclave, with its basic complex Čilik-Dere.

The situation in the Eastern Carpathian foothills changed in the second half of the 6th century BC, when a new series of Scythian burials appeared in Bessarabia and trans-Prut Moldova. Though it wasn't numerous (around 20 burials), but it was more significant than its predecessor. The antiquities date back to the second half of the 6th century – first half (or the middle) of the 5th century.

The development line of Thracian antiquities of the 7th – 5th centuries has extremely unequally distributed sources. For instance, after Ŝoldenešty-type complexes disappeared in the second half of the 7th century, Bessarabian archaeological landscape looks desolate. And only on the borderline between the steppe and forest-steppe zones is there a burial ground of Dančeny that is outstanding due to its very existence. Supposedly, it dates back to the second half (or the end) of the 6th – 5th centuries BC (Lapushnyan 1979) and it fills in the gap in the cultural-archaeological column of the Thracian antiquities between Hallstadt complexes (Ŝoldenešty stage) and the classical Gethic culture of the 6th – 3rd centuries BC. In this work, a dating correction is suggested – the starting date should be the first half of the 6th century.

The situation in trans-Prut Moldova is somewhat different from Bessarabian situation, due to the higher density of complexes of the period researched. It is worth mentioning that those complexes are distinctive enough, and their cultural affiliation is not so evident. The northern part of the region belongs to Western Podolan cultural area. It might be that one of the components forming the population of this group were the remainders of Hallstadt group, Graničešty. In the 6th – century Southern Moldova, in Vranča foothills, the burial ground of Byrsešty was operated. A so-called Trestiana group constitutes a special phenomenon. It was composed of 2 moderate burial grounds (Trestiana and Dzurdzulešty) and several separate complexes (Cimbala burial). All these complexes date back to the second half of the 7th century – first half of the 6th century BC. Another isolated phenomenon is a settlement of Kurteny where a diverse set of Thracian moulded pottery is accompanied by the findings of antique 6th – century BC imports and grey-clay pottery.

Thracian antiquities of the 6th century are most concentrated in North-East Dobrudza. Such a high concentration was probably related to the beginning of an active phase of the Greek colonization of the region that followed soon after the Histria was founded. Thracian population existed in Dobrudza in the context of archaic settlements in the first half of the 6th century. The quantity of sites witnesses about such a huge scale of Thracian settlements that was unheard of in Bessarabia, or trans-Prut Moldova, or Eastern Valakhia.

The second group of Thracian sites in North-Eastern Dobrudza consists of burials (Černavoda, Čukurova, Makhmudie, Piatra Frikatsei, Corbu de Zhos). All these burial complexes date back to the middle 6th century BC, at the earliest.

Finally, there is another area in the Pont-Carpathian region where Thracian element was evidently present since the foundation of the first Greek colonies in the second half of the 6th century BC. It is lower Dniester region (Nikonion) and a number of settlements on the left bank of the Dniester firth.

The review of sources conducted in the first section of this chapter drives us to the following conclusions. Early Scythian sites appeared in the North of the Carpathian-Dniester region in the middle of the 7th century BC. Virtually simultaneously, Western Podolan antiquities started their chronology, too. The mapping of early Scythian sites in Bessarabia and North-Eastern Dobrudza has revealed their slow movement from the Middle Dniester to the South, which resulted to their presence in the Lower Danube by the end of the 7th century. Thracian antiquities of this period are represented in Moldova and Bessarabia by some relic Middle Hallstadt hearths that might have survived until the end of the 7th century BC. But some settled Thracian population remained in the North-Eastern Dobrudza. Anyway, rural settlements around Histria that appeared in the first half of the 6th century BC, and even the remainders in the city itself have a definite set of Thracian elements.

In the second part, based on the abovementioned source analysis, we have attempted to reconstruct the process of cultural interaction in the Carpathian-Black Sea region.

On the eve of the emergence of Scyths in the Dniester-Carpathian territories, the disintegration process finished in the cultural space of the Middle Halstadtt-time Thracian tribes. In my opinion, the Scyths were hardly the immediate reason of this disintegration. Mainly it was predetermined by the development patterns of any separate cultural system. The appearance of nomads, as a factor of outside influence, could only have accelerated the disintegrating momentum in the process.

In the middle of the 7th century BC, the Scythian Horde that had penetrated the Middle Dniester region split into several groups. Their following history seems to have been as follows. Part of the nomads remained on that territory, which is testified by the chronology of Western Podolan sites – the second half of the 7th – early 5th centuries. Another part chose to move to the south, and eventually found itself in the Lower Dnieper area. They crossed the river to the right-bank North-Eastern Dobrudza. That group was moving between the Dniester and the Prut. Finally, another nomadic horde appeared in Transylvania in the mid – 7th century.

Around 50 years before the Scyths appeared in the Eastern Carpathian foothills, the Thracian Carpathian-Danube-Dniester territory experienced the influence of another external factor. In the Iron Gates area, West-Balkan Illyrian tribes became active. Their activity left a clear imprint in the materials of kurgan necropolises in Basarabi and Balta-Verde. We consider that an Illyrian group penetrated Western Walachia (Oltenia) in the first half of the 7th century. Judging by the burial inventory of the abovementioned burial complexes, that Illyrian group was mainly represented by military units. After mid – 7th century, Thracian antiquities disappear from the planes of Moldova and Walachia, concentrating in the Eastern and Southern Carpathian foothills. We can suggest that in those areas, the disintegration of Middle-Hallstatt Thracian cultural periphery became irreversible due to external influence.

In the amorphous, rarefied Carpathian-Dniester region's cultural space of the second half of the 7th – first half of the 6th centuries BC, a stable mechanism of intercultural contacts characteristic for the previous period stopped working. It was substituted by a seemingly unsystematic, «orderly-chaotic» interaction scheme, in which contacts occurred in the variety of directions. These translations, hardly feasible in the previous stable epoch, resulted in the appearance of some material culture elements in the regions far from their traditional occurrence. This process is virtually impossible to be traced cartographically.

The forest-steppe-type moulded pottery found in the Lower Danube was a manifestation of this cultural communication pattern. The idea of grey wheel-made pottery (GWMP) is suggested to have been translated in the diametrically opposite direction. The sudden emergence of GWMP on the Middle Dniester, in the Western Podolan area, has lately been considered as a separate issue. The solution to this problem suggested in this work is as follows. The penetration of the Middle Dniester by GWMP in the second half of the 7th century, and its spread to the Hungarian Plains in late 7th – 6th centuries BC must

have been connected with the settlement of antique potters in the barbarian environment (Chochorowski 1996). Thus, the primary impetus – technology transfer – was the result of the antique influence. The major antique center spreading its influence was probably Histria. The wheel-made pottery tradition in these areas of barbarian periphery disappeared in the 5th century, almost as suddenly as it had appeared. The next local population's experience with pottery wheel took place in Celtic-Dacca epoch. Such a discreet tradition could be explained if we suggest that a certain idea (i.e. the idea of a pottery wheel implemented in GWMP only) was passed on within the professional class whose first representatives had brought it with them. For some reason, local population did not find it necessary to adopt this tradition, or maybe, it was not allowed in the secret.

The review of «Thracian» sources drives us to another problem that has been formulated recently – the early Getian cultural phenomenon.

Until recently, the concept of this culture's formation was implied rather than grounded. The common suggestion is as follows. Somewhere in the Carpathian-Dniester lands, there must be a number of complexes dating back between the Middle-Hallstatt Thracian antiquities of the 7th century, and the «classical» Getian culture of the 4th – 3rd centuries BC. The period of the late 6th century through the 5th century is filled by the Danceny burial complex, as well as several alone-standing burial grounds (Pyrźolteny, Olonešty) and very few findings of Antique imports of late-archaic – early-classical time discovered in several Getic hill forts and settlements whose main period of existence falls upon the 4th century BC (Lapushnyan 1979, Nikulitse 1987).

However, all these more or less culturally-chronologically indisputable materials do not allow us to complete the development line of Thracian antiquities in the Carpathian-Dniester areas. We face a lacuna of between the second half (late) of the 7th century – first half of the 6th century.

Recently, the problem of formation of the early Getic culture was conceptualized by Kaşuba, Haheu, Levițki (2001). These authors believe that the formation area for this culture is in Bessarabia, specifically in the south of Moldovan Middle Dniester region. On several sites there, an horizon has been singled out that contained 7th – 6th century BC pottery, which is the missing linking chain.

The concept's weak points are the absence of reliable indicators accompanying the pottery, and the look of the pottery that can hardly be imagined as the typological raw uniting middle Hallstattian and Getian pottery complexes. Among the «kitchen» pottery objects prevailing in the area, there are forms characteristic for forest-steppe early-Scythian complexes, Western Podolan group in particular. The «table» pottery complex can not be identified with any known Thracian group of the 7th – 6th century Carpathian-Danube region. Presence of Thracian forms in the southern part of Moldovan Middle Dniester region can be explained. At first, these forms are known in the Western Podolan pottery complex, where their emergence was preceded by a long history of Černolesye-Sakharna and Ŝoldenešty-Źabotin interactions. At second, it is not excluded that in its movement to the South in the second half of the 7th century, the forest-steppe population could have met (and, mot probably, did meet) some remainders of the Middle-Hallstatt (Ŝoldenešty) stage (Selište).

The cultural phenomenon of the South of Moldovan Middle Dniester should be considered the final stage of the inertia period in the development of the Middle Hallstatt Moldovan population with the participation of Western Podolan forest-steppe population, rather than the early stage of Getic culture.

As for the initial area of Getic culture's formation, we should consider Dobrudza to be that area. And its southern, Bulgarian part is more likely to have been that area, rather than its North-eastern (Romanian) part (Tkachuk, 1999). Back in the 7th century BC, the complex group of the Dobrina-Ravna type was formed. The moulded pottery complex of this group has clear parallels in the 6th-century settlements in the North-East Dobrudza.

The consolidation of Thracian (ealy-Getian) culture in Dobrudza took the whole 6th century. It was not until the late 6th century when early Gets infiltrated to the north, into the Dniester-Carpathian lands. These lands became one of the centers of dissemination of Getic culture.

The chapter's last section is devoted to the problem of Thracian ethno-cultural component within the Antique colonies in the North-Western Black Sea region. I suggest two stages of formation of Thra-

cian «diaspora» in the colonization zones on the Yuzhnyi Bugh and Dniester. The **first stage** – mid 7th – early 6th centuries – the foundation of the first Greek colonies in the Lower Berezan' and Bugh firths. A part of late-Ŝoldenešty population moved there from Dniester and Prut. The relations with the initial area of this group's movement ceased in the early 6th century, because that migration was a part of the process of the complete dissemination Middle-Hallstatt cultural remainders in Bessarabia that ended by the 6th century BC. The **second stage** scenario assumes that, as of the second half of the 6th century, North-Eastern boundary of Histrian influence leveled off on the left-bank Lower Dniester, where the colony of Nikonion was founded for that purpose. Accordingly, Histrian economic expansion zone was formed there, where Histrian resource investments (including demographic) were made. But the influence of the city-state of Histria in the second half of the 6th century BC was not confined solely to the Lower Dniester. The new wave of Thracian immigrants to the Lower Bugh testified by numerous materials of the lat third of the 6th – early 5th centuries can also be related to the colonization activity of Histria.

CHAPTER 4 deals with the cultural-chronological aspect of early-nomadic antiquities in the Carpathian basin.

The first section investigates the spread of Scythian antiquities in Transylvania on the background of local cultural-archaeological substrate. Some patterns of cultural genesis in the 7th – 6th century Transylvania have driven us to the following problem: *the Scyths in Transylvania and the problem of early-Scythian culture (ESC) in Eastern Europe.*

For a long time, early-Scythian complexes were considered to have emerged in Transylvania no earlier than mid 7th century BC. But at present, a large number of foreign researchers actively argue for early 7th, or even late 8th centuries as starting dates for the Transylvanian group (Vulpe 1984, Chochorowski 1998, Kemenczei 1996).

Let us now consider some arguments used by these authors. Because the Carpathian basin does not contain any ESC–1 antiquities, lowering the dates of Transylvanian complexes (Čumbrud group) can only be done by means of ESC–2 chronological indicators. One of such indicators are the bronze mirrors with a central hand. Transylvanian complexes containing such mirrors were matched with Black Sea region's burials that recorded both the period of the existence of center-handed mirrors and their substitution by side-handed mirrors. As a result, some grounds were found to claim that disc-sided bronze mirrors with central hand could be considered as «transparent» chronological indicators that can equally denote either ESC–2 or ESC–3 periods.

As another prove of the earlier date of Transylvanian group is the Grey Wheel-made Pottery (GWMP). The logic of reasoning is the following. GWMP appeared in Western Podolan gropu in the second half of the 7th century. At the same time, it is absolutely absent in Transylvania. So, it is suggested, Čumbrud group formed before Western-Podolan (Chochorowski 1996). But, GWMP is absent from either earlier Transylvanian complexes (early 7th century), or in the later complexes (late 7th – 6th centuries BC). The latter fact hints that the reasons for GWMP's absence in Transylvania are not related with chronological position of early-Scythian complexes in this area relatively to Western Podolan group and Vekerzug culture.

The first half of the 7th century BC suggested (Chochorowski 1998) as the dating for earlier Transylvanian sites (Tejus, Cristesti) does not seem plausible either. It was based on the arrow-heads with earlier than second half of the 7th century silhouettes found in quiver sets.

Finally, we should not forget about the fact that the problem of cultural transformation in Carpathian basin is not formed by Scythian antiquities alone. In the 7th century, there existed local population in the dense network of hill-forts on the river Muresh and its tributaries. The decline of several most researched hill-forts was probably related to the invasion from the outside, which means the appearance of Scythian units in Transylvania (Vasilyev 1980). That is why it is important to determine the upper date (dates of vanish) of these hill-fots (Teleak, Ciceu-Corabia, Subcetatea). Considering the first date (first half of the 6th century, by Vasilyev) to be overstated, this work suggests another date – no earlier than mid 7th century BC – based on the comparative analysis of later horizons of the hill-forts immediately preceding the destruction.

The absence in early 7th century Transylvania of diamond-shaped arrow-heads that went out-of-use in the Eastern Europe by mid 7th century (Polin 1987) is a serious argument against lowering the date of Čumbud group, despite the fact that such arrow-heads still were in use for some time in Western Podolan and related to it Čerepin-Lagodov groups (Krushelnyts'ka 1985, Melyukova 1998).

This section could be summarized as follows. We do not have enough plausible arguments to change the date of the Early-Scythian horizon in Transylvania from mid 7th century to its first half (not to mention the 8th century BC). Most probably, it is impossible to chronologically synchronize the Carpathian basin and Black Sea basin antiquities, despite their typological sameness. As suggested by G. Smirnova (1993), we need to consider the «lateness» factor when material elements disseminate from the culture's center (Black sea region and Northern Caucasus) to its periphery (Transylvania and Hungary).

The chapter's second section investigates the process of formation Scythian sites in Eastern Hungary (Alföld).

The cultural components formulating early-nomadic problems in the Carpathian basin are represented by three antiquity groups. They are: Mezöcsat group and Vekerzug culture (VC) in Alföld, and Transylvanian Čumbrud group. Until recent times, the chronology of these cultures was as follows. Mezöcsat-type burial grounds were dated by pre-Scythian period (so-called «Thracian–Cimmerian» horizon) and were generally dated 9th – 8th centuries BC. The emergence of two other groups singled out on the basis of the presense of Scythian components was separated in time. These groups marked two consequent waves of Eastern nomads' penetration into the Carpathian basin. The first one dated mid 7th century (Transylvania), while the second one dated mid 6th century BC (Tisza area).

At present, the early VC has been moved to the 7th – 6th centuries. Simultaneously, the question was raised about **cultural** legacy of pre-Scythian Mezöcsat and VC-type sites. In order to be able to talk about the **cultural-chronological** legacy, it was necessary to find «transitional-type sites». In our case, those sites had to occupy the time space in the 7th century BC, between Mezocsat antiquities (9th – 8th centuries) and Vekerzug (6th century).

A small goup of Hungarian sites was suggested as such «transitional sites» – Gyöngyös–Miskolc–Diosgyor (GMD). Archaeologically, these monuments have not been sufficiently documented. These were random findings. But diverse chronological indicators contained in the sites helped to dte these horizons by HaC_2 stage. Lowering the VC date to the 7th/6th century borderline resulted in the disappearance of lacuna between Tisza group (another name is VC) and GMD horizon (Chochorowski 1987). The connecting of the second pair of cultural-chronological chains, GMD and Mezocsat, was the next step. That merge was supposed to have happened back in the first half of the 7th century BC. The logic of reasonings was as follows.

The «Thracian-Cimmerian» horizon in the Middle Europe is completed by the fourth complex group dated by the border between HaB/C and HaC (Chochorowski 1993). Than, considering the actively moving lowering date of Transylvanian group, the Pre-Scythian and Early-Scythian horizons in the Carpathian basin could ultimately get closer. This raises the question about Scythian–Cimmerian syncretism at that time. In the essence, it is the similarity of Black Sea area and Carpathian basin that is being argued for now. A small correction by half a century (the first half of the 7th century, rather than second half of the 8th century) can be explained by territorial-chronological fctor of «lateness» in the conditions of the impetus spread from the center to periphery.

If we take a closer look at the 4th group of Thracian–Cimmerian complexes, we will learn tht the early burial ground in Carpathian basin that contains a pre-Scythian inventory of oriental look is the burial site No. 1 from Fuzesabony. All this group's treasures and most burials lie outside the Carpathian basin (Northern Italy, Serbia, Khorvatia, Oltenia).

The date of the 3rd complex group of Thracian–Cimmerian horizon is more reliable and numerous. These sites are located in the Carpathian basin and dated mainly HaB_3 stage. This means that there are no reasons to lead the final of Thracian–Cimmerian horizon in Middle Europe to the early 7th century. The borderline of 8th and 7th centuries, or even late – 8th century BC (sic 720 year BC) is supported by the materials. Fugod complex combines Thracian–Cimmerian things and HaC-looking objects.

The lower date of Vekerzug culture (sic 600 BC) is based on Alföld materials: the late layer of Artand 1939 and 1953, A and B burials of Saioszentpeter, Balsa group of objects, a number of Alsotelekes and Torokszentmiklos burials, the early horizon of Tapiosele and Csanytelek-Ujhalastoj burials.

Thus, despite the fat that early VC is surely situated between the 7th and 6th centuries BC, it is impossible to complete the chronological columns of pre-Scythian and early-Scythian antiquities in Hungary. They are separated by almost the whole century. Even if we upgrade the upper date of Thracian-Cimmerian horizon and place it, as Chochorowski uggests, within HaC_1 stage, we still have a chronological lacuna of at least half a century.

To liminate this lacuna, we suggest to use the Eastern Hungarian complex group of Gyöngyös –Miskolc–Diosgyor type, as well as a kurgan burial in Gyoma (GMD horizon).

But major chronoindicators of GMD horizon clearly gravitate towards the following epoch, rather than to Pre-Scythian era. We could agree that GMD horizon really marks the earliest period of VC creation, maybe back in the 8th century BC (Chochorowski J). But it seems impossible to complete the pre-scythian and early-scythian traditions in the 7th century Crpathian area with these complexes alone. So, the term «Mezöcsat culture» should only bare a narrow, pre-Scythian meaning (9th – 8th centuries). The use of this term to Hungarian antiquities of late 7th – 6th centuries BC is not grounded. It would be more plausible to refer to those antiquities as to «Vekerzug cultures», together with Gyöngyös–Miskolc–Diosgyor-type and Artand sites.

CHAPTER 5 – the concluding chapter in the book – deals with the problem of Scythian penetration into Luzhitsa and Hallstattian lands of Middle Europe. The panorama of eastern nomads' migrations would not be complete.

The views of the Scythian presence in Middle Europe have evolved a lot. For some time (most last century) the followers of the idea of Scythian expansionism enjoyed a vast majority (P. Reineke, M. Rostovtsev, V. Pyrvan, M. Parduts *et alt*). But in recent times this idea has lost its attractivness and began to cause serious critique of Western European researchers.

The components of this problem could b split into three issues. The first issue is the one of physical presence of Scyths on that territory (in other words, is it possible to identify Scythian-look objects with nomads' military campains?). The second issue is th chronology of the objects and, if the first issue is reolved poitively, the Scythian invasion chronology. The third issue is the issue of the initial area of their campains.

Archaeological sources recording the presence of Scyths on this territory have remained without any changes during the pat century. As a rule, they are the arrow-heads found in Lusatin and East Hallstattian hill-forts. Pretty often, these arrow-heads accompany the layers of devastation and fires (Smolenitse-Molpir, Kotouč-Štramberk, Stźegom, Vicina and others). The cause-effect chain was built by itself. But at a certain stage of the research it was found that these features of cythian presence could be interpreted in a different way. In particular, as a result of civil conflicts common for 6th century Central Europe. Conflicting population used Scythian-type armors as more perfect and thus better-spreading in the environment of foreign cultures. To consider Scythian invasion to be the reason of destruction of a number of ancient settlements, we do not have enough Scythian burial complexes (Parzinger 1998). The last circumstance remains unsolved.

Numerous historical parallels from the Early Middle Ages let us to state that Scythian invasions of early Iron age were similar to Gunns, Avars, Hungarians' invasions. The features of archaeological sources marking these invasions are similar, too. We can not consider a serious argument the negation of Scythian invasions based on the silence of sources (Partsinger 1998), if we remember that we deal with the 6th century BC. It is absolutely evident that foreign (Scythian)participation in the invasions into Lusatin and East Hallstattian lands is witnessed by the fact that these settlements were located in strategic places (*i.e.* Kotouch-Shtamberk (Hell Hollow) – Moravian Gates)

Scythian invasion chronology is correlated according to th tendency to make the Scythian horizon older in the Carpathian basin. Thus, the movement of the final date of Smolenitse-Molpir from late 6th to

the border of 7th – 6th centuries (HaC/D) does not eliminate the participation of Scythian horsemen in that battle, because the emergence of Tzissa group (VC) – the nearest Scythian enclave – is dated by the same time. Scythian invasions in Middle Europe continued throughout the 6th century. The date of their end is determined by the death of Vitsin site – sic 500 BC.

In search for the initial area (or areas) of Scythian invasions, we should not go deep into Eastern Europe. The move of the early date of Vekerzug culture to the border of 7th/6th centuries allows us to think that both Tisza and Transylvania groups throughout the 6th century were the platz-darm base of Scythian expansion into Lusatin and East-Hllstattian lands. The present chronology allows the possibility of Scythian Alfuld group to have been on the verge of this expansion. Though, archaic 3-layer long-plug types of arrow-heads from Smolenitse, Stźegom and Vitsina do not exclude Transylvanian Scyths' participation in the invasions during the early stage of the 6th century BC. The large number of such arrow-heads gathered in one site only does not coincide with the typology of arrows of Vekerzug culture in the whole, and vice-versa, is in accordance with quiver sets from Transylvanian burials.

CONCLUSION. On the border of the 2nd and 1st millenniums BC, in the central areas of the Great Steppe, a complex of conditions and pre-conditions was formed that made it possible for early nomadic cultures to emerge.

Two consequent, diverse impetuses from this Central-Asian hearth of cultural genesis led to the emergence in the Eastern Europe of Černogorovka-Novočerkasskaya (Cimmerian) culture of early nomads (10 – 9th centuries BC), on the one hand, and of the Early-Scythian culture, on the other.

The problem of interaction between the nomads and the inhabitants of Eastern Europe (Black Sea region in particular) was solved in the same manner (though with some variations) – through the creation of a system of subordination of the latter to the former. Gradually, the traditions imposed by the oriental invaders were actively digested by the local environment, which resulted in the early-Scythian forest-steppe archaeological culture represented simultaneously by both autochthonous population and immigrants.

Speaking about the stages of the development of early-Scythian culture, we doubtlessly should distinguish the difference between the Early-Scythian Culture (ESC) and Mid-Scythian culture (MSC). But we should refer to chronologically subsequent, rather than discreet phases of such development. So, the lacuna of the first half of the 6th century BC («the dark period» of Scythian history) is largely artificial, and in any case, is not absolute. This work has analysed the possibilities for its elimination.

In the second part of the 7th – 6th centuries BC, the term Scythia geographically was the widest concept. Besides this huge territory covering almost all Ukraine, Scythian and Scyth-type sites existed at that time in Transylvania, Alfurd, Northern Caucasus, Seim – and Volga basins. The 6th century BC in the Black Sea region was the time of Scythian expansion to the South and its consolidation as a military-political structure in the steppes between Danube and Don. The borders of neighboring Thracians are stabilized, too. Colonization archaic enclaves of Hellenes emerged.

The relative stability of such a multi-component geopolitical structure lasted until the border of the 4th and 3rd centuries BC.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А.П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. Вып.3. С.4-135.

Абрамов А. П., Сазонов Ю. С., 1992. Керамика трех подводных комплексов Патрея // БС. Вып. 1. С.147-172.

Агульников С.М., 1992. Исследование курганов у с. Котюжень // АИМ 1986. Кишинев. С.104-120.

Агульников С.М., Бубулич В.Г., 2000. Скифский курган 9 у с. Никольское на Нижнем Днестре // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. М-лы полевого семинара. Тирасполь. С.47-56.

Акимова Л.И., 1988. К проблеме «геометрического» мифа: шахматный орнамент // Жизнь мифа в античности. М-лы научной конф. «Випперовские чтения» вып. XVIII. Ч.1. М. С.60-97.

Акишев К.А., Акишев А.К., 1978. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата. С.38-64.

Александровский А.Л., 1989. Эволюция почв лесостепи как отражение колебаний климата в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М. С.62-67

Алексеев А. Ю., 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ №31. С.43-56.

Алексеев А. Ю., 1992. Скифская хроника (скифы в VII-V вв.до н.э.: историко-археологический очерк). СПб.

Алексеев А.Ю., 1996. Хронография европейской Скифии (VII-IV вв.до н.э.). Автореф. дис… докт ист. наук. СПб.

Алексеев А.Ю., 2000. Отклик на некоторые доклады. Материалы III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып.16. Азов. С.348-354.

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография европейской Скифии. СПб.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.

Алексеева И.Л., Булатович С.А., 1990. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. Одесса-Запорожье. С.35-48.

Алексеева И.Л., Охотников С.Б., Редина Е.Ф., 1997. Скифские погребения у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Тирасполь. С.48-55.

Андриенко В.П., 1989. Об относительной хронологии материалов поселения у с. Пожарная Балка // ПССАСП–1. С.8-9.

Андриенко В.П., 1992. О находках бронзовых стремявидных удил на поселении Пожарная Балка // Киммерийцы и скифы–2. ТДК. Мелитополь. С.8-9.

Андриенко В. П., 1992а. Комплекс начала скифского времени на поселении Пожарная Балка (раскоп 11) // ДАС. Вып.1. С.73-88.

Андриенко В. П., 1993. Продолжение исследований у с. Пожарная Балка // АДУ 1992 р. С.3-4.

Андриенко В. П., 2000. О нижней хронологической дате поселения Пожарная Балка // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк. С.100-101.

Андрух С.И., 1995. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в.до н.э. (этно-политический аспект). Запорожье.

Античные государства Северного Причерноморья, 1984. (Археол. СССР). М.

Антонова Е.В., 1981. Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) //Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М. С.5-21.

Арсланова Ф.Х., 1974. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата. С.46-60.

Арсланова Ф.Х., 1980. К датировке металлических изделий эпохи бронзы казахстанского Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата. С.82-95.

Артамонов М.И., 1974. Киммерийцы и скифы. Л.

Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. М. 1986.

Археология зарубежной Азии., 1986. М.

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. Древний Мингечаур. Баку.

Банару В., 1997. К вопросу об экономических связях населения Пруто-Днестровского междуречья с греческим миром (по данным греческого импорта с городища Бутучень) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. С.174-179.

Бандрівський М, Кобаль Й., Крушельницька Л., Павлів Д., Попович І., Сулик Р., Філіпчук М., Чопек С., 1993. Пам'ятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра і Прип'яті. Київ.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К., 1998. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г.Люботина // Люботинское городище. Харьков. С.143-182.

Барцева Т.Б., 1985. Химический состав наконечников копий Северного Кавказа VIII–VII вв.до н.э. // КСИА. Вып.184. С.42-49.

Барцева Т.Б., 1988. Бронзовые кинжалы Сержень-Юрта (итоги спектроаналитического изучения) // КСИА. Вып.194. С.23-29.

Барцева Т.Б., 1989. Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс «Красное Знамя») // Естественнонаучные методы в археологии. М. С.109-117.

Белинский А.Б., 1990. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА №4. С.190-195.

Березин Я.Б., Дударев С.Л., 1998. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.1. Археология. Ставрополь. С.167-209.

Березуцкий В.Д., 2002. Охранные раскопки курганов в Воронежской области // АО 2001. М. С.98-100.

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. №26.

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. №3. С.179-195.

Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Бессонова С.С., 1994. Курганы лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев. С.3-34.

Бессонова С.С., 1996. Глиняні жертовники лісостепового Подніпров'я ранньоскіфського часу // Археологія №4. С.25-40.

Бессонова С.С., 1999. Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. №1. С.148-160.

Бессонова С.С., Батуревич Є.Ю., 1998. Корчага кизил-кобинського типу з Мотронинського городища // АВУ 1997-1998. Київ. С.6-7.

Бессонова С.С., Романюк В.В., Скорый С.А., 1995. Зольник раннескифского времени из урочища Лысая Гора. Киев.

Бессонова С.С., Скорый С.А., 2000. Некоторые аспекты хозяйственной деятельности обитателей Мотронинского городища // Скифы и сарматы в VII–III вв.до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М. С.120-128.

Бессонова С.С., Скорый С.А., Романюк В.В., 2000. Раскопки Мотронинского городища в 1994 году // АВУ 1994-1996. Київ. С.10-11.

Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев-Краков.

Бидзиля В.И., Яковенко Э.В., 1974. Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА №1. С.148-159.

Бойко Ю.Н., 1999. Погребение скифского времени с деревянной стелой в кургане 16 Купьевахского могильника на Ворскле // ПССАСП-3. С.41-45.

Бокий Н.М., Ольховский В.С., 1994. Раннескифский курган на Днепровском Правобережье // РА. №2. С.151-163.

Боковенко Н.А., 1989. К вопросу о восточных импульсах в раннескифской культуре Северного Причерноморья // Скифия и Боспор. М-лы конф.памяти акад. М.И.Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С.79-80.

Боковенко Н.А., 1990. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения культурных типов) // Древние памятники Кубани. Краснодар. С.166-174.

Боковенко Н.А., 1992. К вопросу о сложении раннекочевнических культур Казахстана и Саяно-Алтая // Маргулановские чтения. М., С.137-139.

Боковенко Н.А., 1995. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб., С.85-90.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А., 1992. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., С.140-148.

Болтрик Ю.В., 2000. Основной торговый путь Ольвии в Днепровское лесостепное Правобережье // РА. №1. С.121-130.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А., 1983. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М.

Бонев А., 1988. Тракия и Егейският свят през втората половина на II хилядотие пр.н.е. // Розкопки и проучвания. Кн.XX. София.

Борзияк И.А., Манзура И.В., Левицкий О.Г., 1983. Коржевские курганы // АИМ 1979-1980. Кишинев. С.3-27.

Бочкарев В.С., 1986. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // ПАП. Днепропетровск. С.78-111.

Бруяко И.В., 1993. Лепная керамика греческого Никония // Древности Причерноморских степей. Киев. С.58-71.

Бруяко И.В., 1996. Финал горизонта «штампованной» керамики раннего железного века в украинской лесостепи // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава. С.280-285.

Бруяко И.В., 1999. Моллюски семейства Cyrtea и памятники раннескифской эпохи в Восточной Европе // ПССАСП-3. С.47-54.

Бруяко И.В., 1999а. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7–3 вв.до Р.Х. Волжск.

Бруяко И.В., 2004. Обновлённая схема гальштатской хронологии Центральной Европы и памятники раннего железного века юга Восточной Европы // ПССАСП-4 (в печати).

Бруяко И.В., Суничук Е.Ф., 1987. Лепная керамика поселения Овидиополь-I // Новые археологические исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев. С.129-134.

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г., 1991. Изменение уровня Чёрного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере (сер. Памятниковедение). №2. М. С.8-18.

Бруяко И.В., Ткачук М.Е., 1994. Бессарабия VII- I вв.до Р.Х. Цикл кросскультурных диалогов // ПССАСП-2. С.27-31.

Бруяко И.В., Гизер С.Н., Дзиговский А.Н., 1997. Новые памятники предскифской эпохи из Северо-Западного Причерноморья // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в.до н.э. – IV в.н.э.). Тирасполь. С.43-48.

Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И., 2001. Городище у с.Новосельское на Нижнем Дунае. Одесса.

Буркхардт Т., 1999. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы. М.

Вайнберг Б.И., 1979. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т.XI. С.7-78.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А., 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // ИАА. №2. С.23-44.

Ванчугов В.П., 1983. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев. С.88-101.

Ванчугов В.П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Ванчугов В.П., 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности Причерноморских степей. Киев. С.28-39.

Ванчугов В.П., 1998. Киммерийские погребения Южной Бессарабии (из коллекций Национального исторического музея) // Древнее Причерноморье. М-лы IV чтений памяти проф.Карышковского П.О. Одесса. С.36-41.

Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Тощев Г.Н., 1976. Охранные раскопки кургана у с.Траповка Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев-Одесса. С.214-224.

Ванчугов В.П., Островерхов А.С., 1984. Позднекиммерийский курган близ Одессы // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев. С.57-65.

Варенов А.В., 1999. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул. С.26-30.

Варфоломеев В.В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда. С.56-69.

Васић Р., 1974. Нека питања хронологије старијег гвозденог доба северног Балкана // Старинар. Т.XXII-1971. С.35-52.

Вахтина М.Ю., 1991. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород. С.3-12.

Винокур І.С., 1985. Історія лісостепового Подністров'я та Південного Побужжя. Київ-Одеса.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи // ТХАЭЭ. Т.VIII.

Волков В.В., 2001. Ранние кочевники Северной Монголии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., С.330-354.

Вульпе А., 1960. Вопросы в связи с концом раннежелезного века в свете раскопок в Фериджеле // Dacia. T.IV. P.181-199.

Вязьмітіна М.І., Покровська Є.Ф., 1956. Поселення VII–VI ст.до н.е. в околицях с.Жаботіна // АП УРСР. Т.VI. С.38-47.

Гавриленко І.М., Супруненко О.Б., 1995. Археологічні розвідки в Хоролі // ПАЗ №3. С.105-110.

Гаврилюк Н.А., 1979. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев. С.20-40.

Гаврилюк Н.А., 1996. Керамика внестепной группы в погребениях предскифского времени на территории Северного Причерноморья // между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс.до н.э. М-лы к конф. посв. 100-летию А.А.Иессена. СПб. С.118-121.

Гаврилюк Н.А., 1999. Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры (по материалам керамики) // ВДИ №1. С.85-97.

Гаврилюк Н.А., 1999а. История экономики Степной Скифии VI–III вв.до н.э. Киев.

Гаврилюк Н.А., 1999б. Скифия – «Великая» или «просто Скифия»? // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв.до н.э. ТДК. 100-летию Б.Н.Гракова. М. С.33-36.

Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М., 1982. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка-II // Древности Степной Скифии. Киев. С.75-90.

Гавриш П.Я., 1995. Розкопки на Більському Західному городищі // ПАЗ №3. С.72-78.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // САИ. Д1-33.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы // Степные народы Евразии. Т.I. М.

Ганіна О.Д., 1965. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте // Археологія. Т.XIX. С.106-117.

Ганіна О.Д., 1984. Поселення раньоскіфської доби поблизу с.Залісся // Археологія. №47. С.68-79.

Георгиева Р., Бъчваров И., 1994. Тракийски некропол при село Професор Иширково, Силистренско. Силистра.

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л., 1996. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.

Гольцева Н.В., Кашуба М.Т., 1994. О культурно-хронологической стратиграфии городища Глинжены II // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс.до н.э. – V в.н.э.). Тирасполь. С.165-168.

Гольцева Н.В., Кашуба М.Т., 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь.

Горбов В.Н., 1996. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). М-лы междун.конф. Ч.2. Донецк. С.13-21.

Горбов В.Н., Подобед В.А., 1996. О хронологической позиции памятников Камышеватского типа // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). М-лы междун.конф. Ч.2. Донецк. С.96-99.

Горбунова Н.Г., 2001. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М-лы междунар.конф. посв. 75-летию акад.Б.А.Литвинского. М., С.179-200.

Гордезиани Р.В., 1978. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси.

Городцов В.А., 1910. Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Грантовский Э.А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.

Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Клюшинцев В.Н., 1984. Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев. С.33-49.

Грюнебаум фон Г.Э.1986. Классический ислам. 600-1258 гг. М.

Грязнов М.П., 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып.XVIII. С.9-17.

Грязнов М.П., 1956. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып.61. С.8-16.

Грязнов М.П., 1966. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы // КСИА. Вып.108. С.31-34.

Грязнов М.П., 1966а. Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М-Л. С.233-238.

Грязнов М.П., 1970. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып.122. С.37-43.

Грязнов М.П., 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып.154. С.9-18

Грязнов М.П., 1980. Аржан: Царский курган раннесакского времени. Л.

Грязнов М.П., 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Вып.12. Кемерово. С.3-18.

Грязнов М.П., 1992. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археол. СССР). М., С.161-178.

Гумилев Л.Н., 1974. Хунны в Китае. М.

Гумилев Л.Н., 1990. Этногенез и биосфера Земли. Л.

Гусейнова М.А., 1989. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV–IX вв.до н.э.). Баку.

Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., 1998. Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї // АВУ 1997-1998. С.74-75.

Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О.Д., 2003. Результати досліджень курганів скіфського часу біля с.Теклівка на Поділлі //АВУ 2001-2002. Київ. С.90-92.

Гуцалов С.Ю., 1998. Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.II. Оренбург. С.127-136.

Дараган М.Н., 2003. Периодизация Жаботинского поселения // АВУ 2001-2002 рр. Київ. С.310-317.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Борисов А.В., 2001. Природная периодизация бронзового века Нижнего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. М-лы Междунар.научн.конф. Самара. С.368-371.

Демкин В.А., Демкина Т.С., 2003. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в степях Нижнего Поволжья в IV–II тыс.до н.э. // Чтения посв.100-летию деятельности В.А.Городцова в Государственно историческом музее. Тез.конф. ч.1. М. С.180-182

Деопик Д.В., Митяев П.Е., 1981. Методика анализа керамического декора // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М. С.122-149.

Дергачев В.А., 1979. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. №3. С.239-241.

Дергачев В.А., 1984. Курганы у с.Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев. С.3-36.

Дергачев В.А., Борзияк И.А., Манзура И.В., 1989. Рошканские курганы. Кишинев.

Дергачев В.А., Савва Е.Н., 2001-2002. Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка // STRATUM plus №2. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. С.526-562

Дзис-Райко Г.О., 1959. Ліпна кераміка з о.Березані VII–VI ст.до н.е. // МАПП (МАСП) Вип.2. С.36-43.

Дзис-Райко Г.А., 1966. Археологические исследования городища у села Надлиманское // МАСП. Вып.5. Одесса. С.163-175.

Диамант Э.И., 1984. О датировке Лузановского поселения // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев. С.83-88

Диамант Э.И., Черненко Е.В., 1971. Скифский кинжал из Одесского музея // АИУ 1968. Вып.3. С.159-160.

Добролюбский А.О., 1999. В поисках античной Одессы // STRATUM plus. №3. С.-Петербург-Кишинев-Одесса. С.241-259.

Древности Приднепровья, 1900. Вып.III. Киев.

Дубовская О.Р., 1989. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА №1. С.63-69.

Дубовская О.Р., 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // АА. №2. С.137-160

Дубовская О.Р., 1994. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // РА №2. С.15-29.

Дубовская О.Р., 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений степного Причерноморья // АА. №6. С.181-218.

Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Дударев С.Л., 1992. О связях Северного Кавказа с Закавказьем в начале I тысячелетия до н.э. (по материалам Пятигорья и Верхнего Прикубанья) // Киммерийцы и скифы-2. ТДК. Мелитополь. С.28-29.

Дударев С.Л., 1994. О хронологической позиции памятников новочеркасского типа // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средневековье. ТДК. Ростов-на-Дону. С.13-16.

Дударев С.Л., 1998. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ №4. С.77-93.

Дударев С.Л., 1998а. О хронологическом соотношении памятников черногоровского и новочеркасского типа из Северного Причерноморья // Музейні читання. Матеріали Міжнар. наукової конф. присвяч. 90-річчю О.І.Тереножкіна. Київ. С.101-105.

Дьяконов И.М., 1956. История Мидии. М-Л.

Дьяконов И.М., 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.

Дьяконов И.М., 1994. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА №1. С.108-116.

Дюмезиль Ж., 1990. Скифы и нарты. М.

Ерёменко В.Е., 1997. Относительная и абсолютная хронология Европейской Скифии: взгляд со стороны // STRATUM+Петербургский археологический вестник. СПб.-Кишинев. С.44-61.

Ермолаева А.С., 1987. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата. С.64-94.

Ефимова С.Г., 2000. Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии // Скифы и сарматы в VII–III вв.до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., С.39-44.

Завойкин А.А., 1992. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. №3. С.40-56.

Заец И.П., 1979. Курганный комплекс раннескифского времени у с.Тютьки Винницкой области // СА №1. С.256-260.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., Семенцов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М., 1996. Применение методов математической статистики для корреляции дендрохронологических и радиоуглеродных данных (по материалам элитных курганов Саяно-Алтая) // Археология и радиоуглерод. Вып.I. СПб., С.33-38.

Зверев Е.Ю., 2001/2002. Хронология культуры Басараби по данным орнаментации на керамической посуде // STRATUM plus. №3. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. С.224-254.

Золотарёв М.И., 1986. Херсонес и Ольвия в конце VI–II вв.до н.э. (проблемы взаимоотношений). Автореф.дис...канд. ист.наук. Л.

Золотун В.П. и др., 1984. Использование результатов изучения палеопочв для решения вопросов палеогеографии и эволюции почв юга УССР // История развития почв СССР в голоцене. ТДК. Пущино. С.225-227.

Иванов И.В., 1983. Изменение природных условий степной зоны в голоцене //Известия АН СССР. Сер.географич. №2. С.26-41.

Иванов И.В., Ковалёва И.Ф., 1984. Развитие почв и экологическая оценка изменения природных условий юга Украины в позднем и среднем голоцене // История развития почв СССР в голоцене. ТДК. Пущино. С.227-229.

Иванчик А.И., 1994. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. // ВДИ №3.

Иванчик А.И., 1995. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. II. // ВДИ №1. С.3-22.

Иванчик А.И., 1996. Киммерийцы (древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв.до н.э.). М.

Иванчик А.И., 1999. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ №2. С.77-97.

Иванчик А.И., 2001. Основание Синопы. Легенды и история в античной традиции // ВДИ №1. С.139-153.

Иванчик А.И., 2001а. Киммерийцы и скифы. «Степные народы Евразии» т.II. М.

Иванчик А.И., 2002. К вопросу о «переднеазиатских изображениях» евразийских номадов // История и языки Древнего Востока. Сб.памяти И.М.Дьяконова. СПб., С.102-118.

Иессен А.А., 1931. Северокавказские сосуды с изображением оленей // СГАИМК. Вып.2. С.14-18.

Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв.до н.э. на юге Европейской части СССР // СА №XVIII. С.49-110.

Иессен А.А., 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв.до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М. С.112-131.

Ильинская В.А., 1957. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра // КСИИМК. Вып.70. С.14-27.

Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Ильинская В.А., 1973. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин // СА №3. С.3-23.

Ильинская В.А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин (VII–VI вв.до н.э.). Киев.

Ильинская В.А., 1982. Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности степной Скифии. К., С.38-47.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И., 1980. Курганы VI в.до н.э. у с.Матусов // Скифия и Кавказ. Киев. С.31-63.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–V вв.до н.э. Киев.

Ильюков Л.С., Лукьяшко С.И., 1994. Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону // Донские древности №2. Азов. С.57-79.

Исмагилов Р.Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. №29. С.29-47.

Исмагилов Р.Б., 1992. Новое погребение эпохи раннего железа на Илеке // Маргулановские чтения 1990. М. С.143-146.

История древнего мира., 1983. Ранняя древность. (под ред. И.М.Дьяконова, В.Д.Нероновой, И.С.Свенцицкой). М.

Итина М.А., 1970. Из истории населения степной полосы среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы // КСИА. Вып.122. С.49-53.

Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья во II тыс.до н.э. // ТХАЭЭ. Т.Х.

Итина М.А., 1992. Ранние саки Приаралья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археол. СССР). М. С.31-47.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сыр-Дарьи. М.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001. Мавзолеи Северного Тагискена. М.

Кадырбаев М.К., 1966. Рец.: Черников С.С. Загадка Золотого кургана. М., 1965 // Изв. АН Каз.ССР. сер.общ. №3. С.79-82.

Кадырбаев М.К., 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата. С.21-36.

Качалова Н.К., 1989. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА. №1. С.33-47.

Кашуба М.Т., 1988. Глиняные штампы предскифского периода и вопросы «обособления» мастеров-керамистов // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. ТДК. М. С.115-116.

Кашуба М.Т., 1990. Памятники типа Сахарна-Солончены (историографический обзор) // Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы. Кишинев. С.53-66.

Кашуба М.Т., 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И.Крушельницкой // STRATUM plus. №3. С.369-388.

Кашуба М.Т., 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // STRATUM plus. №3. С.241-488.

Кашуба М.Т., 2000а. Заметки о формировании среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть в Днестро-Прутском междуречье // STRATUM plus. №3. С.140-156.

Кашуба М.Т., 2001. Предскифские древности Молдавии в трудах А.И.Мелюковой // РА №4. С.13-19.

Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г., 1999. Та самая Гетика или... четвертая? // ПССАСП-3. Запорожье. С.121-127.

Кетрару Н.А., Серова Н.Л., 1992. Исследование курганов в Дубэсарском районе // АИМ в 1986 г. Кишинев. С.141-171.

Кёнигсбергер Г., 2001. Средневековая Европа [illegible] 400-1500 гг. М.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.I. (культура населения в раннескифская время). Барнаул.

Клейн Л.С., 1999. Миграция: археологические признаки // STRATUM plus. №1. СПб.-Кишинев-Одесса. С.52-71

Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1987. О датировке черногоровских и новочеркасских памятников // Киммерийцы и скифы-1.ТДК.Кировоград.ч.I. С.73-75.

Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1989. О хронологии древностей черногоровско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск. С.61-71.

Клочко В.И., Скорый С.А., 1989. К вопросу о древнейших скифских памятниках в Восточной Европе // Скифо-сибирский мир. ТДК. Кемерово.

Клочко В.І., Скорий С.А., 1993. Курган №15 біля Стеблева у Пороссі // Археологія №2. С.71-84.

Клочко В.І., Ковалюх М.М., Мотзенбеккер І., 1998. Хронологія Суботівського городища // Музейні читання. М-ли Міжнар. наук. конф. присвяч. 90-річчю О.І.Тереножкіна. Київ. С.96-98.

Ковалёв А.А., 1996. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс.до н.э. М-лы конф.посв.100-летию А.А.Иессена. СПб., С.121-127.

Ковалёв А.А., 2000. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. С.138-179.

Ковалевская В.Б., 1977. Конь и всадник. М.

Ковалевская В.Б., 1990. Взаимосвязь понятий «археологическая культура» и «культурная традиция» // Археологические культуры и культурная трансформация. Л. С.48-52.

Ковпаненко Г.Т., 1957. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки // Археологія. т.XI. С.95-105.

Ковпаненко Г.Т., 1973. Бронзовый меч с Бельского городища // СА №4. С.248-249.

Ковпаненко Г.Т., 1977. Скифские курганы у с.Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. Киев. С.40-72.

Ковпаненко Г.Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р.Рось. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984. Погребение воина у с.Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев. С.39-58.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. // САИ В2 – 5. М.

Козенкова В.И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА №3. С.64-92.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ В2-5. М.

Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. // САИ В2 – 5. М.

Колотухін В.А., 1990. Кизил-кобинський посуд VIII – першої половини I ст.до н.е. // Археологія №2. С.68-86.

Колотухин В.А., 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начала железного века. Киев.

Колотухин В.А., 2000. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь.

Колтухов С.Г., 1998. Курган Кулаковского // ХСб. Вып.IX. С.17-24.

Копейкина Л.В., 1972. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана на Темиргоре // ВДИ. №1. С.147-159.

Копылов В.П., 1994. Греческая керамика из раннескифских погребений Нижнего Подонья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТДК. VII. Ростов-на-Дону. С.22-25.

Копылов В.П., 1996. Греческая колонизация и утверждение скифов в Северо-Восточном Приазовье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТДК. VIII. Ростов-на-Дону. С.33-36.

Копылов В.П., 2000. Население дельты Дона в V–IV вв.до н.э. // Скифы и сарматы в VII–IV вв.до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М. С.157-166.

Корпусова В.Н., 1980. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с.Филатовка // ВДИ №2. С.100-104.

Корпусова В.Н., 1984. Курганы у с.Целинное // Курганы степного Крыма. Киев. С.69-107.

Корпусова В.Н., Белозор В.П., 1980. Могила киммерийского воина у Джанкоя, в Крыму //СА. №3. С.238-246.

Красножон А.В., 1997. Раскопки на Приморском бульваре в Одессе // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. С.161-165.

Крис Х.И., 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ Д1-7.

Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

Крушельницька Л.І., 1976. Північне Прикарпаття і західна Волинь за доби раннього заліза. Київ.

Крушельницька Л.І., 1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. Київ.

Крушельницкая Л.И., 1987. Восточнокарпатский солеварный центр предскифского периода // Киммерийцы и скифы-1. ТДК. Кировоград. Ч.I. С.88-90.

Крушельницька Л.І., 1998. Чорноліська культура Середнього Придністров'я. Львів.

Круц С.И, 2002. Антропологические материалы к киммерийской проблеме // Сучасні проблеми археології. Київ. С.113-115.

Круц С.І., 2002а. Антропологічні дані до кіммерійської проблеми // Археологія. №4. С.13-29.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.

Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т., 1985. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА №4. С.144-154.

Кузнецова Т.М., 1994. Припонтийский регион в период скифской архаики // БС. №4. С.5-11.

Кузнецова Т.М., 2002. Зеркала Скифии VI–III вв.до н.э. Т.I. М.

Кузьмина Е.Е., 1986. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // ПС. Т.IV. С.169-228.

Кузьмина Е.Е., 1999. Предыстория Великого Шелкового пути: контакты населения Евразийских степей и Синьцзяна в эпоху бронзы // ВДИ. №1. С.163-177.

Куклина И.В., 1985. Этногеография Скифии (по античным источникам). Л.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б., 2002. Ранньоскіфський курган поряд з Більським городищем // ССПіК. Т.Х. Запоріжжя. С.155-173.

Курманкулов Ж.К., 1989. Новые материалы VIII–VII вв.до н.э. из Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Алма-Ата. С.145-147.

Курочкин Г.Н., 1993. Миграции индоиранских народов II–I тыс.до н.э.: перемещения вещей, идей и людей // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. ТД. СПб., С.22-24.

Курочкин Г.Н., 1993а. Свернувшийся в кольцо хищник и «летящий» олень (генезис и развитие ведущих образов скифо-евразийского звериного стиля) // Античная цивилизация и варварский мир. Ч.II. Новочеркасск. С.92-104.

Курочкин Г.Н., 1994. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным // РА. №1. С.117-122.

Курочкин Г.Н., 1994а. «Генератор» кочевых народов в Центральной Азии и механизм его функционирования // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул. С.87-92

Курочкин Г.Н., Субботин А.В., 1993. Боевые чеканы (клевцы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир. ч.II. Новочеркасск. С.59-64.

Кызласов Л.Р., 1978. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА вып.154. С.25-30.

Лапушнян В.Л., 1977. Киммерийский кинжал из с.Березки в Молдавии // Скифы и сарматы. Киев. С.37-39.

Лапушнян В.Л., 1979. Ранние фракийцы X – начала IV в.до н.э. лесостепной Молдавии. Кишинев.

Лапушнян В.Л., Никулицэ И.Т., Романовская М.А., 1974. Памятники раннежелезного века // Археологическая карта МССР. Вып.4. Кишинев.

Левицкий О.Г., 1990. Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II – I тыс.до н.э. (памятники каннелированного гальштата типа Кишинев-Корлэтень). Автореф.дис…канд.ист. наук. Л.

Левицкий О.Г., 2002. Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге миров // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.

Левицкий О.Г., Демченко Т.И., 1995. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // ДСПиК. Вып.5. Запорожье. С.41-53.

Лесков А.М., 1965. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев.

Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «крыши мира». М.

Лосев А.Ф., 1960. Гомер. М.

Лосев А.Ф., 1988. Типы античного мышления // Античность как тип культуры. М., С.78-104.

Лосев А.Ф., 1991. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура (Сб.трудов А.Ф.Лосева). М. С.21-186.

Лотман Ю.М., 1992. Культура и взрыв. М.

Лукашов А.В., 1984. Новый памятник VIII-VII вв.до н.э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С.157-161.

Лукьяшко С.И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Вып.7. Азов.

Ляпушкин И.И., 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. №104.

Ляшко С.Н., Отрощенко В.В., 1988. Балковский курган // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев.- С.40-64.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максимова А.Г., 1960. Курганы сакского времени могильника Джуван-тобе // КСИИМК. Вып.80. С.60-64.

Максимова М.И., 1956. Античные города юго-восточного Причерноморья.М-Л.

Малеев Ю.Н., 1987. Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев. С.86-101.

Малеев Ю.Н., 1992. Гальштатские элементы вооружения в междуречье Днестра и Прута // Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów. P.191-198.

Малеєв Ю.М., Томенчук Б.П., 1990. Гальштатські мечі з Івано-Франківського музею // Археологія №3. С.114-117.

Мандельштам А.М., 1972. История скотоводческих племён и ранних кочевников на юге Средней Азии. Автореф.дисс... докт.ист.наук. М.-Л.

Манзура И.В., 2000. Владеющие скипетрами // STRATUM plus №2. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. С.237-295.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Марсадолов Л.С., 1981. Памятники ранних кочевников в Усть-Кюме на Алтае (по раскопкам Г.П.Сосновского и Г.П.Сергеева) // АСГЭ. №22. С.11-22.

Марсадолов Л.С., 1988. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // АСГЭ. №29. С.65-81.

Марсадолов Л.С., 1996. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV вв.до н.э. (от истоков до начала 80х гг.XX века). СПб.

Марсадолов Л.С., 1998. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII- V вв.до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул. С.5-24.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М., 1996. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Археология и радиоуглерод. Вып.I. СПб., С.24-32.

Марченко К.К., 1976. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII-VI вв.до н.э. (по материалам раскопок 1953-1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М. С.157-165.

Марченко К.К., 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л.

Марченко К.К., 1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII- I вв.до н.э. (проблемы, контакты, взаимодействия). Автореф.дис...докт.ист.наук. Л.

Марченко К.К., 1993. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье V в.до н.э. // ПАВ №7. С.43-48.

Марченко К.К., 1999. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V–IV вв.до н.э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // STRATUM plus. №3. СПб.-Кишинев-Одесса. С.145-172.

Марченко К.К., Соловйов С.Л., 1988. Нова група ліпної кераміки Нижнього Побужжя пізньоархаїчного часу // Археологія. №63. С.56-59.

Марченко К.К., Вахтина М.Ю., 1997. «Древняя Скифия» и Северо-Западное При-

черноморье // HYPERBOREUS. vol.3. fasc.1. С.179-185.

Марченко К.К., Доманский Я.В., 1999. Два поселения Нижнего Побужья архаического времени // STRATUM plus №3. СПб.-Кишинев-Одесса. С.26-74.

Маслов В.Е., 1991. Новые находки из окрестностей Кисловодска // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. С.48-55.

Маслов В.Е., Петренко В.Г., 1998. Курган №12 могильника Новозаведенное-II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.1. Археология. Ставрополь. С.210-227.

Массон В.М., 1956. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А.Куфтина // Тр.ЮТАКЭ. Т.7.

Массон В.М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. №73.

Массон В.М., 1966. На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс.до н.э. // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л. С.179-192.

Массон В.М., 2002. О трёх эпохах в древней истории евразийских степей // Степи Евразии в древности и средневековье. М-лы Междунар.научн.конф.посв.100-летию М.П.Грязнова. ч.I. СПб. С.54-55.

Массон В.М., 2003. Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие. Бишкек-Илим.

Махортых С.В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.

Махортых С.В., 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.

Махортых С.В., 1994а. Об уздечных принадлежностях юга Восточной Европы предскифского времени // ПССАСП-2. Запорожье. С.123-125.

Махортих С.В., 1996. Скарби VIII–VII ст.до н.е. на півдні Східної Європи // Археологія. №4. С.9-24.

Махортых С.В., 1996а. К проблеме хронологии раннескифской культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. ТДК. М. С.114-116.

Махортых С.В., 1998. Киммерийцы и Древний Восток // ВДИ №2. С.95-104.

Махортих С.В., Скорий С.А., 1986. Мечі та кинджали скіфського типу без навершів // Археологія №56. С.72-78.

Махортых С.В., Иевлев М.М., 1991. О путях и времени формирования раннекочевнических объединений на юге европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., С.18-30.

Махортых С.В., Черненко Е.В., 1994. Киммерийский памятник в Присивашье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья Vтыс.до н.э. – V в.н.э. М-лы Междунар.конф. Тирасполь. С.152-154.

Махортых С.В., Черненко Е.В., 1995. О кавказских «пектораляx» VIII–VII вв.до н.э. // РА №2. С.21-28.

Махортых С.В., Колесник О.О., 1998. Древневосточные бляшки-розетки из Черкасской области // Музейні читання. М-ли Міжнародної наукової конф. присвяч. 90-літтю О.І.Тереножкіна. Київ. С.139-143.

Махортых С.В., Колесник О.О., 1999. Об одном древневосточном импорте из Черкасской области // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, С.163-167.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.

Медведская И.Н., 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Передней Азии и Казахстана // СА. №3. С.76-89.

Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА №3. С.86-107.

Медведская И.Н., 1994. Заключение по дискуссии // РА №1. С.123-133.

Мелетинский Е.М., 1976. Поэтика мифа. М.

Мелюкова А.И., 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. Вып.51. С.60-73.

Мелюкова А.И., 1955. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы (критический обзор) // СА. Т.XXII. С.239-253.

Мелюкова А.И., 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА №64. С.5-102.

Мелюкова А.И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.

Мелюкова А.И., 1981. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончены в Молдавии // КСИА. Вып.170. С.3-12.

Мелюкова А.И., 1989. Скифообразные памятники в средней Европе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археол. СССР). М. С.87-91.

Мелюкова А.И., 1998. К вопросу о датировке раннескифских стрел // Музейні читання. М-ли Міжнародної наукової конф. присвяч. 90-літтю О.І.Тереножкіна. Київ. С.108-111.

Мелюкова А.И., 1999. К вопросу о восточноевропейских кочевниках на территории Средней Европы в начале железного века // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв.до н.э. ТДК. 100-летию Б.Н.Гракова. М. С.87-91.

Мелюкова А.И., 2001. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота) // РА. №4. С.20-32.

Мещанинов И.И., 1929. Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет // Изв.ООИА. №8. вып.II. С.3-15.

Мирчев М., 1962. Раннотракийският могилен некропол при с.Равна // ИАИ. Т.XXV. С.97-162.

Мирчев М., 1963. Тракийски могилен некропол при с.Проф.Златарски // ИВАД. кн.XIV. С.1-15.

Монахов С.Ю., 1996. Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТДК. VIII. Ростов-на-Дону. С.38-45.

Монахов С.Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. (комплексы керамической тары). Саратов.

Монахов С.Ю., 1999а. Торговые связи в Причерноморье (по материалам греческой керамической тары VII–II вв.до н.э.). Автореф.дисс...докт.ист.наук. 07.00.06. Саратов.

Монахов С.Ю., 1999б. Заметки по локализации керамической тары. II: Амфоры и амфорные клейма полисов Северной Эгеиды // АМА. Вып.10. Саратов. – С.129-148.

Моруженко А.А., 1986. Скифские погребения в бассейне Ворсклы // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск. С.111-119.

Моруженко А.А., 1988. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р.Ворсклы // СА №1. С.33-52.

Мошкова М.Г., 2000. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VII–IV вв.до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М. С.201-215.

Мурзин В.Ю., 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.

Мурзін В.Ю., Ролле Р., 1995. Спільні дослідження археологів України та Німеччини у Більську // ПАЗ №3.- С.50-56.

Мухопад С.Е., 1988. Расписная родосско-ионийская амфора из кургана у с.Шандровка в Приорелье // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск. С.110-117.

Нефёдкин А.К., 2000. Основные этапы развития боевых колесниц в древности // Взаимодействие культур и цивилизаций. Сб. в честь юбилея В.М.Массона. СПб., С.116-126.

Нефёдкин А.К., 2001. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв.до н.э.). СПб.

Николов Б., 1965. Тракийски паметници във Врачанско // ИАИ. Т.XXVIII. С.166-172.

Никоноров В.П., 2002. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО т.I (XXVI). С.223-323

Никулицэ И.Т., 1977. Геты IV–III вв.до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев.

Никулицэ И.Т., 1987. Северные фракийцы в VI–I вв.до н.э. Кишинев.

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А., 2002. Исследования на многослойном поселении у с.Чобручи (по материалам раскопок 2001 года) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс.до н.э. – V в.н.э.). М-лы III Междунар.конф.Тирасполь. С.248-250.

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А., 2002а. Фракийский горизонт на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье (по материалам исследований 2001 г.) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь. С.206-216.

Ничик А., Аилинкэй С., 2003. К вопросу о технике нанесения штампованного декора на раннегальштатской лощёной столовой керамике Карпато-Дунайско-Понтийского региона // УКЖ №1. С.97-107.

Новгородова Э.А. 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Ольховский В.С., 1990. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // РА №3. С.113-123.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв.до н.э.). М.

Ольховский В.С., 2000. Идея антропоморфности в монументальной скульптуре степной Евразии эпохи раннего железа // Скифы и сарматы в VII–IV вв.до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М. С.220-230.

Ольховский В.С., 2001. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа, как исторический источник. Автореф. дис…докт.ист.наук. М.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв.до н.э. М.

Онайко Н.А., 1980. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.

Оранский И.М., 1979. Введение // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М. С.10-128.

Осокин И.В., 1994. Памятники Чернолесской культуры Левобережья Среднего Поднестровья (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1953-1954 гг.) // ПАВ №9. С.104-108.

Отрощенко В.В., 1994. О погребениях черногоровского типа в Нижнем Подонье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып.13. Азов. С.103-117.

Отрощенко В.В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ.

Отрощенко В.В., Шевченко Н.П., 1987. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев. С.131-144.

Охотников С.Б., 1984. Скифский меч из г.Котовска Одесской области // Древнее Причерноморье. Киев. С.112-113.

Охотников С.Б., 1987. Скифские памятники VI–V вв.до н.э. Дунайско-Пруто-Днестровского междуторья // Киммерийцы и скифы-1. ТДК. Кировоград. Ч.II. С.43-44.

Охотников С.Б., 1990. Нижнее Поднестровье в VI–V вв.до н.э. Киев.

Панцхава Л.Н., 1987. Некоторые вопросы изучения колхидской и кобанской культур // КСИА. Вып.192. С.48-53.

Парцингер Г., 1998. Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии // ВДИ. №2. С.104-115.

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю., 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.

Пересветов Г.Ю., Куропятникова С.В., 2002. Тасмолинское погребение у станции Шидерты // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар. С.126-130.

Петренко В.Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М. С.60-81.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 1999. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв.до н.э. ТДК. М. С.114-118.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–IV вв.до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М. С.238-248.

Петрунь В.Ф., 2000. О белых инкрустационных пастах керамики трипольских и некоторых других памятников территории Украины и сопредельных стран // STRATUM plus №2. СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест. С.474-482.

Пиотровский Б.Б., Иессен А.А., 1940. Моздокский могильник. Л.

Погребова М.Н., 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.

Погребова М.Н., 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.

Погребова М.Н., 1993. О принципах датировки скифской архаики // РА. №2. С.84-88.

Погребова М.Н., 2001. Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в.до н.э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М-лы Междунар.научн.конф.посв.75-летию Б.А.Литвинского (Москва 14-16 октября 1998 г.). М., С.317-333

Погребова М.Н., 2002. К формированию культуры эпохи поздней бронзы в Восточном Закавказье // История и языки Древнего Востока. Сб.памяти И.М.Дьяконова. СПб., С.232-248.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1997. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 2001. «Уйгаракский аргумент» в контексте дискуссии о генезисе звериного стиля скифской эпохи // РА №4. С.45-52

Полидович Ю.Б., 1991. Об одной серии изображения свернувшегося хищника V в.до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс.до н.э. – V в.н.э.). Киев. С.176-177.

Полидович Ю.Б., 1994. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // РА №4. С.63-78.

Полін С.В., 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. №59. С.17-36.

Полін С.В., 1996. Про хронологію ранньоскіфської культури // Археологія №4. С.115-126.

Полин С.В., 1998. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н.Медведской) // РА. №4. С.50-63.

Поляков А.В., 2002. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. М-лы Междунар.научн.конф. посв.100-летию М.П.Грязнова. СПб. Кн.I. С.209-213.

Попович І.І., 1985. Курган кушгановицької культури в с.Невицьке на Закарпатті // Археологія. №50. С.50-62.

Попович И.И., 1990. Памятники кушгановицкой культуры // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза, раннее железо). Киев. С.157-162.

Потапов В.В., 1998. Погребения белозерского хронологического горизонта в бассейне Нижнего Дона и Северо-Восточном Приазовье // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. ТД. Ростов-на-Дону. С.61-63.

Потапов В.В., 2002. Об одной группе погребений из Саратовского Поволжья // Степи Евразии в древности и средневековье. М-лы Междунар.научн.конф.

посв.100-летию М.П.Грязнова. СПб., ч.I. С.213-216.

Потапов В.В., 2003. Памятники финала поздней бронзы степного Подонья: проблемы культурной атрибуции // Чтения посв.100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМе. Тез.конф. ч.I. М., С.160-163.

Потапов В.В., 2003а. К вопросу об относительной хронологии нурских стоянок // РА. №1. С.117-123.

Пропп В.Я., 2000. Исторические корни волшебной сказки. М.

Прушевская Е., 1917. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. №63. С.31-58.

Пшеницына М.Н., 1997. Новые памятники раннетагарской эпохи на юге Хакассии // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., С.33-37.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1997. Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР №1. С.62-70.

Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.

Раевский Д.С., 1993. О логике построения раннескифской хронологии // РА №2. С.79-84.

Раевский Д.С., 1995. Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. №4. С.87-96.

Раунер Ю.Л., 1981. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР. Сер.географич. №6. С.5-22.

Розенфельдт Р.Л., 1955. Алчедарские курганы // ИМФАН. №5(25). С.121-125.

Ростовцев М.И., 1918. Эллинство и иранство на Юге России. Пг.

Рубан В.В., 1990. О хронологии красноглиняных амфор с коническими ножками VII–V вв.до н.э. // КСИА. №197. С.12-19.

Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.

Рудинський М., 1949. Мачухська експедиція Інституту археології (1946) // АП УРСР. Т.II. С.53-79.

Рузанова В.Д., 1999. Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА №4. С.24-37.

Русяева А.С., 1999. Проникновение эллинов на территорию Украинской Лесостепи в архаическое время (к постановке проблемы) // ВДИ. №4. С.84-97.

Сабурова М.А., Ягодин В.Н., 1964. Литейная форма из Хорезма // СА №1. С.304-307.

Савинов Д.Г., 1991. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. ТД. Барнаул. С.93-96.

Савинов Д.Г., 1992. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан, его компоненты и аналогии // Северная Евразия от древности до средневековья. ТД. СПб., С.108-112.

Савинов Д.Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.

Савинов Д.Г., Членова Н.Л., 1980. Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА вып.162. С.3-12.

Сагдуллаев А.С., 1989. Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I // СА. №2. С.49-65.

Сазонов А.А., 1996. К вопросу о связях племен Закубанья и Подонья в эпоху поздней бронзы – начала раннего железа // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). М-лы Междунар. конф. Ч.I. Донецк. С.116-119.

Сазонов А.А., 1997. К вопросу о хронологии протомеотских колесничных наборов в эпоху киммеро-скифских походов // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., С.86-91.

Сенаторов С.Н., 2000. Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе //АВ №7. С.159-163.

Сергеев Г.П., 1960. Скифский кинжал из Олонештского района Молдавской ССР // ЗОАО. Т.I. Одесса. С.262-265.

Сергеев Г.П., 1961. Погребение скифского воина // Тр.ГИКМ за 1960 г. Кишинев. С.137-140.

Серова Н.Л., Яровой Е.В., 1987. Григориопольские курганы. Кишинев.

Сидорова Н.А., 1962. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. №103. С.94-148.

Скорий С.А., 1990. Курган Перепʼятиха.Київ.

Скорый С.А., 1990а. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли // СА. №1. С.34-41.

Скорий С.А., 1991. До питання про «культурну належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу // Археологія №3. С.14-25.

Скорый С.А., 1994. Киммерийцы и автохтонное население лесостепи: характер контактов // ПССАСП-2. Запорожье. С.173-175.

Скорый С.А., 1999. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев.

Скорый С.А., Клочко В.И., 1989. Рец.: Chochorowski J. Die Vekerzug-Kulture: Charakteristic der Funde. Warszawa, Krakow. 1985 // СА. №2. С.262-267.

Скуднова В.М., 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.

Смирнов К.Ф., 1957. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. Т.XXVII. С.209-221.

Смирнова Г.И., 1977. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин // СА №4. С.94-107.

Смирнова Г.И., 1979. Курганы у с.Перебыковцы – новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // Тр.ГЭ. т.XX. С.37-67.

Смирнова Г.И., 1980. Население Среднего Поднестровья в VI–V вв.до н.э. и его западные соседи // Actes du IIe Congrès International de Thracologie (Bucarest, 4-10 septembre 1976). Part I. Bucureşti. P.235-251.

Смирнова Г.И., 1982. Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л. С.30-53.

Смирнова Г.И., 1983. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ №23. С.60-72.

Смирнова Г.И., 1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре // АСГЭ №25. С.43-60.

Смирнова Г.И., 1985. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА №4. С.33-53.

Смирнова Г.И., 1985а. Поселение у с.Днестровка – памятник чернолесской культуры на Днестре // АСГЭ №26. С.5-29.

Смирнова Г.И., 1989. Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II – первой половине I тыс.до н.э. (по материалам Западно-Украинской экспедиции) // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л. С.19-32.

Смирнова Г.И., 1990. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тысячелетия до н.э. Автореф.дис...докт. ист.наук. 07.00.06. Киев.

Смирнова Г.И., 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА №2. С.101-118.

Смирнова Г.И., 1993а. Время появления скифов в Карпатском регионе // Actes du XII Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Bratislava (1991). P.198-203.

Смирнова Г.И., 1996. Предварительные данные о Немировском городище (по первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок) // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава. С.183-198.

Смирнова Г.И., 1998. Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ т.VI. Симферополь. С.77-121.

Смирнова Г.И., 1998а. О работах на раннескифском поселении у с.Долиняны в 1985 и 1987 гг. // АСГЭ. №33. С.33-48.

Смирнова Г.И., 1999. О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв.до н.э.) // ПСАСП-3. Запорожье. С.241-244.

Смирнова Г.И., 1999а. Еще раз о кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья // АСГЭ. №34. С.44-57.

Смирнова Г.І., Войнаровський В.М., 1994. Мошанецький скарб бронз киммерійського типу з Середнього Подністров'я // Археологія. №1. С.137-141.

Смирнова Г.И., Кашуба М.Т., 1988. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре // АСГЭ №29. С.18-28.

Соловьев С.Л., 1995. Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ №32. С.31-39.

Соловьев С.Л., 2000. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб. С.94-111.

Соловьев С.Л., 2000а. Архаическая Березань (историко-археологический очерк) // АВ №7. С.291-308.

Сорокин С.С., 1966. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. №8. С.39-60.

Спицын А.А., 1911. Скифы и Гальштат // Сб. археологич. статей, поднесенных графу А.А.Бобринскому. СПб., С.155-168.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время., 1989. (Археология СССР). М.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992. (Археология СССР). М.

Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М., 1970. Курганы у с.Огородное // МАСП №6. Одесса. С.130-155.

Субботин Л.В., Черняков И.Т., Ядвичук В.И., 1976. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья // МАСП №8. Киев. С.186-201.

Субботин Л.В., Охотников С.Б., 1981. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев. С.102-116.

Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф., 1992. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Препринт. Одесса.

Суничук Е.Ф., 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев. С.38-45.

Супруненко О., Золотницький Б., Кулатова І., 1996. Кургани біля с.Карпусі під Полтавою. Полтава. 88 с.

Табалдиев К.Ш., 1996. Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек. С.172-177.

Тасић Н., 1983. Југословенско Подунавље од индоевропске сеобе до продора скита. Нови Сад-Београд.

Тереножкин А.И., 1952. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (Чернолесский этап) // ВССА. М. С.94-111.

Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Тереножкін О.І., 1978. Кіммерійські стели // Археологія №27. С.12-22.

Терехова Н.Н., 1996. Черный металл из предскифских комплексов Прикубанья и Пятигорья: проблема культурных контактов // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. ТДК. С.145-146.

Техов Б.В., 1973. О появлении и развитии кавказской дугообразной фибулы // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. С.141-149.

Техов Б.В., 1981. Тлийский могильник. Ч.II. (комплексы IX – первой пол.VII вв.до н.э.). Тбилиси.

Техов Б.В., 1988. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси.

Тишкин А.А., Папин Д.В., 1998. Комплекс вооружения раннескифского времени

на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. М-лы Междунар.конф. СПб., (2-5 сентября 1998 г.) С.179-182.

Ткачук М.Е., 1995. Гетика. Культурогенез и культурная трансформация в Карпато-Дунайских землях в VI–II вв.до н.э. Автореф.дис…канд.ист.наук. СПб.

Ткачук М.Е., 1996. Археология свободы. Кишинев.

Ткачук М.Е., 1997. Nerusskaya идея. Опыт патриотической герменевтики // Стратум: Структуры и катастрофы. СПб. С.240-266.

Ткачук М.Е., 1998. Гетика. Археология имени. // Revista arheologică. №.2. Chişinău. P.60-86.

Ткачук М.Е., 1999. Гетика, которую мы потеряли. (Из антологии хронологических разрывов) // STRATUM plus. №3. С.274-304.

Толстов С.П., Итина М.А., 1966. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. №2. С.151-175.

Тощев Г.Н., Редина Е.Ф., 1991. Курганная группа у села Помазаны Одесской области // ДСПиК. Вып.II. Запорожье. С.95-104.

Тохтасьев С.Р., 1993. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА №2. С.89-97.

Тохтасьев С.Р., 1999. Источниковедческие проблемы истории киммерийцев. Автореф.дис…канд.ист.наук. 07.00.09. СПб.

Фіалко О.Є., 2003. Трилопатеві предмети з пам'яток скіфського часу // Магістеріум. Вип.11 (археологічні студії). Київ. С.40-46.

Фрейденберг О., 1936. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л.

Фрейденберг О.М., 1978. Миф и литература древности. М.

Хабдулина М.К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алма-Аты.

Хабдулина М.К., Рубе А.А., 1984. Кинжал раннесакского времени из Петропавловского Приишимья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С.227-231.

Хейзинга Й., 1988. Осень средневековья. М.

Хохоровски Я., 1994. Хронология киммерийских памятников в Средней Европе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс.до н.э. – V в.н.э.). М-лы Междунар.конф. Тирасполь. С.156-161.

Хохоровски Я., 1994а. Скифские набеги на территорию Средней Европы // РА. №3. С.49-64.

Храпунов И.Н., Власов В.П., 1995. Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь. С.3-31.

Чвырь Л.А., 1996. Проблема оседло-кочевнического диалога в древней Средней Азии (мнения археологов и комментарий этнографа) // Азия – диалог цивилизаций. СПб., С.383-433.

Чеботаренко Г.Ф., 1969. Некоторые редкие находки второй половины I-го тысячелетия до н.э. с поселения Калфа // Тр.ГИКМ. Кишинев. Т.II. С.58-60.

Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П., 1989. Курганы Буджакской степи. Кишинев.

Чеботаренко Г.Ф., Субботин Л.В., 2000. Позднегальштатское городище Хыртопул Маре // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. М-лы полевого семинара. Тирасполь. С.128-134.

Черненко Є.В., 1999. Рец.: Скорый С.А. Стеблев: Скифский могильник в Поросье. К., 1997.- 173 с. // Археологія. №1. С.184-185.

Черненко Є.В., Недопако Д.П., 1992. Передскіфський бронзовий меч з Київщини // Стародавне виробництво на території України. Київ. С.79-81.

Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА №35. С.7-71.

Черных Е.Н., 1978. Горное дело и металургия в древнейшей Болгарии. София.

Черных Е.Н., 1984. Общность культур валиковой керамики Евразии (к постановке проблемы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М. С.246-258.

Черняков И.Т., 1971. Новые находки эпохи бронзы и раннего железа на Одещине // АИУ 1968. Вып.III. Киев. С.136-138.

Черняков И.Т., 1983. Древнейшие металлические псалии позднебронзового века в Северном Причерноморье // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев. С.32-47.

Черняков И.Т., Новицкий Е.Ю., 1987. Погребение раннежелезного века с деревянными конструкциями // СА №4. С.151-157.

Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. №182.

Членова Н.Л., 1973. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // СА. №2. С.191-204

Членова Н.Л., 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск. С.4-42.

Членова Н.Л., 1997. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.

Шарафутдинова Э.С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону // САИ В1 – 11 . Л.

Шарафутдинова Э.С., 1991. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. Л. С.70-91.

Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р., 1987. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово. С.27-38.

Шер Я.А., 2002. М.П.Грязнов и некоторые вопросы археологии ранних кочевников // Степи Евразии в древности и средневековье. М-лы Междунар.научн.конф. посв.100-летию М.П.Грязнова. СПб., ч.I. С.78-82.

Шовкопляс І.Г., 1952. Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі // АП УРСР. Т.IV. С.5-11.

Шовкопляс І.Г., 1956. Середньодністровська експедиція 1949-1951 рр. // АП УРСР. Т.VI. С.29-37.

Шпенглер О., 1998. Закат Европы. Образ и действительсть. Минск.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Шрамко Б.А., 1996. Раскопки В.А.Городцова на Бельском городище в 1906 г. (по материалам коллекции ГИМ) // Більське городище в контексті вивченні пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава. С.29-54.

Шрамко Б.А., 1998. Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков. С.9-131.

Шульга П.И., 1998. Раннескифская упряжь VII – нач.VI вв.до н.э. по материалам погребения на р.Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул. С.25-49.

Щеглов Д.А., 1998. Массагетский поход Кира Великого (локализация и историческая интерпретация) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. М-лы Междунар.конф. СПб. С.114-118.

Щербакова Т.А., 1997а. Позднеархаический горизонт поселения Чобручи на Нижнем Днестре // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. С.167-170.

Щербакова Т.А., 1997б. К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III – первой четверти II вв.до н.э. // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в.до н.э. – IV в.н.э.). Тирасполь. С.19-22.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в.до н.э. – I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.

Энгельс Ф., 1959. Кавалерия // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т.14. С.296-325.

Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. С.31-47.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Эрлих В.Р., 2000. Относительная и абсолютная хронология Ульских курганов // Таманская старина. Вып.3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв.до н.э.). Т.Д. СПб. С.77-78.

Яблонский Л.Т., 1996. К проблеме формирования краниологического типа древнейших скотоводов Средней Азии и Казахстана // ЭО. №6. С.45-52.

Яворницкий Д.И., 1990. История запорожских козаков. Т.1. Киев.

Яковенко Э.В., 1972. Курган на Темир-горе // СА. №3. С.259-267.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., 1994. Курган предскифского времени у пгт Слободзея // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс.до н.э. – V в.н.э.). М-лы Междунар.конф. Тирасполь. С.155-156.

Яровой Е.В., Бруяко И.В., 2000. Комплекс предскифского времени у с.Пуркары в Нижнем Поднестровье (к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе) // STRATUM plus №3. С.157-170.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В., 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея (монография) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь. С.279-342

Alexandrescu P., 1976. Pour une chronologie des VI–IV siecles // Thraco-Dacica. T.I. nr.1-2. P.117-126.

Alexandrescu P., 1977. Les modeles grecs de la ceramique Thrace tourneè // Dacia. T.XXI. P.113-137.

Alexandrescu P., 1988. Geten, Skythen und die Chora von Histria in archaischer Zeit // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв.до н.э. М-лы IV Всесоюзн. симп. по древней ист. Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985. Тбилиси. С.281-294.

Antonescu-Ioviţa S., 1982. Un akinakes descoperit la Lichitişeni, com.Vultureni, jud.Bacău // SCIVA. T.33. nr.1. P.134-135.

Aricescu A., 1965. Cazanul scitic de la Castelu // SCIV. T.16. nr.3. P.565-570.

Arnăut T., 2003. Vestigii ale sec.VII–III a.Chr. în spaţial de la răsărit de Carpaţi. Chişinău.

Backhuisen S.C., 1977. Greek steel // WA vol.9, nr.2. P.220-234.

Baratov S., 2001. Fergana und das Syr-Dar'ja Gebiet im späten 2. und frühen 1. Jahrtausend v.Chr. // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. Zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internat.Kolloq.Berlin, 23 bis 26 November 1999. Hrsg. R.Eichmann und H.Parzinger. Bonn. S.161-179.

Berciu D., 1957. Descoperirile getice de la Cernavoda (1954) şi unele aspecte ale începutului formării culturii Latene geto-dace la Dunărea de Jos // MCA. vol.IV. P.281-317.

Berciu D., 1963. Neue skythische Funde aus Rumänien und Bulgarien // PZ. XLI. S.190-199.

Berciu D., Preda C., 1961. Săpăturile de la Tariverde // MCA. T.VII. P.273-281.

Bokovenko N.A., 1996. Asian influence on European Scythia // Ancient civilisations from Scythia to Siberia. vol.3. №1. P.97-122.

Bonev A., 2000. Encrusted Pottery Culture along the Lower Danube (on the example of Orsoya cemetery) // Technology, Style and Society. Contributions to the Innovations between the Alps and the Black Sea in Prehistory. Ed. Lolita Nikolova. BAR. Intern.Ser., 854. P.287-290

Boroffka N., 1998. Bronze- und fruheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumanien und ihre Beziehungen // EA Bd.4. S.81-135

Bökönyi S., 1964. Angaben zur kenntnis der eisenzeitlichen Pferde im Mittel- und Osteuropa // AAH. T.XVI. f.3-4. S.227-239.

Bőkőnyi S., 1968. Data on Iron Age Horses of Central and Eastern Europe // Bull. Amer. School Prehist.Research (Peabody Museum). vol.25. P.3-71

Brudiu M., 1991. Cercetări privind hallstattul din sud-estul Moldovei // SCIVA. T.42. nr.3-4. P.221-239.

Brujako I.V., Novitki E.Jy., 1997. Grădistea Novoselskoe II (Satu Nou II) – un nou complex tracic la Dunărea de Jos // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. T.II. Bucureşti. P.113-168.

Bucovală M., Irimia V., 1971. Cimitirul din sec. VI–V î.e.n. de la Corbu, jud.Constanța // Pontica. T.IV. P.41-56.

Bukowski Z., 1977. The Scuthian influence in the area of Lusatian culture. Warszawa-Wroclaw-Krakow.

Bukowski Z., 1978. Zachodni zasięg oddziaływan tzw. scytyjskich i ich charakter // AP. T.23. fasc.2. P.377-424.

Buzdugan C., 1968. Mormîntul hallstattian descoperit la Recea //Carpica.т.I.P.73-76.

Buzdugan C., 1976. Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României // Cercetări arheologice. T.II. P.239-273.

Buzdugan C., 1980. Riturile funerare ale comunitatilor hallstattiene tîrzii din Moldova // Acta Moldaviae Meridionalis. T.II. Vaslui. P.51-60.

Buzdugan C., Coman Ch., 1977. Pumnale hallstattiene tîrzii descoperite in Moldova // SCIVA. T.28. nr.2. P.239-246.

Cebotarenko Gh.Th., 1997. Cetatea hallstattiană tîrzie de la Hîrtopul Mare // Vestigii arheologice din Moldova/ Chişinău. P.211-220.

Chochorowski J., 1975. Die Frage der skythischen Expansion auf das Gebiet des Karpatenbeckens // AAC. T.15. S.5-30.

Chochorowski J., 1978. Ze studiów nad okresem hallsztackim na ziemiach polskich // AP. T.23. f.2. P.355-376.

Chochorowski J., 1985. Die Vekerzug-Kultur. Warszawa-Krakow.

Chochorowski J., 1987. Rola sigynnow Herodota w srodowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Wegierskiej // PA. vol.34. P.161-218.

Chochorowski J., 1989. Zur Genese und Function der befestigten Siedlungen der Gava-Kultur (ein Diskussionsbeitrag) // Studia nad grodami epoki brazu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Wroclaw-Warszawa-Krakow-Gdansk-Lodz. P.85-97.

Chochorowski J., 1989a. Przemiany kylturowe we wczesnej epoce żelaza na teren-ach płn.-wsch.czesci kotliny Karpackiej // Grupa Tarnobrzeska kultury Łuzyckiej. Rzeszov. P.532-567.

Chochorowski J., 1993. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Krakow.

Chochorowski J., 1996. Problem recepcji elementów kultury antycznej (greckiej) w kotlinie Karpackiej w VI w.p.n.e. (na marginesie dyskusji o genezie tzw. Szarej ceramiki toczonej) // Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedlowi. Kraków. P.115-147.

Chochorowski J., 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Hrsg. B.Hänsel u. J.Machnik. München. S.473-491.

Ciugudeanu H., 1976. Cultura Basarabi pe teritoriul județul Alba // Apulum. T.XIV. P.9-22.

Coja M., 1970. Ceramica autohtona de la Histria (secolele V–I i.e.n.) // Pontica. T.III. P.99-122.

Condurachi E. şi col., 1957. Şantierul arheologic Histria // MCA. vol.IV. P.9-101.

Cook R.M., Dupont P., 1998. East Greek pottery. L. – N-Y.

Crăciunescu G., 1996. La culture Basarabi dans le sud-ouest de l'Oltenie // Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa. Bukarest. P.79-92.

Crişan I.H., 1974. Siebenbürgen in der jüngeren Hallstattzeit (VI.–IV. Jh.v.u.Z.) // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. 25.-29. Septemb., 1970. Smolenice, ČSSR. Bratislava. S.101-124.

Csalog Zs., Kisfaludi J., 1985. Skythenzeitliches Gräberfeld in Törökszentmiklos-Surjan-Ujtelep // AAH. T.XXXVII. S.307-344.

Czopek S., 1993. Die älteste Drechscheibenkeramik aus Südostpolen. Probleme der Kul-

turverhaltnisse in der jüngeren Hallsatt- und frühen Latenezeit // Ber.RGK. Bd.74. S.487-502.

Dani A.H., Khan G.M., Silvi Antonini C., Stacul G., 1983. Jungbronzezeitlich- und früheisenzeitliche Gräberfelder der Swat-Kultur in Nord-Pakistan // Materialen zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd.20. München.

Dietz U.-L., 1995. Pferdegeschirr der frühen Reiternomaden im Römisch-Germanischen Zentralmuseum // Jahr.RGZM 37. Jahrg. 1990. S.415-437.

Dimitriu S., 1966. Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății în epoca arhaica. Săpături 1955-1960 // Histria. T.II. P.19-131.

Domăneanțu K., 1993. Un sanctuare hellenistique du site de Nuntaşi-II (comm. d'Histria, dep. de Constanța) // Dacia. T.XXXVII. P.59-78.

Dumitrescu V., 1968. La nécropole tumulaire du premiere âge du fer de Basarabi (dép.de Dolj, Olténie // Dacia. T.XII. P.177-260.

Dumitrescu V., 1971. L'importance des elements Illyriens dans la civilisation de Basarabi (Hallstatt C) au sud-est de la Roumanie // Actes du VIIe Congress International des sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Prague 1966. Prague. P.858-861.

Dumitrescu V., Vulpe A., 1988. Dacia înainte de Dromihete. Bucureşti.

Dušek M., 1965. Výskum hradiska z mladšej doby halštatskej v Smoleniciach roku 1963 // AR. T.XVII. №4. P.487-495.

Dušek M., 1971. Slovensko v mladšej dobe halštatskej // SA. T.XIX-2. P.423-455.

Dušek M., 1978. Die Thraker im Karpatenbecken. Amsterdam.

Eibner A., 1996. Die Bedeutung der Basarabi-Kultur in der Entwicklung des Osthallstattkreises // Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa. Bukarest. S.105-118.

Eibner A., 1997. Die «Große Göttin» und andere vorstellungsinhalte der östlichen Hallstattkultur // Hallstattkultur im Osten Österreichs. S.129-145.

Fekete M., 1985. Rettungsgrabung früheisenzeitlicher Hügelgräber in Vaskeresztes // AAH. T.XXXVII. f.1-2. S.33-78.

Fekete M., 1986. Beiträge zu den Pontischen Kontakten des früheisenzeitlichen Transdanubien // Thracia Pontica. t.III. Sofia. S.295-310.

Ferenczi S., 1965. Cimitirul «scitic» de la Ciumbrud (part I) // AMN. T.II. P.77-105.

Ferenczi S., 1966. Cimitirul «scitic» de la Ciumbrud (part II) // AMN. T.III. P.49-73.

Ferenczi S., 1967. Cimitirul «scitic» de la Ciumbrud (part III) //AMN. T.IV. P.19-45.

Fettich N., 1934. Der skythische Fund von Gartschinovo // AAH. T.XV. S.28-46.

Florescu A., Rață S., 1969. Complexul de cetății traco-getice (sec.VI–III î.e.n.) de la Stînceşti-Botoşani // Suceava I. Studii şi materiale. P.9-18.

Florescu M., Căpitanu V., 1969. Cercetări arheologice de suprafațe în județul Bacău // AM. T.VI. P.213-275.

Francfort H.-P., 2001. The cultures with painted ceramics of south Central Asia and their relations with the northeastern steppe zone (late 2nd – early 1st millennium B.C.) // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentral-asiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. Zum 1. Vorchristlichen Jahr-tausend. Akten des Internat. Kolloq.Berlin, 23 bis 26 November 1999. Hrsg. R.Eichmann und H.Parzinger. Bonn. S.221-235.

Galantha M., 1982. Előzetes jelentés a Csanytelek-Újhalastó szkítakori temető ásatásáról // Communicationes archeologicae Hungariae. Szeged 1981. vol.24. P.43-58.

Galantha M., 1986. The Scythian Age cemetery at Csanytelek-Ujhalasto // Hallstatt Kolloquium. Veszprem 1984. P.69-77.

Gawlik A., 1998. Znaleziska scytyiskie na Wyżynie Mołdowskiej i Besarabskiej // Studia i materiały. Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego ośrodka archeologicznego. T.XIX. Rzeszów. P.53-79.

Gazdapusztai Gy., 1967. Caucasian relations of the Danubian basin in the Early Iron Age // AAH. T.XIX. P.307-333.

Gedl M., 1971. Die Entwicklung des Hallsatt-Stils in der Lausitzer Kultur // Zeitschrift für Archäologie. T.5. S.1-18.

Gedl M., 1993. Die frühe Eisenzeit in Schlesien // Ber.RGK. Bd.74. S.460-486.

Gergova D., 1987. Früh- und ältereisenzeitliche Fibeln in Bulgarien // PBF. Abt.XIV. Bd.7.

Ginters W., 1928. Das Schwert der Scythen und Sarmaten im Südrußland. Berlin.

Gogîltan F., Ursuţiu A., 1994. The settlement of Basarabi type from Iernuţ, hamlet Sfintu-Gheorghe // The Early Hallstatt period (1200 – 700 B.C.) in South-Eastern Europa. Alba-Julia. P.81-96.

Gotzev A., 1994. Decorations of the Early Iron Age pottery from south-east Bulgaria // The Early Hallstatt period (1200 – 700 B.C.) in south-eastern Europa. Alba-Julia. P.97-128.

Gumă M., 1993. Civilizaţia primei epoci a fierului in sud-vestul României. Bucureşti.

Haheu V., Bikbaev V., 1998. Akinakesul din r-nul Ungheni // Revista arheologică. nr.2. Chişinău. P.160-162.

Hall E.Mark., 1997. Towards an absolute Chronology for the Iron Age of Inner Asia // Antiquity. vol.71. №274. P.863-874.

Hänsel B., 1974. Zur Chronologie des 7. bis 5. Jahrhunderts v.Chr. im Hinterland von Odessos an der westlichen Schwarzmeerküste // PZ. T.49. S.193-217.

Hänsel B., 1976. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. T.1-2. Bonn.

Hind J., 1988. The colonisation of Sinope and the South-East Black Sea Area // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв.до н.э. М-лы IV Всесоюзн. симпоз. по древней истории Причерноморья. Тбилиси. С.207-223.

Iconomu C., 1979. Decouvertes recentes dans l'etablissement hallstattien tardif de Curteni (dep.Vaslui) // Dacia. T.XXIII. P.79-91.

Iconomu C., 1997. Les recherchez archéologiques sur le premier âge du fer dans le département de Iaşi. Résutats et problèmes // Premier âge du fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noire. Tulcea. P.119-137.

Ignat M., 1976. Decouvertes du Hallstatt thrace dans le departement de Suceava // Thraco-Dacica. T.I. P.99-108.

Ignat M., 1978. Necropola tumulară hallstattiană de la Volovăţ – Dealul Burlei // Suceava. T.V. P.107-140.

Ignat M., 1995. Funerary rite and ritual in the Podolo-Bycovinean group in the Late Hallstatt // The 2nd International Symposium of Funerary Archaeology. Tulcea. P.13-19.

Ignat M., 2000. Un nouveau groupe culturel du Hallstatt tardif sur le territoriul de la Roumanie // SAA. T.VII. Iaşi. P.331-344.

Irimia M., 1974. Cercetările arheologice de la Raşova-malul Roşu // Pontica. T.VII. Constanţa. P.75-137.

Irimia M., 1975. Observaţii privind arheologia secolelor VII–V î.e.n. în Dobrogea // Pontica. T.VIII. Constanţa. P.80-114.

Irimia M, Conovici N., 1993. Descoperiri hallstattiene în zona davei getice de la Satu Nou, com. Oltina, jud. Constanţa // Pontica. T.XXVI. Constanţa. P.51-114.

Ivantchik A., 2001. Die archäologischen Spuren der Kimmerier im Vorderen Orient und das Problem der Datierung der vor- und frühskythischen Kulturen // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. Zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internat.Kolloq.Berlin, 23 bis 26 November 1999. Hrsg. R.Eichmann und H.Parzinger. Bonn. S.329-342.

Jablonskij Leonid T., 1994. Early Cattle-Breeders of the South-Aral Sea Area: culture, craniology, language // The archaeology of the steppes. Methods and Strategies. Napoli. P.359-378.

Jerem E.G., 1968. The Late Iron Age cemetery of Szent-Lörinc // AAH. T.XX. f.1-4. P.159-208.

Jevtič M., 1994. Stamped pottery of Insula-Banului type and the beginnings of the Basarabi culture in Serbia // The Early Hallstatt Period (1200 – 700 B.C.) in south-eastern Europa. Alba-Julia. P.129-142.

Jugănaru G., Topoleanu F., 1994. Gropi funerare in aşezarea hallstattiană de la Niculiţel-Cornet (jud.Tulcea) // Istros. T.VII. Brăila. P.71-81.

Kaşuba M., Haheu V., Leviţki O., 2000. Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu // Bibliotheca Thracologica. T.XXXI. Bucureşti.

Kemenczei T., 1977. Hallstattzeitliche Funde aus der Donaukniegegend // FA. T.XXVIII. S.67-90.

Kemenczei T., 1988. Der Pferdegeschirrfund von Fügöd // AAH. T.XL. S.65-81.

Kemenczei T., 1994. Hungarian Early Iron Age metal finds and their relations to the steppes // The archaeology of the steppes. Methods and Strategies. Napoli. P.591-618.

Kemenczei T., 1994a. Pfeilspitzen von Früh-Skythentyp aus Ostungarn // FA. T.XLIII. S.79-96.

Kemenczei T., 1996. Notes on the chronology of Late Bronze Age hoards in Hungary // Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświecona Markowi Gedlowi. Krakow. P.247-279.

Kemenczei T., 1996a. Zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in NW Transdanubien // FA. T.XLV. S.91-129.

Kleemann O., 1954. Die dreiflügeligen Pfeilspitzen in Frankreich // Akad.der Wiss. u. Litt.Mainz. Abhandlungen der Geistae- und Sozialwisseschaften Klasse. Nr.4. Wiesbaden.

Klochko V.I., 1993. Weapons of the tribes of the Northern Pontic zone in the 16th – 10th centuries B.C. // Baltic-Pontic Studies. Vol.1.

Kossack G., 1980. «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa // Situla. №20/21.Ljubljana. S.109-143.

Kossack G., 1987. Von den Anfängen des skythoiranischen Tierstil // Skythika. München. S.24-86.

Kovalev A., 1998. Überlegungen zur Herkunft der Skythen aufgrund archäologischer Daten // EA. Bd.4. S.247-271.

Kromer K., 1959. Das Gräberfeld von Hallstatt. Wien. Bd.1-2.

Kromer K., 1959a. Brezje. Ljubljana.

Krušelnicka L., 1979. Studien zur Besiedlung der Ukrainischen Karpaten und des Karpatenvorlandes zu Beginn der Eisenzeit // AAC. T.19. S.73-96.

Laszlo A., 1989. Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpates // La civilisation de Hallstatt. Liège. P.111-129.

Laszlo A., 1994. Începuturile epocii fierului la Est de Carpați // Bibliotheca Thracologica. T.VI. București.

Levițki O., 1994. Grupul Holerkani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului hallstattiana timpuriu cu ceramica incizată // Relations thraco-illyro-helleniques. București. P.219-256.

Levițki O., 1994a. Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați // Bibliotheca Thracologica T.VII. București.

Levițki O., 1996. Considérations sur les monuments funéraires du Hallstatt tardif sur le territoire de la Moldavie // Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa. Bukarest. S.165-193.

Levițki O., 1998. Considerații asupra monumentelor funerare din perioada hallstattiană tîrzie de pe teritoriul Moldovei // Revista arheologică. Nr.2. Chișinău. P.28-59.

Levițki O., 2002. Lumea tracică și masivul cultural Nord-Pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII–X î.e.n.). Autoref. tezei doctor habil. Chișinău.

Levițki O., Haheu V., 1999. Necropola hallstattiana tîrzie de la Giurgiulești // Studia in honorem Ion Niculiță. Chișinau. P.121-134.

Marinescu G., 1984. Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen // Dacia T.XXVIII. nr.1-2. S.47-83.

Marinescu-Bîlcu S., Renţa E., Matei Gh., 2000. Les recherches archéologiques de sauvetage de Ciulnitza, le département de Ialomitza (1994–1997). Le tumulus I. // Pratiques funeraires dans l'Europe des XIIIe – IVe s. av. J-C. Actes du IIIe Colloque International d'Archeologie Funeraire. Tulcea 2000. P.149-165.

Marton v. L., 1908. Szkíta sírleletek Gyöngyösön // AE. T.XXVIII. P.37-54.

Mateevici N., 1999. Contribuții la cercetarea și studirea materialului ceramic grecesc de la cetatea getică de la Butuceni // Studia in honorem Ion Niculiță. Chișinau. P.177-195.

Mayer E.F., 1977. Die Äxte und Beile in Österreich // PBF. Abt.IX. Bd.9.

Metzner-Nebelsick C., 1998. Abschied von den «Thrako-Kimmeriern»? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpaten-

ländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Hrsg. B.Hänsel u. J.Machnik. München. S.361-422.

Metzner-Nebelsick C., 2000. Early Iron Age Pastoral Nomadism in the Great Hungarian Plain – Migration or Assimilation? The Thraco-Cimmerian Problem Revisited // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. BAR. Intern. Ser.890. P.160-184.

Metzner-Nebelsick C., 2000a. Rez.: U.-L.Dietz. Spätebronze- und früheisenzeitliche Trensen im Nordschwarzmeergebiet und im Nordkaukasus. PBF XVI, 5. 1998 // EA Bd.6. S.569-579.

Mihailescu-Bîrliba V., Untaru I., 1971. Notă despre un nou «akinakes» găsit la Agapia // MA. T.III. P.441-454.

Miroššayova E., 1987. Problematika osídlenia Východneho Slovenska v dobe Halštatskej // SA. T.XXXV. №1. P.107-164.

Mitrea I., 1983. Două morminte din sec.VI–V î.e.n. descoperite la Mileştii de Sus. judeţul Bacău // SAA. T.I. Iaşi. P.59-64.

Mitrea I., 1983a. Deux tombes du VI–V^e siecle av.n.e. decouvertes a Mileşti de Sus le departament de Bacău // Carpica. T.XV. P.117-124.

Morintz S., 1987. Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiana timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. T.VIII. nr.1-2. P.39-71.

Morintz S., Roman P., 1969. Un nou group hallstattian timpuri în sud-vestul României – Insula-Banului // SCIV t.20, nr.3. P.393-493.

Negahban E., 1996. Marlik: The complete Excavation Report. vol.1-2. Philadelphia.

Nicic A., 1999. Sistemele şi ornamentele hallstattiene în stil geometric în Europa de Sud-Est // Seminarul ştiinţific studenţesc de arheologie şi istorie veche. Buletin informativ. ed. a IIa (1998-1999). Chişinău. P.16-26.

Niculiţă I., 1996. Habitatul traco-getic de la Butuceni // Thraco-Dacica. T.XVII. nr.1-2. P.139-167.

Niculiţă I., 1996a. Les Thraces septentrionaux dans l'historiographie des Etats de l'Europe de l'Est: la Moldova, l'Ukraine, la Russie // The Thracian world at the crossroads of civilisations. Bucharest. P.46-71.

Niculiţă I, Teodor S., Zanoci A., 2002. Butuceni. (Monografie archeologică) // Bibliotheca Thracologica. T.XXXVI. Bucureşti.

Niedźvedź J., 1992. Materialy kultury łużyckiej (?) z okresu halsztackiego z południowo-wschodniej Lubelszczyny // Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów. P.155-171.

Niţu A., 1953. Despre unele urme scitice in Moldova // MCA. vol.I. P.1-11.

Oberlander-Tărnoveanu I., 1977/1978. Staţiuni antice pe raza comunei Mahmudia (jud. Tulcea) // Peuce. T.VIII. P.55-76.

Palade V., 1976. Un mormint scitic la Rediu-Vaslui // SCIVA. T.27. nr.4. P.549-557.

Palade V., Ciucă N., 1972. Noi descoperiri scitice în judeţul Vaslui // SCIV. T.23. nr.2. P.285-293.

Parducz M., 1954. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug.II. // AAH. T.IV. P.25-91.

Parducz M., 1958. Szkita tükrök a Karpat-Medenceben // AE. T.85. P.58-64.

Parducz M., 1965. Graves from the Scythian age at Artand (county Hajdu-Bihar) // AAH. T.XVII. P.137-231.

Parducz M, 1966. The Scythian age cemetery at Tapioszele // AAH. T.XVIII. P.35-91.

Parducz M., 1973. Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken // AAH. T.XXV. f.1-2. S.27-63.

Pare Ch.F.E., 1996. Chronology in Central Europe at the end of the Bronze Age // Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500–500 B.C. (Acta Archaeologica vol.67) København. - P.99-120.

Pare C.F.E., 1999. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mit-teleuropa. Teil I. Grundzuge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11-8 Jahrhundert

v.Chr.) // Jahrb.RGZM. 1998. 45. Jahrg.. – S.293-433.

Parzinger H., 1998. Das Gräberfeld von Achmylovo und die relative Chronologie der frühen Anan'ino-Kultur // EA. Bd.4. S.209-245.

Parzinger H., 2001. Südsibirien in der Spätbronze- und Früheisenzeit // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. Zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Inter-nat.Kolloq.Berlin, 23 bis 26 November 1999. Hrsg. R.Eichmann und H.Parzinger. Bonn. S.71-83.

Parzinger H., Nekvasil J., Barth F.E., 1995. Die Byci Skála-Höhle. Ein hallstattzeitlicher Höhlenopferplatz in Mähren // RGF Bd.54. Mainz.

Pârvan V., 1928. Dacia, an outline of the early civilisation of the Carpato-Danubian countries. Cambridge.

Pădureanu E.D., 1990. Noi descoperiri arheologice în aşezarea fortificată de la Păuliş-Dealul Bătrîn, jud.Arad // Thraco-Dacica t.XI, nr.1-2.- P.157-192.

Petrescu-Dîmboviţa M., 1941. Archäologische Forschungsreise im Bezirk Covurului (untere Moldau) // Dacia. T.VII-VIII. 1937-1940. S.427-446.

Petrescu-Dîmboviţa M., 1972/1973. Elemente de caracter iliric în mediul Tracic din Estul României // MA. T.IV-V. P.83-92.

Petrescu-Dîmboviţa M., Dinu M., 1974. Noi cercetări arheologice la Stoicani (jud. Galaţi) // SCIVA. T.25. nr.1. P.71-97.

Podborský V., 1967. Štramberská dýka s křížovým jilcem a otázka rozšíření, púdovu a datování těchto dúk v Evropě // AR. T.XIX. №2. 3.194-223.

Popuşoi E., 1969. Un mormînt hallstattian descoperit la Trestiana-Bîrlad // Carpica. T.2. P.87-92.

Preda C., 1959. Săpăturile de la Alexandria // MCA. T.VI. P.251-263.

Preda C., 1959a. New aspect of early Latene epoch in Dacia discovered at Alexandria // Dacia T.III. P.179-194.

Raţă S., 1966. Cazanul scitic de bronz din secolele VI –V î.e.n. de la Jacobeni-Dîngeni (r.Săveni, reg.Suceava) // AM. T.IV. P.351-353.

Reese D.S., 1989. Treasures from the Sea. Shells and Schell ornaments from Hasanlu IVB // Expedition. vol.31. no.2-3. P.80-86.

Romsauer P., 1991. The earliest wheel-turned pottery in the Carpathian basin // Antiquity. vol.65. H.247-248. P.358-367.

Roska v. M., 1937. Der Bestand der skythischen Altertümer Siebenbürgens // ESA T.XI. S.167-203.

Sandars N.K., 1971. Cimmerians, Phrygians, Achaemenians and south-east Europe // Actes du VIIe Congress International des sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Prague 1966. Prague. P.873-877.

Siegfried-Weiss A., 1979. Zur Dekorsyntax der bemalten Bylaner-Keramik // AR. T.XXXI. no.3. S.265-274.

Simion G., 1992. Geti de la Dunărea de Jos şi civilizaţia lor // Probleme actuale ale istoriei şi universale. Chişinău. P.18-47.

Simion G., 1995. Das Gräberfeld von Ciucurova // Thraco-Dacica. T.XVI. nr.1-2. P.151-170.

Simion G., 1997. Le site de Celic-Dere. Interpretationes ethno-culturelles et implications dans la chronologie du Hallstatt final // Premier âge du fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noire. Tulcea. P.231-235.

Simion G., Lăzurca E., 1977/1978. Aşezarea hallstattiana de la Beidaud – Tulcea // Peuce. T.VIII. P.37-54.

Simion G., Lăzurca E., 2003. Aşezarea hallstattiana de la Beidaud – Tulcea // Culturi antice în zona gurilor Dunării. Biblioteca Istro-Pontică. Ser.Arheologie №5. Tulcea. P.79-98.

Sîrbu V., 1983. Nouvelles considerations generales concernant l'importation des amphores grecques sur le territoire de la Romanie (les VIe – Ier siecles av.n.e.) // Pontica. T.XVI. Constanţa. P.43-67.

Slattery D.J.G., 1987. Urartu and the Black Sea colonies: an economic perspective // AL-RĀFIDĀN. (extract). vol.VIII. P.1-30.

Smirnova G.I., 1993. Zur Frage der thrakischen und illyrischen Komponenten in der Frühhallstattkultur des Vorkarpatenraums // Thraco-Dacica. T.XIV. nr.1-2. S.91-99.

Smirnova G.I., 1998. Din nou despre ceramica cenuşie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu // SCIVA. T.49. nr.1. P.23-37.

Stantchev D., 2000. Warrior burial in the lower course of the Yantra // Tombes tumulaires de l'Age du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. Actes du I^ie^ Colloque International d'Archeologie Funeraire. Tulcea. no.1. P.35-44.

Stegmann-Rajtar S., 1992. Spätbronze- und früheisenzeitliche Fundgruppe des mittleren Donaugebietes // Ber.RGK. Bd.73. S.29-181.

Stöllner T., 1996. Die Hallstattzeit und der Beginn der Latenezeit im Inn-Salzach-Raum // Archäologie in Salzburg. Bd.3/II.

Sulimirski T., 1936. Scitowie na zahodniem Podolu. Lwow.

Sulimirski T., 1954. Scythian Antiquities in Western Asia // Artibus Asia. vol.XVII. n.3-4. P.282-318.

Sulimirski T., 1961. Die Skythen in Mittel- und Westeuropa // Bericht über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Berlin. S.793-799.

Tallgren A.M., 1926. La Pontide prescythique apres l'introduction dex metaux // ESA. T.II.

Teodor S., 1975. Săpăturile de la Cucorăni (jud. Botoşani) // AM. T.VIII. P.121-201.

Teodor S., Nicu M., Ţau S., 2000. Asezarea getodacică de la Poiana, jud.Galaţi. Unelte, arme, piese de harnaşament şi alte obiecte de fier, bronz, lut ars şi piatră // AM T.XXI. P.43-133.

Teržan B., 1990. Starejša železna doba na Slovenskem Štajerskem // The Early Iron Age in Slovenian Styria. Ljubljana.

Teržan B., 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Hrsg. B.Hänsel u. J.Machnik. München. S.511-560.

Tkaciuc M., 1994. Manifestări culturale din sec. V–I a.Chr. // Thraco-Dacica. T.XV. nr.1-2. P.215-256.

Vančugov V.P., Brujako I.V., Sîrbu V, Niculiţă I.T., 1999. Cercetările arheologice de la Novoselskoe – Satu-Nou. Campaniile 1997-1998 // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. T.III. Bucureşti. P.224-277.

Vasič R., 1996. Quelques considerations sur le terme «Basarabi» // Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa. Bukarest. S.15-21.

Vasič R., 1999. Die Fibeln im Zentralbalkan // PBF. Abt.XIV. Bd.2.

Vasiliev V., 1980. Sciţii agatirsi pe teritoriul României. Cluj-Napoca.

Vasiliev V., 1983. Probleme ale chronologiei hallstattului în Transilvania // AMN. T.XX. P.33-57.

Vasiliev V., 1995. Fortificatios de refuge et établissements fortifiés du premier âge du fer en Transylvanie // Bibliotheca Thracologica. T.XII. Bucarest.

Vasiliev V., 1997. De nouveau à propos de quelques aspects concernant la chronologie du premier âge du fer en Transylvanie // Premier âge du fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noire. Tulcea. P.85-91.

Vasiliev V., Zrinyi A., 1987. Aşezarea şi mormintele din prima epocă a fierului de la Chendu (jud.Mureş) // Apulum. T.XXIV. P.91-118.

Vasiliev V., Aldea I.Al., Ciugudeanu H., 1991. Civilizaţia dacică timpurie în aria Intracarpatica o României. Contribuţii arheologice: aşezarea fortificată de la Teleac. Cluj-Napoca.

Vasiliu C., 1933/1934. Un mormânt scitic la Huşi // Arta şi arheologia. Iaşi. T.IX-X. P.18-24.

Vinogradov N.B., Epimakhov A.V., 2000. From a Settled Way of Life to Nomadism. Variants in Models of Transition // Kurgans, Ritual Sites and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. BAR. Intern.Ser.890. P.240-246.

Vinski-Gasparini K., 1973. Kultura polja sa žarama u severnoi Hrvatskoj. Zadar.

Vlassa N., 1961. O contribuţie la problema epocii scitice în Transilvania: cimitirul de la Cipău – «Gară» // Apulum. T.II. P.19-47.

Vulpe A., 1965. Zur mittleren Hallstattzeit in Romänien (Die Basarabi-Kultur) // Dacia T.IX. S.105-132.

Vulpe A., 1967. Necropola hallstattiana de la Ferigile. Bucureşti.

Vulpe A., 1970. Archäologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7 bis 5 Jhr.v.Chr. im Donau-Karpatenraum // MA. T.II. S.115-213.

Vulpe A., 1977. Zur Chronologie der Ferigile-Gruppe // Dacia. T.XXI. S.81-111.

Vulpe A., 1981. Zur Definition und Verbreitung der Basarabi-Kultur // Die ältere Eisenzeit. S.179-188.

Vulpe A., 1984. Descoperirile hallstattiene din zona Aiudului // Thraco-Dacica. T.V. nr.1-2. P.36-63.

Vulpe A., 1986. Zur Entstehung der geto-dakischen Zivilisation die Basarabikultur // Dacia. T.XXX. S.49-90.

Vulpe A., 1990. Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien // PBF. Abt.VI. Bd.9.

Werner W., 1988. Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau // PBF. Abt.XVI. Bd.4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА	– Археологический альманах. Донецк.
АВ	– Археологические вести. СПб.
АВУ	– Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АДУ	– Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИМ	– Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИУ	– Археологические исследования на Украине. Киев.
АМА	– Античный мир и археология. Саратов.
АП УРСР	– Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БС	– Боспорский сборник. М.
ВДИ	– Вестник древней истории.
ВССА	– Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
ДАС	– Донецкий археологический сборник.
ЗВОРАО	– Записки Восточного Отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗОАО	– Записки Одесского археологического общества.
ИАИ	– Известия на археологическия институт. София.
ИАК	– Известия археологической комиссии. СПб.
ИВАД	– Известия на Варненското археологическо дружество.

Изв. ООИА – Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку

ИМФАН – Известия Молдавского филиала АН. Кишинев.

ИНМВ – Известия на народния музей въ Варна.

КСИА – Краткие сообщения института археологии АН СССР. М.

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.

МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Симферополь

МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.М.

ОАМ – Одесский археологический музей.

ПАВ – Петербургский археологический вестник.

ПАЗ – Полтавський археологічний збірник.

ПАП – Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

ПС – Переднеазиатский сборник. М.

ПССАСП – Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников. М.

СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.

ССПіК – Старожитності степового Причорномор"я і Криму. Запоріжжя.

ТДК – Тезисы докладов конференции.

Тр. ГИКМ – Труды Государственного историко-краеведческого музея. Кишинев.

Тр.ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.

Тр. ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.

УКЖ – Український керамологічний журнал. Опішне.

ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь.

ЭО – Этнографическое обозрение. М.

AAC – Acta Archaeologica Carpathica. Krakow.

AAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

AE – Archaeologiai Értesitő.

AM – Archeologia Moldovei. Iaşi.

AMN – Acta Musei Napocensis. Cluj.

AP – Archeologia Polski. Warszawa.

AR – Arheologické Rozhledy. Praha.

Ber.RGK – Berichte der Römisch-Germanischen Komission.

EA – Eurasia Antiqua.

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

FA – Folia Archaeologica. Budapest.

MA – Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamţ.

MCA – Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.

PA – Przegląd Archeologiczny.

PBF – Prähistorische Bronzefunde. München/Stuttgart.

PZ – Prähistorische Zeitschrift. Berlin.

RGF – Römisch-Germanischen Forschungen.

SA – Slovenská Archeológia. Nitra.

SAA – Studia antiqua et archaeologica. Iaşi.

SCIV – Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti.

SCIVA – Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologice. Bucureşti

WA – World Archaeology.